

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Серия “Филология. Социальные коммуникации”

Том 27 (66). № 3

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2014

Редакционный совет журнала**«Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского»:****Багров Н. В.** – д. г. н., проф., академик НАН Украины, (главный редактор)**Шульгин В. Ф.** – д. хим. н., проф. (зам. главного редактора)**Дзедолик И. В.** – д. ф. – м. н., доц. (отв. секретарь)**Члены совета (редакторы серий):**

Бержанский В. Н. – д-р. ф. – м. н., проф.

Богданович Г. Ю. – д-р. филол. н., проф.

Вахрушев Б. А. – д-р. г. н., проф.

Казарин В. П. – д-р. филол. н., проф.

Климчук С. В. – д-р. э. н., доц.

Копачевский Н. Д. – д-р. ф. – м. н., проф.

Подсолонко В. А. – д-р. э. н., проф.

Темурьянц Н. А. – д-р. б. н., проф.

Ротань В. Г. – д-р. ю. н., проф.

Шоркин А. Д. – д-р. филос. н., проф.

Юрченко С. В. – д-р. полит. н., проф.

Редакционный совет серии "Филология. Социальные коммуникации":**Александрова А.В.**, д-р. филол.н., проф.**Богданович Г.Ю.**, д-р. филол.н., проф. (редактор раздела "Социальные коммуникации"),
(bogdanovich@crimea.edu)**Борисова Л.М.**, д-р. филол.н., проф.**Гуменюк В.И.**, д-р. филол.н., проф.**Егорова Л.Г.**, к-т. филологических наук, доц. (ответственный секретарь)**Ищенко Н.А.**, д-р. филол.н., проф.**Казарин В.П.**, д-р. филол.н., проф. (редактор раздела "Филология"), (crch@mail.ru)**Меметов А.М.**, д-р. филол.н., проф.

Новикова М.А., д-р филол. н., проф.

Орехова Л.А., д-р. филол.н., проф.**Петренко А.Д.**, д-р. филол.н., проф.**Прайд Ю.Ф.**, д-р. филол.н., проф.**Ризун В.В.**, д-р. филол.н., проф.**Селендили Л.С.**, к-т. филол.н., доц.(ответственный секретарь выпуска)

(crimeantatarphilology@hotmail.com)

Сидоренко Н.Н., д-р. филол.н., проф.**Ященко Т.А.**, д-р. филол.н., проф.Печатается по решению Ученого совета факультета крымскотатарской и восточной филологии
Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 6 от 26.06.2014 г.

Подписано в печать 30.06.2014. Формат 70x100 1/16. 45,26 усл. п. л. Тираж 500. Заказ № 05/13-УЗ.

Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ. пр. Академика Вернадского, 4, г. Симферополь, 95007

«Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського»

Науковий журнал. Серія "Філологія. Соціальні комунікації". Том 27 (66). № 3

Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, 2014

Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

Надруковано в інформаційно-видавничому відділі Таврійського національного університету
імені В. І. Вернадського. Пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007<http://science.crimea.edu/zapiski/zapis.html>

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИЯ, ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ МИРА

УДК 81-112=512

УЧАСТИЕ КИММЕРИЙЦЕВ И СКИФОВ В ЭТНОГЕНЕЗЕ КРЫМСКИХ ТАТАР

Меметов А. М.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым
E-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com*

В научной работе автор исследует роль, киммерийцев и скифов в этногенезе крымских татар. После тщательного изучения темы автор приходит к следующим выводам:

1. Территория, которую занимала Скифия во времена своего наивысшего расцвета, на юге началась с побережья Крыма и простиралась на север до Северного Ледовитого океана; западной границей Скифии служила р. Дунай (Истр), а на востоке – река Дон (Танаис).

2. На территории Скифии, кроме скифских племён (киммерийцы, тавры, саки, сарматы), проживали также агафирсы, андрофаги, меланхлены, невры и другие подвластные скифам племена. Многие из них имели своих царей и свои территории, границы которых не имели права нарушать без их согласия правители соседних племен даже во времена военных действий.

3. Часть скифов уже в первом тысячелетии до новой эры занималась земледелием и скотоводством. Это – скифы – пахари и скифы-земледельцы. Другая часть скифов вела кочевой образ жизни. Это так называемые царские скифы.

4. Основным продуктом питания у скифов была конина.

5. В Малой Скифии было широко распространено скифско-греческое и греко-скифское двуязычие.

Ключевые слова: колонизация, киммерийцы, тавры, скифы, крымские татары

Постановка проблемы. В глубокой древности тюркские племена и народы проживали на огромных территориях: от северного Китая на востоке до реки Истр (Дунай) на западе, а если рассматривать историю отколовшихся от них групп, то ареал их обитания протянется на запад до Франции, Испании и Британских островов.

В исторической литературе тюркские народы известны под названиями асы, тавры, киммерийцы, саки, массагеты, скифы, сарматы, тавры, киммерийцы, аланы, гунны, готы и др. На основе этих древнетюркских племен сформировались современные тюркские народы: уйгуры, узбеки, турки, казахи, туркмены, каракалпаки, башкиры, чуваша, азербайджанцы, казанские татары, крымские татары, карачайцы, балкарцы, гагаузы, ногайцы, кумыки, якуты, алтайцы, шорцы, хакасы, тувинцы и др. Они и сейчас занимают приблизительно те же территории, которые тысячелетиями принадлежали их предкам.

В последние триста с лишним лет историю тюркских народов переписали до неузнаваемости. Их предков: скифов, сарматов, аланов, роксолан без всяких на то оснований стали причислять к ираноязычным племенам и тем самым попытались стереть историческую память тюрков. Искажение подлинной истории тюркских народов происходило на государственном уровне. Если и находились среди интелли-

генции отдельные ученые, которые как-то пытались восстановить историческую справедливость, то на них сразу же набрасывалась вся «академическая рать», которая различными приемами пыталась дискредитировать осмелившихся выступить против устоявшихся взглядов. Дискредитации в свое время подверглись известный казахский писатель Олжас Сулейменов, доктор исторических наук Л.Н. Гумилев, Мурад Аджи и многие другие.

Дело дошло до абсурда: крымских татар, имеющих в Крыму более 2500-летнюю историю, стали называть пришельцами, проникнувшими в Крым вместе с монгольскими завоевателями в XIII веке. Эта ложная концепция широко распространяется как в периодической печати, так и в серьезных научных изданиях типа БСЭ.

Крым, на территории которого сформировался крымскотатарский народ (кырым халкы «крымский народ»), благодаря своему географическому положению, богатству и разнообразию природных условий с глубокой древности (не позднее I-го тысячелетия до н. э.) был заселен оседлыми и полукочевыми племенами. Они смешивались друг с другом, входили в контакты с вновь прибывшими кочевниками, которые, частично оставаясь в завоеванной стране, переходили постепенно от кочевого к оседлому быту, включались в его культуру, как стоящую на более высокой ступени, принимали его язык, забывая свой, входя новым слагаемым в издревле происходивший этногенетический (народообразующий) процесс.

История и этногенез крымских татар до сих пор не были предметом серьезных историко-филологических исследований. Однако целый ряд работ историков, археологов, антропологов, языковедов, а в последние годы и врачей, в той или иной степени затрагивают данные проблемы в связи с решением других основных задач. К числу этих работ относятся труды древнегреческих и римских авторов (Геродота, Страбона, Птолемея, Плиния, Аммиана Марцеллина, Филосторгия, Приска, Иордана, Прокопия из Кесарии и др.), а также средневековых и более поздних путешественников и современных ученых (Эвлия Челеби, В. Д. Смирнова, В. Х. Кондораки, Г. Радде, В. В. Радлова, Н. А. Аристова, А. И. Маркевича, Ю. А. Кулаковского, А. А. Куника, А. Н. Бернштама, А. Л. Якобсона, З. Ш. Навширванова, А. Н. Самойловича, К. М. Мусаева, Л. Н. Гумилева, А. Плетневой, М. И. Артамонова, А. А. Щепинского, Э. А. Томпсона, В. Е. Возгрина и др.).

Для выяснения истории и этногенетического процесса крымских татар мы попытаемся кратко изложить историю заселения Крыма с древнейших времен на основе работ вышеуказанных авторов и других доступных нам источников на тюркских и персидском языках.

Самыми древними обитателями Крыма и всего Северного Причерноморья, известными нам по ассирийским, аккадским и другим античным источникам, были киммерийцы, скифы, тавры, сарматы, саки, аланы, готы, гунны и другие племена.

О пребывании **киммерийцев** в Крыму впервые упоминает Гомер в «Одиссее»: «Закатилось солнце, и покрылись тьмою все пути, и судно наше достигло пределов глубокого океана. Там народ и город людей киммерийских, окруженные мглой и тучами; и никогда сияющее солнце не заглядывает к ним своими лучами - ни тогда, когда восходит на звездное небо, ни тогда, когда с неба склоняется назад к земле, но

непроглядная ночь распростерта над жалкими смертными» (ВДИ, 1947, №1. С.281 - 282). Анализируя этот отрывок, следует отметить, что киммерийцы Гомера обитали на морском побережье и жили в городе. А это значит, что они не все были дикими кочевниками, как утверждают об этом некоторые античные авторы, а вслед за ними повторяют и отдельные современные исследователи, ибо наличие города свидетельствует об определенном уровне цивилизации данного народа.

Родственные киммерийцам племена достаточно четко указываются в работах античных авторов. Так, Евстарий в своих объяснениях к «Одиссее» Гомера, писал: «Эти киммерийцы, или скифы – кочевники, придя из западных областей океана, разграбили храм Аполлона в Дельфах. Вследствие этого поэт поносит их, как живущих во мраке». (ВДИ, 1947, №1. С.285). И далее: «Арриан же говорит, что скифское племя киммерийцев, поднявшись со своей родины и вредя всем встречающимся на пути, дошло до Вифинии». (Там же, 292). В комментариях к «Землеописанию» Дионисия Евстарий отмечал: «Тавром он здесь называет другую гору, не тот восточный Тавр (Уральские горы – А.М.), о котором будет сказано ниже, а северную часть того Тавра, у подошвы которой живет скифское племя киммерийцев» (ВДИ, 1948, №1. С.245).

Ценные сведения о киммерийцах содержатся в Киевском синопсисе, впервые опубликованном в 1674 году: «Цимбры (т.е. киммерийцы) родство свое имеют от старейшего сына Афетова Гомора, от негоже наперва нарицахся Гоморы, Гречески именовашася Кимеры или Цимблеры; потом прозваны бяху Цимры. Размножившеся по родом своим, инии седоша в полях диких, инии над Доном и Волгою реками, инии над Бугом рекою, инии над Днепром, над Десною, Сосною, и над иными реками, инии над Чёрным морем, идеже Очаков, Крым, Перекоп, над озером Меотис; инии же седоша, идеже Волынь, Подолье, Подлясье, Жмудь и Литва. Ибо от тех же Цимбров и Литовский народ изыйде. От тогожде Цимбрийскаго народа изшедшии людие по временем наречены бяху, инии Готами, Епидами, прочии Половцами, Ятвягами и Печенегами. Но все тии Цимбры народы воинские, мужественны...» (Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674. – М., 2006. – С.62).

При изучении этнической и языковой принадлежности киммерийцев мнения исследователей разошлись. В свое время их причисляли к фракийцам, кельтам, германцам, кавказцам. Теперь эти гипотезы признаны необоснованными.

Изучив этимологию слова *киммерийцы*, Ю. Н. Дроздов пишет: «Принадлежность киммерийцев к тюркскоязычному народу надежно подтверждается их этнонимией. Корневой основой этнотермина «*киммериец*» является формант «*киммер*». С позиций тюркского языка его можно разделить на составные части так: *ким* – *мер*. Первая составляющая *ким* – это древнетюркское слово *kimī* (*кими*) «лодка, судно». Вторая составляющая *мер* – это несколько искаженное слово *мар*, которое является фонетическим вариантом слова *бар* «есть, имеется». Исходное название было *кимбар* / *киммар* с буквальным переводом «имеющие лодки» или «обладающие судами». В другом фонетическом варианте этого этнотермина – «*кимбры*», корневой основой является формант «*кимбр*». На составные части его можно разделить так: *ким* – *бр*. Первая составляющая *ким* – это, как и в предыдущем случае, корневая основа древнетюркского слова *kimī* (*кими*) «лодка, судно», а вторая составляющая *бр*

– это слово *бар* «есть, имеется» без огласовки. Исходный вариант этого этнотермина, как и в предыдущем случае – *кимбар*. В варианте названия «*кимвры*», вторая составляющая этого этнотермина – *вр* является фонетическим, безогласовочным вариантом слова *бар* «есть, имеется» (Дроздов, 2011. С.81).

Современные исследователи считают, что киммерийцы исчезли бесследно. Однако, Прокопий из Кесарии был другого мнения. Описывая народы, обитавшие в районе «Меотийского болота», Прокопий отмечал: «... народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утигурами» (Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 384). Далее он продолжает: «В древности великое множество гуннов, которых тогда называли киммерийцами, занимало те места, о которых я недавно упоминал, и один царь стоял во главе их всех. Как-то над ними властвовал царь, у которого было двое сыновей, один по имени Утигур, другому было имя Кутригур. Когда их отец окончил дни своей жизни, оба они поделили между собой власть, и своих подданных каждый назвал своим именем. Так и в мое время они именовались одни утигурами, другие кутригурами.» (Там же. С. 385). Здесь Прокопий прямо указывает, что в древности гуннов называли киммерийцами, а в его время – утигурами и кутригурами. У тюркских народов обычай передачи имени вождя всем подвластным ему племенам существует издревле. Так, тюркские племена, возглавляемые Узбек-ханом, получили этноним «узбеки». Огузо-сельджукские племена, возглавляемые Осман-пашой, получили этноним «османцы» (ныне - турки). В Киевском синопсисе также сохранилась ценная информация о том, что потомками киммерийцев являются в основном тюркоязычные гунны, готы, половцы и печенеги. Далее будет сказано о том, что часть гуннов, готов, половцев и печенегов вошла в состав сформировавшегося в Крыму крымскотатарского народа. Ничего в этом мире не исчезает бесследно, если этого кто-то сильно не пожелает.

Территория Крыма, где сформировался крымскотатарский этнос, с древнейших времен входила в состав Скифии, описанию которой посвящена более половины четвертой книги «Истории» Геродота. Описывая территорию, занимаемую скифами, Геродот сообщает: «Страна скифов представляет собой богатую травой и хорошо орошаемую равнину. По этой-то стране протекает почти столько же рек, сколько каналов в Египте....Прежде всего, это Истр (совр. р. Дунай – А. М.) с пятью устьями, затем Тирас (совр. р. Днестр – А.М.), Гипанис (совр. р. Буг – А.М.), Борисфен (совр. р. Днепр – А.М.), Пантикап, Гипакирис (совр. р. Берда – А.М.), Герр, Танаис (совр. р. Дон – А.М.)...

Итак, по сообщению Геродота, Скифия занимала территорию современной Украины, европейской части России, а в периоды своего наивысшего расцвета ее границы простирались на север до Балтийского моря, которое, по мнению известного историка XII века священника Гельмольда (Helmold), называлось Скифским, так как по берегам его жили скифские племена вместе с местным аборигенным населением. Гельмольд в своем сочинении «Славянская хроника» - «Chronicon Slavorum» писал: «Море это простирается от Западного океана к востоку и Балтийским называется потому, что тянется длинной полосой, подобно поясу, через земли скифов до самой Греции...» (Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. С.33). Возможно, скифы называли море Балтийским в связи с тем, что по своей форме оно похоже на бое-

вой, ладьевидный топор скифов (топор по-скифски, так же как и по-тюркски, называется *балта*).

Мнения ученых об этнической и языковой принадлежности скифов разделились на две противоположные точки зрения. Одна группа исследователей, утверждает, что скифы были ираноязычными. Причем эта точка зрения приняла статус устойчивой аксиомы. В своей работе «Осетинский язык и фольклор» В. И. Абаев находит некоторые соответствия между скифскими и осетинскими словами и на этой основе он формулирует такой вывод: «Тем не менее, в каждом разделе нашего очерка – в лексике, фонетике, словообразовании – мы получили некоторую сумму положительных, твердых и бесспорных данных, которые не могут быть поколеблены никакими будущими изысканиями и открытиями. Эти данные характеризуют скифский язык как иранский язык, обладающий чертами своеобразной и хорошо выраженной индивидуальности» (Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М. – Л., 1949. С. 239).

Другая группа ученых и специалистов уверены, что скифо-сарматские народы были тюркоязычными. О том, что потомками скифов являются тюркоязычные народы, неоднократно писали ученые, историки, дипломаты, общественные и политические деятели, церковные служители до XVIII века.

Так, итальянец Альберт Кампензе в своем письме к папе Клименту VII, написанному в 1523 или 1524 году, сообщает: «Скифы, ныне называемые Татарами, народ кочевой и с давних времен славящийся своим воинственным характером» (Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. Т. 1. С. 24).

Посланник английской королевы Джильс Флетчер, описывая крымских татар в 1591 году, отмечал: «Это тот же самый народ, который греки и римляне называли иногда скифами номадами, или скифами пастухами» (Джильс Флетчер. О государстве русском. М., 2002, 109).

Венецианский посол Марко Фоскарино в своем «Донесении о Московии», описывая окружающие Московию народы в середине XVI века, сообщал: «К востоку живут Скифы, которые называются ныне Татарами; о характере их, как и всех других народов, вы узнаете ниже» (Донесение о Московии второй половине 16 века // Императорское общество истории и древностей Российских. М., 1913. С. 4).

Михалон Литвин в 1550 году писал: «Хотя татары (tartar) считаются у нас варварами и дикарями, они, однако, хвалятся умеренностью жизни и древностью своего скифского племени, утверждая, что оно происходит от семени Авраама, и они никогда ни у кого не были в рабстве, хотя иногда бывали побеждены Александром, Дарием, Киром, Ксерксом и другими царями и более могущественными народами» (Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 62).

Французский капитан Жак Маржерет в своей книге о Московии в 1607 году писал: «Словом «скифы» еще и сегодня называют татар, которые прежде были повелителями России...» (Россия начала XVII века. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 141).

В Киевском синопсисе, опубликованном в 1674 году, говорится: «Савромации, или Сармации страна есть вся в тойже Европе, третьей части Света, жребия Афето-

ва, обаче сугуба есть: едина Скифска, идеже ныне сидят Скифы или Татары... » (Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674. – М., 2006. – С. 53).

Чешский иезуит Ирджи Давид в 1690 году сообщал: «Несомненно, что скифы и сарматы, часть которых впоследствии стала называться татарами, своих правителей, стоявших во главе орды (нечто вроде трибы), называли не иначе, как «сар» » (Ирджи Давид. Современное состояние Великой России или Московии // Вопросы истории. – № 1, 1968. – С. 131).

Следовательно, все указанные выше авторы считают, что потомками скифов являются татары, т.е. тюркские народы. Однако, часть современных археологов, руководствуясь мнением лингвистов, археологические культуры периода скифов и сарматов относят к ираноязычным племенам. А лингвисты-иранисты, для подтверждения своей теории, ссылаются на выводы археологов.

Для того, чтобы разорвать этот порочный замкнутый круг, необходимо провести комплексное сравнительное исследование хозяйственной деятельности, образа жизни, быта, материальной культуры, питания, одежды, верований и похоронных обрядов древних скифов, тавров, киммерийцев и некоторых средневековых и современных тюркских и иранских народов, так как это может предоставить дополнительные сведения для восстановления путей формирования крымскотатарского этноса, иногда подтверждая известные теории, а часто опровергая установившиеся взгляды и внося новые данные в историю этого народа. Древнегреческие историки и географы отмечали, что скифы доили кобылиц, пили кумыс, ели мясо, при этом предпочтение отдавали конине. Из злаков больше всего выращивали и употребляли в пищу просо. Так, Геродот сообщает, что скифы пьют молоко кобылиц. После доения молоко выливают в полые деревянные чаны. Затем взбалтывают молоко. Верхний слой отстоявшегося молока, который они снимают, ценится более всего, а снятым молоком они менее дорожат (Геродот. VI. 2). Страбон пишет: «...скифское племя...употребляло в пищу не только мясо вообще, но в особенности конину, а также сыр из кумыса, свежее и кислое молоко; последнее, особым образом приготовленное, служит у них лакомством. Вот почему Гомер называет всё население этой части света «галактофагами» (Страбон. География. Кн. VII. С. 284).

По сообщению Геродота, скифы-пахари и скифы-земледельцы сеют хлеб, выращивают лук, чеснок, чечевицу и просо, при этом скифы-пахари сеют хлеб не для собственного употребления в пищу, а на продажу.

А теперь рассмотрим чем питались и какие хлебные злаки сеяли степные (северные) и горно-прибрежные крымские татары. Благодаря записям путешественников, купцов, послов и учёных хорошо прослеживаются все изменения, происходившие на протяжении веков в хозяйственной деятельности, образе жизни и материальной культуре жителей Крыма.

В 1394 году баварец И. Шильтбергер писал, что жители степной полосы Крыма из хлебных растений сеют одно только просо, не едят хлеба и не пьют вина, которое у них заменяется лошадиным и верблюжьим молоком. Кроме молока питаются и мясом этих животных (Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Америке с 1394 по 1427 год // Записки Императорского Новороссийского университета. Т. I. Вып. 1-2. Одесса, 1867. С. 55).

Посол венецианской республики в Персии А.Контарини, проезжая через степной Крым в 1473 году, отмечал, что во время военных походов для своего пропитания татары резали лошадей. Основной их пищей было лошадиное молоко и мясо. Очень распространено было пшено, которое варили, а затем заливали кислым молоком, и эту смесь высушивали на солнце. Мясо после разделки туши никогда не мыли, так как считали, что оно теряет свои вкусовые качества. Одну часть туши оставляли для варки, а другую зажаривали. При варке маленькими прутиками снимали пенку. Из мёда готовили хмельной напиток (Путешествие Амвросия Контарини. Посла светлейшей Венецианской Республики к знаменитому персидскому государю Узун-Гассану, совершённое в 1473 г. // Библиотека иностранных писателей о России. Т.1. СПб., 1836. С. 90-91).

Посол польского короля к Крымскому хану Мухаммеду Гирею П М.Броневский в 1578 году отмечал, что татары питались кониной, верблюжатиной и бараниной. Знатные и богатые употребляли хлеб и сладкие хмельные напитки. Простолюдины хлеба не знали и вместо него употребляли молотое пшено, разведённое водой и молоком. Все пили кобылье молоко и сыворотку (Описание Крыма Мартина Броневского// ЗООИД. Одесса, 1867. Т.VI. Отд. 2. С. 356). Далее он пишет, что татары на войне ели конину (копчёную, вяленую или сушёную, очищенную от костей и порезанную на мелкие кусочки – «какач», их возили с собой в мешке). В мирное время ели говядину, кобылий сыр, молоко и кумыс, а также разведённое в воде, толчённое или молотое, поджаренное пшено (Описание Крыма Мартина Броневского// ЗООИД. Одесса, 1867. Т.VI. Отд. 2. С. 360).

В 1625 году Доминиканский монах Жан де Люк писал о кочевавших в степях Крыма «перекопских татарах», что они едят хлеб, но мало, и много лошадиного мяса, в меньшей степени мясо домашних животных. Деликатесом для них считалось мясо жеребёнка, которым на пирах угощали гостей. Из хмельных напитков пили «кумыс» (chimus) из кислого кобыльего молока. Очень была распространена и «буза» (boza) - белого цвета жидкость, приготавливаемая из грубого помола просяной муки, настаивавшейся на воде путём брожения (Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, менгрелов и грузин Жана де Люка, монаха Доминиканского ордена, 1625. Пер. и пред. П.Юрченко//ЗООИД. Одесса, 1879. Т. 11. Отд.3.С.477).

Перфект Кафы Дортелли д'Асколи писал в 1634 г., что в обыденной жизни татары, кочевавшие в степях Крыма, «не сеют и не жнут, но питаются полусырым мясом, преимущественно кониной, и пьют кобылье молоко..., а иногда бузу и не знают даже что такое хлеб». А горно-прибрежные татары пашут и сеют, и едят обыкновенный пшеничный хлеб (Описание Чёрного моря и Татари, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи перфект Кафы, Татари и проч. (1634 //ЗООИД. – Одесса, 1902. Т. XXIV. – С.130).

Известный турецкий путешественник Эвлия Челеби, посетивший Крым в 1666-1667 годах, в своей книге «Сеяхат-наме» - «Книга путешествий» писал: «Всю их (крымских татар) пищу составляют лошади, верблюды и быки...Там (в Крыму) ежедневно режут по три тысячи овец, двести быков, сорок-пятьдесят коней, сорок-пятьдесят верблюдов...Мясо ягнят считается невкусным и татарский народ его не ест. Покупая же конину, они ссорятся и могут даже погибнуть. Потому что конина

даёт силу и способствует пищеварению, это полезное мясо». (Эвлия Челеби, 2008. С.239). Далее он продолжает : «Все татарские учёные, праведники и падишахи едят лошадиное мясо» (Эвлия Челеби, 2008. С.28).

Описывая сельскохозяйственную деятельность крымских татар в XVII веке, Эвлия Челеби отмечал, что сеют они большей частью просо, потому что одно *киле* проса в этих краях даёт сто-сто десять *киле*. Кроме проса крымские татары выращивают шесть видов зерновой пшеницы «деве диши» - «зуб верблюда» (имеется ввиду крупная пшеница – А.М.), один вид чёрного ячменя, четыре *окка* которого не может съесть одна лошадь. Одно *киле* зерна даёт пятьдесят киле (ЭвлияЧелеби.2008.С.113).

Все цитированные нами выше авторы отмечали, что самым любимым кушаньем крымских татар была конина, которая имеет множество вариантов приготовления – бастурма, казы, суджук и т.п. Следует заметить, что конина всегда была основной, наиболее важной частью рациона кочевых тюркских и монгольских народов Азии. В настоящее время конина широко употребляется в Казахстане, Киргизии, Татарстане, Якутии и Монголии. Среди иранских народов конина не употребляется. В англоязычных странах на конину табу – в Великобритании, Ирландии, США, Канаде. Также её не едят цыгане, жители Бразилии и Индии. Конина не употребляется и в Испании, несмотря на то, что страна является крупным экспортёром как живых лошадей, так и их мяса. В арабских странах конину можно употреблять в пищу, но не рекомендуется. По религиозным причинам мясо лошадей запрещено для евреев.

Таким образом, конина была и остаётся национальным блюдом в основном тюркских и монгольских народов, которые на протяжении многих тысячелетий проживали на огромных территориях начиная с Северного Китая на востоке до Дуная (р. Истр) на западе; с Северного Ирана на юге до Ледовитого океана на севере. Все эти территории исторически занимали предки тюркских народов – киммерийцы, скифы, сарматы, саки, массагеты, тавры, гунны, акациры и другие.

Как известно, одежда представляет собой одну из самых значимых сторон материальной культуры любого народа.

Изучая костюм крымских татар, Л.И. Рославцева пишет, что: « ...он (костюм) формировался на фоне образования двух основных субэтнических групп, изначально связанных с территорией обитания - степной и горно-прибрежной (часто разделявшейся на горную и южнобережную, и далее на подгруппы). Эти две группы прошли разные пути развития, создав и два типа материальной культуры. Следы сложной истории их образования мы видим и на примере костюма» (Рославцева Л.И. Крымские татары. М., 2008. С.211).

Сравнивая, к примеру, найденный в восточной части Крыма (район Боспорского царства) пояс из скифских погребений, относящийся к V- III вв. до н.э., с поясами горно-прибрежных крымских татар XIX века, Л.И. Рославцева обнаружила их явное сходство по ряду особенностей: кожаная основа, трёхслойность, узор, повторяющий на горно-прибрежных поясах форму нашивавшихся на «скифские» пояса металлических бляшек (Рославцева Л.И. Крымские татары. М., 2008. С.211). Данное сходст-

во также свидетельствует об исторической преемственности частей одежды скифов и крымских татар.

Выводы и перспективы: Суммируя всё сказанное о скифах, можно сделать следующие выводы:

1. Территория, которую занимала Скифия во времена своего наивысшего расцвета, на юге начиналась с побережья Крыма и простиралась на север до Северного Ледовитого океана («там, где с неба падают белые перья», т.е. снег); западной границей Скифии служила р. Дунай (Истр), а на востоке – река Дон (Танаис).

2. На территории Скифии, кроме скифских племён (киммерийцы, тавры, саки, сарматы), проживали также агафирсы, андрофаги, меланхлены, невры и другие подвластные скифам племена. Многие из них имели своих царей и свои территории, границы которых не имели права нарушать без их согласия правители соседних племен даже во времена военных действий. Следовательно, Скифия представляла собой конфедерацию скифских и нескифских племён, которые на региональном уровне имели большие права. Об этом свидетельствует отказ царей агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов и тавров выступить сообща против общего врага – армии Дария. Подобная конфедерация не могла долго противостоять военизированным централизованным государствам типа Римской империи.

3. Часть скифов уже в первом тысячелетии до новой эры занималась земледелием и скотоводством, вела оседлый образ жизни, выращивала просо, пшеницу, лук, чеснок и чечевицу. Это – скифы – пахари и скифы-земледельцы. Значительную часть собранной пшеницы они продавали южным соседям – грекам. Другая часть скифов вела кочевой образ жизни. Это так называемые царские скифы. Они не сеяли и не пахали, а разводили лошадей, овец, крупный рогатый скот. Возможно, эти скифы и были передовым отрядом всех скифов. Они участвовали в сражениях против соседних государств, а также собирали дань со своих оседлых соплеменников.

4. Основным продуктом питания у скифов была конина. Они доили кобылиц, пили лошадиное молоко, делали из него кумыс, сыры и другие лакомства. Ели скифы и просо, предварительно поджарив и размолов, а затем залив лошадиным, козовым или овечьим молоком.

5. В Малой Скифии было широко распространено скифско-греческое и греко-скифское двуязычие. Часть греков говорила на греческом и скифском языках. Это современные урумы, которые в настоящее время полностью забыли свой родной греческий язык и общаются на этнодиалекте крымскотатарского языка. Возможно, из-за знания греками скифского языка до нас дошли названия этнонимов тюркских племён с незначительными фонетическими изменениями (басил, бастар, тавр, киммер, сувар, акацир и др.).

6. Часть скифских племён, проживавших за пределами Малой Скифии, была ассимилирована к X в. н.э. местными прибалтийскими племенами. Другая часть скифов, которая на своём пути в Азию в 722-715 гг. до н.э. разгромила государство Урарту, расположенное на территории современной Турции, затем Ассирию, Мидию, Лидию, дойдя до восточного побережья Средиземного моря была также ассимилирована местными автохтонными племенами. Об этом свидетельствуют скифские (тюркские) лексические элементы, которые обнаружили исследователи в шу-

мерском языке. Скифы, проживавшие на Европейской части России, вошли в этнический состав башкир, татар и чувашей.

7. Прямыми потомками скифов, проживавших в Крыму, являются крымские татары степной и предгорной части Крыма, создавшие свою субэтническую культуру. Об этом свидетельствуют сравнительные лингвистические и экстралингвистические исследования – образ жизни, питание, верования, одежда, способы захоронений.

Литература

1. Словарь иностранных слов: [Под ред. Ф.Н. Петрова: словарь иностранных слов] – М.: Советская энциклопедия, 1964. – 784с.
2. Страбон. ГЕОГРАФИЯ в 17 книгах [Кн. VII, III] – М.: «Ладомир», 1994.
3. Плиний Старший. Естественная история. Кн. IV.87.
4. Страбон. ГЕОГРАФИЯ в 17 книгах [Кн. VII, IV] – М.: «Ладомир», 1994.
5. Геродот. История в девяти книгах – Ленинград: «Наука», 1972.

Меметов А. М. Участь киммерійців і скіфів в етногенезі кримських татар / А. М. Меметов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 3–13.

У науковій роботі автор досліджує роль киммерійців і скіфів в етногенезі кримських татар. Після ретельного вивчення теми автор приходить до наступних висновків:

1. Територія, яку займала Скіфія в часи свого найвищого розквіту, на півдні починалася з узбережжя Криму і простягалася на північ до Північного Льодовитого океану; західним кордоном Скіфії служила р. Дунай (Істр), а на сході - річка Дон (Танаїс).

2. На території Скіфії, крім скіфських племен (киммерійці, таври, саки, сармати), проживали також агафірси, андрофаги, меланхлени, неври та інші підвладні скіфам племена. Багато з них мали своїх царів і свої території, межі яких не мали права порушувати без їх згоди правителі сусідніх племен навіть у часи воєнних дій.

3. Частина скіфів вже в першому тисячолітті до нової ери займалася землеробством і скотарством. Це - скіфи - орачі і скіфи - землероби. Інша частина скіфів вела кочовий спосіб життя. Це так звані царські скіфи.

4. Основним продуктом харчування у скіфів була конина.

5. У Малій Скіфії було широко поширене скіфсько-грецька і греко-скіфська двомовність.

Ключові слова: колонізація, киммерійці, таври, скіфи, кримські татари.

Memetov A. M. Participation of Cimmerians and Scythians in Crimean Tatars' ethnogenesis / A. M. Memetov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 3–13.

In a scientific paper, the author explores the role of Cimmerians and Scythians in the ethnogenesis of the Crimean Tatars. After a thorough study of the topic, the author comes to the following conclusions:

1. Scythia Territory during its heyday occupied the territory from the Crimean coast in the south and extends north to the Arctic Ocean; western boundary of Scythia was river the Danube (Istres), and in the east – River Don (Tanais).

2. On the territory of Scythia, in the Scythian tribes (Cimmerians, Sakas, Sarmatians) also lived Agathirs, Androthags, Melankhlens and other subordinate to Scythians tribes. Many of them had their own kings and their territory whose boundaries nobody does not have the right to violate without their consent rulers of neighboring tribes, even in times of hostilities.

3. Some Scythians in the first millennium BC was engaged in farming and animal husbandry, led a sedentary life, grew millet, wheat, onions, garlic and lentils. This - the Scythians – plowmen and Scythian farmers. A significant portion of harvested wheat they sold to southern neighbors - Greeks. Another part of the Scythians led a nomadic life. This is the so-called Royal Scythians.

4. Staple food of the Scythians was horse meat. They milked the fillies, drank milk, made cheeses and other delicacies. Scythians ate millet, pre-fry it and grinding, and then bay horse, cow or sheep milk.

5. In Scythia Minor was widespread Scythian-Greek and Greek-Scythian bilingualism. Some Greeks spoke Greek and Scythian languages.

Keywords: colonization, Cimmerians, the Scythians, the Crimean Tatars.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 811.512.155

ОБ ОТНОШЕНИИ ШОРСКОГО ЯЗЫКА К КЫПЧАКСКИМ ТЮРКСКИМ ЯЗЫКАМ

Мусаев К. М.

**Национальная академия наук Республики Казахстан
E-mail: kenesmusa@rambler.ru**

Лексика шорского языка состоит из слов, характерных в основном для восточных кыпчакских, а также центральных кыпчакских языков с незначительным составом фонетических отличий: al- ‘брат’, kel- ‘приходить’, rīg ‘один’ и т.д. Ее основу составляет кыпчакский фонд. К заимствованиям более древнего периода относятся монголизмы, характерные также для соседних языков. Персидские и арабские заимствования идентичны с таковыми других территориально близких кыпчакских языков. После колонизации Шории Россией большой поток слов вошел и продолжает прибывать из русского языка.

Ключевые слова: тюркские языки, шорский диалект.

Постановка проблемы. Среди тюркских языков шорский язык относится к весьма мало исследованным. Научное изучение его происходило как бы «сам в себе». В то же время он представляет интересный материал для сравнительного исследования, особенно - с кыпчакскими языками, представители которых территориально находятся в соседстве с ним и недалеко от него.

Современное официальное его название - «шорский язык». Кроме него в русскоязычной литературе, в которой существуют сведения о нем, существовало много названий у маленького народа - носителя этого языка - шорцев: «шоры», «абинцы», «абалары», «кондомцы», «мрасцы», а также обилие татаризованных наименований - с добавлением слова «татары», по традиции пришедшие к нам от невежественных чиновников российских колониальных администраций: «мрасские татары», «черневые татары», «кондомские татары», «мрасские и кондомские татары», «кузнецкие татары», «томско-кузнецкие татары». Как известно, эти чиновники называли «татарами» множество и других тюркских народов.

По переписи населения России 2002 года шорцев 13108 человек в Кемеровской обл. По переписи населения СССР 1989 г. из общего количества 16,7 тыс. шорцев 9,4 тысяч человек родным языком признали шорский. Более 94% шорцев свободно владеют русским языком. Происходит языковая ассимиляция — русификация. Из русского языка проникают вместе с обильной лексикой многие его закономерности в фонетике, ранее не свойственные шорскому и вообще тюркским языкам.

Носители шорского языка живут на севере Кузнецкого Алатау вдоль берегов реки Томь и её левых притоков - Кондома и Мрасс. Эти территории близки к границам республик тюркских народов Алтай и Хакасия, поэтому и происходят постоянные контакты языков этих народов. Еще в 70- годах многие шорцы называли родным языком хакасский.

Шорский язык используется в основном в быту в общении между шорцами.

Письменность на базе русского алфавита введена в конце 20-х годов 20 века, в 1930-1938 годах вместе с другими тюркскими языками использовался унифициро-

ванный латинский алфавит. С 1938 года язык снова пользуется вместе с другими тюркскими языками СССР русским алфавитом. Приняты все знаки русского алфавита кроме буквы ё. Добавлены новые буквы для обозначения отсутствующих в русском языке специфических гласных фонем шорского языка: *ö, ü*, согласной *нъ*. Буквы *я, ю* используются для обозначения шорских звуко сочетаний *йа, йу*, буквы *г, к* наряду с *з, п* пользуются для обозначения специфических шорских согласных *γ, q*.

Считается, что шорский язык имеет два диалекта: кондомский *j* диалект, в котором также имеются много элементов от центральных и восточных кыпчакских языков: *ary* 'туда', : *qojan* 'заяц' и мрасский *z* диалект: *qozan, aara*, специфика второго диалекта возникла под влиянием контактов с хакасским языком. Диалекты делятся на условные говоры с незначительными отличиями. В диалектах некоторые аффиксы подверглись значительным фонетическим изменениям, например, причастия: *čatqan > čayān > čuγān > čan > čun*.

Литературный язык был установлен на базе мрасского диалекта в конце 20 годов 20 века вместе с принятием Нового алфавита. На нем издается художественная литература

Фонетика

В языке исследователями выделяются 8 классических нормальных гласных фонем: *a, e, o, u, ö, y, i, ü*, а также соответствующие им восемь долгих гласных фонем: *aa, ee, oo, uu, öö, yy, ii, üü*, — всего 16 гласных фонем. Выделение долгих гласных фонем вызывает сомнения и споры из-за точно с научной достоверностью не доказанности их фонематичности. Так называемые «долгие» гласные возникают вторично в устной речи как результат произносительных норм. Они на самом деле представляют собой позиционные явления в устной речи при произнесении написанного слова: *kebee < kebe+ge* 'к лодке', *püün < pügün < po+kün* 'сегодня'. В подобных примерах и в других кыпчакских и тюркских языках, в устной речи в интервокальной позиции выпадает *g, γ* через спонтизацию; *paγur > paar* 'печень', в этом слове в интервокальной позиции через ступень спонтизации выпадает *γ*. Подобное явление характерно для многих тюркских языков, однако не является фонематичным.

Согласные — общекипчакские. В шорских исконных словах употребляются: *b, g, γ, d, ž, z, j, k, q, l, m, n, ŋ, p, r, s, t, č, š*. Некоторые, употребляемые только в русских заимствованиях фонемы также считаются шорскими фонемами: *v, f, x, c, šš* (в, ф, х, ц, щ). К ним, по мнению некоторых исследователей, прибавляются еще русские мягкие фонемы, которые также употребляются только в русских заимствованиях: *l', d', t', r'* в словах *культура, тетрадь, январь* и т.д.

Гармония звуков по палатальности и положению губ соблюдается как в центральных кыпчакских языках.

Палатальная гармония характерна для звуков шорских слов, как гласных, так и согласных. Основа слова при аффиксации подчиняет себе фонетические варианты аффиксов, что в письменной речи выражается в выборе соответствующего гласного в составе аффикса..

Губная гармония менее развита, как в центральных кыпчакских языках, в этом шорский отличается от восточных кыпчакских языков.

Гармония согласных проявляется при аффиксации: после конечных глухих согласных следуют аффиксы с начальным глухим, после конечных гласных и звонких и сонорных — звонкие согласные.

Закономерности употребления и изменения звуков в начале и конце основ в основном такие же, как и в других кыпчакских языках. Для начала шорских слов характерен глухой согласный *p*, который в других языках соответствует *b*. шор. *per-* 'давать', в казахском *ber*, вместе с тем в нем весьма часто в устной речи ассимилятивно употребляется *per: aityp per-* 'рассказывать кому-то'.

Стечение согласных в начале слов не допускается, в конце слова возможно стечение сонорного и глухого согласного: *tört* 'четыре', *qaralt-* 'чернить'.

Выпадение узких гласных при аффиксации — явление, свойственное также для многих кыпчакских языков: *orun* 'место', *ornum* 'мое место'; *kelin* 'невестка', *kelni* 'его, её невестка'.

Некоторые явления озвончения глухих согласных являются спецификой шорского языка, они напоминают алтайский язык: *it* 'собака', *idi* 'его собака'; *paš* 'голова', *pažu* 'его, её голова'.

Ударение динамическое, силовое, как и в других кыпчакских языках, обычно падает на конечный слог слова. Вместе с тем, имеются некоторые аффиксы, которые находясь в конце слова, не принимают ударения на себя, например, аффикс отрицания глагола *-ta*. Подобные аффиксы не пропускают ударение через себя, таким образом, ударение оказывается не на последнем слоге. Это явление характерно и для других кыпчакских языков.

В морфологии части речи и их грамматические и семантические категории не отличаются от других кыпчакских языков. Как и в других кыпчакских языках, главные именные части речи функционально близки между собой: имена существительные часто выполняют функции прилагательных, а последние синтаксически могут замещать функции наречий.

Имена существительные делятся на два класса слов: 1) человек, обозначение которого отвечает на вопрос *kim?* 'кто', и все остальные предметы и явления, несмотря на одушевленность или неодушевленность, которые отвечают на вопрос *ne?* 'что?'

Словообразование существительных происходит главным образом путем аффиксации. Аффиксы словообразования идентичны с данными других кыпчакских языков. Наиболее продуктивные аффиксы те же, что и в других кыпчакских языках: *-čy/-či*: *ajmaq* 'село', *ajmaq-čy* 'гость'; *čol* 'путь, дорога', *čol-da-š* 'спутник'; *yγ/-ig*: *sat-* 'продавать', *sad-yγ* 'торговля, продажа'; *-yš/-iš/-uš/-üš/-š*: *püdür-* 'строить, создавать', *püdür-üş* 'строительство'.

Аналитический способ менее употребителен: *ada* 'отец', *ene* 'мать', *ada-ene* 'родители'; *pel* 'поясница', *paγ* 'завязка', *pel+baγ* 'поясной ремень'.

Словоизменяемые категории имен существительных те же четыре, что и в других тюркских языках.

Некоторые имена существительные, обозначающие собирательные названия, могут выражать помимо единственного числа и множественное число. Аффикс множественного числа имеет согласно закону гармонии гласных и согласных звуков фонетические варианты: *-tar/-ter/-lar/-ler/-nar/-ner*.

Категория и аффиксы принадлежности имеют те же формы, что и в других кыпчакских языках с небольшими фонетическими отличиями.

Семипадежное склонение существительных и субстантивированных имен происходит по общим правилам кыпчакских языков, с одинаковыми аффиксами, как при простом, так и притяжательном склонении (в скобках даны отличительные формы притяжательного склонения).

Осн. *Ө* - нулевая форма имен

Род. *-tyŋ/-tiŋ/-dyŋ/diŋ/-nyŋ/-niŋ*

Вин. *-ty/-ti/-dy/-di/-ny/-ni (-n)*

Инстр. *-pa/-be/-ba/-be/-ma/-me*

Напр. *-qa/-ke/-ya/-ge (-na/-ne/-a/-e)*

Мест. *-ta/-te/-da/-de (-nda/-nde)*

Исх. *-taŋ/-teŋ/-daŋ/-deŋ/-naŋ/-neŋ*

Категория лица-сказуемости имен также имеет соответствующие аффиксы других кыпчакских языков с некоторыми своими фонетическими особенностями. Для образования отрицательной формы, как и в кыпчакских языках, используется служебный элемент *ebes* (в других языках *emes*).

Имена прилагательные как часть речи имеют свои сформированные особенности. Существуют качественные, как правило, непроизводные и относительные - производные. Они имеют кыпчакскую усилительную форму: *ap-aq* 'белый-пребелый', *sap-saryu* 'совершенно желтый'. Имеются те же словообразовательные модели, как и в других кыпчакских языках: *čaj+yu* 'летний', *quru+y* 'сухой'. Значение отсутствия признака часто выражается словами *čoq* 'нет, отсутствует', *ebes* 'не': *pulut čoq tegri* 'безоблачное небо', *mözüik ebes tay* 'невысокая гора'.

Наречия в основном представляют собой произведенные в тюркских языках относительно поздно синтетическим и аналитическим способами от имен существительных. «Застывшие» формы древнего инструментального падежа *aj+un* 'месяцами', *erte+n* 'утром', *ana+ŋ* 'потом', *quš+un* 'зимой'; *keč+e* 'вчера'; формы некоторых падежей, включая современный инструментальный: *tüni+be* 'всю ночь'; сложные слова: *püün <pu+kün* 'сегодня',

Количественные числительные - общетюркские: *pir* 'один', *ijgi* 'два', *üš* 'три', *tört* 'четыре', *peš* 'пять', *alty* 'шесть', *četti* 'семь', *segis* 'восемь', *toγus* 'девять'. В отличие от многих тюркских языков, названия десятков от шестидесяти по девяносто образуются прибавлением к соответствующим единицам названия десятки. Десятки: *on* 'десять', *čegirbe* 'двадцать', *odus* 'тридцать', *quruq* 'сорок', *elig* 'пятьдесят', *alton* 'шестьдесят', *četton* 'семьдесят', *segizon* 'восемьдесят', *toγuzon* 'девяносто'; *čüs* 'сто', *muŋ* 'тысяча'. Более крупные числа (кроме 'десяти тысяч' *tümön* в древних памятниках и некоторых современных языках), как и во всех тюркских языках, обозначаются международными названиями *миллион*, *миллиард*, *триллион*.

Другие разряды числительных образуются общетюркскими аффиксами: порядковые *-čy/-či/-nčy/-nči*; разделительные — посредством аффикса исходного падежа: *ijgenen* 'по два'; собирательные: *-la/le*: *ijgele* 'по два, вдвоем'.

Местоимения личные: ед.ч. *men* 'я' *sen* 'ты' *ol* 'он, она, оно'; мн.ч. *pis* 'мы' *siler* 'вы' *ylar* (начальный узкий гласный в разговорной речи может выпасть) 'они'. Указатель-

ные местоимения, как и в других тюркских языках, обозначают близкий: *po* 'этот, эта, это', мн.ч. *ponar* 'эти', или более отдаленный предметы: *ol, tigi* 'тот, та, то', мн.ч. *anar, tigiler* 'те, упомянутые'. Вопросительные: *kem?* 'кто?' *ne, noo?* 'что:', *qaj?* 'который?' Они также служат основой для образования других вопросительных местоимений.

Глагол имеет те же категории и их формальное выражение как в других кыпчакских языках.

В словообразовании существуют те же модели и аффиксы, которые характерны и для кыпчакских языков. Преобладает синтетический способ глаголообразования. Основным аффиксом, образующим глаголы от имен, как и в других тюркских языках, является *-la/-le*: *ezer* 'седло', *ezer-le* 'седлать'; другие аффиксы: *-a*: *tus* 'соль', *tuz-a* 'солить'. Образование из других именных частей речи: *-k*: *pir* 'один, одна, одно', *pir-ik* 'объединяться'; *qysqa* 'короткий', *qysqa-r* 'укорачиваться', *köp* 'много', *köp-sün* 'считать за много, преувеличивать'.

Категория наклонения имеет те же разряды, что и в кыпчакских языках, с некоторыми фонетическими отличиями.

Глагольная основа, не осложненная другими формами наклонения и времени в любом залоге (нулевая форма залога), как и в других тюркских языках, представляет форму и значение повелительного наклонения второго лица единственного числа: *per* 'дай'. Третье лицо повелительного наклонения выражается общекипчакским аффиксом *-syn/-sin/-zyn/-zin*. Условное наклонение имеет общетюркский аффикс *-sa/-se/-za/-ze*. Желательное наклонение образуется общекипчакским аффиксом *-qaj/-kej/-yaj/-gej*. Сослагательное наклонение образуется аналитическим способом – сочетанием основного глагола с аффиксом *-ar/-er/-r* и служебного глагола *edi*: *par-ar edim* 'я бы пошел'.

Изъявительное наклонение, как и в других тюркских языках, объединяет множество форм, обозначающих три грамматические времена. Основные, наиболее употребительные формы прошедшего времени те же, и с теми же значениями, что и в кыпчакских языках: *-ty/-ti/-dy/-di* прошедшее определенное; *-qan/-ken/-yan/-gen* – давнопрошедшее; *-ptyr/-ptir* – прошедшее неопределенное-неочевидное. Особенность шорского языка – наличие форм: прошедшего многократного на *-čaŋ/-čeŋ*; прошедшего длительного на *-čytqan* (<*žat*+*qan*); прошедшего неосуществленного (отрицательной формы не имеет) *-qalaq/-kelek/-yalaq/-gelek*.

Настоящее продолженное время обладает аффиксом *-ča* (<*čat*): *ürgen-ča-m* 'я учусь в данный момент'. Отрицательная форма образуется своеобразно, приведенный аффикс приобретает отрицательную форму причастия: *-teen* + *ča*: *ügren-teen-čam* 'я в данный момент не учусь'. Аффикс *-čat-tyr* выражает настоящее неочевидное время: *tur-čattyр* 'оказывается, он стоит'.

Будущее время ограничено формой на *-ar/-er*: *bar-ar-ym* 'я пойду, поеду'. При отрицательной форме *-r*, как и в кыпчакских языках, переходит в *-s*: *bar-ba-s-syn* 'ты не пойдешь, не поедешь'.

В служебных частях речи, хотя слов немного, язык имеет свои фонетические и лексические отличия.

Служебные имена, как и в других тюркских языках, обозначают пространственную ориентацию: *alt* 'низ', *soŋ* 'конец' и т.д., они употребляются в основном в пространственных падежах и выполняют функции послелогов.

Послелогии: *šeni* 'подобно'; *üčün* 'за, для, ради, из-за', *soŋ*, *kijin* 'после', *tebe* 'по направлению к', *peere* (<*bir+ge*) 'с'; некоторые образованы от служебных имен посредством аффиксов пространственных падежей: *alt+ynda* 'под', *ištinde* 'внутри', *orñu+na* 'вместо', от глаголов: *bol+yaš* 'через'.

Союзы: *paza* 'и, еще', *ebeze* 'или', *teze* 'а'.

Модальные слова: *čee* 'подтверждение',

Частицы: вопросительная *-pa/-pe/-ba/-be/-ma/-me*; *-čy/-či* 'разве', *la/le/na/ne* 'только, лишь', *-oq* 'также'.

Междометия подобны кыпчакским: *a* 'о', *ej!* 'призыв', *paj-paj* 'удивление'.

Синтаксис словосочетания, порядок членов в предложении, строй простого предложения, семантические типы предложений не отличаются от других кыпчакских языков: *Peš kiži üjge kir keldi* 'пять человек вошли в дом'. Сложное предложение по преимуществу образуется бессоюзным способом, поскольку союза как таковых в языке нет. В образовании сложноподчиненного предложения как и в других кыпчакских языках, активно участвуют синтетические формы: условного наклонения: *Sen qyurzan, men uyun odurarym* 'Если (когда) ты будешь читать, я буду слушать'; причастий на *-qan*, *-r* в формах пространственных и инструментального падежей; деепричастий: *-p*, *-a*.

Лексика шорского языка состоит из слов, характерных в основном для восточных кыпчакских, а также центральных кыпчакских языков с незначительным составом фонетических отличий: *al-* 'брат', *kel-* 'приходить', *pir* 'один' и т.д. Ее основу составляет кыпчакский фонд. К заимствованиям более древнего периода относятся монголизмы, характерные также для соседних языков. Персидские и арабские заимствования идентичны с таковыми других территориально близких кыпчакских языков. После колонизации Шории Россией большой поток слов вошел и продолжает прибывать из русского языка.

Когда-то классификаторами была высказана мысль о том, что шорский язык — совершенно не исследованный в сравнительном плане, тем не менее является ближайшим родственником хакасского языка. По традиции это мнение продолжает оставаться доминирующим.

Некоторые тюркологи стали пользоваться неопределенным термином «южно-сибирские языки», куда относят шорский язык вместе с хакасским и тувинским, иногда сюда включают и алтайский язык.

Отличие шорского языка от других кыпчакских языков — в фонетике и реже в лексике. Фонетические соответствия могут определить нередко специалисты по сравнительной фонетике, например, шор. *mözük* в других тюркских языках соответствует *bujuk/bijik* 'высокий'.

Сильному влиянию хакасского языка подвергся мрасский диалект, на базе которого шорской интеллигенцией был определен литературный язык. Кондомский диалект со своими чертами *-j-* - *qojan* 'заяц', *qojruq* 'хвост' и т.д. претерпел незначительную хаканизацию через литературный язык, хакасский язык это — сильно об-

новленный кыпчакский язык, вместе с тем он сохранил кыпчакскую базу. Таким образом, в основе шорского языка лежит мощный кыпчакский пласт, на который наложались впоследствии другие элементы. По показателям основных параметров его можно отнести к восточной ветви кыпчакских языков.

Литература

1. Амзоров М.П. Грамматика шорского языка. Новокузнецк. 1992.
2. Бабушкин Г.Ф. О шорской диалектологии // Вопросы диалектологии тюркских языков, Фрунзе, 1968.
3. Бабушкин Г.Ф., Донидзе Г.И. Шорский язык // Языки народов СССР. т. 2, Тюркские языки. М., 1966.
4. Вербицкий В.И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.
5. Донидзе Г.И. Шорский алфавит // Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР. М., 1972.
6. Донидзе Г.И. Шорский язык // Языки мира. Тюркские языки. М. «Индрик», 1997.
7. Донидзе Г.И. Шорский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия. т. III. М., 2005.
8. Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М. – Л., 1940.
9. Курпешко-Таннашева Н.Н., Апонькин Ф.Я. Шорско-русский и Русско-шорский словарь Кемерово, 1993.

Мусаев К. М. Про відношення шорської мови до кыпчакським тюркським мов / К. М. Мусаев // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 14–20.

Лексика шорської мови складається із слів, характерних в основному для східних кыпчакських, а також центральних кыпчакських мов з незначним складом фонетичних відмінностей: al - 'брати', kel - 'приходити', ріг 'один' і т.д. Її основу складає кыпчакський фонд. До запозичень більш давнього періоду відносяться монголізми, характерні також для сусідніх мов. Перські й арабські запозичення ідентичні з такими ж іншими територіально близьких кыпчакських мов. Після колонізації Шорії Росією великий потік слів увійшов і продовжує прибувати з російської мови.

Ключові слова: тюркські мови, шорський діалект

Musayev K. M. About the relation of Shor language to Kipchak Turkic languages / K. M. Musayev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 14–20.

Shor language vocabulary consists of words which are specific mainly for the eastern Kipchak and central Kipchak languages with minor phonetic composition differences: al - "take", kel - "to come", pir - "one", etc. It is based on the Kipchak lexical fund. Borrowing of more ancient period mongolisms is typical for neighboring languages. Persian and Arabic borrowings are identical with other geographically close Kipchak languages. After colonization of Shoria by Russia the large flow of words came and continues to proceed from the Russian language. Once classifiers suggested that the Shor language is completely unexplored in comparative terms, however it is the closest language relative to Khakassian language. By tradition, this point of view stays dominant.

Some Türkologists began to use vague term "South Siberian languages ", which include the Shor language with Khakas and Tuvan, sometimes the Altai language is also included.

Shor language differs from other Kipchak languages in phonetics and less differs in lexis. Phonetic matching can often be identified by specialists in comparative phonetics, for example Shor word "mözüк" in other Turkic languages corresponds "bujuk/bijik" (high).

Strong influence of Khakassian language occurred on the Mrass dialect, on which basis the Shor intelligentsia created literary language.

Keywords: Turkic languages, Shor dialect.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 316.776

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ

Исхаков Р. Л.

Институт гуманитарных наук и искусств, Академия энциклопедических наук

Системные проблемы общества очень часто находят выход именно в форме межнациональной напряженности. «Нужно всегда помнить, – писал В. В. Путин, – что существует прямая зависимость между нерешенными социально-экономическими проблемами, пороками правоохранительной системы, неэффективностью власти, коррупцией и конфликтами на национальной почве. Если посмотреть на историю всех недавних межнациональных эксцессов – практически везде мы обнаружим этот “спусковой крючок”» [4]: в одном ряду с Кондапогой, Манежной площадью В. В. Путин (тогда еще кандидат в Президенты РФ) упомянул и уральский поселок Сагру.

В качестве инструмента реализации Стратегии на федеральном уровне может рассматриваться *государственная программа*. Правительство Свердловской области 24 декабря 2013 г. уже приняло постановление № 1605-ПП «Об утверждении комплексной программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России, проживающих в Свердловской области» на 2014–2020 годы, в основу которой положены и результаты научных исследований уральских ученых.

Над теоретическим осмыслением путей реализации ОЦП могла бы работать специально созданная научная группа медиаисследований этнической идентичности «Этноинфо».

Ключевые слова: межэтнические коммуникации, Средний Урал.

Постановка проблемы. Системные проблемы общества очень часто находят выход именно в форме межнациональной напряженности. «Нужно всегда помнить, – писал В. В. Путин, – что существует прямая зависимость между нерешенными социально-экономическими проблемами, пороками правоохранительной системы, неэффективностью власти, коррупцией и конфликтами на национальной почве. Если посмотреть на историю всех недавних межнациональных эксцессов – практически везде мы обнаружим этот “спусковой крючок”» [4]: в одном ряду с Кондапогой, Манежной площадью В. В. Путин (тогда еще кандидат в Президенты РФ) упомянул и уральский поселок Сагру.

Свердловская область – один из субъектов крупнейшего в мире многонационального государства – 17 января 2014 года торжественно отметили 80-летие со дня создания. В регионе постоянно проживают представители более 150 национальностей.

В Свердловской области приняты указы Губернатора «Об утверждении Основных направлений национальной политики в Свердловской области» (3 сентября 1996, № 335), «О мерах по реализации национальной политики Свердловской области» (23 сентября 2002 года, № 618). Разработана Концепция миграционной политики Свердловской области, создан областной миграционный центр. Утвержден и более 10 лет действует Консультативный совет по делам национальностей во главе с Губернатором Свердловской области [5]. Работает областная межнациональная библиотека, в которой создан банк электронной информации «Народы России». Действует областной Дом фольклора.

23 сентября 2002 г. указом губернатора утвержден праздник – День народов Среднего Урала. В ноябре 2007 г. в Екатеринбурге впервые прошел форум народов Среднего Урала. Основной формой содействия государственных органов развитию национальных культур является государственная областная целевая программа «Культура Среднего Урала».

Предпринимаются организационные меры по координации деятельности - указ Губернатора Свердловской области № 618-УГ от 5 декабря 2013 г. относит к ведению заместителя главы регионального кабинета министров и вопросы межнациональных и межконфессиональных отношений. И, вместе с тем, как отмечают в Администрации Губернатора Свердловской области, «сегодня в области информационное поле таково, что практически не освещает национальную тему» [2:53].

Индифферентность массово-коммуникативной сферы к теме межэтнических коммуникаций мы связываем не только с тем, что на Урале – «опорном крае державы» – сохраняется относительный мир между населяющим его народами.

Во-первых, еще сильны традиции трусоватой «оглядки» при выборе публицистических тем. Научное исследование темы межнациональных отношений отечественными исследователями в XX веке было затруднено по двум причинам.

Прежде всего, сам предмет изучения – этническое, политизированно понимаемое как национализм, – был нелегитимен. Для советской науке вплоть до конца 1980-х тема была табуирована ст. 58 УК РСФСР 1926 года, затем ст. 70 УК РСФСР (в редакции Закона РСФСР от 25 июля 1962 года). Имеющая ярлык «националистической» тема национальной прессы была для исследователей небезопасной. В новом Уголовном кодексе РФ появились правовые новеллы – статьи 280 “Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности” и 282 “Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства”. Появился и первая практика правоприменения.

Второй причиной было официальное признание того, что якобы «национальный вопрос, доставшийся от прошлого, в Советском Союзе был успешно решен» [3:43].

Во-вторых, не выработаны достаточные научно выверенные рекомендации по освещению межнациональных отношений, кросс-культурных коммуникаций.

Перья журналистов сдерживают не только сами авторы, но и вступивший в действие Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности». Введенная им в 2007 году практика составления Федерального списка экстремистских материалов – своего рода *Index librorum prohibitorum* (Индекс запрещенных книг) [6, 7] – ждет своего аналитика.

Нет сомнений, что необходима теория бóльшей объясняющей силы, которая видится нам в синергичном объединении научных школ и их представителей. При Уральском государственном университете в самом начале XXI в. был создан Уральский межрегиональный институт общественных наук (МИОН). В рамках темы Уральского МИОН «Толерантность в современной цивилизации» были определены 10 приоритетных направлений исследований

За годы работы МИОН вокруг этой проблемы удалось объединить ученых самых различных общественных наук: философов, международников, журналистов,

религиоведов, культурологов, филологов, психологов, исследователей гендерных отношений, педагогов и пр. Достигнутые научные результаты, ставшие добрым заделом для дальнейших исследований, отражены в публикациях МИОН, предназначенных для всех интересующихся проблемами толерантности в межэтническом взаимодействии.

Отдельные итоги изучения межнациональных отношений можно сделать, проводя библиометрический анализ издаваемых на Среднем Урале научных журналов.

Благодатную основу для эмпирической базы нашего библиометрического анализа предоставили составители библиографического указателя «Известия Уральского государственного университета»: указатель содержания». Библиографический указатель представляет собой роспись содержания 97 номеров журнала за 1920-2011 гг. Он содержит 2567 названий научных статей, права на которые принадлежат 1908 авторам [1:210-262].

Изучение de visu библиографического указателя позволило выявить на страницах «Известий УрГУ» 38 статей непосредственно на темы межнациональных отношений; они составляют 1,5 % общего журнального контента.

Перспективы изучения межнациональных отношений на Среднем Урале детерминированы выходом результатов научных исследований в образовательные практики департаментов Института гуманитарных наук и искусств УрФУ, которые в свою очередь связаны с выполнением Указа Президента России № 1666 от 19 декабря 2012 г. «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Документ убедительно показывает включенность средств массовой информации в реализацию государственной национальной политики.

Выводы и перспективы. В качестве инструмента реализации Стратегии на федеральном уровне может рассматриваться *государственная программа*. Правительство Свердловской области 24 декабря 2013 г. уже приняло постановление № 1605-ПП «Об утверждении комплексной программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России, проживающих в Свердловской области» на 2014-2020 годы, в основу которой положены и результаты научных исследований уральских ученых.

Над теоретическим осмыслением путей реализации ОЦП могла бы работать специально созданная научная группа медиаисследований этнической идентичности «Этноинфо».

Литература

1. Алфавитный список авторов см. «Известия Уральского государственного университета»: указатель содержания, 1920-1923, 1995-2011 – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 210 - 262
2. Плясунова М. Ю. Состояние дел и проблемы в области национальной политики на региональном уровне на примере Свердловской области. // Этнический фактор в процессе социальных трансформаций. Материалы междунар. науч. – практич. конф. 29-30 сентября 2004. – Екатеринбург, 2004. – 53 с.
3. Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. – М., 1986. С. 43.
4. Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012, 23 января [Электронный ресурс] URL http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html

5. Указ Губернатора Свердловской области от 23 сентября 2002 года, № 618-УГ.
6. Hilgers J. Der Index der verbotenen Bücher / J. Hilgers. – Freiburg, 1904
7. Reusch F. H. Der Index der verbotenen Bücher Bd 1-2/ F. H. Reusch. – Bonn, 1883-1885

Исхаков Р. Л. Підсумки та перспективи вивчення міжетнічних комунікацій на середньому Уралі / Р. Л. Исхаков // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 21–24.

Системні проблеми суспільства дуже часто знаходять вихід саме у формі міжнаціональної напруженості. «Потрібно завжди пам'ятати, - писав В. В. Путін, - що існує пряма залежність між не вирішеними соціально-економічними проблемами, вадами правоохоронної системи, неефективністю влади, корупцією і конфліктами на національному ґрунті. Якщо подивитися на історію всіх недавніх міжнаціональних ексцесів - практично скрізь ми виявимо цей “спусковий гачок”» [4]: в одному ряду з Кондапогой, Манежній площею В. В. Путін (тоді ще кандидат у Президенти РФ) згадав і уральське селище Сагро.

Автор вказує у статті, що в якості інструменту реалізації Стратегії на федеральному рівні може розглядатися державна програма.

Ключові слова: міжетнічні комунікації, Середній Урал

Ishakov R. L. Results and prospects of interethnic communication in the Middle Ural study / R. L. Ishakov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 21–24.

Systemic problems of society are very often found in the form of output of cross-ethnic tensions. "We must always remember - Vladimir Putin wrote - that there is a direct relationship between the unresolved social and economic problems, defects of law enforcement, government inefficiency, corruption and conflicts on ethnic grounds. If you look at the history of all of the recent cross-ethnic incidents - almost in every case we find this “trigger” [4] in the same row with Kondapoga and Manege Square”, Vladimir Putin (thereat presidential candidate) and mentioned about the Ural village Sugra.

As a tool for implementation of the Strategy at the federal level it can be considered a state program. On 24 December, 2013 Sverdlovsk Region Government passed a resolution № 1605-PP "On approval of the comprehensive program", “Strengthening the unity of the Russian nation and the Russian ethno-cultural development of the peoples living in the Sverdlovsk region” on 2014-2020 years, which is built on the results of researches by Ural scientists. Above the theoretical comprehension of ways to implement CGO could work specially created research group of ethnic identity Media Research “Etnoinfo”.

Keywords: cross-ethnic communication, Middle Ural.

Поступила в редакцію 03.03.2014 г.

УДК 930.85

THE POLITICAL RELATIONS BETWEEN IRAN & EUROPE DURING THE MONGOLS PERIOD

Alireza Karimi, Mahdi Nasiri

University of Tabriz, Iran

E-mail: alireza.karimi.46@gmail.com

In the history of Iran after the arrival of Islam, the relations between Iran and Europe are started from the Mongols period. At this time, the ambassadors were sent to the courts of the great Mongol khans in China and the Mongol Ilkhans in Iran by Europeans regarding to the concerns about the Mongol invasion to Europe and because of their need for military support from them in their wars with the Muslims over the Holy Land by the hope of spreading Christianity in the East, as well. Also, the Mongols sent their ambassadors to the courts of the Popes and kings of Europe for commercial reasons by the hope of getting help from them against Mamluks dynasty of Egypt and even may be interests in Christianity. Even though, these efforts were led to the development in the trade and cultural relations, but they did not have practical results in the political and military relations.

Keywords: Political relations, Mongol, Iran, Europe, Mamluk, Egypt

Research on the relations between Iran and Europe in the Mongol era is the subject of this article. Europe has been paid more attention in the East world. The reason for this attention has been significant progress in various eye-catching aspects of life in Europe. Everyone knows that the roots of this development are in the transition period in which we know at the end of the Middle Ages. Mongol invasion of Iran is about the late of Middle Ages. Also, we know about six hundred years before the Mongol invasion, Iran had no its own political and geographical identity. So, for the first time, historical borders in Iran were revived after the Mongol invasion and especially after the establishment of the Ilkhanid dynasty. Therefore, the study of relations between Iran and Europe in the Mongol period is important. Backgrounds were created for further evolutions in Europe along with the Mongol invasion of Iran. Although apparently a religious approach predominantly seemed in the Europe's foreign policy, but other influential elements were gradually being panached. Trade was more important for Europe, especially in some areas of Europe like republics of the Italian peninsula and Byzantine, the remnants of the ancient Roman Empire. Attention to this point is one of our concerns in other research. We are looking forward to finding the key elements in the relations between Iran and Europe. Of course, some of these elements were different among Europeans with Iranians. We do not discuss about commercial and religious elements in this article. This research is focused on political and military relations between Iran and Europe.

The following questions are the main focus of this research:

What were the political priorities in the relationship between Iran and Europe?

What is the importance of these priorities in Iran and Europe?

What efforts were made to achieve these priorities by Iran and Europe?

Were these efforts ended in achieving successful result or not?

Political Relations

Enthusiasm of Europeans and Mongols were not in an amount to establish a relationship with each other. Europeans had the desire to establish a relationship with the Mongols politically for two main reasons. The first, which was a huge fear of heavy assault troops Ögedei Khan to Eastern Europe, was created in the hearts of all Europeans. So, this huge fear led European rulers to obtain greater understanding of this powerful and frightening enemy. Hence, they hoped in this way may be more able to repel Mongols possible attacks. Therefore, after the Mongol invasions of Eastern Europe, John of Plano Carpini was sent in Jan 1245 to the court of the Mongol Khan by pope. He was commissioned to deliver Pope's Letter to the Great Khan of the Mongol. Also he had a mission to gather the necessary information from the Land of the Mongols.¹ Recently, Ögedei Khan died when he reached the court of the Great Khan. He was obliged to wait until the election of a successor by the Quriltai. The Quriltai session was set up and was elected the next Khan. Karpini was present in the Quriltai.² Karpini gave Pope's Letter to new Khan, Güyük Khan. In this letter, Pope *Innocent* IV had asked from the Mongol ruler who gave up killing the Christians. Also, he had stated his wishes for peace. Meanwhile, he had asked the Mongol intentions and future actions.³

Initially, the Mongols did not need to create a relationship with Europeans, but they thought via relationship with Europeans could encourage them to surrender and obedience. They wanted to send and receive ambassadors and letters their news conquests to reach the ears of European sovereigns and in this way they are intimidated and would be forced to surrender. Güyük in a letter which was sent to Pope by Karpini, asked him to accept that the Mongols should conquer the whole world the will of God and it is better for him and the other kings of Europe to be submitted.⁴

Mongols were somewhat interested in using Europe's military assistance against new enemies. Messengers of Ilchiktai into the king of France Louis IX asked him that when Mongols would be engaged in the siege of Baghdad in the future, it is better for him and other European kings to attack to Mamluks and to prevent them from helping to Baghdad.⁵

After the death of Güyük, Oghul Qaimish managed the empire temporarily. At this time, Louis IX sent Andre Long Jumeau to the court of the Great Khan. He was admitted by Oghul Qaimish. But she was ill-treated by the ambassador. She threatened the king of Franc to military attack. A little bit later, Möngke Khan came to power. He reprimanded her for this behavior.⁶

¹ Chehrazi, Mansoor; *The first ambassador of Vatican in the court of the Mongol; ketabe mah, Tarikh va Joghrafya*, Murch 1999; p29.

² Aṭā Malek Joveynī; *Tārīkh-i jehān-gushā*; Ghazvini; Liden; 1911; Vol 1; P205.

³ Carpini, John of Plano; *Safarname (Travelogues)*; Shdman(Tr); Farhangsaraye Yasavuli; Tehran; 1363/1984; PP90-91.

⁴ Azeri, Ala Al-Din; *(Ravabete Ilkhanane Moghol ba Darbare Vatikan (The relations of Ilkhanids with the Mongols))*; Jr Majalle Barrasihaye Tarikhi; Nu 4; year 4; P282.

⁵ Jackson, Peter (2005); *The Mongols and the West, 1221–1410*. Pearson Education Limited; 2005; P181.

⁶ Jackson, *Mongols and the West*, p. 99 and also see: Tyerman, *God's War*, p. 798 and also see: Sinor, *The mongol and western europe*, p. 524

Mongols thought they are invulnerable. So, they were very proud to dealing with foreigners. They were believed that God has given all of the lands to the Mongols and they are commanded to gain all of the world and people around the world are forced to obey them. So, they spoke from a position of strength in the meeting with the ambassadors. Baiju, a Mongol commander in Persia, sent a letter to pope and wrote in that it is better for pope to surrender to the Mongols and he go to the court of the Grate Khan and kiss the feet of him.¹

Europeans were interested in the relationship with the Mongols preventing flood of Mongols anger and they hope to be able to push it toward Muslims lands. Bishop of Winchester, peter des roches, said to Ambassadors of the Ismailids when they had come in Europe to draw Europeans aid to confront the Mongols to confront the Mongols. "We allow dogs (Muslims and Mongols) to hurt each other and kill one another and when we got to the rest of the enemies of Christ and we will delete them from the face of earth, So, The whole world will submit to following from a Catholic Church and we will have only one shepherd and one fold."²

Perhaps in view of Pope were not many different between Muslims and Orthodox Christians. Because the Catholic Church considers all of non-Catholics as unbelievers. Therefore, perhaps it was not sad for the Pope, the Mongols invasion of East Europe and slaughter Orthodox Christians living in those areas. So, he believed that Catholicism is the only true religion. Pope was more than anything concerned about the Mongol invasion on Catholic areas of Europe.

Europeans aim to establish a relationship with the Mongols was not invasion to Mongols realm. Because Mongols power was so great they thought that they were prevented Mongols campaign to Europe. Pope in 1248 in response to Baiju sent a letter to him and asked him to abstain from threatening the Christians and Europeans.³

The other motivation of European to build a relationship with the Mongols was removing Mamluks threat. Europeans feared that despite of the Mamluks, they not only achieve Jerusalem but also it was possible Mamluks to attack Europe. King Louis IX of France did a great attempt to obtain Mongols support at war with the Mamluks. But these efforts in the sight Mongols were described as Europeans weakness. So, their expectations were very much. They expected the Europeans to accept the hegemony of the Mongols and to pay them tribute. When Louis IX Ambassador arrived in the court of the Great Mongol Khan to get his help in order to attack Mamluks, he was met Insulting and degrading behavior by Oghul Qaimish. She asked him Instant obedience Louis and threatened the king of Franc to military action.⁴

Louis sent Willielmus de Rubruquis another Ambassador to the court of the Great Khan Möngke Khan in 1253 and enlisted the help of him to fight the Mamluk. Möngke

¹ Azeri, Ala Al-Din;Ibid; PP286-87.

² Rachewiltz, Igor de; Safirane PoP be Darbare Khanane Bozorg (Pope Ambassadors to the court of grate Khans);Tr, Rajab niya; Kharazmi; 1353/1974; PP67-68.

³ Sinor, Denis; "The Mongols and Western Europe, in Setton, Kenneth Meyer, A History of the Crusades; The Fourteenth and Fifteenth Centuries; Madison, USA; University of Wisconsin Press; 1975; 524.

⁴ Jackson, Mongols and the West, p. 99 and also see: Tyerman, God's War, p. 798 and also see: Sinor, The mongol and western europe, p. 524

Khan in his reply and wanted his obedience and wrote he is only in this way who can be expected to help and even threatened him if he do not obey him should be expected Mongol invasion of his land.¹

Since Hulagu Khan (1254-65), Iran was directly trying to build a relationship with the Europeans. After Möngke sent her brother Hulagu to Iran and gave him Western Empire, it arose differences within the Mongol dynasty. In Altin Urdu that was in north of Iran, Current Russia, Jochi's descendant ruled in over there. They were becoming serious enemies of Hulagu's descendant. Other domestic enemies of Hulagu's descendant were Chagatai's descendant that their country was in the East of Iran. Ilkhanids, Hulagu's descendant, were more than their ancestors looking the establishment of relations with Europe. Europe could contribute to reducing their fears of neighbors. Henceforth, Mongols did not express their former pride in dealing with the Europeans and they were not shy away from expressing the need for Europe military aid.

Hulagu felt the need to Europeans accompany and assist of the European after the invasion of Syria in 1260 more than ago. Mongols became gradually closer to the Europeans because of Hulagu's confrontation with the enemy that his power was more than the forecast and the failures of his army and his successors from this enemy. Although he had correspondence with Louis IX and Pope Alexander IV and In these letters the sides to insisted on unity against Egypt,² but short-lived of Hulagu was Obstacle to achieving any practical result.

After Holaku death, at the time his successor Abaqa Khan (1265-82), was greater efforts to build relationships with Europe. He married with daughter of the Byzantine Emperor the Byzantine Emperor *Michael VIII Palaiologos in early his rule*. He wrote a letter to Pope Clement IV and he enlisted the help of him at war with Egypt. Pope promised to unite kings of Europe with him.³ In 1271 Edward I, England viceroy, prompted help from Abaqa in the war against Egypt.⁴ Pope Gregory X in 1274 and Pope John XXI in 1277 and Pope Nicholas III in the same date hosted Abaqa ambassadors and to received his letters. In these letters Abaqa had requested an alliance to fight against the Mamluks. In such cases usually Popes sent Mongols envoys along with their recommendations to the courts of Europe Kings especially Kings of England and Franc. But according to numerous reasons, these attempts were unsuccessful and Union military operation was not achieved. Impressive victories of Muslims and expel most of the Crusaders from Syria and repeated defeats Crusaders and in some cases their European allies, Kings of Europe's hopes of victory had turned to despair. On the other side occasional attacks Jaqatais and Altin Urdu to Iran would prevent from a practical alliance with the Europeans.

After the death of Abaqa, Ahmad Takodar (1283-84) sat on the throne. He was at the first a Christian but he became a Muslim after he came to power and changed his name to

¹ Sadr, Kazem; seyasate Kharejiye Iran (The History of foreign policy in Iran); Edare Matbuatie Parvin; 1322/1943 112.

² Di ohsson, Constantin; Histoire Des Mongol; Nabu press; Freance; 2010; P410.

³ Azeri; Ibid: P63-64.

⁴ Lockhart, Laurence; Ravabete Edwarde Aval va Edwarde Dovom AZ Engelestan Ba Ilkhanane Moghime Iran (The relations of Edward I & Edward II with The Mongols of Iran); Tr, Chehrazai; Ketabe Mah, Tarikh Va Joghrafiya; Juy, Aug & Sep 2004; P174.

Ahmad. He made little effort to establish a relationship with the West and attempted further to improve its relations with the Mamluks. This proves that friendship or enmity of Ilkhanids with Europe was more than anything overwhelmed of The kind of their relationship with Mamluks. As regards Ahmad was seeking stress relief from his relations with the Mamluks therefore he could not be oriented towards the creation or expansion of relations with Europe.

After Ahmad was excluded from the power by the coup d'état of his nephew, Arghun (1284-91), was resumed Iran's efforts to expand relations with Europe. Arghun sent three Ambassadors to Europe during the years 1285, 1287 and 1291. He sent the first Ambassador to the court of *Pope Honorius IV*. Arghun asked him the Europeans to unite with him in his war with the Egyptians.¹ Arghun then sent another Ambassador, Rabban Şawma, to Europe. Rabban Şawma went to Constantinople at the beginning of your journey where he had an audience with Andronicus II Palaeologus then in Naples he met the king Charles II and in Paris he met Philip, the king of France and in Gascony met Edward, the king of England. Philip warmly accepted him and assured him to the will of God he would be united with Arghun and together would released Jerusalem. But Edward did not promise and only sent mutual friendly message. He finally went to Rome and visited with the newly elected pope, Nicholas IV and gave him the letters of Arghun and then returned to Iran.² Pope In response, sent letters to Arghun. In the letters he spoke about his hope to change his religion to Christianity. The letters are full of religious themes and there are few references about politics and practical military co-operates. So, this trip also hadn't actual military achievement for Arghun.

In 1289, Arghun sent a third mission to Europe, in the person of Buscarel of Gisolfé. He first went to the court of Pope. Then Pope immediately after receiving the letter of Arghun, sent him to the courts of Edward I, the king of England and Philip, the king of France. In addition, Pope wrote letters also to the kings of France and England and wanted to read carefully the letters of Arghun and adopt Useful and fruitful decisions for the Ilkhan of Iran are promising. Arghun in his letters to the pope and the kings of England and France had asked them In the spring of 1290 together to attack Syria.³ But this trip also hadn't the practical result. Because the King of France was not interested to the war and King of England who was willing to the war, could not be united in the fight Arghun. On the one hand, he was fighting with William Wallace in Scotland; on the other he was disappointed to win the war against the MamlukS, because Little later Arġūn died and shortly before, Acre, the main base of the Crusaders, was captured by the Muslims.

With the death of Arghun, Gaykhātū (95-1291) came to power. Then Baydu (October 95 - March 1295) became Ilkhan. During Gaykhatu and Baydu at both sides for several reasons serious effort wasn't made to establish a relationship. In Iran: First, the term governance of Gaykhatu and Baydu was very short. Second, the political situation in Iran at

¹ Shabaru, Esam Mohammad; Dowlate Mamalik & (The state of Mamluks &....); Tr, Bakhtyari; Pajuhashkade Hoza Va Daneshgah; Qom; 1381/2002; P87.

² Taheri, Abolghasem; Tarikhe Siysi Ejtemai Iran Az (The history of Political and Social in Iran from ...); Franklin; Tehran; 1354/1975; PP36-37.

³ Azeri; Ibid; P76. Selvia Schein, Fideles Crucis. The papacy, the west and Recovery of the Holy Land; Oxford University Press; 1274-1314; p88

the time this was very agitated. The court was involved in Internal conflicts Caused by pretenders to the throne. In Erope: Internal conflicts in Europe; Serious decline in Pope's influence on the kings of Europe; Overcoming the frustration of Muslims; Commercial competitions between the various Italian state-cities and rivalry and hostility some of them with Byzantine. These were important factors in the failure of the Ambassadors In creating practical and serious political and military relations between Iran and Europe.

With the accession of Ghazan Khan (1295 - 1304) on the throne of the Ilkhanid was established a new era in Iran's internal developments. Because he after conversion to Islam in 1295 changed his position on Iran's internal affairs. But Islam of him and his successors did not have a large impact on their foreign policy. As friendship with the Europeans and enmity with the Mamluks was general procedure of above-mentioned Ilkhanids, this policy was pursued by Ghazan Khan and his Muslim successors.

In May 1300, James II the King of Aragon, declared to Ghazan in a letter his army troops are ready that to fight beside the Mongols in the liberation of the Holy Land. We do not know what the answer was Ghazan at the request of the King of Aragon. But we can guess that Ilkhan of Iran was not so reluctant if he could the Holly Land, to transfer it to Christians in order to they proceeded to hold their rituals in convenience.

Ghazan, in a letter dated 1302 wrote to Pope Boniface VIII asked him to unite and promised that donate Jerusalem to them after capture it. He wants to be from the Pope to encourage the kings of Europe to participate in the Alliance.¹ But the kings of Europe did not pay attention much to urge Pope because they were prevented from the Union due to internal conflicts over everything. Ghazan defeated at the Battle of Marj al-Saffar in 1303 more than ago Europeans were prevented from uniting with Ghazan.

After the death of Ghazan, Uljaitu (1304-16) sat on the throne. Uljaitu sent a letter to Philip IV the king of France in 1305 and called for unity to fight the Mamluks.² Uljaitu also sent Tommaso Ugi di Siena as a Ambassador to Europe. Tommaso encouraged Pope Clement V to speak in 1307 of the strong possibility that the Mongols could remit the Holy Land to the Christians. He gave Uljaitus letters to Philip IV and Edward II of England. Edward gave response, he sent a letter to Uljaitu and lamented long distances and other difficulties that was prevented him from participating in this initiative to the war against Mamluks.³ Pope Clement V

Wrote a letter in response of Uljaitu and expressed satisfaction from him for his desire to help Christians to free the Holy Land from the hands of the Mamluks and noted to Ambassador promises Ilkhan. Ilkhan's Ambassador hah said if the kings of Europe with their troops unite with Uljaitu against Mamluks, Uljaitu would gift Twenty thousand horse and two hundred thousand loads of corn.⁴ Uljaitu and Eurpean kings couldn't obtain a practical aliance.

Abu Sa'id Bahadur Khan (1316-35) was the ninth ruler of the Ilkhanid in Iran. He also initially made efforts to unite with Europe. But Because of the disappointment of the re-

¹Boyl, J. A. ;*Tarikhe Irane Cambrig* (The Cambridge History of Iran); Tr, Hasan Anooshe; Vol 5; Amir Kabir; Tehra; 1385/2006. P374.

² [Ibid; P377.

³ Azeri; PP86-88.

⁴Howorth, Henry H.; *History of the Mongols*; Burt Franklin; New York; P.576. Azeri; Ibid: 101.

sult, he signed a peace agreement with the Mamluks. Therefore, the main motivation for alliance with Europe was disappeared. However, in 1322, Pope John XXII wrote a letter to Abu Sa'id and asked him aid to Armenians with his army. They had been attacked by the Egyptian army.¹ Although Abu Sa'id was in peace mode with Mamluks sent twenty thousand soldiers to help Armenians and simultaneously sent a letter to the king of Egypt and asked him to stop the mass killings of Armenians and make peace with the king of Armenians. So the king of Egypt made peace with the King of Armenians.²

With the death of Abu Sa'id, the life of in Ilkhanid dynasty ended but life of relationship with Europe was continued. Although the political relation Ilkhanids with Europe did not exceed from sending and receiving ambassadors but were a more practical and wider in the economic and cultural spheres. After the Ilkhanid dynasty was expanded political relations with Europe and reached its peak in the Safavid and Qajar periods. **Conclusion.** Political relationship between Iran & Europe in The history of Islamic Iran were practically begun with the Mongol attack to Iran. Before the Mongol attack to Iran, this country was a section in Islamic Empire. So, the local governments or universal governments from Taherian to Kharazmshahian were spent their lives under the Islamic government. But, by the Mongols attack and firstly, removing the hegemony of Kaliph to Iran and then captured Baghdad and finalizing Islamic government by Mongols were led to political renaissance that Iran was deprived of it for 600 years. The first relationship with Europe was established in this period. Even though, it was not so effective. But it was initiative step for development of this relationship in the next periods of Iran history.

The Mongols and Europeans were interested to establish the relation with each other. Europeans were interested in:

Firstly, preventing of Mongols territorial expansion into the Europe.

Secondly, Europeans especially popes were interested in helping Mongols to capture the Holy Land.

Thirdly, popes were continuously hopeful to develop the Christianity in East by the help of Mongols.

Some of the Europeans, such as Italian city – estates residents who was merchant, were interested in development of their commercial to the east.

At first, the Mongols who thought about themselves as invulnerable persons didn't feel necessity to Europeans. So, in meetings between European ambassadors and Mongols princes, they were asked indisputable obedience.

There are some reasons for Mongols kindness towards Christians especially Europeans as follows:

Firstly, they were familiar with Christianity because they were continuous adjacent with Christian tribes like as Oighors and etc.

Secondly, because of mistrust toward Muslims, they were interested in employing Christians in political and administrative affairs. The Mongols from the Mongo Ghaan period and in Iran from Holagu period felt the necessity to European little by little. The Mongols failure in eliminating Mamluks made invalid the Mongols invulnerable beliefs.

¹ Navai, Abdolhosayn; *Tarikhe Ravabete Iran Ba Keshvarhaye Mashregh Zamhn* (The History of Iran with East Country); Jr, Barrasihaye Tarikhi; Nu 1; Year 12; P51.

² Ibid.

Therefore, they felt necessity to European political and military help. So, in Ilkhanid period, Iranian foreign politics was in support and reinforcement of friendship with European.

Therefore, a lot of ambassadors and letters were exchanged between Iran and Europe. Even though, they had not earned much practical results. But it caused the two – side relationship in economical and cultural areas. These failure in political and military fields were due to distance between Iran and Europe more than any other reasons.

Neighbors threatening and riots and local struggles in two- side were the barrier factors on the way of practical unity. Decreasing the influence of pope in Europe and his power among the Europeans kings were the next reasons in dematerializations of this practical unity. Also, the weak motivation of European especially among the powerful countries was the other important factor. Europeans like as Ilkhanids were not interested in eliminating Mamluk. They had not dream of attaining the Holy Land and were not directly threatened Mamluks. Even Europeans knew Mamluks as a bulwark against the Mongols territorial expansion into Europe. They had bitter memories of Mongols invasion into east Europe and knew that the Mongols did not adhere to their promises and they always believe that Tangry (God) has given all the land to the Mongols.

Bibliography

1. Azeri, Ala Al-Din; (Ravabete Ilkhanane Moghol ba Darbare Vatikan (The relations of Ilkhanids with the Mongols); Jr Majalle Barrasihaye Tarikhi; Nu 4; year 4.
2. Boyl, J. A. ; Tarikhe Irane Cambrig (The Cambridge History of Iran); Tr, Hasan Anooshe; Vol 5; Amir Kabir; Tehra; 1385/2006.
3. Carpini, John of Plano; Safarname (Travelogues); Shdman(Tr); Farhangsaraye Yasavuli; Tehran; 1363/1984.
4. Chehrazai, Mansoor; The first ambassador of Vatican in the court of the Mongol; ketabe mah, Tarikh va J Aṭā Malek Joveynī; Tārīkh-i jehān-gushā; Ghazvini; Liden; 1911; Vol 1oghrafya, Murch 1999.
5. Howorth, Henry H.; History of the Mongols; Burt Franklin; New York.
6. Jackson, Peter (2005); *The Mongols and the West, 1221–1410*. Pearson Education Limited; 2005.
7. Lockhart, Laurence; Ravabete Edwarde Aval va Edwarde Dovom AZ Engelestan Ba Ilkhanane Moghime Iran (The relations of Edward I & Edward II with The Mongols of Iran); Tr, Chehrazai; Ketabe Mah, Tarikh Va Joghrafiya; Juy, Aug & Sep 2004.
8. Navai, Abdolhosayn; Tarikhe Ravabete Iran Ba Keshvarhaye Mashregh Zamhn (The History of Iran with East Country); Jr, Barrasihaye Tarikhi; Nu 1; Year 12
9. ohsson, Constantin; Histoire Des Mongol; Nabu press; Freance; 2010.
10. Rachewiltz, Igor de; Safirane PoP be Darbare Khanane Bozorg (Pope Ambassadors to the court of grate Khans); Tr, Rajab niya; Kharazmi; 1353/1974.
11. Sadr, Kazem; seyasate Kharejiye Iran (The History of foreign policy in Iran); Edare Matbuatie Parvin; 1322/1943.
12. Selvia Schein, Fideles Crucis. The papacy, the west and Recovery of the Holy Land; Oxford University Press; 1274-1314.
13. Shabaru, Esam Mohammad; Dowlate Mamalik & (The state of Mamluks &....); Tr, Bakhtyari; Pajuhashkade Hoza Va Daneshgah; Qom; 1381/2002.
14. Sinor, Denis; "The Mongols and Western Europe, in Setton, Kenneth Meyer, A History of the Crusades; The Fourteenth and Fifteenth Centuries; Madison, USA; University of Wisconsin Press; 1975.
15. Taheri, Abolghasem; Tarikhe Siysi Ejtemai Iran Az (The history of Political and Social in Iran from ...); Franklin; Tehran; 1354/1975.

16. Tyerman, Christopher (). God's War: A New History of the Crusades, USA, Harvard University Press; 2006.

Карими Алиреза. Политические отношения между Ираном и Европой в период монголов / Алиреза Карими, Махди Насири // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 25–33.

В истории Ирана после прихода ислама, отношения между Ираном и Европой начались с периода монголов. В это время, послы были отправлены в суды великих монгольских ханов в Китае. Кроме того, монголы отправили своих послов в суды Европы из коммерческих соображений, в надежде получить помощь от них против династии мамлюков в Египте. Эти усилия привели к развитию торговых и культурных связей, но не достигли практических результатов в политических и военных отношениях.

Ключевые слова: политические отношения, монголы, Иран, Европа, мамлюки, Египет

Карімі Аліреза. Політичні відносини між Іраном і Європою в період монголів / Аліреза Карімі, Махді Насірі // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 25–33.

В історії Ірану після приходу ісламу, відносини між Іраном і Європою почалися з періоду монголів. У цей час, послы були відправлені в суди великих монгольських ханів у Китаї. Крім того, монголи відправили своїх послів до судів Європи з комерційних міркувань, в надії отримати допомогу від них проти династії мамлюків в Єгипті. Ці зусилля призвели до розвитку торговельних і культурних зв'язків, але не досягли практичних результатів в політичних і військових відносинах.

Ключові слова: політичні відносини, монголи, Іран, Європа, мамлюки, Єгипет.

Поступила в редакцію 03.03.2014 г.

УДК 811.222.1'0'373

ІЗАФЕТ ТА УЗГОДЖУВАЛЬНИЙ КЛАС У СУЧАСНІЙ ПЕРСЬКІЙ МОВІ

Кшановський О. Ч.

Київський національний лінгвістичний університет, Україна
E-mail: kshanovski@gmail.com

Однією з головних синтаксичних ознак аглютинативних мов є відсутність синтаксичного зв'язку узгодження між членами словосполучення. У давньоперській період узгодженням, разом з іншими засобами (протиставленням типів основ і почасти типів флексій) виражалася категорія роду. Замість узгодження в межах атрибутивних словосполучень використовуються інші способи, які не вимагають підлаштовування слів форм одна під одну, тобто зміни їхньої форми. Таким способом, наприклад, у тюркських та іранських мовах, виступає ізафет. Координація форм головних членів речення також відбувається за іншими правилами. Вони ґрунтуються не на граматичній координації слів форм, що виражають підмет і присудок, а на координації функціонально-семантичних ознак лексем, що виражають підмет і присудок. У статті опрацьовано притаманні кожному типу ізафетних словосполучень види обмежень, а також правила маркування множини іменників суфіксом *-ān* (основного суфікса множини в середньоперській мові та поширеному в класичній мові для людей та деяких наділених людськими якостями об'єктів) та дієслів з суфіксами 3 ос. множини *-and*.

Ключові слова: перська мова, азербайджанська мова, ізафет, координація, узгоджувальний клас.

Постановка проблеми. Однією з головних синтаксичних ознак аглютинативних мов є відсутність синтаксичного зв'язку узгодження між членами словосполучення. У давньоперській період узгодженням, разом з іншими засобами (протиставленням типів основ і почасти типів флексій) виражалася категорія роду (див.: [1, 40]). Замість узгодження в межах атрибутивних словосполучень використовуються інші способи, які не вимагають підлаштовування слів форм одна під одну, тобто зміни їхньої форми. Таким способом, наприклад, у тюркських та іранських мовах, виступає ізафет, пор. азерб.:
avtobus stansiyası

‘автобусна зупинка; зупинка автобуса’ (де приголосний звук [s] перед ізафетом є епентетичним в інтервокальній позиції);

əlmələr akademiyası

‘академія наук’.

В обох прикладах ізафетний формант *ı* маркує головне слово та показує родовий відмінок залежного слова. При цьому жодне зі слів не зазнає зміни структури. Якщо ж залежне слово вже має атрибутивну семантику (тобто є прикметником), то синтаксичний зв'язок виражається лише порядком слів, пор. азерб.:
qırmızı maşın

‘червона машина’.

Аналіз матеріалу. Анатологічна ситуація склалася в перській мові, за винятком того, що перський ізафет виражає усі види атрибутивного зв'язку, пор.:

miz-e (1) boland (2)

‘високий (2) стіл (1)’;

istgāh-e (1) otubus (2)

‘автобусна (2) зупинка (1); зупинка автобуса’.

Ізафет. Ізафет є одним з найхарактерніших граматичних явищ перської граматики. Цим терміном позначають ненаголошений суфікс *-e* (або *-ye* після голосних), яким зв’язуються дві словоформи в складі атрибутивних (у широкому розумінні) словосполучень, пор.:

ru-ye (1) *ānten-e* (2) *rādyo-ye* (3) *posht-e* (4) *bām-e* (5) *khāne-ye* (6) *boland-e* (7) *moqābel* (8) (дещо модифікований приклад з: [12, 197])

‘на (1) радіо(3)антені (2) за (4) дахом (5) високого (7) будинку (6) напроти (8)’.

Як видно з прикладу, ізафет оформляє іменні, прикметникові та більшість при-
йменникових словосполучень; не оформляє лише дієслівні словосполучення.

Автори практичних та описових граматик перської мови ізафетні конструкції традиційно висвітлюють, виходячи з відношень між поєднаними ізафетом членами словосполучення (див., наприклад: [4, 363–368; 5, 122–127], оскільки тип семантики словосполучення залежить від семантики атрибута (в широкому розумінні), пор.:

otāq-e (1) *kuchik* (2)

‘маленька (2) кімната (1)’ (означальне словосполучення: ім’я+ознака);

otāq-e (1) *zir-e* (2) *shirvuni* (3)

‘кімната (1) під (2) дахом (3)’ (атрибутивне (у вузькому сенсі) словосполучення: ім’я+атрибут);

otāq-e ali

‘кімната Алі’ (присвійне словосполучення: ім’я+посесив).

Незважаючи на широке функціонування в перській мові ізафетного способу поєднання слів, цей вид синтаксичного зв’язку має певні обмеження, притаманні кожному типу ізафетних словосполучень.

Атрибутивні ізафетні словосполучення. Цей вид ізафетного зв’язку (при якому розповсюджувальним словом виступає іменник) виражає доволі широкий спектр семантичних відношень, пор. (див.: [8, 39–41]):

kif-e (1) *charm* (2)

‘шкіряна (2) сумка (1)’ (досл. ‘сумка (1) шкіри (2)’);

sabzi-ye (1) *āsh* (2)

‘зелень (1) (для) супу (2)’ (досл. ‘зелень (1) супу (2)’ та ін.

За наявності в словосполученні означень або/та посесивів атрибут займає найближчу до імені позицію, пор.:

kif-e (1) *charm-e* (2) *bozorg-e* (3) *dustam* (4)

‘велика (3) шкіряна (2) сумка (3) мого друга (4)’.

Головна відмінність атрибутивного ізафетного словосполучення від посесивного полягає в тому, що іменник-посесив може мати поширювальні елементи, а іменник-атрибут – ні, пор.:

kif-e (1) *in* (2) *mard* (3)

‘сумка (1) цієї (2) людини (3)’,

але не

**kif-e* (1) *in* (2) *charm* (3)

досл. ‘сумка (1) цієї (2) шкіри (3)’.

Означальні ізафетні словосполучення. Цей вид ізафетного зв'язку (при якому поширювальним словом виступає прикметник) охоплює будь-яке поєднання іменника з прикметником. Натомість, така конструкція має обмеження на приєднання до неї (як за допомогою ізафета, так і без нього) різних видів додатків (атрибутивів) (див.: [Там само, 41–43]), що й становить її головну особливість, пор.:

mard-e (1) negarān-i (2) vāred shod (3)

‘Увійшов (3) занепокоєний (2) чоловік (1)’ (де negarān є дієприкметником теперішнього часу ‘такий, що непокоїться’, а енклітика -i є неозначеним артиклем),

але не

*mard-e (1) negarān-e (2) **bachehā**(3)**sh**(4)-i vāred shod (5)

досл. ‘Увійшов (5) занепокоєний (2) його (4) дітьми (3) чоловік (1)’;

mardom-e (1) khashmgin-e (2) tehrān (3) bepākhāstand (4)

‘Обурені (2) мешканці (1) Тегерана (3) повстали (4)’,

але не

*mardom-e (1) khashmgin (2) **az ertejā**’-e (3) tehrān (4) bepākhāstand (5)

досл. ‘Мешканці (1) обурені (2) реакційним силами (3) Тегерана (4) повстали (5)’.

Прийменникові ізафетні словосполучення. Цей тип ізафетного зв'язку (при якому поширювальним словом виступає прийменникове словосполучення) виражає семантику способу, часу або місця дії (див.: [Там само, 44–46]), пор.:

bahs-e (1) **bā ajale**-ye (2) hasan (3)

‘**поспішна** (2) дискусія (1) Гасана (3)’ (досл. ‘дискусія (1) з **поспіхом** (2) Гасана (3)’);

molāqāt-e (1) **qabl az zohr**-e (2) mā (3)

‘**наша** (3) зустріч (1) **перед обідом/до обіду** (2)’;

khāne-ye (1) **kenār-e** (2) **daryā** (3)

‘**будинок** (1) **біля** (2) **моря** (3)’.

Маючи здатність долучати посесиви, цей вид ізафетного сполучень, натомість, не може приймати додатки, виражені підрядними реченнями, пор.:

āftāb-e (1) **baad az** (2) **bārān** (3) qashang (4) ast (5)

‘сонце (1) **після** (2) **дощу** (3) є (5) гарним (6)’,

але не

*āftāb-e (1) baad az (2) in (3) ke (4) bārān (5) biyāyad (6) qashang (7) ast (8)

досл. ‘сонце (1) після (2) того (3) як (4) дощ (5) пройде (6) є (8) гарним (7)’.

Присвійні ізафетні словосполучення. Цей тип ізафетного зв'язку (при якому поширювальним словом виступає іменник, власне ім'я або займенник) практично не має обмежень на сполучення з іншими конструкціями (див.: [Там само, 47–48]), пор.:

ketāb-e (1) **ān** (2) mard-i (3) **ke** (4) **diruz** (5) **āmad** (6)

‘**книжка** (1) **того** (2) **чоловіка** (3), **що** (4) **приходив** (6) **учора** (5)’ (де енклітичний артикль -i має функцію виокремлення).

У прикладі присвійне ізафетне словосполучення, відповідно, поширюється вказівним займенником (елемент 2), а також підрядним з'ясувальним реченням (елеме-

нти 4,5,6). Притаманні кожному типу ізафетних словосполучень види обмежень підсумовано в таблиці.

Вид обмежень Тип ізафетних словосполучень	Вказівні займенники	Додаток через ізафет	Додаток з прийменником	Підрядне речення
Атрибутивні	+			
Означальні		+	+	+
Прийменникові				+
Присвійні	–			–

Узгоджувальний клас. Координація форм головних членів речення також відбувається за іншими правилами. Вони ґрунтуються не на граматичній координації словоформ, що виражають підмет і присудок, а на координації функціонально-семантичних ознак лексем, що виражають підмет і присудок.

У сучасній перській мові задіяні два традиційні формальні засоби граматичного узгодження підмета і присудка: суфікс множини для імен та особові суфікси для дієслів. В іменах маркується лише множина (тобто іменник в однині не має жодних показників), а в дієсловах маркується як однина (три особи), так і множина (три особи) для всіх часових форм. Імена не мають поділу на ті, які можуть маркуватися суфіксом множини і на ті, які не можуть. Натомість для дієслів існує поділ імен (підметів) на такі, що завжди узгоджуються з дієсловами (присудками) в числі і на такі, що не завжди узгоджуються з дієсловами (присудками) в числі. До перших належать істоти, люди, а до других – неживі предмети, пор.:

mardā (1) *umadan* (2) *khune* (3)

‘Чоловіки (1) прийшли (2) додому (3)’ (де *-ā* є розмовним варіантом суфікса множини підмета, а *-an* – суфіксом 3 ос. множини присудка);

ketābā (1) *bad* (2) *forush raft* (3)

‘Книги (1) погано (2) продавалися (3)’ (де *-ā* є розмовним варіантом суфікса множини підмета, а *raft* – дієслівною формою 3 ос. однини присудка).

Як видно з прикладів, у перській мові форми підмета та присудка координуються в множині лише за умови, що підмет (у формі множини) є істотою. Однак з підметом неістотою в множині дієслово може бути як в однині, так і в множині, пор. [11, 126-127]:

sosisā sukht

sosisā sukhtan

‘Сосиски згоріли (підгоріли)’.

У першому прикладі (з підметом у множині, а присудком у формі 3 ос. однини) йдеться про те, що, наприклад, в одній сковороді смажилися овочі, а в другій – сосиски. Саме вони (а не овочі) й згоріли. У другому прикладі (з підметом у множині і присудком у формі 3 ос. множини) йдеться про те, що смажилося окремо, наприклад, три сосиски в трьох сковородах. Усі вони згоріли. Інакше кажучи, число дієслівної форми вносить відчутну різницю в семантику виразів. Дієслівна форма в однині при підметі в множині сигналізує про так звану “збірну” інтерпретацію іменника в множині. Дієслівна форма в множині при підметі в множині сигналізує про

так звану “роздільну” інтерпретацію іменника в множині. Зрозуміло, що подібні “прочитання” смислу висловів найтіснішим чином пов’язані з комунікативним контекстом та суб’єктивним задумом мовця.

Діахронічні дослідження функціонально-семантичної координації головних членів речення в перській мові показують, що функціонування цієї категорії на принципово відмінних від фузійних мов засадах почалося в перській мові принаймні з середньоперського періоду. Саме в середньоперській мові категорія особи стала виявлятися в предикативному узгодженні й тісно зв’язалася з формою числа підмета. У цей період яскраво спостерігається регулярне (за формою та змістом) узгодження в числі присудка з підметом у слів, що позначають осіб, а також регулярна форма однини у присудка при підметах, що позначають предмети та поняття. Саме в цей період яскраво спостерігаються перебої в узгодженні при підметах, що позначають істоти або уподібнені до істот предмети, але не людей (тобто птахів, тварин, міфічні істоти, сили природи) [2, 59–60] (дет. про узгодження підмета з присудком в історії іранських мов див.: [3, 243–248]). У класичній перській мові, як показують спеціальні дослідження (див.: [11, 128–133]), ця тенденція остаточно закріпилася. Так, якщо підмет у множині є істотою та/або людиною, то як у класичній, так і в сучасній мові присудок буде у формі множини. Винятки можуть стосуватися лише істот, яким передують числівники, пор.:

dar (1) ābgiri (2) se (3) māhi (4) bud (5) (“Каліла і Димна”, XI ст)

‘У (1) ставку (2) **було** (5) три (3) риби (4)’.

Необхідно відзначити також, що всі “неузгоджені” дієслова є дієсловами з семантикою буття. У реченнях з кількома предикатами це яскраво виявляється, пор.:

ān (1) do (2) bat (3) ke (4) az (5) pas-e (6) malek (7) bekhāstand (8) va (9) pish-e (10) u (11) forud āmadand (12) do (13) sar asb (14) būshad (15)... (“Каліла і Димна”, XI ст)

‘Ті (1) дві (2) качки (3), що (4) з(5)-поза (6) царя (7) злетіли (8) та (9) перед (10) ним (11) опустилися (сіли) (12) є (15) двома (13) кінями (14)...’.

У прикладі підмет у формі однини (елемент 3), але, фактично, він є в множині (‘ті дві качки’), узгоджується з двома присудками, вираженими дієсловами руху (елементи 8, 12) у формі множини, а також не узгоджується з присудком (елемент 15), вираженим дієсловом буття у формі однини.

Якщо ж підмет у множині виражено неістотою, то вже в класичній мові присудок переважно виражався дієсловом в однині, пор.:

bārānhā (1) motavater (2) shod (3) (“Каліла і Димна”, XI ст)

‘Дощі (1) **стали** (3) частішими (періодичними) (2)’ (досл. ‘Дощі (1) періодичний (2) **став** (3)’);

absār (1) va (2) muy (3) va (4) dandān(5)-ash (6) zāyel shavad (7) (Тусі, XIV ст.)

‘Його (6) **очі** (1) та (2) волосся (3), та (4) зуби (5) **зникнуть** (7)’ (досл. ‘**Очі** (1) та (2) волосина (3) та (4) зуб (5) його (6) **зникає/зникатиме** (7)’).

З іншого боку, в класичній мові знаходимо приклади (притаманні й сучасній), в яких присудок у множині координує власну форму з підметом у множині, пор.:

āsmānhā (1) va (2) zaminhā (3) mosakhar-e (4) hokm-e (5) vey (6) and (7) (Румі, XIII ст.)

‘Небеса (1) та (2) землі (3) є (множ.) (7) підкореними (4) Його (Бога) (6) вердикту (5)’.

З цього приводу варто зауважити, що такого роду приклади містять чи то персоніфіковані підмети, чи то підмети, виражені сурядним словосполученням однорідних підметів, пор.:

ma’adan-e (1) zar(2)-o (3) noqre (4) va (5) la’l(6)-o(7) yāqut (8) zāher mishavand (9) (Румі, XIII ст.)

‘Поклади (1) золота (2) і (3) срібла (4), і (5) рубінів (6), і (7) яхонтів (8) з’являються (9)’ (досл. ‘Поклад золота і срібла і рубіну і яхонту явний стають’).

У сучасній перській мові подібна закономірність цілковито зберігається, пор.:

magāzehā (1) va (2) dokanhā (3) bāz (4) shod (5)

‘Магазини (1) та (2) крамниці (3) відчинилися (4, 5)’ (досл. ‘Магазини (1) та (2) крамниці (3) відкритий (4) став (5)’).

Відзначимо також і подальше тривання в сучасній перській мові процесу наділення побутових речей автономним (незалежним від волі людини) статусом. Цей процес є своєрідним підвидом явища персоніфікації в художній літературі (на кшталт художньої та побутової метафори), пор.:

otobushā-ye (1) shahri (2) dar (3) raft-o-āmad (4) budand (5)

‘Міські (2) автобуси (1) були (5) в (3) русі (4)’.

У прикладі дієслово в множині (елемент 5) узгоджується з іменником у множині (елемент 1). Велика кількість такого роду “автономних” уживань іменників на позначення неістот існує в кожній мові, пор.: *Кінотеатр зачинився на ремонт; Уряд підписав угоду* та под. Процес наділення різноманітних речей автономними (незалежними від волі людини) якостями, як свідчать результати діахронічних досліджень, у сучасній перській мові є активним і динамічним. Кожна з таких речей (предметів) за умови відповідного комунікативного контексту та задуму мовця може виступити в “автономному” прочитанні (див. [11, 131 і далі]).

Висновки та перспективи. Таким чином, у перській мові в різні історичні періоди при координації граматичних форм підмета і присудка (за єдино можливою після давньоперського періоду категорію множини) мав бути врахований цілий комплекс функціонально-семантичних рис: одиничність, автономність, істота, людина (тобто усі притаманні тюркським мовам ознаки, пор. у: [6, 143–187]). Так, у середньоперський період усі імена, що виступали в ролі суб’єктів, поділялися на два узгоджувальні класи – людей та не людей. З суб’єктами-людьми в множині дієслова узгоджували форми в числі. З суб’єктами-не людьми в множині дієслова не узгоджували форми в числі. У класичний період усі імена, що виступали в ролі суб’єктів, поділялися на два інші узгоджувальні класи – істот та неістот. Із суб’єктами-неістотами дієслова узгоджували форми в числі лише за умови їх персоніфікації. У сучасній перській мові імена, що виступають у ролі суб’єктів, також поділяються на два узгоджувальні класи, однак межа між ними проходить за ознакою автономного–неавтономного функціонування в ситуації кожного з (тієї кількості) предметів, позначених іменником у множині. Так, для опису функціонування неіндивідуалізованих предметів у складі їхньої множини (двох і більше) носій сучасної перської мови інтерпретує їх як збірний об’єкт і вживає дієслово у формі 3

ос. однини. Для опису функціонування предметів у складі їхньої множини (двох і більше), кожен з яких окремо бере участь у комунікативній ситуації, носій сучасної перської мови інтерпретує їх роздільно і вживає дієслово у формі 3 ос. множини (пор. вище приклад з сосисками). Саме тому, такі об'єкти, як люди, маючи природну рису автономності в прийнятті рішень для проведення дій, завжди описуються дієсловами в множині. Інші предмети залежно від комунікативної ситуації та індивідуального задуму мовця можуть виступати як наділеними рисою автономності, так і не наділеними нею. Саме цим у сучасній перській мові відрізняються правила маркування множини іменників суфіксом *-ān* (основного суфікса множини в середньоперській мові та поширеному в класичній мові для людей та деяких наділених людськими якостями об'єктів) та дієслів з суфіксами 3 ос. множини *-and*.

Маркування іменних класів множиною

Формант множини \ Іменні класи	Люди	Не люди		
		Істоти	Неістоти	
			Автономні	Неавтономні
Іменний суфікс <i>-hā</i>	+	+	+	+
Іменний суфікс <i>-ān</i>	+	-/+	—	—
Дієслівний суфікс <i>-and</i>	+	+	+	—

Література

1. Виноградова С.П. Древнеперсидский язык // Языки мира: Иранские языки. I. Юго-западные иранские языки. – М.: Индрик, 1997. – С 35–57.
2. Молчанова Е.К. Среднеперсидский язык // Языки мира: Иранские языки. I. Юго-западные иранские языки. – М.: Индрик, 1997. – С 57–70.
3. Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Том II. Эволюция грамматических категорий. – М.: Наука, 1975. – 476 с.
4. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского языка / Ю.А.Рубинчик. – М.: Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 2001. – 600 с.
5. Anvari H., Ahmadi Givi H. Dastur-e zabān-e fārsi. 2. – Tehran: Fatemi, 1375 (1996). – 384 s.
6. Cagri I.M. Minimality and Turkish relative clauses. Dissertation submitted for the degree of Doctor of Philosophy. – Maryland: University of Mariland, 2005. – 265 p.
7. Croft W. Typology and Universals. – Cambridge University Press. – 1990. – 311 p.
8. Ghomeshi J. Projection and inflection: a study of Persian phrase structure. A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy. – Toronto: University of Toronto, 1996. – 301 p.
9. James C. Contrastive Analysis. – Longman Group Ltd, 1980. – 208 p.
10. Nedjalkov V.P., Litvinov V.P. The St. Petersburg/Leningrad Typology Group // Approaches to language typology / eds. by Masayoshi Shibatani, Theodora Bynon. – Oxford University Press, 1995. – PP. 215–271.
11. Lotfi A.R. Agreement in Persian // Linguistic online. – 2006. – Vol. 29. №4. – PP. 123–141.
12. Thackston Wheeler M.Jr. An Introduction to Persian. – Cambridge: Harvard University, 1983. – 242 p.

Кшановский О. Ч. Изафет и согласовательный класс в современном персидском языке / О. Ч. Кшановский // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 34–42.

Одним из главных синтаксических признаков агглютинативных языков является отсутствие синтаксической связи согласования между членами словосочетания. В древнеперсидский период согласованием, вместе с другими средствами (противопоставлением типов основ и отчасти типов флексий) выражалась категория рода. Вместо согласования в пределах атрибутивных словосочетаний использу-

ются другие способы, которые не требуют подстройки словоформ друг под друга, т.е. изменения их формы. Таким способом, например, в тюркских и иранских языках, выступает изафет. Координация форм главных членов предложения также происходит по другим правилам. Они основываются не на грамматической координации словоформ, выражающих подлежащее и сказуемое, а на координации функционально-семантических признаков лексем, выражающих подлежащее и сказуемое. В статье разработаны присущие каждому типу изафетных словосочетаний виды ограничений. Кроме того, сформулированы правила маркирования множественного числа существительных суффиксом –ān (основного суффикса множественного числа в среднеперсидском языке и распространенном в классическом языке для людей и некоторых наделенных человеческими качествами объектов) и глаголов с суффиксами 3 чел. множества –and.

Ключевые слова: персидский язык, азербайджанский язык, изафет, координация, согласовательный класс.

Kshanovsky O. Izafeh and agreement class in the Modern Persian Language / O. Kshanovsky // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 34–42.

Izafe is one of the most typical grammatical phenomena of Persian grammar. It marks nominal, adjectival and the most prepositional word combinations. It does not mark only verbal phrases. The authors of practical and descriptive grammars of Persian language traditionally cover izafe construction based on the relationship between coupled by izafe components of the phrase, since the semantics of a word combination depends on the semantics of the attribute (in the broad sense). In Old Persian, there was not izafe. The marker -e is derived from Old Persian relative pronoun *hya*, which had two functions: it bound the subordinate attributive clause with the head sentence (cf. *ke* in the modern Persian) and marked the attributive and possessive relationship. In this case, it is located between the signified and the attribute (adjective or pronoun). In a middle period this pronoun takes the form *i*, but retains both functions. In the modern Persian the first function began to act as conjunction *ke*, and marker *i*, became to use as *izafe*.

In the modern Persian the subject and predicate are coordinated the plural only under the condition that the subject (plural) is a living creature. However, with the plural not alive subject the verb can be both singular and plural. Diachronic study of functional-semantic coordination of a subject and a predicate in the Persian sentence suggests that the functioning of this category on the fundamentally different from fusion principles began in Persian language at least on a Middle period. It is in a Middle Persian the person of a subject appeared in predicative agreement and close connected with the number of a subject. During this period, is clearly seen the regular (in form and substance) number coordination of the predicate and the subject of the words denoting persons and the regular singular form of the predicate with the subject, denoting objects and concepts. It was during this period clearly observed failures in coordination with the subjects, that mean beings or likened to beings objects, but not people (i.e. birds, animals, mythical creatures, forces of nature). In classical Persian language the trend is finally fixed. Thus, if the plural subject is a being and/or a man, then both in the classical and in the modern Persian the predicate is plural. Exceptions may apply only to the beings, which are preceded by numerals.

Thus, in the Persian language in different historical periods under the coordination of grammatical forms of subject and predicate (by only possible after the Old Persian period category of plural) had to be taken into account a range of functional and semantic features: oneness, autonomy, animate (that is, the inherent in all Turkic languages features). For example, in Old Persian period all the names that acted as subjects were divided into two agreement classes – human and not human. With plural human subjects, verbs coordinated their forms with them. With plural nonhuman subjects, verbs did not coordinated their forms with nouns. In Classic Persian period all the names that acted as subjects were divided into two other agreement classes – animate and inanimate. With inanimate subjects, verbs coordinated their forms only with the condition of their personification. In the modern Persian nouns, acting as subjects are also divided into two agreement classes, but the line between them is based on autonomous-not autonomous function in every situation a thing (or their number) marked by a plural noun. Thus, to describe the functioning of non-specific objects (two or more) as a number a speaker of the modern Persian interprets them as a collective subject and uses the third person singular verb. To describe the functioning of objects (two or more) as a number, each of which is separately engaged in a communicative situation, a speaker of the modern Persian language interprets them separately and takes the third person plural verb (see above example with sausages). That is why such objects as peoples

with a natural feature of the autonomy in making decisions for activities are always described by plural verbs. Other objects depending on the communicative situation and the individual intention of speaker can act as endowed with feature of the autonomy and does not have it. That is what in the modern Persian differs the rules for marking plural nouns by suffix -ān (the main plural suffix in the Middle Persian and widespread in the Classic language for humans and endowed with the human qualities objects) and verbs with plural 3 person suffixes -and.

Key words: Persian, Azerbaijani, izafeh, coordination, agreement class.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК – 81. 411. 21' 367. 625' 373. 7

ПАРЕМИЧЕСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ФРАЗЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Бекиров Р. А.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
E-mail:rbekirov@mail.ru*

В статье делается попытка изучения паремических выражений современного арабского языка. Ставятся следующие задачи: собрать, систематизировать, классифицировать и исследовать в этимологическом и других планах пословицы и поговорки.

В ходе исследования установлено, что фразеология как древняя и обширная часть состава арабского языка представляет собой интерес для изучения ряда проблем арабского языкознания.

Ключевые слова: пословица, поговорка, этимология, арабский язык.

Постановка проблемы. Малоисследованной областью арабского языкознания является фразеология. Это связано с тем, что фразеология рассматривалась лишь как вторичный раздел стилистики, риторики и других наук. Своеобразие, образность фразеологических единиц арабского языка трудно переоценить.

Актуальность. Несмотря на более, чем тысячелетнюю историю арабского языка, мало изученной остается область фразеологии. Современный арабский литературный язык является наиболее распространенным среди семитских языков. Типологически арабский литературный язык является флективно-агглютинативным, синтетическим языком [8]. Актуальность исследования определяется неразработанностью проблемы и недостаточной изученностью фразеологических единиц современного арабского языка. В современной арабистике изучение фразеологизмов и дополнение на этой основе словарей, пособий, других лексикографических изданий является актуальным направлением в арабском языкознании.

Цель статьи – собрать, систематизировать и исследовать в этимологическом и других планах пословицы и поговорки арабского языка. Особое внимание, по нашему представлению, следует уделить:

- 1) сбору, изучению, обобщению и систематизации сведений из разных источников по арабскому и общему языкознанию;
- 2) выявлению степени устойчивости пословиц и поговорок;
- 3) исследованию лексико-семантических особенностей паремий;

Для научных изысканий в этой области, материалом могут послужить данные первоисточников (материалы классического и современного арабского литературного языка, живых народных говоров и другие письменные источники), а также сведения арабских средневековых авторов, доводы современных исследований в области арабского языка.

Для решения поставленной задачи необходимо использовать наработанную уже в общем языкознании методологию подобных исследований. Из которой, прежде всего, следовало бы выделить: сравнительно-исторический, описательный, сопоста-

вительный, функциональный и типологический приемы и методы исследования [3, 5].

Как отмечалось выше, в современном общем и арабском языкознании особое внимание привлекает вопрос о правомерности включения в число объектов фразеологии паремических выражений, т.е. пословиц и поговорок.

Б.А. Ларин, обращавшийся к пословицам и поговоркам в связи с изучением развития русской фразеологии, отмечал, что среди них имеются фразеологические словосочетания, обладающие разной степенью слитности, и фразеологичность этих сочетаний может быть вскрыта с помощью историко-сравнительного анализа [7, 138].

Он пишет: «Несвободные словосочетания, в разной степени слитные по значению, относятся к ведению фразеологии. А предложения? Как будто не относятся. Но фразеологические словосочетания как раз и отличаются от свободных именно тем, что они часто выражают завершенную мысль и тогда эквивалентны предложению. Следовательно, здесь линейного рубежа нет, фразеологические словосочетания могут быть и полными предложениями» [7, 130].

Таким образом, Б.А. Ларин, с одной стороны, говорил о существовании среди пословиц фразеологических единиц различной степени связанности, а с другой – высказал мысль о превращении всего предложения в застывшую синтаксическую конструкцию, которая, являясь нечленимым целым с резко измененным функциональным значением, представляет собой эквивалент предложения.

По Б.А. Ларину, устойчивые словосочетания характеризует возникновение представления о них как о цельном предложении, состоящем из относительно тесно связанных слов. Внутренняя связь между словами в составе словосочетания обусловлена их семантическим единством, цельностью значения. Трактовка этих нечленимых выражений определяется лингвистическими и экстралингвистическими факторами.

Однако Ш. Балли отмечает, что в стилистическо-семантическом плане решающим критерием для устойчивых сочетаний являются лингвистические факторы. Он сопоставляет нечленимые словосочетания с синонимичными, их лексическими единицами и принимает в качестве основного критерия потерю отдельными словами – компонентами словосочетания, своего исходного значения. Автор в качестве внешнего фактора указывает неизменяемость порядка слов и невозможность замены компонентов словосочетания.

Разногласия по вопросу об отнесении пословиц и поговорок к фразеологии существуют и среди татарских и азербайджанских лингвистов. Б.Г. Гусейнов в своей кандидатской диссертации пишет, что до настоящего времени фразеология, имеющая немалое значение для развития языка, не исследована на доподлинно научных основах. Что же касается пословиц и поговорок, то авторы причисляют их к фразеологическим единицам [2, 10].

По мнению Н.Р. Рагимзаде, фразеологические единицы характеризуются такими особенностями, как метафоричность, семантическая полнота, устойчивость, невозможность дословного перевода на другой язык, способность выступать в качест-

ве эквивалента слова и т.д. В состав фразеологии она включает некоторые сложные слова, пословицы, а также устойчивые словосочетания [9, 9].

Положительно решает проблему отнесения пословиц и поговорок к области фразеологии и А.М. Куртсеитов в своей кандидатской диссертации «Структурно-семантический анализ крымскотатарских фразеологизмов» [6].

Нет единства взглядов на эту проблему и среди арабистов: так, у В.Д. Ушакова, а также в «Учебном русско-арабском фразеологическом словаре», авторами которого являются А.М. Фавзи и В.Т. Шкляр, поговорки относятся к фразеологическим единицам. В.С. Морозова в своей кандидатской диссертации отвечает на этот вопрос отрицательно.

Пословицы и поговорки – такой разряд единиц, которые, с одной стороны, противопоставимы словам и фразеологическим сочетаниям, а с другой – фразеологическим предложениям иного, не пословичного, характера. И от тех, и от других паремии, как отмечали многие исследователи, отличаются тем, что они передают «оценочно-этическую информацию» и имеют «обобщенно-назидательный, дидактический характер» [4; 5; 11; 13]. Как афористические, так и пословичные выражения включают в себя итоги человеческих наблюдений, обобщения жизненного опыта, среди них немало нормативных положений, оценочных, моральных суждений. Основное отличие пословиц и поговорок от фразеологических предложений непословичного характера, лишенных обобщенности и назидательности, заключается в том, что «номинативность пословицы состоит не в познании и выделении отдельных элементов действительности (предмет, существо, действие, явление и их признаки и т.п.), а в выделении и описании некоторых постоянно воспроизводимых типов ситуаций, представляющих слепки взаимоотношений отдельных элементов действительности» [1, 45–46]. Фразеологические предложения характеризуют не «воспроизводимые типы ситуаций», а отдельные стороны частных ситуаций, конкретные свойства их участников.

Идиоматичность пословиц и поговорок проявляется и в их «национальном» характере – в том, что одни и те же ситуации в разных языках передаются различными паремическими средствами, либо в том, что в одном языке такие идиоматичные средства имеются, а в другом отсутствуют. Иными словами, для пословиц и поговорок, как и для других видов фразеологизмов, характерно свойство межъязыковой идиоматичности.

В отличие от названных мнений, М.Т. Тагиев не относит пословицы и поговорки к фразеологии [12].

По нашему мнению, пословицы и поговорки также можно отнести к области фразеологии, так как они обладают рядом свойств, характерных для устойчивых сочетаний и фразеологизмов. Основное отличие пословиц и поговорок от фразеологических единиц непословичного характера, лишенных обобщенности и назидательности, заключается в том, что «номинативность пословицы состоит не в познании и выделении отдельных элементов действительности (предмет, существо, действие, явление и их признаки и т.п.), а в выделении и описании некоторых постоянно воспроизводимых типов ситуаций, представляющих слепки взаимоотношений отдельных элементов действительности» [1, 45–46].

Среди факторов, позволяющих отнести пословицы и поговорки к области фразеологии, можно отметить следующие.

Во-первых, так же, как и другие фразеологические обороты, пословицы и поговорки воспроизводятся в речи в готовом виде.

Во-вторых, пословицы и поговорки обладают семантической целостностью, смысловым единством.

В-третьих, пословицы и поговорки отличаются общенародной употребительностью. Они включают в себя итоги человеческих наблюдений, обобщения жизненного опыта, среди них немало нормативных положений, оценочных, моральных суждений.

В-четвертых, пословицы и поговорки характеризуются постоянным составом компонентов, а в большинстве случаев – и относительно постоянной грамматической формой.

В-пятых, пословицам и поговоркам свойственна стабильность их состава, что сближает их в некотором смысле с фразеологическими сращениями и фразеологическими единствами.

Кроме того, по степени употребительности в художественной литературе, да и в разговорной речи, среди всех фразеологизмов арабского языка пословицы и поговорки занимают значительное место. Примеры:

«الاباء ياكلون الحصرم والابناء يضرسون» ‘сыновья расплачиваются за грехи отцов’, (букв.) ‘отцы едят незрелый виноград, а у сыновей оскомины’ [16, 177];

«أعمى و يبرجس فى النخل» ‘не в свои сани не садись’, (букв.) ‘слепой, а участвует в конноспортивном состязании среди пальм’ [16, 64];

«هو كالزيفون يزهر ولا يثمر» ‘от него как от козла молока’, (букв.) ‘он точно неплодоносная рябина – цветет, но плодов не дает’ [16, 340];

«لا يعجبه البشنين ومن زرعه» ‘ему не угодись’, (букв.) ‘ему не нравится лотос и тот, кто его посеял’ [16, 73];

«كانت مرتاحه جابت لها حاحه» (разг.) ‘Не знала баба горя – купила баба порося’, (букв.) ‘она была счастлива, принесла себе крики домашних животных’ [16, 152];

«ذق تشته» ‘аппетит приходит во время еды’, (букв.) ‘попробуй – захочешь’ [16, 278].

Значения пословиц и поговорок сближают их, в некоторой степени, с фразеологическими сочетаниями и выражениями. Паремические выражения редко могут быть эквивалентны слову.

Необходимо также отметить, что среди фразеологических оборотов арабского языка встречается много сочетаний, выражающих различного рода пожелания и проклятия, или же представляющих собой выражения вводного, междометного и вокативного характера:

«والله» ‘Клянусь Аллахом!’ [16, 868];

«والحكاية على الله» ‘И что будет, один Аллах знает! Будь что будет!’, (букв.) ‘И рассказ за Аллахом!’ [16, 188];

«يا سلام» ‘О чудо! Вот так чудо!’, (букв.) ‘О мир!’ [14, 387];

«وا اسفاه» – ‘Увы! Как жаль!’ [16, 868];

«وتوتة توتة فرغت الحدوتة» ‘Вот и сказке конец!’ (концовка в народных сказках), (букв.) ‘И шелковица, шелковица, закончился рассказ (закончилась басня)’ [16, 106];

«اشكر ك جدا والنصف والرّبع» (разг.) ‘очень, очень благодарен тебе’, (букв.) ‘благодарю тебя очень с половиной и четвертью (благодарности)’ [15].

Такие фразеологизмы играют в языке только вспомогательную роль.

Выводы и перспективы. Таким образом, в языкознании можно выделить две полярные точки зрения по этому вопросу. Языковеды, рассматривающие фразеологию в широком смысле слова, считают необходимым включение пословиц и поговорок в число фразеологических единиц на том основании, что они входят в систему языка в готовой форме, превращаясь из первоначальных свободных сочетаний лексем с номинативным значением в метафорические сочетания. По их мнению, пословицы и поговорки обладают лексико-семантической и синтаксической цельностью. Другая группа лингвистов, толкующих фразеологию в узком смысле, полагает, что пословицы и поговорки не являются субъектом фразеологии [10, 9].

Мы полагаем, что правильным следует признать мнение, по которому пословицы и поговорки относятся к фразеологизмам, т.к. они воспроизводятся в готовом виде, могут состоять из двух и более слов, обладают образностью, имеют лексические синонимы, т.е. обладают многими признаками, которые присущи фразеологическим единицам. Материалы исследования часто подтверждают такую оценку этой категории языковых средств.

Литература

1. Гвоздев В. В. Парадигматические отношения в пословичном фонде / В. В. Гвоздев // Филологические науки. – 1982. – № 4. – С. 44–49.
2. Гусейнов Ф. Г. Русская фразеология / Ф. Г. Гусейнов. – Баку : Изд-во АГУ, 1977. – 118 с.
3. Иванова Л. П. Методы лингвистических исследований / Л.П. Иванова. – Киев : ИСДО, 1995. – 87 с.
4. Крикманн А. А. Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы / А. А. Крикманн // Паремииологические исследования. – М. : Наука, 1984. – С. 127–148.
5. Кунин, А. В. Английская фразеология: Теоретический курс / А. В. Кунин. – М. : Высшая школа, 1970. – 344 с.
6. Куртсеитов А. М. Структурно-семантический анализ крымскотатарских фразеологизмов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. М. Куртсеитов. – Киев, 2006. – 19 с.
7. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание / Б. А. Ларин. – М. : Просвещение, 1977. – 224 с.
8. Мишкурлов, Э. Н. Типологическая характеристика арабского языка / Э. Н. Мишкурлов. – М. : Изд-во военного института, 1977. – 77 с.
9. Рагимзаде Н. Р. Идиоматические выражения в азербайджанском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Р. Рагимзаде. – Баку, 1967. – 23 с. [143].
10. Розенталь, Д. Э. Справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова – М. : Просвещение, 1972. – 495 с.
11. Рубинчик, Ю. А. Основы фразеологии персидского языка / Ю. А. Рубинчик. – М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1981. – 275 с.
12. Тагиев М. Т. Глагольная фразеология современного русского языка / М. Т. Тагиев. – Баку : Маариф, 1966. – 251 с.
13. Черкасский, М. А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (пословицы и афоризмы) / М. А. Черкасский // Паремииологический сборник. – М., 1978. – С. 33–52.

14. Шагаль В. Э. Учебник арабского языка / В. Э. Шагаль, М. Н. Мерекин, Ф. С. Забиров – М. : Воениздат., 1983. – 783 с.
15. Шарбатов Г. Ш. Соотношение арабского литературного языка и современных арабских диалектов / Г. Ш. Шарбатов // Семитские языки. – М. : Наука, 1966. – С. 150–162.
16. Баранов, Х. К. Арабско-русский словарь : ок. 42 000 слов / Х. К. Баранов. – 7-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1989. – 928 с.

Бекіров Р. О. Паремічні вислови як об'єкт фразеології сучасної арабської мови / Р. О. Бекіров // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 43–48.

В статті робиться спроба вивчення паремічних висловів сучасної арабської мови. Ставляться наступні задачі: зібрати, систематизувати, класифікувати та дослідити в етимологічному та в інших планах прислів'я та приказки.

В ході дослідження встановлено, що фразеологія як давня та велика частина складу арабської мови являє собою великий інтерес щодо вивчення ряду проблем арабського мовознавства.

Ключові слова: прислів'я, приказка, етимологія, арабська мова.

Bekirov R. A. Paroemias as an Object of the Study in Modern Standart Arabic Phraseology / R. A. Bekirov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 43–48.

This article attempts to examine proves of modern Arabic. Next tasks should be solved: to collect, classify and study in the etymological and other aspects sayings and proverbs.

In modern linguistics and Arabic linguistics in particular the reseachers' attention focuses on the question of the validity of the including in phraseology such expressions as proverbs and sayings.

Proverbs and sayings are such a units which on the one hand are opposite to words and phraseological units, and on the other hand – to other sentences which do not have phraseological meaning.

From all of these groups paroemia, as many researchers noted, differs by the fact that it convey “an attitudinal and ethical information” and have a “generalized hortative and didactic nature”.

Each of aphoristic and proverbial expressions include the results of human observation, generalization of experience. Many of them are regulations, attitudinal and moral judgments.

The main difference between proverbs and sayings from phraseological sentences which do not have proverbial nature devoid of general and hortative meaning is that “proverb's nominative is not in perception and detachment of the individual elements of reality (object, essence, activity, phenomena and its signs, etc.), but in the definition and description of some types of situations which represent copies of relationships between some elements of reality”.

Phraseology characterizes not “reproducible types of situations” but different parts of private individual situations, the specific characteristics of their participants.

Idiomatic of the proverbs and sayings appears through its “national” character, because the same situation in different languages is represented by various means of paroemia or that in any language such idiomatic tools are available, and in the other – not. In other words proverbs and sayings as well as for other types of phraseological units are characterized by cross-language idiomatic property.

Keywords: proverbs, sayings, etymology, Arabic.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 811.222.1

«НЕБЕСНЫЙ ДАСАТИР» КАК ПОПЫТКА ВЕРНУТЬ ЧИСТОТУ ПЕРСИДСКОМУ ЯЗЫКУ

Сухоруков А. Н.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
E-mail: sankafd2004@gmail.com*

В данной статье рассматривается место книги «Небесный Дасатир» в становлении и распространении пуристических идей в персидском языке в 19 веке. Производится краткий анализ содержания «Дасатира» с точки зрения наличия новых националистических идей и образов и отмечается преемственность пуристических идей «Дасатира» сторонниками очищения персидского языка в последующие времена и место оригинальной лексики этой книги в письменных произведениях иранских писателей, поэтов и лексикографов. Значительное внимание уделено исследованию специфики лексики «Дасатира» и характеристике основных способов образования автором пуристических замен по отношению к лексическим заимствованиям, в качестве примеров приводится достаточное количество соответствующей уникальной лексики.

Ключевые слова: персидский язык, Дасатир, пуризм

Постановка проблемы. «Небесный Дасатир» (دساتیر آسمانی) - книга неизвестного автора, послужившая толчком для распространения националистических идей в Иране в середине 19 в. Название её можно перевести как «Небесные предписания» и позиционировалась она как сборник божественных откровений, направленных последовательно 16 пророкам. Книга была приобретена Моллой Кавусом, зороастрийцем из Гуджарата, в Исфахане в 1778 г. у торговца антиквариатом [7, 165]. Она быстро привлекла внимание англичан и уже в 1818 г. был опубликован текст «Дасатира» на английском языке.

«Дасатир» представлен двумя частями - текстом на малопонятном языке, якобы «небесном», божественном, и подстрочным переводом его с последующими комментариями. Оригинальный текст «Дасатира» богат неизвестными словами на иранской основе. Комментарии к нему, приписываемые зороастрийскому религиозному деятелю - Сасану V, современнику Хосрова II (590-628 гг.), написаны особым стилем без арабских лексических заимствований. Иранский исследователь Моджтабаи, продолжив работы знаменитого специалиста в области древних иранских языков Э.Пурдовуда и опираясь на сравнительный анализ лексики и фразеологии «Дасатира» утверждает, что составлен он был в северной части Индии около 1592 г. [3, 15].

Указание на язык, близкий персидскому, как язык Бога в совокупности с другими идейными посылами книги об особой задаче иранского (персидского) народа способствовало развитию и распространению националистических настроений в среде иранской интеллигенции. Специфическая лексика «Дасатира», как и факт наличия книги – цельного повествования на персидском языке без арабизмов, всё это заставило некоторых литературных деятелей пересмотреть свои взгляды на вопрос о необходимости и неизбежности обращения к словам арабского происхождения. Появившиеся вскоре работы на чистом персидском языке (ЧПЯ), в т.ч. поэзия Ягма Джандаки и проза Джалалааддина Мирзы Каджара, стали прямым продолжением

попыток доказать возможность персидского языка (ПЯ) в максимальной степени обходиться своими лексическими ресурсами.

Исследованность и актуальность. Дасатир в последние годы не привлекает к себе особого внимания, что обусловлено как изменением идеологии в Иране, так и тем обстоятельством, что усилиями иранских учёных было доказано искусственное происхождение многих терминов, представленных в книге как остатки «божественного» языка. Среди иранских исследователей необходимо, в первую очередь, выделить Э.Пурдовуда, который провёл детальный сравнительно-сопоставительный анализ лексики «Дасатира» и первым определил истинный период её написания. Из последних исследований «Дасатира» достойна внимания публикация Хосейни-Асафа «Небесный Дасатир – псевдобогооткровенная книга зороастрийцев» [4]. В ней автор обращается к анализу обнаруженной рукописи «Дасатира» с комментариями и специальным словарём в качестве приложения к ней. На 20 страницах автор касается истории обнаружения данной рукописи, затрагивает вопросы авторства, структуры и содержания «Дасатира», останавливается на некоторых вопросах, в т.ч. на оригинальной системе счисления. Данная статья богата цитатами из «Дасатира», что позволяет глубже и точнее понять как идейный посыл автора, так и специфику уникальной лексики. Наиболее ценной для нас частью статьи является раздел с произведённым по примеру Пурдовуда кратким анализом оригинальной лексики «Дасатира».

В большинстве других работ «Дасатир» не занимает центрального места и рассматривается в контексте какого-либо иного вопроса. Более полно он представлен в коллективной работе Х.Ахмади и А.Хейрандиша «Последователи Азар Кейвана и их влияние на романтический национализм в историографии современного Ирана» [3, 14-19]. В ней авторы поднимают вопрос обнаружения и авторства «Дасатира», содержания и его идейного влияния на историографию Ирана. Немногим отличаются исследования большинства других иранских авторов, в т.ч. А.Данешваркиян [5, 107-110], Садрина [6, 108], А.Атрафи [7, 164-165], М.Моин [9, 35], каждый из которых рассматривал «Дасатир» в зависимости от поставленной им основной цели. Примером одностороннего подхода к «Дасатиру» может служить опубликованная не так давно книга А.Асгара «Уловка создателей пророков и Небесный Дасатир» [8]. В этой политизированной работе «Дасатир» рассматривается лишь как один из элементов традиционной политики Великобритании по созданию у населения колонизированной страны системы ложных ценностей с целью ослабления традиционной культуры и внесения религиозного раскола в исламскую общину.

«Дасатир» в Иране давно не переиздавался и найти его на ПЯ достаточно сложно. Однако эта книга в полном объёме была опубликована в 2007 г. в США [2]. К сожалению, на настоящий момент на русском языке, за небольшим исключением, отсутствуют работы, касающиеся «Дасатира». Автор настоящего исследования ранее рассмотрел некоторые аспекты обнаружения, структуры, тематики и специфики «Дасатира» в работе «Элементы раннего языкового пуризма в Иране (до сер. 19 в.)» [1]. В отечественной литературе, кроме указанного сочинения, вопрос о «Дасатире» и его влиянии на пуристический процесс в Иране более нигде не поднимался.

Цель и задачи. Целью данного исследования является определение путей, форм и степени влияния псевдобогооткровенной книги «Дасатир» на развитие пуристических идей в Иране. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать содержание «Дасатира» с точки зрения наличия новых националистических идей и образов; исследовать специфику лексики «Дасатира» и охарактеризовать основные способы образования автором пуристических замен по отношению к лексическим заимствованиям; проследить преемственность пуристических идей «Дасатира» сторонниками очищения персидского языка в последующие времена и место оригинальной лексики этой книги в письменных произведениях иранских литераторов и пуристов.

Основная часть. В «Дасатире» отражены идеи большинства крупных религиозных верований: иудаизма, христианства, ислама, отдельные элементы буддизма, а также некоторых других верований, распространённых в Индии. Но в основе всего лежит картина мира, близкая к традиционной зороастрийской. Возникновение ислама, как и покорение арабами персов, также якобы предсказано в этой книге и представлено как наказание за забвение наследия предков. В этом ключе, естественно, возвращение к доисламской традиции читателями «Дасатира» могло рассматриваться как правомерный и необходимый шаг. С идеологической точки зрения «Дасатир» способствовал распространению в Иране националистических идей с опорой на культуру и различные цивилизационные достижения населения этой страны в доисламский период.

«Дасатир» структурно состоит из обращений Бога к своим 16 пророкам разных времён с указанием их миссии и многочисленными пояснениями. Большинство пророков легко идентифицируются на основе «Шахнаме», что давало основания считать иранцев прямыми наследниками культуры, наиболее полно и точно отобразившей истинные ценности человечества. Таким образом, связь: чистые божественные откровения – чистая культура – чистый язык, нашла продолжение в идеях романтического национализма и как следствие – в распространении идей о необходимости возвращения к чистому языку.

Как уже указывалось, в самом тексте комментариев к «Дасатиру», приписываемых Сасану V (590-628 гг.) арабские лексические заимствования отсутствуют, но имеют место многочисленные случаи употребления оригинальной лексики, нигде прежде не отмеченной. Наличие оригинальной лексики во многом объясняется отсутствием близких синонимов на иранской основе по отношению к некоторым арабизмам, закрепившимся в персидском языке.

Оригинальная лексика «Дасатира» с середины 19 в. стала постепенно проникать в литературный персидский язык. Прежде всего, она была внесена в самый авторитетный словарь того времени «Борханэ катэ» (составитель – Мухаммад Хосейн Табризи) и авторы новых словарей уверенно размещали лексику «Дасатира» на своих страницах. Так, она вошла в словарь «Фарханг-и Анандарадж», составленный Мухаммадом Падешах Шад, считающийся самым точным и систематизированным толковым словарём персидского языка в своё время (закончен в 1875 г.). Реза Кули-хан Хедаят, глава первого в Иране высшего светского учебного заведения – Дар-оль-Фонун, также включил лексику «Дасатира» в свой «Украшающий собрания словарь» (изд. 1871).

Вошла лексика «Дасатира» и в словарь «Фарнудсар» Назема ал-Атба, известный также как «Фарханг-е Нафиси». Это первый толковый словарь, который содержал транскрипцию латинской графикой. Авторский вариант словаря представлен был переработанным полным собранием терминов из всех авторитетных словарей того времени и включал 158 431 термин на 3317 страницах. Стоит отметить, что названием словаря стало одно из неологизмов автора «Небесного Дасатира» - слово *فرنودسار* *собрание аргументов*, образованное от *فرنود* в значении *доказательство, аргумент, причина* (вместо *араб. برهان دليل*) и *سار* *место*, причём последнее слово в данном значении также нехарактерно для классического персидского языка. Благодаря употреблению в названии крупного словаря данного неологизма из языка Дасатира, оно и до сих пор имеет частичное хождение в определённых кругах – публикация книги *فرنودسار گزیده‌ای از دایرةالمعارف تهاویل الربیع* (2012 г.) и проведение научного семинара *برگزاری مجموعه کارگاه‌های مردم‌شناسی و فولکلور «فرنودسار»* (2013 г.) являются лучшими тому доказательствами.

Персидские писатели и поэты, полагая, что «Дасатир» представлен коренной иранской лексикой, стали вводить её в свои произведения. Искусственную лексику «Дасатира» можно встретить в стихах Каани, Ф.Бастами, Ягма Джандаки, Соруша Эсфахани, Фатхалла-хана Шейбани, Мирзы Форсат Ширази, Адиб-оль-Мамолека Фарахани, шейха Ахмад Кермани в его поэме «Саларнаме», Мухаммад Хусейна Азада в сборнике его стихов «Соханан-е фарс» (1887), Данеша (Хакима) в «Гандж-е Данеш» и др.

Афшар Бекешлу Казвини, сотрудник персидского посольства в Османской Турции в книге «Парваз-е негареш-е парси» (происхождение персидского письма), изданной в 1895 г. в Стамбуле, утверждал, что овладение персидским языком стало крайне затруднительно из-за многочисленных заимствований из арабского, турецкого, французского и других языков. Он считал, что удаление слов иноязычного происхождения пошло бы на пользу ПЯ. Обращение к коренной лексике и неологизмам на иранской лексической основе он рассматривал как возможный выход из сложившейся ситуации, а стиль его идейного учителя – Дж.Мирзы Каджара и «язык Дасатира» были для Бекешлу Казвини свидетельствами успешного применения ЧПЯ.

Лексика «Дасатира» присутствует также в жизнеописании каджарских правителей от Мухаммад Таги Сепехра в книге «Насх ат-Таварих», в хронологиях Каджаров от крупного политического деятеля и литератора Этемад-эс-Салтане и в «Бустан уссияхат» («Цветник путешествия») Зейналабдина Ширвани, изданной в 1833 году.

«Дасатир» и его идеи были восприняты также Джалаладдин Мирзой Каджаром - видным литератором того времени, одним из сыновей Фатх Али-шаха Каджара, в результате чего в 1868 г. был опубликован 1-й том трилогии на чистом ПЯ - «Книга царей» (*نامه خسروان*). Возникло даже новое понятие - «язык Дасатира», т. е. чистый ПЯ, без иноязычных заимствований и опирающийся на лексику этой книги. Популярность оригинальной лексики «Дасатира» в определённых кругах достигла такого уровня, что некоторые люди обращались к ней при выборе себе фамилии [3, 17].

Условно всю лексику из комментариев к «Дасатиру» можно разделить на 6 типов:

1) обычная лексика современного ПЯ (*مهربان* , *زشت* , *نام* , *رساندن* , *منش* , *گمراه کننده* , *داداگر* , *رنج دهنده* т.п.);

2) архаическая лексика, отмеченная в пехлевийских и зороастрийских текстах, а также псевдоархаизмы, претендующие на древнюю историю, но отличающиеся по форме от сохранившихся лексем (*мирзигидн* от пехл. *مرنچیدن* *или* *حد* *есть*, *имеется*, *является* от пехл. *آیت* *همار* *подсчёт*, *счёт* от пехл. *آمار* *люди*, *народ* от пехл. *مرت* и т.п.);

3) редкие неологизмы, введённые Ибн Синой и Бируни (в т.ч. *элемент* вместо араб. *عنصر*, *участник* вместо араб. *شريك*, *достойный*, *соответствующий* вместо араб. *قابل*, *сила*, *мощь* вместо араб. *قوت*, *течение* вместо араб. *حركات* и *افراز* *высший*, *вышний* вместо араб. *علوى* из числа неологизмов Ибн Сины);

4) кальки с отдельных арабских слов (*بيت المعمور* вместо *آباد* *поселение*, *برش ديد* вместо *الطوف* *и* т.п.);

5) уникальная лексика искусственного происхождения, созданная анонимным составителем «Дасатира» (*غربى* *западный*, *انتم* *выполнение*, *завершение*, *شالستن* *знать*, *هيرانцы*, *نوراخ* *Греция*, *رام* *животные*, *هادر* *Создатель*, *Творец* и др.);

6) лексика индийского происхождения. На наличие подобной лексики указывает в различных частях своей работы иранский исследователь Хосейни-Асаф [4, 226-227]. Частично она отмечена и в работе М.Моина [9, 39]. В качестве примера можно указать на следующие слова из комментариев в «Дасатири» индийского происхождения: имеющее полный аналог в хинди *очень*, *все*, *каждый* и *всегда*, а также *тело*, *туловище* от хинд. *شرير* *др.*; *сам* от гуджаратского *ام* *сейчас*, *теперь* от гуджаратского *امنه* *близко*, *рядом* от санскритского *पास* и др.

При образовании неологизмов, призванных заменить слова арабского происхождения, анонимный автор «Дасатира» использовал следующие модели:

1) расширение или изменение семантических границ лексики, например: *бастан* *древний* в «Дасатири» используется в значении *старый*, *ветхий*; *سنگسار* *побивание камнями* (*средневековый вид наказания*) выступило в качестве пуристической замены к арабизму *رسخ* *делание крепким*; *آمیزش* как видоизменённая форма *перс.* *آمیزش* *общение*, *смешивание* используется в комментариях к «Дасатиру» как аналог арабизма *حقیقت* *истина*, *правда*, а *آمیزی* соответственно, как *حقیقی*.

2) трансформации внутри слова, а также увеличение или уменьшение числа букв в словах, в т.ч. посредством произвольного добавления или изменения букв и звуков в начале слова: *ایوان* вместо *کیوان* *Сатурн*, *هروستا* вместо *آوستا* *Авеста*, *هان* вместо указательного местоимения *آن* *тот*, *то* и производное от него *چیمان* *хан* вместо *آنچنان* *такого рода*, *таким образом*;

- посредством произвольного изменения букв в середине слова: *آرخیده* вместо *سوتворённое*, *فروست* вместо *فروردین* *фарвардин* (*название месяца*), *نخست* вместо *первый*, *گستاب* вместо *گرداب* *водоворот*, *آسردن* вместо *آزردن* *обижать*, *همیکه* вместо *همینکه* *как только*;

- посредством произвольного добавления или изменения букв и звуков в конце слова: *آسمات* вместо *آسمان* *небо*, *روام* вместо *روان* *ровный*, *споконный*, *داهاک* вместо *داهان*, *Заххак* вместо *تن* *тело*, *جهاج* вместо *جهان* *мир*, *вселенная*, *بارام* вместо *باران* *дождь*, *مزدام* вместо *مزدا* *Мазда* (*верховное божество зороастрийского пантеона*);

- смешанные подвиды произвольных изменений: *تورات* *Тора* вместо *شالستن* *Торас*, *دندانستن* *дзнуть* вместо *ايرج*, *ايزد* *язат* вместо *تير* *тир* (название месяца), *شنكر* *шнкр* вместо *پيكر* *пи́к* *фигура, тело*, *سراسر* *справсюду* вместо *سفاسف*, *هیرتاوش* *хиртауш* вместо *سیاوش* *Сиявуш*, *زرتشت* *Зороастр* вместо *مادر* (آذر) *азар* (название месяца), *پیش* *пеш* *появление* без соблюдения норм грамматики. Наиболее явно несоответствия персидскому словообразованию прослеживаются на примере различных отглагольных форм. Так, иранский исследователь М. Моин как пример приводит следующий неологизм из «Дасатира»: в качестве эквивалента к *موجود شدن* *появляться, появление*, выраженному сложным глаголом с арабизмом *موجود* в именной его части, автор создаёт и употребляет в тексте новое слово *باش*. Несомненно, что образовано оно от *باش* - основы настоящего времени глагола *بودن* *быть*. Однако по правилам словообразования ПЯ отглагольная форма с соответствующей семантической нагрузкой может быть представлена как *باشش* или же, как предложил около тысячелетия назад Насир Хосров – *بودش* [9, 41].

4) словообразование в соответствии с нормами персидского языка. Довольно редкое явление в комментариях к «Дасатиру», на фоне множества примеров безосновательного и ошибочного словотворчества случаи естественного для персидского языка словообразования долгое время оставались вне поля зрения исследователей. Одними из первых на подобный ряд слов обратили внимание Ахмади и Хейрандиш, хотя они и не предоставили примеры подобных неологизмов, ограничившись заявлением, что «есть часть слов и словосочетаний, в создании которых учтены правила словообразования, они созданы красиво и со вкусом» [3, 15]. В качестве примера, можно указать на следующие новые слова и словосочетания из «Дасатира»:

راست پوش в значении *правоверный (зороастриец)*, образовано от прилагательного *راست* *правильный* и основы настоящего времени глагола *پوشیدن* *надевать (на себя), носить (одежду)*, т.е. буквально может быть переведено как *правильно одетый*;

افرازستان *вышний мир, мир ангелов*, образовано от *افراز* - одного из неологизмов Ибн Сины со значением *высший, вышний* (от основы настоящего времени глагола *افراشتن* *возвышать, поднимать*) и суффикса *ستان*, характерного при образовании имён существительных и топонимов. *افرازستان* в тексте «Дасатира» служит полным аналогом по отношению к арабскому словосочетанию *عالم علوی*, широко распространённому в философско-религиозном стиле персидского языка. В то же время, по отношению к близкому словосочетанию *عالم سفلی* *нижний мир, бренный мир* автор «Дасатира» создаёт оригинальный неологизм *فسرده شهر*;

Определённый интерес представляет переосмысление автором «Дасатира» слова пехлевийского происхождения, прочно закрепившегося в персидском языке *خورشید* *солнце*. В комментариях к «Дасатиру» оно видоизменяется на *هورشید*, где первая составная часть *هور* этимологически связана с *اهورا* *ахура* (эпитетом верховного божества Мазда, ассоциировавшегося с солнцем). По этой же аналогии было образовано и слово для обозначения луны и лунного света – *ماهشید*. В другом случае автор от местоимения *همه* *все, все* путём добавления к началу слова частицы отрицания *a-*, характерной для древнеперсидского языка, создаёт оригинальный неологизм с претензией на древнее происхождение *اهمه* со значением *неполный, не целый*. В качестве неологизмов, образованных в относительном соответствии с правилами персидского языка, можно указать на существительные *کنور* *субъект, деятель*, введённое вместо

ствительные *كور* субъект, деятель, введённое вместо *араб. فاعل* и *چشميده* имеющееся *ввиду*, заменившее *араб. منظور*

Выводы и перспективы. 1) «Небесный Дасатир» до начала 20 в. считался в Иране одной из богооткровенных книг на уровне Торы, Авесты и др. Авторство её перевода (комментариев) приписывалось Сасану V, современнику Хосрова II (590-628 гг.), и представлено было чистым персидским языком без явных арабских заимствований, но со множеством псевдоархаизмов. Наличие столь древнего божественного источника с якобы предсказанными и уже сбывшимися событиями способствовало росту национального самосознания иранцев, а язык без арабизмов из комментариев к «Дасатиру» послужил примером для целого ряда иранских писателей и поэтов, которые в своих произведениях отказывались от употребления арабских заимствований. Оригинальная лексика «Дасатира» была включена также в некоторые словари, в том числе в самый авторитетный словарь того времени «Борханэ катэ».

2) Условно всю лексику из комментариев к «Дасатиру» можно разделить на 6 типов: а) обычная лексика современного ПЯ; б) архаическая лексика, отмеченная в пехлевийских и зороастрийских текстах, а также псевдоархаизмы, претендующие на древнюю историю, но отличающиеся по форме от сохранившихся лексем; в) редкие неологизмы, введённые Ибн Синой и Бируни; г) кальки с отдельных арабских слов и выражений; д) уникальная лексика искусственного происхождения, созданная анонимным составителем «Дасатира»; е) лексика индийского происхождения (хинди, санскрит и гуджаратский языки).

3) При образовании неологизмов, призванных заменить слова арабского происхождения, анонимный автор «Дасатира» использовал следующие модели: а) расширение или изменение семантических границ лексики; б) внутренние трансформации слова, выраженные в произвольном добавлении, удалении букв или их изменении; в) вольное словообразование без соблюдения норм грамматики; г) словообразование в соответствии с нормами персидского языка.

Литература

1. Сухоруков А.Н. Элементы раннего языкового пуризма в Иране (до сер. 19 в.) // Учёные записки Таврического национального университета. Т.26 (65) №1, Ч.1 Серия «Филология. Социальные коммуникации» - Симферополь, 2013. – С.424-431. ISSN 1606-3715
2. Mulla Firuz Bin Kaus. Desatir or the Sacred Writings of the Ancient Persian Prophets in the Original Tongue Together with the Commentary of the Fifth Sasan. – Kessinger Publishing, 2007. – 212 p. ISBN: 0548003831
3. احمدی حسین ، خیر اندیش عبدالرسول ، آذر کیوانیان و تاثیر آنان بر باستانگرایی در تاریخ نگاری معاصر ایران / تاریخ ایران : شماره 70/ 5 ف تابستان – پاییز 1391. – ص. 1-31
4. حسینی آصف،سید حسن ، دساتیر آسمانی، دین نامه جعلی زرتشتیان / فصلنامه هفت آسمان ، بهار 1386 - شماره 33. – ص.219-238
5. دانشور کیان علی ، نگاهي اجمالی به سير تاريخی لغت سازی علمی فارسی / مجله
6. –دانشکده ادبیات و علوم انسانی دانشگاه تهران زمستان1382 و بهار1383. – ص. 101-119
7. صدري نیا، باقر پیشینه تاریخی و مبانی نظری سره نویسی / مجله دانشکده ادبیات و علوم انسانی تبریز ، سال 17، شماره 65 پاییز 1377 ص. 99-127
8. عطرفی علی اکبر، افرازنده منیژه ، سره گرایی در تاریخ ادب فارسی / فصلنامه تاریخ ، ادبیات ، شماره مسلسل 64 (3) ، 188-161 ص. ISSN 2008-7349
9. علی اصغر ، مصطفوی. ترفند پیغمبرسازان و دساتیر آسمانی. – تهران ، ۱۳۷۰. – ۴۰۰ص. تصویر، نمونه
10. معین،محمد ، آذر کیوان و پیروان او / فصلنامه دانشکده ادبیات و علوم انسانی دانشگاه تهران، فروردین 1336- شماره 39. – 42-25 ص. ISSN1026-2288

Сухоруков О. М. «Небесний Дасатір» як спроба повернути чистоту перської мови / О. М. Сухоруков // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 49–56.

У даній статті розглядається місце книги «Небесний Дасатір» у становленні та поширенні пуристичних ідей в перській мові в 19 столітті. Виробляється короткий аналіз змісту «Дасатіра» з точки зору наявності нових націоналістичних ідей і образів і відзначається спадкоємність пуристичних ідей «Дасатіра» прихильниками очищення перської мови в наступні часи та місце оригінальної лексики цієї книги в письмових творах іранських письменників, поетів і лексикографів. Значну увагу приділено дослідженню специфіки лексики «Дасатіра» і характеристиці основних способів утворення автором пуристичних замін по відношенню до лексичних запозичень; як приклади наводиться достатня кількість відповідної унікальної лексики.

Ключові слова: перська мова, Дасатір, пуризм

Sukhorukov O. M. «The Dasatir-i-Asmani» as an attempt to restore the purity of the Persian language / O. M. Sukhorukov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 49–56.

The article deals with the specifics of the vocabulary of the book «The Dasatir-i-Asmani» and the impact it had on the development process in purism in Persian language in Iran in the 19th century.

«The Dasatir-i-Asmani» is a book by unknown author. It was positioned as a collection of divine revelations addressed consistently to 16 prophets. The book was acquired by Mulla Kavus, a Zoroastrian from Gujarat, in Isfahan from an antiques dealer in 1778. The "Dasatir" comprises two chapters: the text in vague language and its interlinear translation with subsequent comments. The original text of "Dasatir" is rich in unknown words with Iranian roots. Its comments, attributed to Sasan V., a Zoroastrian religious figure and contemporary of Khosrau II (590-628 A.D.), are written by a particular style without Arabic loan words. The Iranian researcher Modzhtabai, taking into account the comparative analysis of vocabulary and phraseology of "Dasatir", states that it was compiled in about 1592 in India but until the early 20th century "Dasatir-i-Asmani" was considered one of the divine books like the Torah, Avesta and so on in Iran. The presence of such ancient divine source with allegedly predicted and already come true events contributed to the growth of national consciousness of Iranians. And Persian language without Arab words in the comments on "Dasatir" served as an example for a number of Iranian writers and poets, who in some of their works abandoned the use of Arabic borrowings. The original lexicon of "Dasatir" found its way into some dictionaries, including the most authoritative dictionary of that time and known as «Borhane Ghatе».

All the vocabulary from the "Dasatir" comments can be conventionally divided into six types: 1) regular lexicon of modern PL; 2) archaic lexicon noted in Pahlavi and Zoroastrian texts, and pseudo archaisms that apply for ancient history but differ in form from the preserved lexemes; 3) rare neologisms introduced by Al-Biruni and Avicenna; 4) calques from some Arabic words; 5) the unique lexicon of artificial origin, created by an anonymous author of "Dasatir"; 6) lexicon of Indian origin (Hindi, Sanskrit and Gujarati languages).

When creating neologisms aimed at replacing the words of Arabic origin, the anonymous author of "Dasatir" used the following models: 1) extension or change of lexicon semantic boundaries; 2) internal transformation of words including arbitrary addition, deletion or modification of letters; 3) arbitrary derivation without following the grammar rules; 4) derivation according to Persian language rules.

Keywords: Persian language, purism, Dasatir.

Поступила в редакцію 03.03.2014 г.

УДК 811.512.1

НАПРАВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ПАДЕЖНЫЕ КАТЕГОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Эргин Е. Г.

*Азербайджанский государственный педагогический университет
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В научной статье через призму исторического развития тюркских языков автор рассматривает развитие ряда грамматических и морфологических категорий. Тюркские языки, как древние языки, прошли долгий путь развития, обогатив своё морфологическое строение и грамматические категории, дошли от аморфности до агглютинативности. Объединяющим эти языки в одной группе основным признаком является общность грамматического строения, а также основных словарных фондов. В рамках этого исторического развития, как и ряд морфологических категорий, категория падежа, хотя и обогатила свои компоненты, серьезным изменениям не подверглась. Хотя в современных тюркских языках относящиеся к категории падежа термины, названия падежей, число и морфологическое показатели в определенной степени и отличаются, от материнского тюркского языка основательно не отдалились.

Ключевые слова: тюркские языки, падеж, морфология, категория.

Постановка проблемы. Известно, что история языка столь же древняя, как и история общества. Язык, будучи основным и незаменимым средством общения между людьми, сыграла неоспоримую роль в сохранении культурного наследия и исторической памяти. Возникший из естественной потребности и необходимости язык, безусловно, развился вместе с обществом и обогатился, приобрел широкие возможности и в устной, и письменной форме. В этом смысле, говорящие «история языка – это история общества», конечно же, не заблуждаются. Язык всегда «жил вместе с обществом, к которому принадлежал: развивался в годы возвышения общества, при деградации переживал кризис, когда общество гибло, погибал, забывался и язык» [7, 5]. В этом контексте изучение современных языков, исследование любого элемента языка, категории делает необходимым важность обращения, наряду с нынешними родственными языками, к исторически ушедшим языкам, а также к древним письменным памятникам. В связи с нашей темой по мере необходимости будем обращаться к историческим фактам, приведем примеры из древних письменных памятников тюркских народов. Так как «материя и форма родного языка» тогда может быть понята, когда его рождение и постепенное развитие отслеживается, а это, невозможно без внимания, прежде всего, к его слабым формам, а во-вторых, близким живым и мертвыми языкам» [6, 4]. «На современном уровне развития тюркологии особое значение имеет диахроническое исследование грамматических категорий, составляющих отдельные звенья грамматического строения тюркских языков» [5, 3]. В этом контексте, при синхронном исследовании любой грамматической категории приходится ссылаться на диахронические языковые факторы.

Тюркские языки, будучи и генеалогически, и типологически родственными языками, прошли богатый исторический путь. Объединяющим эти языки в одной группе основным признаком является общность грамматического строения, а также

основных словарных фондов. Как раз на основании этой общности распространившиеся во все стороны бескрайней нашей страны тюркские народы в большей или меньшей степени понимают друг друга. У формирования тюркских народов, а также их языков есть очень древняя и богатая история. Еще задолго до нашей эры сформировавшиеся из одного корня десятки родов, племен и союзов племен в результате разделений, объединений и снова разъединений обусловили появление, развития и формирования литературных языков сначала больших, родственных друг с другом языковых семей, а потом современных тюркских языков» [11, 5]. Знаем, что первым этапом образования языков считается аморфная стадия. На этом этапе в языках грамматических форм, можно сказать, не было, по этой причине насыщенное грамматическое построение образоваться не смогло. В то время, как часть языков, пройдя этот этап, обрела своеобразные грамматические показатели, другая часть не смогла развить свою древнюю форму. В результате, хотя китайский, тибетский, корейский, вьетнамский языки и дошли до нашего времени в качестве основных хранителей аморфных языковых элементов, тюркские народы, пройдя путь развития через этот этап к агглютинативности, сумели овладеть богатыми грамматическими показателями, а также грамматическим строением. Б.Халилов, отмечая важную роль, которую играет происходящий в корнях слов процесс асемантизации (*or: or-aq, or-du; uz: uz-aq, uz-un* и др.) в развитии тюркских языков от аморфности к агглютинативности и обогащении морфологического строения и относительной стабилизации, пишет, что «асемантизация несколько стабилизировала морфологическое строение тюркских языков. В результате морфологическое строение тюркских языков отличалось от аморфных языков. Вместе с тем, морфологическое строение тюркских языков обогатилось. А также начали отличаться друг от друга корень, аффикс и их границы в словах» [4, 2]. Автор, продолжая затем мысль, пишет «нам кажется, что не будь этого этапа, тогда их односложных слов не сформировались бы и двухсложные, трехсложные слова. В то же время, первичные корни с аморфно-синкретически-моносиллабическим строением не могли отобразиться в окаменевшем, асемантизированном виде в двухсложных, трехсложных словах» [4, 12]. Следовательно, тюркские языки, семантически-функционально развив морфологическое строение, отделились от аморфности, завершила процесс своей эволюции в агглютинативности.

Тюркские языки свое агглютинативное строение сумели сохранить очень крепко исторически. Олжас Сулейменов пишет, что «Строение и морфология многих языков, входящих в индоевропейскую языковую семью, исторически в корне менялась в течение короткого промежутка времени. Хотя в этот временный период в тюркских языках никаких изменений не произошло» [8, 172]. Это постоянство стало причиной большего сохранения древних корней слов в тюркских языках. Б.Халилов, более точно комментируя этот процесс, пишет: «Из восстановленных в индо-европейских языках 203 «древних» словарных корней 198 сохранены в составе производных слов уральских и алтайских слов. Или из проведенных исследователями сравнений стало ясно, что в енисейских (арины, юги, кеты, котты, пумпоколы) и северокавказских языках много корней слов составляют соответствие. Кроме того, многие корни слов в своих производных превратились в «мертвые корни». Следы

«мертвых корней» в тюркских языках в большей степени обрели право долголетия» [3, 10]. Следовательно, тюркские языки находятся среди исторически сохранивших свое морфологическое строение, не отдалившихся от агглютинативного строения языков. Несмотря на это, так как эти языки в ходе долгого исторического процесса развития принадлежат к отличным географическим позициям и историческим условиям, хотя морфологические категории, являясь одинаковым во всех языках, показатели, относящиеся к этим категориям, в определенной степени отличались друг от друга. Так, хотя большинство словообразующих и словоменяющих аффиксов в тюркских языках и составляют общность, со временем часть потеряла свою употребительность или стала более активной, а часть подверглась определенным фонетическим изменениям, даже была заменена отличными аффиксами. И поэтому эти направленные исследования важны и с точки зрения отслеживания процесса исторического развития тюркских языков.

Известно, что в тюркских языках основные части речи делятся на две группы – имена и глаголы. Есть ряд категорий, общих для этих частей речи, которые называются общими грамматическими категориями. Хотя в азербайджанской филологии и тюркологии о числе общих грамматических категорий есть идейные разногласия, большинство исследователей сюда включили 5 категорий:

1. Категория падежа;
2. Категория принадлежности;
3. Категория численности;
4. Категория сказуемости;
5. Категория отрицания.

В большинстве тюркских языков исторически не подвергавшаяся таким уж серьезным изменениям категория падежа, создавая грамматическую связь между членами предложения и компонентов словосочетаний, охватывает существительное, прилагательное, числительное, местоимение, наречие, причастие и инфинитивы. Падежность, в действительности, считается категорией, вытекающей из требований формально морфологических, по функции – синтаксических (2, 50). В изучении категории падежа, отличающегося своим богатством в грамматическом строении тюркских языков, особая роль была у А.М.Щербака, Н.А.Баскакова, Б.И.Богородицкого, А.Кононова, О.Сулейменова, Т.Бангуоглу, Ф.Зейналова, А.Шукюрлю, М.Гусейнзаде, Б.Халилова и др.

В современных тюркских языках категория падежа именуется различными терминами:

В азербайджанском языке «*hal*», тюркском языке «*durum*», туркменском языке «*düşüm*», казахском языке «*septik*», узбекском языке «*kelişik*» и пр.

В тюркских языках различно и число падежей существительного. В азербайджанском, турецком, татарском, киргизском, алтайском, ногайском, кумышском, узбекском языках у существительного есть 6, караимском, карачаево-балкарском, желто-уйгурском, тувинском, казахском языках 7, хакасском языке же 8 падежей. В книге «Общая грамматика турецко-татарского языка», изданной М.Казимбеком в 1839 году, падежи существительных были даны на арабском:

1. *Əlmübtəda (əlfail)*- именительный падеж; 2. *Əlizəfa*- родительный падеж; 3. *Əlməfuli ileyh*- дательный падеж; 4. *Əlməfuli beh- təsirlik* падеж; 5. *Əlmünadi*- звательный падеж; 6. *Əlməfuli ənh*- исходный падеж; 7. *Əlməfuli fih- yerlik* падеж» [10, 196].

Как можно заметить, из показанных М.Казымбеком названий падежей «*əlmünadi*» - то есть звательный падеж – в нашем языке не используется, другие же падежи представлены под совершенно другими названиями. А.Танрывердиев показывает, что «в изданной в 1930 году Бакиром Чобанзаде книге «Тюркская грамматика» название падежей арабские, точнее, похожи на представленные Мирзой Казымбеком названия падежей: 1. *Mücərrəd*- именительный падеж; 2. *Məfulün ileyh*- родительный падеж; 3. *Məfulün bih-təsirlik* падеж; 4. *Məfulün ileyh*- дательный падеж; 5. *Məfulün fih-yerlik* падеж; 6. *Məfulün ənh*- исходный падеж.

В этой ряду «*məfulün bih* (творительный падеж) третий, а в сегодняшних книгах по грамматике принимается как четвертый падеж» [10, 196]. В 1920-30 годы падежам существительных не давали никаких названий, они показывались лишь своими аффиксами. Число падежей было доведено до 8. Впервые в 1934 году в азербайджанском языке возникли названия падежей и были приняты 7 падежей существительного. Седьмой падеж получил название совместного падежа, в грамматиках 1939 года, выведя родительный падеж с совместным падежом, оставили лишь 5 падежей. Выведение родительного падежа из ряда падежей было связано с образованием соединения прилагательного третьего рода и изучением этих соединений в синтаксисе. Однако в 1944 году родительный падеж абсолютно правильно был возвращен в ряды падежей. А совместный падеж, хоть и имеется в большинстве тюркских языков, в азербайджанском языковедении удовлетворительным признан не был. Вообще, об этом падеже есть противоречивые взгляды. Исторически сформировавшийся от послеслога *birlən* соединение *ilə* (и его аффиксированные формы *la*, *lə*) были формами выражения совместный падежа, писалось со словами и слитно, и раздельно. А.Ахундов указывает на служение этого послеслога с различными фонетическими вариантами выражению совместный падежа в диалектах и наречиях азербайджанского языка [1, 42].

Выводы и перспективы. Известно, что в азербайджанском языке многие послеслоги могут использоваться с падежами существительных и некоторые пишутся со словами и слитно, и раздельно. Если совместный падеж будет принят в качестве отдельного падежа, тогда придется принять, что и другие послеслоги являются формой выражения того или иного падежа. А в этом необходимости нет. Так как другие падежи существительных выражаются лишь аффиксами. В казахском, караево-балкарском, караимском, хакасском, шорском, чувашском, якутском языках совместный падеж и сегодня выделяется как отдельный падеж. В Орхон-Енисейских памятниках совместный падеж показывается в качестве девятого падежа существительных. Али-иса Шукюрлю отмечает, что «совместный падеж в средневековых тюркских языках, возможно, использовались с XVIII века. Однако не отличающееся по грамматической и семантической задаче послеслоги *birlə*, *ilə* постепенно стали причиной забвения аффикса совместного падежа. Вместе с тем, следы и остатки падежного аффикса *-in*⁴ можно встретить в составе некоторых усто-

явившихся слов в виде изолированной лексической единицы в нынешних тюркских языках. Падежный аффикс совместного падежа, выражаемый вариантами аффиксов **-in, -in, -in**, можно встретить и в уйгурских письменных памятниках» [10, 90].

Литература

1. Ахундов. А. Имеются ли камитатив в падежной системе диалектов азербайджанского языка? / А.Ахундов. – Советская тюркология, 1988, № 4
2. Гусейнзаде М. Современный азербайджанский язык / М.Гусейнзаде. – Баку: Просвещение, 1983 (на азерб. языке)
3. Халилов Б. Фоносемантическое развитие двухсложных глаголов в азербайджанском языке / Б.Халилов. – Баку: 1996 (на азерб. языке)
4. Халилов Б. Первичные корни глаголов / Б.Халилов. – Баку, 1998 (на азерб. языке)
5. Мадатова Р. Инфинитив в письменных памятниках азербайджанского языка XIII-XVIII веков / Р.Мадатова. – Баку: Нурлан, 2002 (на азерб. языке)
6. Мирзоев Г. Специальный семинар по морфологии современного азербайджанского языка / Г.Мирзоев. – Баку: Издательство АПИ, 1971 (на азерб. языке)
7. Раджабов А., Мамедов Я. Орхон-Енисейские памятники / А.Раджабов, Я. Мамемод. – Баку: Писатель, 1993 (на азерб. языке)
8. Сулейменов О. Аз и я / О.Сулейманов. – Баку: 1993 (на азерб. языке)
9. Шукюрлю А. Язык древних тюркских письменных памятников / А. Шукюрлю. – Баку: Просвещение, 1993 (на азерб. языке)
10. Танрыверди А. Историческая грамматика азербайджанского языка / А. Танрыверди. – Баку: Наука и образование, 2010 (на азерб. языке)
11. Зейналов Т. Основы тюркологии / Т. Зейналов. – Баку: Просвещение, 1981 (на азерб. языке)

Ергін Е. Г. Напрями історичного розвитку і відмінкові категорії тюркських мов / Е. Г. Ергін // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 57–62.

У науковій статті через призму історичного розвитку тюркських мов автор розглядає розвиток ряду граматичних і морфологічних категорій. Тюркські мови, як стародавні мови, пройшли довгий шлях розвитку, збагативши свою морфологічну будову і граматичні категорії, пройшли шлях від аморфності до аглютинації. Об'єднуючим фактором цих мов є спільність граматичної будови, а також основних словникових фондів. У рамках цього історичного розвитку, як і ряд морфологічних категорій, категорія відмінка, хоча і збагатила свої компоненти, серйозним змінам не піддалася. Хоча в сучасних тюркських мовах терміни, що відносяться до категорії відмінка, назви відмінків, число і морфологічні показники деякою мірою і відрізняються, від материнської тюркської мови вони суттєво не віддалилися.

Ключові слова: тюркські мови, відмінок, морфологія, категорія.

Ergin E. G. Direction of historical development and usage of case categories in Turkic languages / E. G. Ergin // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 57–62.

In a scientific article in the light of the historical development of the Turkic languages considered carefully by the development of a number of grammatical and morphological categories. Turkic languages, such as ancient languages, have come a long way of development, enriching their morphological structure and grammatical category, came from amorphous to agglutinating. Unifying these languages in the same group is the main feature of common grammatical structure and vocabulary of basic funds. As part of this historical development, as well as a number of morphological categories, the category of case, although enriched its components, has not undergone major changes. Although the modern Turkic languages belonging to the category of case terms, names of cases, the number and morphological indicators to a certain extent different from the Turkic language of the parent is not thoroughly alienated. It is known that in the Turkic languages main parts of speech are divided into two groups - nouns and verbs. There are a number of categories that are common to these parts of speech are called common grammatical categories. Although the Azerbaijani and Turkic philol-

ogy on the number of common grammatical categories have ideological differences, most researchers here included five categories:

- Category of case;
- Category of accessories
- Category of number;
- Category of predictability;
- Category of denial.

In most of the Turkic languages have historically not really exposed to such major changes the category of case, creating a grammatical connection between the components of the sentence and phrases covers noun, adjective, numeral, pronoun, adverb, participle and infinitive. Of case, in fact, considered to be the first category arising from the requirements of formal morphological features syntaxes category.

In Turkic languages and the number of different cases of nouns. In Azerbaijani, Turkish, Tatar, Kyrgyz, Altai, Nogai, Kumyks, Uzbek languages the noun has 6 categories, Karaim, Karachay-Balkar, yellow-Uyghur, Tuvan, Kazakh has 7, Khakassia language has 8 cases.

If a joint case would be adopted as a single case, then you have to accept that other after-syllables are the forms of expression of a particular case. But this is not necessary. Other cases of nouns are expressed only by affixes. In Kazakh, Karachay-Balkar, Karaim, Khakassia, Shor, Chuvash, Yakut languages joint case nowadays stands out as a separate case.

Keywords: Turkic languages, case, morphology, category.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК: 811.512.161'373:37.091.212

РАЗВИТИЕ РЕЧИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ТУРЕЦКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

Аккиева Л. Р.

*Таврический национальный университет им. Вернадского
E-mail: akkiyeva77@mail.ru*

В статье говорится о значении развития речи на занятиях по турецкому языку. О том, что с самого начала следует уделять данному вопросу необходимое количество времени на занятиях. Так как студент должен научиться правильно и литературно изъясняться на турецком языке и умело использовать полученный словарный запас. Приводятся примеры заданий, которые может проводить преподаватель для развития речи на занятиях по турецкому языку.

Ключевые слова: текст, вопрос, развитие речи, письменная работа, беседа, задания, устная речь.

Постановка проблемы. Существенная задача курса состоит в том, чтобы помочь студентам овладеть как устной, так и письменной речью турецкого литературного языка: используя словарный запас и полученные знания правильно выражать свои мысли на турецком языке, уметь вести беседы и поддерживать разговор на любую тему.

Цель данного исследования состоит в том, что бы преподаватель, работая над развитием речи у студентов, ясно осознавал, какое значение имеет данный процесс не только в овладении студентами учебных дисциплин, но и в дальнейшей их жизни. Чем богаче и ярче речь, тем быстрее студент усваивает новый материал. Кроме этого надо помнить, занятия по развитию речи, - это тесная связь расширения словарного запаса языка с работой по грамматике.

Обучение турецкому языку студентов в вузах Украины является ответственным делом, так как от освоения турецкого языка зависит успех овладения студентами учебными дисциплинами.

Турецкий язык в Турции является родным для 60 млн. человек, или для почти 80 % населения страны. Для студентов Украины изучающих турецкий язык служит не только средством общения. В будущем эти знания помогут им найти хорошую и достойную работу, так как Украина и Турция имеют очень много точек соприкосновения, в политике и бизнесе. В связи с этим на обязанности преподавателя турецкого языка лежит выполнение серьезной задачи – развитие турецкой речи у студентов в такой мере, что бы они понимали турецкую речь, осмысленно отвечали на вопросы, рассказывали, умели делать сообщения, могли свободно ориентироваться в окружающей обстановке, совершать синхронные переводы.

Развитие турецкой речи (и устной и письменной) у студентов – сложный процесс, в значительной степени зависящий от тех видов работы, которые проводятся на занятиях по турецкому языку. Опыт работы со студентами показывает, что, изучая турецкий язык, выполняя требования программы, студенты часто не понимают простые предложения на турецком языке и неправильно выражают свои мысли. В первую очередь это зависит от логического построения предложения. Построение предложения в турецком и русском языках различны. К примеру, сказуемое в ту-

рецком языке почти всегда находится в конце предложения. И это студент должен уяснить с первых занятий.

Основными принципами работы на занятиях по турецкому языку со студентами могут быть следующие:

1. Обучить студентов правильно отвечать на поставленные преподавателем вопросы к текстам.
2. Показать студентам, как надо ставить вопросы к статье, очерку, рассказу, роману.
3. Научить их передавать содержание прочитанного простыми предложениями.
4. Использовать на занятиях по турецкому языку беседы на дополнительные темы, связанные с учёбой и жизнью студентов в вузе. Кроме этого можно использовать темы о жизни семьи, друзей. На более старших курсах перейти к более сложным темам, политика, бизнес, наука и так далее.

Проводить занятия по развитию турецкой речи в аудитории можно на текстах научно - популярной и художественной литературы. Особенно полезными оказываются занятия, когда берутся научный и художественный тексты на одну и ту же тему: в таком случае представляется возможность показать студентам различие между языком научного текста и языком литературно художественного произведения и расширить тематику для устных бесед и письменных работ.

На занятиях по развитию речи можно проверить знания студентами грамматики турецкого языка и исправить неточности в произношении турецких слов. Особенно хорошую возможность для этого представляет пересказ студентами прочитанного текста на любую тему. Преподаватель внимательно следит за турецкой речью отвечающего студента, учитывает неточности её и потом анализирует их вместе с группой при помощи записи слов на доске или объясняя ошибки устно.

К примеру, студенты недостаточно хорошо усвоили склонения имён существительных. В таком случае следует дать группе задание придумать предложения с существительными в том падеже, в каком были допущены ошибки. При повторении грамматических правил, в частности употреблении падежей, преподавателю надо постоянно обращать внимание студентов на эти падежи, возвращаясь к их употреблению в речи. Полезным упражнением на склонение существительных является такое, в котором существительное употребляется во всех падежах в контексте. Например: Yalın hali: Ev boyandı. Belirtme hali: Evi gördüm. Yönelme hali: Eve gidiyorum. Bulunma hali: Evde bekliyorum. Ayrılma hali: Evden geliyorum. İlgi hali: Evin damı [1, 327].

Хорошим средством для лучшего понимания и правильной передачи текста служит также составление плана к нему, сначала вместе с преподавателем, а позднее и самостоятельно. Преподаватель сообщает, что план к тексту помогает наметить основное в его содержании. План, может быть, простой и сложный. На примерах показывается разница между простым и сложным планами. Планы могут оформляться по - разному, в зависимости от характера текста: план научного текста, можно представить в форме повествовательных или вопросительных предложений, для плана же литературно-художественных произведений можно взять самые разнообразные предложения. Составляется простой план статьи в форме повествова-

тельных предложений. Студенты, каждый про себя, внимательно читают текст и отмечают наиболее существенные моменты её содержания. Преподаватель может разделить текст на части и предложить студентам дать заглавие каждой части. Наиболее удачные определения пунктов плана записываются на доске [2, 7-10].

План текста.

1. Dilin tarifi. 2. Dilin mahiyeti. 3. Dil nasıl bir vasıtaadır. 4. Dil kanunları.

1. Dil canlı bir varlıktır. 6. Dilin yapısı. 7. Dilin doğuşu.

По плану студентам легче передать прочитанное как устно, так и письменно.

План облегчает так же и составление конспекта. На занятиях по развитию речи могут быть использованы дополнительные темы, связанные с темой «Dil nedir?» [2, 13-65]. Приведём в качестве примера несколько таких тем: 1. Dil ve kültür, dilin sosyal bir kurum olarak millet hayatındaki yeri.

2. Türk dilinin dünya dilleri arasındaki yeri.

3. Türk dilinin gelişmesi ve tarihi devletleri.

4. Türk dilinin bugünkü durumu ve yayılma alanları.

5. Dil-insan. Dil-millet [3, 17-20] и так далее.

Материалы для этих тем могут быть сообщения, специально подготовленные преподавателем. После сообщения преподавателя со студентами проводятся устные беседы. В связи с разбором текста можно наметить ряд важных для студентов вопросов, таких например как: Dil mi öncedir: millet mi? Dil mi milleti belirtir, millet mi dili?[3, 19].

Дополнительные темы могут быть использованы не только для развития устной речи студентов, но также для изложений и сочинений.

Выполняя различные задания на темы, близкие друг к другу, студенты повторяют слова, выражения, употребляя их в устной и письменной речи. Таким образом, указанный метод привлечения дополнительного материала облегчает студентам овладения турецким языком, помогает им быстрее познакомиться с турецкой речью, способствует расширению их кругозора. На занятиях по развитию речи также можно использовать тексты из литературно-художественных произведений. Прежде всего, преподаватель должен обратить внимание студентов на существенные различия между научным и художественным текстами: на их язык, построение предложений. Опыт работы показывает, что основное затруднение для студентов при работе над текстами художественных произведений представляют слова с переносным значением. Язык произведений художественной литературы отличается от языка научных трудов главным образом эмоциональностью, способностью воздействовать на чувства читателя. А язык научных трудов сух и прост, но не редко в нём встречаются непонятные для неспециалистов термины и выражения.

Очень полезно для студентов передавать содержание, какого либо диалога в лицах или же представить разговор какого-нибудь студента, приехавшего в университет, с первыми вузовскими знакомыми. Для более прочного усвоения диалогической речи студенты могут представить разговор в письменном виде. Диалоги на различные темы можно проводить на каждом занятии, используя различные темы, как из жизни студентов в университете, так и из повседневной жизни. Например: Telefon görüşmesi [4, 47].

На занятиях по развитию речи у студентов, отдельно стоит остановиться на работе по построению предложений. Студенты приступают к составлению предложений с того времени, как они имеют уже некоторый запас турецких слов и познакомились с двумя-тремя частями речи. На первом курсе студенты преимущественно употребляют в своей речи простые предложения. Занятия по развитию речи предоставляют возможность для повторения сведений о предложении. Преподаватель приводит предложения, разбирает их и указывает, как правильно надо составлять и употреблять предложения в речи. Özne-yüklem uygunluğu [5, 139].

Выводы и перспективы. Виды работы по развитию речи на занятиях со студентами должны быть разнообразными. Во всех случаях преподаватели должны стремиться к тому, что бы занятия по развитию турецкой речи были по возможности близкими жизни студентов, их учёбе. Пусть не каждый текст, который читают студенты, представляет такую возможность, всё же на каждом занятии, с каким бы то ни было текстом, отдельные слова и выражения в нём можно применить к практической жизни студентов, к их учёбе. основное в методике по развитию речи – это научить студентов правильно строить предложения, правильно употреблять в своей речи слова и выражения турецкого языка. Такие занятия по турецкому языку, без сомнения облегчат изучение его. Приведённые выше примеры работ по развитию турецкой речи можно принять лишь в качестве образца. Каждый преподаватель в зависимости от уровня знаний студентов, может применять другие виды работ, используя другие методики и образцы.

Литература

1. Banguoğlu T. Türkçenin grameri / Banguoğlu T. – Ankara: Türk Tarih Kurumu Basım Evi, 1990 – 628 s.
2. Ergin M. Üniversiteler için Türk dili / Ergin M. – İstanbul: bayrak basım, 1992 – 460s.
3. Yavuz K., Yetiş K., Birinci N. Üniversite Türk dili ve kompozisyon dersleri / K.Yavuz, K.Yetiş, N.Birinci – İstanbul: Bayrak Basım, 1999. – 400 s.
4. Öztürk T., Akçay S., Yiğit A., Taşdemir E., Başak S., Altug M. Gökkuşluğu Türkçe Öğretmen kitabı 2 / T. Öztürk, Akçay, A. Yiğit, E. Taşdemir, Başak, M. Altug - İzmir: Çağlayan A.Ş., 2009. – 165 s.
5. Öztürk T., Akçay S., Duru H., Gün S., Bargan H., Ersoy H. Adım adım Türkçe Dil Bilgisi 2/ T.Öztürk, Akçay, H.Duru, Gün, H.Bargan, H.Ersoy – İzmir: Zambak Basım Yayın Eğitim ve Turizm İşlemleri Sanayi Ticaret A.Ş., 2003. – 140s.

Аккева Л. Р. Розвиток мови на заняттях з турецької мови в ВУЗі / Л. Р. Аккева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 63–67.

У статті йдеться про значення розвитку мови на заняттях з турецької мови. Так як студент повинен навчитися правильно і літературно висловлюватися турецькою мовою і вміло використовувати отриманий словниковий запас. Наводяться приклади завдань, які може проводити викладач для розвитку мови на заняттях з турецької мови.

Ключові слова: текст, питання, розвиток мови, письмова робота, бесіда, завдання, усне мовлення.

Akkieva L. R. Development of linguistic ability in Turkish language classes in high school / L. R. Akkieva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 63–67.

This article is about the importance of language development in the Turkish language classes. The author says that student should give attention to the development of linguistic ability because it is an important part of

the study and requires a great amount of time. Student should be learned how to express himself in literary language and use skillfully his vocabulary. Also the article provides the readers with the examples of tasks that may be used for the development of speech by the teacher during the lessons Turkish language. This research is in the field of developmental linguistics. Developmental linguistics is the study of the development of linguistic ability in an individual, particularly the acquisition of language in childhood. It involves research into the different stages in language acquisition, language retention, and language loss in both first and second languages, in addition to the area of bilingualism.

Statement of the problem. The purpose of this course is to help students master both oral and written skills of Turkish language, use vocabulary and gain knowledge to express their thoughts in the Turkish language and be able to converse and to keep up the ball on any topic.

In the scientific research the author emphasizes the importance of this process for students not only during the educational process, but also in their further life. The richer and brighter is their speech, the faster their learn new material. Also author notes that lessons on the development of speech are in a close relationship with work on expanding vocabulary and studying grammar.

Development of the Turkish speech (both oral and written) is a complex process largely depends on the types of tasks that are using in the Turkish language classes.

Experience of work with students shows that studying the Turkish language due to the requirements of the program not avoid mistakes in their speech and writing and also not master their language skills as needed. As a result students often do not understand simple sentences in the Turkish language and express their thoughts incorrectly. There are many factors for this, one of them – Turkish syntax. Because this primarily depends on the logical construction of the sentences. Its structure in Turkish and Russian languages is different. For example, the predicate in the Turkish language is always put at the end of sentences.

Keywords: text, question, the development of speech, written work, interview, tasks, speaking.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 811.512.162

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА ИСМАИЛА БЕКА НАКАМА

Адиширинов К. Ф.

*Институт Литературы им. Низами Национальной Академии Наук Азербайджана,
Шекинский Региональный Научный Центр
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В научной статье автор исследует творчество Исмаил бека Накама. Первые исследования о жизни и творчестве Исмаил бека Накама были написаны литературоведами, современниками поэта. С начала XX в. до наших дней в ряде изданных произведений о нем было мало сведений, приведены лишь некоторые строки из его стихов. А первые мысли о личности и литературном творчестве поэта были выражены в двух газетях выдающегося поэта Сейид Азим Ширвани, адресованному поэту Накаму.

Ключевые слова: Исмаил бек Накам, поэт, классическая литература Азербайджана, наследие.

Постановка проблемы. Первые исследования о жизни и творчестве Исмаил бека Накама были написаны литературоведами, современниками поэта. С начала XX в. до наших дней в ряде изданных произведений, о нем было мало сведений, приведены лишь некоторые строки из его стихов. А первые мысли о личности и литературном творчестве поэта были выражены в двух газетях выдающегося поэта Сейид Азим Ширвани, адресованному поэту Накаму.

С начала XX в. до наших дней отношение к творчеству Исмаил бека Накама было двусторонним, т.к. некоторые литературоведы, не учитывая ту противоречивую общественную среду, в которой вынужден был творить великий поэт, упрекали его в сложности языка произведений, написанных им. Но в то же время, некоторая группа интеллигентов и литературоведов выразили объективное отношение к творчеству поэта, представляя Накама как выдающегося поэта, отличного знатока классической литературы и даже прозвали Накама «Физули Азербайджана» [11, 83]. В произведениях тех авторов поэт оценивается, как продолжатель творчества самых могучих поэтов восточной литературы Низами, Физули, Хафиза, называется мастером яркого искусства слова. Первым заговорившим в истории литературы о творчестве Исмаил бека Накама был известный литературовед, беззаветно преданный просветитель Фиридун бек Кочерли. Во 2-ом томе своей двухтомной книги «Литература Азербайджана» наряду с другими поэтами он назвал имя Накама, широко раскрыл его жизнь и творчество. Выдающийся ученый в своей книге, сравнивая Накама с поэтами XIX в., жившими и творившими в Нухе, писал следующее: «Самым известным из поэтов в Нухе является Исмаил бек. Из его произведений чувствуется открытость и прямота его характера [16, 300]. Несмотря на сложность языка, форма, содержание и оригинальность тем в творчестве этого могучего поэта привлекло внимание его современников и о нем были напечатаны очень интересные сведения. В результате проведенных исследований стало известно, что после Фиридун бека Кочерли первые сведения о поэте были напечатаны в 1923 году на страницах газеты «Шеки фехлеси» («Шекинский рабочий»). В журнале «Билги» («Знание»), изданном в 1924 году в Нухе со стороны современника и близкого друга Накама Абдул Мабуда Бехчета было выражено объективное отношение к личности и творческому

наследию поэта. В своей статье автор высоко оценил творчество фонда, писал: «Накам – великолепия века. Как и у Физули, в произведениях Накама трепещет боль и бессилие души во вселенной. В стихах поэта прослеживается высокая гармония. Это дает возможность глубоко понимать Накама. Накам после себя оставил такие произведения как «Хайалати паришан», «Дивани бедии», «Меджнун и Лейли», «Фархад и Ширин» и др.» [4, 11]. В конце 20-х годов с целью широкого ознакомления читателей с творчеством Накама литературовед Алиаббас Музниб в 1928 году напечатал сборник произведений поэта под названием «Накам: Избранные». Издатель, высоко оценивший поэтическую силу Накама, писал: «Накам один из поэтов – газелистов XIX в. Однако, Накам был известен только в Шеки и несколько на ее окраинах. Более знаменитыми в Азербайджане были Гудси, Юсиф Закир, Натаван, Аси, Сеид Азим Ширвани» [11, 5]. Но некоторые критики, мыслящие и творившие в духе требований советского общества, не понимая идейного направления романтически настроенных произведений поэта осыпали грубыми фразами в адрес авторов и издателей вышеуказанных изданий, перешедших на несправедливый штурм. Об этом произведении была напечатана критическая статья Али Назима «Революция и культура» в которой автор писал: «Все его газели и поэма «Фархад и Ширин» были написаны под влиянием поэтов прошлого и ничем новым от них не отличались. Накам один из отстающих представителей литературы устаревшей марсии, газели и касыды, в его произведениях картина и язык полностью устарели. Если из нашей истории будет стерта литература, то даже тогда ему не будет места. Нам не нужна литература газели. Мы не нуждаемся в Фархаде и Ширин, Лейли и Меджнуне» [15,45-46] Если внимательно перечитать содержание статьи, то можно понять, что в нем есть дух отрицания не только Накама как поэта – классика, но и всецело отрицаются наши стихи. Разве в строках «Нам не нужна литература газели» не звучит отрицание таких поэтов-газелистов как Физули, Говси Табризи, Саиб Табризи, А. Бакиханова, Сеид Азим Ширвани и еще сотни других поэтов, которые проложили путь к жанру газели в наше лирике.

По нашим мнениям, автор также выражает несправедливость в следующих строках, когда пишет: «Мы не нуждаемся в Фархаде и Ширин, Лейли и Меджнуне». Нужно было подумать, что Накам жил и творил во II половине XIX в. и начале XX в. – это было время, когда общественное положение в Азербайджане, было напряженным, время, когда властвовали фанатизм и мракобесие, широко царствовало бесправие женщин. Просвещение в Азербайджане еще не было прочным. В родном городе поэта Нухе, как и во всем Азербайджане, не было школ нового типа. В моллахане и медресе господствовала выработка у учащихся труднодоступной речи. Во всяком случае, «выдающийся» критик своего времени Али Назим должен был учесть данные о творчестве Накама и о нашей классической литературе. В ответ на статью Али Назима дал очень красивое обоснование настоящий ученый, пытающийся правильно оценить художественное наследие Исмаил бека Накама Сади Эфендиев, который писал! «Если мы пошли по стопам тех, которые безответственно относились наследию прошлого и к ее создателям, которые провозглашали: «Нам не нужна литература газели. Мы не нуждаемся ни в Фархаде и Ширин, ни в Лейли и Меджнуне», то несомненно, были бы забыты имена таких выдающихся поэтов как

Низами, Физули, Вагиф, Закир, А. Ширвани и сотни других памятников искусства, столь ценных для сегодняшнего дня, в результате чего настоящий преемник богатого наследия прошлого – социалистическая культура не достигла бы стольких успехов» [17, 91].

Данные Али Назима оказали отрицательное влияние на изучение творчества Накама и отношение к произведениям поэта долгие годы оставались в тени. В 1944 г. со стороны азербайджанского филиала АН СССР была напечатана «История азербайджанской литературы», во 2-ой части [9,105-106] которой было отведено место жизни и творчеству поэта. В книге названы 7 произведений Накама, которые явились плодом творчества поэта. Это «Дивани бедии», «Хейалати перишан», «Генджнейи эдев», «Меджнун и Лейли», «Фархад и Ширин», «Четыре Эфэнди», «Летифе наме». В «Летифе наме» был представлен как сборник, написанный на просторечии.

В 1965 году в газете «Ленин байрагы», изданная в Шеки, была напечатана статья Бахшели Ахундова под названием «Накам», в который писал о судьбе этого произведения следующее: «Так как в последние годы жизни поэт проводил время только за чтением и то, что из-за болезни он не смог завершить свое произведение. «Летифе наме», которое считалось последним, автор сам сжег» [5]. В конце 1950-х годов литературное наследие стала выходить на страницах истории литературы. Выдающийся литературовед Фейзулла Гасымзаде в своих исследованиях о литературе Азербайджана XIX века дал особое место и Исмаил беку Накаму. Однако, критикуя лирику поэта исследователь выразил свое объективное отношение к поэмам Накама следующими словами: «Большая часть написанных им (Накомом- К.А.) произведений состоят из повторений уже устаревшей классической поэзии. В художественном наследии поэта очень мало произведений, которые были бы созвучны с современной жизнью, что дает превосходства его творчества вообще».

Ученый, оценивая поэму Накама «Меджнун и Лейли» писал: «Это произведение не заимствованная литература, как его другие произведения, в нем много оригинальных черт» [7, 482]. Камил Мирбагиров, изучающий жизнь и творчество известного поэта XIX в. С.А.Ширвани, писал о дружеских отношениях Сеид Азима со многими выдающимися поэтами, в том числе и с Накомом. Камил Мирбагиров писал: «Сеид Азим поддерживал связь с литературными меджлисами в Карабахе «Меджлиси-унс», «Межджлиси-фарфмушан», в Баку «Меджмаум шуара». Он давал определенное направление творчеству поэтов из Карабаха: Абдулла бек Аси (1839-1874), Мирза РагимФена (1841-1929) и Мирза Алескер Новрес (1946-1918), из Баку Магомед ага Джумру, Абдулхалиг Юсиф (1853-1924), из Губы Налан, из Ленкорани Мирза Исмаил Гасир (1824-1897), из Дербенда Мирза Магомедтаги Гумру (1819-1892) и Халил, из Гянджи Мирза Мехти Гаджи, из Нухи Исмаил бек Накам (1824-1906)» [10, 236].

Сначала 1960-х годов возросла попытка исследования литературного наследия литературного наследия в конкретном направлении. Ученый исследователь Сади Эфендиев, выступая своими статьями в научных произведениях АПИ им. Ленина о жизни и творчестве Накама, попытался правильно определить путь поэта в истории нашей литературы. В статье «Накам и его лирика» ученый кратко рассказал о той среде, в которой находился поэт, дал правильное научное обоснование положитель-

ным и отрицательным сторонам творчества Накама. Хотя в статьях Сади Эфендиева о жизни поэта звучали повторные мысли, принадлежащие ранним критикам (например, Абдул Мабуд Бехчати, Алиаббас Музниби), но было и много оригинальных мыслей, связанных с творчеством поэтом. Содержание статьи дает нам право высказать мысль, что автор подробно ознакомился с произведениями поэта, которые в настоящее время хранятся в фонде Института Рукописей. По этому поводу исследователь писал: «Рукописные диваны и собранная лирика Накама составляет около 12 тыс. бейтов. И вообще, литературное наследие поэта состоит свыше 20 тыс. бейтов» [17, 90]. В то же время, высоко оценивая лирику Накама с точки зрения оригинальности, ученый писал: «Накам с гордостью называл Физули мастером темы, формы и содержания, под влиянием которого он находился, но нельзя это оценить как подражательные. Если в начале своего творчества Накам шел по пути заимствования, то в последующие годы творчества поэт возвысился до уровня выдающегося представителя литературной школы Физули» [17, 95].

В XXII томе Научных произведений АПИ им. В.И.Ленина Сади Эфендиев издал еще одну статью под названием «Поэмы Накама.» Автор в этой статье рассказал только о поэме «Меджнун и Лейли» и попытался анализировать поэму Накама наравне только с поэмой Физули «Лейли и Меджнун». Работая над поэмой ученый выявил ряд художественных особенностей произведения, сделал, хотя и не полностью, несколько правильных научных выводов.

В 60-х годах глубоко усилился интерес поэта к литературному наследию, а также намного возросла его деятельность в этой области. Ученые, глубоко чувствовавшие лирику Физули и корень лирики Накама, опиравшийся на бесчисленный словарный запас нашего языка, начали сравнительный анализ лирики Накама с лирикой Физули. Большие заслуги в этой области принадлежат выдающемуся ученому-исследователю Мирзага Гулузаде. Он опираясь на положительные и отрицательные стороны творчества Накама писал: «Исмаил бек Накам (1839-1906) один из известных поэтов, тесно связанный с традицией Физули, большая часть его литературного наследию, можно сказать, сохранилось в рукописи и не смогло выйти за пределы литературного меджлиса Накам - поэт - отличный знаток произведений Физули. Однако, он пользовался произведениями великого поэта, в первую очередь, для подражания.

В лирике Накама немало и успешных газелей, написанных полностью под влиянием Физули. В этих газелях мы ясно видим, как поэт тонко пользовался богатым эмоциональным художественным языком и характерными особенностями формы своего учителя на основе настойчивого изучения творчества Физули [8, 396-399].

Отношение выдающего критика к лирике Накама с объективной и необъективной точки зрения говорит нам очень многое. Прежде всего, автор всецело не знакомый с лирикой поэта солидарен с Али Назимом и Фейзуллой Гасымзаде во взглядах по отношению к поэту. С другой стороны, автор в своем исследовании оценивал главный объект – лирическое наследие Физули – правдивым и верным, а последующих поэтов он назвал тенью Физули. Правда, если выразиться словами великого Джафар Джаббарлы «Поэты после Физули мечтали о том, не то, чтобы превзойти

Физули, а хотя бы достигнуть его». Конечно, Исмаил бек Накам не был Физули, но в нашей литературе он есть достойный наследником бессмертного Физули. Накам один из поэтов, который прошел литературную школу Физули, в своем творчестве имел черты, свойственные только себе.

Повторяя некоторые мнения предыдущих исследователей о жизни поэта, ученый высказал свои отличительные мысли о творчестве Накама, и им было проделано многое в распространении в Шеки литературного наследия поэта. В потерянном произведении А. Абдуллаева «Литературный и научный облик Шеки в XVIII – XIX вв», в котором наряду с другими поэтами XVIII в ученый особое место уделит лирике Накама. И к счастью, в газете «Литература и искусство», вышедшая 29 января 1988 г ученый напечатал статью «Накам», посвященную жизни и творчеству Накама, и через год ту же статью напечатала шекинская городская организация общества «Знание». В этой статье ученый хотя и выдвинул ложные мысли, зародившие споры о жизни и творчестве поэта, но он также высказал оригинальные мысли, связанные с мировоззрением и художественной ценностью его творчества. Ученый здесь объясняет причину того, что Накам в свое время не смог стать широко известным по сравнению со своими современниками следующим образом: « Каллиграфия в Шеки не было модным и этот город был лишен средства печати и типографии, что не давало возможности распространению его произведений. В своих произведениях, Накам восхваляя силу слова, высоко оценивая родной язык, имел способность создавать с помощью ясного слова дружеские и любовные отношения между людьми и народами, употреблял много арабских и фарсидских слов, что усложняло гармонию его стихов, и для читателей, не знающие эти языки, создавались трудности, неясности, из-за чего Накам не смог привлечь большое количество читателей своих произведений» [2].

В статье «Накам», напечатанная в газете «Литература и искусство» от 29 января 1988 года ученый, выражаясь словами великого поэта Самеда Вургун, писал о причине не изданных произведений Накама: «Произведения Накама не были напечатаны в типографии. Причину этого разъясняет Самед Вургун так: Выдающийся русский писатель Александр Фадеев, побывавший в Шеки в 1947 году, в библиотеке им. Накама задал вопрос: «Кто такой Накам?» С. Вургун ему ответил: «Это - Исмаил бек Садреддинов, который писал во 2-й половине XIX в. под псевдонимом «Накам». Написал много газелей, заимствовавших у Физули. Некоторые газели поэта не были широко распространены, так как в них были религиозные мотивы, в результате чего злополучные критики заклеили эти произведения» [1].

Литературное наследие поэта привлекло внимание не только ученых Азербайджана, но и Турции. В 50-х годах XIX в. выдающийся турецкий ученый Аках Сирри Левенд в своем произведении «Повесть «Лейли и Меджнун» в арабской, фарсидской и турецкой литературе» рассказал о схожих и отличительных особенностях поэмы Накама «Меджнун и Лейли» и поэмы Низами «Лейли и Меджнун». Турецкий ученый проводит интересные параллели по двум произведениям, группирует параллели и оригинальности этих произведений следующим образом:

а) один человек, встретивший Лейлу на улице, спрашивает: «От любви к тебе Гейс стал безумным. В чем причина этой любви, ведь есть девушки красивее тебя?».

Лейла отвечает так: «У тебя нет того ока, чтобы видеть мою красоту. Если ты смотрел на меня глазами Меджнуна, то и ты тоже сошел бы с ума».

б) красавица спрашивает Меджнуна, который ходил с запутанной цепью на шее: «Почему ты так бродишь, Меджнун? Забудь ты Лейлу, полюби меня». Ответает ей Меджнун: «Ты красива, но ты не Лейла. Я ищу Лейлу. Я ее Меджнун».

в) Лейла выходит замуж за Ибн-Салама. Об этом узнает Меджнун, приходит к свадебному шатру. Он плачет и терзает себя. Лейла ему отвечает: «Никто не хочет попасть в ад, а меня заживо посылают туда» [3, 365].

Выводы и перспективы. А.С. Левенд в своем произведении выдвинул идею о том, что Накам воспользовался мыслями Амир Хосров Дехлеви и Хатифи, однако, в связи с этим не приводит никаких доводов и доказательств. Но ученый говорит и о том, что для Накама поэма Низами была образцовым примером и это мнение мы считаем односторонним. Потому что Накам, когда писал свою поэму, то брал за основу не только поэму Низами, но и поэму Физули «Лейли и Меджнун».

Итак, большинство исследователей в своих заметках оценили Исмаил бека Накама как передового представителя шекинского литературного общества XIX в. и достойного наследника школы великого Низами и Физули.

Литература

1. Абдуллаев А. Накам // Литература и искусство, 1988 29 января (на азерб. языке)
2. Абдуллаев А. Накам // Общество «Знание» организация города Шеки-Шеки 1989 (на азерб. языке)
3. Левенд А.С. Повесть «Лейли и Меджнун» в арабской, фарсидской и тюркской литературе. Анкара, 1959 (на турецком языке)
4. Абдул-Мабуд Бехчет. Накам // Знание. 1924, №1, стр. 9-11 (на азерб. языке)
5. Ахундов Б. Накам // газета «Флаг Ленина», 1965, 4 июнь (на азерб. языке)
6. Бегдел Г. Тема «Хосров и Ширин» в восточной литературе. – Баку: Наука, 1970 (на азерб. языке)
7. Гасымзаде Ф. История Азербайджанской литературы XIX в. – Баку, 1956 (на азерб. языке)
8. Гулузаде М. Лирика Физули. – Баку, 1965 (на азерб. языке)
9. История Азербайджанской литературы. – Баку: Издательство АН Азербайджана, 2 часть, 1944 (на азерб. языке)
10. Мирбагиров К. Сеид Азим Ширвани. – Баку, 1959 (на азерб. языке)
11. Накам. Избранное / составитель Алиаббас Музний. – Баку: Азернешр, 1928 (на азерб. языке)
12. Низами Гянджеви. Хосров и Ширин. – Баку: Баку: 2004 (на азерб. языке)
13. Пириев Й. Исмаил бек Накам // журнал «Звезда». 1969, №8, стр. 62-63 (на азерб. языке)
14. Пириев Й. Жанр поэмы в азербайджанской литературе XIX в. – Баку: Писатель, 1988 (на азерб. языке)
15. Революция и культура. – 1928-№10-стр 45-46.
16. Фирудун бек Кочерли. Литература Азербайджана. В двух томах. Том 2-Баку: Аврасия пресс, 2005 (на азерб. языке)
17. Эфендиев С. Накам и его лирика // Научные труды Азербайджанского Государственного Педагогического Института им. В.И.Ленина. Том XIX, 1961 (на азерб. языке)
18. Эфендиев С. Поэмы Накама // Научные труды Азербайджанского Государственного Педагогического Института им. В.И.Ленина. Том XXII, 1962 (на азерб. языке)

Адшірінов К. Ф. Історія дослідження творчості Ісмаїла бека Накама / К. Ф. Адшірінов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 68–74.

У науковій статті автор досліджує творчість Ісмаїл бека Накама. Перші дослідження про життя і творчість Ісмаїл бека Накама були написані літературознавцями, сучасниками поета. З початку ХХ ст. до наших днів у ряді виданих творів, про нього було мало відомостей, наведені лише деякі рядки з його віршів. А перші думки про особистість та літературну творчість поета були виражені у двох газетах видатного поета Сейїд Азім Ширвані.

Ключові слова: Ісмаїл бек Накам, поет, класична література Азербайджану, спадщина.

Adishirinov K. F. History of Ismail bey Nakam's works research / K. F. Adishirinov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 68–74.

In a scientific article, the author explores Ismail bey Nakam's **works**. The first studies about Ismail Bey Nakam's life and work were written by literary critics, contemporaries of the poet. Since the beginning of the twentieth century till nowadays in a number of published works was insufficient information about him and just a few lines from his poems were provided. A first thoughts about the personality and literary works of the poet were expressed in two ghazal-poem which were written by outstanding poet Sayyid Azim Shirvani and were addressed to the poet Nakam.

From the very beginning of the twentieth century to the present day attitude to Ismail bey Nakam's works was bilateral, because some literary critics without regard to social environment in which a great poet was forced to create his works, accused him of works language complexity. But at the same time, some group of intellectuals and literary critics have expressed objective attitude to work of the poet, representing Nakam as an outstanding poet, a great connoisseur of classical literature and even called Nakam "Azerbaijan Fuzuli".

First of all, the author is entirely unfamiliar with poet's lyrics, but he is agree with Ali Nazim's and Feyz-ulla Gasimzadeh's respect attitude to the poet. On the other hand, the author in his study appraised the main object – Fizuli's lyrical heritage as true and correct, and subsequent poets he called Fizuli's shadow. However, if it is expressed by the words of the great Jafar Jabbarly "Poets after Fizuli dreamed about not that beat Fizuli to the punch, but at least reach him". Of course, Ismail Bey was not Fizuli Nakam, but in our literature, it is a worthy heir to the immortal Fizuli. Nakam one of the poets who took literary school Fizuli in his work, had the features peculiar only to itself.

Keywords: classical Azerbaijani literature, Ismail bek Nakam, heritage, poet.

Поступила в редакцію 03.03.2014 г.

УДК – 81.161.1 = 512.161 + 347.78.034

**СМЫСЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЧАСТЕЙ СЛОЖНОСОЧИНЕННОГО
СОЮЗНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЗАКРЫТОЙ СТРУКТУРЫ И ПЕРЕВОДНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И ТУРЕЦКИХ
ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»)**

Гванцеладзе А. Н.

*ТНУ им. В.И. Вернадского
E-mail: annagvantseledze@hotmail.com*

В статье рассматриваются особенности передачи семантических отношений между частями сложносочиненного союзного предложения закрытой структуры на турецкий язык.

В работе приводится перечень союзов турецкого языка, а также статистика их использования при передаче сопоставительно-противительных союзов русского языка.

Автор рассматривает случаи опущения союза, характеризует получаемые при этом трансформации мотивационного контекста.

В работе систематизируются оттенки значений сопоставительно-противительных союзов сквозь призму перевода на турецкий язык.

В статье говорится о первостепенной роли цели коммуникации в переводе и влиянии смысловых отношений частей сложного предложения на его грамматическое оформление при переводе.

Ключевые слова: значение, смысл, теория перевода, сложносочиненное предложение, тюркские языки, турецкий язык, русский язык.

Постановка проблемы. Теория перевода подробно описывает совпадение или несовпадение перевода отдельных лексем, причины лексических, лексико-семантических и грамматических трансформаций. Не смотря на то, что семантике союзов и союзных слов, оттенкам их значения уделяется внимание, особенности передачи смысловых отношений частей сложного предложения, в частности сложносочиненного предложения (ССП), не привлекала внимание переводоведов как самостоятельный пункт изучения. Она находила свое отражение как часть коммуникативной интенции автора, или с позиции лексических и синтаксических трансформаций.

Цель нашего исследования заключается в характеристике передачи семантических отношений между частями сложносочиненного союзного предложения закрытой структуры на турецкий язык. Реализация поставленной цели предполагает решить ряд **задач**: 1) дать определение понятию сложносочиненное предложения закрытой структуры, 2) описать способы передачи семантических отношений частей ССП в переводе, 3) классифицировать встречающиеся переводческие трансформации и изменения мотивационного контекста.

Объектом нашего исследования стали сложносочиненные союзные предложения закрытой структуры с сравнительно-противопоставительной семантикой отношений составных частей.

Методология исследования предполагает использование таких методов как, описательный метод, метод семантического анализа, сравнительно-сопоставительный анализ.

Исследуемый нами материал представлен сложносочиненными союзными предложениями, большинство из которых формируют ССП закрытой структуры с выраженным значением противопоставления или сопоставления.

Передача отношений между частями сложного предложения в переводной коммуникации играет значимую роль для корректного отражения смысла высказывания, а также адекватной передачи цели коммуникации. Современные исследования в области теории перевода ориентированы не только на исследование лексико-грамматического содержания оригинала, но также на ориентацию текстов оригинала и перевода на автора, или на реципиента [1 – 3]. В этом аспекте передача прагматического значения отдельных лексем и всего высказывания приобретает немало-важную роль.

И. Р. Выхованец определяет ССП закрытой структуры как сложные предложения, которые соединяют только две предикативные структуры, связь между которыми возможна только при помощи союзов [4, 307].

Основными средствами связи противопоставительных предложений являются союзы «но» и «а», реже – «да» (в значении «но»). Для наших параллельных текстов характерно употребление всех перечисленных союзов с явным предпочтением союза «но» в сообщениях оригинала (40 предложений из 54). Наряду с этим, рассмотренные нами переводы на турецкий язык позволяют установить, что для передачи сопоставительно-противительных отношений и отображения русского союза «но» предпочтение отдается союзу «*ama*» (68% случаев): «На этот раз дело тем и кончилось, **но** Дуня ни о чем, кроме этого, теперь и не думает» = «*Bu seferlik iş onunla kapandı; ama Dünya, şimdi artık bundan başka hiç bir şey düşünmüyor*» – «*Bu seferlik iş bu kadarla kapandı, ama Dünya 'cığın akli fikri hep o işte*», «Я же сама была в отчаянии, **но** что было делать?» = «*Ben de çok üzülmiştüm ama, ne yapabiliirdim?*» – «*Ben çok üzülüyorum duruma, ama elimden ne gelebilirdi ki?*».

Изучая совпадение и несовпадение прямых эквивалентов при переводе, рассмотрим значения союзов. В. В. Виноградов отмечает, что союз «но» объективен и имеет строго очерченную сферу семантического значения, которую ученый определяет как «резкое, энергичное, логически взвешенное противопоставление или возражение» [5, 584]. Принимая во внимание ограниченность сферы употребления данного союза, его характеризуют как более объективный, чем союз «а» [6, 585]. «А» может выражать несходство выражаемых мыслей, сближаясь семантически с союзом «между тем», резкий переход от одной мысли к другой, причинно-следственные отношения, противительно-перечислительное значение, присоединительно-усилительное значение.

А. Н. Стеценко выделяет 4 функции союза «а»: сопоставление, противопоставление, соединение, присоединение (предоставление дополнительной информации) [7, 155 – 165]. Данный союз имеет ярко выраженный «субъективный характер» и широкий круг оттенков за счет «перегруженности значения» [8, 581 – 585].

Анализируя сложносочиненные предложения оригинала, мы хотели бы отметить следующие нюансы сопоставительно-противопоставительной связи: неспособность совершения действия при наличии благоприятных условий и обстоятельств; диссонанс ожиданий и реальности, возможности и нежелания (при этом первая часть предложения – предположение, вторая – вывод); тщетность совершаемого действия в контексте внешних объективных факторов; резкая полярность двух пропозиций, ненормальность одной пропозиции при наличии другой; сравнение двух пропозиций (для подобных ССП характерно использование союза «а» наряду с «но»).

Л. С. Оказ говорит о сочинительных союзах «амма», «факат», «лякин», «исе», как сопоставительно-противительных средствах связи в ССП в крымско-татарском языке [9, 43].

Рассматривая семантику и прагматику данных союзов, исследователь выделяет такие оттенки противительной-ограничительной функции союза «но» как: 1) усиление противопоставления и указание на вторичность и неважность той или иной части ССП (союз «амма»), 2) «ненормальность действия» при определенном наборе факторов или лингвистически описанной ситуации (союз «исе»), 3) «ненормальность действия» и несовместимость двух суждений пропозиции (союз «факат»), 4) «ограничительное значение противоположной оценки» (то, о чем говорить в первой части предложения, все-таки не совсем так из-за наличия определенного факта или обстоятельства второго предложения – союз «лякин») [10, 17 – 51].

Исследуя практический материал, мы установили, что в наших параллельных текстах существуют единичные случаи замены союза «но»/«а» такими союзами, как «ки», «де», «yalnız», «bir tek», «ancak», «oysa». Из данного перечня видно, что отношения между частями ССП оригинала передаются в переводе как с помощью сочинительных союзов, так и с помощью подчинительных союзов.

Союз «ки» обладает широким спектром значений: причинно-следственные отношения, отношения цели и последствия, дополнение и пояснение, подозрение и беспокойство, удивление [11, 519 – 522].

Союз «де», характеризуется как присоединительно-усилительный союз, со значением сопричастности, усиления, условности, желательности, усиления отрицательного значения предложения, которому он предшествует [12, 516 – 519].

Союз «oysa» передает противоположность и несовместимость значений двух высказываний, придавая оттенок временной соотнесенности и разворачивания одного действия на фоне другого [13, 527].

Возвращаясь к нашим текстам, хотелось бы обратить внимание на то, что передача отношений противопоставления через подчинительный союз «ки», скорее единичный случай, продиктованный временными отношениями между противопоставляемыми частями ССП, а также неполноценности действия в первом суждении при наличии активности во втором. Так, в предложении «Он уже хотел выйти, но вдруг этажом ниже с шумом растворилась дверь на лестницу...» противопоставляется намерение, выраженное в первой части ССП и реальный факт не совершения действия во второй части ССП. При этом оба высказывания разворачиваются в одной

временной плоскости: желание выйти возникает одновременно с распахиванием двери.

Именно желание передать временные отношения оригинала подталкивает переводчика к совершению ряда лексических и грамматических трансформаций в обоих вариантах перевода: «*Tam dışarı çıkacağı sırada, bir kat aşağıda, merdivene bakan kapılardan biri açıldı...*», «*Tam çıkacaktı ki, birden alt kattaki dairelerden birinin kapısı gürültüyle açıldı...*». В последнем примере, предложение получает оттенок причинно-следственных отношений [14, 521]. Хотя, скорее тут больше подходит оттенок значения неожиданности и удивления во втором предложении в момент свершения действия или явления в первом [15].

Первый вариант перевода использует деепричастие, которое указывает на момент, в который происходило действие или событие.

Стоит также отметить, что по своей структуре составляющие части ССП – двусоставные полные предложения со сказуемым, выраженным глаголом активного залога. В то время как в переводной коммуникации вторая часть предложения представлена конструкцией страдательного залога, тогда как первая часть предложения первого варианта – сложноподчиненное предложение, где первая часть определяет временной промежуток совершения действия во второй части. Вторым вариантом представлен сложноподчиненным предложением с аналитическим типом связи по средствам подчинительного союза «*ki*», который придает изъяснительное значение зависимому предложению [16, 21 – 23].

Семантический анализ высказываний оригинала и перевода позволяет нам предположить, что в смысловом отношении передачи цели коммуникации второй вариант является предпочтительным, так как он четче передает приоритетное значение первой части ССП оригинала.

Продолжая рассматривать специфику отображения русских противительных союзов «*а*» и «*но*» в наших переводных текстах, отметим, что сопоставительно-противопоставительные отношения оригинала находят отражение по средствам союзов «*ama*», «*ise*», «*oysa*» для союза «*а*», «*ama*», «*ki*», «*de*», «*yalnız*», «*ancak*», «*bir tek*» для союза «*но*». При этом в некоторых случаях взаимозаменяемые «*yalnız*» и «*ancak*», при общности основного значения противопоставления, противоречия, несоответствия будут иметь разные оттенки значения. «*Yalnız*» имеет оттенок недостаточности, неполноты действия или состояния, поданного в первой пропозиции при наличии информации, графически оформленной во второй пропозиции, опровержение однозначности и незыблемости информации первой части высказывания, подчеркивание несоответствия двух высказываний друг другу: *Он был в полном уме, затмений и головокружений уже не было, но руки всё ещё дрожали.* = *Artık bütünüyle akli başındaydı. Göz kararmasından, baş dönmesinden onda eser kalmamıştı. Yalnız hâlâ elleri titriyordu.* – *Artık tümüyle kendini toparlamıştı, ne göz kararmasından, ne baş dönmesinden eser kalmıştı; bir tek elleri titremeye devam ediyordu.*

«*Ancak*» в нижеприведенном примере смотрится эмоционально более спокойным и, как видно из примера, не столь необходимым к употреблению: *Грязная вода раздалась, поглотила на мгновения жертву, но через минуту утопленница всплыла...* = *Kirli sular yarıldı, bir anda kurbanını yuttu. Ama, bir dakika sonra, kadın suyun*

yüzüne çıktı. – Kirli sular bir an açılıp kapandılar ve kadın kayboldu. **Ancak** bir dakika kadar sonra yeniden su yüzüne çıktı...

Турецкие исследователи определяют «*de*» как союз, который подчеркивает, делает акцент на той части предложения, к которой он относится. Как правило, эта часть ССП носит негативный характер. В определенной степени, с учетом нашего примера, можно сказать, что «*de*» на прагматическом уровне образует причинно-следственную связь, оформляя причину того, почему имплицитная информация одной части предложения не соответствует желаемому результату: *Он попробовал было вытащить так, из-за пазухи, но что-то мешало, застряло. = Olduğu gibi koynundan çekip çıkarmaya çalıştı. Ama, bir şey buna engel oluyor... – Koparmadan çıkarmak istedi, bu kez de kordon içeride bir yerlere takılmış, gelmiyordu.*

Союз «*ise*», который усиливает противопоставление, делает акцент на несоответствии двух пропозиций одного высказывания [17, 78]. В предложении: *Раскольников не был у него уже четыре месяца, а Разумихин и не знал даже его квартиры. = Raskolnikov, dört aydır ona uğramamıştı. Razumih'in ise onun evini bile bilmiyordu. – Raskolnikov dört aydır uğramıyordu ona, Razumih'in ise onun evini bilmiyordu* – сравниваются два подлежащих, мера состояния одного объекта по отношению к другому. Союз в данном предложении можно заменить на «*же*», «*в свою очередь*», вместе с тем, акцент, несомненно, делается на вторую часть предложения, чем автор как бы подчеркивает нелогичность обстоятельств при соотношении с целью коммуникации и смыслом всего текста, или же определенного отрезка высказывания, охватывающего информацию большую, чем рамки одного предложения.

Вышеприведенные примеры показывают единичность и часто авторское употребление «*de*», «*yalnız*», «*ancak*», «*bir tek*» наряду с использованием союза «*ama*», что не приводит к деформации мотивационного контекста или искажению ситуации.

Наряду с употреблением не стандартных соответствий при переводе в наших параллельных текстах встречается опущение союза в переводной коммуникации. В 7% случаев опущении союза ведет к нивелированию оттенка противопоставления суждений и превращает ССП закрытой структуры в конструкцию, передающую информацию о перечислении определенного набора факторов, действий, явлений действительности: «*Иным было лет за сорок, но были и лет по восемнадцать...*» – «*Kiminin yaşı kırkları aşmış, kimi daha on yedisindeydi...*».

Выводы. Передача семантических отношений частей сложного предложения не должна рассматриваться в узком смысле лексических трансформаций, а должна учитывать смысловые отношения как в пределах одного предложения, так и в рамках более широкого контекста абзаца или всего текста. Данное утверждение привело нас к мысли о первостепенной роли цели коммуникации в передаче смысловых отношений частей сложного предложения. Именно смысловые отношения частей ССП могут влиять на грамматическое оформление высказывания в переводе и его лексическое наполнение.

Опираясь на наш практический материал, мы установили, что сопоставительно-противопоставительные отношения в закрытых структурах ССП передаются на турецкий язык как с помощью сочинительных союзов, так и с помощью подчинитель-

ных. В то время как опущение союза приводит к тому, что отношения противопоставления пропадают, и заменяются простой номинацией и перечислением событий, нейтрализацией прагматики высказывания, что приводит к семантическим изменениям.

Оттенки значений русских союзов в наших текстах представлены следующим образом: неспособность совершения действия при наличии благоприятных условий и обстоятельств; диссонанс ожиданий и реальности, возможности и нежелания (при этом первая часть предложения – предположение, вторая – вывод); тщетность совершаемого действия в контексте внешних объективных факторов; резкая полярированность двух пропозиций, ненормальность одной пропозиции при наличии другой; сравнение двух пропозиций.

В переводной коммуникации же за счет использования разных союзов проявляются оттенки недостаточности, неполноты действия или состояния; акцентуация несоответствия двух высказываний друг другу; причинно-следственной связи, когда графическое оформление получает причина несоответствия желаемому результату. Кроме того, на первый взгляд взаимозаменяемые союзы – «*yalnız*» и «*ancak*» – могут отличаться прагматическими свойствами.

Влияние прагматики оригинала отношений частей сложного предложения, выраженного союзами, с точки зрения синтаксической организации переводного текста определяет **перспективу** дальнейшего исследования данной темы.

Литература

1. Сдобников В. В. Теория перевода / В. В. Сдобников, О.В. Петрова. – М. : Восток-Запад, 2006. – 448 с. – ISBN 5-478-00306-9.
2. Nida Eugene A. The theory and practice of translation / Eugene A. Nida and Charles R. Taber. – Leiden : Brill Academic Publishers, 2003. – 218 p. – ISBN 9004132813.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 253 с. – ISBN 5-06-001057-0.
4. Вихованець І. Р. Граматика української мови. Синтаксис / Ігор Романович Вихованець. – Київ : Либідь, 1993. – 368 с. – ISBN 5-325-00174-4.
5. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Виктор Владимирович Виноградов. – М. : Рус. яз., 2001. – 720 с. – ISBN 5-200-03017-X.
6. Виноградов В. В., там же, 585.
7. Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка / А. Н. Стеценко. – М. : Высшая школа, 1972. – 360 с.
8. Виноградов В. В., там же, 581 – 585.
9. Оказ Л. С. Материалы спецкурса по синтаксису крымскотатарского языка. Сложное предложение / Лемара Сергеевна Оказ. – Симферополь : ТНУ, 2002. – 116 с. – ISBN 966-5722-96-4.
10. Оказ Л. С., там же, 17 – 51.
11. Demir Tufan Türkçe Dilbilgisi / Tufan Demir. – Ankara : Kurmay Kitap Yayın Dağıtım, 2006. – 704 s. – ISBN 975-92212-9-2.
12. Demir Tufan, там же, 516 – 519.
13. Demir Tufan, там же, 527.
14. Demir Tufan, там же, 521.
15. Türk Dil Kurumu Büyük Türkçe Sözlük – [Электронный ресурс], режим доступа : <http://tdkterim.gov.tr/bts/>.
16. Оказ Л. С., там же, 21 – 23.
17. Оказ Л. С., там же, 78.
18. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – [Электронный ресурс], режим доступа : <http://ozhegov.info/slovar/>.

19. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский. – Харьков :Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1983. – 480 с.
20. Dostoyevski F. M. Suç ve Ceza: 2 Cilt / F. M. Dostoyevski. – İstanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 2002. – 738 s. – ISBN 975841478X.
21. Dostoyevski F. M. Suç ve Ceza/ F. M. Dostoyevski. – İstanbul: Kumsaati Yayınları, 2010. – 687 s. – ISBN 978-975-458-902-3.

Гванцеладзе А. М. Змістові відношення частин складносурядного сполучникового речення закритої структури та перекладна комунікація (на матеріалі російських та турецьких паралельних текстів роману Ф.М. Достоевського «Злочин і покарання») / А. М. Гванцеладзе // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 75–81.

У статті розглядаються особливості передачі семантичних відносин між частинами складносурядного сполучникового речення закритої структури.

В роботі надається перелік сполучників турецької мови, а також статистика їх використання при передачі порівняльно-протиставних сполучників російської мови.

Автор розглядає випадки випущення сполучників, характеризує трансформації мотиваційного контексту, що виникають.

В роботі систематизуються змістові відтінки порівняльно-протиставних сполучників крізь призму перекладу на турецьку мову.

У статті говориться про першочергову роль цілі комунікації в перекладі та впливу змістових відношень частин складносурядного речення на його граматичне оформлення в перекладі.

Ключові слова: значення, зміст, теорія перекладу, складносурядне речення, тюркські мови, турецька мова, російська мова.

Gvantseladze A. N. The meaning relationship between the parts of the compound sentence with conjunction (on the material of the Russian and the Turkish parallel texts of F.M. Dostoyevsky's novel "Crime and Punishment") / A. N. Gvantseladze // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 75–81.

Some peculiarities of the translation of the semantic relationship between the parts of the compound sentence with the conjunction are considered in the represented article.

The theory of translation describes details of the coincidences and differences while translation of lexemes, represents causes and cases when lexical, semantic and grammatical transformations are used. Scientists pay attention to the semantics of conjunctions, define shades of meaning brought by the conjunction to the sentence, while the features of translation of the relationship of meanings between the parts of complex sentence in general and compound sentence with conjunction in particular has not been deeply investigated.

The list of conjunctions of the Turkish language and the statistics of its usage while translating comparable-contradictional conjunctions from Russian into Turkish are marked out in the work given.

The author describes cases when conjunction is omitted and characterizes transformations of motivational context happened.

Shades of meaning of comparable-contradictional conjunctions are systematized through the translation into the Turkish language.

The priority of the goal of communication and the influence of the meaning relationship of the parts of compound sentence upon its grammatical structure in translated text is pointed out in the represented work.

Key words: meaning, sense, theory of translation, the compound sentence, the Turkic languages, the Turkish language, the Russian language.

Поступила в редакцію 03.03.2014 г.

УДК 821.512.162

ЖИЗНЕННАЯ ДИЛЕММА БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ И ИСКУССТВО

Садраддин Г.

Институт литературы имени Низами НАНА, Университета «Кавказ»
E-mail: azfolklor@yahoo.com

В научной работе автор анализирует романтическое творчество Насими, Физули, Шекспира, М.А. Сабира и других. Проводит аналогии, выделяет основные темы их произведений. Автор говорит, что жизнь устроена на противоречиях (в художественной литературе – контрастах).

Автором отмечено, что одна и та же стихотворная форма служила у каждого выражению совершенно различных мыслей, каждый нашел в этой форме художественное решение своих ощущений и размышлений в высшей форме. Пусть и в одинаковой форме, написанные каждым из трех в различные периоды, в различных исторических и политических условиях, эти стихотворения представляют собой драгомана человеческой души.

Ключевые слова: литература, романтизм, искусство.

Постановка проблемы. Жизнь устроена на противоречиях (в художественной литературе – контрастах). Материалистическое сознание называет это единством и борьбой противоречий, применяя же это на жизнь общества, делит на два класса – правящих и осужденных, и указывает на невозможность их примирения, вечность антагонистических противоречий между ними. На наш взгляд же, чтобы ни говорили про эти непримиримые антагонистические стороны, какой бы общественно-политической формацией не называлась, на одном полюсе стоит сильный, раздавливающий, попирающий право, на другом же – слабый, раздавленный, тот, у которого попорчены права. Иными словами, в обществе богохульство и вера стоят лицом к лицу. А еще между ними есть нейтральная группа, которая наблюдает со стороны, в своем духовном мире в свойственной себе форме выражает свой протест. Или в романтической, или реалистической, или сентиментальной, или в любой другой форме. И они являются обладателями взглядов и мыслей, людьми чувства.

Не примиряются с несправедливостью преимущественно поэты. И они хотят мятежа, или выступают против, как минимум, наставляют, хотят просветить, порой призывают к соблюдению права раздавленной стороны, иногда же просто изображают. В изображенных сценах и сам автор постепенно сгорает. Соединяется с горем, становится цельным, любит горе. В период, когда «*Dust bəpərvə, fəlak bərahm, dövran bəsükün, dərd çox həmdərd yox, düşməni qəvi, tale zəbun*» (9,85) («Бессилен друг, коварно время, страшен рок, Участья нет ни в ком, лишь круг врагов широк»), «*topraqı qan içən yerin əsirliyində*» [9, 112] («в плену места, земля которого пьет кровь») великий Мухаммед Физули (1449-1556, всемирно известный азербайджанский поэт, жил в иракском городе Кербела) говорил «*Yarəb-bəlayi eşq ilə qıl aşına tənə, Bir dət etmə bəlayi-eşqdən cüda tənə*» [6, 303] («О боже, с горе-любовью подружи меня, Ни на минуту не разлучай меня с горе-любовью») или же «*Nə yənar kimsə tənə atəşi-dildən özgə, nə açar kimsə qapım badi-səbadan qeyri*» [9, 54] («Ничто не воспламенится кроме пламени души моей, никто не откроет дверь мою кроме утренного брiza»).

Несколько ранее М.Физули, знавшего про тленность мира и потому отдавшего душу Любимой, И.Насими (XV век, всемирно известный азербайджанский поэт-философ. Родился в Шемахе, из-за прогрессивных взглядов подвергся преследованиям Тамерлана и за «не вмещающиеся в мир» идеи был казнен в Алеппо) выражал примерно схожие мысли: говоря «*Axirət darından istə hər nə məqsudun ki var, Dünyanın miqdarı yoxdur, keç bu bimiqdardan*» [5, 201])(Какие желания есть, проси у дерева потустороннего мира, нет цены у бренного мира, и не ищи этой цены), приходит к выводу «*Bir əmin mərhəmət bulunmaz, ey Nəsimi, çün bu gün, Xəlqə faş etmə bu sirri kəşfi-əsrar istəmə*» (Сегодня не найдется тебе надежного друга, эй Насими, Не разглажь тайну эту тайну, не ищи раскрытия тайны). Чего он желает - известно. Без любимой ему жизни нет. Поэтому восклицание «*Dilbəra mən səndən ayrılı ömrü canı neylərəm, Tacı taxtı, mülkü, malı, xanımını neylərəm!*» [6, 169] (Любимая, зачем мне без тебя жизнь, Зачем мне трон, имущество, богатство, очаг) превращается в манифест поэта. Насими и Физули и их современники знали, зачем он явился в этот мир. В силу знания, служа Создателю, задумываются о своем конце, не остаются зрителями бесправия, подчиняются велению Корана «*Nəhyi ənil münkər, Əmri bil maaruf*» (будь перед грехами, рядом с хорошими поступками), и в написанном опирались на это.

Гамлет жившего примерно в одно время с ними Шекспира, оставшись меж двух путей, не знает, что делать и от безысходности произносит свой монолог «быть или не быть?»

Однако после них положение изменилось. Поскольку изменились исторические условия, политическая атмосфера. Особенно у поэтов в XIX веке протест приводит к обиде, к опусканию рук, порой даже к мятежу. Это проявлялось не только в азербайджанской, но и русской литературе. Говоря о стихотворении А.Раджи «Ни любви бы ни было...», целиком построенного на противоречиях и выглядящего как выражение безразличия ко всему, Фиридун-бек Кочарли (Выпускник горийского семинара учителей и директор его азербайджанского отделения, ученый-литературовед, автор 2-томной книги об азербайджанской литературе) пишет: «В своей газели Раджи по одному перечисляет все любовные горечи, но в сущности не существование этих горечей, отсутствие качеств во блага человека, и скрывает главную сущность и замысел. Как и русский поэт Лермонтов, наш Раджи не хочет ни умирать, ни оставаться в живых, не стремится ни к сладости, ни к горечи, не требует ни горечи (*zəhri-hilal*) разлуки, ни сладости (*şəkəri-səfa*) встреч (3, 352)

Причина этих ноток обиды у М. Ю.Лермонтова заключалась в «...жестоких террористических условиях по отношению к своей оппозиции» [10, 361] царизма, «разрушении общественно-политических надежд» [10, 360].

Это стихотворение с нежеланием чего-либо, протестом против существования всего, обидой на все, сопровождаемое частицей «ни», прославилось настолько, что Гусейн Джавид (1882-1940, выдающийся азербайджанский драматург, поэт. С клеймом пантюкиста, панисламиста в 37 году подвергся репрессиям, был сослан в Сибирь, там же в тяжелых условиях скончался) и Мирза Алекбер Сабир (1862-1912) родился в Шемахе. Основатель сатирической поэзии, знаменитый горестный поэт журнала «Молла Насреддин») написали на него подражание-незире. Однако,

как бы ни были похожи эти стихотворения, у каждого есть отличительные особенности. Отрицательная частица «ни» как литературная формула проявляет себя еще при описании Физули состояния Меджнуна:

*Qəti nəzər eyləmiş cahandan,
Keçmiş sərü çeşmü cismü candan.
Nə mülk, nə mal cüstcusu
Nə atə, nə anə arizusu [6, 352].*

Однако автором столь рабочей формы отрицания - «нə» - «ни» был А.Раджи. А остальные написали подражание-незире. Раджи жил в XIX веке (1831-1876) в Южном Азербайджане. Родившийся в Тебризе, проводивший дни в шелкопрядстве и торговле, при возвращении на корабле из паломничества Мекки затонул в море Гулзум. Лирический поэт. Часть его произведений составляют элегии, посвященные причиненным в Кербела Иمامу Гусейну и окружающим бедам. Другая часть, как у продолжателя школы Физули, состоит из лирических стихотворений. Диваны, написанные на родном языке и фарси, были несколько раз изданы в Баку, Тебризе и Тегеране. Занимал особое место среди корифеев элегий своего времени – Гумри, Дахил, Сарраф, Лали и т.д.

В период деспотического шахского режима поэты озвучивали свои беды темой Кербелы. Как против шахского режима были выступления под ширмой бабизма и бахаизма, так и в России эти протесты проявили себя движением декабристов. В этом контексте параллельность темы, отношения к теме у Раджи и Лермонтова может показаться нормальной.

На первый взгляд начинающаяся любовными символами стихотворения во второй строке стихотворения «*Nə hüsn olaydı, nə könüm, nə dəstə-dəstə bu zülf*» (Не было бы ни красоты, ни души моей, ни эти выющиеся волосы) внезапно строкой «*Nə şah, nə mülk, nə bu fəvç-fəvç ləşkər olaydı*» (Не было бы ни шаха, ни имущества, ни отряда за отрядом войск) с очень большим мастерством касается политических вопросов. В последующем двустиишии наблюдаем аналогичную ситуацию:

*Nə əbruyi-xət olaydı, nə çeşm, nə müjgan,
Nə tiğ olaydı, nə cəllad, nə bu xəncər olaydı [2, 37].*

(Не было бы линии этих бровей, глаз, ресниц

Не было бы ни лезвия, ни палача, ни меча)

В классической литературе обычно образы «лезвия, меч и палач» метафоризировались к бровям, векам и глазам возлюбленной. Однако здесь мастерство автора заключается в умении применять эти слова и в прямом, и символическом-переносном смысле.

Эти политические нотки, проявляющиеся в стихотворении, проявляются всего лишь в 2 двустииших из 20-ти. В остальных же поэт опустил руки, равнодушен ко всем богатствам мира – где-то как Меджнун после отказа Лейли не хочет ничего. Не хочет «*Nə eşqi, nə aşiqi, nə nazı, nə işvəni, nə deysı-vəsli, nə ənduhi-hicri-dilbəri, nə gülü. Nə bülbulü, nə xarı, nə şəmi-şölə, nə rəgvənə, nə səməndəri*» (Ни любви, ни возлюбленную, ни кокетства, ни воссоединения, горечи от разлуки с возлюбленной, ни цветка, ни соловья, ни свеч, ни бабочки, ни самандара).

Академик, писатель Мирза Ибрагимов причину написания этого стихотворения видел в «усталости из-за противоречия души и сердца от страданий неудачной любви, нарушающих обещания красавиц, безжалостных ... шахов, рубящих головы палачей, не понимания их мук, их благ» [1, 29].

Nə eşq olaydı, nə aşiq, nə hüsni-dilbər olaydı.
Nə ayinə, nə səfa, ey könül, nə cövhər olaydı.
Nə nazü gəmə, nə gəncü dəlalü nə şivə,
Nə əczü labe, nə xünabi-dideyi-tər olaydı.
Nə zülf olaydı, nə ariz, nə xətt olaydı, nə xal,
Nə müşk olaydı, nə məcmər, nə udü ənbər olaydı.

В газели противоречивых двустийший больше, они увеличивают и художественность стихотворения, и усиливают силу воздействия мысли.

Nə yalvaraydı rağibə bu payadə üşşüq,
Bu mərtəbədə nə bu məşuqələr sitəmkar olaydı.
Nə şərhə-şərhə olaydı bu sinə tiğirlə,
Nə şərh-i-dəftəri-dərdü bəla, nə müztər olaydı.
Məzaqi-Raci nə şirin olaydı, nə böylə təlx,
Nə hicr zəhri-hələyl, nə vəsli-şəkkər olaydı [2, 38].

Раджи в этом стихотворении заводит речь и об уроке, о школе, но об этом чуть позже. Пока добавим то, что такие противоречивые взгляды продолжают по ходу творчества поэта. Хотя отрицательное местоимение «ни» используется во многих местах, еще 2 газели построены исключительно на этом. В одной из газелей находят свое отражение жалобы на время, судьбу, сожаления от недостигнутого и горе от этого.

Nə döndü bu fələki-kəsmədar kamimcə,
Nə mümkün oldu mənə vəsli-yar kamimcə.
Nə şəm-i ah ilə pərvanə tək könül yandı,
Nə söndü cismdə bu hərri-nar kamimcə.
Nə bu zəmanəyə mən bağladım bel, ey Raci,
Nə saziş eylədi bu rüzigar kamimcə [2, 66].

И в другом стихотворении есть эти жалобные нотки, однако здесь большое место занимают антитезы, оксюмороны. Настроение оставшегося на перепутье, ни до чего не могущего дотянуться, говоря народным выражением «Əli aşından da olan, Vəli aşından da» («не достается ни плов Али, ни плов Вали»):

Nə tabi-hicr, nə tərki-vüsali-yar eylədim.
Nə yardan keçə bildim, nə ixtiyar eylədim.
Xəzani-hicrdə bir fəsl-i-vəsl üçün durdum,
Nə fəsl-i-vəslə yetişdim, nə bir bahar elədim.
Deyəndə yandı dilim, dinnəyəndə dil yandı,
Nə eşqi gizlədə bildüm, nə aşikar elədim.
O zülf ki, mənə hər tarı mardir, Raci,
Onun evin nə bir ah ilə tarü mar elədim [2, 80].

Народное выражение «Deyəndə yandı dilim, deməyəndə dil yandı» (Сказал, загорелся язык, не сказал загорело сердце), каламбуры «tari mar (qara ilan) (черная змея)-

tarü mar (darmadağın) (вдребезги)» в стихотворении повышают мощь и художественное влияние сикхотворения. Созвучие же его выражения «onun evin nə bir ah ilə tarü mar elədüm» (разбил его дом одним лишь вздохом) с «Olsaydı məndəki qəm Fərhadı-mübtalədə, Bir ah ilə verərdim, min Bisütuni badə» (если бы мой стон был у Фархада, одним лишь стоном разрушил бы тысячу Бисутунов) [9, 34] М.Физули показывает степень привязанности к своему наставнику.

Вторым стихотворением одинаковой формы в азербайджанской литературе является сказанная дервишем газель с содержанием «Nə eşq olaydı, nə aşiq, nə nazlı afət olaydı, Nə xəlq olaydı, nə xaliq, nə əski-həsrət olaydı» -(Не были ни любви, ни влюбленного, ни кокетливого бедствия, Не были бы ни народа, ни творца, ни слез разлуки) в произведении «Шейх Санан». Это стихотворение говорится устами желающего прозреть дервиша, пришедшего к Шейху Санану. Как можно заметить, жалоба доходит до такой степени, что поэтическое «я» поднимает мятеж, не желает даже существования творца. Очень странно, что прославившееся в нашей литературе как «Песня слепого араба» это стихотворение более соответствует настрою превратившегося в Меджнуна из-за показавшейся ему на глаза грузинской девушки Хумар, слепого ко всему, кроме Хумар, Шейха Санана, а не идущему к врачу больному. Считающий «отличающееся высокими художественными качествами, особенно вызывающее интерес обильным использованием отрицательной частицы и художественных противоречий это произведение является интересным событием в нашей литературе» и отмечающей его написание как подражания на Раджи З.Алекперов пишет, что: «усиливающая эмоциональность, лиризм ..., используемая с целью выражения философских взглядов ..., полная жалоб слепого газель, обжигающее сердца слова, поэтические отрывки в произведении занимают важное место» [11, 90].

Nə eşq olaydı, nə aşiq, nə nazlı afət olaydı,
Nə xəlq olaydı, nə xaliq, nə əski-həsrət olaydı.
Nədir bu xilqəti-bimərhəmət, bu pərdəli hikmət?
Bu zülmə qarşı nolur bir də bir ədalət olaydı.
Tükəndi taqətü səbrim, ədalət! Ah, ədalət!
Nə öncə öylə səadət, nə böylə zillət olaydı [4, 32].

Если обратим внимание на один момент, в отличие от Раджи, увидим в нежелании лирического я и желания. Он желает справедливости. В период лютования гнета справедливости. «Könlündə nuri-məhəbbət, gözündə pərdeyi-zülmət varsa, bu xilqət olmasa nə olardı ki!» (Если есть в душе моей есть луч любви, в глазах черный занавес, что было, если бы не было этого существования). Поэт, говорящий «Xaliqu-bimərhəmət» (жестокий творец), не может долго выдержать тяжести этого слова, и следом старается понять, что означает не понятая им «задрапированная мудрость». На самом деле слепота дервиша не просто слепота, это духовная слепота людей, у которых из души исчез свет Права, которые не могут увидеть высшего Создателя, тайн в нем.

Большой мастер сатиры азербайджанской литературы (начало XX века) М.А.Сабир тоже в новом стиле написал подражание - незире «Арзу» на стихотворение Раджи. Раджи, как выше отмечалось, заводит речь и об уроке, щколе. Это двустишие таково:

Nə tifi olmaydı, nə məktəb, nə dərs olmaydı, nə elm,
Rumuzi-eşq nə dillərdə böylə əzbər olmaydı [2, 27].

Раджи в прямом значении слова говорит не о сегодняшнем понимании школы, урока. Это доказывает и завернувшаяся в «rumuzi-eşq» (символ любви) вторая строка. Символы любви могли знать не каждый человек. Если бы понял его, могли понять «выпускники» школы божественной любви.

У М.А.Сабира же отношение совершенно иное. При этом автор для выражения своих просветительских мыслей иронически пользуется этой формой. Фразой «не было бы ни того, ни другого» на самом деле озвучивает то, в чем больше всего мы нуждаемся. То есть хорошо бы все то, о чем мы говорим, чтобы этого не было, у нас было бы. Сейчас народ нуждается в них как в воде, воздухе. Обратим внимание на некоторые двустишия этого подражания из 13 двустиший:

Nə dərs olmaydı, nə məktəb, nə elmü sənət olmaydı!
Nə dərsə, məktəbə, elmə, filana hacət olmaydı!
.....Nə mədrəsə, nə müəllim, nə bu üsuli-cədidə,
Və nə uşaqlarımızda bu qabiliyyət olmaydı!
.....Nə hiss olmaydı cavanlarda əmri-millətə qarşı,
Nə bu cavanlar olmaydı, və nə bu millət olmaydı! [8, 166]

Поэт затем «проклинает» печать, являющуюся одним из средств просвещения, говорит, хорошо бы и их «не было». Потом упоминает названия Японии, Ирана, Турции, говорит про новшества тамошние «хорошо бы их не было». В завершение проклинает воскрешение великого мудреца Востока Моллы Насреддина в облике «Моллы Насреддина» и заканчивает стихотворение так:

*O köhnələrdən acəb kim utanmayıb da deyirlər:
Gərək bu əsrə görə böylə, böylə adət olmaydı!
Bu bişüurların əqlinə, kəmalına bax bir!
Qadam kəmalınıza! Barı sizdə qeyrət olmaydı!.. [8, 166]*

Эти мыслями, сказанными устами отрицательного персонажа, желающего держать народ в невежестве, автор хлещет их самих, подвергает критическому огню. Только в последнем двустишии, бросая свою резкую мысль напрямую им в лицо, наносит последний удар (*Qadam kəmalınıza! Barı sizdə qeyrət olmaydı!..*) (да будут все мои беды на ваш рассудок. Хотя бы у вас было бы самолюбие!)

Выводы и перспективы. Как видно из стихотворений всех трех авторов, одна и та же стихотворная форма служила у каждого выражению совершенно различных мыслей, каждый нашел в этой форме художественное решение своих ощущений и размышлений в высшей форме. Пусть и в одинаковой форме, написанные каждым из трех в различные периоды, в различных исторических и политических условиях, эти стихотворения представляют собой драгомана человеческой души. Представляет собой художественное выражение сообразно требованием времени, вытекающее из требований эпохи идеи. Все три стихотворения представляют собой образцы, написанные с крайне высоким мастерством.

Литература

1. Антология литературы Южного Азербайджана, I т. – Баку, 1981 (на азерб. языке)
2. Абульгасан Раджи. Избранные произведения. – Баку, 1992 (на азерб. языке)

3. Фиридун-бек Кочарли. Азербайджанская литература, II т. – Баку: Наука, 1981 (на азерб. языке)
4. Гусейн Джавид. Произведения, II том. – Баку: Писатель, 1982 (на азерб. языке)
5. Имадеддин Насими. Иракский «диван». – Баку: Писатель, 1987 (на азерб. языке)
6. Библиотека классической азербайджанской литературы. V т. – Баку: Наука, 1985 (на азерб. языке)
7. Библиотека классической азербайджанской литературы. VII т. – Баку: Наука, 1986 (на азерб. языке)
8. Мирза Алекбер Сабир, Хопхоп-наме. – Баку: Писатель, 1980 (на азерб. языке)
9. Мухаммед Физули. Избранные произведения. – Баку: Писатель, 1984 (на азерб. языке)
10. Соколов А.Н. История русской литературы XIX века (I половина). Москва: Высшая школа, 1976 (на азерб. языке)
11. Захид Акберов. Трагедия Гусейна Джавида «Шейх Санан». – Баку, 1977 (на азерб. языке)

Садраддин Г. Життєва дилема бути чи не бути і мистецтво / Г. Садраддин // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 82–88.

У науковій роботі автор аналізує романтичну творчість Насімі, Фізулі, Шекспіра, М.А. Сабіра та інших. Проводить аналогії, виділяє основні теми їхніх творів. Автор каже, що життя влаштоване на протиріччях (в художній літературі - контрастах).

Автором зазначено, що одна і та ж віршована форма служила у кожного висловом абсолютно різних думок, кожен знайшов у цій формі художнє рішення своїх відчуттів та роздумів у вищій формі. Нехай і в однаковій формі, написані кожним з трьох в різні періоди, в різних історичних і політичних умовах, ці вірші являють собою драгомана людської душі.

Ключові слова: література, романтизм, мистецтво.

Sadraddin H. Life dilemma “to be or not to be” and art / H. Sadraddin // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 82–88.

In a study by the analyzed romantic art of Nasimi, Fizuli, Shakespeare, M.A. Sabir and others. He draws analogies, highlights the main themes of their works. The author says that life is based on the contradictions (in fiction - contrasts). Materialistic perceptions calls this unity and struggle of contradictions, applying it to the same society, divides into two classes – the ruling class and convicted and points to the impossibility of their reconciliation and eternity of antagonistic conflict between them. In our opinion whatever is said about these irreconcilable antagonistic sides, anyway how the socio-political formation is named, at one hand stands the side that is strong, crushes and tramples any rights, on the other hand – weak and crushed, whose rights are trampled. In other words, blasphemy and faith stand face to face in the society. Between them there is a neutral group that watches from their side and expresses its protest in the spiritual world by specific way. This way may be romantic or realistic, or sentimental, or in any other form. And they are the holders of views and thoughts, they are the people of feelings.

Mostly poets do not compromise with unfairness. The author notes that the same poetical form serves for expression of completely different thoughts, one found in this form of artistic design the decision of their feelings and thoughts in highest form. Let it be in the same form, written by each other in three different periods, in different historical and political context, these poems are the dragoman of the human soul. It is an artistic expression consistent with the spirit of time resulting from the requirements of the era's ideas. All three poems are samples of writing with extremely high skill.

Keywords: literature, romanticism, art.

Поступила в редакцію 03.03.2014 г.

УДК 811.1:070(55)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ЛЕКСИКЕ ИРАНСКИХ СМИ

Эмирсале Э. Я.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского
E-mail: elvira.emirsale@mail.ru*

В данной статье рассматриваются структурные и лингвистические особенности языка Иранских средств массовой информации, а так же, непосредственно, использование специфической терминологии (политической дипломатической, правовой, экономической, спортивной, медицинской, военной и др.) Терминология, по определению, является тем средством, которое помогает избежать и не допускать множественности смысла и поэтому часто используется в лексике СМИ. Поэтому, при анализе иранских медиа отмечается частое использование различной профессиональной терминологии. В программах отражающих международные события, представлено достаточное количество европейских заимствований. А так же отмечены, некоторые новые политические термины и различные стилистические варианты лексики.

Ключевые слова: специфическая терминология, средства массовой информации, информационные программы, политические термины.

Постановка проблемы. Средства массовой информации прочно вошли в жизнь человеческого общества. Они являются мощным средством воздействия на человеческий разум. Будучи динамичным по своей сути, язык средств массовой информации наиболее быстро реагирует на все изменения в общественном сознании, отражая состояние последнего и влияя на его формирование. Именно в языке средств массовой информации легко увидеть те новые тенденции в подходах к изучению языка, которые прослеживаются в современной лингвистике, что обуславливает, актуальность избранной темы.

Цель и задачи. Целью настоящего исследования является рассмотрение степени использования специфической терминологии (политической дипломатической, правовой, экономической, спортивной, медицинской, военной и др.) в иранских СМИ. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Провести лексический анализ терминов иранских СМИ за последний период;
2. Систематизировать полученные результаты, сделать выводы;
3. Определить перспективы дальнейших исследований.

Термин (лат. terminus 'граница, предел, конец') – это специальное слово или словосочетание, принятое в определенной профессиональной сфере и употребляемое в особых условиях. [2, 347] Термин представляет собой словесное обозначение понятия, входящего в систему понятий определенной области профессиональных знаний. Терминология (как совокупность терминов) составляет автономный сектор любого национального языка, тесно связанный с профессиональной деятельностью. Термины каждой отрасли науки, техники, производства формируют свои системы, определяемые, в первую очередь, понятийными связями профессионального знания при стремлении выразить эти связи языковыми средствами.

В соответствии с разнообразной тематикой материала в иранских средствах массовой информации, может употребляться различная профессиональная терминология (политическая, дипломатическая, юридическая, военная, экономическая, спортивная, медицинская).

В современную эпоху терминология языков мира, за исключением, может быть, английского, унифицируется, особенно в области информатики и телекоммуникации. В этой связи возникает проблема существования национальной терминологической системы, будь то научно-техническая терминология, терминология СМИ или общественно-политическая терминология.

Дипломатическая терминология. Дипломатический язык как функциональный стиль имеет свою систему терминологии, в которой присутствует обширный список интернациональной лексики. В основном это заимствования из латыни и французского языка. Некоторые также из греческого языка. Терминология, по определению, является тем средством, которое помогает избежать и не допускать множественности смысла и поэтому часто используется в лексике СМИ.

پروتکل [protokol] «протокол», используется в значении официального документа, в котором фиксируются какие-либо фактические обстоятельства. Дипломатический словарь дает следующее определение: «протокол - совокупность общепринятых правил, традиций и условностей, соблюдаемых правительствами, ведомствами иностранных дел в международном общении» [3, 215]. Рассмотрим дипломатические термины – названия документов: یادداشت [yāddāšt] официальное письмо (нота), یادداشت اعتراض [yāddāšte etterāz] «нота протеста»; حق و تو [haqe veto] «право вето»; قطعنامه [qatnāme] «резолуция», دروم رد تی نم یاروش ممان عطق ... «резолуция Совета Безопасности по вопросу о ...», در قطعنامه آمده است «в резолюции говорится»; موافقت نامه همکاریهای تجاری [movāfeqatnāme] «соглашение о торговом сотрудничестве»; قرارداد [qarārdād], پیمان [peymān] «договор», پیمان دوستی «договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи», قرارداد جدید «договор о прекращении огня»; اعلامیه [elāmiye] «декларация», بیانیه [bayāniye] «Декларация прав человека»; اساس نامه [āsās-nāme] «устав», آیین نامه «Устав ООН». سازمان ملل متحد.

Экономическая терминология. Чаще всего, в прямом значении экономические термины употребляются для выполнения функции передачи информации [1, 157]. В этом случае они являются свидетельством достоверности излагаемой информации, а так же демонстрацией компетентности журналиста в раскрываемом вопросе. Например: صادرات [sāderāt] «экспорт», اقلام صادرات «предметы экспорта»; واردات [vāredāt] «импорт», مزایده [mozāyede] «торги, аукцион», ضمانت پولی [zemānate puli] «денежный залог»; اقتصاد ملی [eqtesāde melli] «национальная экономика», اقتصاد «закрытая экономика», سیاست اقتصادی بازاری «политика рыночной экономики», سیستم اعتبارات [ettebār] «кредит», اعتبار «экономическая экспансия»; تساهل مالی «кредитно-денежная система», سیاست اعتباری «кредитная политика», وام «кредитные операции»; امتیاز برای استخراج نفت «концессия на разработку нефти» и др.

Юридическая терминология: هیئت منصفه [heyate monsefe] «присяжные заседатели»; مصونیت [masuniyat] «иммунитет, неприкосновенность», مصونیت پارلمانی «парламентский иммунитет», مصونیت دیپلماتیک «дипломатическая неприкосновенность», قانون اساسی [qānun āsāsi] «основной закон», غیر قانون اعلام کردن «объявить вне закона», قانون انتخابات «избирательный закон», بصورت قانون درآمدن «приобретать силу закона», از درجه اعتبار قانون ساقط شدن «утратить силу закона»; وضع [vaz'e mowjud] «статус-кво»; سند رسمی [sanade rasmi] «официальный документ», قرارداد ساختمان [qarārdāde sāxtemān] «контракт на строительство».

Медицинская терминология: فیزیوتراپی [fīzyoterāpi] «физиотерапия», رادیوگرافی [radiogrāfi] «радиография», ترمیم [tarmim] «реабилитация» и др.

Спортивная терминология: В спортивных программах иранского телевидения преобладает литературная речь диктора, но в репортажах с места игры и в интервью широко используются специфические разговорные обороты и даже просторечие. Репортаж обычно идет в очень быстром темпе речи, для него характерна повышенная эмоциональность и вынесение положительных или отрицательных оценок игре и игрокам. В репортажах может присутствовать восторженная или возмущенная интонация: گوش چپ [guše čap] «левый крайний (футб.)», هافتایم [hāftaym] «тайм», خط حمله [xatte hamle] «линия нападения», ورزشکار [varzeškār] «спортсмен», مهاجم [mohājem] «нападающий».

Заслуживает внимания метонимический перенос топонимов на наименование государств или правительств: کيف از شورای امنیت می خواهد حقوق مللت اوکراین را محترم بشمارد: «Киев требует от Совета Безопасности соблюдать права украинского народа». روابط «Отношения между Киевом и Брюсселем развиваются день ото дня».

Название города выступает в значении названия договора связанного с ним: یادداشت بوداپشت [movāfeqatnāme-ye tehrān] «Тегеранский договор», یوآدداشته بوداپشت [yāddāšte budāpešt] «Будапештский меморандум».

Большинство европейских заимствований являются интернациональными терминами, которые вошли во многие языки мира, например: sindika «синдикат», polis «полиция», rezim «режим», kabine «кабинет», bank «банк», melyun «миллион», dollar «доллар», orupā «Европа», estratezik 'стратегический', demokrāsi 'демократия' и др. Что же касается арабских заимствований, то большинство из них являются словами и оборотами, глубоко укоренившимися в персидском языке. Однако среди арабских заимствований имеются слова и термины, которые могли бы быть безболезненно заменены персидскими эквивалентами. Например: taššakkol-e siyāsi (sāxtār-e siyāsi) «политическая структура», vukalā - nemāyandegān «представители, депутаты», mo'arefi kardan - šenāsāyi dādan «познакомить, представить (человека)» и т. д.

Выводы и перспективы. Иранская пресса, современные иранские СМИ, особенно по части научно-технической, медицинской терминологии, изобилуют иностранными заимствованиями. Национальные термины могут использоваться в научных текстах, дипломатической, экономической, спортивной сферах, но при широком употреблении предпочтение отдаётся заимствованиям. Полученные результаты анализа информационных программ представляют несомненный интерес для исследователей языка СМИ и дают возможность определить степень стандартизации ре-

чи и предоставляют материал для дальнейшей исследовательской работы по анализу современного персидского языка в средствах массовой информации.

Литература

1. Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды / [Солганик Г.Я., Кохтев Н.Н., Розенталь Д.Э. и др]; под ред. Д.Э. Розенталя. – Издательство Московского Университета, 1980 – 256с.
2. Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения / Г.Я. Солганик. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004. – 749с. – ISBN 5-17-012237-3 ISBN 5-271-03613-8.
3. Дипломатический словарь в 3-х томах Т.2: / [П.П. Севостьянов и др] – М.: «Наука», 1985. – 485с.
4. Персидско-русский словарь: [около 60000 слов / сост. Ю.А. Рубинчик и др]. – М.: «Русский язык», 1985. – 864с.
5. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского языка / Рубинчик Ю.А. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 600с. – ISBN 5-02-018177-3.

Емірсале Е. Я. Використання специфічної термінології у лексиці іранських ЗМІ / Е. Я. Емірсале // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 89–93.

У цій статті розглядається структурні і лінгвістичні особливості мови іранських засобів масової інформації, а також, безпосередньо, використання специфічної термінології (політичної, дипломатичної, правової, економічної, спортивної, медичної, військової тощо). Термінологія, за визначенням, є тим засобом, який допомагає уникнути і не допускати множинності сенсу і тому часто використовується в лексиці ЗМІ. Таким чином, при аналізі іранських медіа, відзначається часте використання специфічної професійної термінології. А так само відмічені, деякі нові політичні терміни і різні стилістичні варіанти лексики.

Ключові слова: специфічна термінологія, засоби масової інформації, інформаційні програми, політичні терміни.

Emirsale E. Y. Specific terms in the lexicon of the Iranian media / E. Y. Emirsale // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 89–93.

This article examines structural and linguistic features of the Iranian media language as well as directly, the use of specific terminology (political, diplomatic, economic, sports, medical, military, etc.). As it is known, speech has a large-scale nature in TV broadcasting. Being one of the varieties of mass communication it should perform the basic function of a literary language, i.e. it should be generally accepted and commonly understood. It is also necessary to pay attention to the clarity of the language, since the main objective of a TV presenter is to convey the necessary information to the viewer quickly and accurately, to attract his attention, to interest him in a specific event. In some cases, a laconic text is compensated by a video footage, as well as using titles and subtitles. They usually indicate time, place and source of the information. When specifying the venue a noun meaning “talks”, “meeting”, “trip” etc. and pronouns ‘this’, ‘that’: در این دیدار [dar in didār] “at the meeting”. In addition, the analysis of the Iranian television news programs indicates frequent use of paired synonyms such as روشن و شفاف [rowšan-o-šafāf] clear, distinct, transparent (روشن [rowšan] clear, distinct [šafāf] transparent); نین و مقررات قوا [yavānin va moyararāt] laws and regulations, many standard formulations and clichés, for example, a verbal word: اشاره نمود [ešāre nemud] “indicated”; اعلام کرد [e'lām kard] “claimed”, “declared” گفت [goft] said; ابراز علاقه کرد [ebrāze alāye kard] showed interest; اظهار امیدواری نمود / کرد [ezhāre omidvāri nemud / kard] voiced hope. The programs reflecting international events, a sufficient number of European borrowings is provided: کنفرانس [konferāns] “conference”, سمینار [seminār] “seminar”, هژمونی [hežemoni] ‘hegemony’, آژانس [āžāns] “agency”, رفراندوم [refrāndom] “referendum”, there are blueprints and their combinations, such as: رفتار مغرضانه [raftāre moyrezāne] biased behavior, تجهیزات تکنولوژی [tajhizāte teknoložik] manufacturing equipment, بشکه نفت [boške naft] barrel. It should not go without mention that the well-known abbreviations of international organizations are present. As well new political terms and various

stylistic options of lexicon: سند رسمی [sanade rasmi] official document, سیاست اعتباری credit policy, اقتصاد ملی national economic, موافقت نامه agreement, قانون انتخابات electoral law etc.

Keywords: specific terminology, linguistic features, peculiar features, laconic text, abbreviations of international organizations, political terms.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 821.512.161-1

ВЛИЯНИЕ ИСЛАМА НА ЯЗЫК АШИКСКОЙ ПОЭЗИИ

Бейтуллаева М. Ю.

*Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского
E-mail: muzine_160289@mail.ru*

Исламская литература турок зародилась с принятием турками ислама, не поддаваясь никаким изменениям, в своем первоначальном виде просуществовала в период Танзимат, затем, несколько изменившись, дошла и до наших дней. Одним из основных и наиболее ярких ответвлений турецкой исламской литературы является ашикская поэзия, которая включила в себя все особенности литературы турок, образовав тем самым уникальный литературный синтез элементов всех веков и направлений в турецкой литературе. Она также является уникальной, если рассматривать структуру языка, которым она написана.

Ключевые слова: Ашикская поэзия, Танзимат.

Постановка проблемы. Язык ашикской поэзии сам по себе является уникальным явлением в мире литературы. Его, как инструмент использовали и великие поэты, и обездоленные бедняки, и мудрецы, и просто влюбленные. Он богат и разнообразен своими диалектами, и способами подачи.

Актуальность научного исследования. Данное научное исследование является также научным экспериментом, так как тема языка ашикской литературы не была изучена. В данном исследовании сделан акцент на влияние ислама на ашикскую поэзию и дальнейшее развитие ее языка. Видоизменение языка под влиянием арабизмов и иранизмов. А также изучена история проявлений доисламского периода и периода ашикской литературы после принятия турками ислама, на примерах выдающихся произведений данного направления.

Тема научного исследования. Влияние ислама на язык ашикской поэзии

Цель научного исследования

- изучить период принятия турками ислама;
 - изучить произведения ашикской поэзии доисламского периода. привести примеры;
 - изучить произведения ашикской поэзии после принятия ислама. привести примеры;
 - выяснить предметы верования турок до принятия ислама и после его принятия.
- Новизна научного исследования:**
- изучена история принятия турками ислама;
 - изучены произведения ашикской поэзии доисламского периода, и после принятия турками ислама;
 - приведены примеры и раскрыты предметы верования турок в период до принятия турками ислама, и после его принятия.

Методы, использованные в данном научном исследовании. В данном исследовании был использован метод наблюдения, а также исторический метод, при изучении материала, связанного с историей ашикской поэзии и историей зарождения ислама на исторической земле турок. При анализе и сопоставлении материала был ис-

пользован аналитический метод. При подведении итогов был использован статистический метод исследования.

Начиная с VIII. века нашей эры, когда турки стали вести оседлый образ жизни, они начали интересоваться исламом. Уже в X. веке, их правитель Сатур Бугра Хан принимает эту религию и определяет ей статус государственной. Он впервые объединил турок с мусульманством, дав начала новому синтезу, новому образу жизни и новой культуре. Таким образом, в корне изменив свою жизнь, турки принялись дать начало абсолютно новой литературе, которая развивалась под влиянием арабов и персов.

По всем данным, которые существуют на сегодняшний день, отчиной турок является Средняя Азия. Памятники, находящиеся на этих территориях несут в себе важную информацию о языке и литературе турок. Самые древние из них относятся к VIII веку (Памятники Гёктурков). Мастерски использованный язык этих памятников говорит о том, что литература турок зародилась задолго до этого. Потому что, до того, как она стала письменной, она долгое время передавалась из уст в уста. Поэтому, турецкую литературу доисламского периода следует делить на письменную и устную. До принятия турками ислама, в жизни турок место имела устная и, очень редко, письменная литература, которая впоследствии принятия ислама стала называться «народная литература». После принятия ислама, устная литература ушла на второй план, и применялась крайне редко, практически вся литература была письменной.

Самые ранние произведения послеисламского периода писались, черпая свои основы у арабов из Священного Корана, а также из литературных произведений персов. Таким же образом, язык турок, который до этого времени не был видоизменен под влиянием кого-либо, стал поддаваться влиянию арабского и персидского языков. В турецком языке все чаще встречались арабизмы и иранизмы. Техника написания произведений, основные темы и мотивы, и даже взгляд на мир, передаваемый пером, был перенят у персов, которые приняли ислам задолго до турок. Самым ярким примером этого, является одно из ценнейших наследий турок, произведение «Рассказы Дедушки Коркута», которое было написано красивейшим языком, передает читателю всю атмосферу того времени до мельчайших деталей. Это произведение относится к первому периоду послеисламской литературы, периоду «Диван». В этот период были написаны также величайшие произведения, о которых нельзя не упомянуть, такие как: «Диван-и Хикмет»- религиозное произведение Ахмета Есеви; «Кутадгу Билиг»- произведение об идеальной модели правления государством, написанное Юсуфом Хас Хаджипом; а также словарь «Диван-у Лугат-ит Турк», и многие другие.

Для начала, следует уделить внимание самому верованию турок. Хочу привести примеры из самих произведений, свидетельствующие и указывающие на верование турок доисламского периода и после принятия ислама.

Мотивы доисламского верования на примере произведения «Книга дедушки Коркута»

Наряду с тем, что в данном произведении встречаются немало доказательств тому, что турки являлись мусульманами, в нем также встречаются моменты, указы-

вающие на доисламское верование турок. Каким оно было. В ходе исследований, можно с уверенностью сказать, что это верование не перечило и не противоречило основным канонам и принципам ислама.

Култ Бога: Перед тем, как перейти к самому культу Бога в произведении «Книга дедушки Коркута», хочу обратить ваше внимание на легенды турок доисламского периода.

Легенда турок «Сотворения»: «Daha hiçbir şey yokken Tanrı Kayra Han'la uçsuz bucaksız su vardı. Kayra Han'dan başka gören, sudan başka görünen yoktu...» [21, 12]

«Когда еще ничего не было, было только вода и Бог Кайра Хан. Кроме Кайра Хана никто не видел, кроме воды, ничего не было видно»

Легенда Огуз Кагана: Oğuz Kağan, oğullarına yurdunu paylaştırıp verdikten sonra, onlara hitap ederken;

«...Kök Tengriye men ötedim,

Sen-ler gebire men yurtum...» [22, 20]

«Я отдал долг Господу Небес, а вам оставляю свою землю»

В данном контексте подразумевается то, что Огуз Каган был ответственен перед Богом за свой народ, и что избавляется от этой ответственности перед своей смертью, обращаясь с этими словами к Богу, тем самым открыто заявляя о своей к нему вере.

Легенда Эргенекон: «Tanrı'nın gücüyle ateş kızdıktan sonra dağ eriyip akıverdi...» [23, 26]

В легенде, когда речь идет о том, как народ начал собирать дрова, чтобы разжечь костер встречается предложение: «И после того, как благодаря помощи Бога, огонь разгорелся, гора начала таять...», в котором также упоминается слово «Бог», указывающее на веру народов того времени. Кроме того, в данном предложении ярко выражено то, что народ свято верит тому, что все происходит по воле Божьей, и с его помощью. Таким образом четко выражается культ Бога в произведениях турок и тюрков, в общем, доисламского периода.

Также, в предисловии книги встречается следующее предложение:

«Allah Allah demeyince işler olmaz, Kadir Tanrı vormeyince er baymaz» [16, 73], указывающее на то, что и слово «Аллах» и слово «Танры» употребляются, как синонимы, обозначающие единое божество.

Помимо культа Бога в произведениях того времени встречается также культ гор, культ дерева, культ предков и т.д.

Наряду с элементами, указывающими на верование турок доисламского периода, в данном произведении, уже позже, в литературе, развивающейся под влиянием ислама, появляются четко выраженные элементы, указывающие именно на ислам, как религию турок.

Первое, что на это указывает, это то, с чего начинается книга. Автор начинает ее со словами «Bismillahi-r-rahmani-r-rahim» (с именем Аллаха). Так же начинаются все молитвы мусульман. [20, CCLXXIV]

Далее, хочу привести пример из самого произведения:

«Kamusına benzemedü cimle alemleri yaradan Allah Tanrı görklü...» [15, 47]

«Господь всего ни на что и ни на кого не похож. Нет ему подобных». Тем самым, подчеркивая религию и верование турок.

Помимо веры в Бога, в произведении Дедушки Коркута можно найти не мало доказательств и веры в пророка, и в священную книгу мусульман «Кур'ан-и Керим» и т. д.

Естественно, одной из основных в произведениях, написанных после принятия ислама, была тема любви. Казалось бы, что изменилось? Это вечная тема, о ней писались многие произведения и раньше. Но на этот раз, это не просто любовь, не просто воспевание кого-либо, на этот раз это воспевание Достойнейшего, выражение любви к своему Творцу. В период «Диван», тема любви становится основной, а тема природы, которая была основной до этого, стала всего лишь средством, которое использовалось для более четкого выражения любви. Наивысшую свою популярность тема любви достигла в ашикской поэзии. Ашики, поэты данного направления в литературе, исполняли свои произведения под аккомпанемент саза. Изначально, они не записывали своих произведений, но вскоре, появилась книга под названием «Джонк», в которую либо кто-то, либо сами ашики записывали свои произведения. Следует отметить, что ашики исполняли свои произведения, сочиняя их на ходу. А язык произведений хоть и не был тяжелым для понимания, но все же, содержал большое количество арабизмов и иранизмов.

Итак, если разделить на пункты основные особенности и изменения, которые понесло за собой принятие турками ислама для турецкой литературы, то это будет выглядеть так:

1. Помимо того, что после принятия ислама в турецкий язык вошли арабизмы и иранизмы, в турецкой литературе есть также произведения, которые полностью из них состоят.

2. Практически все произведения были письменными, а также почти все имели авторов.

3. Поэзия писалась от имени собственного и выражала чувства только одного человека, а прозаические произведения чаще рассчитывались на какое-то общество.

4. На передний план выходит тема любви. Тема героизма отходит на второй план, а тема природы становится всего лишь средством передачи чувств.

5. Единицы измерения столбцов в поэзии были переняты у арабов и персов. Что способствовало написанию красивого и богатого произведения. Чаще всего стало использоваться двестише. Но в народе все еще можно было встретить четверостишие.

Выводы и перспективы. Ислам у турок, и в принципе, у тюркских народов, как показывает практика, существовал на каком-то ментальном, генетическом уровне, задолго до его появления. Возможно, это были еще вероубеждения христианства, которое исповедовалось до появления ислама. Рассмотрев и вникнув в приведенные примеры из книг «Дедушка Коркут», можно смело утверждать об этом. Отрывки произведения – явное доказательство того, что вера в единого Бога, что является основным требованием ислама, существовала у турок задолго до его появления. Изучив все это, возвращаясь к самому языку ашикской поэзии, которая развивалась уже после принятия турками ислама. Она со временем стала насыщена ара-

бизмами и иранизмами. Поскольку, исламская литература предусматривает и основывается, прежде всего, на «книгу всех книг», на святыню мусульман – Коран. Слова и новые понятия, заимствованные у арабов не переводились, с целью не утратить сам дух этого слова.

Литература

1. **Ayhan Bıçak.** Kültür Medeniyet İlişkileri / Bıçak Ayhan;- Ankara : Türk Yurdu Yay.,1998. – 127-128 s. – ISBN 9789756611906.
2. **Ayhan Bıçak.** Tarih Biliminde Tarih Bilincinin Yeri / Bıçak Ayhan;- İstanbul : Toplumsal Tarih Yay.,1996. – 32 s. – ISBN 9789757206210.
3. **Ayhan Bıçak.** Tarih Biliminde Tarih Bilincinin Yeri / Bıçak Ayhan;- İstanbul : Toplumsal Tarih Yay.,1996. – 39 s. – ISBN 9789757206210.
4. **Carter Findley.** Tarihçinin Diyalektiği / Findley Carter;- İstanbul : Toplumsal Tarih Yay.,1998. – 57 s.
5. **David Thomson.** Tarihın Amacı / Thomson David;- İzmir : Ege Üniversite Yay.,1983-17s.
6. **Dede Korkut Kitabı.**- İstanbul,- s.47 -ISBN : 9789757747406
7. **Dede Korkut Kitabı.**- İstanbul,- s.68 -ISBN : 9789757747406
8. **Dede Korkut Kitabı.**- İstanbul,- s.93 -ISBN : 9789757747406
9. **Emine Yeniterzi.** Edebiyatımızda Hz. Muhammed'in İsimleri ve Harflere Dair / Yeniterzi Emine;- Ankara : Dostluk Yay.,1993. – 8 s. – ISBN 9753890958.
10. **Erman Artun.** Âşık Esrarının Vehhabi Destanı / Artun Erman;- Elazığ : Ayna Yay.,1999. – 105s. – ISBN 9799756403357.
11. **Erman Artun.** 19.yy.Osmanlı Dönemi Ortadoğu'nun Sosyal Tarihine Bir Kaynak : Âşık Esrarı'nın Vehhabi Destanı / Artun Erman;- Ankara : Ürün Yay., 2003. – 91s. – ISBN 9789759173845.
12. **Erman Artun.** Osmanlı-Türk Kültüründe Âşık Şiirinin Belirleyici Rolü / Artun Erman;-Adana : Epsilon Ofset,2000. – 40 s. – ISBN 9786055331061.
13. **Erman Artun.** Osmanlı-Türk Kültüründe Âşık Şiirinin Belirleyici Rolü / Artun Erman;-Adana : Epsilon Ofset,2000. – 56 s. – ISBN 9786055331061.
14. **Fuad Köprülü.** Edebiyat Araştırmaları / Köprülü Fuad;- Ankara : Türk Tarih Kurumu Yay., 1986. – 268 s.
15. **M.Engin,** a.g.e., 76; **O.Ş.Gökay,** a.g.e., CCLXXII., Şükrü Elçin, Dede Korkut Kitabı'nda İslami Unsurlar,Nemeth Armağanı, Ankara, 1962, 47.
16. **Muharrem Ergin,** Dede Korkut Kitabı, Ankara, 1989, 73.
17. **Orhan Saik Gokyay.** Dede Korkut Hikayeleri, Bahar Yay., 1993. – 71 s. – ISBN: 975-997-081-3
18. **Orhan Saik Gokyay.** Dede Korkut Hikayeleri, Bahar Yay., 1993. – 79 s. – ISBN: 975-997-081-3
19. **Orhan Saik Gokyay.** Dede Korkut Hikayeleri, Bahar Yay., 1993. – 95 s. – ISBN: 975-997-081-3
20. **O.Ş.Gökay,** a.g.e. s.CCLXXIV.
21. **Sami Banarlı,** a.g.e., 20.
22. **Sami Banarlı,** a.g.e., 26.
23. **Sami Baharlı,** Resimli Türk Edebiyatı Tarihi, İst. 1971, C.I, 12.

Бейтуллаєва М. Ю. Вплив ісламу на мову ашїкської поезії / М. Ю. Бейтуллаєва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 94–99.

Ісламська література турок зародилася з прийняттям турками ісламу, не піддаючись ніяким змінам, у своєму первозданному вигляді проіснувала в період Танзімат, потім, декілька змінюючись, дійшла й до наших днів. Одним з основних і найбільш яскравих відгалужень турецької ісламської літератури є ашїкська поезія, яка увімкнула в собі всі особливості літератури турок, утворивши тим самим унікальний літературний синтез елементів усіх століть і напрямків у турецькій літературі.

Ключові слова: Ашїкська поезія, Танзімат.

Beytullaeva M. Y. The influence of Islam on the language of ashiksk's poetry / M. Y. Beytullaeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 94–99.

Islamic literature of Turks arose after they converted to Islam and felt no changes. In its primitive form it existed up to the period of Tanzimat, It came to our days being changed somewhat.

One the brightest branches of Islamic literature of Turks is Ashik poetry. It gathered together all the peculiarities of Turkish literature, making a unique mixture of all the branches of literature of all times.

It is also considered unique due to the structure of the language it was written in. The origin of Ashik poetry was written in pre-Islam poetry, period of so-called 'jakhiliya', the language of this period can be characterized as Turk language.

In the poetry of the period of Arab conquests and the spread of Islam we can find great amount of arabizms (words of Arabic origin) and iranizms (words of Persian origin). Even despite of the fact that number of Ashik poems for 80% consists of arabizms and iranizms, on the whole, the poetry did not change it main peculiarity: its poetize of love.

The language of Ashik poetry, itself, is a unique phenomenon in literature.

It served as a tool not only for prominent poets of that time but also for miserable tramps, wise men and men in love. It is extremely rich and different for its dialects and the ways it was used.

Key words: Ashik poetry, Tanzimat.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 811.161.1+811.512.161

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПРОГРАММНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОПИСАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА

Шеремет В. В.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
E-mail: sheremetvitaliy@gmail.com*

Работа посвящена выявлению таких теоретических принципов описания категории падежа в русском языке и ее соответствий в турецком языке, которые позволили бы достичь эквивалентности при переводе падежа машиной. Поэтапное изучение историографии вопроса машинного эквивалентного перевода падежа позволило локализовать данную проблему, а также определить основы описания падежа и инструменты, при помощи которых реализация эквивалентности может быть осуществлена.

Ключевые слова: категория падежа, русский язык, турецкий язык, параллельный корпус, эквивалентный машинный перевод, системный подход, языкознание.

Постановка проблемы. Одним из признаков современной лингвистики является «машиноориентированность» ее инструментов – совмещение языкового материала и лингвистических знаний о нем в виртуальном пространстве баз данных, удобном для хранения информации и последующей ее обработки компьютером (например, в корпусе текстов). Подобный подход к организации языкового материала открывает большие перспективы в изучении языка. В этой связи чрезвычайно важной является специфика теоретического описания языка, которое эксплицируется в тесной взаимосвязи с текстом.

В современных прикладных исследованиях программная организация языковых элементов баз данных, в том числе и корпуса, осуществляется на основе реляционного принципа – отношения *функции* или *значения*. Соответственно, в описании языка, используемом в подобных проектах, находим зеркальное его отражение – структурный семаσιологический подход, который характеризует изолированное рассмотрение языковых явлений и антропоцентризм. Под изолированным изучением языковых явлений мы подразумеваем наблюдение только одного из отношений, выделяемых в языке – функции (либо значения). Под антропоцентризмом – наличие в описании языкового явления подразумеваемого субъекта, мыслительная деятельность которого воссоздает понимание единиц речи из их функций.

На сегодняшний день использование этих подходов в прикладной лингвистике представляет собой серьезную проблему, т. к. они проявляются в недостатках систем машинного перевода и автоматической обработки текстов на естественном языке – наиболее востребованных на сегодняшний день отраслях лингвистики.

В особенности эта проблема касается области грамматики – структурообразующего явления, которое настолько абстрактно, что не поддается полному семаσιологическому описанию. В свою очередь, антропоцентрические описания, расширяющие изолированную трактовку грамматики, подобно объяснению дательного падежа как маркирующего существительное или местоимение «со значением посессора в предложении с комплексным обозначением лица как целого, часть или при-

надлежность которого выступает в качестве локализованного объекта действия» [1], видятся невозможными для полноценной эксплуатации машиной. При подобном абстрагировании одного из ключевых элементов структуры словосочетания либо его функциональном представлении описание эквивалентности в доступном для машины языке сильно затрудняется. Несмотря на это, в лингвистике данная проблема остается вне зоны внимания ученых.

В этой связи **целью** нашего исследования была избрана выработка теоретических принципов, на базе которых стало бы достижимым понятное для машины описание категории падежа и ее эквивалентов в близкородственных и разнородных языках.

Для достижения цели решались следующие **задачи**:

1) были рассмотрены существующие подходы к фиксации эквивалентов падежных значений в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), параллельных корпусах, созданных на его базе, а также проанализирован ряд сопоставительных работ, посвященных категории падежа в близкородственных и разнородных языках.

2) на основе анализа принципов их работы был выработан альтернативный подход, теоретическая основа которого позволила бы достичь грамматической эквивалентности.

В ходе подготовки работы использовались общеполитические **методы** анализа, синтеза, а также методы описания, дистрибутивного анализа, сравнительно-сопоставительного анализа.

В НКРЯ падеж рассматривается в рамках структурного подхода на нескольких уровнях [2]. Так, в рассматриваемом корпусе текстов существует несколько «падежей»: формообразующий морфологический (словоизменяющая категория морфологии слова) и структурообразующий синтаксический (функциональная единица, элемент синтаксического отношения) [3; 4]. В первом случае падеж используется только для различения форм слова и не участвует непосредственно в смыслообразовании. Во втором случае – подразумевается, что существует субъект познания – человек, который осуществляет *понимание*, т. к. падеж в функциональном представлении не интегрирован в языковую систему, а является только лишь инструментом для построения синтаксических структур [5].

Работа с падежом в параллельных корпусах на базе НКРЯ ограничена возможностью его рассмотрения на уровне лексемы и предложения. Так, при сопоставительном анализе любого из падежей русского языка в предложении исходного текста выделяется лексема, содержащая соответствующую словоформу падежа, а в языке перевода предоставляется эквивалент только предложению, которое попадает в выдачу [6]. Исходя из этого, подобные эквиваленты могут быть использованы только человеком, т.к. для выполнения перевода необходим субъект, на основе мышления которого осуществлялась бы обработка текста и трансляция на другой язык.

Сопоставительный анализ падежа в рамках метода интроспекции, а также в параллельных текстах, позволяет исследовать падеж в близкородственных и разнородных языках на более высоком уровне – синтаксическом, благодаря процедурам контекстного и трансформационного анализов, что позволяет найти не текстовое

соответствие, как в корпусе, а функциональное [7; 8; 9; 10; 11; 12]. Расширенная трактовка падежа, являющаяся *результатом* понимания того или иного контекста его употребления, отражается либо в широком определении падежной функции, учитывающем не все аспекты его понимания (подобно подходу в НКРЯ), либо в слишком абстрактной для прикладного использования форме.

Таким образом, на сегодняшний день, существующие описания падежа русского языка в корпусе и описания его соответствий в близкородственных и разнородных языках, осуществляемые на базе интроспективного сопоставления, сопоставления в параллельном корпусе, параллельных текстах, носят антропоцентрический характер, подразумевая осуществление процессов *понимания* и *перевода* человеком.

В современной прикладной лингвистике отмечается, что *понимание* машины существенно отличается от *понимания* человека и на данный момент остается недостижимым [13]. Именно поэтому работающие с машинным переводом ученые отмечают его «условную эквивалентность» [14], когда достигается максимальное соответствие в рамках узкой прагматической цели.

Обратившись непосредственно к понятию межъязыкового соответствия можно отметить, что понимание играет основополагающую роль для перевода, так как эквивалентность представляет собой соответствие смысла / понимания исходного текста и целевого текста [15; 16]. Термин «понимание», в свою очередь, обычно трактуется как интеграция нового понимания в уже существующее знание посредством опыта, интерпретации, предзнания [17]. В этой связи перспективным подходом к категории падежа видится такое описание, которое было бы машиноориентированным: кодировало бы понимание падежа в доступных для интерпретации программой средствах.

Подобным подходом является системный подход, отличительная черта которого заключается в его интегративности и ономазиологичности: явления рассматриваются не обособленно, а в системе релевантных для них языковых феноменов, при этом учитывается граница системы, ее связь с внеязыковым пространством [18], что изоморфно трактовке понимания.

Падеж, рассматриваемый в подобном русле, реализуется в совокупности всех релевантных для его смыслообразования признаков: частеречной принадлежности релевантных лексем, самих лексем, обладающих в ряде случаев специфическим управлением, семантического типа предиката, семантической ролью актанта и предиката, порядком слов и др. Это, в совокупности с указанием параметров ограничений на понимание падежа, подобно наличию фразеологических единиц, длины синтагмы, релевантной для его параметров, опосредовано обуславливающих падеж стилистических признаков и т. д., позволяет определить границы смысловой реализации падежа, указать его связь с внеязыковыми явлениями и определить параметры его смыслонаполнения.

Эквивалентность в плане переноса понимания из одного языка в другой язык реализуется в навыке перевода, которым обладает человек [19]. В виртуальном пространстве данный навык может фиксироваться в параллельном корпусе, как явлении уже заведомо эквивалентном в своей совокупности.

В качестве проверки теории нами были составлены принципы разметки русского, украинского, турецкого и арабского языков. Результатом работы стал 21 параметр, кодирующий понимание падежа в русском языке. При анализе параллельных текстов данные параметры остаются релевантными и для анализа языков перевода (в нашем случае – украинского, турецкого, арабского), т.к. в них сохранено *понимание* текста. Изменения касаются только значений данных параметров. Например, в турецком языке предикативность передается не только лексемами, но и аффиксами (при именах аффикс «-dı»), также, в турецком языке подлежащее может передаваться при помощи аффикса.

Основой разметки послужили общепринятые обозначения частей речи (N – существительное, V – глагол. и т.д), падежей: Nom – именительный падеж, Gen – родительный падеж), наличия связи между релевантными элементами падежной системы (+) и эквивалентности явления в целевом языке (=). Вертикальной чертой (|) отделяются комплексы явлений, принадлежащих к разным модулям разметки. Косая черта (/) разделяет релевантные элементы одного модуля. В обозначении релевантных для падежа параметров используются выработанные нами условные обозначения (например, kon – имя конкретное, odush – имя одушевленное, SemRAgens – семантическая роль «агенса», SocDeyst – семантический тип предиката «социальное действие» и т.д.). При определении списка значений параметров нами использовались фундаментальные описания тематических групп имен, семантических типов предикатов, семантических ролей, составленные такими учеными, как Ю. Д. Апресян, Е. В. Падучева, а также описания языковых явлений в академической грамматике. При описании специфических значений языковых явлений в турецком языке использовался грамматический справочник А. Н. Кононова.

При составлении экспериментального корпуса на базе данных параметров можно отметить возможность тонкого анализа падежей. Так, наиболее простой в антропоцентричном сопоставительном анализе именительный падеж в ряде случаев действительно не показывает расхождений:

«Отец» | Nnom / Ed | Kon / Odush/ Nar | Them | Sub / SemRAgens | Pod + «Служил» | V / Act / Tr / Nevoz / Sov / NeKompl | Rhem | SocDeyst / Nekauz / Nephass | Glav | Skaz | «отец служил» =

«Babam» | Nnom/ ed | Kon/ Odush/ Nar | Them | Sub / SemRAgens | Pod + «çalışmış» | V / Act / Tr / Nevoz / Sov / NeKompl | Rhem | SocDeyst / Nekauz / Nephass | Glav | Skaz | «babam çalışmış».

Однако, можно привести пример, когда происходит ряд существенных изменений:

«Мы» | Nnom / Ed | Kon / **Odush** / Nar | Them | Sub / **SemRPac** | Pod + «Воспитывались» | V / Act / Tr / Nevoz / Sov / NeKompl | Rhem | **Vozd** / Nekauz / Nephass | Glav | Skaz | «воспитывались мы (не по-настоящему)» =

«eğitim yöntemi» | Nnom / Ed | Kon / **Neodush** / Nar | Them | Sub **SemRThem** | Pod + «(başkaydı)» | **Npredaff** / Act / Tr / Nevoz /Sov / NeKompl | Rhem | **Byt** / Nekauz / Nephass | Glav | Skaz | «eğitim yöntemi başkaydı».

Данные эквиваленты отличаются: частеречной принадлежностью предиката (глагол в русском языке, существительное с аффиксом предикативности в турецком языке), лексико-грамматическими свойствами актанта (одушевленный в русском

языке, неодушевленный в турецком). Также различаются семантические типы предиката (глагол воздействия в русском языке и бытийный аффикс в турецком языке) и семантические роли актанта (*нациенс* в русском языке и *тема* в турецком языке). Помимо этого отличается и лексическое значение («eğitim yöntemi» не является эквивалентом слова «мы»). Таким образом, машиноориентированное описание позволяет проводить более глубокий анализ падежного значения, чем антропоориентированный и предоставляет более точные эквиваленты.

Выводы и перспективы: 1) существующие подходы к изучению падежа носят структурный, семасиологический, антропоцентрический характер, что отражается в теоретическом описании данной категории и в специфике ее применения в машинном переводе, препятствуя достижению эквивалентности. Машинный перевод, базирующийся на описаниях подобного рода, требует корректировки человеком; 2) ключевыми для эквивалентного машинного перевода являются принципы системности, машиноориентированности, основным инструментом выступает корпус параллельных текстов;

Вопрос системного описания языка не исчерпывается рассмотрением только лишь теоретических вопросов системного корпусного изучения категории падежа и предполагает дальнейшее всестороннее изучение данного феномена языка на практике: создание полного машиноориентированного описания параметров падежа русского языка, их эквивалентов в близкородственных и разнородных языках, таких как украинский, турецкий, арабский, а также моделирование межъязыковых эквивалентов данной категории.

Литература

1. Золотова Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Золотова Г. А. – М. : УРСС, 2006. – С.126. – ISBN: 5–354–01147–7.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>.
3. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: словоизменение / Зализняк А. А. – М. : Рус.яз., 1980. – 880 с.
4. Апресян Ю. Д. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря / Апресян Ю. Д., И. М. Богуславский и др. – М. : Языки славянских культур, 2010. – 408 с. – ISBN : 978–5–9551–0386–0.
5. Там же [4], 24.
6. Там же [2].
7. Макаров А. К. Дативные отношения в скрытой грамматике : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 «Германские языки» / Макаров Андрей Константинович – Воронеж, 2008. – 166 с.
8. Шведова И. Н. Функционирование дательного падежа в немецком и русском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Шведова Ирина Викторовна : Москва, 2011. – 175 с.
9. Сунь Шуан. Семантическая интерпретация падежных форм в системах русско-китайского машинного перевода : на примере творительного падежа : дис.... канд. филол. наук : 10.02.21 «Сравнительно-сопоставительное языкознание» / Сунь Шуан ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2009. – 198 с.
10. Мансурова О. Ю. Представление и передача пространственных отношений в многоязычной системе машинного перевода (на материале английского, русского и турецкого языков) : дис.... канд. филол. наук : 10.02.22 «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии» / Мансурова Оксана Юрьевна ; Рос. ун. дружбы нар. – Москва, 2006. – 160 с.

11. Гаврилова Н. Н. Casus Instrumentalis в русском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.21 «Прикладная и математическая лингвистика» / Гаврилова Александра Ивановна. – Москва, 2009. – 161 с.
12. Матченко Г. В. Генетивные отношения в английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 «Германские языки» / Матченко Герман Валерьевич – Курск, 2005. – 131 с.
13. Шаляпина З. М., Канович М. И. Система русского синтеза Russlan в двух разных коммуникативных задачах [Электронный ресурс] / З. М. Шаляпина, М. И. Канович // Понимание в коммуникации. Человек в информационном пространстве: материалы междун. конф., 22-24 ноября 2012 г., Ярославль, Россия / ЯГПУ им. К.Д.Ушинского. – Режим доступа: http://yspu.org/conferences/the_person_in_information_field_2012/4/Kanovich_Shalyapina.pdf.
14. Леонтьева Н. Н. Автоматическое понимание текстов: системы, модели, ресурсы / Леонтьева Н. Н. – М. : Академия, 2006. – 304 с. – ISBN : 5-7695-1842-1.
15. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / Комиссаров В. Н. – М. : Высш.шк., 1990. – 253 с. – ISBN : 5-06-001057-0.
16. Финкельберг Н. Д. Теория и технология перевода / Финкельберг Н. Д. – М. : Восточная книга, 2010. – 400 с.
17. Герменевтический круг [Электронный ресурс] / Малахов В. С. // Новая философская энциклопедия / гл. ред. В. С. Степин : [в 4 т]. – М. : Мысль, 2010. – ISBN : 978-2-244-01115-9. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/0762.html>.
18. Мельников Г. П. Системная типология языков / Мельников Г. П. – М. Наука, 2003. – С. 7-8. – ISBN : 5-209-01017-1.
19. Там же [13].

Шеремет В. В. Теоретичні принципи програмово-орієнтованого опису граматичної категорії відмінку / В. В. Шеремет // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 100–105.

Робота присвячена встановленню таких теоретичних засад опису граматичної категорії відмінку в російській мові та її еквівалентів у турецькій мові, які б дозволили досягнути еквівалентності у разі перекладу відмінка машиною. Поетапне вивчення проблеми машинного еквівалентного перекладу відмінку дозволило локалізувати її, а також визначити основи опису відмінку, та виявити інструменти, за допомогою яких реалізація еквівалентності може бути здійснена.

Ключові слова: категорія відмінку, російська мова, турецька мова, паралельний корпус, еквівалентний машинний переклад, системний підхід, мовознавство.

Sheremet V. V. Theoretical principles of the program-aimed description of the case grammatical category / V. V. Sheremet // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 100–105.

The work to the distinguishing of the such theoretical principles of the case grammatical category in the Russian language and its equivalents in the Turkish language description is devoted, that allowed to reach the equivalence in translation the case grammatical category by machine. Step-by-step investigation of the equivalent machine translation problem's historiography to locate it and determine base of case depicting, instruments by means of which equivalence realization is possible.

In the investigation the case grammatical category is under observation because of its abstractness. Description of such phenomena allows to judge about the perceptiveness of the approach in full equivalence achievement.

The main premise of the investigation became the social request to the equivalent machine translation of non-specialized texts and absence in the present works the theory, which will be able to answer this request.

Key words: the case category, the Russian language, the Turkish language, the parallel corpora, the equivalent machine translation, the system approach, linguistics.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 811.512.1

FRANSIZCA ALINTILARIN, TÜRKÇE YAPIM EKLERİ AÇISINDAN MORFOLOJİK DURUMLARI:

Dursun Ali Ozdemir

Fransızca ödünçleme olan morfoloji sözcüğü şekil bilgisi, biçim bilgisi, yapı bilgisi, yapı bilimi kelimeleriyle Türkçede karşılık bulur. Modern Türk Dili konusunda bazı otoriterler yapı bilgisini şu şekilde tarif etmişlerdir.

Türkçe Sözlük yapı bilgisini, kelimelerin yapısını, türeme yollarını ve çekim biçimlerini içeren bilgi, şekil bilgisi, morfoloji [1, 27].

Korkmaz, şekil bilgisinin temel öğelerinin kökler ve ekler olduğunu, bunların belirli kurallar çerçevesinde bir araya gelmesinden binlerce yeni kelime ortaya çıktığını ve dilin söz varlığını oluşturduğunu söyler. Devamında kelimelerin, zihindeki soyut ve somut kavramları karşılayan anlamlı şekiller olduklarını bundan dolayı şekil bilgisinin aynı zamanda dilin biçimden anlama uzanan kesimi olduğundan bahseder. Sonrasında, kelimeler arasındaki geçici ve kalıcı anlam örgü ve bağlantılarının birbirinden farklı ekler yardımı ile sağlandığından, dildeki işleyiş ve canlılıkta ancak dilin şekil yapısı ile gerçekleştirilebileceğinden söz açar. Bu bakımdan şekil bilgisi, bir yandan dilin şekilden anlama, bir yandan da türetme, birleştirme, kalıplaştırma, anlam kayması, anlam daralması gibi çok çeşitli ve kapsamlı dil olayları ile cümle, anlam ve köken bilgisine uzanan temel dayanağı [12, 5].

Vural, bir dildeki kök ve ekleri, bunların birleşme yollarını, eklerin anlam ve görevlerini, dilin türetme ve çekim özelliklerini ve şekille ilgili öteki konuları inceleyen dil bilgisi dalı [17, 139].

Aksan, fonemlerin sözcük yapısı içindeki yerini belli etmek üzere incelemelere yönelen bilim dalı [2, 29].

Yıldız, dildeki sözcüklerin yapısını, kök ve ekleri, bunların birleşme şekillerini, eklerin anlam ve görevlerini, türeme ve çekim özelliklerini inceleyen dilbilgisi kategorisi [19, 115].

Karaağaç, kelimelerin şekillere bağlı kullanım yollarını, anlam ve görevlerini, dilin türetme ve çekim özelliklerini ve biçimle ilgili öteki konuları inceleyen [10, 249] bilim dalı olarak tarif eder.

Türkçede ekler çekim ve yapım eki diye ikiye ayrılır. Çekim ekleri, eklendikleri sözcüklere herhangi bir yeni anlam katmaz, yalnızca onlara işleklik kazandırır [6, 135].

Türkçe, sondan eklemeli bir dil olduğu için, Türkçede olan bütün kelimeler -buna alıntılar da dâhil olmak üzere- hiçbir problem oluşturmada çekim eki alabilir. Zira bu eki almadan kelime cümle içindeki vazifesini yapamaz veya cümleye dâhil bir unsur haline gelemez. Alıntılar da çekim eklerini alırken sadece yumuşama durumu ortaya çıkabilir ki, bu diğer Türkçe kelimelerde de olan doğal bir durumdur. Onun için çekim ekleri açısından alıntıları incelemeye tabi tutmanın pek bir anlamı yoktur.

Şimdi bu yapım eklerin Türkçede ki fonksiyonlarını görmek için teker teker inceleyelim:

...+cı, eki isim kök ya da gövdesine getirilir [9, 53; 8, 201; 13, 699], getirildiği kelimenin ünlü ve ünsüz uyumuna bağlı olarak değişim gösterir [18, 81]. Türkiye Türkçesinin, kullanım sahası çok geniş, işleklik derecesi çok yüksek eklerindendir [3, 162; 17, 158]. Korkmaz bu ekini sekiz, Zülfikar ise on üç farklı görevinin bulunduğunu söyler [2, 43; 14, 170]. Ek alan kelime isim ve sıfat görevinde kullanılabilir. Bu ek Fransızca alıntılarda şu görevlerde kullanılmaktadır.

a. Eklendiği kelimeye, iş ve meslek (çoğu zaman satan, yapan ya da işleten) anlamı katar [17, 158; 15, 105]. Bu görevinden dolayı ek, gramerlerimizde genellikle “meslek eki” adlandırılmıştır [12, 41].

Sultanahmet’e doğru yol alırken, yakamıza bu kez de sülük gibi bir *parfümcü* yapıyor [22.04.1986: 8].

Son yıllarda büyük bir gelişme gösteren Türk *fayansçılığı*, modern Türk evine ayrı bir renk getirdi [18.01.1976: 18].

Bu arada Avrupa’dan gelen *abajurcular* kendisine fikir vermek için çalışma teklifleri yapmışlardır [01.01.1970: 5].

b. Sonuna +lık, +lik, +luk, +lük eki getirildiğinde şahıslardan ilgisiz, soyut, meslek ve uğraşma adları yapar.

Hayatını sandık *ambalajcılığı* yaparak kazanıyormuş [26.03.1955: 1].

Sabriye bir çorapçıda çalışıyor, Hikmet *manikürcülük* yapıyor [14.09.1958: 4].

... Mari, birkaç ay önce Beyoğlu’nda *fotoğrafçılık* yapan Muhittin Durmaz isminde bir gençle tanışmıştır [01.11.1950: 5].

c. Bir işi kendine görev olarak almış kimseyi gösteren adlar oluşturur [12, 41].

Politikacı, küçük bir dedikodu olayı karşısında kalınca, basit bir tartışma ile bunu bertaraf edebilir, fakat bu bir başarı değildir [04.05.1955: 2].

Mevsim dolayısıyla, işler artınca yevmiyeler de yükseliyor. Ortalığı işçi *komisyoncuları* kapladı [07.05.1950: 2].

d. Çoğu zaman özel bir ada (kısmen de özel ad olmayan kelimelere) gelerek, bir düşüncenin ya da inanışın taraftarı olma anlamı verir [17, 158].

... fen bilgisinde anti *Darvinciliği* savunan yetmiş altıncı sayfada şu cümleler yer alıyor [07.05.1950: 2].

... Franko taraftarları İspanya ve *Maocu* Arnavutlukla münasebetler geliştiren siyasetini aynı şekilde tenkit etmiş... [17.05.1964: 7].

e. Taşıma aracı adlarına gelerek, kelimeye süren, idare eden ve o şeye sahip olan anlamı katar.

İlin *kamyoncusu* hayvanını babasının hayrına taşımaz ya [22.08.1955: 3].

Taksici olacaksın dedi, bu dönemde darphane gibi para kesmek için [16.03.1953: 6].

f. Herhangi bir müzik aletini çalanları (kısmen de satan) belirtmek için kullanılır.

Ankara’dan gelen bu misafir riyaseti cumhur orkestrasının solist *flütçüsü* Mükerrrem Berk’ti [08.04.1955: 4].

Daha öncede yazdığım gibi İstanbul’un birbirinden güzel *viyolonselciler* dinleme hususunda çok şanslı olmuştur [14.03.1959: 4].

g. Herhangi bir spor dalı ile uğraşan insanlara verilen ad olarak karşımıza çıkar.

Kafile, *eskrimci*, futbolcu, atlet ve hokeycilerden müteşekkildir [17.08.1951: 2].

Avrupa şampiyonu olan bu Fransız atleti dünyanın üç en iyi *dekatloncusu* arasındadır [19.03.1952: 5].

Bu alıntılar içinde boks yapan sporcu manasına boksör kelimesi de sıfırdan ödünçlenmiş, çekim eki ile türetilme yapılmamıştır.

h. Kelimeye bir şeyi alışkanlık ve huy edinme anlamı katar [17, 158].

Laiklerle softalar, âlimlerle cahiller, harisler ve *entrikacılarla* idealistler, bu parti içinde, hamur haline gelmek istedi [28.05.1950: 2].

Genç bir *şantajcı* yakalandı [30.01.1951: 5].

i. Eklendiği kelimeye, genelde olumsuz bir şeye aşırı düşkünlük manası katar.

Dün sabah üç *eroinci* yakalandı [26.05.1950: 2].

Sabotajcı grupların sayısı hakkında muhtelif rivayetler var [14.05.1950: 3].

Sömürücü, *terörcü*, öldürücü bir yobazlar azınlığı var bu memlekette [16.05.1969: 2].

...+lı isim kök ve gövdelerine getirilen +lı eki, kelimenin isim ya da sıfat olarak kullanımını sağlar. Türkçenin en verimli üretim eklerinden biridir [3, 191]. Türkçenin erken döneminde +lu şeklinde kullanılan ek, 17. yüzyıldan sonra küçük ses uyumuna uymuştur [13, 708].

1. Eklendiği kelimeye, sahiplik ve bulundurma kavramı katar.

Sabahın üçünden biraz sonra polis *üniformalı* iki kişi ile birlikte asker elbiseli bir üçüncü şahsın geldiğini görmüşler [24.05.1950: 2].

Belki de kürk *mantolu* kadın Thorla Riverton değildi [25.05.1950: 4].

2. İsimler özellik ve nitelik kavramı katar.

Kaprisli, oynak bir yosma gibidir [06.04.1955: 5].

Duvarlar ise ufak *desenli* çiçeklerle süslü kâğıtlarla kaplıdır [24.01.1951: 3].

3. İsimlere, herhangi bir maddeyi içinde bulundurma anlamı katar.

Hariçten getirilen kâğıtlar *jelâtinliydi*, ... [04.06.1952: 3].

O belediye suları olsa olsa *fosforludur* [13.08.1950: 5].

Evinde ise *karbonatlı* su ile birayı erittikten sonra içecektir [18.07.1953: 3].

4. Eklendiği ada, hastalığı taşıma anlamı katar.

Bu mikrop *difterili* hastaların boğazlarında, bademcikleri üzerinde peyda olan beyaz bir zar içinde ürer [17.04.1962: 4].

Aynı müddet zarfında 1985 *koleralı*, hastanelere kabul edilmiş [29.05.1956: 5].

5. Özel ve cins isimlere gelerek bunlara mensup olma anlamı verir.

Tahrande *üniversiteliler* grev ilân elti [30.01.1979:14].

İstanbul Amerikan *kolejlileri* senelik balosu 10 Şubat cumartesi gecesi... [01.02.1951: 5].

Bunun yanında Alman, Amerikan, Polonez, Rumen gibi ek almadan ait olma anlamı veren direk alıntı kelimelerde vardır.

6. Eklendiği kelimenin güç kaynağı olarak kullanıldığını bildirir.

...tarafından beş lambalı *pilli* şık bir radyo hediye edilecektir [30.03.1952: 8].

Bugün Milano istasyonunda bir yolcu treniyle *elektrikli* bir lokomotifin çarpışması neticesinde 8 yolcu yaralanmıştır [11.06.1950: 3].

7. Sayılara bir arada olma, gruplandırma anlamı katar.

Milyar+lı, milyon+lu, trilyon+lu, bilyon+lu [17, 163].

...+lık genellikle adlardan ve sıfatlardan isim türeten [8, 597] bu ek çok işlek ve kapsamlı bir ektir [7, 197]. Asıl işlevi, eklendiği kelimeye “sınırlama, ayırma, tahsis, bir şey için” anlamı katmaktır [17, 163]. Korkmaz bu ekin on dört [12, 56], Zülfikar on üç farklı [14, 172] kullanım görevi olduğunu belirtir. Bu eklerle kurulan yeni isimlerin kökle olan anlam bağı devam eder [18, 81]. Türeme esnasında +lık eki ünlü uyumuna uyar [18, 82].

a. Eklendiği kelimeye iş, uğraş ve meslek kavramı katar.

Bakanlığımızda *avukatlık* staj süresinin üç seneye çıkartılması için her hangi bir çalışma mevcut değildir [15.11.1950: 5].

İzmir’deki deniz ve hava yolları acenteliği binası işçi lokali haline getirilecektir [05.07.1950: 3].

b. Eklendiği kelimenin taşıdığı anlama bağlı olarak, kelimeye nitelik, özellik anlamları katar.

Boksörlerimiz *amatörlük* sınıfındaki formlarını dahi muhafaza edememektedirler [14.10.1950: 6].

Katoliklik ve *Ortodoksluk* meselesi tam zamanında ve padişaha yaranmak için icat edildi diyeceğim geliyor [07.05.1955: 4].

c. Bu eki alan bazı kelimeler, yapıldıkları isimle ilgili araç, gereç ve eşya adı olarak kullanılır [7, 195; 19, 138].

Yıllardır, çantasında hep iki *pudralık* taşır [21.12.1954: 5].

Çatal, bıçak, tuzluk, şamdan, *kürdanlık* kutusuna kadar her şey altındandı [03.11.1967: 7].

Hacim, ağırlık, uzunluk adlarına ilave edilir.

Şakule nazaran otuz *santimlik* bir inhiraf görüldüğünden gerekli tedbirler alınmıştır [18.07.1950: 2].

Çayır ova - Kartal 34,5 *kilovoltluk* enerji nakil hattı bugün enerjilendirilecektir [01.01.1966: 7].

e. Bu ekle yapılan yer isimleri, yapıldıkları ismin gösterdiği nesnenin bulunduğu yeri ifade ederler. Bu yer ya o nesne ile dolu, yani o nesnenin çok bulunduğu yer veya o nesnenin sadece mekânı, belki de yetiştigi yerdir [5, 155].

Eski orman kanununun orman saydığı çalılık ve *makilikler* yeni tasarıda orman sayılmamıştır [04.04.1951: 5].

Evvelce *benzinlik* olarak kullanılmış ve halen boş bulunan bir sundurmanın yakınında yere bırakılan patlayıcı bir maddenin patladığı anlaşılmıştır [15.03.1961: 1].

f. Bir eşya veya şeyin vasfını belirten sıfat oluşturur [19, 139].

...elli okuyucumuz istedikleri şehirlerin sinemalarına ait bütün *sezonluk* kombine davetiyeler ile hediyeledirileceklerdir [07.08.1955: 3].

Bir *seanslık* ücret üç liradır [06.02.1955: 6].

g. Millet adlarına eklenerek, o millete ait olma anlamını katar [7, 196].

Her halde Edison’a ait keşif ve icatların *Amerikanlıktan*, dizel motorinin *Almanlıktan* ilah (ibaret) bir tohum taşıdığına şüphe yoktur [12.07.1953: 2].

Hatta Tscharykowsky gibi musiki bakımından Almanlaşmış bir bestekârın eserlerinde bile Slavlık tesiri hissolunur [12.07.1952: 2].

1. Eklendiği kelimeye, bir şey için ayırma, tahsis etme manası verir.

Bonfilelik [02.10.1952: 6].

Yerli ve Avrupa *paltoluk* kumaşlardan birinci sınıf işçilik ısmarlama paltolar 125—165—230 liradır [01.10.1950: 4].

i. İsim ve sıfatlardan soyut isimler yapar [18, 81; 11, 588].

Bilhassa bazı kadınlar bunu vahşice bir iş olduğunu söyleyerek beni *sadistlikle* itham ettiler [19.09.1955: 6].

Hala cephesinde Venedik hükümetinin arması, *şövalyelik* devrinin işaretleri bulunur [07.06.1952: 6].

j. Rütbe ve makamı genelleştiren tahsis isimleri yapar [15, 103; 16, 146].

Gn. Lattre de Tassigny'ye ölümünden sonra *mareşallik* tevcih edildi [13.01.1952: 7].

Bildirildiğine göre Hitler kendini 30 Nisan 1945 günü Berlin Reich *şansölyeliği* binasının sığınağında vurarak intihar etmiştir [28.11.1964: 7].

k. Renk bildiren isme gelerek, o rengin yaygın olarak bulunduğunu veya ona benzediğini bildiren sözcükler yapar.

Gökyüzünden, ince ince bir yağmura karışarak inen o sevimsiz *grilik* her yana bulaştı [20.08.1962: 4].

l. Kök ya da gövdedeki anlama bağlı olarak ölçü ve süre bildiren kelimeler oluşturur [17, 163].

Bu suretle binlerce hektarlık arazi sular altında kalmıştır [21.05.1950: 3].

...elli okuyucumuz istedikleri şehirlerin sinemalarına ait bütün *sezonluk* kombine davetiyeler ile hediyeledirileceklerdir [07.08.1955: 3].

m. Sayı isimlerine gelerek o sayının toplu olarak bulunduğunu gösteren kelimeler yapar.

On sekiz *milyonluk* Türkiye nüfusunun en az on dört milyonu köylüdür [03.05.1950: 2].

Truman üç *milyarlık* kanunu dün törenle imzaladı [06.06.1950: 5].

...*sız*, isimlere “kökteki birtakım özellikleri taşımama manası, eksik, yetersiz kalma ve yokluk” manasında [17, 166]. Kelimeye -lı ekinin zıddı bir anlam katar [5, 160]. Ek ünlü uyumuna uyar [18, 83]. Olumsuz yeni sıfat ve isim türemesine yardımcı olurlar [15, 103].

Dantelli ve *dantelsiz* olarak hazırlanan bu pullar büyük bir alaka gördü [15.05.1956: 1].

Muhtelif bölge temsilcileri fikirlerini beyanla *kredisizlik* yüzünden çektikleri sıkıntıları belirtmişlerdir [26.10.1952: 1].

...*ca*, eki aslında bir çekim ekidir; ancak sonradan klişeleşerek veya fonksiyon değiştirerek yapım eki haline gelmiştir [19, 140]. Yapım eki olarak, isim veya sıfattan yine isim [8, 199; 13, 698], sıfat ya da zarf yapar. Bu ek de ünlü ve ünsüz uyumuna uyar [18, 82].

1. Kelimeye “eşitlik, benzerlik, yakınlık ve tarafından” anlamı vermektedir.

- Atamanın tutanağının bu *komisyonca* da incelenmesine karar verilmiştir [21.06.1950: 5].
- Büyük bir sabırla, adeta *filozofça*, bu anı bekleyen Mecit, ... [17.10.1950: 3].
- b. Millet, kavim ve halk adlarından dil ve lehçe bildiren adlar türetir [12, 39; 16, 142].
- Japonca* yazılı bir etikete sarılmış küçük bir ampul [04.06.1950: 4].
- Hâlbuki katil *Flamanca* söylediğim en basit kelimeleri bile anlayamıyordu [07.07.1950: 2].
- c. Adlara gelip birlikte olma, bütünlük anlamı verir [7, 201].
- Azaların salahiyetleri *konfederasyonca* geniş çapta tahdit edilmez [06.06.1950: 5].
- Bir azanın elinde davetiye olduğu halde kapıdan çevrilmesinin *sendikaca* “kendi hükmi şahsiyetinin zedelenmesi manasına alınmış” olduğu belirtilmektedir [21.03.1957: 1].
- d. İsimlere “gibi, kadar ve çoğul” anlamlarını katar. Bu durumda, pekiştirilmiş sıfatlar, zarflar ve zarf olarak kullanılan edatlar türetir [4, 579; 3, 160]. İsmi eyleme bağlar.
- ...30 puana sahip Fenerbahçe şayet geçen haftaları *bonkörce* puan dağıtmamış olsalardı... [14.04.1969: 9].
- Güzel haziran güneşinin kırlarda, *milyonlarca* insana birden randevu verdiği bir pazar günü idi [04.05.1950: 6].
- ...+*giller*, eklendiği kelimeye grup, aile, familya kavramı katan bu ek, aynı özelliği taşıyan bitki ya da hayvan gruplarını gösteren kelimeler yapar.
- Bakteri+giller, drosera+giller, kanguru+giller, pelikan+giller [14, 173-174; 17, 161].
- ...+*lı+lık*, ...+*sız+lık*, ...+*cı+lık* *ekleri*: Modern Türkçede yapım eki alıp yeni bir anlam kazanan Fransızca ödünçleme kelimeler, ikinci bir yapım eki daha alarak başka kelimelere dönüşebilmektedir.
- Her türlü ayırmacılığı, *toleranssızlığı* ve kışkırtmacılığı yargılar [04.02.2000: 20].
- Aynı *alternatıfsizlik*, özellikle yeni sanayici sınıf bakımından da bir ölçüde söz konusudur [04.07.1973: 9].
- Bugünkü *propagandacılığı* bu cümleden nur almış görmekteyiz [09.12.1950: 2].
- ...+*cık eki*, ödünçleme sözlere, ünlü ve ünsüz uyumuna uyarak eklenir [18, 82].
1. Ufaltma, Sevgi ve acıma bildiren işlek bir ektir.
- Bu *kanalcıkların* her biri beş santimetre boyundadır [24.10.1954: 3].
- Annem ben *minicikken* ölmüş, hiç görmedim [22.03.1951: 4].
2. Bitki, hayvan, araç ve organ isimleri yapar [8, 201].
- Broşçukların* uçlarında, ince çeperli üzüm salkımını andıran hava kesecikleri vardır [11.03.1978: 3].
3. Bu eki alan bazı kelimelerle ikileme kurulabilir.
- ...*minimicik* İsmail kuklaları [10.07.1950: 5].
- Sonuçta, yapım ekleri açısından meseleye bakacak olursak, Fransızca alıntılarda sınırlı sayıda Türkçe yapım eki kullanılmıştır. Misafir sözlerle kullanılan Türkçe kökenli çekim ekleri dokuz ayrı kategoriye sınırlı kalmıştır.
- Ayrıca, Türkçede birçok fonksiyonu bulunan yapım ekleri, alıntılara getirilirken sadece belli görevleriyle sınırlandırılarak kullanıla gelmiştir. Bazen, ödünçlemelere ekle-

nen yapım eklerinin, esasen Türkçede bulunmayan yeni fonksiyonları ortaya çıkmıştır. Taramalar sonucunda isimden isim yapan, Türkçe bir ek almış 904 alıntının söz varlığımızda aktif olarak kullanıldığı tespit etmiştir.

Kaynaklar

1. Akalın Haluk Şükrü, Türkçe Sözlük, TDK Yayınları, Ankara 2009, 2250 Sayfa, ISBN: 975-16-0070-7.
2. Aksan Doğan, Her Yönüyle Dil Ana Çizgileriyle Dilbilim, TDK Yayınları, Ankara 2009, 162 Sayfa, Cilt 1, ISBN: 975-16-0975-5.
3. Banguoğlu Tahsin, Türkçenin Grameri, TDK Yayınları, Ankara 2011, 634 Sayfa, ISBN 975-16-0268-8.
4. Deny Jean, Türk Dil Bilgisi Modern Türk Dil Bilgisi Çalışmalarının Kapsamlı İlk Örneği, Kabalacı Yayınları.- İstanbul 2012, 954 Sayfa, ISBN: 978-975-997-201-1.
5. Ergin Muharrem, Edebiyat ve Eğitim Fakültelerinin Türk Dili ve Edebiyatı Bölümleri İçin Türk Dil Bilgisi.- İstanbul 2009, Bayrak Yayınları, 407 Sayfa, ISBN: 975-7728-06-03.
6. Eker Süer, Akalın Haluk Şükrü, Türk Vahit, Demir Aslan Sema, Türk Dili - I -, Anadolu Üniversitesi Yayınları, Eskişehir 2012, 233 Sayfa, ISBN: 978-975-06-1305-0.
7. Gencan Tahir Nejat, Dil Bilgisi, TDK Yayınları, Ankara 1979, 602 Sayfa.
8. Gülensoy Tuncer, Türkiye Türkçesindeki Sözcüklerin Köken Bilgisi Sözlüğü, TDK Yayınları, Ankara 2007, 608 Sayfa, ISBN: 978-975-16-1971-6.
9. Hatiboğlu Vecibe, Türkçenin Ekleri, TDK Yayınları, Ankara 1981, 174 Sayfa.
10. Karaağaç Günay, Türkçenin Dil Bilgisi, Akçağ Yayınları, Ankara 2012, 768 sayfa, ISBN: 978-605-5413-56-9.
11. Korkmaz Zeynep, Türk Dili Üzerine araştırmalar, TDK Yayınları, Ankara 2005, 964 Sayfa, Cilt 1, ISBN: 975-16-0774-4.
12. Korkmaz Zeynep, Türkiye Türkçesi Grameri, TDK Yayınları, Ankara 2009, 1224 Sayfa, ISBN 975-16-1643-3.
13. Nişanyan Sevan, Sözlere Soy Ağacı Çağdaş Türkçenin Etimolojik Sözlüğü, Everest Yayınları.- İstanbul 2009, 774 Sayfa, ISBN: 978-975-289-636-9.
14. Sarı Mustafa, Türkçenin Batı Dilleriyle İlişkisi, TDK Yayınları, Ankara 2008, 294 Sayfa, ISBN 978-975-16-2022-4.
15. Tokmakoglu Aliye, Çalışkan Şenel, Kutludağ Şerif, Öztürk Yaşar, Uygur Vedat Ceyhan, Üniversiteler İçin Türk Dili Yazılı ve Sözlü Anlatım, Kriter Yayınları.- İstanbul 2008, 514 Sayfa, ISBN: 978-605-5863-02-09.
16. Toparlı Recep, Mehmet akalın Dil Yazıları, TDK Yayınları, Ankara 2001, 950 Sayfa, ISBN: 975-16-1401-5.
17. Vural Hanifi, Böler Tuncay, Ses ve Şekil Bilgisi, Kesit Yayınları.- İstanbul 2012, 272 Sayfa, ISBN: 978-605-4117-75-8.
18. Yaman Ertuğrul, Köstekçi Mehmet, Üniversiteliler İçin Örnekli-Uygulamalı Türk Dili ve Kompozisyon, Gazi Kitabevi, Ankara 2003, 336 Sayfa, ISBN: 975-7313-33-5.
19. Yıldız Harun, Koç Saadettin, Yeniçeri Hüseyin, Yağcı İlyas, Odacı Serdar, Deniz Kemalettin, Üniversiteliler İçin Dil ve Anlatım, Tablet Yayınları, Konya 2008, 606 Sayfa, ISBN: 978-605-5948-27-6.

SÜRELİ YAYINLAR

Sıra	Gazete Adı	Tarih	Sayfa
1.	Milliyet Gazetesi,	03.05.1950: 2;	2.
2.	Milliyet Gazetesi,	04.05.1950: 6;	3.
3.	Milliyet Gazetesi,	07.05.1950: 2;	4.
4.	Milliyet Gazetesi,	14.05.1950: 3;	5.
5.	Milliyet Gazetesi,	21.05.1950: 3;	6.
6.	Milliyet Gazetesi,	24.05.1950: 2;	7.
7.	Milliyet Gazetesi,	25.05.1950: 4;	8.
8.	Milliyet Gazetesi,	26.05.1950: 2;	9.
9.	Milliyet Gazetesi,	28.05.1950: 2;	10.
10.	Milliyet Gazetesi,	04.06.1950: 4;	11.
11.	Milliyet Gazetesi,	06.06.1950: 5;	12.
12.	Milliyet Gazetesi,	11.06.1950: 3;	13.
13.	Milliyet Gazetesi,	21.06.1950: 5;	14.
14.	Milliyet Gazetesi,	05.07.1950: 3;	15.
15.	Milliyet Gazetesi,	07.07.1950: 2;	16.
16.	Milliyet Gazetesi,	10.07.1950: 5;	17.
17.	Milliyet Gazetesi,	18.07.1950: 2;	18.
18.	Milliyet Gazetesi,	13.08.1950: 5;	19.
19.	Milliyet Gazetesi,	01.10.1950: 4;	20.
20.	Milliyet Gazetesi,	14.10.1950: 6;	21.
21.	Milliyet		

Gazetesi, 17.10.1950: 3; 22. Milliyet Gazetesi, 01.11.1950: 5; 23. Milliyet Gazetesi, 15.11.1950: 5; 24. Milliyet Gazetesi, 09.12.1950: 2; 25. Milliyet Gazetesi, 24.01.1951: 3; 26. Milliyet Gazetesi, 30.01.1951: 5; 27. Milliyet Gazetesi, 01.02.1951: 5; 28. Milliyet Gazetesi, 22.03.1951: 4; 29. Milliyet Gazetesi, 04.04.1951: 5; 30. Milliyet Gazetesi, 17.08.1951: 2; 31. Milliyet Gazetesi, 13.01.1952: 7; 32. Milliyet Gazetesi, 19.03.1952: 5; 33. Milliyet Gazetesi, 30.03.1952: 8; 34. Milliyet Gazetesi, 04.06.1952: 3; 35. Milliyet Gazetesi, 07.06.1952: 6; 36. Milliyet Gazetesi, 12.07.1952: 2; 37. Milliyet Gazetesi, 02.10.1952: 6; 38. Milliyet Gazetesi, 26.10.1952: 1; 39. Milliyet Gazetesi, 16.03.1953: 6; 40. Milliyet Gazetesi, 12.07.1953: 2; 41. Milliyet Gazetesi, 18.07.1953: 3; 42. Milliyet Gazetesi, 24.10.1954: 3; 43. Milliyet Gazetesi, 21.12.1954: 5; 44. Milliyet Gazetesi, 06.02.1955: 6; 45. Milliyet Gazetesi, 26.03.1955: 1; 46. Milliyet Gazetesi, 06.04.1955: 5; 47. Milliyet Gazetesi, 08.04.1955: 4; 48. Milliyet Gazetesi, 04.05.1955: 2; 49. Milliyet Gazetesi, 07.05.1955: 4; 50. Milliyet Gazetesi, 07.08.1955: 3; 51. Milliyet Gazetesi, 22.08.1955: 3; 52. Milliyet Gazetesi, 19.09.1955: 6; 53. Milliyet Gazetesi, 15.05.1956: 1; 54. Milliyet Gazetesi, 21.03.1957: 1; 55. Milliyet Gazetesi, 29.05.1956: 5; 56. Milliyet Gazetesi, 14.09.1958: 4; 57. Milliyet Gazetesi, 14.03.1959: 4; 58. Milliyet Gazetesi, 15.03.1961: 1; 59. Milliyet Gazetesi, 17.04.1962: 4; 60. Milliyet Gazetesi, 20.08.1962: 4; 61. Milliyet Gazetesi, 17.05.1964: 7; 62. Milliyet Gazetesi, 28.11.1964: 7; 63. Milliyet Gazetesi, 01.01.1966: 7; 64. Milliyet Gazetesi, 03.11.1967: 7; 65. Milliyet Gazetesi, 14.04.1969: 9; 66. Milliyet Gazetesi, 16.05.1969: 2; 67. Milliyet Gazetesi, 01.01.1970: 5; 68. Milliyet Gazetesi, 04.07.1973: 9; 69. Milliyet Gazetesi, 18.01.1976: 18; 70. Milliyet Gazetesi, 11.03.1978: 3; 71. Milliyet Gazetesi, 30.01.1979: 14; 72. Milliyet Gazetesi, 22.04.1986: 8; 73. Milliyet Gazetesi, 04.02.2000: 20

Дурсун Али Оздемир. Морфологические особенности французских заимствований (аффиксы словообразования) / Дурсун Али Оздемир // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 106–114.

Будет справедливым сказать, что турецкий язык, дошедший до нас из глубин истории, претерпел ряд эволюций. Турки, вначале проживавшие в Азии в месте с другими народами, перенимали свой язык с течением времени множество элементов восточных языков.

И наконец, в период Танзимата, монархии и республики, турецкое общество, устремившееся на запад, началось тесное взаимодействие с западными языками.

В данной статье мы остановимся на определении термина «морфология», а затем коснемся французских заимствований, претерпевших морфологическую эволюцию. В этом контексте постараемся показать какое значение придают заимствованиям словообразовательные аффиксы турецкого языка и классифицируем их на примерах.

Ключевые слова: Морфология, аффикс, корень, словообразовательные аффиксы.

Дурсун Али Оздемир. Морфологічні особливості французьких запозичень (афікси словотворення) / Дурсун Али Оздемир // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 106–114.

Буде справедливим сказати, що турецька мова, що дійшла до нас з глибин історії, зазнала ряд еволюцій. Турки, спочатку проживали в Азії в місці з іншими народами, перейняли свою мову з плином часу безліч елементів східних мов.

І нарешті, в період Танзімат, монархії і республіки, турецьке суспільство, звернулось на захід, та почалась тісна взаємодія із західними мовами.

У даній статті ми зупинимося на визначенні терміна «морфологія», а потім торкнемося французьких запозичень, що зазнали морфологічну еволюцію. У цьому контексті намагаємося показати яке значення надають запозиченнями словотворчі афікси турецької мови та класифікуємо їх на прикладах.

Ключові слова: Морфологія, афікс, корінь, словотворчі афікси.

Dursun Ali Ozdemir. Morphological features of the French borrowings (derivational affixes) / Dursun Ali Ozdemir // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 106–114.

It is fair to say that the Turkish language, which came to us from the depths of history, has undergone several evolutions. The Turks, at first lived in Asia in place with other peoples, adopted to their language many elements of Oriental languages.

And finally, in the period of Tanzimat, the monarchy and the republic, the Turkish society which has directed to the west, began close interaction with the western languages. During this period, as a result of the emergence of the idea of getting rid of words with Oriental roots (Arabic and Persian), in modern Turkish language was brought enormous amount of borrowings from the French language.

As a result of all mentioned above the Turkish language got new morphological features.

In this article we will focus on the definition of «morphology», and then examine French borrowing. In this context, we will try to show the significance attached to borrowing derivational affixes of the Turkish language and classify them by examples.

Keywords: Morphology, affix, root, derivational affix.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 81.411.21'373

ОСНОВНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Казакова Е. В.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского
E-mail: melisa_kl@mail.ru*

Статья «Основные лексические особенности звукоподражательных слов арабского языка» посвящена анализу ономастиков арабского языка на лексико - семантическом уровне в контексте организации и структуры грамматической модели арабского языка. Изучение лексического значения ономастиков, которое включает денотативный, сигнификативный и коннотативный компоненты значения, выявляет общие типологические черты, характерные для многих других лексем словарного фонда арабского языка. На примере арабских звукоподражаний автор раскрывает возможность трансформации лексического состава языка из пассивного в его активный фонд, опираясь на такие языковые явления, как: вариативность значений, синонимия, фонетическая вариация, метафоричность, омонимия, полисемия, семантика, контекст и др.. Звукоподражания арабского языка представляют собой достаточно развитую категорию слов с точки зрения их лексико - семантических и стилистических связей, и учитывая их широкое присутствие в народных пословицах, идиоматических и фразеологических единицах, литературных произведениях и образах.

Ключевые слова: звукоподражательные слова, ономасты, фоносемантика, арабская лексикология, семантика, лексическая вариативность, синонимия.

Постановка проблемы. Предметом изучения фоносемантики выступает звукоизобразительная система языка, которая подчеркивает связь между звуком и значением. Данный активно развивающийся раздел языкознания, привлекает внимание все большего числа ученых. Крепкий фундамент изучения фоносемантики в целом, и явления звукоизобразительности, в частности, в теоретическом аспекте заложили такие отечественные ученые как: В.В. Левицкий [1], С.В. Воронин [2], А.П. Журавлев [3]. Звукоподражания, довольно широко представленные во многих языках мира, являются предметом исследований различных ученых. Так, профессор А.М. Метов рассматривает звукоподражания в лексике крымскотатарского языка, О.В. Найдеш исследует явление фоносемантики в современном немецком языке, А.В. Шатравка анализирует особенности ономастических слов китайского языка. Для исследования арабской звукоизобразительной системы на грамматическом уровне ценной представляется работа А.М. Газов-Гинзберга [4], в которой представлены некоторые общесемитские законы звукоизобразительности на основании грамматического изучения семитских звукоизобразительных глагольных корней. По нашему мнению, работа А.М. Газов-Гинзберга носит достаточно узкий характер, и не раскрывает особенностей звукоподражательной лексики арабского языка. В связи с этим анализ лексических возможностей арабских ономастиков, включая денотативный, сигнификативный и коннотативный компоненты их значения, позволит установить закономерности арабской фоносемантики, которые смогут в некоторой мере дополнить законы семитской звукоизобразительности. В задачи этой статьи входит:

- выявить возможности трансформации языка из пассивного в его активный фонд,
- установить, какие языковые явления - вариативность значений, синонимия, фонетическая вариация, метафоричность, омонимия, полисемия, присущи ономотопам, и в какой степени,
- изучить частотность использования ономотопов в контексте их семантических и стилистических связей,
- выявить специфические особенности лексического значения арабской звукоподражательной лексики

Большое значение для проводимого исследования в качестве источников теоретического материала по грамматике арабского языка играют работы М.Т. Навроцкого [5], В.П. Чернова [6], И.Ю. Крачковского [7], а также исследования арабской морфологии, в частности, посвященные вопросам о происхождении и структуре семитского корня: С.С. Майзеля [8], Б.М. Гранде [9], Н.В. Юшманова [10], А.Г. Беловой [11]. Исследуя ономотопозитическую лексику арабского языка, мы обнаружили довольно широкие синонимические ряды, представленные звукоподражательными словами. Структура лексического значения звукоизобразительных слов, рассматриваемая в нашем исследовании в рамках интегрального подхода (Скляревская 1993; Комлев 2003, 2006; Песина 2005, др.) обнаруживает общие типологические черты, характерные для других лексем словарного фонда арабского языка, включающих денотативный, сигнификативный и коннотативный компоненты значения. Так, к примеру, для передачи значения «кудахтать» существует 3 различных лексемы: قاق [qāqā], كاكى [kaka:], قرق [qaraqā]. При этом все эти слова примерно в равной степени используются в разговорной речи. Следует подчеркнуть, что все 3 слова имеют в своем составе звуки «к» и «а», что указывает на незначительную вариативность передачи слышимого звука носителями данного языка. Примечательно, что лексема قاق [qāqā] используется в значении «клохтать» и участвует в образовании таких новых слов как: «ворона» قاق [qāqūn], «баклан» قاق الما [qāqūn al mā], «сова» ام الفويق [um alqūwayqūn]. При этом семантически близкое и «родное» по значению слово «курица», образовано от другого корня - не звукоподражательного. Наряду с этим от ономотопозитического корня قرق [qaraqā] образовано слово «наседка» - قرقاة [qurqā], которое по произношению очень созвучно украинскому слову «курка».

Этот корень представляет интерес и с точки зрения такого явления как полисемия. При присоединении суффиксов этот корень образует лексему, не имеющую отношение к ономотопеи: قرقية [qurqīyūa] – «петля» (дверная).

Одной из особенностей синонимического ряда звукоизобразительных-глаголов является невозможность однозначного выделения доминанты, что связано с нечеткой выраженностью дифференциальных сем его конституентов.

Наряду с развитой синонимией арабской лексике присуща многозначность, в рамках которой существуют близкие, отдаленные и разные по значению слова. В словарных статьях русско-арабского и арабско-русского словаря Баранова Х.К. [12] для уточнения оттенков значений даются пояснения, благодаря которым можно установить семантическое поле той или иной лексемы.

Например, глагол قرقر [qarqara] используется для обозначения 7 разных по значению слов, 6 из которых имеют онomatопозитическую семантику: 1) ворковать (*о голубе*); 2) мурлыкать (*о кошке*); 3) реветь (*о верблюде*); 4) грохотать, греметь (*о громе*); 5) урчать (*о собаке*); 6) булькать (*о кипящей воде*). Седьмое значение имеет отношение к народной этимологии и относится к народному языку* (*арабский язык делится на «литературный», «народный», «язык Корана»*) и имеет значение «очищать до дна, ничего не оставляя». Согласно значениям от этого корня образованы имена существительные: 1) воркованье; 2) мурлыканье; 3) гром, грохот; 4) урчание. Более того, при помощи суффикса «و» образована не онomatопозитическая лексема «ягненок» قرقرور [qarqurun].

Добавим, что не от всех значений образованы имена существительные: так от значений «реветь» и «булькать» не образованы слова – «рев» или «бульканье», а от близких по значению «грохотать, греметь» образованы слова и «гром и грохот».

Следует отметить еще один момент – некоторым онomatопозитическим значениям, которые передает глагол قرقر [qarqara], могут соответствовать и другие звукоподражательные лексемы, при этом нередко с различной семантической нагрузкой, которая указана в скобках:

2) Мурлыкать (*о кошке*): هر [harra]

3) Реветь (*о животных*): جار [djaara] мычать, نهق [nahiqa] реветь (*об осле*)

4) Грохотать, греметь (*о громе*): لعلع [lälä] грохотать, جرجر [djardjara] греметь
أرزم [arzama] рокотать, دمدم [damdama] гроыхать.

Большинство звукоизобразительных глаголов, составляющих основной массив ЗИ–лексем, многозначны. Так, из порядка трехсот рассмотренных глагольных единиц менее 10% имеют всего лишь одно значение, что подтверждается данными словарей, остальные имеют по несколько лексико–семантических вариантов и довольно часто более двух: كركر [karkara] 1) повторять; 2) громко смеяться, хохотать; 3) урчать (*о животине*); 4) греметь, тарыхтеть (*о телеге*); 5) пыхтеть. Наличие более одного лексико–семантического варианта в семантической структуре звукоизобразительного глагола предопределяет возможность их включения сразу в несколько синонимических рядов.

К специфическим особенностям лексического значения онomatопозитических слов арабского языка можно отнести зачастую четко выраженный характер денотата, обусловленный, например, присутствием дифференциации шумов, имеющих различные акустические характеристики. Так, шум в зависимости от источника происхождения, будь то природное явление, человек, животное или механический предмет передается в арабском языке различными лексемами и их синонимами, семантика которых фиксирует различия значений. Приведем примеры со значением «шуметь»:

1) جرجر [djardjara] *о волнах*, 2) أرزم [arzama] *о ветре*, 3) لجب [ladjaba] *о море*, 4) أز [azza] *о моторе* и др.

Интересно отметить, что звукоподражания шумов и криков можно поделить на классы и группы по источнику шума, с учетом присущей им степени эмоциональной нагрузки:

زغرد [zağrada] - радостно, пронзительно кричать (*о женщине*),

تلايل [tahlil] – крики, восклицания, приветственные возгласы (*о поздравлении*).

Одни шумы производятся человеческими органам речи и человеком при взаимодействии с разными предметами, другие – природного происхождения: خشخاش [shahshaha] шум, шелест.

Есть и исключения, когда характер денотата размыт, что может быть обусловлено, отсутствием дифференциации шумов одного класса, имеющих различные акустические характеристики. Несмотря на то, что звуки существенно отличаются друг от друга, и человеческое ухо достаточно точно определяет источник самого звучания, область значений лексемы не указывается: شخشخ [shahshaha], دندش [dandasha] – переводится как «звенеть» без указания на источник звона.

Вместе с тем, синонимические ряды звукоподражательных слов (чаще всего звукоподражания шумовым явлениям разного рода) иногда не поддаются четкому контекстуальному разграничению в связи с тем, что зачастую используемые русско-арабский и арабско-русский словари не дают прямых эквивалентов русских звукоподражаний, и не поясняют семантические и стилистические особенности использования лексем.

К некоторым другим особенностям арабских звукоподражательных лексем можно отнести отсутствие идентичных аналогов, например в русском языке. Характерные для арабского региона ономотопы при переводе на русский язык не находят идентичных аналогов, например: арабское слово قحبا [qahaba] означает «кашлять» (*о верблюде*), همز [hamaza] «произносить с хамзой», إشمام [ishmam] «произнесение звуков «и» и «у» с сильной лабиализацией», – переводятся целыми фразами. Это явление характерно и для неспецифических слов: قرمش [qarmasha] «ест сухари». Таким образом, отсутствие аналогов перевода звукоподражательных слов арабского языка на русский язык доказывает существование не только международного различия в восприятии и воспроизводстве звуков, что обусловлено различным набором фонем в каждом отдельном языке, но и наличие этнических различий лексического фонда языков.

Резюмируя все выше сказанное, нужно подчеркнуть, что звукоподражания арабского языка представляют собой довольно развитую категорию слов с точки зрения их лексико-семантических и стилистических связей.

Оценивая место многозначности в явлении арабской ономотопеи, предлагаем подробнее остановиться на вариативности, которая присуща звукоподражаниям так же, как и другим категориям слов.

О причинах вариативности звукоизобразительной лексики писал в своем исследовании Газов-Гинзберг [4, с. 30]: «Нередко в языке сосуществует несколько более или менее сходных звукоизобразительных слов, обозначающих одно и то же звуковое явление. Как правило, чем больше расходятся между собой такие варианты в отдельном языке, тем больше расхождений в изображении данного звукового объекта имеется между различными языками. Причин этой вариации может быть несколько:

1. В самом объекте ЗИ возможны более или менее значительные вариации. Например, свист может быть губным или язычно-зубным. Возможно распространение

слова, изображающего одно конкретное звуковое явление, на несколько сходные с ним, что происходит неодинаково и в разных случаях.

2. При переходе от имитации к слову одна и та же артикуляция может быть более или менее удачно отражена различными, но в чем-то сходными (как правило, гоморганными) фонемами, причем условия такого отражения специфичны для каждого звукового объекта. Кроме того неосновные или малослышимые в имитации моменты артикуляции могут быть не отражены фонемой. Следует также отметить, что при разложении комплексных звуков, включающих несколько одновременно начинающихся артикуляций, фонемы могут становиться в любом порядке, иногда уже на стадии имитации порядок безразличен (ŞPŞP BŞBŞ – «шептать»).

3. В одном и том же языке могут быть звукоизображения одного предмета, но разного «возраста». Среди них могут быть междометные звукоизображения, не вполне подчинившиеся фонематическому строю языка и, следовательно, отличающиеся от корней, ставших в этом отношении «нормальными».

Сосуществуют также звукоизображения, возникшие в различные периоды развития языка, на разной фонематической основе (русс. «пых-ать» и «фу-к-ать»), причем более старые из них могут в некоторой мере, даже не меняя значения, подчиниться произошедшим в языке фонетическим сдвигам. Фонетические вариации характерны как для русских ониматопов, например, лай собаки передается с помощью звуковых последовательностей «гав-гав», «ав-ав» и «ваф-ваф», так и для арабских: «мяукать» - نونو [naunau] معا [maâ] ماء [maâ], «жужжать» طن [tanna], وَّ نَّ [wanna].

Еще одна особенность звукоподражаний состоит в том, что для некоторых из них характерна нестандартность звукового облика. Например, в слове «заикаться» используется нечастое для арабского языка сочетание двух слабых согласных звуков подряд: وأوَّ [waâwaâ]

Считаем немаловажным отметить лексикологические возможности ониматопов арабского языка, а именно слова звукоподражательного происхождения наряду с другими пластами лексики принимают участие в образовании фразеологических и идиоматических единиц, а также пословиц которые имеют место в любом языке.

В учебном русско-арабском фразеологическом словаре под редакцией Фавзи А.М. [13] было найдено некоторое число устойчивых фразеологизмов, в основе которых лежат лексемы звукоподражательного характера. Есть ониматопы, которые принимают активное участие в образовании целого ряда фразеологических оборотов, в то время как другие употребляются лишь в одной короткой фразе. К продуктивным ониматопам можно отнести: глагол ضرب «бить», который используется в многочисленных фразеологических единицах, например: «Намать бока» - ضربا مبرحا, «Убить двух зайцев» - ضرب عصفورين بحجر, «Море по колено» - طينجة ضرب الدنيا, и др.. Лексема «болтать» ثرثر - употребляется в обороте «Точить лясы», а слово «муха» ذباب в обороте «Бить баклуши» – дословно «гонять мух» نش الذباب лексема «соловей» بلبل нашла отражение - в фразеологизме «Напускать туману» - بلبل الفكر и т.д. В доказательство того, что арабские ониматопы являются неотъемлемой частью народного, живого, разговорного языка приведем пример их использования в народных пословицах: « Не знала баба горя, купила поросенка» - كانت مرتاحة جابت لها - حاحة. При этом согласно словарной статье Баранова Х.К. о звукоподражательной

лексеме حاحاة [12, 188] [ħaħa(tun)] она происходит из народного языка, что является существенным фактором для установления семантического поля, а также этимологии, которая указывает на область применения лексемы. Так حاحاة имеет значение «крики» (напр. коз, гусей) и не имеет ничего общего со значением «поросенок». В результате получается, что происхождение и дальнейшая семантика ономотопов также различна, как и для других категорий слов.

В пословице «Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку» (буквально – барабань обо мне, а я буду играть на дудке о тебе) لوانا زمر لك (использовано сразу 2 ономотопа طبل (барабанить) и زمر (играть на дудке).

В результате проведенного исследования ономотопозитической лексики арабского языка на лексико-семантическом уровне, а также анализа данных составленной тематической классификации удалось установить что:

1. Особенности звукоподражаний арабского языка обусловлены, прежде всего, самой структурой арабского языка в его организации и построении лексической и грамматической модели.

2. Так, с точки зрения фонологии, звуки арабского языка достаточно образно передают подражание. Наличие взрывных сонорных звуков способствует образованию значительного количества звукоподражаний, обозначающих звуки живой и неживой природы, к примеру.

3. Наряду с довольно широкими синонимическими рядами, представленными звукоподражательными словами, арабским ономотопами присуща многозначность, в рамках которой существуют близкие, отдаленные и разные по значению слова.

4. Одной из особенностей синонимического ряда звукоподражательных глаголов является невозможность однозначного выделения доминанты, что связано с нечеткой выраженностью дифференциальных сем его конститuentов.

5. Большинство звукоизобразительных глаголов довольно часто имеют более двух лексико-семантических вариантов, наличие которых предопределяет возможность их включения сразу в несколько синонимических рядов.

6. К специфическим особенностям лексического значения ономотопозитических слов арабского языка можно отнести наряду с существованием размытого характера денотата, зачастую четко выраженный характер денотата, обусловленный, например, присутствием дифференциации шумов, имеющих различные акустические характеристики

7. С лексической вариативностью - сосуществованием в языке несколько более или менее сходных звукоизобразительных слов, обозначающих одно и то же звуковое явление, нередко встречается фонетическая вариация.

8. Некоторым словам присущи не только фонетические вариации с и без приобретения новых значений, но и характерно наличие переносного значения (метафорического): نَقَّ [naḳḳa] хлопать – квакать - жаловаться, роптать, плакаться (на судьбу), صَعَقَ [ṣaḳa] поражать громом, молнией- оглушать, ошеломлять, - *страд.* быть изумленным, رَجَّة [radjatun] раскат грома - толчок, удар – потрясение.

9. Ономотопы являются неотъемлемой частью народного, живого, разговорного языка доказательством чего является их использование в народных пословицах, устойчивых фразах, а также идиоматических и фразеологических единицах: شَقِشَقَةُ النَّهَارِ

- рассвет, قرط اسنانه على, ففط بسرهالي, тараторить, «переливать из пустого в порожнее» درتش والمليان الفاضى من [dardasha] Пословица: «Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку» (буквально – барабань обо мне, а я буду играть на дудке о тебе) طبل لىوانازمرك (барабанить) и زمّر (играть на дудке). сразу 2 ономотопа (барабанить) и (играть на дудке).

10. В ряде случаев лексико-семантические варианты звукоподражательных глаголов могут терять семантическую связь с исходным значением, что создает предпосылки для образования омонимических пар صرصور [ṣurṣur] 1) сверчок 2) - صرصور اللذن - мочка уха, رعدة [rād] 1) удар грома, 2) дрожь, трепет. Нередко омонимы обладают многозначностью, например خُر [ḥarra] – 1) храпеть 2) журчать, булькать в роли омонима также имеет несколько значений: 1) падать (ниж, на колени) 2) капать, протекать خفق [ḥafaḥa] биться, колотиться (о сердце) в роли омонима 1) бить 2) сбивать сливки.

11. Среди многозначных корней, есть те в значениях которых прослеживается не только звукоподражательная, но звуко-символическая семантика. هبّ [habhaba] 1) лаять, 2) мерцать, мигать, колебаться.

12. Среди идиоматических выражений к звукоподражательной лексике, встречаются такие идиомы, которые согласно словарной статье не подходят ни к одному из предложенных ономотопозитических значений, и, несмотря на это имеют звукоподражательную семантику: لَحَسَ [laḥasa] «лизать, лакать» образует идиоматический оборот: لَحَسَ بِالْكِرْبَاجِ - «стегнуть плетью».

Выводы и перспективы. В результате проведенного исследования удалось установить, что структура семантического поля звукоподражательных слов включает отношения парадигматического и синтагматического типов, при этом парадигматика образует доминирующий тип отношений. В этой связи семантический анализ звукоподражательной лексики может стать следующим этапом в работе над звукоизобразительной лексикой арабского языка, и даст возможность выявить потенциальные компоненты семантики, актуализирующиеся при метафоризации, и коннотативные смыслы, связанные с восприятием того или иного типа звучания, отраженного в языке.

Литература

1. Левицкий В. В. Семантика и фонетика / Левицкий В. В. – [Пособие, подготовленное на материале экспериментальных исследований]. Черновцы : Издательство Чернов. Ун-та, 1973. – 102 с.
2. Воронин С. В. Основы фоносемантики / Воронин С. В. (предисл. О. И. Бродович). – [2-е изд. стер]. – М. : Ленанд, 2006. – 248 с.
3. Журавлев А. П. Звук и смысл / Журавлев А. П. – М. : Наука, 1981. – 160с.
4. Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? / Газов-Гинзберг А. М. [отв.ред. К. Б. Старкова] ; - М. : Наука [гл. ред. вост. лит-ры], 1965. – 183 с.
5. Навроцкий М.Т. Опыт грамматики арабского языка / Навроцкий М.Т. – [Изд-е 2]. – М. : Издательство ЛКИ, 2007. – 528 с.
6. Чернов В. П. Справочник по грамматике арабского литературного языка / Чернов В. П. – [под ред. Морозовой В. С]. – М. : Издательская фирма Восточная литература РАН, 1995. – 473с.
7. Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики / Крачковский И. Ю. – Москва – Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1950. – 300 с.
8. Майзель С. С. Путь развития корневого фонда семитских языков / Майзель С. С. – М. : Наука. [глав. ред. вост. лит-ры], 1983. – 307 с.

9. Гранде Б. М. Введение в сравнительное изучение семитских языков / Гранде Б.М. – М. : Наука, 1972. – 441 с.
10. Юшманов Н. В. Избранные труды: Работы по общей фонетике, семитологии и арабской классической морфологии / Юшманов Н. В. – М.: Издательская фирма Восточная литература РАН, 1998. – 271 с.
11. Белова А.Г. Структура семитского корня и семитская морфологическая система // «Вопросы языкознания», № 1. – М., 1991.
12. Арабско-русский словарь: около 33 000 слов / [сост. проф. Х. К. Баранов]. – М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. – 1187 с.
13. Учебный русско-арабский фразеологический словарь: около 900 фразеологизмов / Фавзи А. М., Шкляров В. Т. – М. : Рус. яз., 1989 г. – 616 с. – ISBN 5-200-00807-7

Казакова О. В. Основні лексичні особливості звуконаслідувальних слів арабської мови / О. В. Казакова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 115–123.

Стаття «Основні лексичні особливості звуконаслідувальних слів арабської мови» присвячена аналізу ониматопів арабської мови на лексико-семантичному рівні з огляду на організацію та структуру граматичної моделі арабської мови. Вивчення лексичного значення ониматопів, яке включає денотативний, сигніфікативний і коннотативний компоненти значення, виявляє загальні типологічні риси, характерні для багатьох інших лексем словникового фонду арабської мови. Звуконаслідування арабської мови представляють собою досить розвинену категорію слів з точки зору їх лексико-семантичних і стилістичних зв'язків, а також, беручи до уваги їх широку присутність у народних прислів'ях, ідіоматичних та фразеологічних одиницях, літературних творах та образах.

Ключові слова: звуконаслідувальні слова, ониматопи, фоносемантика, арабська лексикологія, семантика, лексична варіативність, синонімія.

Kazakova E. Basic lexical features of onomatopoeic words of Arabic language / E. Kazakova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 115–123.

Article "Basic lexical features of onomatopoeic words of Arabic language" is devoted to analysis of Arabic onomatopoeia on lexical-semantic level in the context of the organization and structure of the grammatical patterns of Arabic. It tells about onomatopoeia as a part of phonosemantics and deals with the results of investigation in the field of onomatopoeic words potential being verbal components of language. The object of study is motivated onomatopoeic vocabulary (interjections, verbs, nouns, adjectives) of literary Arabic language and systemic-functional features of their structure and values is the subject of investigation. The main sources of factual material collecting were: Arabic-Russian Dictionary, edited by Baranov KH.K., Arab writers' works, and 250 examples of onomatopoeic words. Characteristics of the lexical meaning of onomatopoeia, which includes denotative, connotative components and significative value, identifies common typological features which are common for many other units of Arabic lexical fund. Arab onomatopoeia investigation reveals the possibility of transforming the lexical structure of language from a passive to an active fund and it is based on linguistic phenomena such as: the variability of meanings, synonymy, phonetic variation, metaphor, homonymy, polysemy, semantics, context, etc.. Study is conducted within the integrated approach and is based on such methods as: descriptive, comparative and associative method of linguistic facts analysis. Arabic onomatopoeia constitute a sufficiently developed category of words in terms of their lexical - semantic and stylistic ties and according to their strong presence in popular proverbs, idioms and phraseological units, literary works and characters. The problem of onomatopoeia was undertaken by many authors among them we can distinguish those who explored the theory of onomatopoeic: Voronin S.V., Juravlev A.P., Levickiy V.V. and those who explored it in foreign language: Gazov-Ginzberg A.M. in Semitic, Memetov A.M. in Crimea-tatar, Shatravka A.V. in Chinese and many others. This theme is important as far as it can reveal issues of perception of foreign words in the context of sounds and letters ability to form associations, process which stimulates foreign vocabulary memorization. According to the psycholinguistic concept of the language symbol definition that is the inexhaustible number of depictions and associations, that is a fairly innovative approach of teaching foreign languages. Onomatopoeia occupies an important place among the scientific knowledge of the language. The relevance of this phenomenon research is related to the

questions about the language origin and roots, and explains the necessity of phonosemantics exploration. Unfortunately, the question of onomatopoeia place and role in Arab literary text remains open and represent the huge field of study. This subject investigation helps to solve a number of problems: prove productivity phenomenon of onomatopoeia, determine the degree of onomatopoeic vocabulary of the Arabic language functionality, explore the potential of onomatopoeia as verbal components of speech.

Keywords: phonomatopoetic words, onomatopoeia, phonosemantics, Arabic lexicology, semantics, lexical variation, synonymy.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 009

ПУТИ ЭФФЕКТИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ТЕЛЕВЕЩАНИЯ

Насирова А. А.

*Бакинский государственный университет, Азербайджан
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

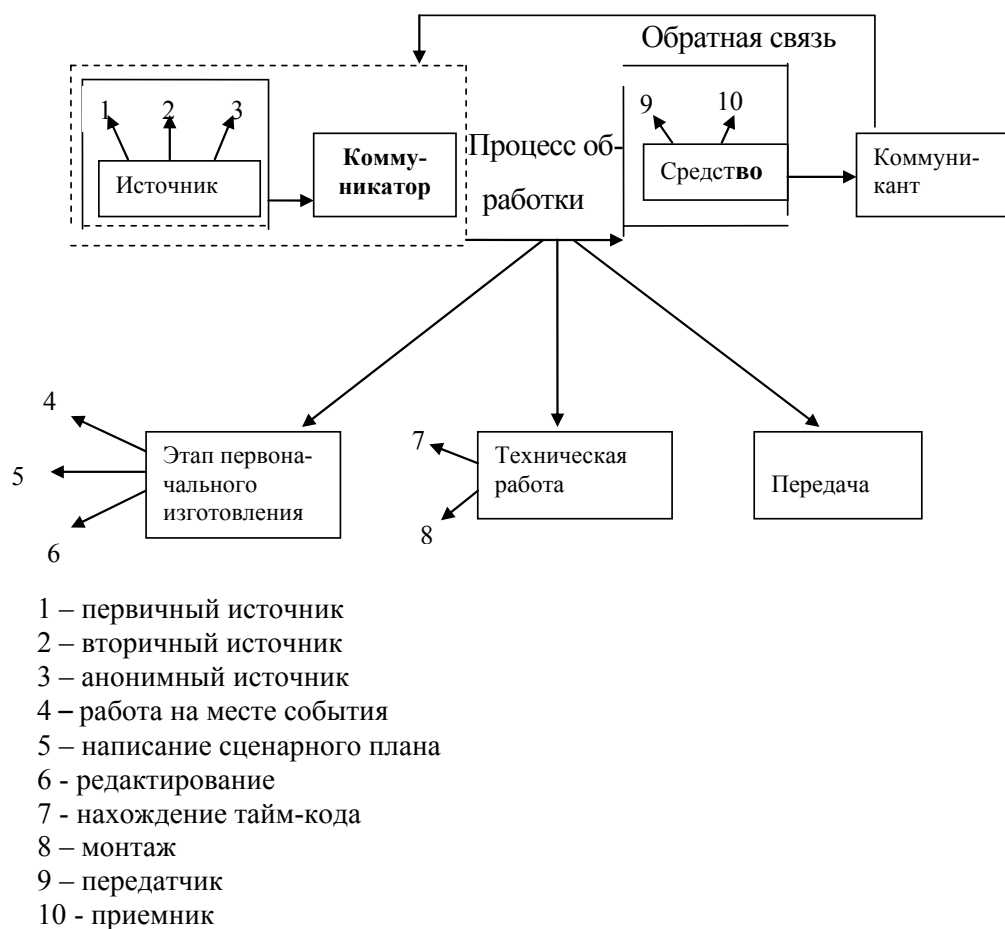
В этой статье особое внимание уделяется к процессу осуществления телевизионного вещания, теоретическим моделям телекоммуникации, а также установлению взаимосвязи между различными звенами моделей. При исследовании процесса реализации телевидения нужно обратить внимание на его ключевые звенья и построение взаимосвязей между ними. В основе этого лежит схема телевизионного творчества, т.е. теоретическая модель телекоммуникации. История развития теории массовой коммуникации начинается с 1952 года. Существует определенный угол зрения на модели протекания процесса коммуникации, которые были подготовлены разными специалистами этой области. Автор, утверждающий что каждая модель-схема в той или иной степени влияет на эффективность передаваемой информации, предлагает свою схему.

Ключевые слова: телевидение, телекоммуникация, ТВ каналы.

Постановка проблемы. При исследовании процесса реализации телевидения нужно обратить внимание на его ключевые звенья и построение взаимосвязей между ними. В основе этого лежит схема телевизионного творчества, т.е. теоретическая модель телекоммуникации. История развития теории массовой коммуникации начинается с 1952 года. Существует определенный угол зрения на модели протекания процесса коммуникации, которые были подготовлены разными специалистами этой области.

Под процессом коммуникации подразумеваются следующие компоненты: источник, код, канал, сообщение, аудитория и обратная связь. Первым элементом – средством начинания общения является источник. Коммуникатор, передающий по определенному каналу кодированное сообщение аудитории, должен обеспечивать его усвоение на должном уровне. Первое условие действенного общения – это достоверность источника, а действенность сообщения зависит от уровня внимательности аудитории. Если коммуникатор профессионален, то восприятие сообщения адресатом намного облегчается. В кодировке, являющейся вторым элементом процесса коммуникации, используются символы, трансформирующие сообщение в знаки. Канал обеспечивает передачу сообщения аудитории. Сообщение – 4-е звено процесса коммуникации. Последний и важнейший фактор – это обратная связь, являющаяся ответом получателя сообщения на мессаж коммуникатора. После декодирования, решения и трактовки сообщения ответ получателя отправляется обратно к коммуникатору. Обратная связь дает возможность коммуникатору узнать о том, получен ли его мессаж, верно ли он интерпретирован [9]. Объединение различных моделей коммуникации в некую обобщенную социально-психологическую модель имеет целью систематизировать накопленные в этой области знания. Однако при этом необходимо учесть особенности каждой системы в отдельности. Во-первых, различные системы массовой коммуникации имеют в своей основе один общий для всех механизм. Это можно объяснить тем, что «модель опирается на психологические

закономерности, общие для людей различных национальностей и культур, одинаково важные для субъекта коммуникационных отношений». Во-вторых, это связано с возможностью «перенесения фактов, полученных при изучении межличностных коммуникаций, в сферу массовых коммуникаций. Под массовой коммуникацией понимается общение больших социальных групп, которое имеет организованный характер и осуществляется при помощи технических средств на численно большие и рассредоточенные аудитории» [6]. Каждая модель-схема коммуникации в той или иной степени оказывает влияние на эффективность передаваемой информации и наиболее полное восприятие ее аудиторией. С этой точки зрения изучение и сравнительный анализ имеющихся моделей коммуникации, усвоение путей достижения максимальной эффективности доставки телеинформации до адресата в наше время являются весьма важными и актуальными. Предлагая в данной статье свою модель, мы задаемся целью внести хотя бы малейший вклад в дело повышения эффективности процесса доставки телевизионного сообщения до аудитории и его нормального восприятия ею. Модель, построенная на элементах «источник», «коммуникатор», «средство» и «коммуникант», состоит из нескольких компонентов. Зрители основную часть свободного времени проводят перед телевизором. Связь между отправителем сообщения и его получателем не всегда пассивная, но она с нравственной точки зрения всегда нейтральна, не может иметь значения вне контекста. Этот процесс подобен тому, как магнит притягивает куски железа. У средств массовой информации, как и у магнита, сила притяжения временна. Выступление перед телекамерой независимо от того, как оно распространяется – сиюминутно или в видеозаписи – передается в специальную аппаратную, а оттуда в виде сигналов – на передающую антенну. Через несколько технологических операций выступающий появляется на экранах телевизоров в первоначальном варианте. Реципиент, не вникая в суть этой технологии, изображение телеоператора и содержание его речи воспринимает только через экран.

Считаем целесообразным выделить следующие этапы в этой модели: первоначальная подготовка, технический процесс и передача конечного продукта. Этап первоначального изготовления в свою очередь делится на три процесса: работы на месте события, написания сценарного плана и редактирования. Технический этап подготовки материала состоит из определения тайм-кода и монтажа. А на последнем этапе готовый видеоматериал посредством передатчиков отправляется аудитории. Отправка и прием осуществляется передающими и принимающими устройствами. На восприятие переданной потенциальной информации, а также на количество потери непосредственно или посредственно влияет ряд факторов. Среди них можно выделить технические проблемы, лицо и основную функцию канала, политику вещания, образование и персональные взгляды коммуникатора, социально-демографический статус коммуниканта, качества социальной группы, к которой он принадлежит и условия приема информации. Знание той или другой структурно-содержательной особенности телевизионного сообщения, степени ее влияния на уровень восприятия в перспективе даст возможность создать более удачные – при-

влекательные, запоминающиеся программы, которые заслужат симпатию аудитории. Сообщение может готовиться таким образом (не применяя принципиальных новшеств, на основе готовых материалов), что намного усилится его запоминание, притом в этом случае при сборе фактов репортеры и операторы освобождаются от дополнительных усилий. Если люди поневоле предпочитают более легкие для восприятия сообщения, то в этом случае более доступная программа, имеющая оптимальную для своей аудитории форму предоставления, по своему рейтингу может завоевать лидирующее положение. Вообще, имеются моменты, на которые при сборе фактов корреспондент должен обращать внимание. Во-первых, он должен знать, из каких источников будут собраны факты, т.е. кто и что может быть источником информации. Принцип оперативности серьезно ограничивает время репортера. Поэтому все необходимые источники должны быть доступными для репортера. Источники бывают первичными, вторичными и анонимными. Коммуникатор – это журналист, готовящий информацию о событии для аудитории. Во многих моделях тот, кто передает информацию, именуется или коммуникантом, или отправителем, или же источником. Для внесения ясности в этот вопрос следует отметить, что сообщение передается от источника к коммуникатору. Часто в роли источника выступает сам коммуникатор, т.е. один источник может передавать информацию нескольким коммуникаторам и наоборот, один коммуникатор может получать информацию из нескольких источников. Информация – это факты. Не всякое сообщение, поступившее коммуникатору, является фактом. Для определения того, является ли сообщение фактом, западные практики и теоретики предлагают «Правило двух источников», которое гласит примерно так: для определения того, является ли данное сообщение фактом, надо получить подтверждение минимум от двух разных и самостоятельных источников. Это означает, что:

1. Источник А не получил сообщение от Б;
2. А и Б не получили сообщение от С.

А и Б считаются первичными источниками. Они свидетели или участники события. Эффективность переданной информации прямо пропорционально имиджу канала, его своеобразной позиции в телепространстве и достоверности.

Исследователи Финдхаи и Нойджер [10] пишут: для того, чтобы телесообщение было понятно аудитории среднего уровня, кроме ответов на вопросы «кто» и «где» надо говорить и о причинах и последствиях события, иначе сообщение будет раздробленным и не довершенным. С этой точки зрения ряд «получателей» играет изменчивую роль, однако самым значительным является предварительный интерес к теме. Среда, в которой происходит событие, менее значительна, вместе с тем все, что влияет на интерес, оказывает прямое воздействие на восприятие. Пятый этап – это запоминание, т.е. понимание или верное объяснение содержания сообщения. Запоминание может быть в нескольких формах и на разные сроки. Запоминание и восприятие, хотя и являются отличающимися друг от друга самостоятельными этапами, оба они определяются одними и теми же факторами. Последний, шестой этап – изучение. Оно – результат доставки и обработки информации. В его основе лежит долгое запоминание сообщения, направленного на развитие последующего поведения зрителя. В целом, степень действенности сообщения отражается под этим поня-

тием. Полученную информацию зритель воспринимает путем выбора, как бы фильтруя ее. Такая выборность всегда была характерной. Однако в ходе этого процесса под влиянием разных факторов – жизненной ситуации, интеллектуального потенциала, социального положения и т.д. – каждый выбор сопровождается индивидуальными чертами. При этом надо иметь в виду также объективные и субъективные факторы. Единство всего этого создает такой социально-психологический феномен как зрительский интерес.

Проблема эффективности телевидения ставится более всего как проблема обладания зрительским интересом. А сам этот интерес – наименее изученная область в теории и практике журналистики. В противовес этому, к данному вопросу особый интерес уделяют философы, социологи, экономисты и психологи. У людей есть особые признаки современного познания: поиск глубокого научно-философского содержания, стремление к обобщению увиденного, аналитическому разбору, новой мысли и слову, тяга к форменной красоте, интерес к степени верности сказанного и т.д. Поэтому «если зритель и слушатель не видят качественного изменения, то у них уменьшается интерес к передаче. Они ищут проблему. Где есть проблема, там имеются предпосылки высказать новое слово. Наличие такой отправной точки побуждает у зрителя желание проанализировать свои взгляды, испытать свой вкус» [2, 9-10]. Зрительский интерес, как психологический феномен, весьма сложное проявление, в формировании которого основную роль играют социологические, психологические, биологические, геологические и др. факторы. Этот процесс далеко не всегда происходит под влиянием только целенаправленной деятельности. В первых трудах зритель изображался как «невидимый» [7]. Исследователи СМИ стремились изучить состав и количество этого «невидимого общества». Для радио- и телепередач это положение было преходящим, а в музыке, книгах, журналах, фильмах и газетах можно было высказать какие-то мысли о зрительском интересе. На телевидении и радиовещании учитывается не только численность зрителей и слушателей, но и особенность получения ими информации, ибо навыки просмотра весьма различны и каналы часто могут меняться. То, что зрители смотрят передачи выборочно, доказано многократно. При выборе они предпочитают те каналы массовой информации, которые более всего соответствуют их сознанию и информационным потребностям. Катц [11] отмечает, что нужно обратить внимание «не на то, что средства массовой информации дают людям, а на то, какую выгоду люди извлекают из них». В основе т.н. подхода «Использование и сытость» лежит именно это мнение, т.е. СМИ используется с целью удовлетворения потребностей или же обеспечивать «информационную сытость». Телерадиоорганизации хотят узнать три правды об аудитории: количество людей, которые смотрят разные каналы; степень просмотра; уровень удовлетворенности или одобрения. Новые технологии (особенно кабель и спутник) и множество каналов осложняют положение, зритель мало принимается во внимание и нарушается баланс. Современные социологические исследования обогащены ценными сведениями о некоторой зрительской аудитории. Это выявило взаимосвязь между индивидуальностью зрителей в зависимости от их возраста, пола, профессии, места жительства, образования и т.д. и кругом их интересов. Таким образом создана типология зрителей (штрихи к портрету зрителей того или другого канала). Влияние

телевизионной системы на различные сферы общественной жизни осуществляется в первую очередь через влияние на людей, на их сознание, быт, нравственные ценности. В этом смысле на отношение между телевидением и зрителем можно смотреть как на связи этих каналов с общественностью. Правда, перед экраном зрители чувствуют себя одинокими, однако это «одиночество» отражает в себе их общественные связи. Таким образом, взятый вместе количественный состав зрителей соответствует содержанию общественных связей и отношений. Авторы программ всегда должны учитывать это. Реальная основа такой взаимосвязи между телевидением и обществом определяется отношениями между этими каналами и их аудиторией. Зритель, очень чувствительный даже к малейшим переменам в характере программ, быстро замечает хорошее, в то же время не упускает из виду и недостатки.

Выводы и перспективы. Создание каждой новой передачи на телевидении – событие, потому что оно связано с миром интересов сотни тысяч зрителей. Однако с сожалением следует отметить, что в ряде случаев наш современник видит себя в этих передачах чужим. Авторский сценарий, режиссерская и операторская работа лишают его индивидуальных качеств, вводят его деятельность в шаблонную рамку, отождествляют, иногда даже упрощают образ мышления. Эта тенденция более ясно проявляет себя в телевизионных дискуссиях молодежи. Создается впечатление, что участники передачи не всегда представляют ту аудиторию, к которой они обращаются.

Литература

1. Ализаде Я.М., Магеррамли К. Азербайджанский эфир: история и современность. – Баку: Нурлан, 2006 (на азерб. языке)
2. Кулиев А. Главное условие поднятия эффективности агитации // Направления развития Азербайджанской прессы, телевидения и радио. Баку, 1988 (на азерб. языке)
3. Магеррамов К. Речь телевидения и литературное произношение. – Баку: Элм, 1999 (на азерб. языке)
4. Магеррамов К. Язык телевидения. – Баку: Элм, 2002 (на азерб. языке)
5. Мамедли З. Теленовости ои А до Я. – Баку: 2009 (на азерб. языке)
6. Денис Мк, Свен В. Модели коммуникации / перевод Конча Юмлу, 2005 (на турецком языке)
7. Шахин Я. Медиа и зритель. Анкара, 2005 (на турецком языке)
8. Токгез О. Основы медиа. Анкара, 2006 (на турецком языке)
9. Жукова Я., Ширков Ю., Модели массовой коммуникации, научный отчет, М., Гостелерадио СССР, 1989
10. Findhai, O., and Hoijer, B. 1975, Man as a receiver of information: On knowledge, social privilege and the news. Stockholm: Swedish Broadcasting Corporation, Audience and Program Research Department.
11. Katz E. The Two-step Flow of Communication. In: Public Opinion Quarterly, 21, 1957, pp.61-78.

Насирова А. А. Шляхи ефектизації процесу телемовлення / А. А. Насирова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 124–130.

У цій статті особлива увага приділяється до процесу здійснення телевізійного мовлення, теоретичним моделям телекомунікації, а також встановленню взаємозв'язку між різними ланками моделей. При дослідженні процесу реалізації телемовлення потрібно звернути увагу на його ключові ланки і побудови взаємозв'язків між ними. В основі цього лежить схема телевізійної творчості, тобто теоретична модель телекомунікації. Історія розвитку теорії масової комунікації починається з 1952 року. Існує певний кут зору на моделі протікання процесу комунікації, які були підготовлені різними фахівцями цієї області. Автор, який стверджує що кожна модель - схема в тій чи іншій мірі впливає на ефективність переданої інформації, пропонує свою схему.

Ключові слова: телемовлення, телекомунікація, ТВ канали.

Nasirova A. A. Ways of the broadcasting process activity increase / A. A. Nasirova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 124–130.

This article focuses on the process of television broadcasting pursuit, telecommunications theoretical models, as well as the establishment of the relationship between the various models links. In the study of the broadcasting process activity increase need to pay attention to its key links and build relationships between them. This is based on circuit television creativity, i.e. theoretical model of telecommunications. History of the theory of mass communication starts from 1952. There is a certain angle on the model of the process of communication, which were prepared by different experts in the area. The author asserts that each model diagram in varying degrees affects the efficiency of the transmitted information, offers his scheme. Recites the factors influencing on the loss of information, the author draws attention to the study of the viewer's perception characteristics. In this work the relationship between TV and viewers are treated as communication channels with society. Creating each new programs on TV is the event in this country. Because it is associated with the hundreds of thousands spectators' world of interests. However, it should be noted with regret that in some cases the author's contemporaries see themselves in these programs stranger. Author's script and the director's camera work deprive its individual qualities, introduce his work in the template frame, sometimes simplify way of thinking. This trend manifests itself more clearly in youth television debates. It seems that the participants do not imagine the audience to which they refer.

Keywords: television, telecommunications, TV channels.

Поступила в редакцію 03.03.2014 г.

УДК 811.82-84:80

РОЛЬ ЗАГОЛОВКА-ФРАЗЕОЛОГІЗМУ В ГАЗЕТНО-ПУБЛІЦИСТИЧНОМУ ДИСКУРСІ (НА МАТЕРІАЛІ ТУРЕЦЬКИХ І УКРАЇНСЬКИХ ВИДАНЬ)

Оніщенко Ю. О.

*Таврійський національний університет ім. В.І. Вернадського
E-mail: yulan7708@rambler.ru*

Стаття розглядає проблему використання фразеологічних одиниць у заголовках статей періодичних видань та їх роль у реалізації номінативно-інформативної функції заголовка.

Ключові слова: заголовок-фразеологізм, трансформація, актуалізація, фразеологічна оцінність.

Мові газетних матеріалів інформаційних жанрів притаманні суворість та точність, витриманість та лаконізм. Так мові замітки або звіту притаманні суха інформативність, нейтральна номінація, тобто неупереджене інформування, спокійна фіксація проблем, подій, фактів.

В лексиці та фразеології текстів аналітичних жанрів переважають стилістично забарвлені слова та звороти, тобто – емотивні засоби. В таких текстах широко використовуються засоби аналізу та узагальнення. В аналітичних жанрах, де на перший план виступає коментар, автори, використовуючи певні мовні засоби, не тільки переслідують ціль відобразити факт, про який повідомляється, але й проаналізувати його з різних боків, що відкриває можливість для мовної гри [3, 64-65].

В газеті як засобі масової комунікації надзвичайно важлива емотивність фразеологізмів, яка підкреслюється місцем в реченні (інтонацією), знаками пунктуації (паузою після фразеологізму), які супроводжують словами (підсилювальні частки), експресивністю оточуючих слів і т.д. : «... будучи средством компрессии информации, средством формирования образности, оценок, эмоционального отношения говорящего к называемому, ФЕ становится экспрессивным средством, усиливающим экспрессивный эффект текста», відмічає В.А.Маслова [5, 6].

Постановка проблеми: заголовок в газеті може займати сильну позицію і виконує багато завдань: пробудження у читача інтересу до матеріалу, що публікується та активне його сприйняття, яке виражається у прочитанні їм тексту і вираженні оцінки прочитаного. На нашу думку, виконанню цих та інших завдань сприяє використання в заголовках фразеологічних одиниць, які є необхідним стилістичним компонентом газетного мови, джерелом емоційно-експресивних засобів, а також засіб вираження конструктивних особливостей газетної мови.

Ефективність газетного тексту багато в чому визначається його заголовком. Заголовки слід визначати як компонент тексту, тісно пов'язаний з іншими компонентами цієї системи, що займає стилістично сильну позицію, називає текст і дає первинну інформацію про нього.

В якості ефектних мовних засобів, які активізують читацьку увагу, в газетних заголовках широко використовуються фразеологічні звороти. Це обумовлено тим, що більша частина фразеологічного фонду має будь-яку експресивно-стилістичне

забарвлення. У ролі заголовків активно вживаються фразеологізми, які з точки зору їх семантичної неподільності є фразеологічними виразами - прислів'я, приказки, крилаті слова, афоризми.

У публіцистичному тексті фразеологізми часто виконують композиційну або конструктивну функцію. При цьому слід підкреслити, що ФО в силу своєї образності та стилістичної специфіки майже ніколи не виконують номінативну і інформативну функції в чистому вигляді: вони завжди ускладнюються емоційно-експресивною функцією.

Абсолютний початок тексту (заголовок) - типова позиція для ФО, оскільки вживання їх в цьому випадку допомагає проєктивно задати оцінку подальшого матеріалу, зацікавити читача, направити його увагу.

Газетні заголовки виконують декілька функцій. По-перше, номінативно-інформативну функцію, функцію повідомлення про факт. На думку багатьох дослідників, більшість газетних заголовків, в тому числі іменникового характеру, це повні висловлювання, а не просто називні групи. По-друге, можна говорити про рекламно-експресивну функцію заголовка, яка тісно пов'язана з номінативно-інформативною функцією. Основне призначення цієї функції - зацікавити читача, заставити його прочитати матеріал. По-третє, всім газетним заголовкам притаманна графічно-видільна функція, яка дозволяє відокремити один текст від іншого, виокремити текст з навколишнього контексту і в той же час «зв'язати» всю смугу в єдине ціле. Ця функція заголовка здійснюється, як правило, графічними засобами [1, 49]. Журналісти прагнуть вже за допомогою заголовка пробудити у читача активність, залучити його в процес співтворчості. У цьому вони вбачають головну умову переростання первинної уваги в світовому зосередженості:

«Як Кулиняк *уніймав облизня*», «Рекордне *«пАкращення»* в українському книговидаванні» [8]. «*‘Yan baktın’ kini cinayetle bitti* - Подивився зкоса, ненависть привела до вбивства»; «Bayram tatili *burnumuzdan geldi* – Святкові дні *вийшли нам боком*». «Yunanisatan yardımı Angela Merkel’e *pahalya patladı* – За поміч Греції Ангела Меркель *заплатила дорогу ціну*». «Anayasa’da *oyunbozanlık!* – *Шахрайство* в конституції!». Репортер газети «Гюнеш» у статті, в якій він описує інцидент з американським послом у Лівії, вводить фразеологічний зворот у заголовок: «*Eden bulur*» «Винний отримає по заслугі» (Не рий іншому яму, сам в неї втрапиш) [9].

На сторінках газет широко використовують різні прийоми актуалізації мовних засобів, прийоми посилення смислового навантаження, пожвавлення заголовка, виявлення авторського ставлення до тексту газетного матеріалу [3, 2]. Виявлено, що виражена в заголовку оцінка, потім на протязі тексту завжди підтримується експресивними засобами - ФО, прислів'ями, розмовною лексикою.

Так, у статті «İstanbul havaalanları bayramda *rekor kirdi*» – «Аеропорти Стамбула *побили рекорди* під час свята» фразеологічний зворот «*бити рекорди*» використовується у заголовку, щоб привернути увагу читача до тексту, та дублюється у першому абзаці.

«Ramazan Bayramı tatili nedeniyle İstanbul Atatürk Havalimanı'ndan 17 Ağustos Cuma günü toplamda 1127 uçak iniş ve kalkış yaparak tüm zamanların *rekoru kırılırken*,

bir rekor da Sabiha Gökçen Uluslararası Havalimanı'ndan geldi. 16-21 Ağustos tarihleri arasında 302 bin 938 yolcunun kullandığı Sabiha Gökçen Havalimanı'nı bu tarihlerde toplam 2157 uçak kullandı - Впродовж святкових днів у п'ятницю 17 серпня в аеропорту імені Ататюрка міста Стамбул здійснили зліти та приземлення понад 1127 літаків, що *побило всі рекорди* сьогодення. Міжнародний аеропорт Сабіха Гекчен також встановив рекорд – з 16 по 21 серпня 302938 пасажирів користувалися послугами 2157 рейсів» [11].

Для того, щоб максимально привернути увагу до статті, журналісти не рідко звертаються до методу трансформації, оновлення фразеологізму. Найбільший простір для творчої трансформації дають журналістам заголовки-фразеологізми. Семантичні та структурно-стилістичні зміни фразеологічної одиниці, порушуючи усталені звичайні асоціативні зв'язки, додають у фразеологізм щось незвичне, позбавляючи його приїлася знакомости. Актуалізований таким чином фразеологізм сприймається на тлі контексту як незвичайне поєднання слів і тому привертає увагу більше, ніж фразеологізм звичний, загальноприйнятий.

Довга дорога до дитсадочка (Стаття розповідає про низку проблем, з якими довелось зіткнутися під час відкриття нового дитячого садочка).

Автор статті, у якій розповідається, як виконавець ролі Бонда Деніел Крейг після закінчення зйомок у Туреччині давав прощальну вечірку в Отелі Адана Хілтон. Стаття одержала назву: «Bond... Gürültücü Bond...» - (Бонд... Галасливий Бонд) Вечірка була дуже голосливою і заважала відпочивати іншим гостям, які й поскаржилися на актора адміністрації готелю.

Журналісти прагнуть вибрати для творчої переробки фразеологізми стилістично забарвлені, з мотивованою внутрішньою формою, фразеологізми, які зовні не відрізняються від вільних словосполучень. В якості основи для трансформації вони часто обирають назви книг, фільмів, рядки з пісень, які стали відомими в якийсь невеликий період часу: «*Yine de şahlaniyor kolbaşının külhanı*» (рядки з пісні); «*Rüzgâr kırdı dalım!*» – «Вітер зламав твою гілку!» (трансформований рядок з пісні Селфхаттіна Еркосе «*Rüzgâr kırdı dalım*») [9].

Газетний заголовок характеризується номінативною, графічно-видільною, інформативною та рекламною функціями. У конкретному заголовку на передній план висувається або інформативна, або рекламна функція. В залежності від того, яка з них є переважаючою, можна говорити про рекламний або інформативний типи заголовка.

Залежно від характеру зв'язку заголовка-фразеологізму з контекстом можна говорити про два основні типи актуалізації: про актуалізацію ближньої межі, коли фразеологічна одиниця зазнає якісь внутрішні зміни і в оновленому (актуалізованому) вигляді протиставляється загальноприйнятому варіанту в межах заголовної конструкції, і про актуалізацію далекого межі, коли фразеологічна одиниця виступає в своєму звичному вигляді і обігрується в широкому контексті, протиставляється всьому тексту. Журналісти найчастіше звертаються до актуалізації ближньої межі, віддаючи перевагу фразеології зі зміненою структурою різного типу.

Журналісти часто вдаються до прийому поширення фразеологічної одиниці в заголовку, вводячи в звичну словесну формулу додаткові компоненти. Такий оновлений фразеологізм привертає увагу як раз своєю «несподіваністю»:

«Uludere'de dağ neden fare doğurdu?» - «Чому в Улудере гора народила мишу?», «Göz göze, dişe diş, kana kan» – «Око за око, зуб за зуб, кров за кров» [10].

Таке «впровадження» слова не руйнує заголовка-фразеологізма, він не тільки не втрачає своїх властивостей як фразеологічна одиниця, а, навпаки, набуває додатковий зміст, додаткові лексичні компоненти роблять вживання фразеологічного обороту актуальним, конкретизують його.

У газетному мовленні широко поширений прийом поновлення заголовка-фразеологізму за допомогою заміни одного з його компонентів. При актуалізації фразеологічної одиниці «створюються нові смислові відтінки, з'являється нове художнє якості фразеологізмів, збагачуються зв'язки слів». У цьому - відмінність оновлених актуалізованих оборотів в заголовках від фразеологічних варіантів, основним способом утворення яких також є лексичні заміни. Варіантна заміна зазвичай не впливає на зміну значення і образності фразеологізма-основи, і новий оборот в цілому, в результаті такої заміни, не набуває додаткового стилістичного забарвлення [6, 54-59]. *Sapla saman...* - Що добре, а що пагано (*Sapla saman karıştırmak* – Не відрізнити грішного від праведного).

Отже, газетний заголовок, як перший елемент публіцистичного тексту, дає читачеві загальне уявлення про зміст статті, а також нерідко містить в собі основну думку автора. Будучи частиною тексту, найважливішим структурним його елементом, заголовок чинить ще більший вплив на побудову та зміст тексту і його сприйняття читачем.

Висновки та перспективи. Газетні заголовки виконують декілька функцій: номінативно-інформативну функцію, функцію повідомлення про факт. Виходячи з вищезазначеного можна констатувати, що специфіка заголовків-фразеологізмів полягає в тому, що вони, як правило, дають образну характеристику та оцінку матеріалу, що публікується, не розкриваючи його змісту. Відсутність функцій інформації пояснюється широтою семантики фразеологічної одиниці, можливості її застосування в різних мовних ситуаціях. Тому текст кореспонденції, який має в заголовку фразеологізм, зобов'язаний по-перше, розкрити фактичне підґрунтя образного заголовку, по-друге, підтвердити правомірність оцінки, і, нарешті, підкріпити саму оцінку.

Література

1. Володина М.Н. Язык средств массовой информации: Учеб. – пос.д/вузов. / Володина М.Н. – М.: Академический проект, 2008. – 700с
2. Воронова М. Варіанти фразеологізмів у журналістському творі / Воронова М. // Уроки української – 2004. – №3. – С.57-63
3. Григораш А.М. Фразеологические инновации в современной публицистике Украины (на материале русскоязычной прессы 1990-х – 2000-х годов): монография / Нац. пед. ун-т им. М.П.Драгоманова – К.: Знання України, 2008. – 439с.
4. Маслова В.А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста: Учебное пособие / В.А.Маслова – Мн.: Высш. Шк., 1997. – 165с.
5. Сафонов А.А. Стилистика газетных заголовков / Сафонов А.А. // Стилистика газетных жанров/под ред.Д.Э.Розенталя. – М.: Изд-во Моск.ун-та; 1981. – 229с.
6. Солганик Г.Я. О новых аспектах изучения языка СМИ / Солганик Г.Я. // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. – М., 2000, – № 3. – С. 31-38.
7. Михалкович В.И. Изобразительный язык средств массовой коммуникации / Отв. редактор А.С.Вартаков, АН СССР, ВНИИ Искусствознания м-ва культуры СССР – М.: Наука, 1983. – 222с.

СПИСОК ДЖЕРЕЛ ІЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРІАЛУ

8. Общественно-политический еженедельник [Електронний ресурс] / Режим доступу <http://www.ukrslovo.com.ua/>
9. Hürriyet gazetesi [Електронний ресурс] / Режим доступу <http://www.hurriyet.com.tr/anasayfa/>
10. Milliyet gazetesi [Електронний ресурс] / Режим доступу <http://www.milliyet.com.tr/>
11. Sabah gazetesi [Електронний ресурс] / Режим доступу <http://www.sabah.com.tr/>

Онищенко Ю. А. Роль заголовка-фразеологизма в газетно-публицистическом дискурсе (на материале турецких и украинских изданий) / Ю. А. Онищенко // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 131–135.

В статье рассматривается проблема использования фразеологических единиц в газетных заголовках, а так же роль ФЕ в реализации номинативно-информативной функции газетных заголовков.

Ключевые слова: заголовок-фразеологизм, трансформация, актуализация, оценочность фразеологических единиц.

Onischenko Yu. A. Role of the phraseologism as the title in periodical-journalistic discourse (based on the material of Turkish and Ukrainian publications) / Yu. A. Onischenko // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 131–135.

The article deals with a problem of using idioms in article titles from periodical and their role in implementation nominative and informational function of titles.

Publicistic style traditionally affects all areas of life; it uses a variety of communicative language forms; it is full of wide variety of emotive shades. There are many of the essential qualities of newspapers language related to its membership in mass communication. The mass and heterogeneity of audience which receives the information is coming to the fore. Therefore language tools which are used in newspapers articles are usually have publicly important and social nature and are neutral stylistically. But in some journalist styles specificity of newspapers language is also in author's assessment that affects the nature of representational resources which are used.

The main stylistic purpose of idioms in the publicistic texts is to characterize any personality, object or phenomenon. Apart from the main subject-logical information it requires additional characteristic. They express evaluation or subjectively evaluation opinion of the speaker, enhance emotional and expressive potential of the text. That quality meets the aesthetic goals of publicistic texts is to influence the reader, cause the desired reaction to the idea of the article.

Functioning of idioms in newspapers is driven by the laws which are common to all literary language and constructive principle of journalistic style – to join the expression and standards. In the basis of the implementation of this principle is the phenomenon of "mainstreaming" as the usage of the linguistic resources in certain stylistic purposes that are perceived on the background of the context as unusual and attracted the attention of the reader.

The method of actualization of the idioms is associated with increase of content and stylistic functions. There is a variety of the ratio of the semantic, structure and context of the idioms while using them in the contexts due to the nature of the structural and semantic changes or the influence of idioms on the context. Semantic and structural changes update idioms, breaking the usual associative links.

Keywords: title-idioms, transformation, actualization, phraseological estimation.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 821.411.21

АНАЛИЗ РОМАНА НАГИБА МАХФУЗА «ВОР И СОБАКИ» В РАМКАХ АРАБОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Швигель В. В.

*Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского
E-mail: ana7ayat@rambler.ru*

В научной работе исследованы основные методы анализа художественного произведения в арабской литературоведческой традиции, формы, категории и техники, присущие арабскому литературоведению. На примере романа Нагиба Махфуза «Вор и собаки» продемонстрировано их применение автором, обозначены различия между подходами к анализу произведения в западном и арабском литературоведении.

Ключевые слова: анализ, метод, методика, форма произведения, литературоведческая категория, диалог.

Постановка проблемы. Во все времена и до сих пор среди европейских ученых арабское литературоведение считается малоразвитой отраслью науки. Западные литературоведы и критики обвиняют арабскую науку о закономерностях литературного процесса в отсутствии широкого разнообразия литературных терминов, форм, категорий и понятий, утверждают, что она не имеет четко оформленного алгоритма анализа литературной формы и содержания художественного произведения. Иными словами, противопоставляя многочисленные планы анализа художественного произведения в западном литературоведении с планами анализа, принятых в арабском литературоведении, делается акцент на недостаточность, незавершенность и неясность последних, с позиций западных ученых арабское литературоведение как наука является несозревшей и несамостоятельной.

Актуальность. По нашему мнению, вышеизложенный взгляд на развитие арабского литературоведения как науки в корне неверен, так как какое-либо явление не может быть не признано только потому, что оно мало знакомо или требует иного образа мышления для адекватного его восприятия. По этой причине, необходимо сказать, что литературоведение изучает художественную литературу различных народов мира для того, чтобы понять особенности и закономерности ее собственного содержания и выражающих их форм. То есть, крайне несправедливо критиковать систему понятий и методов арабского литературоведения по причине ее явного отличия от западных и мировых систем, так как существует множество факторов, согласно которым культура и литература нации развивается именно так, а не иначе, факторов, ввиду которых эта нация определяет свою уникальную историю, культуру и литературу как одну из главных средств их отображения.

Цель статьи – доказать актуальность, оригинальность и состоятельность арабского литературоведения как науки, привести основные подходы к анализу художественного произведения согласно арабской литературоведческой традиции, дать разъяснение включенных в них литературных терминов, методов и категорий, пока-

зять их практическое отображение на примере романа «Вор и собаки» египетского писателя Нагиба Махфуза.

В статье необходимо решить следующие **задачи**:

1. Обозначить выдающуюся роль и место Нагиба Махфуза в арабской литературе, раскрыть его вклад не только в развитие арабской литературы как социокультурного явления, но и литературоведения как науки;

2. Предложить основные подходы к анализу художественного произведения согласно арабской литературоведческой традиции;

3. Дать определения основным литературоведческим терминам, категориям и понятиям, выявить и отобразить их уникальные составляющие, особенности их восприятия и применения, которые делают их, а в свою очередь, и все арабское литературоведение, уникальным и отличным от западной научной мысли;

4. Показать алгоритм функционирования основных подходов к анализу художественного произведения на примере романа «Вор и собаки» Нагиба Махфуза;

Источниками фактического материала являются труды по литературе В.Н.Кирпичено, роман Нагибы Махфуза «Вор и собаки» на русском и арабском языках, арабско-русский словарь Х.К. Баранова. Ввиду отсутствия научных работ по данной теме, большое внимание было уделено изучению научных и образовательных сайтов на арабском языке с целью ознакомления и поиска информации, также для объективной оценки и рассмотрения данной темы, таких, как сайт Мохаммед Абед Аль-Джабри [http://www.aljabriabed.net/n20_05buaza.htm], jehat.com [<http://www.jehat.com/Jehaat/ar/RaesAltahreer/alabad.htm>], <http://lyckhaldou.forumactif.org> [<http://lyckhaldou.forumactif.org/t207-topic#250>], и др.

Объектом исследования в научной работе является арабское литературоведение как наука. **Предметом** исследования – способы анализа художественного произведения в арабской литературоведческой традиции, понятия, системы и категории, используемые в комплексном анализе формы и содержания произведения.

Приступая к решению первой из поставленных задач, обратимся к характерным особенностям творчества Нагиба Махфуза и обозначим его вклад в развитие арабской литературы и литературоведения.

Отличительная особенность арабской литературы XX в. – беспрецедентно быстрые темпы эволюции художественного сознания, смены литературных направлений. Стимулируемая потребностями эстетического освоения меняющейся национальной жизни, эта эволюция имеет своими источниками развитие национальной традиции и творческую переработку художественного опыта мировой литературы.

В литературной деятельности крупнейшего арабского прозаика, лауреата Нобелевской премии 1988 г. Нагиба Махфуза нашли художественное воплощение все этапы, через которые прошла в своем развитии современная арабская проза. Более того, благодаря огромному творческому потенциалу романиста и его способности к постоянному самообновлению он всегда выступал инициатором художественных инноваций и пролагателем путей шедшим вслед за ним поколениям арабских литераторов.

Роман «Вор и собаки» является одной из наиболее выдающихся работ писателя. В романе автор развивает тему экзистенциализма, впервые используя в арабской

литературе технику потока сознания. Главный герой произведения – Саид Мигран, вор, освободившийся из тюрьмы, желающий отомстить предавшим его в прошлом близким людям, благодаря которым он там оказался. Изданный в 1961 году роман четко отражает настроения и социо-политическую позицию современного автору египетского общества – отчаяние и разочарование главного героя в революции, новой власти и жизненных принципах является прямым отображением точки зрения Нагиба Махфуза на данный вопрос.

Что касается новаторства Нагиба Махфуза в сфере введения новых литературоведческих приемов и методов, то, в первую очередь необходимо отметить мастерское использование диалогов автором, так как они играют важную роль в раскрытии проблематики, темы и идеи произведения. В романе реализованы следующие виды диалогов, принятых в арабском литературоведении: внутренний монолог, прямой диалог, внешний диалог, прямой диалог, внутренний диалог и техника потока сознания, которая была впервые введена Нагибом Махфузом.

Также новизна, которую внес автор в арабское литературоведение с написанием этого романа, заключается в использовании концепции сосредоточения внимания на одном конкретном персонаже и восстановлении его в правах, моральной реабилитации и воплощении его чувств и переживаний в окружающем мире. Остальные действующие лица – лишь катализаторы событий, в произведении нет дополнительных сюжетных линий, повествующих о тех или иных жизненных событиях второстепенных персонажей, вся их роль сводится лишь к раскрытию натуры главного героя, его переживаний и мировоззренческих позиций.

Таким образом, из вышесказанного следует, что при написании романа «Вор и собаки» Нагиб Махфуз обогатил арабское литературоведение до него неиспользовавшейся техникой потока сознания и расширил использование диалогов как основного средства для передачи темы и идеи произведения.

Говоря о непосредственно анализе литературного произведения согласно арабской литературоведческой традиции, следует, прежде всего, отметить, что одной из характерных особенностей проведения литературного анализа художественного произведения заключается в том, что план анализа подразделяется на две части: первая часть – анализ художественного произведения согласно официальным образовательным рекомендациям арабского литературоведения, вторая часть – более развернутый и приближенный к западному литературоведению план анализа литературного произведения, дополненный основными понятиями и алгоритмами анализа, взятых из работ западных ученых-литературоведов. Допустимо разделение анализа произведения на две этих части, то есть существование двух отдельных мини-анализов, но, в большинстве случаев, принято совмещать пункты этих двух частей плана, формируя один развернутый анализ художественного произведения. Необходимо подчеркнуть, что оба метода анализа, как четко согласованный с официальными образовательными рекомендациями, так и приближенный к западному литературоведению вариант, одинаково используются при анализе художественного произведения в арабском литературоведении, при этом, анализируя произведение согласно западному алгоритму анализа, принято ссылаться на имена западных ученых-литературоведов, предлагающих данный путь анализа и изучение отдельно вы-

бренных категорий и форм художественного произведения. В работе, исследованию подвергнут роман Нагиба Махфуза «Вор и собаки» методом, приближенным к западному литературоведению, использованы алгоритмы анализа двух французских ученых Шмита и Фиялы, а также их труд «Прочтение и формы». Обращаясь к подходам к анализу произведения, предложенными этими двумя авторами, наряду с официальными образовательными рекомендациями арабского литературоведения, был проведен комплексный анализ романа Нагиба Махфуза «Вор и собаки».

В статье роман Нагиба Махфуза «Вор и собаки» был исследован посредством рассмотрения следующих категорий и аспектов арабского литературоведения. Согласно официальным образовательным рекомендациям существует методология изучения литературных произведений, которая называется методологическим чтением (القراءة المنهجية). Методологическое чтение подразделяется на три этапа:

1. Ознакомительное чтение (القراءة التوجيهية).
2. Аналитическое чтение, в которое включено изучение как содержания, так и формы произведения (القراءة التحليلية).
3. Синтетическое чтение, когда объектом изучения является содержание, которое воспринимается синтезированно и как единое целое (القراءة التركيبية).

Следующим пунктом принято считать подразделение аналитического чтения на шесть этапов:

1. Развитие повествования (تتبع الحدث)
2. Оценка действующих лиц (تقويم القوى الفاعلة)
3. Раскрытие психологизма произведения или постановка проблемы психологического характера (الكشف عن البعد النفسي)
4. Оформление социального или исторического фона повествования (الكشف عن البعد الاجتماعي / التاريخي)
5. Структурный анализ произведения (استخراج البنية)
6. Ознакомление с художественными методами (تعرف الأسلوب)

При изучении пункта «развитие повествования», следует рассматривать следующие его составляющие:

1. Перечень событий, фабула (جرد الوقائع (المتن الحكائي))
2. Завязка, интрига (الحبكة)
3. Ставка писателя на тему, идею, персонажа, то, чем он намерен заинтересовать читателя (الحبكة)
4. Коннотации и значимость событий (دلالات وأبعاد الحدث)

Иногда эти аспекты развития повествования эквивалентны следующим близким им понятиям:

1. Краткое содержание (الملخص)
2. Фабула (المتن الحكائي)
3. Завязка, интрига (الحبكة)
4. Ставка писателя (الرهان)
5. Значение и сфера действия (دلالات وأبعاد الحدث)

Вышеизложенные алгоритмы анализа являются общими схемами к изучению художественного произведения в арабском литературоведении, включающими множество характеристик, терминов, понятий, литературных форм и категорий. Од-

нако, их подробное рассмотрение может послужить материалом для написания еще нескольких подобных статей, по этой причине целесообразно сделать выводы о представленных данных и подвести **результаты исследования**.

- Роль Нагиба Махфуза в процессе становления и развития арабской литературы не может быть недооценена. Помимо работы автора над новыми темами, постановкой новых идей и важных социальных проблем современного ему общества, он внес неоценимый вклад в развитие арабского литературоведения как науки, введя новые литературные методы, техники и формы. В данной статье использование техники потока сознания и расширенное использование приема различных видов диалогов обозначены как основные новаторские элементы, внесенные автором в период написания романа «Вор и собаки».

- Изучив планы анализа художественного произведения в арабском литературоведении, можно сделать вывод о том, что уровень развития арабского литературоведения как науки не может быть поставлен под сомнение, так же, как и его самобытность и уникальность. В данном исследовании наглядно продемонстрировано, во-первых, то, насколько методы, формы и категории арабского литературоведения отличны от западного, а во-вторых, очевидно, что они во многом богаче и гораздо полнее характеризуют тот или иной аспект художественного произведения.

Перспективы исследования. Отдельные разделы и подразделы научного исследования могут быть использованы в преподавании курсов арабской литературы и литературоведения, а также могут быть взяты за основу для последующих работ в этой области. Достигнутые результаты представляют собой вклад в изучение арабской литературы и литературоведения как науки. В перспективе отдельные пункты из общего плана анализа художественного произведения могут быть рассмотрены более подробно, формируя более точное понятие об арабском литературоведении как науке.

Литература

1. Долинина А.А. Основные направления в египетской литературе XIX-XX веков. В кн.: Актуальные проблемы изучения литературы Африки/ А.А. Долинина: - М., 1969.
 2. Кирпиченко В.Н. Египетский роман конца двадцатого века/ В. Н. Кирпиченко:- М.: Наука, 1992.
 3. Кирпиченко В.Н. Нагиб Махфуз – Эмир арабского романа/ В. Н. Кирпиченко:- М.: Наука, 1992.
 4. Конрад Н.И. Проблемы становления реализма в литературах Востока/ Н.И. Конрад: - М., Наука, 1964.
 5. Махфуз Н. Вор и собаки/ Н. Махфуз: К.: - Каир-пресс, 1962.
 6. Рошин Ю.Е. Реализм трилогии Нажиба Махфуза "Байн аль-Касрайн" и египетская действительность дореволюционного периода (1917-1944). В кн.: Литература Востока/ Ю.Е. Рошин: - М., 1969.
- Арабско-русский словарь: [арабско-русский словарь / составитель Х.К. Баранов – В 2 т. – 11-е изд., стереотип] – М.: Живой язык, Х.К. Баранов, 2006. – 456 с. ISBN 5-8033-0377-1(т.1) ISBN 5-8033-0371-2

Электронные источники (арабоязычные образовательные сайты):

8. Режим доступа: http://www.aljabriabed.net/n20_05buaza.htm
9. Режим доступа: <http://www.jehat.com/Jehaat/ar/RaesAltahreer/alabad.htm>
10. Режим доступа: <http://lyckhaldou.forumactif.org/t207-topic#250>
11. Режим доступа: https://permalink.php?id=539019666127545&story_fbid=589290004433844

Швігель В. В. Аналіз роману Нагіба Махфуза «Крадій та собаки» в рамках арабомовної картини світу / В. В. Швігель // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 136–141.

У науковій роботі досліджено основні методи аналізу художнього твору арабської літературознавчої традиції, форми, категорії і техніки, притаманні арабському літературознавству. На прикладі роману Нагіба Махфуза «Крадій та собаки» продемонстровано їх застосування автором, позначені відмінності між підходами до аналізу твору в західному і арабському літературознавстві.

Ключові слова: аналіз, метод, методика, форма твору, літературознавча категорія, діалог.

Viktoriia Sh.

In this article were investigated the main methods of literary work analysis in Arabic Literary Study tradition, forms, categories and techniques which are common for Arabic Literary Study. On the example of Naguib Mahfouz's novel "The Thief and the Dogs" their practical application was displayed by the author as well as characteristic peculiarities and differences between the Western and Arabic analysis approaches were outlined.

In all the times among Western literary critics and scholars Arabic literary study is considered to be an undeveloped branch of science. Lack of detailed studies in this field are explained by them by weak development of literary study science in Arabic region and by the lack of comprehensive system of literary study notions, categories and forms. But this position is fundamentally wrong and in this research it will be proved by providing a brief plan of Arabic novel analysis and explaining its key notions.

This article aims to achieve a number of related aims. First, the genre of the novel in general as a basic unit in cultural and literary analysis will be researched. The discussion will naturally include an examination of Arabic novel theory. Second, the process of the novel's foundation will be regarded in particular, how it develops and becomes distinct in a given language and culture. But the author's interest, however, is not purely theoretical, the practical aim is set as well. In this article explanations to the main Arabic literary study definitions will be given as well as their difference from Western literary study will be outlined.

While analyzing of Naguib Mahfouz's novel The Thief and the Dogs new literary methods, devices and techniques which were used by Naguib Mahfouz for the first time were researched. Naguib Mahfouz is considered to be a founder of new literary forms, genres and methods that's why it's expedient to research development and dynamics of Arabic literary study science on the works of this author.

Key words: analysis, method, technique, literary form work, literary category, dialogue.

Поступила в редакцію 03.03.2014 г.

УДК 82-1.09(282.254.1)'18/19'

IX-XX ASIRLAR ARASINDAKİ TÜRK ŞİİRİNİN ÖZELLİKLERİ

Seytumerova E. S.

Sorunun Belirlemesi: XIX. yüzyılın başlarından itibaren Türk aydını ve sanatçıları Batıya yöneldi ve Batıda gelişen fikir ve sanat hareketlerinden etkilendiler.

Batıyla ilişkiler, aydınların bir batı dilini öğrenmeleri, batı edebiyatından yapılan çeviriler, batıdaki fikir akımları ile tanışma bir kültür ve medeniyet değişimini gündeme getirdi. Sosyal, ekonomik ve siyasî hayatta meydana gelen değişiklikler edebiyata da yansdı, Cumhuriyetin kuruluşuna kadar arayışlar devam etti.

Tanzimat edebiyatının ikinci döneminden itibaren Batı şiiri, hem şekil, hem de muhteva yönünden Türk şiirini etkilemeye başladı. Bunun sonucu, Türk şiirine Batıdan sone, terza rima, çapraz kafiye, sarma kafiye gibi yeni nazım şekilleri girdi [5]. Türk şiirinin Batı tesirinde nasıl değiştiğini ve geliştiğini anlamak için çalışmada Tanzimat sonrası Türk şiirinin bazı örneklerini araştıracağız ve Tanzimat sonrasında yetişen bazı şairlerinin kullandıkları nazım şekillerini, türlerini ve ayrıca şiirlerinde kullandıkları edebi sanatları tanıyacağız.

Sorunun güncelliği: Bildiğimiz gibi IX. – XX. asırlarda gelişen Türk Edebiyatına, Batı Etkisinde Gelişen Türk Edebiyatı adı verilmiş ve bu dönemde Türk Edebiyatın Batı tesirinde geliştiğini söylenmektedir. Batı şiiri Türk şiirini hangi yönden, nasıl etkiledi? Bu etkilemenin sonuçları neydi? Olumlu ve olumsuz tarafları hangileridir? Bu, ve başka sorulara makalemizde cevap vermeye çalışacağız. Ayrıca, Türk Edebiyatıyla ilgilenenler için Türk şiirini daha yakından tanımak ve incelemek bir imkan sunulacaktır.

Araştırmanın amacı: 1840-1970 yıllar arasındaki Türk Şiirinin oluşmasını belirtmek, ayrıca, şiirin içerik ve vezin yönünden nasıl değiştiğini ve o dönemdeki şiirde kullanılan edebi sanatlarını belirtmek.

Amaca ulaşmak için gerçekleştirilecek işlemler:

1. Dönemdeki Türk Şiirinin gelişme safhalarını belirtmek.
2. Şiirde kullanılan genel edebi sanatlarını belirtmek.
3. Araştırmada, eserlerini kullanacağımız şairleri tespit etmek.
4. Dönemin şiirlerini örnek alarak, şiirde hangi edebi sanatlarının kullandığını öğrenmek, şiirin vezni incelemek ve şiirin içeriğinde değişmelerini araştırmak.
5. Araştırmanın sonucunda 1840-1970 yıllar arasında Türk Şiirin nasıl değiştiğini belirtmek.

Araştırmada Edebiyat Ders Kitapları, Türk Edebiyatı Tarihi, Türk Şiirlerin Vezni, Türk Şiiri ve Antolojisi gibi kaynaklar kullanıldı. Ayrıca, Ziya Paşa, Şinasi, Tevfik Fikret, Cenab Şahabeddin şiirlerini araştırmanın kaynağı olarak kullandık.

Araştırmanın metotları: makalede, betimsel metodu, kurumsal irdeleme metodu, analiz ve sentez yöntemi ve tarihsel analiz metotları kullanılmıştır.

Araştırmanın konusu: araştırmanın konusu olarak IX. – XX. asırlar arasında yazılan şiirler incelenmiştir.

Çağdaş Türk Edebiyatı, Osmanlı Devleti'nin gerilemesinin hızlandığı, yapılan yeniliklerin başarıya ulaşamadığı, batıya yönelme gereğinin duyulduğu bir zamanda, yani 1839'da Tanzimat Fermanı'nın ilân edilmesiyle başlayan medeniyet ve kültür değişikliği ve bu değişikliğin dayandığı Batılılaşma olgusunun belirlediği bir gelişim sürecinde değerlendirilebilir.

Modern Türk edebiyatını şu bölümler altında gruplandırabiliriz:

- Tanzimat dönemi (1860-1896);
- Servet-i Fünun dönemi (1896-1901);
- Fecr-i Âti dönemi (1909-1912);
- Milli edebiyat dönemi (1911-1923);
- Cumhuriyet ve sonrası. (1940-....)[7]

Edebî sanatlar, dilin gerçek ve sembolik her türlü anlamını karşılamak, az sözle çok şey ifade etmek, anlam ve çağrışım ilgileri kurmak, harf ve sözcüklerin şekil olarak görüntülerinden ve ses değerlerinden yararlanmak amacıyla üretilmiş söz söyleme sanatlarıdır. Edebî sanatlar, ince duyguların, keskin zekâların ve estetik duyarlılığın ürünü olarak doğmuştur [7].

Türk edebiyatında en eski dönemlerden günümüze kadar, özellikle Klâsik (Divan) Türk edebiyatında edebî sanatlara büyük önem verilmiştir. Bu sanatları belli başlı şu başlıklar altında toplayabiliriz:

Mecaz Sanatları: Tesbih (Benzetme), İstiare (İğretileme), Kinaye, Mecaz-ı Mürsel, Tariz, Kişileştirme (Teshis ve İntak).

Anlam Sanatları: İham, Tevriye, İstihdam, Tenasüp, Leff ü Neşr, Tecahül-i Arif, Hüsn-i Talil, Sihri Helâl, Mübalağa (Abartma), Tezat (Karşıtlık), İstidrak, Tekrir, Nidâ, İstifham, RücuTefrik, Terdit, İltifat, Telmih (Anıstırma), İrsal-i Mesel, İktibas.

Söz sanatları: Cinas, Kalp, İstikak, Akis (Yansıma), İade, Tarsî, Akrostiş, Leb-Değmez [7].

Şiirde çoğunlukla dizelerin sonunda, kimi zaman da dizelerin başında ya da içinde; anlamca ayrı en az iki sözcük arasındaki ses ya da seslerin benzeşmesine **uyak denir**. Yüzyıllarca uyak ile şiir öyle birlikte kullanılmıştır ki, şiir denilince akla gelen ilk özelliklerinden biri de uyaktır.

Dizilişlerine Göre Uyak Türleri.

Uyak dizilişleri nazım biçimlerine göre olmakla birlikte kendi içinde düz, çapraz, sarmal, örüşük uyak gibi türlere ayrılır.

Düz Uyak: Şiirin nazım birimindeki bütün dizeler kendi içinde uyaklanırsa, buna Düz Uyak denir: **aaaa-bbbb, aaa-bbb...**

Çapraz Uyak: Nazım birimi dörtlük olan bir şiirde uyak, birer dize atlayarak kurulursa çapraz uyak oluşur: **abab-cdcd...**

Sarmal Uyak: Nazım birimi dörtlük ya da üçlük olan bir şiirde uyak, her birimde, ilk dize ile son dizede aynı olursa sarmal uyak denir. Ara dize ya da dizelerde uyak ilk dizeden ayrılır: **abba cddc...**

Örüşük uyak (Terza rima): Türk Edebiyatına Fransız edebiyatından geçmiş, ilk kez Servet-i Fünun edebiyatında terza-rima nazım biçiminde kullanılmıştır. Uyak dizilişi: **aba-bcbcdc- ded... dır** [7].

Ses Benzerliklerine Göre Uyak Türleri

.... <i>geldi</i> <i>deldi</i>	-el – tam kafiye - di- redif
.... <i>attı bu yanaştıkça biraz</i> <i>kalktı bütün nâz ü niyâz</i>	-tı -redif -az - tam kafiye

Parçada *rûy-i nigâr* (pembe renkli üzüm çeşidi) ve *nâz ü niyâz* (şımarma, yalvarma) farsça tamlamalarına rastlıyoruz.

Parçada Kapalı İstiareyi görüyoruz: *üzüm hasreti bağrın deldi* – hasret bir hançere benzetiliyor, ama kendisine benzetilen unsur söylenmediği için bu istiare, Kapalı İstiairedir.

Ayrıca yazar eserinde tilkiyi ve eşeği konuşturup, Teşhis (kişileştirme) ve İntak (konuşturma) sanatlarını kullanmış.

Parçayı okudumuz zaman çıplak bir ifade tarzıyla yazıldığını görüyoruz, hikayenin mesnevi şeklinde yazıldığına rağmen, şair dili sadelleştirmeye çalışmış, canlı, hareketli, konuşma sentaksına yakın bir mısra yapısı kurmayı denemiştir. İbrahim Şinasi Efendi'nin "Eşek ile Tilki Hikayesi" batılı anlamda ilk fabl örneği olan manzumelerden biri. Hikayde alaylı bir şekilde sosyal problemler, insanlar arasındaki ilişkiler gibi konular kaleme alınıyor.

Ziya Paşa'nın en meşhur şiirlerinden birisi olan "**Terkib-i Bend**"den bir parçayı inceleyelim:

<i>Her</i>	<i>şahsı</i>	<i>harîm-i</i>	<i>Hak`a</i>	<i>mahrem</i>	<i>mi</i>	<i>sanırsın</i>
<i>Her</i>	<i>tâc</i>	<i>giyen</i>	<i>çulsuzu</i>	<i>Edhem</i>	<i>mi</i>	<i>sanırsın</i>
<i>Çok</i>	<i>mukbili</i>	<i>gördüm</i>	<i>ki</i>	<i>güler</i>	<i>içi</i>	<i>kan</i>
<i>Handan</i>	<i>görünen</i>		<i>herkesi</i>	<i>hurrem</i>	<i>mi</i>	<i>ağlar</i> <i>sanırsın</i>
<i>Bil</i>	<i>illeti</i>	<i>kıl</i>	<i>sonra</i>	<i>müdâvâta</i>		<i>tasaddî</i>
<i>Her</i>	<i>merhemi</i>	<i>her</i>	<i>yâreye</i>	<i>merhem</i>	<i>mi</i>	<i>sanırsın</i>
<i>Kibre</i>	<i>ne</i>	<i>sebeb</i>	<i>yoksa</i>	<i>vezirim</i>	<i>deyü</i>	<i>gerçek</i>
<i>Sen kendini destûr-ı mükerrerem mi sanırsın</i>						

.....
Allah'a tevekkül edenin yaveri Hak'dır
Nâşâd gönül bir gün ohur şâd olacaktır[1]

Şiir aruz ölçüsüyle yazılmış:

— . / . — . / . — . / . —
— . / . — . / . — . / . —

Mef'ûlû / Mefâilû / Mefâilû / Feûlün

Terkib-i Bend klasik Türk Edebiyatının nazım şekillerindendir. Terkib-i Bendler genellikle 5-10 beyitten oluşan bendler halinde yazılır. Bentlerin **kafiye** düzeni gazele

benzer. Her bendin (terkib-hane, kıta) sonunda vasıta beyti denen bir beyit vardır. Her bendin sonunda farklı vasıta beyitleri kullanılır. Bunlar bentlerden ayrı olarak kendi aralarında uyaklanır [5]. Parçanın kafiye şeması: **aa ba ba ba bb**.

Şiirin kafiye ve redifleri:

.... <i>mahrem mi sanırsın</i> <i>Edhem mi sanırsın</i> <i>hurrem mi sanırsın</i> <i>merhem mi sanırsın</i> <i>mükerrem mi sanırsın</i> <i>Hak'dır</i> ... <i>olacaktır</i>	-em mi sanırsın – redif - ır – tam kafiye

Parçada, bazı kelimelerin tekrarlanmasını görüyoruz. Mesela, *her* kelimesi:

Her şahsı harîm-i Hak'a mahrem mi sanırsın
Her tâc giyen çulsuzu Edhem mi sanırsın
Her merhemi her yâreye merhem mi sanırsın

Bununla birlikte yazar ses yinelemeleri de (Aliterasyon'u) kullanmış, parçada -m-, -r-, -h-, -k- sessizlerin tekrarlanmasını görüyoruz. Aliterasyonlar şiiri zenginleştirir, monotonluktan kurtarır ve şiirin müzikal yapısını oluşturur. Böylece metnin akılda daha da kalıcı olmasını sağlar ve okuyanda müzikal bir zevk uyandırır.

Parçaya baktığımız zaman kelimelerin çoğunun arapça ve farsçadan alındığını görüyoruz: *mukbil, illet, destur, mahrem, müdâvât, tasaddî*; ayrıca farsça tamlamalarının da kullanıldığını söyleyebiliriz: *harîm-i Hak* (Hak dostu), *destûr-ı mükerrem* (muhterem, aziz, müsaade alan kişi).

Parçadaki edebi sanatlarına bakarsak, şair kinayeli söyleyişlere başvurmuş: *Bil illeti kıl sonra müdâvâta tasaddî* (öğren hastalığı sonra ona derman aramaya koyul); buradaki hastalık mecaz anlamıyla kullanılmış, aslında şair hastalık kelimesiyle toplumun eksiklerini ifade ediyor.

Taç giyen çulsuz: burada kapalı bir istiare görüyoruz, *çulsuz* derken, şair

dönemdeki edepsiz erkanları kastediyor, bunu biz “*taç*” kelimesinden anlayabiliriz.

Bend'in içeriğine bakarsak, şair, insana dair düşünce ve kanaatlerini ifade etmiş. Devrin sosyal, siyasî ve kültürel hayatında olan sorunlara değinmiş. Ziya Paşa'nın, eserinde daha çok insanın acizliği, fâniliği ve hamurunun bozukluğu hususlarında yoğunlaştığı görülür.

Böylece Tanzimat döneminin Şiiri hakkında bunları söyleyebiliriz: dönemin şairleri halk için yazma görüşünün sonucu olarak konuşma dilinin yazı dili haline getirilmesini savunmuşlar; ama çoğu böyle düşündüğü halde eski alışkanlıklarından tamamen kurtulup konuşma dilinde yazmış değillerdir.

Tanzimat şiirinde ağır basan konular: Sosyal Ögeler (akıl, kanun, adalet, hak, millet, medeniyet, kültür.). Bununla birlikte Metafizik Ögeler (varlık, yokluk, ölüm, ruh, Allah.) konuları işlenmiştir.

Şiirde divan edebiyatında olduğu gibi aruz ölçüsü kullanılmıştır. Şiirde kinayeli söyleyiş, mecaz anlam, kapalı istiare gibi edebi sanatlara başvurulmuştur.

Görüldüğü gibi bu dönemin edebiyatçıları Batı edebiyatını örnek alırken, halkın anlayabileceği yeni bir dil ve anlatım da aramışlardır. Divan şiirindeki parça güzelliği anlayışı yerine bütün güzelliğine önem verilir. Şiirin başından sonuna kadar bir düşünce etrafında gelişmesine ve konu birliğinin sağlanmasına çalışılır.

Servet-i Fünun Edebiyatı (1896-1901).

Servet-i Fünun, gerçekte, daha çok bilimsel yazıların yayımlandığı bir dergidir. Dergi ilk başta bir bilim dergisi olarak yayın hayatına başlamıştır. Ancak 1896'da yazı işleri müdürlüğüne Tevfik Fikret'in getirilmesiyle bir edebiyat ve sanat dergisi durumuna gelir. Zamanın önde gelen ve batılı tarzda bir edebiyattan yana olan yazarlar bu dergide toplandığı için, Servet-i Fünun adı dönemin de adı olur [7]. Dönemin ikinci adı "Edebiyat-I Cedide".

Servet-i Fünun şair ve yazarları, Tanzimat edebiyatıyla gelen batılı tekniği geliştirmişlerdir. Sonuçta Servet-i Fünuncuların çabalarıyla Avrupaî tarzda bir edebiyat oluşmuştur.

Dönemin en ünlü şairlerin eserlerine bakalım:

Cenab Şahabeddin "Elhan-ı Şitâ" şiirinin parçasını inceleyelim,

Bir beyaz lerze, bir dumanlı uçuş;
Eşini gaib eyleyen bir kuş
Gibi kar
Geçen eyyâm-ı nevbahârı arar...
Ey kulûbün sürûd-i şeydâsı,
Ey kebûterlerin neşîdeleri,
O bahârın bu işte ferdâsı:
Kapladı bir derin sükûta yeri
Karlar
Ki hamûşâne dem-be-dem ağlar!

.....
Karlar.. bütün elhânı mezâmîr-i sükûtun,
Karlar.. bütün ezhârı riyâz-ı melekûtun...
Dök hâk-i siyâh üstüne, ey dest-i semâ dök,
Ey dest-i semâ, dest-i kerem, dest-i şitâ dök:
Ezhâr-ı bahârın yerine berf-i sefidî;
Elhân-ı tuyûrun yerine samt-ı ümîdî!..[1]

Şiir aruz ölçüsüyle yazılan üç bölümden oluşuyor ve her bölümün ölçüsü birbirinden farklıdır. Böyle nazım biçimine serbest müstezat nazım şekli denir. Bu nazım şeklinde uzun, kısa, çok kısa dizeler bazen düzenli, bazen de düzensiz olarak tekrarlanırlar, kısa mısraların ölçüsü, şiirin ölçüsünün bir parçasıdır, kafiye düzeni belirli bir kurala bağlı değildir, aruz ölçüsüyle yazılır.

1. bölümün ölçüsü

Bir beyaz lerze, bir dumanlı uçuş;
Eşini gaib eyleyen bir kuş

.. _ _ / . _ _ / .. _ _
 .. _ _ / . _ _ / .. _ _

Fe'ilâtün / mefâ'ilün / fe'ilün

3. bölümün ölçüsü

Karlar.. bütün elhânı mezâmir-i sükûtun,
 Karlar.. bütün ezhârı riyâz-ı melekûtun...

_ _ / . _ _ / . _ _ / . _ _
 _ _ / . _ _ / . _ _ / . _ _

Mef'ûlû / mefâ'ilû / mefâ'ilû / fe'ûlün

Şiirin her bölümün ölçüsü farklı olduğu gibi, bölümlerin kafiyeleri de farklıdır. Bölümelerde düz (aa bb) ve çapraz (cd cd) kafiye düzeni kullanılmış.

Bir beyaz lerze, bir dumanlı uçuş; (a)
 Eşini gaib eyleyen bir kuş (a)

Gibi kar (b)

Geçen eyyâm-ı nevbahârı arar... (b)
 Ey kulûbün sürûd-i şeydâsı, (c)
 Ey kebûterlerin neşîdeleri, (d)
 O bahârın bu işte ferdâsı: (c)

Kapladı bir derin sükûta yeri (d)

Şiirin kafiye ve redifleri:

.... uçuş	-uş- tam uyak
.... kuş	
....kar	-ar- tam uyak
....arar	
.... şeydâsı	-da- tam uyak
.... ferdâsı	-sı- redif
.... neşîdeleri	-er- tam uyak
... yeri	-i- redif
.... sükûtun	-ût- tam uyak
.... melekûtun	-un- redif
.....dest-i şitâ dök	- â- tam uyak
.... dest-i semâ dök	-dök- redif
....sefidi	-îd- tam uyak
....ümîdi	-i- redif

Şiirde kullanan edebi sanatlara bakarsak, ilk mısradaki şair karı beyaz lerzeye (titreyişe), dumanlı uçuşa benzetiyor; bunu biz ikinci mısradan anlıyoruz. İkinci mısradaki ise Kısaltılmış Benzetme kullanılmış (benzetme yönü söylenmediği benzetme):

Eşini gaib eyleyen bir kuş gibi kar

Benzetilen: kar

Kendisine benzetilen: eşini kaybeden kuş

Benzetme edatı: gibi

Sonraki mısralarda şair karları bunlara benzetiyor:

Ey kulûbün sürûd-i şeydâsı, (kalplerin divane şarkısı)

Ey kebûterlerin neşîdeleri, (güvercinlerin şiiri);

buna Uz Benzetme (Teşbih-i Belîğ), yani benzetme yönü be benzetme edatı bulunmayan benzetme.

Son bölümünde şair:

Karlar.. bütün elhânı mezâmîr-i sükûtun (Karlar, sessizliğin dualarının bütün nağmeleri),

Karlar.. bütün ezhârı riyâz-ı melekûtun.. (Karlar, melekler aleminin çiçekleri); mısralarında karları sessiz duaların nağmelerine ve melekler aleminin çiçeklerine benzetmiş, bu mısralarda da Teşbih-i Belîğ sanatı kullanılmış.

Dök hâk-i siyâh üstüne, ey dest-i semâ dök,

Ey dest-i semâ, dest-i kerem, dest-i şitâ dök.

Bu mısralarda dest-i semâ (göğün eli), dest-i kerem (cömertlik eli) söz öbekleri mecaz anlamıyla kullanılmış ve Mecaz-ı Mürsel sanatından yararlanılmış.

Ayrıca, şiirde bahar ile kar kelimeleri bir arada kullanarak Tezat (karşıtlık) sanatından yararlanmıştır. Tezat sanatını bu mısra da görüyoruz Ezhâr-ı bahârın yerine berf-i sefidî; (bahar çiçeklerin yerine beyaz karları...).

Bununla birlikte parçada bazı kelimelerin tekrarlanmasını görebiliyoruz, kar kelimesi satır başlarında birkaç kez yineleniyor; dest (el) kelimesi bir beyit içerisinde dört kez tekrar ediliyor. Parçada oldukça farsça tamlamalarını da bulunduğunu söyleyebiliriz: eyyâm-ı nevbahâr (ilkbahar günleri), sürûd-i şeydâ (divane türküler), mezâmîr-i sükût (sessizlik ilahileri), riyâz-ı melekût (melekler aleminin bahçesi), dest-i semâ (gök eli), dest-i şitâ (insan eli), dest-i kerem (cömertlik eli), berf-i sefidî (beyaz kar), Elhân-ı tuyûr (kuşların nağmeleri), samt-ı ümîd (umit sesi).

Dönemim başka bir büyük şairi **Tevfik Fikret**. Onun “**Balıkçılar**” adlı şiirini inceleyelim:

Bugün açız yine evlatlarım, diyordu peder
Bugün açız yine; lakin yarın, ümid ederim
Sular biraz daha sakinleşir... Ne çare, kader
- Hayır, sular ne kadar coşkun olsa ben giderim
Diyordu oğlu, yarın sen biraz ninemle otur
Zavalılık yine kaç gündür işte hasta....
-Olur

Deniz ufukta, kadın evde muhtazır... Ölüyor
Kenarda üç gecelik bar-ı intizariyle
Bütün felaketinin darbe-i hasariyle
Tehi, kazazede bir tekne karşısında peder

Uzakta bir yeri yumrukla gösterip gülüyor
Yüzünde giryeli, muzlim, boğuk şikayetler..[1]

Şiirin ölçüsü:

. _ . / .. _ _ / . _ . / .. _
 . _ . / .. _ _ / . _ . / .. _

Mefâ'ilün / fe'ilâtün / mefâ'ilün / fe'ilün

Nazım biçimi: "Balıkçı" şiiri, **manzum bir hikâyedir**. Batı edebiyatından alınan bir nazım şeklidir. Manzum hikâyelerin öykülerden tek farkı şiir biçiminde yazılmış olmalarıdır. Hikâyede bulunan bütün özellikler (olay, yer, zaman, kişiler) manzum hikâyede de bulunur. Manzum hikâyelerde şairler ya bir olayı anlatırlar, ya da öğüt vermek gayesini güderler. Bu tür Servet-i Fünun döneminde en etkili hale gelmeye başlamıştır. En büyük iki temsilcisi Tevfik Fikret ve Mehmet Akif Ersoy'dur.

Bu tür hikâyelere **didaktik şiir** de denilir. Didaktik Şiir belli bir düşüncüyü aşlamak veya belli bir konuda öğüt, bilgi vermek, bir ahlak dersi çıkarmak amacıyla öğretici nitelikte yazılan, duygu yönü az olan şiir türüdür. Kısaca öğretici şiirdir.

Şiirin kafiye ve redifleri: Şiirde düzenli bir dize kümelenişi yoktur. Anlamaların bittiği yerde dizelerin kümelenişi bitmektedir. Bu bakımdan nazım birimine "bend" demek daha doğru olur. Dönemin şairleri "Göz uyağı" yerine "kulak uyağı" anlayışını benimsemişlerdir.

....	peder	-er- tam uyak
....	kader	
....ederim		-er- ; -im- redif
....giderim		
...otur		-ur- tam uyak
....olur		
....ölüyor		-ü-, -yor- redif
....gülüyor		
....intizariyle		-ar- tam uyak
....hasariyle		-i- ; -y- ; -le- redif
....peder		-er- tam uyak
....şikayetler		

Parçada benzetme ve mecazlara rastlamıyoruz, olay basit ve anlayışlı dille anlatılıyor. Çok fazla Farsça isim tamlaması ile karşılaşmıyoruz: *bar-ı intizarı* (bekleyiş yükü), *darbe-i hasarı* (hasar darbesi).

Bugün açız yine evlatlarım, diyordu peder
Bugün açız yine; lakin yarın, ümid ederim

Yukarıdaki satırlarda, mısra başı tekrarlarlı görüyoruz. Ayrıca, şair sulara sakin ve coşkun niterliklerini vererek Teşhis sanatını kullanmış. İlk dörtlükte *d*, *r*, *k* harflerin tekrarlanmasıyla şair hüznün ve çaresizlik atmosferini yansıtmak için Aliterasyon'u kullanmış.

Edebiyat-ı Cedide şiirinin kuvvetli muziki lisanı vardır. Dönemin şairlerinin en göze çarpan yenilik, Batı edebiyatının klasik nazım şekillerinden olan sonnet'i kullanmaları ve

Aruz vezniyle bir serbest nazım çıkışı açmalarıdır [2]. Bu nazım şekline Serbest Mustezat adı verilir. Şiirlerde hem uzun hem kısa mısraları kullanır ve onlar kimi zaman belli bir düzen içinde sıralanır, kimi zaman da herhangi bir düzene bağlanmamış olur. Şiirde üç değişik biçim kullanmıştır. Kafiye hakkında ise, "Göz uyağı" yerine "kulak uyağı" anlayışını benimsenmiştir. Nazım nesre yaklaştırılır. Dizeler yan yana getirilip okunduğunda kurallı bir nesir yazısı ortaya çıkmaktadır. "Mensur şiir" örneklerine ilk kez bu dönemde rastlanmaktadır.

Şairler, "Sanat, sanat içindir" anlayışı ile hareket ettikleri için, konuşma dilinden uzaklaşarak, anlaşılamayan bir dil ile söyleyişe yöneldiler. Eserler yabancı söz ve Farsça tamlamalarla yüklüdür. Ama Tevfik Fikret'in "Balıkçılar" şiirine bakarsak dil çok anlayışlı ve anlatım canlıdır, ayrıca konuşmalarda halk söyleyişi ustalıkla kullanılmış: "Zavallılık yine kaç gündür işte hasta; Deniz kadın gibidir hiç inanmak olmaz ha!"

Şiirde ilk defa bu dönemde konu bütünlüğü sağlanmıştır, klasik beyit anlayışı yıkılmış, şiirde anlam dizeden dizeye taşınmıştır. Dönemdeki şiirde en çok işlenen konular: günlük yaşam, aşk, doğa görüntüleri, karamsarlık, düş kırıklıkları, ölüm. Şairlerin günlük yaşamlarında karşılaştıkları olaylar şiirin konusu olmaya başlamıştır. Gerek ruhsal yapıları gerek devrin baskıcı yönetimi yüzünden, şairlerin bireysel temalara ağırlık vermesiyle aşk, tabiat, aile hayatı konuları önem kazanmıştır.

Araştırmanın sonuçları: araştırmada Tanzimat (1860-1895) ve Servet-i Fünun (1896-1901) Edebiyatı dönemlerinin bazı şiirlerinin özelliklerini inceledik. Bunun için dönemlerin ünlü şairlerinin eserlerinden yararlandık ve araştırmada dönemlere ait şiirlerinin ölçülerini, nazım şekillerini, kafiye ve rediflerini, kullanılan edebi satatlarını, şiirlerin konularını belirledik. Böylece Türk Şiirinin 1860-1901 yıllar arasında Batı Şiirinden nasıl ve hangi yönlerden etkilendiğini ve bu dönemde Türk Şiirindeki değişmelerini incelemiş olduk.

Araştırmanın perspektifleri: çalışma, Türk Edebiyatı öğrenen yabancılar için kullanılabilir, şiir tahlili yapan öğrenciler için de faydalı olabilir. Araştırma devam edecek ve gelecek çalışmalarda Fecr-i Ati ve Milli Edebiyatı dönemlerin Şiiri tahlil edilecek.

Kaynakça

1. Aktaş Ş. Türk Şiiri ve Antolojisi /Akçağ Yayınları, 1. cilt, 1996 – Ankara, 624s. – ISBN 975-338-122-0
2. Banarlı N.S. Resimli Türk Edebiyatı Tarihi / M.E.B. Yayınları, 2. cilt, 2005 – İstanbul, 1366s
3. Bogochanskaya N. N. Bolshoy Turetsko-Russkiy Slovar. 450 000 slov i slovosochetaniy / N.N. Bogochanskaya, A.S. Torgashova – M.: OOO "Dom slavyanskoy knigi", 2009 – 960 s. – ISBN 978-5-91503-066-3
4. Demiray K. Temel Türkçe Sözlük / İnkılap Kitabevi, Yayın Sanayi ve Ticaret A.Ş. 1088s. – – ISBN 975 -10-1731-9
5. Edebiyat Ders Kitabı 1 / M. Küçük, M. Şenol, A. Kılınç, A. Avcı; Sürat Yayınları, 1995 – Üsküdar/İstanbul,293s. – ISBN 975-7205-08-7
6. Onay A. T. Türk Şiirlerinin Vezni / Akçağ Yayınları, 1996 – Ankara, 224s. – ISBN 975-338-161-1
7. Türk Dili ve Edebiyat Sitesi [elertronik kaynak]. – Erişim modu: <http://edebiyol.com/index.html>
8. Büyük Türkçe Sözlük. Türk Dili Kurumu [elertronik kaynak]. – Erişim modu: http://www.tdk.gov.tr/index.php?option=com_bts&view=bts

Сейтумерова Э. С. Особенности турецкой поэзии XIX-XX веков / Э. С. Сейтумерова // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 142–152.

В статье была рассмотрена турецкая поэзия периода 1840-1970 годов, проанализировано развитие и становление поэзии в данный период, рассмотрена тематика произведений, формы построения стиха и изобразительные средства, использованные в поэзии данного периода. В результате исследования были сделаны выводы о том, как изменялась тематика произведений в течение данного периода, какие формы стихосложения применялись на различных этапах, а также рассмотрены изобразительные средства, применяемые авторами различных периодов.

Ключевые слова: Танзимат, Сервети Фюнюн, Феджри Ати, хедже, рифма, терцина, перекрестная рифма, обрамляющая рифма, смежная рифма, метафора, гипербола, метонимия.

Сейтумерова Е. С. Особливості турецької поезії XIX-XX століть / Е. С. Сейтумерова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 142–152.

У статті була досліджена турецька поезія періоду 1840-1970 років, проаналізовано розвиток та становлення поезії в даний період, розглянуто тематику творів, віршовий розмір та художні засоби, використані в поезії цього часу. В результаті дослідження був зроблений висновок щодо змін в тематиці творів протягом зазначеного часу, віршованих розмірів, які було вжито, а також розглянуті художні засоби, які застосовували автори у різний час.

Ключові слова: Танзімат, Серветі Фюнюн, Феджрі Аті, хедже, рима, терцина, перехресна рима, охоплююча рима, метафора, гіпербола, метонімія.

Seytumerova E. S. Specificity of Turkish poetry in XIX-XX centuries / E. S. Seytumerova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 142–152.

In this article the Turkish poetry of period 1840-1970 years were analyzed, also the development and formation of poetry in this period and the literary devices which were used in the poetry of period where considered.

By the early 19th century, the Ottoman Empire had become moribund. Attempts to right this situation had begun during the reign of Sultan Selim III, from 1789 to 1807, but were continuously thwarted by the powerful Janissary corps. As a result, only after Sultan Mahmud II had abolished the Janissary corps in 1826 was the way paved for truly effective reforms.

These reforms finally came to the empire during the Tanzimat period of 1839–1876, when much of the Ottoman system was reorganized along largely French lines. The Tanzimat reforms "were designed both to modernize the empire and to forestall foreign intervention".

Along with reforms to the Ottoman system, serious reforms were also undertaken in the literature, which had become nearly as moribund as the empire itself. Broadly, these literary reforms can be grouped into two areas:

changes brought to the language of Ottoman written literature;
the introduction into Ottoman literature of previously unknown genres.

As a result of the study were made conclusions about changes of topics, forms of versification during of period, and also considered literary devices used by authors of period.

Keywords: Tanzimat, Serveti Funun, Fegri Ati hege, rhyme, terza rima, cross-rhyme, metaphor, hyperbole, metonymy.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 81.411.21'373.613:811.1/.2

THE INFLUENCE OF EUROPEAN LANGUAGES ON MODERN LINGUISTIC ENVIRONMENT OF ARABIC COUNTRIES

Lapina A. M.

*Taurida National V. I. Vernadsky University
Email: Lusha_93@mail.ru*

In this article the author studies the role of the European languages, namely English and French, in the formation of modern linguistic situation in Arabic countries. The work represents an examination of the influence of these two languages on the new form of Classical Arabic – Modern Standard Arabic in lexicology, syntax and grammar. We have also analyzed the regional impact of French and English concretely in Maghrib countries and Egypt.

Today, the language, that serve communicational needs of Arabic society is not that Classical Arabic, with which The Holy Quran was written, and which is taught in Universities. Its modern variety, which is named as Modern Standard Arabic has undergone grate changes in all the language levels, the main part of which has been the impact of European languages impact. This is the official language, that is used in mass media, science, law and education. That is why, in order to communicate in effective way and to translate Arabic correctly, the modern philologist should be aware of the specific features of grammar and lexical structures of Modern Spoken Arabic, that are the loantranslations or just calques from English and French and that are not documented in any grammar directory of Arabic.

From the end of XVIII century after the Napoleon's campaign western culture started penetrating into Arabic world and became something of the kind of vogue dictator in Arabic society. Later, the process of Arabic uplift of Arabic national self-consciousness and national self-identification took place, nevertheless the linguistic impact of Europeanization of Arabic society rest enormous. As the most predominant place in Arabic history is assigned to England, France and Spain, the main sources for the Arabic language conversion are represented by English language, French and Spanish respectively. In this work we are given the analysis of the English and French linguistic impact particularly.

Keywords: Modern Standard Arabic, codification, simplification, borrowing.

The primary aim of the research is to study the role of the European languages, namely English and French, in the formation of modern linguistic situation in Arabic countries. During our work we have studied the influence of these two languages on the new form of Classical Arabic – Modern Standard Arabic in lexicology, syntax and grammar. We have also analyzed the regional impact of French and English concretely in Maghrib countries and Egypt.

The actuality of the work lies in the fact, that today the language, that serves communicational needs of Arabic society is not that Classical Arabic, with which The Holy Quran was written, and which is taught in Universities. Its modern variety, which is named Modern Standard Arabic has undergone grate changes in all the language levels, the main part of which has been produced by European languages impact. This is the official language, that is used in mass media, science, law and education. That is why, in order to communicate in effective way and to translate Arabic correctly, the modern philologist should be aware of the specific features of grammar and lexical structures of Modern Spoken Arabic, that are the loantranslations or just calques from English and French and that are not documented in any grammar directory of Arabic.

The subject of study is the Modern Arabic Language, used ubiquitously in all Arabic countries as the official through the analyzing of its linguistic usage in the press texts of Morocco, Tunisia and Egypt. The study is based on these countries because of their exceptional role in the developing of Arabic society.

The theory significance of the study is that this work results supplements and develop the few scientific researches on the processes influencing the formation of Modern Standard Arabic, which are the keys for its competent comprehension.

The practical significance of the study can be characterized by the recommendations for the Arabic translation based on the specific features of the number of lexical and grammatical structures popular in everyday communication in Arabic world.

Within the main aims, these are the chapters included in the research

1. The factors influencing the development of classical Arabic. The simplification tendency.
2. The Characteristic of The New Language. The Standardization Process.
3. The Influence of Europeanization on Arabic Language.

The Arabic countries of Asia and Africa as the object of linguistic research represent the extremely complex and unique phenomenon. In spite of ethnical differences ubiquitous use of Arabic language is characteristic for all of them. Nowadays all the population of Arabic countries know Arabic language although in different degrees that is one of characteristic features of the extralinguistic situation in Arabic world.

That fact, that every language represents a live system that changes within a time and historical circumstances is indisputable. In this regard, Arabic language is not an exception and the bigger the globalization is the deeper is the influence of other languages on it, especially European ones. From the end of XVIII century after the Napoleon's campaign western culture started penetrating into Arabic world and became something of the kind of vogue dictator in Arabic society. Later, the process of Arabic uplift of Arabic national self-consciousness and national self-identification took place, nevertheless the linguistic impact of Europeanization of Arabic society rest enormous. As the most predominant place in Arabic history is assigned to England, France and Spain, the main sources for the Arabic language conversion are represented by English language, French and Spanish respectively.

Nowadays the linguistic situation in the Arab World is far more complicated as it may seem to be. Fourteen centuries have passed from the emergence of the Arabic and as any other language Arabic has been undergone a great change. Within the saturated history and enormous social, cultural and scientific interaction of Arabs with external, especially western, world the contemporary Arabic represents a wide number of language varieties from the classical "high" form to the colloquial "low" one. Following Badawi nowadays *five levels* of Arabic function, these are: "fusha al-turath" - Classical Arabic, "Fusha al-'asr" - Modern Standard Arabic, " 'ammiyyat al-muthaqqafin" - Educated Spoken Arabic/Formal Spoken Arabic, " 'ammiyyat al-mutanawwirin " - Semi-literate Spoken Arabic and " 'ammiyyat al-'ummiyyin" - Illiterate Spoken Arabic.

Between the general tendency for the **simplifications** there can be defined several particular changes. For example:

1. The reducing of a sometimes wide number of possible plural forms of the noun to a single one or, in some cases, two. There was five variants of plural for the word wadin (valley) and now only two are in use – widyan and ‘awdiya. The word jazirah (island) had formerly two plurals and now only one – juzur.

2. A normalization of the grammatical gender of the noun zawj, which indicates both male and female gender in classical Arabic. Now, the female form zawjah is used, however Egyptian novelist Najib Mahfuz consistently uses the form zawj for both genders.

For the complete understanding of the term **standard language** meaning we turned to Mol, who underlines the political constituent of the decision in selecting the language form among various dialects, classical traditions or the creation of a completely new norm [6]. According to Mol [6] the process of standardization includes four aspects, these are: selection, codification, elaboration and propagation.

Following different opinions the term Modern Standard Arabic relates to different time frames. Rydings [7] says, that modern period of Arabic dates back to the end of 18th century. The same idea is followed by Tapiero [1]. Bathurst and Blohm [6] name the modern period the one after World War II. Nevertheless, it is generally accepted, that definitely the second part of 20th century became a turning point in the understanding of need for revision and codification of the contemporary form of developed Classical language.

Many linguists, especially western, separate Classical Arabic, the literary language of previous eras and the contemporary form of traditional language, commonly known in Western world **Modern Standard Arabic** [8]. As the contemporary Arabic meets four characteristics of standardization it would be more correct to label this variety as Modern Standard Arabic in contrast of Arabic dialects and Classical Arabic.

Europe has always been the trendsetter in every sphere of life: science, art, government. With the beginning of European colonization of Arabic world, it also started acquiring European tendencies that in its turn influenced Arabic through all the Middle East in every language level: lexicological, phonetic and syntactic. The Modern Arabic grammar has undergone changes as well, only in spelling and morphology Modern Standard Arabic has preserved its ancient character. It should be mentioned that Modern Standard Arabic has been formed under the influence of English, French, Italian, Spanish, Dutch and others European languages, and in this work we study only French and English impact, as the biggest and the most essential one that spread not only in some particular region but became a part of lingua franca through all the Arabic world.

The **lexicological level** is the biggest one that was subjected to. In this field we can accentuate following groups of borrowings:

1). *Semantic loantranslations*. These are the words that accepted a new meaning similarly to its foreign analogue. There come several examples:

صندوق – “saving bank”. Originally this word meant a crate for storing treasure. It became “bank” analogically with the influence of the French caisse.

حركة – “movement”, with the example of French mouvement is now also used in sociological sense as in political movement.

2). *Word-formative loantranslations*. These are the words and collocations formed analogically to the foreign ones, sometimes contrary to the rules of accepting language.

For example, although, in Semitic languages compound words of the type preposition + noun are rare a lot of French words with the preposition sous – “under” induced the emergence of Arabic words with its preposition تحت:

تحت شعور - the lexicological loantranslation from English subconscious

3). *The phraseology impact*

انقذ الموقف – “save the situation” is the loantranslation from French sauver la situation.

طلب يدها – “to ask the hand of”. The original Arabic word خطبها – has become more limited. On its place the loantranslation from French demander la main came into vogue.

Among **syntactical constructions** of Modern Standard Arabic the phenomenon with Arabic word هناك – “there” takes a lot of attention. Nowadays it is used very widely (ليس هناك أمل – “there is no hope”) that can be explained as being the loantranslation of English word there from the expression there is, but it is not generally truth. In Classical Arabic there are constructions with هناك as ثلاثة حرمان – “there was three prohibitions”. So, we can say that the English “there” just gave rise to a phenomenon completely alien to Arabic, but rather that among the contesting words it made هناك prevail.

The Europeanization of Arabic also gave rise to the emergence of collocations, not peculiar to it. For example:

1. Definite + definite (اسم معرف + اسم معرف)

“double-sided conversation” - حوار الجنوب الجنوب

2. Name of place + name of place (علم مكان + علم مكان)

“battle Argun- Sakif” - معركة ارغون - السقيف

“route Cairo – London – New York” - خط القاهرة-لندن-نيويورك

3. Indefinite place name+ indefinite place name (نكرة مكانية + نكرة مكانية)

“ground – to – ground rocket” - صاروخ ارض ارض

“air – to – ground rocket” - صاروخ ارض جو

The translation of Western press often is accompanied with the loantranslation of not only word structures, but also of tense structure. For example, after analyzing several sentences we can find the tens structures that do not have place in Classical Arabic. For example the conditional structure كان ستكون, that is a loantranslation of English would have been or could have been. There are the examples:

حركة رائعة من كريستيانو رونالدو لو سجلها كانت ستكون احسن هدفا في التاريخ (1).

If Cristiano Ronaldo had succeeded in doing that trick, it would have been the best goal in history.

The researches made have helped to build the complete understanding of the process of the Classic Arabic development and the Modern Standard Arabic formation. The language that is used by the speakers in modern Arabic world is not that Classical Arabic, with which The Holy Quran and first classical grammar works were written. The casting factor in the formation of new variant of Arabic is the globalization process, and applicably to Arabic world this is namely the Europeanization process.

The results show that the main mass of language modifications concerns the lexical system of Arabic language. The most interesting is the fact, that the new lexical structures has appeared not with the development of scientific and technical progress, but also as the substitutes of classical ones following the simplification tendency thereby cutting the volume of active language vocabulary.

The perspectives of the research are in the improvements of work of philologists and interpreters in the fields of grammatical material drafting and educational process for the efficiency increase :

1. The general practice of drafting vocabularies and grammar textbooks must be changed taking into account new lexical, syntactic and grammar structures;
2. The translations from and to Arabic must be always oriented to the auditory of the concrete region, because if the interpreter loses sight of or underestimates the role of territorial differences of Arabic vocabulary, this can negatively affect the quality of the translation;
3. The education of Arabic language as the foreign one should be based on the manuals, composed with taking into account the features inherent to Modern Standard Arabic as the language that is de facto in use in Arabic society. Without this, the graduates Arabists can experience certain difficulties in the actual Arabic language environment.

References

1. Alhawary M.T, Modern Standard Arabic Grammar: A Learner's Guide / M. T Alhawary. – Oxford: John Wiley & Sons Ltd, 2011.
2. Blau J, The Renaissance of Modern Hebrew and Modern Standard Arabic Parallels and Differences in the Revival of Two Semitic Languages / J. Blau. – Los Angeles: University of California Press, 1981.
3. Blinov A, The Territorial Variant of Egypt and Its Reflection in The Press / A. Blinov. – Moscow: Maks – Press, 2007.
4. Holes C, Modern Arabic: Structures, Functions, and Varieties / C. Holes. – Washington: Georgetown University Press, 2004.
5. Kovalev A.A, Sharbatov R.W, The Textbook of Arabic / A.A Kovalev, R.W Sharbatov. – Moscow: Oriental literature, 2004.
6. Mol M. Van, Variation in Modern Standard Arabic in Radio News Broadcasts: a Synchronic Descriptive Investigation into the Use of Complementary Particles / M. Van Mol. – Leuven: peeters Publishers & Department of Oriental Studies, 2003.
7. Ryding K, A Reference Grammar of Modern Standard Arabic / K. Ryding. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
8. Ryding K, Formal Spoken Arabic/K. Ryding. – Washington: Georgetown University Press, 2005.
9. Sossur F. de, Cours de linguistique general / F. de Sossur. – Paris, 1972.
10. Stetkevych J, The Modern Arabic Literary Language: Lexical and Stylistic Developments / J. Stetkevych. – Chicago: University of Chicago Press, 2006.
11. Versteegh K, The Arabic Language / K. Versteegh. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004.

Лапина А. Н. Влияние европейских языков на формирование современной лингвистической среды арабских стран / А. Н. Лапина // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 153–158.

В статье авторы исследуют роль европейских языков, а именно английского и французского языков, в формировании современной лингвистической ситуации в арабских странах. В работе авторы изучили влияние данных двух языков на новую вариацию классического арабского языка – современный литературный арабский язык на уровне лексикологии, синтаксиса и грамматики. Также было проанализировано региональное воздействие французского и английского языков в странах Магриба и Египте в частности.

Ключевые слова: современный литературный арабский язык, кодификация, упрощение, иностранные заимствования.

Лапіна А. М. Вплив європейських мов на формування сучасного лінгвістичного середовища арабських країн / А. М. Лапіна // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 153–158.

У статті автори досліджують роль європейських, а саме англійської та французької мов, у формуванні сучасної лінгвістичної ситуації у арабських країнах. У роботі автори вивчили вплив цих двох мов на нову варіацію класичної арабської мови – сучасну літературну арабську мову на лексикологічному, синтаксичному та граматичному рівнях. Також було проаналізовано регіональний вплив французької та англійської мов зокрема у країнах Магриба та Єгипті.

Ключові слова: сучасна літературна арабська мова, кодифікація, спрощення, іноземні запозичення.

Поступила в редакцію 03.03.2014 г.

УДК 811.161.1'373.45=512.1

RUSÇA'DA TÜRKİZMLERİN SEMANTİK ANALİZİ

Veliieva Z. K.

Her dilin kelime hazinesi kendi içerisinde milletin tarihine, yani milletin dünyaya gelmesi ve gelişmesi, onun hayat tarzı ve kültürü, maddi ve manevi değerlerinin meydana gelmesi ve gelişmesi, onun dünya kültürünün gelişmesindeki rolü gibi anlamlar taşıyan bir hazinedir. **Araştırmamızın aktüalitesini belirleyen temel faktör budur.**

Hedefimiz Rus diline Türkizmlerin tarihi girmesini ortaya çıkarmak ve o sözlerin semantik analizini yapmak. Çalışmamızın hedefinden yola çıkarak kendimize şöyle **görevler** belirledik:

1. Rusça'da Türk diller mevzuunda yapılan bazı çalışmaların kısa analizini yapmak
2. Türkizmlerin semantik analizini yapmak ;
3. Baş-, kap-, bas-, kara-, kul- gibi kökenli Türkizmlere değinmek;
4. Sonuçları sistemleştirmek ve sonuçlar çıkarmak;
5. Araştırmanın görünüşleri belirlemek.

Türkizmlerin semantik analizi, onların Rus dilinde yerlerini ve semantik gelişmelerini belirleyecek.

Ortak Türk kökenli Rusça kelimelerin yapısal ve semantik gelişiminin analizi Rus dilinde yabancı unsurların yerlerini ve onların etkilerini öğrenmek için fırsat sağlayacaktır.

I. – II. bin yılların sonlarında yaşayan Türk ve İslav milletlerin ve kabilelerin işbirliği bilim için çok dikkat çekicidir. Türk ve İslav kabilelerin işbirliği eski zamanlardan beri vardır. M.S. birinci yüzyıllarda Doğu Avrupa'da İslav kabileleri daha sonra da Hun, Sabir, Hazar, Bulgar, Peçeneg, Uz kabilelerine giren Türk milletlerle yakın ilişkilerdeydiler.

Türk kabileler, Doğu-İslav halkları olan Ruslular, Ukraynalılar, Beyazrusyalıların kelime hazinesinde belli izler bırakmışlardır, aynı zamanda bu dillerin frazeolojisine ve gramerine de tesir etmişlerdir. Hunlar, Sabirler ve Hazarların dillerinin yazılı anıtları yok; bu kabilelerden sadece ayrı kelimeler ve ifadeler, çoğunlukta özel isimler ve hükümdarların isimleri, milletler ve kabilelerin adları, köylerin, nehirlerin ve şehirlerin isimleri Yunan, Arap yazıtlarında ve Rus elyazmalarında bulunmuşlardır. Bu yazılara göre dilin özellikleriyle ilgili fikir edinmek mümkün. Eski Rus elyazılı anıtlarında (çoğunlukla tarihi eserlerde ve nadiren sanat eserlerinde) Doğu Avrupa'da yaşayan Eski Türklerin diline ait insan adları, millet ve kabile adları, coğrafik objelerin adları muhafaza olunmuş ve şimdi bilim adamları, tarihçiler ve etnoğraflar için büyük ilgi çeker.

Türk ve İslav kabilelerinin arasındaki karşılıklı tesir 5 devirde gerçekleşmiş:

Birinci devir (I. – VIII. yy., eski Rus devleti olan Kiyev Rus'un oluşumundan önce) İslav lehçelerinin Hun ve Skif-Sarmat kabilelerine dahil olan İran ve Fin kabilelerinin lehçeleriyle işbirliği; Hun, Sabir, Hazar, Bulgar kabilelerine dahil olan Türk kabilelerinin lehçeleriyle işbirliği ilgi çekiyor.

İkinci devir (IX. – XII. yy., eski Rus devleti olan Kiyev Rus'un oluşumu) eski Rus dili daha yakın Türk kabileler olan Peçenegler, Oğuzlardan olan Uzlar, Torklar, Berendeyler, Kovuylar, Kayepiçler, Boutlar, Kıyaklarla işbirliği yapmaktaydı.

Üçüncü devir (XIII. – XV. yy., Moğol zaptından sonraki devir) – eski Rus devletinin Altın Ordu'ya vassal bağımlılığında olduğu devir. Eski Rus dili Altın Ordu'nun hakimiyeti altındaki topraklarda kullanılan Türk dillerin tesiri altında kalmış. Türk dillerin vasıtasıyla İslav lehçelerine Arap ve Fars dillerinden alıntılar geçmiştir.

Dördüncü ve beşinci devir (Sosyalist devrimden sonra) artık tam aksine Türk diller Rus dilinin etkisiye düşer.

İlk iki devirde görülen eski Rus ve Türk dillerinin işbirliği eski zamanlara dayanıyor ve Eski Rusya'nın önce Hun, Bulgar, Hazar kabileleriyle daha sonraki zamanlarda ise X. – XI. yy. Güney-Rus bozkırlarına göç eden Oğuz ve Kıpçak kabileleriyle bulunduğu ilişkilerin sonucudur.

İslav dillerindeki Türk unsurlarla ilgili ilk çalışmalar 1850'li yıllarda başlanmış, bugün de artarak devam etmektedir. Bu konudaki çalışmalar burada sayamayacağımız kadar çoktur.

E. N. Şipova "*Rus Dilindeki Türkçe Unsurlar Sözlüğü*"nde 1507 Türkçe sözlere yer verilmiştir. Max Vasmer'in Rus Etimolojik Sözlüğünde (**Vasmer, Max, Russisches Etymologisches Worterbuch, 3 vols., Heidelberg 1950-1958**) de 1700 Türk asıllı söz bulunmaktadır. Türk kökenli soyadlarının incelendiği, bilim adamı, yazar, diplomat ve devlet adamlarının isimlerinin one çıkarıldığı Nikolay Aleksandroviç Baskakov'un "*Türk Kökenli Rus Soyadları*" ve Alfred Halikov'un "*Rus Tanınan 500 Bulgar-Tatar-Türk Asıllı Sulale*" adlı eserlerini de belirtmeden geçemeyeceğiz.

Rusçadaki Türkçe sözlerle ilgili çalışmalardan biri de R. T. Mendekinova'ya (**Mendekinova, R. T., Perecen Tyurkizmov v yazıke proizvedeniy Russkih pisateley**) aittir. R. T. Mendekinova, Kazakistan'da yaşayan Rus yazarı olan İ. P. Şuhov'un iki romanında 2500'e yakın Türkçe söz bulunduğunu belirtir.

Günay Karaağaç, beslenme ve giyimle ilgili Türk sözleri incelediği "*Türkçe Çoban Dili mi Çiftçi Dili mi?*" adlı makalesinde Türkçeden Rusçaya geçmiş beslenmeyle ilgili 280; giyimle ilgili 300; toplam 580 sözü tespit etmiştir.

Rusçadaki Türkçe sözler konusunda yapılmış son günlerdeki çalışmalardan birisi de **Rumiya Aynitdinovna Yunaleyeva**, "*Rus Klasiklerinde Türkçe Sözler*" (*Metin Örnekleri ve Sözlük*). Eser isminden de anlaşılacağı üzere Rus klasiklerinde geçen Türkçe kelimelerin sözlüğüdür.

Rus dilinde baş-, kap-, bas-, kara-, kul- gibi kökenli Türkizmler en çok dikkat çeker.

Baş-, kap-, bas-, kara-, kul- kökenli sözler kelime yapımıyla üçe ayrılır: İlk – morfemlara bölünmeyen: Başlık, başmak, başbov «remen», «veryovka»; kapçuk, kapkan, kaptır «pokrıvalo»; baskak, basmaç, bastırık; kulak, kultuk; karagaç «derek», karaguş «küçük şain»ve benzeri; ikinci – Rus sonekleri kapsayan ve yapısına göre ayrılan, ancak Türk elemanı tarafından semantik motivasyon olmayan sözler: Başka, başihi «istukanlar»; kapturok «kaftanç»; basmar «soğuk günde sis»; ve üçüncü - söz oluşma modeline yakın olan Türkizmler: Karakulka «erkek karakul şapka »; kıyasl. şapka, uşanka, boyarka, feska, buharka, tübeteyika.[7, 101-102]

Analiz yapılan baş-, kap-, bas-, kara-, kul- gibi kökenli Türk asıllı kelimeler Rus dilinde özellikle Rus lehçelerinde çok yaygındır.

Şimdi bazı sözcüklerin örnekleriyle Türkizmlerin semantik analizini yapalım.

Fiil esası eski Türk sözü baymak olan **"bay"** (zengin, varlı) Rus dilindeki "boyar, boyarin" sözünün oluşumuna esas olmuştur. Büyük bir ihtimalle Doğu Slav dillerinde en yüksek şeref unvanlarından olan "boyar" sözü **bay (varlı, zengin) + er (kişi)** sözlerden oluşur. N. Baskakov ve diğer tetkikatçılar bu fikriye esasen ortak çıkmışlardır [1, 156]. Bu konuda meydana gelen fikir birliği destanların dilindeki "Kadir tanrı vermeyince er baymaz" [4, 31] hikmetli ifadenin terkindeki "bay" sözünün kökü aynı sözün arkaik forması ile daha da kesinleşmiştir. Rus dilinde müstakil kullanılan "boyar" sözü sonradan bu dilinin şekilcisi ile "boyarin" kullanarak daha sonralar çok kullanılan bir söz olan "barin" (ağa, sahibkar) şekline dönüşmüştür.

Destanlardaki kadim **"başmak"** sözü Rus edebi eserlerinde yaygın olarak kullanılan bu söz geniş mikyasta ve Rus terminolojisinde verimli bir vasıta olarak geniş şekilde kullanılmıştır. Mesela, Puşkin "Tabutçu" hikayesinde: "Her iki kız yalnız tören günlerinde sarı şapka ve kırmızı başmaklarını (aslı Türk dillerinde başmak~paşmak "çarık") giymiştir." Hususen Rus dili terminolojisinde çok kullanılan bu söz: Mimarlıkta büyük sütunların temelindeki baskıyı nizamlayan, ayrıca demiryolu terimi olarak vagonların tekerleri altına (katari durduran) geçirilen altlık, fren "tormoznoy başmak" olarak kullanılmakta. Teknik terminolojide jelonka başmağı, kemer başmağı; biyoloji termini olarak "başmakça" (çiçek adı; orkide cinsinden olan bu çiçek görünüşü itibariyle başmağa benzer) [5, 577], ev eşyası olarak duvarda asmak için futlyar vd. anlamlarda kullanılır. Bundan başka, "başmak" sözü Rusçada mecazi manalarda da çok kullanılır. Iradesiz, zayıf karakterli insan anlamında: "Pyer hanımının başmağı altında idi." (L.Tolstoy "Harb ve Sulh"); tenkit, tahkir ifadesi olarak: "Eski başmak! Bu adam bensiz nasıl yaşar?" (A. Astrovski "Uğurlu gün") vs.

Tarihçi-etnolog Lev Gumilyevin gösterdiği gibi genetek şalvar ile kaftan Türklerin dünya medeniyetine verdiği hediyelerdendir. Miladın ilk yüzyıllarında dünya halkları – Romalılar, Bizanslılar, çinliler - artık bu giyim eşyasını kullanmakta idiler.

"Kaftan" kelimesi destanlarımızda genel üst giyimin adı olarak geçer: "Yedi bin kaftanının ardı yırtıklı, yarımından kara saçlı, sası dinlü, din düşmanı, alaca atlu kafir bindi, yılğadı" [4,42] genellikle bilinen ve kullanılan manası yanında bu söz "şerefli, onursal elbise" gibi özel bir manada kullanılır: "Sen altın kaftan giyersin, biz ak kaftan giyemiz" [4, 57] destanlarda "kaftanlık" miras, ceyiz gibi bir manada da kullanılmıştır: "Ol kızın üç canver kalınlığı – kaftanlığı vardır" [4, 85). Bu söz Rusçaya, o cümleden Doğu Slav dilleri ile birlikte bir çok dünya dillerine de gecmiştir. Kaftan Rus dilinde çok eski zamanlardan beri kullanılmakla birlikte bu dilde morfemler kabul ederek -polukaftan, kaftançık, kaftaşka, kaftannik (terzi) gibi şekilleri de kullanılmıştır.

Rusçada kullanılan **"topor"** sözünün Türk menşeli olduğu (teber) gösterilse de bazı etimologlar (mes. Fasmer) onun eski Fars menşeli Türk sözü olmasını ileri sürerler. Lakin böyle olduğu halde sözün çok geniş dairelerde kullanılması gerekli şekilde esaslandırılmadığından (söz Slav dilleriyle birlikte Arap, ayrıca Ermeni dilindeki Türkizmlerin arasında yer alır) inandırıcı görülmemektedir. Rusça tarihen savaşı baltaları manasında topor (şimdi ev eşyası), balda (bu söz şimdi daha çok kendi terminolojisinde

kazma aleti olarak ve mecaz manasında (kaba zor adam kullanılır); padişah muhafızlarının omuzlarına aldıkları alabarda, rında, bunun gibi eski ordu teşkilatçılığında askerin ok-yayla birlikte kullandığı soğuk silah olan berdiş- hepsi Türk menşeli silah (balta tipleri) adlarıdır.

Uzunluk ölçüsü adı olan “**arşın**” Dede Korkud destanlarında hem sosyal-askeri termin, hem de şahıs adı olarak (“kafir” adı) kullanılmıştır. “Adına Arşun oğlu Direk Tekur deyerlerdi. Ol kaferin altmış arşun kameti vardı” [4, 94] Rusçada bu termine ilk defa IV. Ivanın (1530-1584) Polonya- Litva kralı Kazimire gönderdiği fermanında rastlanılır. Orada bu söz “Kafa arşını” şeklinde kullanılmış ve büyük ihtimal ki, arşın Türk idaresinde olan liman ticaret şehri Kefe (şimdiki Feodosya) pazarlarında kullanıldığından yani XV. asırdan itibaren Rus devletinin merkezi pazarlarında esas ölçü vahidine çevrilmiş ve Rusçada asıl manasıyla kullanıldığı müşahade edilir. Şimdi asıl manasıyla bu söz arkaikleşmiş olsa da Rusçada geniş ve rengarenk biçimlerde nazara çarpmaktadır; tasvir olunacak eşyanın, hadisenin mübalağa derecesinde büyüklüğünü bildirmekle: arşın harfler, arşın boy, beden vs. arşın kazanmak (şah dayanmak, korkudan donup kalmak); kendi arşını ile ölçmek (kendi bildiği gibi kabul etmek) vs.

Rus dilinde geniş şekilde rast gelinen **kaban** (yaban domuzu) Türk toponimleri içerisinde raslanan Kaban adı (Çelyabinsk'te Kabanka çayı-Uvelna çayının sağ kolu), Azerbaycanda hem Ismayıllı bölgesinde, hem de Sumgayıt yakınındaki dağların Kaban adı şüphesiz, bu sözün büyük kaba manasıyla alakalıdır. Türk menşeli Rus Kabanov ailesinin adı da bu manaya göre formalaşmıştır. Tarihçi-filolog N. Baskakov bu sözün Rus salnamelerinde Türk hanının hatununun adı ve Mahmut Kaşg arlı “Divanında” erkek adı kimi rastlandığını kaydediyor.

“**Alem**” kelimesi ile alamet, nişan, işaret, remz daha sonra bayrak, sancak nazarda tutulur. Azerbaycan şahıs adları içerisinde rastladığımız “Miralem” (bayrakçibaşı), Alemdar (bayrakdar) adları eski alem adımızla bağlı görevlerin adları olmuştur. Alemler harp meydanlarında askeri birliklerin önünde olurdu. Başkumandanın veya alay kumandanlarının olduğu yeri bildirirdi. Ordunun her tarafından iyi görünsün diye onu mızrakların veya uzun sırkaların ucunda yükseltirdi. Savaşlarda fevkalade derecede manevi bir güç ve mukaddes sayılırdı.

Yüz koyup gönlüme kem leşkeri hamun-hamun

Kara bayraklu alemler ucu gülün-gülün. (Sefikulu han (XVII yy.)

İlk alemler totem anlayışına yakındırlar; tanrı ve tabiat süretleri – gök, muhtelif hayvan resimleri – buna delildir. Eski binaların duvarlarında, kapı pencere üzerindeki remzi şekiller alemin eski manasıyla alakalıdır. İlk alemler (geyik ve yaban keçisi remizleri ile) Hunlar devrinden bilinmektedir.

Rusça tarihi bir söz olan alem (alyam) kazandığı sonraki manasından farklı arkayık makamlarında istifade edilmiştir; alem deyince, göğüs nişanı, madalya, sembol değerinde muhtelif nişanlar nazarda tutulurdu. Yüksek tabakanın mühim giyim aksesuarlarına dahil olan alem nişanlar, altından hazırlanırdı. Büyük Rus kinyazlarına, ayanlarına mahsus olan alem örnekleri Rusya Devlet Silah müzesinde muhafaza edilmektedir. Dede Korkud'da alem “bayrak” manasında kullanılır:

Kaba alem götüren hanımız Bayındır han!

Kırış günü öndin depen alpımız Salur Kazan! [4, 102]

Destanların dilinde etnografik hususiyete malik zengin giyimler arasında rast geldiğimiz **cübbe-cuğa** “şerefli giyim” değerindedir: “Cübbe-cuğa-çırhab giyerdi.” [4,109].

Cuğa~çuha Rusça “çuha, çuyka” gündelik giyim adı olarak kullanılır. Bu giyim hususen XIX. asırda Ruslar arasında geniş şekilde yayılmıştır.

“**Ordu**” edebi abidelerde ilk manasında kullanılır: Şehir, yaşayış yeri, han düşergesi: “Atağızlı Uraz Koca... aydır: Ağam Kazan, sası dinlü Gürcüstan ağzında oturarsan, ordun üstüne kimi korsan?” Kazan aydır: “Üç yüz yigiden oğlum Uruz benim evim üstüne dursun, dedi” (4, 42] Ordu//orda Rusçada çokça kullanılan tarihi Türk sözlerinden biridir. Esas manası ile birlikte ilave manaların zenginliği bakımından dikkati çeker. Sözün Rusçada bu kadar yaygınlık kazanmasının sebebi Rus uluslar arası siyasi ilişkileri ile izah edilebilir. Moskova şehir dahilindeki bir sıra Türk toponimleri sırasında tarihi arazi adı, Rus soyadı, ister esas ve isterse de dolaylı manalarında sık sık kullanılmaktadır. “**Orda**” sözü Rusça asıl manasında güçlü ordu, bölük adı: Eto bilo peredovaya çast ordı (L. Tolstoy. “I Pyotr”); büyük Türk devletleri adı gibi: Kızıl Orda, Ak Orda, Gök Orda ve b.k. ve nisbeten küçük Türk tayfa birliklerinin adlarını bildiren Nogay ordası, Peçenek ordası, Türkmen Ordası vs. şekillerinde tarihi eserlerde kullanılmaktadır.

Eski Türklerin şeref unvanlarına ve rütbelerine dair araştırmalar yapan A. Donuk: “Ordu” kelimesi hakkında Asya hunları ile ilgili kelimeler arasında geçtiğine göre çok eskiden beri Türkçede bilinen bir terimdir. Orta çağ sonlarından itibaren ise Türk tarihinde askeri güç manasında kullanıldığı bilinmektedir”,

Ordu~orda Rusça ile birlikte bir çok dünya dillerine de geçmiştir. Azerbaycan Türkçesinde de yakın zamanlara dek ordu-karargah, askeri birlik manalarında kullanılmıştır.

Bugün Rusça'da Türk sözü “**arkan**” sadece bir ev eşyası şeklinde anlaşılmaktadır ve bir kaç ifadenin terkinde sabit şekilde yaşamaktadır. Lakin söze tarihi-leksikoloji bakımından bakılınca sözün evvelleri bu dilde harp terimi olarak kullanıldığı görülür. Rusya Devlet Silah Palatasında (Muzesinde) Alman haçlıları ile savaşlarda kullanılmış arkanlar saklanılır. Ağır ve sağlam zırh giyimli düşmanı bu zaman arkan atıp atın üzerinden düşürmekle zafer temin edilirdi. Arkan Rus harp sanayinde orta asırlarda kullanılırdı. Bu zamanlar “tatarskiy arkan” şeklinde kullanılırdı. Rusça kullanılan “arkan” sözü şekilce bu sözün Türk dillerindeki eski varyantı ile uygun gelir. Dede Korkud destanlarında “orğan” şeklindedir ve burada da harp terimi manasında kullanılır. “Kıl orğanı ağ boynına takdılar” [4, 71].

Doğu Slav halklarında eski devirlerde kullanılan kebenyak veya kepen eski “**kepenek**” sözüdür. Uzun asırlar boyu asıl geçim vasıtası hayvancılık ve avcılık olan ecdatlarımız, hususen büyük seferler süresinde bu sıcak ve yumuşak kepenekleri yatak yerine kullanırlarmış. Dede Korkud destanlarında kepenek sözü kullanılmıştır: “Çoban kepenegini üzerlerine attı. Peri kızının birini tuttu” [4, 98]. Bu söz “Türk Dilinin Etimolojik Sözlüğü”nde “eskiden kullanılan kolsuz ve devrik yakalı görkemli kürk” diye izah edilmişse de Balkan-Slav dillerinden alındığı, hemen dillere de İtalyan dilinden geçtiği gösterilmiştir.

Bu gün adeten süs elementi olan ‘**kotaz**’ tarihen Türk halklarında uğur remzi sayılırdı. Kapı-pencere perdeleri, kadın ve erkek elbiselerine, at eğerine, baş giyimleri

olan çalma, feslere dikilir, kılıç kabzasından, mühürden vs. asılırdı. Şüphesiz, bu sadece o eşyalara süs-zinet vermek için değildi. Aynı zamanda dediğimiz gibi onun uğuru anlamı ile alakalı idi. Kotaz (Rusça “kutas”) Rus kültüründe ev eşyalarında, elbisede, o cümleden askeri kıyafetlerde kiver (başlık) ve uniformada, ayrıca soğuk silahlarda ve onların kınında geniş şekilde müşahede olunur. Mecid Doğru, Kotazı eski Tibetlilerin mukaddes saydıklarını ve yak dedikleri öküzün kuyruğundan yaptıklarını, Anadolu Türklerinin ise tuğu at kuyruğundan yaptıklarını söyler. Tarihi-medeni değer taşıyan bu söz Türk etnografyasının zenginliğini gösteren önemli bir aydınlatıcıdır.

Hulasa olarak, Doğu İslav halkları tarafından uzun asırlardır kullanılan Türk menşeli sözlerin menbalarımızda, hususen Dede Korkud destanları gibi bir abidenin dilinde aks olunması, Türkçenin zengin ve güçlü geçmişinden haber verdiği gibi bu sözlerin başka dillerde de olabileceğini göstermesi bakımından bir işaret niteliğinde olup araştırmacıların dikkatini ve ilgisini beklemektedir.

Bibliyografya

1. Baskakov N.A., Turetskaya Leksika v “Slove o Polku İgoreve”, Moskva, Nauka, 1985, - 207 s.
2. Bogochanskaya N. N., Torgashova A. S. Bolshoy Turetsko-Russkiy Slovar. 450 000 slov i slovosochetaniy. – M.: OOO “Dom slavyanskoy knigi”, 2009 – 960 s. – ISBN 978-5-91503-066-3
3. Kemal Demiray. Temel Türkçe Sözlük. 5. Baskı. İnkılap Kitabevi, Yayın sanayi ve Ticaret A. Ş., 1988. – ISBN 975 -10-1731-9
4. Kitab-ı Dede Korkud, Bakı, Yazıcı, 1988. – 240 s.
5. Maks Fasmer, Etimologicheskii Slovar Russkogo Yazıka. V 4-h t.: Per. s nem. –İzd. 3., stereotipnoye. – M.: Azbuka-Terra, 1996. – T. 4. – 864 s. -ISBN 5-7684-0020-6,
6. Ribalchenko, T. E. Turetsko-Russkiy i Russko-Turetskiy slovar/ T. E. Ribalchenko. – 7 izd., stereotip. – M.; Rus. yaz. – Media, 2007. – 694, [10] s. – ISBN 978-5-9576-0343-6
7. Zaimstvovaniya Russkogo Yazıka v Istoriko-Funksionalnom Aspekte/[Prinimali uchastiye L.L. Ayupova i dr]. – Kazan: İzdatelstvo Kazanskogo universiteta, 1991. – 190 [I] s. – ISBN 5-1776674: 0.00.

Велиева З. К. Семантический анализ тюркизмов в русском языке / З. К.Велиева // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 159–165.

В данной научной работе был проведен обзор научных работ, посвященных изучению тюркизмов в русском языке, семантический анализ тюркизмов и структурно-семантическое развитие русских слов с общим тюркским элементом.

Цель работы - проследить семантический процесс заимствования тюркизмов в русском языке.

Исходя из цели работы, нам необходимо решить следующие задачи:

1. Проанализировать теоретические работы, посвященные изучению тюркизмов в русском языке.
2. Осуществить семантический анализ тюркизмов (боярин, кафтан, топор и т.п.);
3. Проследить структурно-семантическое развитие русских слов с общим тюркским элементом на баш-, кап-, бас-, кара-, кул-, характеризующиеся широким спектром предметной соотнесенности.

Научная статья может быть использована филологами-тюркологами, лингвистами и студентами при проведении научных исследований.

Ключевые слова: тюркизм, семантика, тюркский элемент, структура, предметная соотнесенность.

Велієва З. К. Семантичний аналіз тюркізмів у російській мові / З. К. Велієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 159–165.

У цій науковій роботі був проведений огляд наукових робіт, присвячених вивченню тюркізмів у російській мові, семантичний аналіз тюркізмів і структурно-семантичний розвиток російських слів із загальним тюркським елементом.

Мета роботи - простежити семантичний процес запозичування тюркізмів у російській мові.

Виходячи з мети роботи, нам необхідно вирішити наступні задачі:

1. Проаналізувати теоретичні роботи, присвячені вивченню тюркізмів у російській мові.
2. Зробити семантичний аналіз тюркізмів (боярин, кафтан, сокира і т.п.)
3. Простежити структурно-семантичний розвиток російських слів із загальним тюркським елементом на баш-, кап-, бас-, кара-, кул-, що характеризуються широким спектром предметної співвіднесеності.

Ключові слова: тюркізм, семантика, тюркський елемент, структура, предметна співвіднесеність.

Veliieva Z. K. Semantic Analysis of Turkizms in Russian / Z. K. Veliieva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 159–165.

In the article the works of different scholar cover Turkizms in Russian were analyzed, semantic analysis of Turkizms were carried out and structural and semantic development of the Russian words with general Turkic element were analyzed.

Realization of etymologic researches requires comprehensive analysis of authenticity (or of unauthenticity) of those lexemes that are used for comparison and also taking into account consistency of different aspects of etymologic reconstruction. Authenticity or unauthenticity of the lexemes which are used by etymological analyses can be examined in two ways: 1) correct or incorrect word of the language or dialect compares with the words of other languages or dialects; 2) in case of the using of the ancient languages fixed by the written language, - depending on philological propriety of this geographical variant of the word. Inclusion in some etymological row of the lexical elements, really be absent in the studied language, puts under a question many other elements of this row too. These were main principles of the writing the article.

Aim of work – to reveal the process of borrowing of Turkizms and retrace the changing of their semantics.

Our tasks:

1. To analyze the theoretical works cover Turkizms in Russian.
2. To analyze semantic process of borrowing of Turkizms.
3. To analyze the structural and semantic development of the Russian words with a general Turkic element on баш-, кап-, бас-, кара-, кул-, which are characterized by the wide range of the object associating;
4. To systemize the results.
5. To define the prospects of further researches.

In the process of writing the article we used methodology of description to analyze the theoretical works cover Turkizms in Russian, methodology of comparison and methodology of historical analysis for historical and semantic analysis of Turkizms and for characterizing structural and semantic development of the Russian words with a general Turkic element.

The practical value of the results is that semantic analysis of Turkizms helps to reveal the semantic evolution of Turkizms and their place in Russian. The analysis of structural and semantic development of the Russian words with a general Turkic element will give opportunity to elucidate the degree of including, adaptation and taking root borrowings in adopting language.

Research paper will be used by philologists particularly specialists in Turkic philology by writing research study.

Key words: Turkism, semantics, the Turkic element, structure, object associating.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 811.512. 161:659.1

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА И ОСОБЕННОСТИ В МАНИПУЛЯЦИОННОЙ СИСТЕМЕ РЕКЛАМНОГО МАРКЕТИНГА

Ряпов Р. И.

Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского
E-mail:ruslanryapov@yandex.ua

В данной статье автор исследует основные способы манипуляции рекламного маркетинга, базирующиеся на языковых средствах и особенностях. Также автор акцентирует внимание на таких языковых способах управления рекламой как «игра слов» и побудительное наклонение глаголов. Исследование исходит исключительно из рекламы города Симферополя.

Ключевые слова: языковые средства и особенности, рекламный маркетинг, манипуляция, агитация, пропаганда.

Постановка проблемы. Реклама – одна из самых распространенных и действующих отраслей средств массовой информации, напрямую связанная с маркетинговыми операциями. Одна из особенностей эффективности действия рекламы как механизма манипуляции состоит в языковом представлении и лингвистических факторах.

Актуальность. На сегодняшний день каждый из нас подвергается определенному роду манипуляциям. И рекламный маркетинг – не исключение. Привлечение внимания и управление дальнейшими действиями человека являются действительно интересным материалом для дальнейшего исследования данного вопроса.

Цель. Доказать функциональную роль языковых средств и особенностей языка в манипуляционной системе рекламы.

Источником исследования является реклама, размещенная на щитах, газетах, плакатах и вывесках в городе Симферополе.

В ходе работы были использованы такие методы: *описательный, статичный и сравнительный*.

Вся суть рекламы, а также ее главная цель состоит в привлечении внимания неопределенного круга лиц к товару того или иного производителя, обеспечивая этим гарантированный рост потребительского спроса на него.

Также, реклама – это определенного рода информация, распространенная в широком кругу населения посредством абсолютно любых способов и средств. Большинство предпринимателей стараются затратить как можно больше средств на рекламу, чтобы сделать ее красочной, интересной, запоминающейся и привлекательной. В качестве примера может выступать сеть кафе MacDonald's. Особенность успеха этого предприятия кроется в самом его слогане: «I'm loving it», что в дословном переводе с английского языка означает «Я люблю это». Вся суть секрета данного рекламного слогана кроется в его грамматическом времени. В английском языке присутствуют такие основные настоящие времена как Present Simple и Present Continuous. Первое обозначает обычное действие или факт, являющийся общепринятым и не подвергающийся влиянию временного отрезка на него. Но Present Con-

tinuous означает собой действие, которое продолжается в течение определенного временного промежутка. Достаточно широко используемая и распространенная фраза «I love you» с точки зрения грамматики английского языка эта фраза обозначает, что вы любите, причем любите не только в отдельный промежуток времени, а любите как факт или доказательство. И в английском языке существует ряд глаголов-исключений, которые не поддаются использованию во времени Present Continuous. И, что удивительно, глагол «to love» - «любить» является одним из слов этого ряда.

Одним из первых к семиотическим моделям рекламы обратился французский семиотик Ролан Барт. В 1964 году он сделал анализ рекламного плаката фирмы «Пандзани», считающийся сегодня классическим. На нем из раскрытой сетки для провизии выкладывали: две пачки макарон, банка с соусом, помидоры, лук, перцы, шампиньоны и другие продукты. Если сами продукты были в желто-зеленых тонах, то фоном им служил красный цвет.

Первое сообщение в этом плакате было высказано на естественном языке: это была подпись под ним и надписи на этикетках. Второе сообщение, которое можно сформулировать как «поход на рынок», выражалось изображением свежих продуктов. Набор продуктов и баночный соус показал комплексный подход к продуктам питания фирмы «Пандзани». Это было еще одним сообщением. Следующим сообщением стал набор цветов на плакате, выражающий «итальянность» в соответствии с цветами итальянского флага.

Ролан Барт подчеркивает принципиальное отличие визуальных (иконических) знаков от знаков вербальных. Знаки иконических сообщений не черпаются из некоей кладовой знаков, они не принадлежат какому-то определенному коду, в результате чего мы оказываемся перед лицом парадоксального феномена – перед лицом сообщений без кода.

«На практике мы все равно сначала читаем изображение, а не текст, его сформировавший: роль текста, в конечном счете, сводится к тому, чтобы заставить нас выбрать одно из возможно означаемых».

Рисунок, в отличие от фотографии, все же опирается на какой-то код, в соответствии с которым фиксируется реальность. Процесс рисования (а это и есть кодирование в данном случае) предполагает отделение значимых и незначимых элементов. Поскольку рисунок не в состоянии изобразить весь объект, он отбирает только самое важное. Фотография уже не делает такого выбора.

Самым важным при этом становится эмотивная и эстетическая составляющая, на которых и построена вся реклама.

Профессор Мидлледского университета Джудит Уильямсон считает, что реклама выполняет функцию, которую выполняет также искусство и религия. Это создание структур значений. В числе прочего она объясняет это тем, что недостаточно принимать во внимание характеристики рекламных объектов, а то, что эти значения значат для нас.

«Реклама скорее задает структуру, которая может трансформировать язык объектов в язык людей, и наоборот»

Дж. Бигнел, анализируя подход Джудит Уильямсон, рассматривающей рекламу как структуру значений, говорит, что реклама выступает в идеологической трактовке себя и мира. В качестве своего подтверждения данного наблюдения он приводит тот факт, что современная реклама направлена на прямую покупку товара.

«Целью рекламы является включение нас в ее структуру значений, побудить нас к участию в декодировке ее лингвистических и визуальных знаков и получить удовольствие от этой деятельности декодирования».

Путь декодировки лежит в идентификации знаков в рекламе, определении социальных мифов, связанных с помощью коннотации с данными знаками, и переходу от мифических значений к рекламируемому продукту. Затем следует поиск соответствия мифического значения и понимания нашего мира за пределами рекламы.

Недостижимое привязывается к достижимому. Например, чувство счастья или женская красота связывается с духами. Реклама, действительно, достаточно часто связывает определенные социальные значения с кофе, жевательной резинкой и т.д. (например, уверенность в себе, дружеское расположение другого и т.д.)

Возможный путь создания такой рекламы может идти от обратного – от установленного социологами списка «мешающих» людям качеств. Тогда владение этим качеством ассоциативно начинает привязываться к рекламируемому объекту. Например, «Мужественность – сигареты Marlboro». Вероятно, реклама принципиально строится в подобном неоднозначном поле эмоционального, поскольку любые рациональные выводы поддаются критике. В эмоциональном поле формируется сообщество, с которым все равно согласно большинство. Никто не станет противоречить тому, что, например, мужественность – это признак мужчины. Новой вводимой информацией при этом становится переход на объект, который призван символизировать это качество.

Дж. Уильямсон говорит также еще об одной функции рекламы – это перевод ситуации потребления в ситуацию производства.

«Окончание рекламы (заставляющее нас покупать) превращается в начало – с ним начинаются все эти удивительные события».

Дж. Уильямсон находит также две интересные стороны рекламы: отсутствие людей предполагается и отсутствующий объект символизируется людьми. Первый случай достаточно распространенный, к примеру, раскрытая коробка шоколадных конфет предполагает наличие того, кто начал их есть. Или другой пример: сцены с женщиной предполагают наличие в качестве отсутствующей фигуры зрителя – мужчины.

«Любая реклама предполагает замену, они все обменивают нечто имеющееся на нечто отсутствующее».

Есть еще один интересный аспект рекламы. Деньги, которые нужны для покупки продукта, оказываются спрятанными в рекламной коммуникации. Все эти эмоциональные характеристики, о которых шла речь, приходят к нам вместе с продуктом, не с деньгами. «Вы не просто покупаете продукт, чтобы стать частью группы, которую он представляет. Вы должны чувствовать, что вы уже, естественно, принадлежите к этой группе, следовательно, вы купите его». Выбор продукта делается

не в магазине, вы заранее признаете себя принадлежащим к определенной социальной группе, которая признает данный бренд.

Рекламный текст воссоздает свой вариант мира, который не повторяет характеристики мира реального, а усиливает их. Значимость каждого рекламируемого объекта в этом символическом мире утрировано возрастает. Если речь идет «о чае», то именно чай оказывается способным решить проблемы социального, а не физиологического толка. Реклама повествует об объектах желания, поэтому она и обладает для нас определенной привлекательностью.

«Мир желаний – это и есть мир рекламы».

Теперь, подойдя к рекламному слогану несколько с другой стороны, можно понять, что реклама предприятия MacDonalд's на сегодняшний день признана всем миром и не случайно была создана именно такой. Таким образом, можно сказать, что этот рекламный слоган действительно достиг успеха, так как выполнил главные задачи рекламного маркетинга – он является хорошо запоминаемым и надолго остается в голове. Но, мало кто знает, что успехом своего слогана компания MacDonalд's обязана специфическим языковым средствам, которые присутствуют в нашей с вами повседневной жизни. Такой языковой прием называется «игрой слов».

Но этот вышеназванный фактор некорректности является достаточно выгодным средством с точки зрения рекламного маркетинга. Ведь такая фраза сначала заводит в легкое заблуждение, а в период раздумий над этой неправильной комбинацией слов, она уже глубоко оседает в памяти. Все эти процессы в мышлении и воображении человека происходят именно из-за такой определенной особенности языковых средств, как «игра слов».

Из вышесказанного можно подвести один небольшой итог – сила языка и языковых средств при правильном их использовании обеспечивают значительную пользу в той или иной отрасли применения, и реклама является ярким подтверждением моих слов. Ведь благодаря так называемой «игре слов» человеческий разум подвергается различного рода манипуляциям, особенностью которых является то, что им не манипулирует кто-либо, а с ним это делает его воображение, которое, в свою очередь, было подвергнуто манипуляции со стороны рекламы, оставшейся в памяти именно благодаря определенного рода языковым средствам.

На сегодняшний день ни для кого не секрет, что реклама является одним из главных инструментов воздействия на потребителя производителем. В ходе исследования было обнаружено, что рекламный пиар того или иного товара является открытой пропагандой в связи с навязыванием мнения о покупке товара производителем. С подробным углублением в детали большого количества рекламных источников, также было обнаружено, что рекламный маркетинг не только информирует потребительскую часть населения, но и в открытой форме агитирует каждого потребителя к каким-либо действиям, связанным с рекламной информацией.

Статистика исследования показала, что в 26 рекламных плакатах были использованы такие глаголы повелительного наклонения:

Рус: меняй, приноси, получи, смотрите, стань, не пропусти, порадуи;

Укр: зустрчай, живи, смакуй, меняй, приноси, получи, смотрите, купуй, стань, доторкнись, даруйте, звернись, зроби, запитайте, тримай, не пропусти, шукайте, вигравай, підключись, порадуй.

Проведенный мною анализ показывает, что самыми распространенными глаголами повелительного наклонения в рекламе являются:

- «Меняй» (рус) - «Приноси» (рус) «Меняй на лучшее: приноси старый ноутбук – получи новый»;
- «Получи» (рус)
- «Смакуй» (укр) – «Смакуй якість незмінну в усі часи»;
- «Купуй» (укр) – «Купуй з перевагою»;
- «Зроби» (укр) – «Зроби те, про що мріяв»;
- «Запитайте» (укр) – «Запитайте у лікаря»;
- «Шукайте» (укр) – «Шукайте жовті цінники, що гарантують знижки».

Выводы и перспективы. Исследование показало, что в разных случаях множество производителей используют в своей рекламе очень эффективное и безотказно срабатывающее практически во всех случаях языковое средство – повелительное наклонение глаголов. Действительно, при использовании данной особенности языка СМИ реклама приобретает более жесткую форму диктаторского эмоционального и содержательного оттенка. Ежедневно все в нашем мире преобразуется. И рекламный маркетинг не является исключением. Он будет развиваться, используя все возможные свойства языковых средств. А это даст новую почву для развития данной темы.

Литература

1. Армстронг Г. Введение в маркетинг : Учебное пособие / Г.Армстронг, Ф.Котлер, 200. – 638с.
2. Голубков Е. П. Основы маркетинга : Учебник / Е.П.Голубков, 1999. – 650с.
3. Основы рекламно-інформаційної діяльності : Опорний конспект лекцій для студентів спеціальності «Менеджмент організацій» спеціалізації «Менеджмент туристичної індустрії» денної та заочної форми навчання / М-во освіти і науки України, Київ. нац. торг. – екон. ун-т, 2001. – 55с.
4. Сапенько Р. Искусство рекламы в современной культуре : научное издание / Р.Сапенько, 2005. – 295с.

Ряпов Р. І. Мовні засоби й особливості у маніпуляційній системі рекламного маркетингу / Р. І. Ряпов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 166–171.

У даній статті автор досліджує основні способи маніпуляції рекламного маркетингу, що базується на мовних засобах та особливостях. Також автор акцентує увагу на таких мовних способах управління реклами як «гра слів» та спонукальна форма дієслів. Дослідження походить виключно з реклами міста Сімферополя.

Ключові слова: мовні засоби й особливості, рекламний маркетинг, маніпуляція, агітація, пропаганда.

Ryapov R. The language's means and particularities in the manipulation system of the advertising marketing / R. Ryapov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 166–171.

In this article the author researches a main ways of manipulation of the advertising marketing, which is based on the language's means and particularities. Also the author focuses an attention on those language's ways of management of the advert as "a word's game" and intention mood of verbs. The investigation is based exclusively on Simferopol's advertising.

The main purpose of the advertising marketing is an attracting attention of the uncertain circle of person to product one or the other manufacturer, providing with it a guaranteed growth of the consumer demand for it. Also I would like to emphasize that advertising – is some information, which is spread in the wide outlook of settlement by absolutely any ways and means. Nowadays everybody knows, that advertising is one of the most main instrument of influence to consumer by producer. Researching this theme I have found that advertising's PR of one or the other product is, in bigger or fewer degree, opened propaganda in order to imposition of the opinion about shopping of the manufacturer. To be circumstantially venturing in details of the huge amount of the advertising's sources, I have found that, for my opinion, is the main purpose of my scientific research work – straight proofs of that advertising marketing ton only informs consumer's part of the settlement of Simferopol and all world, but and in opened form agitates everybody of us to some activities, which is linked anyway with an advertising information.

Also I have found that producers in different cases use in their advertising besides so language mean as "a word's game" very effective and reliably triggered language mean practically in all occasions – imperative mood of verbs. Actually, advertising gets heavier form of dictatorial emotional and pithy shade in order to using this peculiarity of language of the mass media. I think quite reasonable to make such conclusion, that one tries to manipulate us by the advertising novelties of products of the different kind of choice, penetrating into our consciousness and agitating to one or the other purchases.

But everything is not so skeptic and dark as seems firstly. Despite that manipulation by advertising absolutely in all its manifestations spread on quiet amount of people, there are those, who using sanity, thinking and logic avoid a chance to be another victim of mass media. And as for me, it is the main factor of prevention of the penetration of agitation system and management of advertising in our consciousness and daily life, including all ranges of it.

Keywords: language means and particularities, advertising marketing, manipulation, agitation, propaganda.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81, 373.7(512.145)

ИДИОМЫ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Куртсеитов А. М.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
E-mail: otarli@mail.ru*

Фразеологические обороты вместе со словами составляют одну из существенных сторон языка, являются как бы его строительными материалами. В современном крымскотатарском языке есть такие понятия, которые выражаются только фразеологическими единицами, их значение можно передать не иначе как целым комплексом словосочетаний. Например: баш тартмакъ – отказываться, досл. голову тянуть; юрегинде таш олмакъ – сильно переживать, досл. быть камнем на сердце; акъ сук – голубая кровь, досл. белая кость и др. В работе общие и специфические фразеологические средства систематизированы в нескольких аспектах, а также дано толкование большого количества фразеологизмов, относящихся, в частности, к истории и этнографии. Широко использованы описательный, сравнительно-исторический, структурный методы исследования, что способствовало углубленному анализу крымскотатарских фразеологизмов.

В статье обобщены результаты многолетней научной и преподавательской работы. Рассмотрены многочисленные труды лингвистов, которые исследовали фразеологию, произведения писателей и тексты исполнителей крымскотатарского фольклора, давние и современные периодические издания.

Ключевые слова: фразеологизм, идиома, крымскотатарский фольклор, фразеологический оборот, крымскотатарский язык.

Актуальность. Единицы лексической системы в крымскотатарском языке могут быть представлены не только словами, но и особого типа устойчивыми словосочетаниями, которые принято называть фразеологическими оборотами или фразеологизмами. В отличие от свободных словосочетаний значение фразеологизма идиоматично, и в этом фразеологизм сближается со словом, семантическая природа которого в принципе идиоматична. Таким образом, в крымскотатарском языке фразеологизм также, имеет два признака, общих с характеристиками слова: а). Номинативную функцию. б). Идиоматичность. Отличается он от слова только отсутствием цельнооформленности. Возьмем для сравнения слово: *Акъыллы* – умный. Свободное словосочетание: *Акъыллы адам* – умный человек. Фразеологизм: *Акъыл сатмакъ* – продавать ум, учить.

Постановка проблемы. Крымскотатарские фразеологические сочетания, несмотря на формальную двулксемность, также как и в других языках, представляют одну семантическую единицу, делающую их подобными словам, отрывая от сферы словосочетаний и рассматривая в качестве особых единиц лексической системы. **Объектом** исследования являются фразеологические единицы нетерминологического типа, у которых всегда имеется смысловой или стилистический синоним. Например, идиома: *Кулюни савурмакъ* – пепел развеять. Данное значение образно, неконкретно и может быть употреблено по отношению к самым различным действиям. Оно может быть понятно и в значении разрушить. Значение данной идиомы в

крымскотатарском языке можно передать выражением, имеющим незначительное смысловое или стилистическое отличие: *Ёкъ этмек* – уничтожить.

Предметом исследования выступают фразеологические единицы, которые благодаря лексикализации или терминологизации образных выражений получают конкретный смысл, например: *Акъбардакъ* – белая корзинка. Служит названием цветка (подснежник). Целью работы является исследование формирования таких единиц не грамматически, а фразеологически. Таким образом, фразеологические единицы, обладающие конкретным значением, можно назвать идиомами лексико-фразеологического типа, а фразеологические единицы, не обладающие таковыми и выступающие в качестве синонимических знаменателей лексических единиц – идиомами собственно фразеологического типа. Кроме того, среди устойчивых словосочетаний фразеологического типа имеются различные вспомогательные речевые формулы, фразеологические штампы, обслуживающие речь только “технически”, поэтому весь фразеологический материал крымскотатарского языка, исходя из его семантических и стилистических особенностей, а также его взаимоотношения со словарным составом языка можно разделить на три группы: 1. Идиомы лексико-фразеологического типа. 2. Идиомы собственно фразеологического типа, служащие в речи только стилистическими заменителями лексических единиц. 3. Устойчивые фразеологические формулы, фразеологические штампы.

В первую группу идиом входят устойчивые словосочетания, представляющие собой лексикализированные и в некоторой части терминологизированные устойчивые словосочетания. Основное их отличие от лексикализированных словосочетаний обычного типа состоит в том, что они возникают не грамматически, а лексико-фразеологическим путем на основе образных выражений. Модели идиом лексико-фразеологического типа структурно совпадают с моделями свободных словосочетаний, но семантические связи слов, входящие в них, неодинаковы. Г.Х.Ахунзянов утверждает, что: “Грамматические отношения между компонентами идиом лексико-фразеологического типа представляют собой отношения скованные, изолированные. В этом заключается их фразеологичность. Она обусловлена образностью словосочетания или тем, что некоторые компоненты этой сложной единицы входят в состав ограниченного количества словосочетаний” [3, 65].

Идиомы лексико-фразеологического типа в крымскотатарском языке представлены именами и глаголами. Имена составляют небольшую группу научных терминов, географических названий и т.п., образующихся по моделям лексикализированных устойчивых словосочетаний описательного типа. От последних они отличаются тем, что их значения не имеют ясно выраженной связи со значениями составляющих их слов. Эта связь устанавливается только на основании какого-либо образа. Например, ботанические термины: *Эшек бакъласы* – ослиная фасоль, бобы; *Мышыкъ оту* – кошачья трава, валерьяна; *Дагъ джилеги* – лесная клубника, земляника. Анатомические термины: *Кёр ичек* – слепая кишка, аппендикс; *Чичек* – цветок, оспа; *Кокюс къафеси* – грудная клетка. Географические термины: *Аюв дагъ* – Медведь гора; *Акъ денъиз* – Средиземное море; *Учан сув* – Водопад и др. также представляют собой названия-идиомы. В известной степени в них сохраняются признаки описательности, присущие лексикализированным устойчивым словосочетаниям описательного

типа, как, например: *Бугъабаш балыкъ* – рыба с головой быка, бычок; *Буз юрек йылан* – змея с ледяным сердцем, гадюка; *Къара къаргъа* – черная ворона, грач. Однако благодаря идиоматичности они отнесены к единицам лексико-фразеологического типа.

Другая группа идиом лексико-фразеологического типа формируется также на основе определительных словосочетаний. Фразеологические единицы, входящие в эту группу, тоже обладают конкретным значением. Характерная особенность таких устойчивых словосочетаний состоит в том, что одно из составляющих его слов в современном крымскотатарском языке не имеет самостоятельного значения и употребляется лишь в данном фразеологическом контексте. Например: *Узун йыл* – длинный год, високосный год. Таковы некоторые общие наблюдения системы устойчивых словосочетаний в крымскотатарском языке.

Все сказанное дает возможность сделать вывод, что одним из важных вопросов теории фразеологии является решение проблемы образования фразеологического значения. Известно, что семантика фразеологических единиц не совпадает ни со значениями их компонентов, ни со значениями синонимичных им слов. Наиболее точная передача значения подавляющего большинства фразеологизмов возможна только описательно. Фразеологизмы крымскотатарского языка, рассматриваемые во всем своем количественном составе, правомерно назвать объектом исследования фразеологии как научной дисциплины. В соответствии с этим объектом исследования будут и закономерности формирования состава фразеологизмов языка в целом, и обусловленность изменения этого состава в зависимости от лингвистических и нелингвистических факторов, и особенности употребления фразеологизмов в речи в границах нормы и с учетом всяческих отклонений от нормы, и соотношения состава фразеологизмов литературного языка и состава фразеологизмов диалектной и профессиональной речи, а также соотношение в самых различных аспектах состава фразеологизмов языка как особых единиц, и состава слов языка также как особых единиц.

Фразеологизм — объективное явление языка. Он имеет конкретную форму и реальное содержание. И, как любая другая единица языка, характеризуется единством своей формы содержания, своим особым употреблением в речи, присущей только ему функцией в языке. В своем качественном своеобразии он неповторим в других единицах языка и может быть противопоставлен другим единицам языка только в этом единстве формы и содержания. Невозможность передачи лексического значения фразеологизма через слово, а также — лексического значения слова через фразеологизм — обстоятельство, которое указывает на то, что между ними существует различие, но само по себе не может служить критерием разграничения лексических значений той и другой единицы в языке. Компонент фразеологизма, сам по себе не вступает в отношения и связи со словами в речи, тогда, как любое слово имеет непосредственную связь с другими словами.

Выводы и перспективы. Фразеологизм и слово вступают в отношения и связи по законам лексической и грамматической сочетаемости. Однако это не исключает ни фактического разнообразия фразеологизмов и слов в языке, ни зависящего от этого фактического разнообразия отношений и связей между ними. Фразеологизм

— только генетически словосочетание. Как качественно законченное образование в языке (и по форме и по содержанию) фразеологизм языка представляет собой особую единицу языка, которая, будучи реально представлена в качестве таковой, выпадает из системы словосочетаний, т.е. из реального многообразия возможных словосочетаний, которые могут быть образованы в живой речи. В дальнейшем нами будет изучена связь фразеологизма с его внутренней формой, т.к. семантика фразеологической единицы непосредственно связана с его образностью, она в основном и существует, опираясь на конкретный образ, т.е. большинство фразеологизмов сохраняет связь со своей внутренней формой.

Литература

1. Ахунзянов Г.Х. Идиомы. / Г. Ахунзянов. – Казань : Идел-Прес, 1974. – 65с.
2. Гусейнов Ф.Г. Лексико-фразеологические вопросы перевода с английского на азербайджанский язык. / Ф.Г. Гусейнов – Баку : Маариф, 1967. – с. 14.
3. Гусейнов Ф.Г. Русская фразеология. / Ф.Г. Гусейнов – Баку : Маариф, 1977. – с. 10.

Куртсейтов А. М. Ідіоми в кримськотатарській мові / А. М. Куртсейтов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 172–176.

Фразеологічні звороти разом зі словами становлять одну з істотних сторін мови, є як його будівельними матеріалами. У сучасній кримськотатарській мові є такі поняття, які виражаються тільки фразеологічними одиницями, їх значення можна передати не інакше як цілим комплексом словосполучень. Наприклад: баш тартмак' - відмовлятися, досл. голову тягнути; юрегінде таш олмак' - сильно переживати, досл. бути каменем на серці; Ак сук - блакитна кров, досл. біла кістка та інші.

У роботі загальні та специфічні фразеологічні засоби систематизовані в декількох аспектах, а також дано тлумачення великої кількості фразеологізмів, що відносяться, зокрема, до історії та етнографії. Широко використано описовий, порівняльно-історичний, структурний методи дослідження, що сприяло поглибленому аналізу кримськотатарських фразеологізмів. У статті узагальнено результати багаторічної наукової та викладацької роботи. Розглянуто численні праці мовознавців, які досліджували фразеологію, твори письменників та тексти виконавців кримськотатарського фольклору, давні і сучасні періодичні видання.

Ключові слова: фразеологізм, ідіома, кримськотатарський фольклор, фразеологічний зворот, кримськотатарська мова.

Kurtseitov A. M. Idioms in the Crimean Tatar language / A. M. Kurtseitov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 172–176.

Crimean Tatar idioms created in many cases based only on their intrinsic images, and because of their individual nature can co-exist with other equivalent units of the internal form. Idioms such complexes are usually used for events that sphere of reality, which displays the character calls for a different emotional relationship. The paper summarizes the results of many years of research and teaching work. Examined numerous works of linguists, who studied rhetoric, the work of writers and artists of the Crimean Tatar folklore texts, ancient and modern periodicals. In general and specific phraseological tools are summarized in several aspects, as well as the interpretation given to a large number of idioms relating, in particular, to the history and ethnography. Widely used descriptive, comparative- historical, structural research methods that facilitate in-depth analysis of the Crimean Tatar idioms.

Turns of phrase, along with the words, constitute one of the essential aspects of the language, are like his building materials. In today's Crimean Tatar language there are concepts that are expressed only in phraseological units, and their value can be passed only as a whole set of phrases. For example: bash tartmak - refuse, word for word. pull your head; yureginde tash olmak - much to experience, word for word. be at the heart of stone; ak Suyek - blue blood, word for word. white bone, etc. Idioms, though, and are resistant in

semantics and composition, reproduced in some form units in the operation of a system of language undergo some changes. At the moment it is not possible to reveal all the semantic and structural changes that have occurred in the historical development of idiomatic fund Crimean Tatar language. Therefore, the disclosure of certain semantic and structural changes in phraseology will be based mainly in synchronous plan. For example, nouns: es - consciousness, memory and use - a sense, using verbs, take different case endings and form options phraseological expressions: Esi ketmek - faint; research etmek - feel. The issue of semantic and structural transformations of phraseological units directly connected with the practical problems of lexicographic treatment of these units. Proper filing of phraseology in entries intelligent and phraseological dictionaries depends on the resolution of the problems of variance, the most accurate compositional phrases and forms of their components. The word, whatever it was metaphorical, does not create the same tactile imagery, which has idiom. At the same time, a large number of Crimean Tatar phraseology does not synonymous or close in meaning to the expression him, and acts as one single nominative-representational unit. In today's Crimean Tatar language there are concepts that are expressed only in phraseological units, their values can be transferred except as a whole set of phrases.

Keywords: idiom, Crimean Tatar folklore, idiomatic, the Crimean Tatar language.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК – 811.512.145'33

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ ГЛАГОЛА НА -А ЭКЕН В СОВРЕМЕННОМ КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Бекирова Л. И.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
E-mail: bekirova.79@mail.ru*

В статье исследуется форма прошедшего времени глагола изъявительного наклонения на -а экен в современном крымскотатарском языке. В ходе исследования установлено, что категория прошедшего времени изъявительного наклонения в крымскотатарском языке представляет собой сложную и многообразную по грамматической структуре систему.

Установлено, что форма прошедшего времени на -а экен относится к аналитическим формам прошедшего времени.

Ключевые слова: морфология, глагол, функция, прошедшее время, крымскотатарский язык.

Постановка проблемы. Аналитические формы времен со служебным элементом экен обычно переносятся в раздел о модальных значениях времен. Это происходит потому, что в существующих грамматиках, в основном, преобладает семантический принцип рассмотрения форм грамматических категорий, а не принцип исследования по формам значений, что приводит к выпадению из систем времен некоторых форм [1].

Актуальность. К числу наименее исследованных, грамматических форм относятся и формы прошедшего времени, образуемые при участии служебного глагола экен.

Цель и задачи исследования – описание категории прошедшего времени глагола на -а экен изъявительного наклонения в современном крымскотатарском языке с использованием современных достижений тюркологии.

Из поставленной цели вытекают следующие главные задачи:

- выявить форму прошедшего времени на – а экен изъявительного наклонения глагола, существующую в современном языке, определить её функциональные формы;
- показать основные семы, характерные для выявленной формы, их употребление в языке;
- показать место форм и семантики, парадигматики, синтагматики данной категории в грамматической структуре крымскотатарского языка;

Методы исследования – в основном описательный, в необходимых случаях используются сопоставительный и сравнительно-исторический методы, метод компонентного анализа форм и семантики глагола.

Основой для исследования принят подход от формы – к значению грамматической категории. Исходным для исследования является грамматическая форма времени, т.е. принят формально-семантический подход. У каждой формы прошедшего времени выявляются и подробно описываются ее основные формы функционирования в языке и речи, затем анализируются ее основные значения (семы) в речи. Такой

подход, прежде всего, отвечает интересам читателя, обеспечивает ему быстрый доступ к искомой форме, которую он встречает в тексте.

В книге А.М. Меметова и К.М. Мусаева «Крымтатарский язык» отмечается, что при помощи служебного элемента экен образованы три формы прошедшего неочевидного времени: «прошедшее-неочевидное время данного момента, прошедшее-неочевидное многократно-длительное время, давнопрошедшее-неочевидное время» [2, 219].

Прошедшее-неочевидное время данного момента образуется на основе показателя настоящего времени на -а/е/й с присоединением к ней вспомогательного слова экен. Это время может быть представлено по следующей модели глагол+а+экен, например: сат+а+экен, бар+а+экен, бер+е+экен, кел+е+экен и т.д. Модель в чистой форме выражает третье лицо единственного числа. К ней присоединяются аффиксы лица первой группы.

Спряжению подвергается только служебный элемент экен, а форма глагол+а остается без изменений. В чистом виде форма на -а экен выражает третье лицо единственного числа положительного аспекта.

Парадигма спряжения глаголов в форме на -а экен
в положительном аспекте

Единственное число

1л. мен окъу+й экен+им, сат+а экен+им, бер+е экен+им, сёйле+й экен+им

2л. сен окъу+й экен+синь, сат+а экен+синь, бер+е экен+синь, сёйле+й экен+синь

вежл. окъу+й экен+сиз, сат+а экен+сиз, бер+е экен+сиз, сёйле+й экен+сиз

3л. о окъу+й экен 'оказывается, он читал', сат+а экен 'оказывается, он продавал', бер+е экен 'оказывается, он давал', сёйле+й экен 'оказывается, он говорил'

Множественное число

1л. биз окъу+й экен+миз, сат+а экен+миз, бер+е экен+миз, сёйле+й экен+миз

2л. сиз окъу+й экен+сиз, сат+а экен+сиз, бер+е экен+сиз, сёйле+й экен+сиз. Эта форма одновременно обозначает как простую, так и вежливую форму второго лица множественного числа.

3л. олар окъу+й экен(+лер), сат+а экен(+лер), бер+е экен(+лер), сёйле+й экен(+лер)

Отрицательная форма образуется посредством прибавления -ма/ме к глагольной основе. При этом аффикс -а/е/й имеет только форму -й: окъу+ма+й экен, сат+ма+й экен, бер+ме+й экен, сёйле+ме+й экен.

Вопросительная форма образуется посредством прибавления к глаголу вопросительного аффикса -мы/ми после аффикса -а/е/й перед словом экен: окъу+й+мы экен?, сат+а+мы экен?, бер+е+ми экен?, сёйле+й+ми экен?

Семантика прошедшего времени на -а экен

Форма на - а экен обозначает действие или состояние, которое действительно имело/не имело место, оно приурочивается к данному моменту в прошлом независимо от его отношения к завершенности или незавершенности. «Это время устанавливает факт совершения (или несовершения) действия в прошлом, причем говорящий не был свидетелем совершения действия, и он знает и судит о нем со слов дру-

гого лица, других лиц или на основании умозаключения, выведенного из сопоставления фактов, которые были известны раньше или стали известны позже совершения действия. Эта форма обычно употребляется в сообщении о далеком прошлом» [2, 220].

Парадигматические семы формы на -а экен

1. Как и все формы прошедшего времени, данная форма выражает действие, совершенное в прошлом, до момента речи. Бабанынь оксюриги бу якъында кене зыкъарлады, тютюнден ола экен [6, 89]. ‘Кашель деда стал усиливаться, все исходило от курения’. В этом примере действие уже совершилось к моменту речи и в этом говорящий не сомневается.

2. Прошедшее действие приурочено к моменту речи в прошлом. Дженк башламаздан эвель, Керчь шеэриндеки Войков адына маден заводундан инженер чалыша экен [6, 69]. ‘До начала войны он работал на Керченском металлургическом заводе имени Войков’.

3. Неочевидное действие, которое совершилось или не совершилось в прошлом. Это – действие, о котором говорящий получил информацию через разные другие источники, а не непосредственно. Это также - предположительное действие, которое отнесено в план прошедшего времени [4]. Къарт мени, гонълюмни алмакъ ичюн, макътай экен. ‘Оказывается, старик хвалил меня, чтобы успокоить’. Говорящий не был свидетелем того, почему старик его хвалил, об этом он узнал от других.

Синтагматические семы формы на -а экен

Наиболее распространенной синтагматической семой формы на -а экен является выражение действия, которое является вневременным и может относиться также к настоящему времени [3]. В следующих примерах эта форма выражает действие, которое продолжается и в настоящее время [5]. Например, в общем высказывании, похожем на поговорку, или обобщающем жизненный опыт человека: Эр девирнинъ озъ усулы ола экен. ‘Оказывается, у каждого периода были свои методы’. Лякин, табий шей, арадан азачыкъ вакъыт кечкен сонъ, о азаплар бир тамам унутыла, онынъ ерини башкъа дуйгъулар ала экен [7, 205]. ‘Однако, естественно, со временем, оказывается, эти трудности и переживания забываются, их место занимают новые чувства’.

В предложениях с подчиненным предложением: Эки-учъ кунъден берли анда да барып оламайым, ишлер насыл кете экен? [6, 143]. ‘Уже три-четыре дня, как я не могу съездить туда, как идут там дела?’

Выводы и перспективы. Исследование материалов крымскотатарского языка показывает, что аналитическая форма прошедшего времени на -а экен – это полноценная парадигма форм прошедшего времени, а не стилистический вариант каких-то других форм глагола.

Литература

1. Агазаде, Н.Г. Система глагольных наклонений в современном азербайджанском литературном языке / Н. Г. Агазаде. – Баку, 1967. – 34 с.
2. Меметов, А.М., Крымтатарский язык. Ч. I. Общие сведения о языке. Ч. II. Морфология : учебное пособие / А. М. Меметов, К. М. Мусаев. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2003. – 288 с.

3. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М. : Наука, 1988. – 386 с.
4. Юлдашев, А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках / А. А. Юлдашев. – М. : Наука, 1965. – 274 с.
5. Юсупов, Ф. Ю. Изучение татарского глагола / Ф. Ю. Юсупов. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1986. – 286 с.
6. Умеров Э. Ёылдызларга догъру : повестлер / Э. Умеров. – Ташкент : Эдебиат ве санъат нешрияты, 1983. – 278 с.
7. Эдемова У. Юрек атеши : повестлер / У. Эдемова. – Ташкент : Эдебиат ве санъат нешрияты, 1987. – 336 с.

Бекірова Л. І. Минулий час дієслова на -а екен в сучасній кримськотатарській мові / Л. І. Бекірова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 177–180.

У статті досліджується форма минулого часу дієслова дійсного способу на -а екен в сучасній кримськотатарській мові. В ході дослідження встановлено, що категорія минулого часу дійсного способу в кримськотатарській мові є складною і багатообразною по граматичній структурі системою.

Встановлено, що форма минулого часу на -а екен відноситься до аналітичних форм минулого часу.

Ключові слова: морфологія, дієслово, функція, прошедшее час, кримськотатарську мову.

Bekirova L. I. The past tense of the verb on the –a eken in the Modern Crimean Tatar language / L. I. Bekirova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 177–180.

In the article the form of the past tense of the verb in the indicative mood -a eken in the Modern Crimean Tatar language. The basis of the approach adopted for the study of the form - the value of the grammatical category. The starting point for this study is the grammatical form of time, formally adopted - the semantic approach. Each form of the past tense is the linguistic expression of the natural (conceptual) time. Each form of the past tense are identified and described in detail the functioning of its basic forms of language and speech, then analyzed its core values (Seme) in question. Consideration of the forms on time to their existing titles, traditionally coming from the grammar of the Indo-European schemes, does not always provide the opportunity to fully explore each of the forms of time.

The study in the paper model - the most common among all the models produced by the call of the verb Eken. This takes the form, as well as all other forms with Eken, affixes the first group of persons who join word Eken, and the verb in the form of on the -a remains unchanged.

Use of the form on the -a eken in the form of a positive aspect in the third person – the most common.

The form of the negative aspect is formed by joining -ma/me affix to the verb stem to affix -a: o oku +a+ma+eken 'turns out he did not read.'

The form of a question aspects are formed by adding to the verb interrogative particle mi after the affix -a before eken: okuy+eken mi? 'Perhaps he read it?' In this Crimean Tatar language is different from some other Kipchak languages in which the interrogative particle is attached to the word Eken, and moving closer to the Oghuz languages.

Form on -a eken expresses "an action that was indeed the case in the past, but the speaker does not witnessed it, he knows this firsthand, from the stories of others. Typically, the functioning of this form are fairy tales, stories about the past."

The shape of the past tense on -a eken refers to the analytical forms of the past tense.

Keywords: morphology, verb, function, past tense, the Crimean Tatar language.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 811.512.145:81'342:81'373

ВОПРОСЫ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ БАХЧИСАРАЙСКОГО САККА¹ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Рустемов О. Д.

РВУЗ «КИПУ», Симферополь

Статья представляет собой краткий обзор основных проблем стилистического, структурного и лексического характера, которые возникают в процессе перевода текстов кадиаскерских сиджилий Крымского Ханства на русский язык. Попытки решения этих проблем представлены в тексте переведенного документа 1627 г., взятого непосредственно из 1-го тома реестра судебных решений Бахчисарайского кадылыка. Произведено фрагментарное сопоставление крымского и российского юридического документа жанра «приговор».

Ключевые слова: Крымское ханство, стилистическое соответствие, перевод, судебные реестры, ичтихат, прецедентное право, дава, хюкм, иълам, приговор, сиджилъ.

Судебные решения Крымского Ханства, собранные в соответствующие книги (дефтеры), представляют собой записи фабулы и итогов судебных тяжб в присутствии «собраний Суда Шариата»². Кроме того, в упомянутых дефтерах обнаруживаются записи не судебного, а скорее гражданского или частного делового характера. В этой связи можно говорить о такой роли Суда Шариата в Крымском Ханстве, как нотариальная контора или отделение ЗАГСа. Наконец, среди остальных документов бахчисарайского сакка находятся также указы (фирманы) крымских ханов, выданных ими по самым разнообразным поводам: о постройке мечети, переносе монетного двора, и др.

Все эти документы довольно четко структурированы, что дает возможность говорить о существовании в Крымском ханстве функционального официально-делового стиля со многими подстилями и жанровым разнообразием [8]. Данное утверждение подкрепляется наличием развитой юридической терминологии арабоязычного происхождения.

Судебные решения крымских кадиев или Сиджили, как называются эти документы на языке оригинала, имеют небогатую историю переводов. В числе таковых следует упомянуть, прежде всего, двенадцать текстов сиджилий, переведенных на русский язык и опубликованных в ИТУАКе в конце XIX в. [2]. На другие языки сиджили не переводились. **Цель данной статьи** предполагает теоритическую разработку структуры, стилистических форм, клише, оборотов речи, подбор соответствующей терминологии, основанных на опыте перевода бахчисарайских сиджилий на русский язык.

Актуальность настоящего исследования вытекает из практической необходимости в прочтении, обработке и переводе документов кадиаскерского сакка для

¹ Сакк (осм. из араб. "saqq": "suquq"-"siqaq"-"esqaq") – книга, свод; свидетельство, удостоверение.

² Выражение из текстов сиджилий: «Meclis-i Şer'а» – собрание (суда) Шариата, см. например [3] (Р. О.)

изучения эволюции функциональной стилистики крымскотатарского языка, истории государства и правовых отношений, сложившихся в Крымском Ханстве на рубеже XVII-XVIII вв.

Источники права и судопроизводства Крымского Ханства носили всеобъемлющий характер. Они базировались на уложениях Шариата, что позволяет говорить о том, что в основании всей системы мусульманского правосудия находилось «Право по аналогии», которое можно рассматривать в большей степени, как «Прецедентное право» или «Ичтихат» – мнение знатоков фыхха¹, богословов и ученых [7, 174-175]. Мнение это строилось на судебных решениях и юридических прецедентах с участием признанных мусульманских авторитетов: самого пророка Мухаммада (С.А.В.), первых халифов, авторитетных кадиев и толкователей Корана прошлых лет. Подобная религиозная подоплека мусульманского права, распространенного, в том числе и в Крымском Ханстве, регламентировала все стороны как частной, так и социальной жизни общества, что определило тематическое и жанровое многообразие различных типов документов, заключенных в кадиаскерских книгах.

В свою очередь в синхронии указанного периода российская письменная традиция официально-делового стиля, несмотря на иные принципы права, не связанные столь тесным образом с религией, является не менее разработанной и структурно оформленной. Об этом свидетельствуют многие источники. В одном из них, в сборнике «Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства», издания 1838 г. [1], представлено большое количество различных типов деловых бумаг юридического свойства. Среди них обнаруживаются: челобитные, правые грамоты, судные списки, докладные, явки, приставные и зазывные грамоты, приговоры, обыски, духовные записи, купчие, крепостные и пр. Сборник составлен именно с целью служить наглядным пособием для изучения исторической стилистики из области русского официально-делового стиля: «Акты сего рода составляют ключ к познанию обрядов, форм и слога, и служат руководством при изучении русской дипломатики [1, 5]». То же самое, со своей стороны, может быть сказано и о документах, подшитых в кадиаскерские книги, которые, еще ждут своего издания и изучения.

Структурные отличия большинства юридических документов российского и крымскотатарского делопроизводства не очень существенны. Для примера рассмотрим такой распространенный тип сиджиля, как «дава»² или «хюкм»³, который в современной турецкой истории стилистики называется «i'lam»⁴. Однако в текстах подобного рода почти повсеместно употребляются слова «дава» («...takrir-i **dava** idub...») – делая заявление по иску) и «хюкм» («mucibi ile **hüküm** olunub» – решение, будучи принятым в соответствии...). Первый переводчик сиджилей, Биарсланов, называет этот тип документа просто «судейское решение» [2]. Утверждение оконча-

¹ Фыхх / фикх – 1) исламская доктрина регулирующая поведение и ответственность (юриспруденция);

2) уложение общественных норм (мусульманское право в широком смысле) (Р.О.)

² Дава (араб. *dava*) – иск, тяжёлое дело (Р.О.)

³ Хюкм / хукюм (араб. *hüküm*) – решение судьи по рассмотренному иску.

⁴ Иълам / i'lam – арабоязычный термин, в переводе означает объяснение, сообщение. Представляет собой справку о решении суда, которая включает суть претензии истца, показания ответчика, показания свидетелей и собственно судейское решение [10, 8-9]. См. также [9, 429]

тельной терминологии в области классификации юридических документов Крымского Ханства еще ожидает процесс унификации и последующей фиксации таковой. В данном случае этот тип документа можно сопоставить с российским «Приговором». В российском реестре документ начинается с указания даты:

«(В) 162 году Октября в день Пречистой Богородицы, Тихвина Монастыря архимандрит Иосиф, келарь старец Михайло, казначей старец Стефан, конюший старец Аврамей, соборный старец Пафиотей, на соборе, сего судного дела слушали и указали: истца Иванка Иванова в том деле, что он искал в товарах прибыли шестидесяти двух рублей, обвинить за то, что... [1, 103, приговор № 63]».

Прембула в крымскотатарском тексте несколько отлична и, как правило, носит формализованный, универсальный характер, подходящий ко всякого рода юридическим делам: «Sebeb-i tahrir-i kitab-ı Şer'i ve mücib-i tastir-i hitab-ı mer'î oldur ki,.. [4]» – «Поводом для написания сего документа (суда) Шариата и необходимости обращения к уложениям Закона явилось то, что...» (*здесь и далее переводы наши, Р. О.*). Непосредственно после этих слов следует фабула, начинающаяся с презентации истца, который в «присутствии ответчика предстал пред Высоким Собранием Суда Шариата...». Дата всегда указывается в конце документа, после решения или приговора. В подавляющем большинстве документов данного типа, приведенная выше традиционная стихотворная прембула опускается. От нее остается только выражение «oldur ki,..» – «явилось то, что...». Это сокращение смысловой части прембулы представляет некоторую проблему в плане перевода, потому что не находит соответствия в русских текстах. Ее нужно либо совершенно убирать, либо сохранять, снабжая комментарием, либо воспроизводить полностью, восстанавливая опущенную секретарем дивана часть.

Примерную структуру кадиаскерских сиджилей можно проследить по представленному ниже тексту¹:

Oldur ki, kariye Kökenli'den Bayram Ali Süfi ibn-i Baş Elhafız Meclis-i Şer'a Sefer Ali bin Kemal ihzar ve mahzurından takrir-i **dava** idub dedi ki, işbu Sefer Aliniñ yerinde uğruluğım bütü' buğavımı buldum. Şer-i Şerif muktezasınca taleb iderün dedikte, el-mezbur bu Sefer Ali'den bi'l-muvacehe sual olundukta: bana Abdulaziz Çelebi vermişdir bunun itdüğünü bilmem deyü cevap virecek. El-mezbur Bayram Ali'den sıdk-ı da'vasına mutabık beyyine taleb olundukta adul-i ricalden Can Abdullah bin Şevval ve Çotka bin Çakiya li-ecli'ş-şehade hazır olub şöyle eda-yı şehadet itdiler ki, işbu kara buğav mezbur Bayram Alinin mülküdür..... mülküyetinden hariciye olmuş degüldir, sirkat olunmuşdur. Bu hususa şahidleriz, şahadet dahi ideriz dediklerinde hayr-ı kabül'den vafıqa olub mucibi ile **hüküm** olunub mahüve'l-vaki ketb olundu. Muharrem fi..... Sene Seb a aşer ve Elf. (1017).

Şuhud'ul-hal: 1)..... 2) Şah Hüseyin bin Kasım. 3) Küntovmuş ibn-i Taqatmış Elhac. 4) Temir bek [5].

(Явилось то, что) Байрам Али Суфи ибн Баи Эльхафиз из села Кокенли в Собрании Шариата в присутствии Сефера Али сына Кемала, давая показания, сказал:

¹ Данный текст публикуется впервые (Р.О.).

В месте (принадлежащем) этому самому Сеферу Али, нашел я украденного у меня буйвола, истребуйте его у него в соответствии со Священным Шариатом. Упомянутый Сефер Али, будучи опрошенным, отвечал: мне его дал Абдульазиз Челеби, о деяниях его не ведаю. На требование подтвердить правдивость слов упомянутого Байрама Али из присутствующих мужей Джан Абдуллах сын Шевваля и Чутка сын Чакия, выразив готовность свидетельствовать, дали такие свои свидетельские показания: этот самый черный буйвол является собственностью Байрам Али, за пределы его права владения не выходил, но был украден. Сему мы являемся свидетели и такие показания даем. По произношению этих слов свидетельские их показания были приняты как верные, в соответствии с ними назначен приговор, а все упомянутое записано, так, как было. Месяца Мухаррем, дня ..., года 1017. Свидетели присутствия: Шах Хусейн сын Касыма, Куньтовмуш сын Такатмыша Эльхаджа, Тимур Бек.

Трудности перевода текстов сиджией на русский язык связаны не только с решением вопросов стилистического и структурного соответствия. Они могут быть и чисто технического характера: например, чернила части документов поблекли от времени, что затрудняет их восприятие и правильное толкование, и процесс чтения носит зачастую исключительно интуитивный характер. Тексты на отдельных страницах лишены некоторых своих фрагментов, так как сами страницы неправильно подшиты [6]. Либо край страницы оторван вместе с окончанием или началом рукописной строки. Особенности стиля арабской скорописи «Рик'а» позволяют довольно четко различать написание знаков, но часто опускаются точки тех или иных букв и случаются пропуски в написании. Кроме того, в сиджиях наблюдается довольно устойчивые способы укорачивания фраз или отдельных, часто употребляемых слов. В целом же следует признать высокую степень грамотности и точного следования кятибами Суда Шариата правилам современной каллиграфии при составлении сиджией Крымского Ханства XVII-XVIII вв.

Довольно существенным представляется вопрос лексических соответствий при переносе текстов сиджией на русский язык. В большей степени это касается разнообразной юридической терминологии, не всегда имеющей параллели в русском праве. Язык сиджией стремится к краткости, что помимо своеобразного «рубленого» синтаксиса характеризуется также емкими в плане семантики терминами, представляющими собой зачастую изафетные конструкции идиоматического свойства. В приведенном отрывке примером такого термина может служить распространенное выражение в документах типа «дава»: «mahüve'l-vaki (ketb olundi) / махюв аль-ваки (кетб олунды)». Это выражение мы перевели как: «упомянутое (было записано), так, как было». Дословно же «махюв аль-ваки» переводится: «в соответствии с событием», своего рода «юридический факт». Заключение приговора, приведенного в качестве примера из российского реестра, выглядит следующим образом: «... и в том его иску указали быть вере, крестному целованью, истцу Ивану Иванову самому крест целовать, а ответчику Тимошке под крест живот класть» [1, 104, приговор № 63]. В сиджиях же вся процедура сопоставимая с подобными клятвенными уверениями отсутствует. Показания свидетелей из числа мусульман являются исчерпы-

вающими, и автоматически означают объективность расследования, а также полное соответствие записи с действительностью: «махюв аль-ваки».

Выводы и перспективы. В сиджилах кадиаскерского сакка подобных терминов большое количество, однако, в рамках статьи рассмотреть их в полном объеме и более подробном освещении не представляется возможным. Задачи данной работы сводились, прежде всего, в обозначении проблем теоретического характера, решение которых возможно только в процессе практического перевода сиджилей. Обращение к юридическим документам Крымского Ханства и их перевод на русский язык позволит дать подробное описание исторической стилистики данного периода с представлением всех типов документов, анализом их синтаксиса и лексики, внутренней структуры и основ юриспруденции.

Литература

1. *Акты юридические* или собрание форм старинного делопроизводства. Изданы археографической комиссией. СПб, В Типографии II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1838 г. – 508 с.
2. *Биярсланов М.* Выписи из кадиаскерского сакка (книги) 1017 – 1022 хиджры (1608/9 – 1613 г. хр. лет.), хранящегося в архиве Таврического Губернского Правления. // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). №№ 8; 9; 10. Симферополь. Типография Таврического губернского правления. 1889 – 1891.
3. *Репринтные копии* рукописей бахчисарайских сиджилей, хранящиеся в библиотеке им. Гаспринского в Симферополе. Т. 1, 2.
4. *Репринтные копии* рукописей бахчисарайских сиджилей, хранящиеся в библиотеке им. Гаспринского в Симферополе. Т. 1, 6 текст № 1.
5. *Репринтные копии* рукописей бахчисарайских сиджилей, хранящиеся в библиотеке им. Гаспринского в Симферополе. Т. 1, С 3-а (98) Текст № 3.
6. *Репринтные копии* рукописей бахчисарайских сиджилей, хранящиеся в библиотеке им. Гаспринского в Симферополе. Т. 1, С 1-а, Текст № 5, 1-б Текст № 6.
7. *Рустемов О. Д.* Русско-украинско-крымскотатарский словарь юридической терминологии. / О. Д. Рустемов. – Симферополь, Крымучпедгиз, 2013. – 200 с.
8. *Рустемов О. Д.* Источники по изучению становления официально-делового стиля крымскотатарского языка эпохи Крымского Ханства. Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Том 26 (65), №2. Филология. Симферополь, 2013. С. 232-238.
9. *Энциклопедический словарь* османского языка / Osmanlıca – Türkçe Ansiklopedik Büyük Lugat. Hazırlayan Heyet: A. Yeğin, A. Badılı, İ. Hekimoğlu, İ. Çalım - İstanbul: Türdav, 1995. -1070 с.
10. *Öznur K. Bozkurt.* KÜTAHYA SER'İYE SİCİLLERİ 8 NUMARALI DEFTERİNİN
11. *TRANSKRİPSİYONU VE DEGERLENDİRİLMESİ* (Yüksek Lisans Tezi). Dumlupınar Üniversitesi. Kütahya, 2006. / Транскрипция и классификация тетради № 8 сиджилей Суда Шариата Кютахья. Диссертация на высшую лицензию. Озьнур К. Бозкурт. Университет Думлупынар. Кютахья, 2006.

Рустемов О. Д. Питання стилістичних відповідників при перекладі текстів судових рішень бахчисарайського сакка на російську мову / О. Д. Рустемов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 181–186.

Стаття являє собою короткий огляд основних проблем стилістичного, структурного та лексичного характеру, які виникають в процесі перекладу текстів кадиаскерських сиджилей Кримського Ханства на російську мову. Спроби вирішення цих проблем представлені в тексті перекладеного документа 1627, взятого безпосередньо з 1-го тому реєстру судових рішень Бахчисарайського кадиліка. Вироблено фрагментарне зіставлення кримського та російського юридичного документа жанру «вирок».

Ключові слова: Кримське ханство, стилістичну відповідність, переклад, судові реєстри, ічтіхат, прецедентне право, дава, хюкм, і'лам, вирок, сиджіль.

Rustemov O.D. Questions of stylistic correspondences in translating the texts of judgments Bakhchisaray sakka into Russian / O.D. Rustemov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 181–186.

The article presents a brief overview of the stylistic, structural and lexical problems, which arise in the process of translating texts of the kadiasker's sidzhils of Crimean Khanate into Russian. Attempts to solve these problems are presented in the text of the translated document of 1627 y., which was taken directly from the 1-st volume registry judgments of the Bakhchisaray's qadilyk. It was makes fragmentary comparison of Crimean and Russian legal document genre "sentence".

Structural discrepancies when comparing the translation of legal documents and the Crimea and Russia XVII-th century is not only based on different languages and linguistic culture. They also caused various foundations and principles of the system of justice in these two states. This is reflected both in the construction of the documents themselves, and in particular turns of phrase.

The article also touches upon the problems actually sidzhils direct study, which include the development and unification of the types of documents based on their content, structure, terminology and stylistic features.

Keywords: Crimean Khanate, stylistic conformity, transfer, court registries, ichtihat, case law, dava, khukm, i'lam, sentence, sidzhil.

Поступила в редакцію 03.03.2014 г.

УДК 811.512.145'367.626.1/3

СПЕЦИФИКА СЕМАНТИКИ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Чанталова Г. Ш.

*ТНУ имени В.И.Вернадского
E-mail: gulnara_arifova@mail.ru*

Местоимения в грамматической структуре любого языка представляют собой одну из наиболее своеобразных лексико-грамматических категорий как в плане семантики, так и с точки зрения структуры. Изучением местоимений в тюркских языках занимались Меметов [1,2], М.А.Хибичев [3;221], Ш.Ч.Сат [3;392], П.Азимов [3;100], И.А.Андреев [3;51], Н.З.Гаджиева [3;73], Э.В.Севортян [3;243], И.А.Баскаков [3;512], В.Котвич [4], Ф.Г.Исхаков [5]. В частности, в крымскотатарском языкознании изучением этой проблемы занимались такие ученые-тюркологи как А.Меметов[1, 2], К.Мусаев[1], А.Н.Самойлович[6], Э.В.Севортян [3]. В славистике проблемой местоимений занимались лингвисты Е.Н.Сидоренко [7], Л.А.Лозовая [8], Н.Н.Никольский [9]. **Результаты** исследования позволяют более отчётливо представить условия употребления определительных местоимений. **Теоретическое и практическое значение** работы заключается в возможности использования результатов в преподавании и изучении крымскотатарского языка. **Целью и задачей** является обозначение и анализ употребления определительных местоимений в крымскотатарском языке. В данной работе мы ограничимся анализом основных семантических особенностей определительных местоимений. Представленный материал может представлять интерес для преподавателей, студентов, а также быть использованным при составлении пособий по изучению крымскотатарского языка.

Ключевые слова: местоимение, определительные местоимения, семантика, разряд.

Постановка проблемы. Местоимения в грамматической структуре любого языка представляют собой одну из наиболее своеобразных лексико-грамматических категорий как в плане семантики, так и с точки зрения структуры. В современной лингвистике решаются вопросы происхождения местоимений, выясняются их семантические и морфологические особенности. Изучением местоимений в тюркских языках занимались Меметов [1, 2], М.А.Хибичев [3;221], Ш.Ч.Сат [3;392], П.Азимов [3;100], И.А.Андреев [3;51], Н.З.Гаджиева [3;73], Э.В.Севортян [3;243], И.А.Баскаков [3;512], В.Котвич [4], Ф.Г.Исхаков [5]. В частности, в крымскотатарском языкознании изучением этой проблемы занимались такие ученые-тюркологи как А.Меметов[1, 2], К.Мусаев[1], А.Н.Самойлович[6], Э.В.Севортян, [3]. В славистике проблемой местоимений занимались лингвисты Е.Н.Сидоренко [7], Л.А.Лозовая [8], Н.Н.Никольский [9]. **Результаты исследования** позволяют более отчётливо представить употребление определительных местоимений. В последнее время возрос интерес к изучению крымскотатарского языка, таким образом, **теоретическое и практическое значение** работы заключается в возможности использования результатов в практике вузовского и школьного преподавания, в изучении крымскотатарского языка всеми желающими, в том числе и не носителями языка. Основной **целью и задачей** является обозначение и анализ употребления определительных местоимений в крымскотатарском языке.

Местоимение в крымскотатарском языке по своей семантике и формальным признакам, а также выполняемым ими синтаксическим функциям бесспорно отно-

сится к числу именных частей речи имя существительное, имя прилагательное, имя числительное. Местоимение отличается от этих имён по своему значению. Местоимение не выражает конкретного предметного значения или понятие признака конкретного действия, а представляет обобщённое значение какой-либо именной части речи [1;149], т.е. сам термин «местоимение» - обозначает такую часть речи, которая занимает место имени, употребляется вместо имени. [9;3]. Местоимения связаны по значению не с каким-то одним определённым предметом, понятием, а с целым рядом понятий определённого типа. В местоимениях обобщаются признаки разных предметов, признаков и т.д. Существительное обозначает, называет определённый предмет, прилагательное – какое-либо определённое качество, признак предмета, числительное – определённое количество предметов. Так существительное *алим*, *денъиз*, *къуванч* называют разные, отличающиеся от других предметы; прилагательные *татлы*, *мерамети*, *ачыкъ* называют различные, отличающиеся от других признаки предметов; числительные – *юз*, *элли еди*, *бир* определённое количество предметов. Местоимения же не называют самих предметов или каких-либо присущих предметам качеств, каких-либо определённых количеств. Местоимения только лишь указывают на них, так что своё конкретное значение получают в контексте или в связи с говорящим лицом. Семантической особенностью местоимения является то, что оно выступает в качестве смысловой замены слов, относящихся к другим четырём частям речи, и принимает их формы: именам существительным, именам прилагательным, именам числительным и наречиям [1;149]. Одним из основных отличий полнозначенных слов и местоимений является то, что первые обладают номинативным способом отображения, вторые – прономинативным [7;13].

Каждый семантический разряд местоимений имеет свои особенности. В данной работе мы анализируем основные семантические особенности определительных местоимений. М.А.Хибичев [3;221], Ш.Ч.Сат [3;392], П.Азимов [3;100], И.А.Андреев [3;51], Н.З.Гаджиева [3;73], Э.В.Севортян [3;243], И.А.Баскаков [3;512] в своих классификациях выделяют данные местоимения в разряд определительных. Е.Н.Сидоренко [7;60] называет традиционно названные определительные местоимения термином обобщающе-выделительные прономинативы. К ним относит : *сам*, *самый*, *весь*, *всякий*, *каждый*, *иной*, *любой*, *другой*, *везде*, *всюду*, *повсюду*, *отовсюду*, *всяко*, *всегда*, *иногда*. Профессор А.Меметов в монографии «Крымтатарский язык» называет эти местоимения относительными [1;164]. Позже, в монографии «Современный крымскотатарский язык», А.Меметов именует этот разряд как обобщающе-выделительный и делит его на две группы [2;221]. Первую группу составляют обобщительные местоимения *эписи*, *бутюн*, *джеми*, *джумле*. Местоимения данной группы указывают на совокупность явлений или на полноту охвата чего-либо. Вторую группу составляют выделительные местоимения *эр*, *эр кес*, *эр ким*, *эр шей*. Местоимения данной группы указывают на обособленность или единичность, например: Бундан эки ай эвель онынъ тоюнда *эр кестен* зияде зевкълангъан Юсуф эди. (А.О.) Озюнинъ дюлбъбер экенини, Юсуф исе оны бегенгенини, умумен, *эр шейни* биле.(А.О.) Азизе *эр шейнинъ* къарарыны биле, бу джумледен, ишке кеч къалувнынъ да.

Э.В. Севортян относит к определительные местоимения следующие: *эп* [всё], *алай*, *бутюн*, *джюмле* (устар.) [весь, вся], [всё], *эр* [каждый], *эр бир* [всякий], [любой] [3;243]. Отметим, что нормативной формой местоимения *джюмле* в настоящее время является форма *джумле*: Алла *джумлемизге* бойле кьувачлар кьысмет этсин. Алла *джумлемизни* эксик этмесин. Слово *эр* является омонимом. *Эр1* – [каждый] и *эр2* – [муж, мужчина, мужской], например: *Эр* баланы эркетелсенъ – эринчек олур, кьыз баланы эркетелсенъ – эрине кьыйын олур (А.с.). Местоимение *эр анги* синонимично местоимению *эр бир* [всякий], [любой], например: Эдебий бильгиси кьавий олмаса да, *эр анги* эсерге сиясий джеэттен кьыймет кесмеге биле. (А.О.) Муссема башлагъан *эр анги* лакъырдынынъ сонъу давагъа барып чатаджагъы белли. (А.О.) Озь фикири ве озь макъсады ичюн куреште *эр анги* маниаларны енъер, ама теслим олмаз. (А.О.) Местоимение *эп* принимает аффиксы принадлежности во множественном числе и склоняется: *эпимиз* [все мы], *эпинъиз* [все вы], *эписи* [все, всё, все они] [3;243]. Определительные местоимения могут категориально соотноситься с теми же знаменательными частями речи, с которыми соотносятся и местоимения других семантических разрядов. Указывая на лицо и замещая имена существительные *эписи* употребляется субстантивно, например: Азизе *эписинден* мустесна. (А.О.) Юсуф буларны *эписини* ойлап, гедже директорнынъ кабинетинде сабаны беклемеге кьарар берди. (А.О.) *Эпинъиз* шаатсынъыз. О мени акъарет этти. (А.О.) А также атрибутивно, например: *Эписи* адамларнынъ агъызы шапур-шупур, бизимки – Аллагъа шукюр (А.с.). Местоимение *эп* употребляется в обстоятельственной функции [3;243], например: Тавурыны бозмагъан алда тегерек къара козылеринен Юсуфны *эп* сюзди. (А.О.) Юсуфнынъ юрегинде котерильген борандан хабери ёкъ, *эп* саифе окъуй. (А.О.) Азизенинъ онъа *эп* ойле бакъып тургъаныны корип, сёзюни битирмеге ашыкъты. (А.О.) Ама, юреги *эп* эеджанлы эди. (А.О.) Остальные определительные местоимения могут принимать посессивные аффиксы и склоняться [3;243], например: Мен оны иштен бошатув акъкындаки эмирни, *эпинъизнинъ* козюнъиз огюнде, сейфке кьоям. (А.О.) Матбуатта чалышкъан адамлар *эр кеске* нумюне олмакъ кереклер. *Эр кеске!* (А.О.) В местоимения *эр*, *эр кес*, *эр ким*, *эр шей* на первый план выступает семантика выделения, например: *Эр* якъ бем-безя къар иле орьтюли. (А.О.) Озюнъиз билесинъиз, *эр* аякъ буз, тайгъакъ. (А.О.) В местоимения *эписи*, *бутюн*, *джеми*, *джумле* - значение объединения, обобщения. Например: Местоимения *джеми*, *бутюн* употребляется, как правило, в качестве показателя исчерпывающего охвата, обстоятельства полной меры, например: О озю япаяткъан *бутюн* ишлерни Азизе ичюн деп биле ве эр ишни текмиль, сонъунадже япмагъа тырыша. (А.О.) *Бутюн* инсанларгъа айтаджакъ сёзюм бар. (А.О.) Ярын саба ишке келеджек ве *джеми* къадынлыкънынъ екяне темсили олгъан Азизени кореджек. (А.О.)

Выводы и перспективы. Итогом данного исследования являются обозначенные нами условия употребления определительных местоимений в крымскотатарском языке. Представленный материал может представлять интерес для преподавателей, студентов, а также быть использованным при составлении пособий по изучению крымскотатарского языка.

Литература

1. Меметов А. Крымтатарский язык / А. Меметов. К. Мусаев. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2003. – 288с. – ISBN 966-8025-35-0.
2. Меметов А. Земаневий кырымтатар тили / А. Меметов. – Симферополь: Кырымдевокьувпед-нешир, 2006. – 320с. – Библиогр.: с. 313-315. – ISBN 966-354-025-7
3. «Языки народов СССР», т. 2, М, 1966
4. Котвич В. Исследования по алтайским языкам / Котвич В. – Москва: Изд. иностранной лит., 1962. – 371с.
5. Исхаков Ф.Г. Местоимение / Ф.Г. Исхаков // «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков» - Москва: Нука, 1956.
6. Самойлович А.Н. Опыт краткой крымско-татарской грамматики / Самойлович А.Н. – Петербург, 1916. – 104с.
7. Сидоренко Е.Н. Очерки по теории местоимений современного русского языка / Сидоренко Е.Н. – Киев – Одесса: «Лыбидь», 1990. – 148 с. – ISBN 5-11-002136-8.
8. Лозовая Л.А. Употребление неопределённых местоимений и наречий с частицами -то, -нибудь, -либо, не-, кое- в современном русском языке: автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук:..... / Лозовая Л.А. – Ростов. ордена Труд. Красн. Знамени гос. ун-т. – Ростов-на-Дону, 1971. – 23с.
9. Никольский Н.Н. Местоимение / Никольский Н.Н. Учебное пособие по русскому языку. Выпуск №7. – Изд-во «Правда», 1946 28 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- А.О. – Айдер Осман. Тутушув. Повестьлер. Икяелер. Т: Эдебият ве санъат нашрияты, 1988. – 399с.
(А.с.) – Аталар сёзлери ве айтымлар. Шевкет Асанов. – Симферополь: Кырым девлет окъув-педагогика нешрияты. Симферополь. – 2002. 184 с. ISBN 966-8025-19-9

Чанталова Г. Ш. Специфіка семантики означальних займенників у кримськотатарській мові / Г. Ш. Чанталова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 187–191.

Займенники в граматичній структурі будь-якої мови являють собою одну з найбільш своєрідних лексико-граматичних категорій як у плані семантики, так і з точки зору структури. Вивченням займенників в тюркських мовах займалися Меметов [1,2], М.А.Хібічев [3;221], Ш.Ч.Сат [3;392], П.Азімов [3;100], І.А.Андреев [3;51], Н.З.Гаджієва [3;73], Е.В.Севортян [3;243], І.А.Баскаков [3;512], В.Котвич [4], Ф.Г.Ісхаков [5]. Зокрема, у кримськотатарському мовознавстві вивченням цієї проблеми займалися такі вчені - тюркологи як А.Меметов [1,2], К.Мусаев [1], А.Н.Самойлович [6], Е.В.Севортян [3]. У славістиці проблемою займенників займалися лінгвісти Є. М. Сидоренко [7], Л.А.Лозовая [8], Н.Н.Нікольскій [9]. Результати дослідження дозволяють більш чітко уявити умови вживання означальних займенників. Теоретичне і практичне значення роботи полягає в можливості використання результатів у викладанні та вивченні кримськотатарської мови. Метою і завданням є позначення і аналіз вживання означальних займенників у кримськотатарській мові. У даній роботі ми обмежимося аналізом основних семантичних особливостей означальних займенників. Представлений матеріал може становити інтерес для викладачів, студентів, а також бути використаним при складанні посібників з вивчення кримськотатарської мови.

Ключові слова: займенник, означальні займенники, семантика, розряд.

Chantalova G.S. Specifics semantics determinative pronouns in the crimean tatar language / G. S. Chantalova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 187–191.

Pronouns in the grammatical structure of any language are one of the most peculiar lexical and grammatical categories in terms of semantics, and in terms of structure. In modern linguistics solved questions of the origin of pronouns, clarified their semantic and morphological features. Study of pronouns in the Turkic languages engaged Memetov [1,2], M.A.Hibichev [3;221], Sh.Ch.Sat [3;392], P.Azimov [3;100], I.A.Andreev [3;51], N.Z.Gadzhieva [3;73], E.V.Sevortyan [3;243], I.A.Baskakov [3;512], V.Kotvich [4], F.G.Iskhakov [5].

In particular, the Crimean Tatar linguistics studying this problem studied by such scholars as Türkologists A.Memetov [1,42], K.Musaev [1], A.N.Samoylovich [6], E.V.Sevortyan[3]. In Slavic problem pronouns engaged linguists E.N.Sidorenko [7], L.A.Lofovaya [8], N.N.Nikolsky [9]. The study results more clearly present the attributive use of pronouns. In recent years there has been increased interest in the study of the Crimean Tatar language, so the theoretical and practical value of the work is the ability to use the results in the practice of university and school teaching, in the study of the Crimean Tatar language for everyone, including non-native speakers. The main aim and objective is the marking and analysis of the use of attributive pronouns in the Crimean Tatar language. Pronoun in the Crimean Tatar language in its semantics and formal features, as well as directly with their syntactic functions unquestionably belongs to the nominal parts of speech noun, adjective, numeral. Pronoun differs from these names in their significance. Pronoun does not express a particular subject or concept attribute values of a particular action, and is a generalized value nominal part of speech [1;149], ie, the term “pronoun” - refers to a part of speech, which takes the place of the name is used instead of a name.

Keywords: pronoun Identification pronouns, semantics, rank.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 811.512.145

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
КРЫМСКОТАТАРСКОГО ГЛАГОЛА ПРОШЕДШЕГО НЕОЧЕВИДНОГО
ВРЕМЕНИ НА -ГЪАН/-ГЕН/-КЪАН/-КЕН В СОПОСТАВЛЕНИИ
С СООТВЕТСТВУЮЩИМИ АНГЛИЙСКИМИ ФОРМАМИ ГЛАГОЛА**

Швед Е. В.

*Институт перевода Библии, Москва
E-mail: kitap.inform@gmail.com*

В данной работе продолжается сопоставление временных форм крымскотатарского и английского глагола (в предыдущей статье сопоставлялись крымскотатарский глагол прошедшего категорического времени и английский глагол неопределённого прошедшего времени Past Simple Tense). В статье ставится задача сопоставить структуры и семантические значения крымскотатарского глагола простого прошедшего неочевидного времени на *-гъан/-ген/-къан/-кен* с формами английского глагола в простом прошедшем времени (Past Simple Tense) и в настоящем / прошедшем перфектном времени (Present Perfect / Past Perfect Tense). С целью выявления закономерностей детально рассматриваются семантические значения данной формы крымскотатарского глагола, встречающиеся в крымскотатарской литературе.

Ключевые слова: глагол, крымскотатарский язык, английский язык, прошедшее неочевидное время, Past Simple, Present Perfect, Past Perfect Tense.

Постановка проблемы. Знание английского языка с каждым днём становится всё более необходимым условием для успешного существования в нашем мире. Однако носители крымскотатарского языка, желающие подробно изучить английский язык, не имеют материалов, которые помогли бы им сопоставить формы английского языка со своими родными. Самым важным в данном сопоставлении является сопоставление глагольных форм, из которых формы прошедшего времени являются самыми употребительными. Начало этому исследованию было положено автором посредством сопоставления форм прошедшего категорического времени на *-ды / -ди / -ты / -ти* с формами с формой простого прошедшего времени Past Simple Tense [1]. Однако ограничиться сопоставлением одной временной формы невозможно, необходимо дальнейшее исследование.

Актуальность работы. Простое прошедшее время в крымскотатарском языке состоит из двух времён: прошедшего категорического и прошедшего неочевидного времени. Формы прошедшего категорического времени на *-ды/-ди/-ты/-ти* были уже сопоставлены автором в предыдущей статье с формами английского глагола. Необходимо выяснить, в какой мере прошедшее неочевидное время глаголов на *-гъан/-ген/-къан/-кен* сопоставимо с английскими формами глагола.

Целью статьи является структурно-семантический анализ крымскотатарского глагола прошедшего неочевидного времени на *-гъан/-ген/-къан/-кен* в сопоставлении с английскими формами глагола, выявление сходств и различий между двумя языками.

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ

В предыдущей статье [1] было выяснено, что крымскотатарскому глаголу в форме прошедшего категорического времени (далее ПКВ) соответствуют в основном английские глаголы простого прошедшего времени Past Simple Tense (PST). В данной статье мы рассмотрим форму крымскотатарского глагола *прошедшего неочевидного времени* в сопоставлении с той же формой *Past Simple Tense* (простое прошедшее время), а также с английскими временными формами *Present Perfect Tense* (настоящее перфектное время) и *Past Perfect Tense* (прошедшее перфектное время), употребляющимися для выражения действий, событий и состояний, произошедших в прошлом.

Прошедшее неочевидное время

В крымскотатарском языке форма *прошедшего неочевидного времени* (далее «ПНВ»; другие встречающиеся в литературе названия: прошедшее пересказательное время, прошедшее-перфектное время, прошедшее-причастное время) является одной из распространённых форм глагола для передачи действий, событий, состояний, имевших место в прошлом. Данная форма образуется посредством суффикса -*гъан/-ген/-къан/-кен* (выбор формы суффикса происходит в соответствии с законами ассимиляции и гармонии гласных) и соответствующих суффиксов лиц и чисел [2, 467-468].

Примеры спряжения глаголов *бармакъ* (“пойти”), *бакъмакъ* (“посмотреть”), *корьмек* (“увидеть”), *кетмек* (“уйти”):

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>бар-гъан-ым</i>	<i>бар-гъан-мыз</i>
2 л.	<i>бар-гъан-сынъ</i>	<i>бар-гъан-сы(нъы)з</i>
3 л.	<i>бар-гъан</i>	<i>бар-гъан(-лар)</i>

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>бакъ-къан-ым</i>	<i>бакъ-къан-мыз</i>
2 л.	<i>бакъ-къан-сынъ</i>	<i>бакъ-къан-сы(нъы)з</i>
3 л.	<i>бакъ-къан</i>	<i>бакъ-къан(-лар)</i>

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>корь-ген-им</i>	<i>корь-ген-миз</i>
2 л.	<i>корь-ген-синъ</i>	<i>корь-ген-си(нъи)з</i>
3 л.	<i>корь-ген</i>	<i>корь-ген(-лер)</i>

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>кет-кен-им</i>	<i>кет-кен-миз</i>
2 л.	<i>кет-кен-синъ</i>	<i>кет-кен-си(нъи)з</i>
3 л.	<i>кет-кен</i>	<i>кет-кен(-лер)</i>

Past Simple Tense (PST) – простое прошедшее время

В английском языке форма простого прошедшего времени (далее PST) является самой употребимой формой для передачи сообщений о уже произошедших до момента речи событиях.

Данная форма образуется одним из двух способов.

1) У всех правильных глаголов форма прошедшего времени образуется с помощью конечного суффикса *-(e)d*: *to bake – bake-d* (“испечь – испёк”), *to stay – stay-ed* (“остановиться – остановился”), *to walk – walk-ed* (“ходить – шёл”). [3, 124-126]

2) У неправильных глаголов форма прошедшего времени образуется по-разному, её необходимо находить в таблицах неправильных глаголов и запоминать: *to go – went* (“пойти – пошёл”), *to find – found* (“найти – нашёл”), *to eat – ate* (“(съ)есть – (съ)ел”). [3, 126-129]

Примеры спряжения правильного глагола *walk* (“ходить”) и неправильного глагола *eat* (“кушать”):

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>I walk-ed</i>	<i>we walk-ed</i>
2 л.	<i>you walk-ed</i>	<i>you walk-ed</i>
3 л.	<i>he/she/it walk-ed</i>	<i>they walk-ed</i>

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>I ate</i>	<i>we ate</i>
2 л.	<i>you ate</i>	<i>you ate</i>
3 л.	<i>he/she/it ate</i>	<i>they ate</i>

Как видно, в крымскотатарском языке образование форм ПНВ происходит от глагола неопределённой формы посредством а) опускания суффикса неопределённости *-мек/-макъ*, б) добавления суффикса *-гъан* (*-ген*, *-къан*, *-кен*) в соответствии с правилами сингармонизма, в) присоединения суффиксов соответствующего лица и числа. В английском языке неопределённая форма глагола совпадает с корневой (если её можно так назвать), поэтому суффикс прошедшего времени *-(e)d* присоединяется прямо к ней. (Если глагол неправильный, то форму прошедшего времени необходимо определить по таблице форм неправильных глаголов.) В прошедшем времени глаголы английского языка не изменяются в зависимости от лица и числа. Для всех лиц и чисел существует только одна форма.

Present Perfect Tense (PresPT) – настоящее перфектное время (настоящее свершённое время)

В английском языке форма настоящего перфектного времени (далее PresPT) является одной из самых употребимых форм для передачи сообщений о уже произошедших событиях, результаты которых ещё ощущаются в момент говорения. Или для передачи сообщения о состоянии или действии, которое началось до момента речи и продолжается до настоящего времени, а иногда будет продолжаться и в будущем. [4, 493]

Данная форма образуется одним из двух способов.

1) У всех правильных глаголов форма прошедшего перфектного времени образуется с помощью вспомогательного глагола **have** и глагола с суффиксом **-(e)d** (формой прошедшего причастия) [4, 472]: *to bake – have bake-d* (“испечь – испёк”), *to stay – have stay-ed* (“остановиться – остановился”): *I have just ironed twenty shirts*. “Я только что погладил двадцать рубашек”.

2) У неправильных глаголов форма прошедшего перфектного времени образуется с помощью **have** и глагола в форме прошедшего причастия. Эту форму легко найти во всевозможных таблицах неправильных глаголов: *to go – went – gone* (“пойти – пошёл”), *to find – found – found* (“найти – нашёл”).

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>I have walk-ed</i>	<i>we have walk-ed</i>
2 л.	<i>you have walk-ed</i>	<i>you have walk-ed</i>
3 л.	<i>he/she/it has walk-ed</i>	<i>they have walk-ed</i>

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>I have eaten</i>	<i>we have eaten</i>
2 л.	<i>you have eaten</i>	<i>you have eaten</i>
3 л.	<i>he/she/it has eaten</i>	<i>they have eaten</i>

Past Perfect Tense (PastPT) – прошедшее перфектное время (прошедшее свершённое время, давнопрошедшее время, предпрошедшее время, плюперфект)

В английском языке форма прошедшего перфектного времени (далее PastPT) является глагольной формой для передачи сообщений о событиях, произошедших до (или начавшихся ранее и продолжающихся на момент) других действий и событий, имевших место в прошлом. [4, 467]

Правила образования данной формы идентичны правилам образования настоящего перфектного времени (PresPT) с единственной разницей в том, что вспомогательный глагол *have* употребляется в форме прошедшего времени *had*: *When my friends arrived, I had already baked three loaves of bread*. “К тому времени, когда пришли мои друзья, я уже испёк три буханки хлеба”.

Данная форма глагола одинакова для всех лиц и чисел:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>I had walk-ed</i>	<i>we had walk-ed</i>
2 л.	<i>you had walk-ed</i>	<i>you had walk-ed</i>
3 л.	<i>he/she/it had walk-ed</i>	<i>they had walk-ed</i>

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>I had eaten</i>	<i>we had eaten</i>
2 л.	<i>you had eaten</i>	<i>you had eaten</i>
3 л.	<i>he/she/it had eaten</i>	<i>they had eaten</i>

При сопоставлении образования форм ПНВ и PresPT/PastPT видно, что основное различие заключается в использовании вспомогательных глаголов. Форма ПНВ

не их используют, а форма PresPT пользуется вспомогательным глаголом *have*. Форма ПНВ образуется посредством присоединения к корню глагола суффикса -*гъан/-ген/-къан/-кен* и суффикса лица и числа. PresPT/ PastPT образуются с помощью отдельно стоящего вспомогательного глагола *have/had* + смыслового глагола в форме прошедшего причастия. Форма ПНВ имеет шесть различных вариаций (в зависимости от лица и числа), форма PresPT имеет две вариации (меняется только форма вспомогательного глагола *have* в 3-ем лице ед.ч. на *has*; все остальные лица и числа остаются неизменными), а формы PastPT имеют одну структуру для всех лиц и чисел (*had* + смысловый глагол в форме прошедшего причастия). Такая скудость форм PresPT/PastPT делает данные структуры очень лёгкими в усвоении.

На этом можно утверждать, что существенных сходств в образовании рассматриваемых глагольных форм крымскотатарского и английского языков не наблюдается.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Информация о семантическом значении и употреблении формы ПНВ в крымскотатарском языке довольно скудна. Однозначно утверждается, что форма ПНВ в крымскотатарском языке чаще всего выражает действие, которое уже совершилось к моменту речи, однако говорящий не был его очевидцем, он знает об этом по словам других или видел результат действия и убеждён, что действие завершилось [2, 468]. Неясно, в какой мере это действие имеет значение и последствие для настоящего времени. Также отмечается, что форма ПНВ может также употребляться в поэтической речи для выражения действия, происходящего в момент речи [2, 468].

Если за основу семантического значения формы ПНВ брать неочевидность совершённого действия, то в английском языке не существует эквивалентной глагольной формы. Искать соответствия приходится в семантических значениях разных глагольных форм.

Для того, чтобы шире определить семантическое значение формы ПНВ, были проанализированы оригинальные крымскотатарские произведения и выявлены следующие случаи употребления формы ПНВ, приводимые в зависимости от частоты употребления.

1. Форма ПНВ используется для обозначения действий или событий, предшествующих моменту повествования в прошлом. Повествующий уверен в том, что действия произошли в предпрошлом, хотя мог и не являться их очевидцем. Глагольные формы ПНВ в данном случае прерывают основную линию сюжета и вводят вторую, которая имела место ранее. В некоторых случаях вводимое действие, начавшееся в прошлом, продолжается и на момент повествования.

Ресуль эфенди затен озюнен мемниун бир адам дегиль эди. Бутюн омюри оны талий излеген. Онынъ арзулары эр вакъыт терсине олып чыкъкъан. [5, 9] “Ресуль эфенди вовсе не был человеком, довольным собой. Всю жизнь его преследовала судьба. Всё получалось прямо противоположно тому, чего он желал”. (Здесь и далее перевод текста с английского и крымскотатарского на русский выполнен автором.) В данном случае констатируется тот факт, что Ресуль эфенди не был довольным собой. Это состояние является частью основного повествования. Тут происходит разрыв событийной цепочки в повествовании и при помощи формы ПНВ дела-

ется общее утверждение, что ранее произошло нечто, что продолжалось и на момент повествования, а именно, что Ресуля эфенди преследовала судьба и его желания никогда не осуществлялись.

Далее текст продолжается, повествуя в деталях о том, как же Ресулю не везло в жизни. Начинается цепочка действий и событий, которая также имела место до момента повествования. Все действия в тексте даны в форме ПНВ:

*О даа еди-секиз айлыкъ сабий экенде насылдыр бир мерхаметсиз шахс тарафындан агъызына эмизлик къаптырылып, сокъакъкъа ташлангъан. Секиз яшыны толдурынджа тишинен кемик кемирген, огей ана аскъысыны чеккен, маалледе «чингене торбасындан тюшкен» бала адынен адлангъан. О докъузгъа айлангъанда, озъ къарнындан догъгъан бала арз эткен ана, эвляткъа малик олгъан. Бойледже, о кене сокъакъкъа ташлангъан. Бир къач йыл Къарасувнынъ гурьдели чаршысында, Багъчасарай ашханелерининъ къапысында, губерния шеэри Симферопольнинъ слободакаларында серсерийликте кечкен. [5, 9-10] “Когда он был ещё семи-восьмимесячным младенцем, какая-то безжалостная личность запихнула ему в рот соску и **выбросила** его на улицу. К тому времени, когда ему исполнилось восемь лет, он **грыз** зубами кости, **сносил** оскорбления мачехи, его **называли** «вывалившимся из цыганской торбы» ребёнком. Когда ему исполнилось девять, его мать, которая очень желала родить своего собственного ребёнка, наконец **родила**. Таким образом, его снова **выбросили** на улицу. Несколько лет **прошло** в бродяжничестве по пышным базарам Карасува, у дверей ресторанов Бахчисарая, по слободкам губернского города Симферополя”.*

Приведём ещё один наглядный пример разрыва повествования с отсылкой на предпрошедшее время.

Ресуль кеванларда, гемилерде хызмет этип, эп мемлекетине йылыша, тувгъан юртуна ашыкъа. Лякин Ресуль эфендини мында ёкъсуллыкъ беклей эди. О къайтып келиндже, къартнынъ дюньянен сагълыкълашкъанына экинджи йыл дёнген. Васиет олунгъан малларындан чёп устунде чёл къалмагъан. Бойледже, ольмезден зель о да Ресульни алдаткъан. [5, 11]

“Прислуживая на караванах и кораблях, Ресуль всё **стремился** в свою страну, **спешил** на родину. Однако здесь Ресуля эфенди **ожидала** бедность. К тому времени, как он вернулся, прошло уже два года с тех пор, как старик распрощался с этим миром. О того добра, что было ему завещено, **не осталось** ни щепки. Таким образом, перед смертью и старик **обманул** Ресуля”.

В данном отрывке основная сюжетная линия выражена глаголами в настоящем времени *йылыша* (стремился), *ашыкъа* (спешил). Фоновая информация передаётся глаголом в форме определённого имперфекта *беклей эди* (ожидала). А глаголы в форме ПНВ *дёнген* (прошло), *къалмагъан* (не осталось), *алдаткъан* (обманул) разрывают основную сюжетную линию и вводят информацию о событиях, произошедших ранее.

В английском языке существует две глагольные формы для передачи данной информации. Для выражения событий, которые разрывают ход сюжетной линии и относят нас к предпрошедшему времени, в английском языке используется форма Past Perfect Tense (PastPT) и реже Past Perfect Continuous (Progressive). Однако, если

происходит разрыв и даётся указание на время с помощью обстоятельства времени, то отсылка на предпрошедшее время делается с помощью глагольной формы PastPT, а далее действия могут передаваться с помощью формы Past Simple Tense (PST), особенно в придаточных предложениях [4, 468].

*They **were quarrelling** about the property their father **had left** them when he **died**. (Or: when he **had died**.)* [4, 468] “Он **ссорились** по поводу имущества, которое **оставил** их отец после смерти”. В этом примере также присутствует глагол основной сюжетной линии *were quarrelling* (ссорились) (в форме Past Continuous Tense). Линия прерывается глагольной формой в форме PastPT *had left* (оставил) и относит нас к предпрошедшему событию. Далее следует глагол в форме PST *died* (умер), который также относится к предпрошедшему времени.

*“No problem,” Mitch **said** as he **took** the notebook and **placed** it next to the others. This one **was** for consitutional law, a favorite of Kendall’s, although he seldom **got** to use it, he **said**. It **was** the most important section of the exam, or at least it **had been** when he **took** it five years ago. He **had published** an article on First Ammendment rights in the Columbia Law Review in his senior year there. A copy of it **was** in the notebook, in case Mitch **wanted** to read it. He **promised** to do so almost immediately.* [6, 80]

“Никаких проблем”, – **сказал** Митч, **взял** тетрадь и **положил** её рядом с остальными. Эта тетрадь **предназначалась** для одной из любимых тем Кендалла, конституционного права, хотя, по его словам, ему редко **доводилось** пользоваться этой тетрадью. Это **была** самая важная часть экзамена; по крайней мере, **была** самой важной пять лет назад, когда он **сдавал** экзамен. Когда он учился на последнем курсе, он **опубликовал** статью о правах первой поправки к конституции в журнале *Колумбия Ло Ревью (Обзор права в Колумбии)*. В этой тетради был экземпляр статьи, на случай если Митчу **захотелось** бы её прочитать. Почти не раздумывая, он **пообещал** так и сделать”.

В данном отрывке глаголы в форме PST *said* (сказал), *took* (взял), *placed* (положил), *was* (предназначалась), *got* (доводилось), *was* (была), *wanted* (захотелось), *promised* (пообещал) несут основную сюжетную линию, происходящую в одном временном промежутке. Глаголы *had been* (была), *took* (сдавал), *had published* (опубликовал) (два из которых находятся в форме PastPT и один в форме PST) прерывают сюжетную цепочку глаголов и относят нас к действиям и событиям, которые произошли пятью годами ранее. Потом повествование возвращается к основной сюжетной линии и снова используются глаголы в форме PST. В данном отрывке присутствуют обстоятельства времени, относящие читателя назад в предпрошлое. С одним из них *five years ago* (пять лет назад) употребляется форма PST *he took*, а с другим *in his senior year* – форма PastPT *He had published*.

Из приведённых выше примеров видно, что при передачи действий и событий, произошедших до времени основной сюжетной линии (обычно выраженной глаголами в форме ПКВ и PST), синонимично используются соответствующие друг другу в данном значении формы ПНВ и PastPT. Глаголы в этих формах прерывают ход повествования и вводят второстепенную сюжетную линию или просто констатируют единократное событие, произошедшее ранее. Ни в крымскотатарском, ни в англ-

лийском языке не делается никакого акцента на то, является ли рассказчик очевидцем описываемых событий или нет.

2. Форма ПНВ может использоваться для повествования в крымскотатарских сказках и народных сказаниях. Часто речь идёт о событиях, достоверность которых сомнительна. Сам стиль передачи информации наводит человека на мысль, что описываемые события имели место очень-очень давно, а скорее всего не имели место вообще. Говорящий не является (а часто и никогда не мог являться) очевидцем или свидетелем повествуемых событий.

Къырымда бир йылан бар экен. Пек къоркъунчлы, балабан бир йылан олгъан. Халкълар о йыландан пек яман къоркъа экенлер. Дерсинъ, олар йыланннынъ юрегини, онынъ нелер тюшюнгенини биле экенлер.

Йылангъа хабер кельген: «Ханнынъ бир къызы бар экен. Хан да:

– Къызымны озюмден, байлыгъымдан, падишалыгъымдан даа зияде севем, – деп, макътанып джуре экен», – дейлер.

Йылан, ханнынъ яланджы юрегини тешкерип бакъмагъа къарар берген.

Мына, куньлерден бир кунъ йылан, ханнынъ сарайына хан юкълагъанда барып кирген. Ханнынъ къулагъына яман-яман сызгырып, оны юкъусындан уянткъан. Хан пек къоркъкъан.

Йылан, ондан:

— Хан дегенлери сенсинъми, шу? – деп сорагъан.

Хан:

– Эбет, меним, – деп джевап берген. [7, 116]

“Жил-был в Крыму змей. Очень страшный, большой змей (был). Люди его очень боялись. Они как будто знали, что на сердце у змея, что он думает.

Однажды до змея дошла весть о том, что есть у хана дочь и что хан хвастается, говоря: «Я свою дочь больше себя самого, больше богатства своего, больше царства своего люблю».

Тогда змей решил испытать лживое сердце хана. Однажды, когда хан спал, змей проник в ханский дворец. Сильно-сильно зашипел хану в ухо и разбудил его. Хан очень испугался.

– Это ты хан? – спросил змей.

– Да, я, – ответил хан”.

В данном случае форма ПНВ используется для ведения основной сюжетной линии: *экен* (жил-был), *олгъан* (был), *хабер кельген* (дошла весть), *къарар берген* (решил), *кирген* (вполз), *уянткъан* (разбудил), *къоркъкъан* (испугался), *сорагъан* (спросил), *джевап берген* (ответил). Фоновая вспомогательная информация передаётся глаголами *къоркъа экенлер* (боялись), *биле экенлер* (знали) в форме прошедшего-неочевидного времени данного момента.

В английском языке нет эквивалента данному употреблению глагольной формы ПНВ. Независимо от достоверности или сомнительности происхождения действий, в английских повествованиях, в том числе сказочных и мифологических, используется форма PST, а семантическое значение недостоверности передаётся другими средствами, например, выражением *Once upon a time* (“однажды, когда-то давным-

давно”). В следующем примере повествование о нереальных событиях передаётся глаголами в форме PST:

The three Munchkins bowed low to her and wished her a pleasant journey, after which they walked away through the trees. The Witch gave Dorothy a friendly little nod, whirled around on her left heel three times, and straightway disappeared, much to the surprise of little Toto... [L. Frank Baum. The Wizard of Oz. – Cornwall, New York: The Cornwall Press, Inc., 1944.) [8, 16-17]

“Трое коротышек низко **поклонились**, **пожелали** ей приятного путешествия, а потом **скрылись** среди деревьев. Волшебница дружелюбно **кивнула** Дороти, три раза **обернулась** на левом каблук и внезапно **исчезла**, к большому удивлению маленького Тото...”

[???

3. При помощи формы ПНВ говорящий может передавать сообщение о том, о чём он знает на основании информации, услышанной или полученной от других. В данном случае говорящий просто передаёт информацию о действиях, в которых сам не принимал непосредственного участия.

Къуддус башлагъан ишининъ озюне агъыр биткенинден сыкъылып, лакъырдыны аман чевире къойды:

– *Къуртбике коюне кетесинъми? Ёлдан сапкъан бир къадынны джезалайджакълар, бутюн кой анда кетти.*

– *Насыл ёлдан?*

– *Шериат ёлдан. Ойнашынен **туткъанлар**. Бир къач ай эв ичинде къапавлы ятты. Къуранда бу акъта «эджели еткендже къапавлы тутунъыз» дениле. Бугунъ исе джезагъа да огъратаджакълар.* [5, 74]

“Смутившись от того, что начатое им самим плохо для него же обернулось, Къуддус сразу перевёл разговор на другую тему:

– Ты идёшь в деревню Къуртбике? Там одну женщину, совратившуюся с пути, наказывать будут; вся деревня туда пошла.

– С какого пути?

– Шариата. Её с любовником **поймали**. Несколько месяцев под замком сидела. В Коране по этому поводу говорится: «до самой смерти держите её под замком». А сегодня ещё и наказывать будут”.

В данном примере мальчик Къуддус передаёт информацию, о которой узнал от других – *женщину застали в акте прелюбодения* (глагол **туткъанлар** (“поймали”) в форме ПНВ). Из текста следует, что сам Къуддус не принимал участие в поимке женщины. Но есть следствие данного действия, продолжающееся и на сегодняшний момент: после задержания женщину уже несколько месяцев держат под домашним арестом (глагол **ятты** в форме ПКВ, (“сидела под замком, стражей”; буквально “лежала”). Об этой информации Къуддус мог говорить с большей уверенностью; как видно из текста позже, возле дверей дома была стража, которую могли наблюдать все в течение нескольких месяцев. Сейчас Къуддус передаёт всю эту информацию Алиму, который об этом ранее ничего не слышал. Можно предположить, что Къуддус не знает о причинах ареста женщины наверняка. Предложение *Ойнашынен туткъанлар* можно перевести следующим образом: “Говорят, её с любовником

поймали” и таким образом выразить неуверенность Къуддуса в причинах задержания. Косвенным подтверждением того, что информация у Къуддуса не совсем достоверная может быть то, что, как оказалось, любовник не был задержан с женщиной; каким-то образом он убежал и появляется в истории лишь позже, пытаясь с риском для своей жизни прийти женщине на помощь.

В английском языке в данном случае для передачи информации, новой для слушающего и имеющей последствия в настоящем, однозначно используется форма Present Perfect Tense: *She has been caught with her lover* (“Её поймали с любовником”). Последствие – женщина и сейчас находится под арестом).

Рассматриваемое семантическое значение формы ПНВ совпадает с английской формой PresPT в том, что в данном случае обе формы передают действия, которые произошли в прошлом, но последствия которых имеют место в настоящем. На этом сходства заканчиваются. В отличие от английского языка, форма ПНВ передаёт неполную уверенность в сообщаемом действии. В английском языке такой оттенок значения отсутствует.

4. При помощи формы ПНВ говорящий передаёт сообщение о том, о чём делает вывод на основании собственных умозаключений, собственного анализа сложившейся ситуации. Результат налицо, а о действиях, которые привели к данному результату, делаются выводы в форме ПНВ.

В следующем примере говорящий не полностью уверен в том, что произошло, но делает вывод на основании своих органов чувств (в частности, зрения), а также своих умозаключений:

Сервер, истер-истемез башыны котерип, кадясына бакъты. Акъикъатен къардашы козь-яш тѣкип агълай. Сагъ янагы къызаргъан ве къатмерлешкендай къараргъан.

– Анай, анай! – деп къычырды Сервер, теляшнен. – Улькерни балкъурт тишле-ген!..

Ачылгъан къапудан ана чапып кирди.

– Огълум, Сервер, сен не айтасынъ шу, эв ичинде балкъурт къайдан кельсин?

Ана къолуны Улькернинъ башына къойды... шашмалагъандай олды.

– Сервер, огълум, сен янаша одагъа чыкъ... – деди о. – Къардашыны хасталангъан. Мен экимни чагъырап келейим. [9, 296]

“Несмотря подняв голову, Сервер посмотрел на своего младшего брата. Брат на самом деле плакал. Его правая щека раскраснелась и как будто местами почернела.

– Мама, мама! – тревожно закричал Сервер. – Улькера пчѣлы покусали!..

В открывшуюся дверь вбежала мать.

– Сынок, Сервер, что это ты говоришь? Откуда в доме пчѣлы?

Мать приложила руку к голове Улькера... и как будто растерялась.

– Сервер, сынок, выйди в соседнюю комнату... – сказала она. – Твой брат заболел. Я пойду позову врача”.

В вышеуказанном примере два первых случая употребления форм ПНВ *къызаргъан* (“раскраснелась”), *къараргъан* (“почернела”) прерывают основную сюжетную цепочку и дают информацию о том, что произошло ранее – (*щека*) *покраснела* (*воспалилась*), *почернела*. Эффект этих двух действий виден и в момент передачи

сообщения (этот случай употребления формы ПНВ обсуждён выше в п.1). Два последующих случая употребления форм ПНВ *тишлеген* (“покусали”), *хасталангъан* (“заболел”) являются собственными умозаключениями говорящих на основании увиденного. С точки зрения мальчика, причиной такого состояния щеки младшего брата является то, что его (*пчелы*) *покусали*. Согласно ему, это объяснение лучше всего объясняет настоящее состояние брата. Мать не согласна с ним, считая, что дело не в пчёлах. Но на основании того, что она видит, она приходит к более общему заключению: (*младший брат*) *заболел*. Однако в этом она уверена не полностью, так как не является врачом, к которому собирается немедленно обратиться.

В английском языке в первом случае для выражения действия, произошедшего до основной глагольной цепочки, будет использоваться форма PastPT (для выражения действия, произошедшего ранее другого действия в прошлом), а для последующих двух случаев – форма PresentPT, обозначающая прошлое действие, результаты которого видны в настоящий момент.

Ещё один небольшой пример.

Олар сыгъырлар арасындан кечип кеткенде къашкъа баш сыгъыр бойнуны оларгъа тараф бурып, бир къач керелер мунъреп алды.

Меръем:

– Бизим сыгъыр, – *деди*. – Таный, *унутмагъан*.

– Бизим эди, энди Мемии агъанынъ *олды*.

Эбет, Мемии агъанынъ олды. [5, 111]

“Когда они проходили мимо коров, одна корова со звёздочкой на лбу повернула шею в их сторону и несколько раз промычала.

– Наша корова, – сказала Меръем. – Помнит, *не забыла*.

– Была наша, а сейчас *стала* коровой Мемииша-ага.

Да, корова *стала* собственностью Мемииша-ага”.

В данном примере речь идёт о корове, которая когда-то была собственностью Меръем и Алима, а сейчас уже стала собственностью Мемииша. Вывод о том, что корова не забыла своих прежних хозяев, Меръем делает на основании событий, которые происходят у неё на глазах: корова поворачивает в её сторону голову и несколько раз протяжно мычит. Так как корова говорить не умеет, то Меръем не может знать наверняка, что корова её помнит, но на основании имеющихся у неё данных она даёт наиболее подходящее объяснение действиям коровы. В данном случае в английском языке здесь однозначно должна использоваться форма Present Perfect Tense: *She remembers, she has not forgotten* (“Она помнит, не забыла”), которая передаёт действие, которое произошло в прошлом (корова не забыла своих прежних хозяев), но последствия которого ощущаются в настоящем (она показывает это своим поведением).

Как видим, говорящий использует форму ПНВ, когда делает вывод о произошедшем не на основании объективного знания, а на основании собственных умозаключений. При этом результат того действия, которое по мнению говорящего было причиной, ясно виден или ощущается в момент передачи сообщения. Английская временная форма PresPT соответствует этому значению в том смысле, что результат прошлого действия налицо в момент создания сообщения.

5. Необходимо особо выделить случаи употребления формы ПНВ в первом и втором лице. Ясно, что в случае употребления местоимений первого лица говорящий не может не являться очевидцем произошедшего действия. Какое же значение в данном случае приобретает данная форма? Разобраться в этом помогает следующий пример с глаголом, стоящим в первом лице единственного числа:

«Къабаатым неде? Аз-бучукъ **кечиккеним**, текяран беклеселер олмайдымы? – деди о озь-озюне. – Мени арткъач бир шей киби, ёл ортасында ташлап **кеттилер**. Бабахай ич бир вакъыт бойле япмаз эди, я бугунь онъа не **олды**?.. Якъында сарайда Бетлинг **корюнмеди**, ёкъса о айткъан акъибет келип **еттими**?» [5, 260]

“В чём я виноват? Может, я **запоздал** немножко, а они что, чуть-чуть подождать не могли? – **сказал** он про себя. – **Бросили** меня посреди дороги, как какую-то ненужную вещь. Бабахай никогда бы этого не сделал, а сегодня что с ним **стряслось**?.. Бетлинга во дворце недавно **не было видно**; а вдруг **произошло** то, о чём он говорил?”

В данном примере глаголом в форме ПНВ **кечиккеним** (“запоздал”) выражается неуверенность в произошедшем, предположение о том, что на самом деле произошло. Хотя говорящий и является действующим лицом, очевидцем действия, он, похоже, выражает сомнение относительно произошедшего. Отсутствие такого сомнения наглядно демонстрируется в предложении с тем же глаголом, но в форме ПКВ:

– Бираз **кечиктим**, – деди. – Якъын койлерге хабер йибердик, ярын Къуртбике коюнде шериаттан чыкъкъан Сеит Османнынъ къызыны джезалайджакъмыз [5, 70]

“– Я немного **запоздал**, – сказал он. – Мы ездили в соседнюю деревню объявлять, что завтра в деревне Къуртбике будем наказывать за нарушение закона шариата дочь Сеит Османа”.

Здесь мы видим употребление того же самого глагола, но в форме ПКВ **кечиктим** (“запоздал”). У говорящего нет никакого сомнения в том, что он запоздал. Он просто констатирует факт опоздания, а потом объясняет причину.

В английском языке нет особой глагольной формы, которая могла бы подобно крымскотатарской (в данном случае форме ПНВ) выразить неуверенность, сомнение, предположение. При передаче такой семантической информации помимо использования глагола в форме PST или PresPT, придётся прибегать к другим неглагольным средствам и выражениям.

Выводы и перспективы. Из данного исследования следует, что употребление форм прошедшего неочевидного времени многогранно и колоритно. Среди разных значений присутствует значение “неочевидности”, то есть уже описанный в крымскотатарских источниках случай, когда говорящий не являлся очевидцем действия, которое он передаёт; оно для него является некоторой неожиданностью, которая может передаваться при переводе добавлением слова “оказывается”. Но кроме этого значения наличествуют ещё многие другие, представляющие большой интерес для изучающих крымскотатарский язык.

В следующей таблице кратко представлены обнаруженные значения формы ПНВ и соответствующие им формы в английском языке.

Случаи употребления формы ПНВ	Соответствующие формы англ. языка

1. Обозначение действий или событий, предшествующих моменту повествования в прошлом	PastPT (реже PST)
2. Повествование в сказках и народных сказаниях	PST
3. Передача сообщений, полученных от других, которые являются новыми для собеседника	PresPT
4. Вывод о прошлом действии на основании собственных умозаключений, в результате оценки создавшейся ситуации	PresPT
5. Выражение предположения, неуверенности, сомнения в отношении совершённого действия (в особенности с с первым и вторым лицом)	PST или PresPT (в паре с другими средствами)

В дальнейшем представляет большой интерес исследование сложных форм крымскотатарского языка и сопоставление их с английскими временными формами глагола.

Литература

1. Швед Е. В. Структурно-семантический анализ крымскотатарского глагола прошедшего категорического времени на *-ды/-ди/-ты/-ти* в сопоставлении с соответствующими английскими формами глагола / Е. В. Швед // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65), №2. – С. 238–249.
2. Меметов А. Крымскотатарский язык. /А. Меметов. – Симферополь: КРП «Издательство «Крымчпедгиз», 2013. – 576 с.
3. Greenbaum Sidney. The Oxford English Grammar. / Sidney Greenbaum – New York: Oxford University Press Inc., 1996.
4. Суон М. Английский язык в современном употреблении. / М.Суон. – М., Высш. шк., 1984. – 552 с.
5. Болат Ю. Алим (роман). – Симферополь: Тарпан, 2009. – 384 с.
6. Grisham John. The Firm. / John Grisham. – New York, New York: Doubleday, Island Books, 1992.
7. Кырымтатар халкъ масаллары. 2-нджи, ишленильген нешир / Тертип эткенлер: К. Джаманаклы, А. Усеин. – Симферополь: КъДЖИ «Къырымдевокъувпеднешир» неширляты», 2008. – 384с. – Кырымтатар тилинде.
8. Baum L. Frank. The Wizard of Oz. / L. Frank Baum. – Cornwall, New York: The Cornwall Press, Inc., 1944.
9. Кырымтатар Бала Эдебиятынынъ Хрестоматиясы. Хрестоматия по крымскотатарской детской литературе: – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 1998. – 352с.

Швед Є. В. Структурно-семантичний аналіз кримськотатарського минулого категоричного часу на *-ди/-ді/-ти/-ті* в зіставленні з відповідними англійськими формами дієслова / Є. В. Швед // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 192–205.

У даній роботі триває зіставлення часових форм кримськотатарського та англійського дієслова (в попередній статті зіставлялися кримськотатарське дієслово минулого категоричного часу і англійське дієслово минулого невизначеного часу Past Simple Tense). У статті ставиться завдання зіставити структури та семантичні значення кримськотатарського дієслова простого минулого неочевидного часу на *-гъан/-ген/-къан/-кен* з формами англійського дієслова простого минулого часу (Past Simple Tense) і теперішнього / минулого перфектного часу (Present / Past Perfect Tense). З метою виявлення закономірностей детально розглядаються різні семантичні значення даної форми кримськотатарського дієслова, які зустрічаються в кримськотатарській літературі.

Ключові слова: кримськотатарська мова, англійська мова, минулий невизначений час, Past Simple Tense, Present Perfect, Past Perfect Tense.

Swede E. V. Structural and semantic analysis of the Crimean Tatar past definite time -dy/-di/-ty/-ti contrasted with the English verb forms / E. V. Swede // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 192–205.

An excellent knowledge of international languages, in particular English, is vitally necessary in our world. In order to master it, one needs to compare grammatical structures of English to those of his mother tongue. Unfortunately until now nobody has done anything to compare the English and Crimean Tatar languages. The purpose of this article is to contrast the structure of Crimean Tatar Past Unobvious Tense verbs ending in -гъан/-ген/-къан/-кен with corresponding English verb forms.

As a result of this research it has been determined that structurally Crimean Tatar Past Unobvious Tense does not have an equivalent form in the English language. Certain minor similarities can be found between this tense and various English tenses; however, they do not seem significant enough to warrant a sound conclusion.

Semantically, Crimean Tatar Past Unobvious Tense verbs can be used: 1) to express events, actions, or states which took place prior to other actions in the past; 2) to narrate stories, especially fairy-tales, where there is little probability of events actually happening; 3) to share information that was learnt not first-hand, but from secondary sources; 4) to express conclusions about what happened based on personal observation and analysis of a given situation; 5) to express uncertainty or doubt, lack of confidence in an event or action (especially with 1-st and 2-nd person verbs).

Crimean Tatar Past Unobvious Tense verbs can be used either to carry along the main plot line (in this case Past Categorical Tense verbs are not used in the text for this purpose), or to introduce a secondary plot line, which took place prior to the main plot line (in this case Past Categorical Tense verbs are used for the main plot line, and Past Unobvious Tense verbs are used for the secondary one).

Past Unobvious Tense verb forms do not have a corresponding equivalent form in the English language; similar semantic meaning can in part be expressed with the help of Past Simple Tense, Present Perfect Tense and Past Perfect Tense verb forms. Often one has to use extra devices in English in order to arrive at the meaning of the Crimean Tatar Past Unobvious Tense.

Contrasting the use of the above-mentioned tenses of Crimean Tatar and English is the second step in analyzing complex verb form variations present in the modern Crimean Tatar language. Further study needs to be completed involving compound Past Tense verb forms of the Crimean Tatar language.

Key Words: verb, Crimean Tatar, English, Past Categorical Tense, Past Simple Tense, Past Unobvious Tense, Present Perfect Tense, Past Perfect Tense.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК.811.512.15,373.613

ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КАЛЬКИРОВАНИЯ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Алиева В. Н.¹, Ресутова Э. И.²

¹Таврического национального университета имени В.И. Вернадского

²РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет»

В статье анализируется словообразовательное калькирование на материале крымскотатарского и русского языков. На примерах общественно – политической лексики (ОПЛ) мы пришли к следующему выводу: такой вид калькирования имеет двусторонний характер. Моделью для создания крымскотатарского слова выступает иноязычная единица (русский и через русский язык), специфика данной кальки – частичный поморфемный перевод средствами родного языка.

Ключевые слова: калька, калькирование, словообразование, структура слова, крымскотатарский язык, русский язык.

Возвращение крымских татар в Крым, изменение социально - политических условий начала 90 – х годов XX столетия способствовало демократизации крымскотатарского языка. Расширение сфер его существования, широкое использование в прессе, публицистической литературе вызвало оживление в сфере общественно – политической лексики, образованной способом калькирования из русского и через русский язык. Это привело к тому, что функционирование подобных образований становится одним из ведущих в газетных публикациях общественно – политического содержания. Большая часть газетно – публицистической калькированной лексики входила в активный словарный запас еще с 30 – х годов XX столетия, но в силу исторических причин со временем явно была ограничена в сфере употребления. К 90 – м годам данная лексика активизируется. Например: ачлыкъ – голодомор, ашкярлыкъ – гласность, къайтарув – возвращение, маарифчи – просветитель, миллетлера – межнациональный, мусавийлик – равенство, диний тешкиятлар – религиозные организации, кутлеви тертипсизликлер – массовые беспорядки, къанунджылыкъ акимieti – законодательная власть, миллий арекети – национальное движение, миллий территориясы – национальная территория, сиясий активлик – политическая активность, тарихий адлар – исторические названия, экологик инкъирас – экологический кризис и др.

Постановка проблемы. Словообразовательное калькирование как языковое явление является одной из важных в современной лингвистике. Вопросы калькирования вызывают большой интерес в общей проблеме взаимодействия языков, своеобразие языка-донора и специфика языка-реципиента при разноструктурных, не относящихся к одному ареальному пространству языков продолжает быть предметом обсуждения и заслуживает нашего особого внимания.

В лингвистике последнего десятилетия калькирование активно изучается многими языковедами (Багана Ж., Гарипова А.А., Майорова В.С., Максимов Н.В., Матвеева О.В., Кругляк Е.Е., Руткевич С.А., Фатхулина Ф.Р. и др.). Определение калькирования трактуется как образование новых слов путем использования внутренних

возможностей самого языка под непосредственным влиянием только семантики или семантики и структуры другого языка[6.1991]. В крымскотатарском языке проблема калькирования почти не рассматривалась. Мы можем отметить работы Меметова А.М. «Русские кальки в крымскотатарском языке» [1986], Эмировой А.Э «Основы крымскотатарской фразеологии» (6.3.Калькирование) [2012], Сейдаметовой Н.С. «Къырымтатар лексик теркибини калька япув усулынен инкишаф этильмеси»[2011] по данной проблеме.

Актуальность темы обусловлена ее мало изученностью.

Объект исследования. Источником фактического материала является крымскотатарская лексика общественно – политического содержания (материалы крымскотатарских газет «Достлукъ», «Къырым», «Янъы дюнъя» за 1990 – 1995 год).

Предмет исследования. Словообразовательные кальки крымскотатарского языка.

Целью настоящей работы является определение особенностей словообразовательного калькирования в крымскотатарском языке. В связи с этим нами были поставлены следующие **задачи**:

- 1) выявление путей использования внутренних словообразовательных возможностей крымскотатарского языка под явным влиянием русского языка;
- 2) анализ структуры исследуемых единиц.
- 3) определение структурной равноценности ОПЛ при переводе с русского языка;

В современной лингвистике в зависимости от того, каким способом осуществляется калькирование (представляет ли оно словообразование, новое применение старого слова или создание фразеологической единицы) различают словообразовательное, семантическое и фразеологическое калькирование. Два первых вида калькирования объединяются под названием лексическое калькирование [2, 48]. Словообразовательный вид занимает особое место в теории лексического калькирования. Его называют также структурно – семантическим калькированием. Ярцева В.Н. отмечает: «Под структурно – семантическими кальками мы понимаем не перевод данного понятия средствами другого языка, а одновременное сохранение структуры и семантики копируемого образца»[10, 21]. Продолжая мысль Ярцевой В.Н., Гарипова А.А. пишет: «При структурно – семантическом калькировании создаются новые лексические единицы на основе существующего в языке материала, но по образцу оригинала. Таким образом, новой в этом случае является структура, хотя и она может быть копирована не полностью» [1, 2011].

В ряде случаев, некоторыми лингвистами под структурно – семантическим калькированием понимается морфологическая структура в соответствии с трактовкой словообразовательного калькирования как поморфемного перевода. Например, Шанский Н.М. отмечает, что словообразовательное калькирование возможно лишь при поморфемной съемке слов [9, 306]. Колкер. Б.Г. пишет: «Калькирование, т.е. поморфемный перевод слова или пословный перевод иноязычного образца, является особым видом заимствования»[3, 78]. Придерживаются такой точкой зрения также Л.М. Курбанов[1965], О.В. Матвеева[2005].

Однако существует и другое мнение лингвистов. Например, М. А. Хегай отмечает, что далеко не всегда морфологическая структура кальки совпадает с морфологической структурой калькируемого источника [8, 1964]. М.М. Маковский в статье «К проблеме так называемой «интернациональной» лексики» пишет о том, что «кальки по своему фонетическому облику и морфологическому составу не совпадают с калькируемым словом» [5, 46]. Ефремов дает более полное объяснение калькированию как не являющимся поморфемным переводом иноязычия. Он считает, что образование кальки не сопряжено с воспроизведением иноязычной словообразовательной структуры. Калька не перенимает словообразовательной структуры калькируемого объекта, а имеет такую же словообразовательную структуру вследствие того, что так распорядилась норма калькирующего языка [2, 50]. Таким образом, выделим два противоположных мнения: словообразовательное калькирование – это поморфемный перевод калек; словообразовательное калькирование не является поморфемным переводом. Вслед за М. А. Хегай, М.М. Маковским, Л. П. Ефремовым, считающих поморфемный перевод калек узкоморфологическим подходом к словообразованию, мы полагаем, что словообразовательное калькирование в крымскотатарском языке не является поморфемным переводом. Структура калек не всегда совпадает со структурой калькируемого объекта и при этом процесс калькирования осуществляется средствами родного языка. Так, в крымскотатарском языке условием калькирования является перевод словообразующей основы калькируемого объекта, то есть того иноязычного слова, от которого была образована калька (это и есть выбор производящей основы для создания словообразовательной кальки). Например, слова *къайт-ар-ув* (кр.тат.) и *воз-враще-н-ие* (руск.) между собой не совпадают по способу образования, так как относятся к разным языковым типам морфологической структуры языка (агглютинативной и флективной). Рассмотрим этот слова в составе предложения:

Девлет комиссиясынынъ азасы, къырымтатар халкъынынъ векили Р.А. Чубаров халкъны къайтарув боюнджа девлет программасы тешиль олунгъаныны къайд этти. [Д.1990]

Член Государственной комиссии, представитель крымскотатарского народа Р. А. Чубаров отметил, что государственная программа по возвращению народа составлена.

Перенимая словообразующую основу иноязычного производного слова, калькирующий язык не занимается специально переводом аффиксальной части калькируемого объекта, а образует слово от выбранной производящей основы в соответствии с ее сочетаемостью с деривационными аффиксами (или другими средствами) родного языка.

Например:

«Исмаил Гаспринский – мешур къырымтатар маарифчиси ве инсанпервер» халкъара ильмий конференция иштиракчилерининъ Къырым виляети иджра комитетине мураджааты [Д.1991].

Обращение участников международной научной конференции «Исмаил Гаспринский – известный крымскотатарский просветитель и гуманист» в Крымский областной исполнительный комитет.

Крымскотатарские кальки маариф – чи и иштирак – чи образованы путем калькирования из русского языка слов просвет-и-тель и участ-н-ик, заметим, что два разных словообразовательных аффикса русского языка -тель и -ик (аффиксы субъекта деятельности) передаются в крымскотатарском языке одним словообразующим аффиксом чы/чи. Из чего следует, что если выбор производящей основы предопределяется объектом калькирования, то выбор аффикса предопределяется сочетаемостью деривационно мотивирующих единиц калькирующего языка.

Из вышеприведенного предложения рассмотрим еще одну лексему гуманист - инсанпервер: в русском варианте слово гуманист состоит из основы гуман и словообразующего аффикса –ист(субъект деятельности), а в крымскотатарский язык эта лексема перевелась сложным словом инсан-первер, что дословно переводится как «любовь к человеку». Таким образом, поморфемного перевода в данном случае также не наблюдается.

Калькируемое слово международный из того же предложения, состоит из двух основ, где при переводе на другой язык основа народ передается в крымскотатарском языке как халкъара, т.е. дословно «народ+ между», что связано с особенностями строя тюркских языков.

Таким образом, считая словообразовательное калькирование в крымскотатарском языке структурно – семантическим, мы считаем, что определение «структурное» не обозначает обязательного, специального воспроизведения словообразовательной структуры калькируемого объекта. Словообразовательное калькирование является структурным по отношению к своему объекту в том смысле, что у последнего должна быть своя словообразовательная структура, в которой актуализируется его мотивированность. Структурно неточное калькирование ясно показывает, что образование кальки не сопряжено с полным воспроизведением иноязычной словообразовательной структуры, причем данное обстоятельство не отнимает у кальки семантической точности. Таких калек мотивированных не идентично, хотя и коррелятивно, созвучно с калькируемыми объектами в крымскотатарском языке достаточно количество. Приведем примеры:

Украинанынъ эки къанун лейхасы бакъылгъан [Къ.1992г.].

Были рассмотрены два законопроекта Украины.

Законопроект - къанун лейхсы; в русском языке законопроект - сложное слово закон +интерфикс (-о-) + проект, при переводе на крымскотатарский язык образовалось словосочетание(П изафет) къанун лейхасы.

Июнь 25 – 26-да 21-нджи чагъырылыш халкъ депутаталары область Советининъ экинджи сессиясы олып кечти [Д.1990].

25 – 26 июня состоялась вторая сессия 21 созыва областного Совета народных депутатов.

со-зывает - чагъыр-ы-лыш; в русском языке это слово состоит из префикса -со и основы – зв, а в крымскотатарском языке к основе слова присоединяется соединительная -ы и затем словообразующий аффикс –лыш.

Рассмотрим следующий пример:

Топлашувда Къырым Республикасы Конституциясынынъ лейхасыны умум-халкъ музакересине чыкъармакъ акъкъында къарар къабул этильди. [Я.д.1992]

На собрании было принято решение о выносе на общенародное обсуждение проекта Конституции Республики Крым.

со-бра-н-ие - топла-шув: русский язык: преф.+основ.+словообр.суффикс + окон. – крымтат. язык: основ.+ словообр.аф.

В примере общенародное - умумхалкъ, где общее - умум, народ- халкъ калькируемый объект и образованная от него калька полностью совпадают. Подобных кальек в крымскотатарском языке довольно много. Это свидетельствует о влиянии русского языка на механизмы речепроизводства языка крымских татар на ассоциативном уровне.

Итак, калькирование – это сложное лингвистическое явление.

На наш взгляд, полной, точной и применимой к крымскотатарскому языку дефиницией является определение Л.П. Ефремова: «Словообразовательное калькирование - двустороннее явление: по отношению к своему объекту оно перевод, а по способу осуществления и по отношению к своему результату (кальке) – словообразование, основанное на использовании мотивированности калькируемого объекта» [2, 21]. Из самой сущности словообразовательного калькирования вытекает, что его научное освещение должно опираться на теорию перевода, теорию словообразования и учение о мотивации. Соблюдение этих условий позволит более глубоко охарактеризовать особенности словообразовательного калькирования в крымскотатарском языке.

Выводы и перспективы. Представляется целесообразным рассмотреть вопросы одной из специфических разновидностей словопроизводства - калькирование в процессе дальнейшей работы на материале крымскотатарского языка.

Литература

1. Гарипова А.А. Системно-функциональный анализ фразеологических единиц, калькированных с русского языка на татарский : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.20. «Сравнительно – историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / А.А. Гарипова. – Казань, 2011. – 20с.
2. Ефремов Л.П. Основы теории лексического калькирования : [монография] / Л.П. Ефремов. – Алма – Ата.: Изд – во КазГУ, 1974. – 190 с.
3. Колкер Б.Г. Французские фразеологические кальки в русском языке / Б.Г. Колкер // Русский язык в школе. – М., 1968. – №3. – 78 с.
4. Курбанов Л.М. Современный азербайджанский литературный язык : автореф. дис. на соискание уч. степени докт. филол. наук / Л.М. Курбанов. – Баку, 1968. – 58 с.
5. Маковский М.М. К проблеме так называемой «интернациональной» лексики / М.М. Маковский // Вопросы языкознания. 1960. – №1. 46 с.
6. Максимов Н.В. Роль калькирования в развитии лексики современного Татарского литературного языка : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.02. «Языки народов СССР. (татарский язык)» / Н.В. Максимов. – Казань, 1991. – 20с.
7. Матвеева О.В. Лексическое калькирование как результат лингвокультурного влияния в условиях межкультурной коммуникации : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19. / О.В. Матвеева. – Саратов, 2005. – 20с.
8. Хегай М.А. К понятию кальки / М.А. Хегай // Ученые записки Ташкентского госпединститута. 1964. Т. 45. Вып.3.
9. Шанский Н.М. Деривация слов и фразеологических оборотов. (К вопросу о сходстве и различии процессов словообразования и оборотообразования) / Н.М. Шанский // Русское и славянское языкознание. К 70-летию члена-кор. АН СССР Р. И. Аванесова. М.: Наука, 1972. С. 300—308.

10. Ярцева В.Н. Структурно – семантические кальки в условиях двуязычия. /В.Н. Ярцева. // Тезисы научной конференции, посвященной проблеме двуязычия и многоязычия М.: Наука, 1969. – 21с.

Алієва В. М. Особливості словотвірного калькування у кримськотатарській мові / В. М. Алієва, Е. І. Ресутова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 206–211.

У статті аналізується словообразовательне калькування на матеріалі кримськотатарської та російської мов. На прикладах суспільно - політичної лексики (ОПЛ) ми прийшли до наступного висновку: такий вид калькування - це двосторонній процес. Моделлю для створення кримськотатарського слова виступає іншомовна одиниця (російська і через російську), специфіка даної кальки - частковий поморфемной переклад засобами рідної мови.

Ключові слова: калька, калькування, словотвір, структура слова, кримськотатарська мова, російська мова.

Aliyeva V. N. Derivational tracing features in the Crimean Tatar language / V. N. Aliyeva, E. I. Resutova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 206–211.

The article analyzes the derivative calques on the material of the Crimean Tatar and Russian languages. Examples of public - political vocabulary (PPV), we come to the following conclusion: this type of replication is a two way process. A model for the creation of the Crimean Tatar word speaks a foreign language unit (Russian and through Russian), the specifics of this onion skin - partial polifenol transfer the means of the native language.

In linguistics the last decade calques extensively studied by many linguists: Bagan J., Garipova, A.A., Maiorov V. S., Maximov N.V., Matveeva O.V., Kruglak E.E., Rutkevich S.A., Fatkulina F.R. and other. Scientists involved in the issue has been divided into two opposite opinions: derivational calques is morphological translation; formative calques is not morphological translation. We are supporting second of view, believe that word calques is not morphological translation. The structure of cripples not always coincide with structure calcerous object on this process comes in and out of their native language. for example:

1) words *voz – vrashe –n – ie* and *kayt – ar – uv* are separated by way of education, so *kakunodate* to different language types of morphological structure of the language (agglutinative and inflexional) 2) *calci maarif + chi* and *ishtirak +chi* formed from Russian language *prosveti - tel* and *uchast-n-ik*, and two different word affix the Russian language *-tel* and *- ik* (affixes the subject of activity) shall be passed in the Crimean Tatar language is one word affix - *chi*. 3) word in the Russian language *gumanist (guman+ist)* is passed in the Crimean Tatar language compound word *insan - perver*, which literally translates as "love man". 4) word *zakono-proekt – kanun leyhasi*; in Russian language *zakon-o(interfaces)-proekt* in the Crimean Tatar language was formed phrase *kanun leyhasi* (II ircumlocution).

In our view, comprehensive, accurate, and applicable to the Crimean Tatar language definition is the definition L.P., Efremov : "Derivational calques - sided phenomenon: with respect to your object, it translation, and by way of implementation and in relation to its result (tracing) - formation, based on the use of motivation calciuma object". From the very essence of the word-formative comes implies that his scholarly should rely on the theory of translation, theory-formation, and the doctrine of motivation.

Keywords: vellum, calques, the formation, structure of the word, the Crimean Tatar language, Russian.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 811.512.19(044):[801.82:82-94]

ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ ЯЗЫКА ПЕРЕПИСКИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА В ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ЯРЛЫКАХ

Абдужемилев Р.

*Республиканское высшее учебное заведение
«Крымский инженерно-педагогический университет» (РВУЗ «КИПУ»), Украина
E-mail: refatimus@gmail.com*

В статье рассматривается языковой аспект писем правителей Золотой Орды, в частности ханов Тохтамыша и Темир-Кутлука. Теоретическая база исследования подкреплена позициями авторитетных исследователей касательно поднятой проблемы. Особенно акцентируется момент исторической преемственности языка Улуса Джучи, а также оригинальность и уникальность древних тюркских форм. Как подтверждение тому проанализирован текст ярлыков со всеми примечательными составляющими: лексика, грамматический строй и стилистика. Результаты исследования позволяют определить связующие нити между языками переписки с одной стороны такого широкого конгломерата как Золотая Орда, а с другой – Крымского ханства как продолжателя письменных традиций последней.

Ключевые слова: ярлык, язык, кыпчакский, тюркский, грамматические формы, стиль.

Постановка проблемы. В целях расширенного филологического исследования дипломатической переписки Крымского ханства необходимо совершить небольшой экскурс по анализу языка переписки предшествовавшего периода, эпохи Золотой Орды. Такой метод, то есть исторический взгляд позволит в общих чертах выявить истоки формирования и становления языка дипломатии Крымского ханства.

Актуальность проблемы обусловлена важностью исследований в отношении документальных источников для современной крымскотатарской филологии. Благодаря такому изучению можно будет выявить особенности хода исторического развития крымскотатарского языка.

Анализ литературы. В написании статьи опорными источниками послужили работы историко-филологической направленности о золотоордынских ярлыках И. Березина [1, 2], В. Григорьева [3], А. Самойловича [4], И. Вашари [5]. Общие и частные аспекты развития тюркских языков рассмотрены А. Казем-Беком [6] и К. Къонъуратом [7]. Весомая роль отведена и филологическому анализу ярлыков среди турецких исследователей, в частности работе М. Озъетгин [8].

Объектом изучения является переписка ханов Золотой Орды, в частности ярлыки Токтамыша (1382 г., 1393) и Темир Кутлука (1397 г.).

Предмет исследования – специфика языка и стиля золотоордынских ярлыков.

Целью статьи является филологический анализ переписки правителей Золотой Орды. Непосредственно достижение цели предполагает выполнение следующих **задач**: 1) в общих чертах охарактеризовать язык рассматриваемого периода, основываясь на существующих ныне исследованиях; 2) определить лексический состав языка; 3) выявить грамматические формы ярлыков ханов Золотой Орды; 4) указать на стилистические особенности языка.

Изложение основного материала

История развития крымскотатарского языка предроссийского периода в общетюркском масштабе отмечена следующими временными фазами: 1) древний период (VI – XIII вв.); 2) Золотая Орда (XIII – XV вв.); 3) Крымское ханство (XV – XVIII вв.). Из этих фаз значительным этапами становления языка считаются последние два, поскольку в них четко прослеживается неразрывная взаимосвязь. В контексте двух государственных образований, Золотая Орда рассматривается как широкое государственное образование, в основе которого находилась различная по своему составу народно-племенная система, объединенная общетюркским происхождением. Крымское ханство, в свою очередь, представляло собой уже новую институциональную структуру, обособившуюся после распада Золотой Орды и отождествлявшую идентичность такого народа как крымские татары. Несомненно, все глобальные процессы, имевшие место в развитии тюркских народностей, наряду с политическими аспектами затронули и культурную жизнь крымских татар. Особенно это заметно в области языка. В течение своего развития тюркские языки подвергались определенным трансформациям: где-то сохранялись архаические формы, где-то появлялись новые.

Период с XIII в. по середину XVI в. в истории развития крымскотатарского языка идентифицируется использованием термина «Дешт тили / Кырым тили» (язык степи / язык Крыма) [7, 106]. Общность языка крымских татар и поволжских татар указывает на единый источник их происхождения – из литературного языка Джучиева улуса. А. Самойлович дал характеристику этого языка: «...возникший путем кыпчакизации литературного языка эпохи караханидов в Кашгаре, т. е. путем переработки последнего с помощью местного живого разговорного для XIII – XIV вв. в Джучиевом улусе языка кыпчакского...» [4, 188].

Золотоордынские ярлыки, грамоты писались в подлинниках на тюркском языке, на арабской или уйгурской графике [8, 24]. Этот язык представлял собой восточно-тюркский литературный язык XIV в., называвшийся огузо-кыпчакским (Самойлович), потом хорезмийским (Экман, Фазылов и др.) или чагатайским. В плане лексического состава преобладающим был кыпчакский или же половецкий элемент. Другая дефиниция языка переписки могла указываться как татарский язык, поскольку название «татар тили» встречается в «Codex Cumanicus» [5, 198]. В кыпчакской канцелярии использовался татарский язык, характеризовавшийся как общенародностью, так и ученостью [3, 97]. Проникнутую «татаризмом» [3, 97] специфику, отличную от славянских языков, довольно хорошо обозначил В. Григорев: слог и обороты, конструкции, расположение слов, синтаксис (вставочные и объяснительные предложения спереди главных), большое количество деепричастий, различных форм глагола [3, 97 – 99].

Как ценность ярлыков Золотой Орды И. Березин называл древность языка: «...сбережение и издание в свет памятников древнего тюркского языка составляет несомненную заслугу и перед филологией, и перед историей...» [2, 43]. Подобное понимание подкреплялось преимуществом филологического аспекта, а именно чистотой языка: «...Филологическая значимость грамоты Тохтамышда далеко превосходит историческую. Здесь является тюркский язык, еще не подвергшийся влиянию

арабского и персидского языков, а это для филологии составляет драгоценный документ...» [2, 45]. Другой момент, обозначенный Березиным, заключается в архаичности форм: «...как и в древних тюркских сочинениях, встречаются корни, ныне неизвестные в тюркском языке и сохранившиеся только в производных словах...» [2, 45].

В отношении лексического состава, ярлыки золотоордынских правителей состоят преимущественно из оригинальных тюркских слов, в то же время определенный пласт занимают слова арабского и персидского происхождения. Справедливо замечание А. Казем-Бека о том, что с течением времени арабские и персидские заимствования в определенной мере вытеснили исконно тюркскую лексику [6, II]. В результате, оригинальный язык изменился настолько, что «лишился природного своего богатства, утратил свойственный ему дух и предал забвению множество коренных слов, начало которых с трудом можно отыскать в многочисленных сродных ему наречиях» [6, II]. Действительно, в переписке присутствуют многие архаичные формы и древний пласт лексики, некоторые из которых сохранились в современном крымскотатарском языке, а другие – нет. Отдельные лингвистические единицы сохранились в других тюркских языках.

Уже в переписке Крымского ханства все также сохранились грамматические формы и лексический запас, где-то немного трансформировавшись, а где-то – сохранив оригинальность. Целый ряд часто встречаемых слов, таких как *qılmaq* (совершать), *bolmaq* (быть, стать), *bağça* (прочие), *kor* (много), *burun* (прежде) и т. д., прочно утвердился в ярлыках как Золотой Орды, так и Крымского ханства.

Основные фонетические особенности: [e] > [i] - *ilçi* (elçi), *birdi* (berdi); [d] > [t] - *tib* (dep); огубление в суффиксах повелительного наклонения глаголов – *almasunlar*; [b] > [m] - *miñ* (biñ); фонема [b] в глаголе «*bolmaq*» (степной диалект); отсутствие сингармонизма – *biklar*; *keçkan*, *yerda*; озвонченность фонем вместо глухости в деепричастиях - *tartib*, *turub*, *çıqarub*; расхождение по мягкости-твердости – *isenliq*, *selâmetkiq*; глухость фонем в числительных – *toqsan* (doqsan), *yeti* (yedi); звонкие фонемы в суффиксах после глухих (в корне слова) – *bişda*.

В количественном отношении большую часть лексики в ярлыках занимают слова тюркского происхождения: *ulus* (улус, удел), *yarlığ* (ярлык), *ortaq* (товарищ), *oğlan* (князь), *bek* (бек), *ilçi* (посол), *tarhan* (тархан, владелец), *ulaq* (подвода), *bulğur* (смолотый хлеб, пшеница), *dağığa* (начальник), *tamğa* (печать), *salmaq* (наложить), *tutmaq* (держать), *bitilmek* (быть написанным).

Арабизмы: *zahmet ve muavenet ve avarizatardın* (хлопоты, помощь и требования), *masun ve mahrus* (сохраненный и защищенный), *tarih* (дата), *şam u sabah evqat şeriflerida* (ночью и утором в благословенное время), *cümle* (все), *maslahat* (совет), *inayet* (милость), *himayet* (защита), *müsemma* (названный, именуемый), *merfu'alar* (надбавки), названия месяцев по хиджре (мусульманскому) летоисчислению – *Racab* (Реджеп), *Şaban* (Шабан) и т. д.

Имя существительное (isim)

Множественное число (*çoqluq sayı*): *ilçilâr* (послы), *biklâr* (беги), *kişilâr* (люди), *oğlanlar* (князья, принцы, дворянство, ханские родственники), *ağalar* (господа).

Категория принадлежности (mülkiyet) существительных такая же, что и в современном крымтат. яз.: sözüм (мое слово); ortaqların (твои товарищи); inayeti (его милость, помощь); oğlu (его сын); atası (его предок, отец); uruğımız (наш род); kileçilerimiz (наши гости); babañız (ваш отец); dostluqları (их дружба).

Родительный падеж (sahiplik kelişi): illârniñ (краев), ulusniñ (улуса, удела), qolniñ (руки), ayıniñ (месяца), bizniñ (нас), Qırq Yerniñ (Кырк Ера), bularniñ (этих), Özi Suyıniñ (Днепра).

Дательный падеж (doğrultuv kelişi): ordağa (орде, войску), bizga (нам), bitkaçilârıga (писцам), Temirga (Тимур), beklariga (бекам), ilçilârıga (послам), Yağaylârıga (Ягайле), oğlanlarıga (князьям, уланам), kendlarıga (городам), müftilarıga (муфтиям), sufilarıga (суфиям), tartnaqçılarıga (весовщикам), barçağa (всем), urunğa (на великое место).

Винительный падеж (tüşüm kelişi): kişini (человека), bizni (нас), biklarni (беков), yarlıgıni (ярлык), atalarını (предков), ilçilarni (послов).

Предложный падеж (yer kelişi): tumanıda (в тьме, тысяче), yerda (на земле), Qırımда (в Крыму), Kefeda (в Кафе), kenarıda (на берегу).

Исходный падеж (çıqış kelişi): bu künden ilkerü (отныне впредь с сегодняшнего дня), burunğı zamandın berü (с прошлых времен), qalasındın (из крепости), burundın (прежде), ol sebebdin (по этой причине), ildin (из края).

Имена существительные, образованные от других существительных или глаголов прибавлением суффикса -çı, -çi и обозначающие профессии, вид занятий, род деятельности: уаңçı (почтмейстер), barsçılar (барсники), quşçı (сокольник); kemiçi (лодейщик), köprükçiler / köprüçi (мостовщик), aqtaçı (конюший); уаңçı (почтмейстер); şusunçı (кормовщик, чиновник по отпуску порционных), anbarçı (анбарщик); tamğaçı (таможник, дающий знак и берущий пошлину); tartnaqçı (весовщик, от «tartmaq» - взвешивать); yol araçı (дорожник); sabançı (земледелец), ikinçi (земледелец); ortaqçılar (паевщики), kileçiler (от «kelmek» - приходить: гости, приходящие), yolavçı (от yollamaq: гонец, посланный, дорожник); divan bitkaçı / bitikçi (писарь, секретарь дивана); yerğuçı (вельможа); yurtlar işlençi (архитектор).

Отглагольные существительные, образованные присоединением суффикса -vul, -avul и также обозначающие род деятельности: qaravul (от «qaramaq» - смотреть, наблюдать) – караул, стража; bukavul – оценщик, стольник, генерал-расходчик; tutqavul (от «tutmaq» - держать, удерживать) – заставщик.

Существительные, образованные от других существительных и прилагательных присоединением суффиксов -lıq, -lik, -luq: tuşmanlıq (вражда), isenliq (благополучие), tarhanlıq (тарханство), qaravullıq (охрана, охранение), tınçlıq (покой, мир), dostluq (дружба), qarındaşlıq (братство), selametliq (благополучие).

Существительные, образованные от глаголов с помощью суффиксов -q; -ğ, -g, -l, -ş: qonaq (от «qonmaq» - оставаться на ночлег, садиться; гость, постоялец на ночь); salıq (от «salmaq» - ставить) – подушный налог, подати; bitig (от «bitimek» - писать) – письмо; ötül (от «ötünmek» - просить) – просьба; tüşül (от «tüşmek» – остановиться, прибыть куда-нибудь) – остановка, гость, ночлег; tükel (от «tükenmek» - заканчиваться) – конец; soyuqal (от «soyuqal etmek» - пожаловать) – милость; barış-keliş (от «barmaq-kelmek» - пойти-прийти) – посещение, приход; çıqış (от «çıqmaq» -

выходить, исходить) – все выходящее, расход, продукт; sancıŝ (от «sancmaq» - колоть) – колотье копьями;

Существительное, образованное от вопросительного местоимения «не» (что): neme – означает какую-то неопределенную вещь.

Второй изафет (сочетание существительных): ambar malı (товары с амбара), yol haqqı (стоимость дороги), bars yılı (год барса), ulus begi (улусный князь).

Имя прилагательное (sıfat)

Прилагательные, образованные от существительных с помощью суффикса –lığ, –luq, –lük: başlığ (от «baş» голова, начало) – имеющий голову, начало; atlığ (от «at» - лошадь) – верховой, всадник; adlığ (от «ad» название, имя) – именуемый (Sudaq atlığ kent – город, именуемый Судак); nişanlığ (от «nişan» метка, знак) – помеченный; tabanlığ (от «taban» низ, пол) – нижний, подданный; türlüğ (от «tür» - вид) – разный.

Суффиксы –ğı, –ki, образующие прилагательные из других частей речи: burunğı (от наречия «burun» прежде) – прежний, прошлый (burunğı yıl – за прошлый год); içki (от «iç» внутренность) – внутренний.

Наречие (zarf)

Наречия времени (vaqıt bildirgen zarflar): imdi / imdiden (теперь, отныне); aldırtın (перед, до); basa / soñra, soñ (после); burundın (прежде); kelgente (по приходу); turğanta (при стоянии); с суффиксами направительного характера –qarı / –kerü: kün ilkeri – отныне с этого дня, впредь с этого дня.

Наречия обстоятельства (al bildirgen zarflar): yahşı (хорошо); yosunıça (по закону, по пути).

Наречия количества (miqdar zarfları): кор (много).

Местоимение (zamir)

Местоимения (zamirler) в ярлыках аналогичны, что и в современном крымскотатарском языке, с отдельными по форме исключениями: указательные (işaret zamirleri) - ol yaman kişiler (эти плохие люди), ol iş (это дело), bulay (так); неопределенный (belgisizlik zamirleri) – neçe (несколько, какое-то число), kim erse (кто-либо); вопросительные (sual zamirleri) – niçük (как, каким образом), qayu (который, что, кто).

Числительное (sayı)

Порядковое числительное: суффиксы –çı, –çi - altınçı (шестой): altınçı künida – на шестой день.

Дольные числительные (ray sayılar) образуются прибавлением суффиксов –ar, –er: birer ikişer yıl (по два-три года).

Глагол (fiil)

Желательное наклонение (istek meyili): kelgey (дай Бог, чтобы пришел), bolğay (дабы был), bolmağay (дабы не был), aşıрмаğay (дабы не пропустили).

Условное наклонение (şart meyili) глаголов: virkac irse (если даст), qılur bolsa (если сделает).

Повелительное наклонение (emir meyili): tegürmasun (пусть не доставит), almasunlar (пусть не берут), tilamasunlar (пусть не желают), salmasunlar (да не налагают), yügüşsınlar (пусть проезжают).

Вспомогательные глаголы: erti / irdi - tüşüp turur erdi, işler boldı irse, yürtüb irdıq, çıǵarıb irmişlar, keldi irdi, bolǵan irǵanı.

Субстантивация глаголов: уıraqdaǵı işitürge (слышащему издалка), yavuqdaǵı köрге (видящему из близи).

Субстантивация от глагола прошедшего времени с суффиксом -ǵan: bazarda turǵanlarǵa (находящимся на базаре, стоящие на рынке, те, которые стоят на рынке).

Причастие (sıfatfiil)

Присоединение к основе глаголов суффиксов -ǵan, -kan: barǵan (поехавший), qılǵan (делающий), bolǵan (случившийся), tuta turǵan (державший), burunǵı keçkan (давно пребывавший), qalǵan (оставшийся), dinǵan (названный).

Присоединение суффиксов -ar, -er, -ur к основе глаголов: bizga baqar illâr (относящиеся к нам края, дословно «смотрящих» на нас края), çıqar çıqışların (выходящие расходы), keçer dünyada (в брэнном / переходящем мире), yürür ilçı (едуший посол); işür ilçı (проезжающий посол).

Деепричастие (alfiil)

Присоединение суффиксов -b, -ib, -ır, -ib, -ır, -ub, -ur к основам глаголов: çıǵarub (вынеся), inib (спустившись, понизившись), ańlab (поняв), уǵılıp (собравшись), yarlıǵab (соблаговолів, пожаловав), yügüb (переходив), ildirdib (отправив, послав), soyurǵab (пжаловав), tartıb (потянув), kilişip (согласовав), yob körüb (видя основательным).

Суффиксы -a, -e: yahşılıqlarımız artura (приумножая добро), kilişe barışa (согласова и примиряясь), dib / tib (сказав, молвив), anlata ötündi (просить поясняя).

Длительность действия выражается в помощью вспомогательного глагола «turmaq»: barışa turmaq (постоянно мириться), qıla turǵan (совершавший, делавший), alqış ita tursun deb (говоря, пусть радостно благославляет), tuta tururǵa (державшему), tuta turǵan (державший, владеющий), bilişe tursaq (зная друг друга), dua alqış ete tursun (пусть постоянно возносит молитвы)

Категория парных слов (çift sözler), выражающих вместе некое общее понятие: barur kelürida (по приходу), kirür çıkarıda (по заходу и выходу), barış keliş (посещение, поездка, поход), barsun kilsün (пусть приходит), alurida satarıda (при купле-продаже).

Послелогі (munasebetçiler): birle / bile (вместе с) - ol til birle (с такой новостью), Qırım bile Qırq Yerniñ tumanıda (в Крымско-Кырк-Ерской области).

Частицы (derecelikler): dahi / taqı (еще).

В стилистическом плане переписка золотоордынских правителей характеризуется четкой последовательностью написания текстов ярлыков. В целом содержание носит характер официального обращения к другому субъекту переписки, в основе которого обсуждается некая актуальная проблема. Подкреплены ярлыки утвердившимися языковыми штампами, встречающимися порой периодически, а иногда – редко. Поэтому рассматриваемая переписка принадлежит к официально-деловому стилю.

Проследим структуру переписки на примере ярлыка хана Тохтамыша:

- «*invocatio*» [8, 81] - вводная часть: сюда входят слова из молитвы (дуа) – «Aliy Allah tevekkilet ve aliy kerema ve ihsana avalet»

(«Предаюсь на Бога и уповаю на милость и благость Его!»); в ярлыках обязательно указывается представитель (адресант) ярлыка – «Тоқтамыш sözüm» («мое Тохтамыша слово»);

- «*inscriptio*» [8, 81] - указывается субъект или группа субъектов, которым представлялся ярлык (дательный падеж): «Qırım tumanınıñ Qutlu Buğa başlıǵ daruǵa bekleriña qazı müftileriña şeyh meşayışlarıña divan bitkaçılarıña tamǵacı tartnaqçılarıña bokavul tutqavullarıña ni kim hürfet ağalarıña barçaǵa» («Начальникам Крымской области, во главе которых Кутлу Буга, бекам, духовным судьям, духовным законоведцам, настоятелям, старцам, секретарям диванов, таможникам, весовщикам, букаулам, заставщикам, каким бы то ни было мастерам, всем другим»);
- «*narratio*» [8, 81] - непосредственно повествование, центральная проблема: «bu yarlıqni tutub turǵan Bık Hacıǵa penahlıq ili cümlesin bizniñ soyurǵal bolub Sütkül ildin yıl sayın ni kim ıqıar ıqıışın merfu’alar birle barçası beyt el-mal berildi» («Так как Тимур-Пулад повелел так: “владеющий этим ярлыком Бек Хаджи с подопечными ему людьми, все нами пожалованы, они платили в государственное казначейство ежегодно все какие бы то ни было требуемые расходы с надбавками”»);
- «*dispositio*» [8, 81] - часть ярлыка, в котором резюмируются предыдущие высказывания с помощью определенных распоряжений (повелительное наклонение): «bu künden ilkeri Sütkülǵa salıǵ müsemmi salmasunlar uluǵ şüsün tilamasunlar anbar haqqı ikin harcı tilamasunlar tumandın erketde bolub Qırım içinde tışında qonumlarda Sütkülǵa tabanlıǵ kişiların kim irsa tiyamasunlar barçaları bir yerga cemi’ bolub ıqıar ıqıışların osal qılmadın himayet inayet bolmadın payzalıǵ yarlıǵ tarhan betmadın Bek Hacıǵa gönillik birle barçalarıñız bu karın küç berinlar tib Timur Polad bulay tidürǵaç irsa tuman salıǵın qismetin salǵanlar zahmet yöncüǵ tikürǵanlar qorharlar erne besapes Bek Hacı bulay soyurǵalım tib meskin yarlıǵlarǵa küç qılur bolsanıñ singa taqı edǵısı bolmaǵay tib tuta tururǵa al tamǵalıǵ yarlıǵ berildi» («Отныне впредь да не налагают на Суткуль называемые «подушные», да не требуют подвод и корму; да не требуют на амбары хлебного харча; облатские власти да не трогают никакого подчиненного Суткулю человека внутри Крыма, вне, на местах остановки; всем им вместе взятым, ради освобождения их от требуемых расходов, оказывания покровительства и помощи, написания пайзового тарханного ярлыка, вы все в этом случае беспрекословно оказывайте содействие Бек Хаджию, а поэтому делающие раскладку областных и подушных непременно побоятся причинить беспокойство и обиду. Но если ты, Бек

Хаджи, говоря “я есть таким образом пожалован” станешь причинять насилие беднякам, то тебе доброго не будет. Так молвя, для держания вручили ярлык с алой тамгой»);

- «*datatio*» [8, 81] - дата (тарих) написания ярлыка: «*tahrira el-rebiül aşirin şehir Zil-qa'de sene erba've tesa'un beçin yıl*» (летом года обезьяны 94-го года месяца Зилькааде 24-го дня); в другом ярлыке Тохтамыша – «*taqağu yıl tarih yiti yüz toqsan bişte Receb aynıñ sekiz yañınta*» (года курицы 795 года Хиджры, восьмого дня новолунного месяца Реджеб);
- «*locus*» [8, 81] - место написания ярлыка: в ярлыках Тохтамыша - «*Or-töbede*» (в Ор-Тёбе); «*Ordu Tanda*» (Орда на Дону); в ярлыке Тимур-Кутлука – «*Özi Suyıñı kenarında Mücaveranda*» (в Муджаверане на берегу Днепра).

Выводы и перспективы. Таким образом, ярлыки правителей Золотой Орды, являясь по своей сути трансформировавшимся продолжением более древних письменных тардий, заложили фундамент для становления переписки Крымского ханства. Свидетельством тому служат множество сохранившихся лексических единиц, а также грамматических форм. Стилистическая специфика же практически аналогична, что в период Золотой Орды, так и во время развития Крымского ханства. Особо важно отметить, что языковой ареал Золотой Орды был достаточно широким, учитывая территориальные границы этого государственного формирования. Этот фактор дает основание считать официальный язык Золотой Орды единым универсальным языком общения и переписки всех тюркских народностей, проживавших в пределах этих границ.

Литература

1. Березин И. Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам) / И. Березин // Журнал Министерства народного просвещения. Том 68. – СПб. : В типографии Императорской Академии Наук. – 1850. – С. 1 – 24.
2. Березин И. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея, с введением, перепись, переводом и примечаниями / И. Березин. – Казань: В Типографии Университета. – 1851. – 162 с.
3. Григорьев В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству: историко-филологическое исследование / В. Григорьев. – М. : В Университетской типографии. – 1842. – 132 с.
4. Самойлович А. Н. Избранные труды о Крыме / А. Н. Самойлович. – Симферополь: «ДОЛЯ». – 2000. – 296 с.
5. Вашари И. Жалованные грамоты Джучиева Улуса, данные итальянским городам Кафа и Тана / И. Вашари // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223 – 1556. – Казань. – 2001. – С. 193 – 206.
6. Казем-Бек А. Грамматика турецко-татарского языка / А. Казем-Бек. – Казань: В Университетской типографии. – 1839. – 523 с.
7. Къонъурат К. Къырымтатар язы тилининъ тарихындан / К. Къонъурат // Ыылдыз. – 2003. – № 4. – С. 106 – 119.
8. Özyetgin A. M. Altın Ordu, Kırım ve Kazan sahasına ait yarlık ve bitiklerin dil ve üslup incelemwsi / A. Melek Özyetgin. – Ankara. – 1996. – 297 s.

Абдужемілев Р. Передумови становлення мови листування Кримського ханства у золотоординських ярликах / Р. Абдужемілев // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 212–220.

У статті розглядається мовний аспект листів правителів Золотої Орди, зокрема ханів Тохтамиша та Темір-Кутлука. Теоритчна база дослідження підкріплена позиціями авторитетних дослідників щодо розглядаємої теми. Особливо акцентується момент історичної послідовності мови Улусу Джучі, а також оригінальність та унікальність стародавніх тюркських форм. В якості підтвердження тому проаналізований текст ярликів зі всіма примітними складниками: лексика, граматичний стрій та стилістика. Результати дослідження сприяють виявленню зв'язуючої ниті між мовами, з одного боку, листування такого широкого конгломерату як Золота Орда, а з іншого – Кримського ханства, як продовжувача письмових традицій останнього.

Ключові слова: ярлик, мова, кипчакська, тюркська, граматичні форми, стиль.

Abduzhemilev R. The preconditions of language formation of the Crimean Khanate's correspondence in the Golden Horde yarlyks / R. Abduzhemilev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 212–220.

In the article the matter for consideration is the lingual aspect in the letters of the Golden Horde's rulers, in particular of the khans Tokhtamysch and Temir-Kutluk. The theoretical basis of the research is confirmed by the points of view of the authoritative researchers with regard to the brought up problem. The special accent is put on the matter of the historical succession in the language of Ulus Dzhuchi along with the originality and uniqueness of the ancient Turkic forms. As the confirmation to this the texts of the yarlyks with all their noticeable constituents are analysed: vocabulary, grammatical structures and stylistic peculiarities. The results of the research permit to define the connecting threads between the languages from the one hand of such broad conglomerate as the Golden Horde, from the other hand – of the Crimean Khanate as the successor of the writing traditions of the Golden Horde.

Key words: yarlyk, language, Kypchck, Turkic, grammatical forms, style

Поступила в редакцію 03.03.2014 г.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

ПОВОЛЖСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ: ВАРИАНТЫ ПРОЧТЕНИЯ

Нуриева Ф. Ш.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации
E-mail: fanuzanurieva@yandex.ru*

В данной работе рассматривается вопрос изучения и трактовки рунических надписей, найденных на территории Поволжья. В настоящее время в Поволжье обнаружено больше десяти археологических находок руническими надписями, определена их хронология. При прочтении наблюдаются разные трактовки текстов. Назрела необходимость создания единого архивного хранилища для сохранения и изучения оригиналов рунических памятников, так как они являются свидетельством ранней письменности татарского народа.

Ключевые слова: Поволжье, тюркские, рунические надписи, трактовка, варианты.

Изучением письменности волжских булгар исследователи занимаются более двух столетий. Выявление и расшифровка памятников способствуют раскрытию особенностей развития языка населения Булгарского государства, который остается одним из самых спорных в тюркологической науке. Представить характер языковой ситуации в Поволжье в период VIII – XIII века сложно, так как сохранились очень отрывочные сведения. Ее можно реконструировать на основе анализа сохранившихся тюркоязычных письменных памятников на рунической и арабской графике. В настоящее время в Поволжье обнаружено больше десяти рунических надписей на таких археологических находках, как посуда, пряслица, сабля, на камнях и других предметах. Небольшие рунические надписи представляют, помимо лингвистического интереса, значительный историко-этнографический интерес.

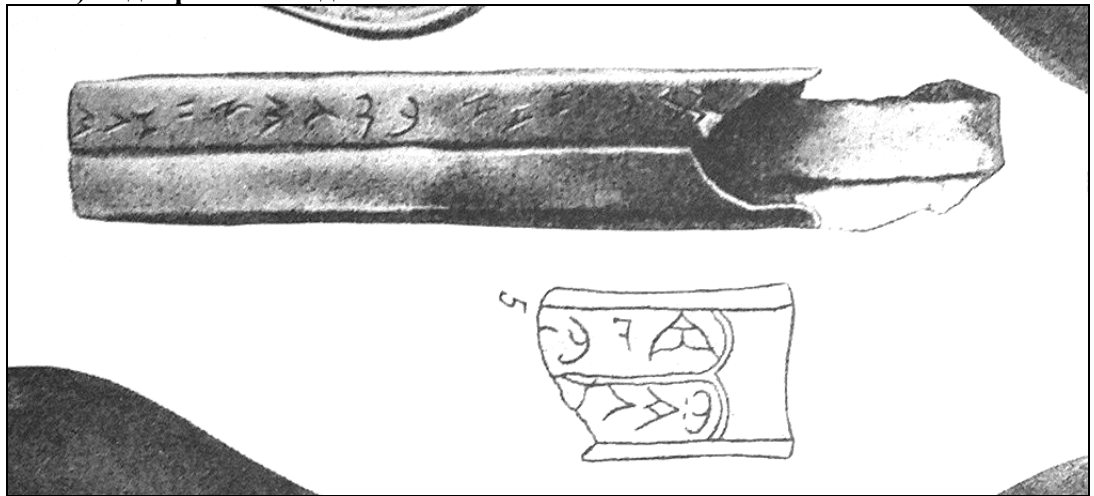
Говоря о результатах рунологических исследований в Татарстане, следует отметить, что все находки известны в науке, описаны археологами, прочитаны историками языка, проведен палеографический анализ.

По мнению исследователей, руническая система письма была принесена в Среднее Поволжье той частью населения, которая непосредственно генетически была связана с салтово-маяцкой культурой и приняла активное участие в оформлении этнокультурного облика Волжской Булгарии в целом. (Кочкина, 1985, 80). В свое время М.М. Артамонов отмечал, что рунические надписи, найденные на памятниках салтово-маяцкой культуры, скорее всего, принадлежат тюркоязычным булгарам. Благодаря этим племенам такие знаки широко распространились в то время и в Дунайской Булгарии (Артамонов, 1954, 19). Исследователи при чтении текстов придерживаются мнения, что в Волжско-Камском регионе буквы и знаки рунических надписей «ближайшим образом напоминают буквы и знаки рунических письмен донского и кубанского ареалов» (Кызласов, 1994, Тенишев, 2006, 157).

Хронологически рунические надписи Поволжья укладываются в рамках истории Волжской Булгарии: раннебулгарский, домонгольский и золотоордынский (Казаков, 1985, 179). К раннебулгарскому этапу (вторая половина VIII в. — X в.) отно-

сятся Афанасьевская (Кировская область, верховья р.Кама – надпись из пяти знаков на дне серебряной кружки), Седьярская (д.Седьяр в Удмуртии, надпись на вертикальной ручке серебряного кувшина), Юриноская надпись (с.Юрьево, Марий Эл, надпись на камне из восьми знаков). Домонгольский и золотоордынский периоды (X по XIII вв.) включают в себя надписи: Микушкинская (с.Микушкино, Самарская обл., надпись на камне из пяти знаков), Мурзихинская (р.Кама, Мурзихинское селище, пряслице с рунической надписью из восьми знаков на две строки), Сарабиккуловская (д.Сарабиккол Лениногорского района республики Татарстан, надпись на камне с пятью руническими знаками), Билярская (Билярское городище республики Татарстан, надпись из шести знаков на ручке сосуда) и Кураловская (Старокуйбышевское городище, надпись состоит из трех знаков) и другие (Тенишев 2006, 170).

1) Седьярская надпись

Деталь сосуда - ручка кувшина (Фотография: Даркевич, 1972, табл.20).

Описание. Надпись на ручке серебряного кувшина. Найден при пахоте около починка деревни Седьяр в Удмуртии. Чтение надписи на ручке из 25 знаков (обнаружена в 1884 году близ деревни Седьяр Балезенского района Кировской области, хранится в Эрмитаже) сделано П.М. Мелиоранским в 1902 году.

В настоящее время имеются три варианта прочтения.

1. П.М. Мелиоранский (1902,017-022с.):

Käg (kig) ... gäg (gig) känčä gärunčüä kälünčä

Г... мү (ä si) «За младшую дочь Герюнчу (как) невесту (получен) подарок»

2. Х.Р. Курбатов (1990,17с.):

Oaġi däg qinča gälünčä (jä) qawuši gütü (ši) «Лебедеподобный княжне – невестке серебро в честь бракосочетания»

3. Э.Р. Тенишев (2006, 164-166 с.):

Käg ...b(ä)g: känčü: g (i) nänčü:

K (ä) länč

g: tä «Сокровища бека – жемчуга и молодухи»

2. Юриноская подпись

Найден в 1958 году в селе Юрьево Марийской республики при рытье траншеи, кусочек камня размером 8х12 см. Надпись из восьми знаков. Относится к X веку. Хранится в коллекции Института истории АН РТ.

Имеются два варианта чтения:

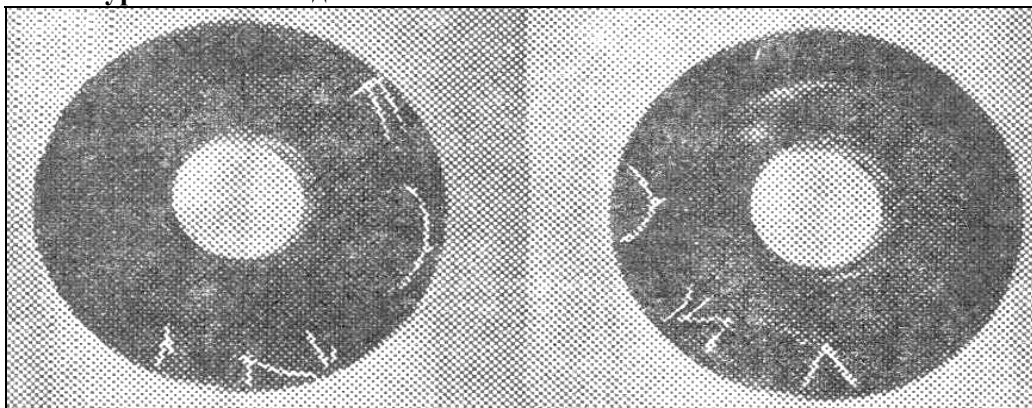
а. Э.Р. Тенишев (1971; 21-23 с.)

(a)t (a) cq (y) zu m(a)+ (ä) b) «Обманчивая стеснительность от имущества и хозяйства».

2) Х.Р. Курбатов (1990, 15-16 с.):

küč üza dašut. «Против насилия мой камень».

3. Мурзихинская надпись

Пряслице из сланцевого материала с рунической надписью найдено Е.А. Беговатовым во время археологической экспедиции в разливе левого берега

Камы на месте Мурзихинского селища среди других болгарских вещей (керамика, бусы, металлические изделия). Пряслице содержит две строки с руническими знаками, прочерченными острым предметом на обеих боковых сторонах его. Пряслице сделано в XI-XII вв., по-видимому, в это же время была нанесена и надпись. Хранится пряслице у Е.А. Беговатова.

Имеются три версии чтения надписи:

1) Е.А. Беговатов и Р.Г. Ахметьянов надпись на первой строке прочитана как *brk* 'подарок', вторая – как *rkη*.

Транскрипция надписи такова: *b(e)rk(e) (e) rk(e)η(e)* 'подарок Эркене';

2) Х.Р. Курбатова, чтение – справа налево. Схема букв и их звуковые обозначения:

		
v I 3	g	b

				
i	z	ä	b	k

Транскрипция надписи: *b(a)g(y)š k(ü) bāzi* 'радость для зрения'

3) Э.Р. Тенишев предложил новое чтение надписи: а) *j(a) γ(i)š б) (a)lčij(ä)k* 'а) «жертвенный подарок», б) «возьми-ка, демон!»'. Три слова в целом составляют оберегательное заклинание – оградить владелицу пряслицы и ее близких от нечистой силы [Тенишев, 2006, 162].

4. Именьковская надпись

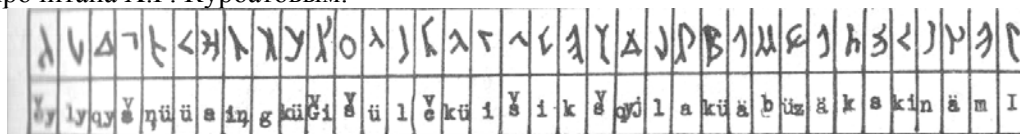

В 1909 году известный коллекционер В.И. Заусайлов продал в национальный музей Финляндии в Хельсинки археологические находки, обнаруженные в конце XIX – начале XX века в Прикамье. Среди них оказались две болгарские сабли XI – XII веков с руническими надписями, на которые обратил внимание казанский ученый – археолог П.Н. Старостин.

Публикации: Старостин П.Н. Сабля с рунической надписью из села Именьково Казанской губернии// Истоки татарского литературного языка. – Казань, 1988. – С.14 – 16.

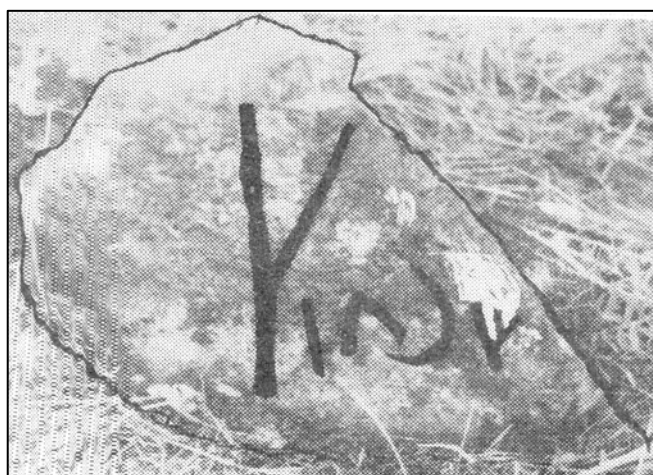
В каталоге (инв. номера 4318 и 4319) отмечено, что обе находки происходят из села Именьково Лаишевского уезда Казанской губернии (ныне Лаишевский район Республики Татарстан). На сабле (№ 4319) возле рукоятки П.Н. Старостиным были

зафиксированы рунические надписи, длина строки 13 см., ширина 1 см. Надпись прочитана Х.Р. Курбатовым.

Чтение – справа налево: Imān kiskā ūzā bākū alqyjš kiši kūčlūš čikūgin sūņūš qulšy. Перевод: Боевая сабля бека (над) Имен-киске – человека прославленного, сильного Джикуга.

5. Сарабиккуловская надпись

Надпись на камне серого цвета длиной 50-60 см с пятью руническими знаками, расположенными ближе к правому нижнему краю камня. По характеру букв надпись Э.Р. Тенишев относит к XI-XII вв. Обнаружено В.Х. Хаковым 1967 году во время экспедиции в Лениногорском районе Татарстана вблизи деревни Сарабиккулово.

Первым прочитал надпись сам В.Х. Хаков. Боль-

шую букву относит символу. Рядом с символом находится первая буква, текст нужно читать слева - направо [Хаков, 1988, 13]. И.Л. Кызласов знак расценивает как тамгу [Кызласов, 1994, 68].

				
	s ²	u	b ^I	ŷ

В.Х. Хаков надпись прочел sūbaš т.е «глава войска, военачальник».

Э.Р. Тенишев вносит корректировку в чтение надписи: «Читать букву как ŷ недопустимо, для ŷ в западной рунике есть серия знаков. Следовательно, правильная версия subaš, т.е. «источник реки». Но есть ли в том месте река или русло иссохшей реки? Если есть, тогда чтение оправдано» [Тенишев, 2006, 161]. Э.Р. Тенишев пред-

ложил еще один вариант прочтения $\text{K} \sim \text{Y}$ справа налево. «Первую букву K можно читать как š , но и как ś . Тогда получается поучительная надпись, состоящая из (а)ś «милость» (встречается в одном из египетских памятников) и повелительной формы II л. мн.ч. от глагола *jaša* «строй, делай, устраивай» (встречается в большой надписи памятника Кюль-Тегину): (а)ś *jaš(a)ŋ*. «Делайте добрые дела (милости)».

6. Билярская надпись

В 1983 г. при раскопках на территории Билярского городища археолог А.Ф. Кочкина обнаружила болгарский керамический сосуд XII века.

Надпись из шести знаков прочерчена по сырой глине на ручке сосуда. Все знаки четкие, высота строки составляет 1-1,5 см; общая длина 4,7 см.

1) Ф.А. Кочкина, издавшая в 1985 году фотоснимок надписи, предлагает следующее чтение: «*aš – есть, aš tat – отведасть пищу, aš tatiy - пища, tajna – кислое молоко*. Поэтому вполне можно допустить, что надпись на сосуде представляет собой благопожелание к принятию пищи» [Кочкина, 1985, 79].

2) Чтение Х.Р. Курбатова:

асутан «посуда для закваски» (Курбатов, 1999, 29с.)

3) Чтение Э.Р. Тенишева:

аѣт(и)](а)п «открывая благодать» [Тенишев, 2006, 159].

Выводы и перспективы. А.Ф. Кочкина, опубликовавшая билярскую находку, пришла к выводу, что данная надпись позволяет более уверенно включать Волжскую Болгарию в ареал распространения древнетюркской рунической письменности, близкой к своей основе к северокавказскому (протоболгарскому) варианту

(Кочкина 1985, 75-80). И.Л. Кызласов также акцентирует «Условия этой находки впервые надежно связали с булгарами серию руноподобных написаний, обнаруженных к тому времени в разных местах Восточной Европы – от Северного Кавказа и Подонья до Прикамья (Кызласов 1994, 216). Руническое письмо продолжало существовать у булгар, поселившихся в Среднем Поволжье и в Прикамье. Предметы с руническими письменами XI-XII веков свидетельствуют о том, что руническая графика продолжала употребляться в Волжской Булгарии в 922 году через 200-250 лет после принятия ислама с его священной арабской письменности. Хотя существуют разночтения надписей, порою возникают споры об их языковой принадлежности, ученые склоняются к мнению, что язык поволжских рунических надписей имеют общетюркский характер. В языке памятников зафиксированы древнетюркские формы типа *q (a) lti k (ä) länč suliq*. В Трой-Урийской и Сарабиккулской надписи встречается прочтение *su* «вода» как в современном татарском языке, а в древнетюркском - *sub*. Возникает вопрос – это региональная форма или неправильная дешифровка. Рассмотренные варианты прочтения и разные трактовки текстов показывают, что по настоящее время работы с источниками не закончены. Также назрела необходимость создания единого архивного хранилища для сохранения и изучения оригиналов рунических памятников, прорисовок, эстампажей, так как они являются свидетельством ранней письменности татарского народа.

Литература

1. Байчоров С.Я. Древнетюркские рунические памятники Европы. – Ставрополь, 1989. С. 251-253
2. Беговатов Е.Л. Руническая надпись на пряслице с булгарского селища// Истоки татарского литературного языка. – Казань, 1988. – С. 17-19.
3. Кочкина А.Ф. Рунические знаки на керамике Биляра// Советская тюркология. – Баку, 1985 - №4. – С. 75-80
4. Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. – М., 1994. С. 274-275
5. Курбатов Х.Р. Татар әдәби теленәң алфавит һәм орфография тарихы. – Казан, 1999. – с.29
6. Старостин П.Н. Сабля с рунической надписью из села Именьково Казанской губернии// Истоки татарского литературного языка. – Казань, 1988. – С.14 – 16.
7. Тенишев Э.Р. Тюркские рунические надписи Поволжья. – Уфа, 2006. С.159.
8. В.Х. Хаков. Камень с рунической надписью из деревни Сарабиккулово Лениногорского района Татарии// Истоки татарского литературного языка. –Казань, 1988. – С. 12-13.
9. Халиков А.Х. Рунические знаки и надписи от Волжья Болгария и техните дунавски паралели// Археология. – София, 1988. – №3. – С. 52

Нурієва Ф. Ш. Поволзькі рунічні пам'ятки варіанти трактування / Ф. Ш. Нурієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 221–228.

У даній роботі розглядається питання вивчення та трактування рунічних написів, знайдених на території Поволжя. В даний час у Поволжі виявлено більше десяти археологічних знахідок рунічними написами, визначена їх хронологія. При прочитанні спостерігаються різні трактування текстів. Назріла необхідність створення єдиного архівного сховища для збереження і вивчення оригіналів рунічних пам'яток, так як вони є свідченням ранньої писемності татарського народу.

Ключові слова: Поволжя, тюркські, рунічні написи, трактування, варіанти.

Nurieva F. Sh. Volga region Runic records: reading variants / F. Sh. Nurieva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 221–228.

In this work the problem of studying and interpretations of Runic inscriptions found in the Volga region is researched. By present time there are more than ten archeological finds with Runic inscriptions on such items as tableware, saber, spindles, stone and etc. found in the Volga region.

The examined attempts of reading and different interpretations of the texts show that at the present moment the work with the sources is not completed. There is also a need to create a single archive repository for the preservation and study of original Runic records, detailed representations, prints as they are the evidence of the early writing of Tatar people.

The problem of the origin, peculiarities, and development of the language of the Bulgar state's population remains one of the most controversial in the Turkic science. It is difficult to represent the language situation in the Volga region during the 8th -13th centuries because only the fragmentary information is preserved. It can be reconstructed by analyzing the extant Turkic tombstones written in Runic and Arabic scripts. By now more than ten Runic inscriptions are found on such archaeological finds as tableware, spindle, saber, stones and other objects. Except the linguistic interest, small Runic inscriptions have a significant historical and ethnographic interests as well.

Speaking about the results of the Runic research in Tatarstan, we should mention that all the finds are known in the art, they were described by the archaeologists, read by the historians of the language. The paleographic analysis was is conducted.

According to the researchers, the Runic writing system was brought to the Middle Volga region by the part of the population that was genetically related to the Saltovo Mayaki culture and actively participated in creating the ethno cultural type of Volga Bulgars in general.

Key words: Volga region, Turkic, Runic inscriptions, interpretation, variants.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК. 821 (479. 24)

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАРОДНОЙ ЛИРИКИ

Аббасова М. М.

**Институт Фольклора НАНА
E-mail: azfolklor@yahoo.com**

В научной работе автор исследует стилистические особенности народной лирики. Импровизация, сущность дополнений реализуется в песнях повторением различных сочетаний звуков, слов и использованием целостного припева. В фонопоэтическом слое баяты, построенных на музыке, ключевую роль играют аллитеративные звуковые повторения, особенно соноры. Для фонетических повторов главным условием является, наряду с ассонансами, и определенность аллитерации. Как и у ассонансов, и аллитерации дают основание для расширения образности, образуют связь с другими текстовыми конструкциями. В народной лирической поэзии во всех случаях созданием песенных текстов пользуются историческим своеобразием, реально-мифическим содержанием, чувственно-эмоциональным настроением.

Ключевые слова: импровизация, баяты, повторения, анафора, эпитафия, метафора

Постановка проблемы. Художественная литература, слово в искусстве в целом, стиль, превратившееся в неразрывную часть искусства, понятие стиля представляют собой эстетическую категорию, выражающую особый смысл. В процессе творчества авторское мировоззрение, стиль, привязанный к индивидуальному искусствоведению в этом смысле в единстве содержания и формы слова, образа, сюжета, идеи и пр. «определяется талантом, литературным опытом и творческой концепцией» [6, 321]. Если в письменной литературе автор конкретизирует, разграничивает позиционно-стилистическую индивидуальность, то в фольклорном искусстве, устном народном творчестве выражается с определенными условностями. Известно, что в оцениваемых как вид коллективного творчества фольклорных текстах особое место занимает обобщенное авторское выражение, «взгляд субъекта». Общепризнанное мышление, общепризнанная творческая мысль, хотя в определенном смысле и сохраняют анонимность художественного образца, исполнительская ситуация выявляет эту субъективность вне нормативизма. Стилистическая самобытность лирических текстов в азербайджанском фольклоре, устном искусстве в этом аспекте выражает отдельный смысл. В силу усиления возникновения и распространения народной поэзии в той или иной форме в соответствующих исполнительских ситуациях и стилистический фактор связывается именно с исполнителем. Создание отдельных народных песен, соединяя в себе широкую тематику, мотив, связанные с соответствующими обрядами, ритуалами песни выражает индивидуальный взгляд, чувства и ощущения, также социально-общественный настрой, а также конкретную историко-географическую информацию. Реализация исполнительской ситуации в упомянутых мотивах выступает в качестве главного средства стилистического разнообразия.

Известно, что значительную жанровую систему лирического вида азербайджанского фольклора составляют народные обряды, сезонные песни. В этих песнях с особой игровой характерностью, исполняемых с соответствующим ритуальным поведением, главное место занимает придание образности с оживлением представ-

лений, связанных с народным мировоззрением, древним мифическими верами, верованиями. Для исполнителя не остается никакой необходимости в стилистическом окрасе, дополнении сказания, исполнения лирического текста. Запоминающееся содержание и пафос слова объединяясь с соответствующими действиями-танцами превращается в главный мотив ритуала. Особенно, в песнях о «Йада», «Косе», «Году», «Хыдыре Наби» исполнительская ситуация изолирована от индивидуальных эмоциональных чувств, ощущений, здесь информативность древних верований и убеждений охраняется известными текстами высказываний и песен. Обращение к «Сая», главному образу-атрибуту исполняемого в предвесенних обрядах ритуала «сая», Году-хану в связанных с той же темой обрядах «Хыдыр Наби», «Встреча рассвета и призыв Солнца» и др. мифическим образам, призыв к ним не дает места для дополнительной эмоциональности исполняющих эти песни, Исполнение песен с магическими свойствами – избранными словами, действиями держит, как и исполнителя, и читателя в нужном настрое:

Хыдыр, Хыдыр, огонь принеси,	Хыдыру лампу ставят,
Из долины огонь принеси	Для сбора Хыдыру даров
Кто Хыдыру я,	Для сбора Хыдыру голосов
Всего один такой я дядя	Мы пришли с охами,
Ног я подкова,	Хыдыр в грязи увяз.
Головы сумка.	Вытащили ахами [8, 46]

Хыдыр, будучи образом, закрепившимся в народных верованиях и представлениях, является главной движущей силой обрядового ритуала. В весенних обрядах призывы к «Хыдыру», взятие его в определенных мифических атрибутах, отдельное место в обрядовых исполнениях сообразно народному быту, как видно и из текста песни, целны, опираются на комплексный подход. Исполнение текста песни осуществляется с определенными дополнительными действиями, для этого необходимости в специальной импровизации сказителя не возникает.

Одинаковый стилистический акт в определенном смысле относится и к связанным с заклинанием, колдовством, молитвами песням, сопровождающим состоящие из подражания первичному трудовому процессу танцам. В этих лирических текстах образ и композиция проявляются в принятой сущности магического представления. Мифопоэтические символы превращаются во внутреннее содержание слова и образа.

Свобода исполнения в народной лирике обеспечивает бытовые обрядовые песни, любовные песни, ашугские стихи и т.д. В свадебных и поминальных песнях, детских песнях и пр. исполнитель получает большую свободу, добавляя в соответствующий текст свои чувства, желания, мысли, демонстрирует в обобщенном виде в этих текстах его личный мир чувств, взгляды на жизнь и т.д. Исполнительская ситуация в то же время выделяясь в региональной текстовой композиции, формирует соответствующее стилистическое разнообразие:

Я ашуг, каждый день,	Я ашуг, горе дитя,
В тени я, под солнцем я,	Горе медовое, горе дитя,
Пусть жертвование раз в год,	Если раны все заживут,
Жертвой буду ежедневно я [4, 143]	Не излечится горе дитя [4, 116].

Как видно и из образцов баяты, здесь чувства и ощущения, страдания людей выражены в художественном сознании. Жажда любящего влюбленного, горюющей по дитю матери в тексте более свободны. Источник художественного изображения, уподобления не подчинен никакой мифической формуле, взят из обычной, простой народной разговорной речи.

Эмоциональный, психологический динамизм народных лирических песен, где существует исполнительская свобода, также определяет реалистические и романтические оттенки этих текстов. В относящихся к традиционным темам воспевания природы, любовной лирики, образцам с общественным мотивом, реалистический и романтический пафос с совершенно отличным характером. Для народных баяты, связанных с тоской по Родине, чужбине, жалобой на эпоху, историей борьбы, пейзажной лирики широки связь с реальностью и возможности натуралистического описания. Например, в ашугской поэзии воспевание природы, будучи связано с красотой места, где живет, которое наблюдает ашуг-сказитель, далека от мифического намека, представления. Естественно, что творческий мастер, выступая с этой натуры, воплощением своих чувств, ощущений с языком природы, формирует дополнительный психологический настрой. В результате, человек и природа в изображении одинакового мира, реальности не обретают легендарность, как в мифическом представлении вышеизложенных сезонных песен, в натуре реальности в своей действительности обретают образность.

Тексты, где нашли себе место суждения человека о жизни, судьбе и пр., в любовных народных песнях же психологический, лирический настрой романтизма находятся в переднем ряду:

В пучине корабль мой остался,
Певчие соловьи!
Не пожал, нива моя осталась,
С волосами как колосья!
Долго я страдал по возлюбленной,
Певчие соловьи!
И мне осталась моя печаль,
Волосы косой! [2, 58]

В народной лирике стилистическая реальность во многих случаях оценивается формулами. Система представлений о пространстве, времени, природе и пр., превращаясь в формулы, выступает носителем соответствующей потенции. Стилистически превращающиеся в первичный показатель слово и образ в устных лирических текстах формируются в сердце эстетического знака. Решает целостность канонического единства формы и содержания. В текстовой модели эстетический знак во всех случаях в жанровом сознании, формируя смысл, определяет стиль.

Различное жанровое своеобразие народной лирики в кругу мотива отличается различными стилистическими средствами. Слово, средства художественного описания, выражения, связанные с поэтическим содержанием, занимают главное место в качестве координирующих структурных элементов текста. Тема, сущность мотива формируется в пользовании соответствующих метафор. Метафора, эпитет, символ и пр. в этой системе адаптируются к сакральному, религиозному, общественному,

любовной мотиву. Переносная, образная сторона объекта изображения во всех случаях формирует отличный смысл и художественные ситуации:

Я ашуг, останусь я,
Другу на помощь примчусь.
У Керема огонь я взял,
Чтоб в любви своей гореть [3, 15].

Символизация натуралистской души дает основание для обретения более глубокого значения, обобщения, а также философичности художественного содержания. Из данных образцов баяты, получая направление из философского мышления самых древних наших письменных источников, образ-элемент «огня» в значениях «чистоты», «очищения», «страдания» и др. превратился в самое важное средство поэтико-мотивного показателя народной лирической поэзии. Со временем «огонь», превратившись в отдельных лирических текстах в особую знаковость, выступает как раскрывающее качество художественного стиля. В данном образце баяты при дание образности «верности» опирается на трагедию «Асли и Керема», являющуюся одним из народных любовных эпосов. Загоревшись огнем Асли, приобщение Керема в своей любви к вечности выражается в баяты как духовное качество влюбленного. «Не бери огня у Керема», «не выпыхивай огнем любви», вытекающая из соответствующего текста легенды, уравнивает символизацию ведет на основе мотива любви. Образ «огня» же в других баяты присоединяется к мифической характерности птицы Самандар. В известном мифе, основывающемся на отображении лунного космического объекта в виде птицы «Симург», «Самандар», птица после определенного срока, достигнув известного возраста, сгорает от вспыхивающего в его груди огня, затем из кучи пепла снова появляется на свет. Такое замещение выступает как мифический акт рождения новой жизни, оживания птицы Самандар (символически Луны – М.Аббасова). И в указанных образцах баяты существо, символизирующее жизнь человека, берясь в легендарном бытие птицы Самандар, выпячивает философичность смысла.

В качестве важного свойства художественного изображения в символизации в стилистическом достоинстве народной поэзии занимает отдельное место. Символизация изображаемого объекта определяет функциональность историко-общественного, социального, лирического настроения. В народной лирике превратившиеся в отдельный символический образ образы «Аракс», «Карабах», «Тебриз», «созвездие», «крепость», являются главными избранными активными образами-символами непосредственно общественно-исторического мотива.

Ставшие массовыми для жанра баяты эти символы увеличивают свое содержание и поэтическим содержанием, и исторической кровной памятью художественного текста на темы разделенного надвое Азербайджана, свободы, борьбы, потери края и пр.:

Араз разлучили
От песка отделили.
Я с тобой не разлучался бы,
Силой разлучили! [5, 128]

В Карабахе саду не быть.
Черной кисти белой не быть.
У живущего на чужбине
В сердце не бывает покоя! [5, 6]

Как отмечалось выше, выражение лично-чувственных отношений, порывистости, эмоциональности, печали, одиночества, страдания, разлуки и т.д. в лирических стихотворениях реализуются соответствующим поэтическим языком. В отличие от поэтических канонов жанров обряда, приметы, заклания, символизация и символы здесь отстранены от сакрального, магического окружения. Символы опираются на традиционные, используемые в народном языке средства художественного описания, выражения. Любопытно, что привязанность к отдельным стилям указанных текстов художественных описаний стилистических средств изменились, отличались и в семантической структуре этих метафор. Ашугские воспевания, природная лирика, эпитеты на основе уподобления при воспевании любви, в представлении более абстрактных, мифических образов превращаются в такую же метафорическую основу. Определяя сущность художественного стиля жанровой системы народной лирической поэзии, выступающей в виде отдельного стилистического средства свойств, отличающих каждый жанр от другого. Специфичность различных жанров народной лирики наряду с теми или иными сторонами сопровождается координацией его текстовой структуры – слов, выражений, фонетическими, лексическими, синтаксическими согласованиями. Подчеркнем, что в текстовой структуре текстами, обретшими большую функциональность звуковых, словесных связей, являются трудовые песни и народные песни. Текстовый срез обоих фольклорных жанров выбирается в повторах – фонетических, лексических, синтаксических средствах. В трудовых песнях в текстах, построенных на основе голосового подражания, звучание призывов «ха», «хо», «дutum», «ху», «Йаху», отличая вид трудовой деятельности, которой адресована песня, в то же время играет символическую голосово-ключевую роль для текста. В народных же песнях, как отмечалось, этот процесс более широк и обширен. В фонопоэтическом контексте звуковые повторы, при выборе текстов превращаясь в главное символическое средство, определяют стилистический фактор. Голосовой символизм, определенный в ассоциативных условиях, со временем произносит «голосовой язык» эмоций в текстах. Эта актуальность, сопровождаемая голосовыми повторами, подчеркивается в музыкальном языке особый лад и ударение.

Эта крепость, каменная крепость,
Щебнистой, каменистой останется,
Боюсь, поздно придешь,
Глаза мои влажными останутся [4, 72].

В тексте баяты повторяемость гласных «а» увеличивая семантическую активность в I, II, и III куплетах и указывают на концентрацию мысли. Смысловое значение соноров, активизирующееся путем повторений, в композиции образует отдельную фонетическую повторяемость. Например, в тексте упомянутой песни «каменность каменной крепости», выражая особую интонацию в значении трудности, непроходимости, держит повторение фонема «а» в ладу. Выражающее в следующей строке безнадежность, порожденную этой тяжестью, выражение «влажными» также сохраняет повторяемость на одинаковом гласном. Для фонетических повторов, осуществленных в десятках песенных текстов, ассонансность гласных «а», «и», «о», «у» служит усилению поэтичности. В целом, «ассонанс как поэтико-стилистическое качество в фонетике языков тюркского происхождения опирается на нормативность

закона созвучия, то есть в самом языке существует потенция, делающая постоянной это поэтико-стилистическое качество» [10, 99].

Выводы и перспективы. Импровизация, сущность дополнений реализуется в песнях повторением различных сочетаний звуков, слов и использованием целостного припева. В фонопоэтическом слое баяты, построенных на музыке, ключевую роль играют аллелативные звуковые повторения, особенно сонары. Для фонетических повторов главным условием является, наряду с ассонансами, и определенность аллитерации. Как и у ассонансов, и аллитерации дают основание для расширения образности, образуют связь с другими текстовыми конструкциями.

Слово, повторения, обретая место в текстовой структуре народных песен, анафора, эпифора, обуславливающие образование эмоционального настроения, здесь выступают не как схематическое повторение, а в качестве повышающего богатство текста по форме, музыкальность звучания, а также остроту содержания художественного средства.

В народной лирической поэзии во всех случаях созданием песенных текстов, историческим своеобразием, реально-мифическим содержанием, чувственно-эмоциональным настроением, свойствами формируются и исполняются стилистические возможности.

Литература

1. Азербайджанская фольклористика / подготовил проф. П.Эфендиев. – Баку: АПУ, 2000 (на азерб. языке)
2. Азербайджанские народные песни. I том. – Баку: Лидер, 2005 (на азерб. яз)
3. Баяты / собрал и составил Г.Гасымов. – Баку: Аз.Гос.Изд., 1960 (на азерб. яз)
4. Баяты / составила А.Мамедова. – Баку: Наука, 1977 (на азерб. яз)
5. «Я ашуг, Карабах...». Баяты. – Баку: Молодость, 1993 (на азерб. яз)
6. Гаджиев А. Теория литературы / А.Гаджиев. – Баку: Переводчик, 1996 (на азерб. яз)
7. Гаджылы А. Поэтика баяты / А.Гаджылы. – Баку: Наука, 2000 (на азерб. яз)
8. Песни, верования, благопожелания... / собрал, составил проф. А.Набиев. – Баку: Писатель, 1986 (на азерб. яз)
9. Гафарова С. Эволюция этнопоэтического канона и стилистики народной лирической поэзии // Нахичевань, Ученые зап., 2006. № 2 (на азерб. яз)
10. Худиев Н. Формирование азербайджанского литературного языка / Н.Худиев. – Баку: 1991 (на азерб. яз)
11. Пелевина Н. Стилистический анализ художественного текста / Н.Пелевина. – Ленинград: Просвещение, 1980

Аббасова М. М. Стилiстичнi особливостi народнiй лiрики / М. М. Аббасова // Вченi записки Таврiйського національного унiверситету iменi В. I. Вернадського. Серiя «Фiлологiя. Соцiальнi комунiкацiї». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 229–235.

У науковiй роботi автор дослiджує стилiстичнi особливостi народнiй лiрики. Iмпровiзацiя, сутнiсть доповнень реалiзується в пiснях повторенням рiзних сполучень звукiв, слiв i використанням цiлiсного приспiву. У фонопоетiчному шарi баяти, побудованi на музицi, ключову роль грають аллелативнi звуковi повторення, особливо сонари. Для фонетичних повторiв головною умовою є, поряд з асонансами, визначенiсть алiтерацiї. Як i асонанси, алiтерацiї дають пiдставу для розширення образностi, утворюють зв'язок з iншими текстовими конструкцiями. У народнiй лiричнiй поезiї у всiх випадках створення пiсенних текстiв використовують iсторичну своєрiднiсть, реально-мiфiчний змiст, чуттєво-емоцiйний настрiй.

Ключовi слова: iмпровiзацiя, баяти, повторення, анафора, епiфора, метафора.

Abbasova M. M. Stylistic features of folklore lyrics / M. M. Abbasova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 229–235.

In a scientific paper, the author explores the stylistic features of folk poetry. Improvisation and the essence of additions are implemented in songs by repeating of various combinations of sounds, words and using holistic chorus. In fonopoetic layer Bayati are built on music, alleterative sound repetitions, especially sonars, are playing a key role. For phonetic repetition, along with assonance, certainty of alliteration is the main condition. As assonances, alliterations provide a basis for expansion of imagery and create a bond with other text designs.

Word, repetition finding a place in the textual structure of folk songs, anaphora, epiphora, causing the formation of emotional spirit, are here not as schematic repetition, but as the enriching of the text in the form, musical sound, as well as the sharpness of the art facility content.

In folk lyric poetry in all cases the creation of song texts, historical originality, real-mythical content, sensory-emotional mood, properties are generated and used stylistic possibilities. As you can see from the samples, in bayati feelings and emotions, people's suffering expressed in the artistic consciousness. Thirst loving lover, grieving to child mother in the text are more free. Source of artistic images, assimilation is not subject to any mythical formula, taken from normal, simple folk speech.

Emotional, psychological dynamism of folk lyrical songs, where there is freedom of performing also defines realistic and romantic shades of these texts.

Keywords: improvisation, Bayati, repetition, anaphora, epiphora, metaphor.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 811.512.62

СЕВЕРНАЯ ГРУППА АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ДИАЛЕКТОВ И НАРЕЧИЙ

Самедова К. И.

*Азербайджанский государственный педагогический университет
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В научной работе автор исследует северную группу азербайджанских диалектов. Системное и научное изучение существующих преимущественно в пределах территории Северного Азербайджана диалектов и наречий азербайджанского языка началось вестись с начала XX века, проводились экспедиции, составлялись словари, защищались кандидатские, докторские диссертации, монографии, учебники и учебные пособия.

Диалект и классификация азербайджанского языка дана на основе историко-географического принципа. Опираясь на этот принцип, диалектологи сгруппировали диалекты и наречия азербайджанского языка в 4 группы, а они, в свою очередь, состоят из ряда диалектов и наречия. В статье автором выделены следующие группы диалектизмов: фонетические диалектизмы, грамматические диалектизмы, словарные диалектизмы.

Ключевые слова: диалект, наречия, северная группа диалектов и наречий.

Постановка проблемы. Системное и научное изучение существующих преимущественно в пределах территории Северного Азербайджана диалектов и наречий азербайджанского языка началось вестись с начала XX века, проводились экспедиции, составлялись словари, защищались кандидатские, докторские диссертации, монографии, учебники и учебные пособия.

Выдающийся азербайджанский лингвист, тюрколог М.Ширалиев создал азербайджанскую школу диалектологии, Р.Рустамов, А.Велиев, Б.Ибрагимов, А.Гусейнов, М.Исламов, Т.Гаджиев, Бехбудов, Б.Садыгов, Б.Ахмедов, Э.Азизов оказали незаменимые заслуги развитию азербайджанской диалектологии. Диалект и классификация азербайджанского языка дана на основе историко-географического принципа. Опираясь на этот принцип, диалектологи сгруппировали диалекты и наречия азербайджанского языка в 4 группы, а они, в свою очередь, состоят из ряда диалектов и наречия.

I. Диалекты и наречия восточной группы, куда входят Кубинский, Бакинский, Шемахинский диалекты, Муганьская группа, Ленкораньское наречие.

II. Диалекты и наречия западной группы, куда входят Казахский, Карабахский, Гянджинский диалекты и Айрымское наречие.

III. Диалекты и наречия северной группы, куда входят Нухинский диалект и Закатало-Кахское наречие.

IV. Диалекты и наречия южной группы, куда входят Нахичеваньский, Ордубадский, Тебризский диалекты и Ереванское наречие.

Входящие в северную группу Нухинский диалект и Закатало-кахское наречие. Закатальско-кахское наречие можно брать в более широкой форме. На мой взгляд было бы неправильно говорить «в северную группу входит только нухинский диалект». В Закатальском, Кахском районах есть своеобразные диалектные слова. То есть вытекает и из наречия.

Диалекты и наречия северной группы обладают следующими специфическими фонетическими, грамматическими и лексическими особенностями:

1) Замещение в первом слого звука «ə» звуком «e»; например: *eyləş, bey, deyirman. eliyən, derman, tezə, dedə* (Нухинский диалект), *men, sen, uyu, ueyta, devşan, et, ne* (наречия Закатальского и Кахского районов) и пр.

2) Формирование носовых звуков в результате постепенного исчезновения звука *Sağır n.*; например: *əliā//əlaā, əlū, balaāza, balaāzi, didi'z//didāz* и пр.

3) Неподчинение ряда аффиксов ритму слова: например: *belix, yerūu, yerāa, yuyux, diyicağdı, gəldixda, getmax, oynatuyux* и пр.

4) Очень частое замещение в заимствованных словах звука «f» звуком «p» (это явление чаще всего относится к закатальскому и кахскому наречиям); *pərlə, qipil, pəhlə, telpun, pundux, pənər* и пр.

5) Использование особого знака и местоимения III лица; например: *habu//hobu, həblə, hit//ho, honnar, hunda* и пр.

6) Применение в местоимениях I и II лица (единственного числа) в дательном падеже наряду с аффиксами *m~a, s~a* аффиксов *tağa, sağa*, особенно в закатальском и кахском наречиях.

7) Использование в III лице прошедшего времени наряду с *-if, -if-* аффикса *-itdi, -itdi* (это свойство в большей степени присуще Нухинскому диалекту); например: *qaçif//qaçitdi, gəzif/gəzitdi* и пр.

8) Применение в ряде случаев древнего аффикса настоящего времени (аналитической формы); например: *kələ durur, baxa durur* и пр.

9) Вторая сторона словосочетаний порой используется аффикса принадлежности. Например: *göz ağrı, baş ağrı ayaq qab, benim qöz* и пр.

10) Использование распределительного союза «*ya*» в отрицательной роли, например: *ya yazır, ya oxuyur* (нə yazır, нə oxuyur).

11) В качестве примера слов, характерных для этой группы диалектов и наречий, можно отметить следующие: *tabun, şaqqa* (ailə, əqrəba – семья, родственники), *şəhrə* (məhlə – улица), *qarqundey* (qarğıdalı – кукуруза), *quştuqur* (pəhləvan – богатырь), *yassar* (tənbəl – ленивец), *bəbərçin* (qaranquş – ласточка), *palankeş* (süzgəc – фильтр), *xıdıł* (nəvə – внук), *tosar* (yağ əritmək üçün qab – сосуд для расплавки масла), *ataqar* (meşə – лес), *məyəc* (südün çürüməsi – сыворотка), *yüyürməx'* (hürmək – лаять), *marxal* (qag uçuqu – снежная лавина) и др.

Диалектные слова: Аналог в литературном языке:

girəvə	fürsət
lapdan	birdən
bəgəm	məgər
teyxa	bütün, büsbütün
tay	Еще
yalaq	Подхалим
kora	Гвоздь
qəmbər	çay daşı

В лингвистической литературе диалектизмы считаются нелитературными элементами языка. Например: *lələ, ciji, mama, məmə, təlis, tamrax, çamur, pazı, oxartana,*

kora, *ditdili* и пр. Известно, что у диалектных слов в литературном языке бывают аналоги. Например:

Видами диалектизмов являются следующие:

1. Фонетические диалектизмы
2. Грамматические диалектизмы
3. Словарные диалектизмы

1. *Фонетические диалектизмы* отображают фонетические особенности какого-либо диалекта. Например:

*Dahilər yaradan ey böyük ana,
Şərimin hər sözü alqışdır sana!* (С.Вургун)

Здесь вместо *sənə* использовано *sana*. Подобное положение, то есть использование личных местоимений II лица в дательном падеже, в западной группе диалектов и наречий произносится в форме *sana*. *Sana-sənə*, *ərəbə-araba*. *Bəki-Bakı*, *qərdəş-qardaş*, *taxsır-təqsir*, *əyib-eyib*, *dəyil-deyil*, *bacı-bacı*, *haçar-açar*, *heyif-hayıf*, *deynən-de*, *ma-mənə*, *heylə-elə*, *İrza-Rza*, *sora-sonra*, *qələ-qala*, *nədi-nədir*, *küflət-külfət*, *tobalatma-tövbələtmə*, *qorğa-qovurğa* и пр.

2. *Грамматические диалектизмы* отображают в себе морфологические и синтаксические особенности. Например: *anlamaq-annamaq*, *odlar-oddar*, *səndən-sənnən*, *görcək-görcəyin*, *aç şalı-aşşalı* и др.

3. *Словарные диалектизмы* отображают диалектные особенности, относящиеся к различным наречиям. Например:

Ulduzlar sayrışır mavi göylərdə (С.Вургун)

Слово *sayrışmaq* в примере по своей истории является Словарным диалектизмом. Использованное поэтом это слово сейчас, приобретя литературное право, вошло в словарный состав литературного языка. Словарные диалектизмы обладают преимущественно следующими видами:

1. лексические диалектизмы
2. лексико-семантические диалектизмы
3. семантические диалектизмы.

а) У **лексических диалектизмов** имеются аналоги в литературном языке.. Например: *zərdə* - *yerkökü* – морковь; *becid* – *tez* – быстро; *kora* – *mismar* – гвоздь; *cələfir* – *arıq* – худой; *qaydında* – *hayında* – до тебя; *ciyərlı* - *ürəkli* – смелый; *lapdan* - *birdən* – вдруг; *bəgət* - *təgər* - разве; *tay* – *daha* – а то; *yalaq* – *yaltaq* – подлиза; *qənbər* - *daş* – камень; *qəhmər* - *kömək* – помощь; *eyzən* - *həmişə* - всегда и пр.

Лексические диалектизмы, будучи привязаны к ряду стилистических моментов, применяются в художественных произведениях.

1) Для наглядной демонстрации диалектной принадлежности образа в художественном произведении используются лексические диалектизмы. Например: поговорка «*Keçi can hayında, qəssab piy axtarır*» в устах образа художественного произведения звучит так: «*Keçi can qaydındadır, qəssab piy axtarır*». Здесь слово *hayında* заменено словом *qaydında*. Или, вместо «*Mən səni ürəkli bilirdim*» используется «*Mən səni ciyərlı bilirdim*». Здесь слово *ürəkli* заменено лексическим диалектизмом *ciyərlı*. Кроме того, использование в языке образов вместо слова *fürsət* слова *girəvə*, вместо слова *sus*, *danışma* слова *kiri* являются примерами из этого ряда.

2) Для передачи безграмотности, глупости образа в художественном произведении в его речи отдают предпочтение лексическим диалектизмам. Например: «*Bəyim, başına dönüm, - dedi, - yatmayım nə qayırım*» (Ю.В.Чеменземинли); «*Bəyim, - dedi, - adam bir az toxdaq olar*». (Ю.В.Чеменземинли) и т.д. Здесь автор в языке образа вместо *nə edim* использовал выражение *nə qayırım*, вместо *təmkinli olar, səbrli olar - toxdaq olar*.

3. **Лексико-семантические диалектизмы** отображают манеру речи и жизни какого-либо диалекта и наречия. Именно поэтому иногда лексико-семантические диалектизмы называют и этнографическими диалектизмами. Например: *qəmə*-нож, *dinəvər*-1 кг, *mahı*-коса, *gilə*-4 кг, *kəviz*-32 кг, *şülək*-ветер, *hiş*-соха, *lələ*-большой, *oxartana*-много, *həncəri*-как, *gecdən*-утро, *nöşün*-почему и др.

4. **Семантические диалектизмы**, хоть и редко, но можно встретить в диалектах и наречиях. Семантическим диалектизмом является тот, при котором имеющееся в литературном языке слово в том или ином диалекте используется в других значениях: слово «*asma*» в Ченберекском и Карвансарайском районах в значении «*связанных друг с другом двух початков кукурузы*», слово «*büzmə*» в Карвансарайском районе в значении «*лапоть*», слово «*çılğın*» в Ченберекском районе в значении «*половина*» и пр. Таким образом, имеющееся в литературном языке слово, используя в других значениях в диалектах и наречиях, образует семантические диалектизмы.

Выводы и перспективы. Диалектизмы и говоры в художественную литературу находят путь благодаря писателям. И этим создается связь между литературным языком и диалектом и наречием. Диалектные слова и говоры слова в большей степени используются в прозаических произведениях. Потому как в прозаических произведениях в речи образов есть большая нужда в диалектизмах и говорах. В поэзии же необходимости в использовании диалектизмы и говоры, имеющих аналог в литературном языке, нужды нет. Причина же заключается в том, что в поэзии участвует, преимущественно, поэтическое «я» поэта. В некотором роде, в поэзии говорит сам поэт. И это не создает необходимости применения в поэзии диалектизмов и говоров, имеющих аналог в литературном языке. Если в поэзии используются без нужды диалектизмы и говоры, это может привести к затрудненному пониманию этой поэзии. Например, следующие диалектизмы и говоры, использованные в поэзии, являются словами, не подходящими для поэзии, затрудняющими понимание поэтического «я» поэта: *həvirləşmək, qovzamaq, şalğam (həsrət), omaşmaq (zümrüd ağaclar sakitə omaşır), əsinmək, səllim (ayaqlarım səllim gəzib dolanır), tünük hörülmüş, fasıx-fasıx lağa qoymaq, tulazdamaq, tıncıxdırmaq* и др.

Диалектизмы, диалектическая лексика являются словами, используемыми писателями, применение которых признается целесообразным, делающие язык художественного произведения колоритным, «соленым», комичным в целом. Писатель для правильной характеристики героев, для передачи его характера, натуры один в один, должен по мере необходимости использовать диалектизмы, диалектную лексику.

Литература

1. Б.Халилов Лексикология современного азербайджанского языка [на азерб. языке] / Б.Халилов. – Баку, 2008. – 442 с.
2. Мамедов М. Филологические рассуждения [на азерб. языке] / М.Мамедов. – Баку, 2005. – 85 с.

3. Ширалиев М. Основы азербайджанской диалектологии [на азерб. языке] / М.Ширалиев. – Баку: Просвещение, 1968. – 421 с.
4. Ахмедов Б. Словообразование наречий в азербайджанском языке [на азерб. языке] / Б.Ахмедов. – Баку, 1987
5. Джафаров С. Словообразование в азербайджанском языке [на азерб. языке] / С.Джафаров. – Баку, 1960
6. Байрамов И. Лексика наречий Западного Азербайджана [на азерб. языке] / И.Байрамов. – Баку: Наука и образование, 2011
7. Азизов Э. Историческая диалектология азербайджанского языка [на азерб. языке] / Э. Азизов. – Баку: БГУ, 1999. – 354 с.

Самедова К. І. Північна група азербайджанських діалектів та говорів / К. І. Самедова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 236–240.

У науковій роботі автор досліджує північну групу азербайджанських діалектів. Системне і наукове вивчення існуючих переважно у межах території Північного Азербайджану діалектів та говірок азербайджанської мови почалося вестися з початку ХХ століття, проводилися експедиції, складалися словники, захищалися кандидатські, докторські дисертації, монографії, підручники та навчальні посібники.

Діалект і класифікація азербайджанської мови дана на основі історико-географічного принципу. Спираючись на цей принцип, діалектологи згрупували діалекти і говори азербайджанської мови в 4 групи, а вони, в свою чергу, складаються з ряду діалектів і говірок. У статті автором виділені наступні групи діалектизмів: фонетичні діалектизми, граматичні діалектизми, словникові діалектизми.

Ключові слова: діалект, говір, північна група діалектів і говірок.

Samedova K. I. North group of Azerbaijani dialects and languages / K. I. Samedova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 236–240.

In a scientific paper, the author explores the northern group of Azerbaijani dialects. Systematic and scientific study of existing primarily within the territory of North Azerbaijan dialects of Azerbaijani language began conducting since the beginning of the twentieth century, dialect dictionaries were compiled, defended Ph.D., doctoral dissertations, were written monographs, textbooks and teaching aids.

Prominent Azerbaijani linguist turkologist M.Shiraliyev created Azerbaijani school dialectology. R.Rustamov, A.Veliyev, B.Ibragimov, Huseynov M.Islamov, T.Hajiyev, Behbudov, B.Sadygov, B.Ahmedov, E. Azizov made invaluable contribution to the development of Azerbaijani dialects. In the article dialect and classification of the Azerbaijani language is given on the basis of historical and geographical principle. Based on this principle, dialects of Azerbaijani language grouped in the 4 groups, and them also consists of a number of dialects and subdialects. In the article the author provides the following dialect groups: phonetic dialect, dialect grammar, vocabulary dialect. Dialect and subdialects get into the literature through writers works. And this creates a link between the literary language and a dialect. Dialect words and subdialects are used in prose. Because in prose speech images have a great need for dialect and vernacular. In poetry, the same need to use dialect and vernacular if it has equivalent in the literary language will not arise. The reason lies in the fact that poetry is involved mainly poetic "I" of the poet. In some way, in the poetry the poet says personally. And it does not create the need for poetry in dialect and vernacular, that have equivalent in the literary language. If poetry is used unnecessarily dialect, it can lead to poor understanding of this poetry. For example, the following dialects and subdialect used in poetry, words are not suitable for poetry, hindering understanding of the poetic "I" of the poet. Dialectisms, dialectical vocabulary words are used by writers whose application is deemed advisable, making artwork colorful language, "salty" comic in general. For the proper characteristics of the characters, for the transmission of his character, nature, one to one, should be used as appropriate dialect, dialect vocabulary.

Keywords: dialect, vernacular, northern group of dialects and languages.

Поступила в редакцію 03.03.2014 г.

УДК 811.411.21

ПОЭТИЧЕСКИЕ ФРАГМЕНТЫ В СЛОВАРЕ ХУБЕЙШ ТИФЛИСИ «ГАГНУН АЛ-‘АДАБ»

Мирзазаде Ч. Х.

*Бакинский Государственный Университет
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

Автором отмечается важность лексикографии как науки, рассматривается становление арабской лексикографии, периоды ее развития, самые важные с исторической и лингвистической точки зрения лексикографические труды. В научной статье автор анализирует цитаты из словаря и указывает на тот факт, что Хубейш Тифлиси выбирал примеры, взятые преимущественно из творчества поэтов Джахилии, среди которых стихи широко известных Имру-л-Гайса, Ахтала, Абу-л-Джарраха, Мутанабби, Ибн Ахмара и других малоизвестных поэтов, живших в более позднее время, но, вероятно, пользовавшихся популярностью при Тифлиси. При исследовании автор пользовался двумя фотокопиями «Ганун ал-‘адаб»: рукописью на немецком языке из Берлинской государственной библиотеки, описанной в каталоге Эйлерса и Хейнца и рукописью на английском языке из библиотеки Британского музея, описанной Ч.Рье.

Ключевые слова: лексикография, арабское языкознание, словарь «Ганун Ал-‘Адаб».

Постановка проблемы. Известно, что лексикография составляла важную и почитаемую область арабского учения. Составление первых глоссариев у арабов уходит корнями в далекое прошлое. Существует мнение, что зарождение арабской лексикографии относится ко второй половине VII в. [4, 44]. Есть основание предполагать, что материалом для ранних глоссариев явилась джахилийская поэзия (муаллагаты) и речь бедуинов. С другой стороны, интерес к лексике Корана послужил поводом для создания специальных терминологических словарей Ислама, глоссариев слов из Корана и Сунны.

Появились предметно-тематические словари, охватывающие узкий круг лексики и отражающие различные сферы жизни человека. Составлялись словари-пособия для чтения и понимания поэтических текстов. Весь этот период в арабской лексикографии являлся как бы «подготовительным этапом» [4, 45] до появления универсальных словарей. С составлением арабских универсальных словарей арабская лексикография переходит ко второму этапу своего развития.

Первый арабский словарь этого периода составлен по фонетическому принципу, точнее, фонемы располагались в зависимости от места их артикуляции. Идея создания труда «Китаб ал-‘айн» принадлежит ал-Халилу ибн ‘Ахмад ал-‘Азди ал-Фарахиди. Принципы и система словаря ал-Халила и его последователей весьма усложняли их структуру, что затрудняло пользование ими. Авторитет идеи помог ей просуществовать до XI в. [1, 93; 4, 84].

На смену словарей этого периода приходит более простой в употреблении и менее загроможденный принцип, основанный на простом алфавитном порядке. Появление этого направления связано с именем ибн Дурейда и его словарем «Джамхара фи-л-луга». Наряду с положительными качествами словари, составленные по этому принципу, имели и свои недостатки, а именно, в сравнении с реально существ-

вующими корнями фиксировались и гипотетические, которых нет в языке, но которые возможны теоретически. Это привело к тому, что возникла необходимость появления словарей нового типа, где размещение слов происходило по последней букве и учитывался алфавитный порядок.

Идея этого направления связана с именем ал-Джаухари и его «Ас-сыхах», хотя существует мнение, что входные принципы употреблялись еще его предшественниками. Согласно В.С.Рыбалкину, это – Абу Башир ал-Банданиджи (816-897) и его «Ал-такрийа фи-л-луга» [7]; по А.Б.Халидову это – Абу 'Ибрахим ал-Фараби и его «Диван ал-'адаб» [9].

Как видно из года в год совершенствовался принцип составления словарей, становился более точным отбор словарных единиц, зарождалась системность. Структура арабских словарей претерпевала со временем ощутимые изменения; на смену загроможденным принципам и системам приходили более упрощенные и доступные системы. В этой связи определенный научный интерес представляет двуязычный арабско-персидский толковый словарь азербайджанского ученого-энциклопедиста XII в. Абу-л-Фазла Хубейш Тифлиси «Ганун ал-'адаб».

Относительно времени написания словаря существуют противоречивые мнения. В конце рукописи, хранящейся в Библиотеке Асад Эфенди под № 3252, говорится «... с божьей помощью я закончил «Ганун ал-'адаб» в 545 г. х. /1150 г.м./». Во введении Табризского экземпляра рукописи (экземпляр Солтан Ал-Гараи) написано следующее «...с божьей помощью я завершил «Ганун ал-'адаб» во вторник, 7-го дня шаввал в 549 г. х. /1154 г. м./. Четыре года моей жизни я посвятил этому труду». По мнению иранского ученого А. Мунзави, работа над словарем была завершена в 545 г. х. «Видимо, - замечает иранский исследователь, - последующие четыре года Хубейш Тифлиси потратил на доработку и переписывание данного сочинения» [5, 65-66].

Основываясь на ранее приведенное высказывание самого Тифлиси, мы полагаем, что ученый начал писать словарь в 545 г.х., а завершил его в 549 г.х. Говоря «... четыре года моей жизни...», автор сочинения вероятно, имел ввиду не работу над завершенным трудом, а время, потраченное на его создание. При изучении механизма составления словарей устанавливаются критерии разграничения слов. В ранние словники включалось ограниченное число слов, относящихся к одной определенной отрасли. Ал-Халил поставил перед собой задачу охватить весь лексический состав арабского языка. Ал-Фараби затрагивает арабскую лексику вообще. Джаухари стремится включить в свой словарь наиболее достоверные по форме и содержанию слова. Тифлиси же ставит перед собой задачу: охватить как можно больше арабских слов в мало или редко-употребляемом значении. По словам ученого «невозможно собрать в одной книге все арабские слова, поскольку арабская речь – это безбрежное море», поэтому составитель включил в свой словарь как полностью выпавшие из лексики значения слов, так и окказионально употребляемые.

Исследуя персидские фарханги И.С.Баевский справедливо замечает, что словари порой оказывались в ряде случаев единственным источником, сохранившим фрагменты из утраченных литературных произведений наиболее раннего этапа развития персидской поэзии [12, 40]. Эти слова в равной степени относятся и к арабской лекси-

кографии, поскольку поэтические цитаты могут дать важный материал для восстановления текстов стихов некоторых средневековых арабских поэтов. С другой стороны, именно поэтические фрагменты в словарях сохранили то архаичное значение слова, которое устанавливается лишь в поэтическом контексте.

Хубейш Тифлиси выбирал примеры, взятые преимущественно из творчества поэтов Джахилии, среди которых стихи широко известных Имру-л-Гайса, Ахтала, Абу-л-Джарраха, Мутанабби, Ибн Ахмара и других малоизвестных поэтов, живших в более позднее время, но, вероятно, пользовавшихся популярностью при Тифлиси: Хатыа, Раджиз, Абу-л-Наджим, Хадаг, Раи, Гайс ибн Хатым и др. Прежде чем обратиться к примерам из словаря следует заметить, что мы при исследовании пользовались двумя фотокопиями «Ганун ал-’адаб»: Германской рукописью из Берлинской государственной библиотеки, описанной в каталоге Эйлерса и Хейнца [3, 203] и Английской рукописью из библиотеки Британского музея, описанной Ч.Рье [6].

Читаем в словаре:

الفراش - орлиное гнездо

Гер. с. 9 (а)

الفراش أشيانه عقاب بود چنانك اعشى كويد
حتى انتهيت الى فراش عزيزه *
شغواء روثه انفها كالمخصف

Англ. с. 6 (а)

الفراش أشيانه عقاب بود چنانك اعشى كويد شعر
حتى انتهيت الى فراش عزيزة
شغواء روثه انفها كالمخصة

А‘ша сказал: когда я достиг орлиного гнезда, то вонь помета пронзил нос как шило.

Другой пример:

الذم - лужа

Гер. с. 9 (б)

الذم چاههای اندک آب باشد چنانك طرماع كويد
لدجى نايلا من سيب رب *
له نعمى و ذمته سجال

Англ. с. 6 (а)

الذم چاههای اندک آب بود چنانك طرماع كويد شعر
رجى نايلا من سيب رب *
له نعمى و ذمته سجال

Тармах сказал: я надеюсь на дар из божьих остатков и ведро из его лужи – блаженство.

Следующий пример:

الفيل - слабоумие; малодушие

Гер. с. 9 (б)

الفيل مرد سست راى باشد چنانك هذلى كويد
بنى رب الجواد فلاتقيلوا
فما انتم فتعذرکم لفيل

Англ. с. 6 (а)

الفيل مرد سست رای بود هذلی کوید شعر
رب الجواد فلاتفیلوا
فما انتم فتعذرکم لفیل

Хазали сказал: сыновья Рабби Джавада не ослабели и то, что ты простил их – слабоумие.

Пример:

الضرب - доение пятью пальцами

Гер. с. 8 (а)

الضرب دوشیدن به پنج انگشت بود چنانک احضل کوید
جمع له کفی بالرمح طاعنا
کلما جمع الخلفین فی الضرب حالیه

Англ. с. 5 (б)

الضرب دوشیدن پنج انگشت بود چنانک احضل کوید شعر
جمعت له کفی بالرمح طاعنا
کلما جمع الحلفین فی الضرب حالب

Ахзал сказал: я собрал воедино свой кулак перед ним, нанося удар копьем словно дояр, собравший соски верблюда во время доения пятью пальцами.

Пример:

الدوی - глупые; скрытные люди

Гер. с. 8 (б)

الدوی مرد کم خرد بود چنانک ابو الجراح کوید
وقد اقود بالدوی المزمّل
اخرس فی العفر بقاق المنزل

Англ. с. 5 (б)

الدوی مرد کم حرّی باشد چنانک ابو الجراح کوید شعر
وقد اقود بالدوی المزمّل
اخرس فی السفر بقاق المنزل

Абу-л-Джаррах сказал: я проводил скрытного человека, который молчал в пути и заговорил в становище.

Выводы и перспективы. Таких примеров в словаре «Ганун ал-'адаб» достаточно много. Анализ цитат показал, что Хубейш Тифлиси обращался к более пятидесяти поэтам, в большинстве случаев, лишь один раз.

Литература

1. Ахвледзани В.Г. Арабское языкознание средних веков. В кн. История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л., 1981.
2. Бадр ад-дин Ибрахим. Фарханг-и зафангуйа ва джаханкуйа. Факсимиле рукописи. Изд. текста, введение, список толкуемых слов, приложения С.И.Баевского. М., 1974.
3. Eilers W. und Heinz W. Persische Haudschriften Teil J.Hrsg von Wilhelm Eilers. Beschreiben von Wilhelm Heinz, Wiesbaden, 1968, № 286.
4. Зарине-заде Г.Г. Теоретические основы «Арабско-азербайджанского словаря» /Автореф. дис. док.филол.н./, Баку, Элм, 1974.
5. ۱۳۳۷ (۱۹۵۹) منزو ع. خبیش تعلیسی. فرهنگنامه های عربی بفارسی نکاتش. تهران.
6. Rieu Ch. Supplement to the Catalogue the Persion Manuscripts in the Britisch Museum, London, 1825.
7. Рыбалкин В.С. Принципы арабских лексикографических трудов VIII-XVIII вв. /Автореф. дис. канд. филол.н./, Ленинград, 1984.

8. Рыбалкин В.С. Принципы расположения корней в средневековых арабских толковых словарях. В кн.: Письменные памятники и проблемы в истории культуры народов Востока. XVIII годичная научная сессия ЛОИВ и АН СССР (доклады и сообщения), 1083-85, ч. II, М., 1989.
9. Халидов А.Б. Словари Исфаха ал-Фараби и Махмуда ал-Кашгари / из истории лексикографии в Средней Азии X-XI вв./ XXI годичная науч. сессия ЛОИВ АН СССР (доклады и сообщения), ч. IV, М., 1987.

Мірзаде Ч. Х. Поетичні фрагменти в словнику Хубейш Тифлісі «Ганун Ал- 'Адаб» / Ч. Х. Мірзаде // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 241–245.

Автором наголошується важливість лексикографії як науки, розглядається становлення арабської лексикографії, періоди її розвитку, найважливіші з історичної та лінгвістичної точки зору лексикографічні праці. У науковій статті автор аналізує цитати зі словника і вказує на той факт, що Хубейш Тифлісі вибирав приклади, взяті переважно з творчості поетів Джахілійї, серед яких вірші широко відомих Імру-л- Гайса, Ахтала, Абу-л-Джарраха, Мутанаббі, Ібн Ахмар та інших маловідомих поетів, які жили в пізніший час, але, ймовірно, користувалися популярністю при Тифлісі. При дослідженні автор користувався двома фотокопіями «Ганун ал- 'Адаб»: рукописом на німецькій мові з Берлінської державної бібліотеки і рукописом англійською мовою з бібліотеки Британського музею.

Ключові слова: лексикографія, арабське мовознавство, словник «Ганун Ал- 'Адаб».

Mirzazade Ch. H. Poetic fragments in the dictionary by Hubeysh Tiflisi “Gagnun Al- 'Adab” / Ch. H. Mirzazade // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 241–245.

In the scientific article the author studied poetic fragments in the dictionary by Hubeysh Tiflisi “Gagnun Al- 'Adab”.

The author notes the importance of lexicography as a science, in the article is considered the history of Arabic lexicography formation, periods of its development, the most important historical and linguistic point of view on the lexicographical works.

It is known that lexicography was important and revered field of work in arabic world. Drafting first Arabic glossary rooted in the distant past. It is believed that the emergence of Arabic lexicography refers to the second half of VII century. There is reason to assume that the material for the early glossaries was poetry of Jaahiliyyah (muallakaty) and Bedouins' speech. On the other hand, interest in the Quran vocabulary inspired the establishment of special Islam terminology dictionaries, glossary of words from the Quran and Sunnah.

There are object-thematic dictionaries, covering a narrow range of vocabulary and reflecting the different spheres of human life. Were compiled dictionaries, manuals in order to read and understand the poetic texts. Throughout this period in Arabic lexicography is like a ‘preparatory phase’ until the universal dictionaries. With the drafting of the Arab universal dictionary Arabic lexicography moves to the second stage its development.

In the early vocabularies were a limited number of words relating to one particular sphere. Al-Khalil has set itself the task to cover the whole lexical structure of Arabic. Al-Farabi affects Arabic vocabulary at all. Jauhari seeks to include in its dictionary the most reliable form and content of speech. Tiflisi also aims to cover many Arabic words in rare or little used meanings. According to the scientist “all the Arabic words can not be collected in one book because the Arabic speech is a boundless sea”, so the compiler included in his dictionary as completely fallen out of the vocabulary word meanings and used occasional. In a scientific article, the author analyzes the quotes from the dictionary and points to the fact that Hubeysh Tiflisi chosen examples, drawn mainly from the work of poets Jaahiliyyah, among which the well-known verses y Imru -l- Geiss, Akhtala, Abu al-Jarrah, Mutanabbi, Ibn Ahmar and other lesser-known poets who lived at a later time, but probably were popular when Tiflisi lived: Radzhiz, Abu al- Najim, Hadag, Rai, Qays ibn Khatym etc. Before using the example of the dictionary should be noted that we used in the study the two photocopies of “Qanun al- 'adab”: German manuscript of the Berlin State Library, described in the catalog and Heinz Eilers and English manuscript from the library of the British Museum, described Ch.R'e.

Keywords: lexicography, Arabic linguistics, dictionary “Qanun al- ' Adab”

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 8.81-116

АКТАНТЫ И СИРКОНСТАНТЫ

Алиева Н. А.

Национальная Академия Наук Азербайджана
E-mail: rajabova.narmin@gmail.com

Статья посвящена структурному синтаксису. В структурном синтаксисе существует теория об узлах связи, которая и находится в центре этого научного исследования. Под термином актант (аргумент, партиципant, семантическая роль, семантический падеж, семантико-синтаксическая функция) понимают элемент событийной пропозиции, обязательный участник ситуации, которому соответствует переменная в словарном толковании глагольной лексики. В статье приведены примеры на азербайджанском языке. Данные примеры проанализированы, структура предложений приведена схематически. В работе автор указывает на то, что теория о центральном глагольном узле устраняет неудобства при анализе предложения. Теория актантов является достижением структурного синтаксиса.

Ключевые слова: структурный синтаксис, элементы субъекта, ядро, узел, актант, сирконстант

Постановка проблемы. Под термином актант (аргумент, партиципant, семантическая роль, семантический падеж, семантико-синтаксическая функция) понимают элемент событийной пропозиции, обязательный участник ситуации, которому соответствует переменная в словарном толковании глагольной лексики. Первоначальная классификация актантов создана уже в теории членов предложения, где были выработаны понятия субъект, объект, косвенный объект, адресат. Дифференцированы представления о многих актантах в исследованиях семантики падежа, в частности, в работах Ч. Филлмора [9]. Существенно уточнены понятия об актантах в лексической семантике [6]. В семантическом синтаксисе выработаны несколько списков актантов различной величины и оснований [7].

Схема простого предложения с глагольным сказуемым в структурном аспекте (схема 1) и схема простого предложения с глагольным сказуемым, принятой в традиционной грамматике (схема 2) значительно отличаются.

схема 1

схема 2

Традиционная грамматика рассматривает в предложении пять членов предложения – подлежащее, сказуемое, дополнение, определение и обстоятельство и объединяет их в двух группах: 1) главные члены предложения – подлежащее, сказуемое; 2) второстепенные члены предложения – дополнение, определение и обстоятельство. Это деление по многим причинам не удовлетворяет структурного синтаксиса.

По структурному синтаксису каждое полнозначное слово формирует узел. Узел – такое объединение слов, в котором одно управляющее слово объединяет других слов вокруг себя и управляет ими. Управляющее слово называется вышестоящим элементом, а управляемые слова – нижестоящими или подчиненными, а отношение между вышестоящими и нижестоящими элементами называется синтаксической связью. Узел, образованный словом, которое подчиняет себе все слова предложения, называется центральным узлом.

В некоторых языках мира элементы субъекта и предиката между собой так переплетены, что их не только трудно, но вообще нельзя разделить между субъектом и предикатом. И поэтому в таком положении о противопоставленности этих двух понятий (субъекта и предиката) и речи не может быть. Это можно увидеть в латинском предложении *Filius amat patrem* «Сын любит отца», слово *amat* состоит из элемента предиката (*ama-*) и из элемента субъекта (*-t*). Таким образом, разрыв между субъектом и предикатом не приводит к разрыву в слове и следующее противопоставление не возможно: *filius...t* (элементы субъекта) – *ama-....patrem* (элементы предиката). Если принять гипотезу о центральном положении глагольного узла, о чем мы уже писали в одной из своих статей, никаких сложностей не возникает.

Мы знаем, что все имена существительные, а также частично прилагательные являются актантами. Поэтому противопоставление субъекта (существительного) против предикату (глаголу) нарушает равновесие в предложении, так как одного из актантов – субъекта исключает от других актантов и противопоставляет его предикату, а остальные актанты вместе со всеми сирконстантами относит к предикату. Таким образом, одному из членов предложения придается несоразмерная значимость. Например, Ю.Д. Апресян предлагает в общем случае считать семантически актантами глагола / предикатного слова тех участников ситуации, которые заполняют семантические валентности глагола и должны появляться в его толковании [5]. Глагол, будучи носителем валентности, определяет партнеров, наделенных конкретными семантическими признаками, и исключает единицы с иными свойствами. Таким образом, отбор производится на основе совместимости или несовместимости свойств обоих контекстных партнеров, соотносимых с действительностью.

В современной структурной лингвистике считается, что актанты – это лица или предметы, участвующие в процессе. Мы уже отметили, что актанты выражаются существительными и они подчинены непосредственно глаголу. Глаголы без актантов выражают процесс, действие, в которых актанты не участвуют, процесс сам по себе происходит. К таким глаголам относятся глаголы, выражающие атмосферные явления. В традиционной грамматике предложения, сказуемое в которых выражено такими глаголами называются односоставными глаголами предложениями; например: *морозит, вечереет, светает, моросит* и др. В латынском предложении “Pluit” «Идет дождь» глагол *rain* описывает действие, но без актантов. Схема такого предложения сводится только к ядру.

pluit

схема 3

Глагол с одним актантов выражает действие, в котором участвует одно лицо; например: Наргиз играет. Наргиз единственный участник действия, нет необходимости, чтобы кроме Наргиза, кто-то в нем участвовал.

играет

Наргиз

схема 4

играют

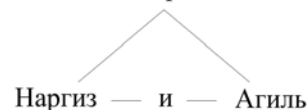

схема 5

При таком определении можно было бы думать, что в предложении *Наргиз и Агиль играют* глагол *играют* включает два актанта. Это неверно. Это один и тот же актант, который повторяется, эта одна и та же роль, выполняемая разными лицами: *Наргиз и Агиль играют* = *Наргиз играет* + *Агиль играет*. Это – раздвоения актанта. А это явление при определении актанта не учитывается.

При глаголе с тремя актантами, как правило, первый и третий актанты – это лица (Али, Вели), а второй – предмет (книга). Ввод вспомогательного глагола в организации актантной структуры никакие изменения не производятся. Например, схема предложения *Али хочет дать книгу Вели* будет так:

хочет

схема 6

Функцию сирконстантов в предложении всегда берет на себя слово, которое относится к наречию, или группы слов, словосочетания, эквивалентом наречию. По этой причине немецкая грамматическая терминология (так любящая словосложения) обозначает наречие сложным словом *Umstand* «обстоятельство» + *wort* «слово» = *Umstandwort* (термин *sirconstance* от латинского *circumstantial* – *um*=circum, *-stand*=stantia). Поэтому сколько видов наречий имеется в языке, столько же видов сирконстантов употребляется: времени, места, образа (способа) действия.

Количество употребления сирконстантов в предложении не так определено, как, например, количество актантов: в предложении может не употребляться ни одного сирконстанта, а иные предложения могут иметь их в неограниченном количестве. Но один момент точно установлен: употребление два однотипных сирконстанта в предложении возможно лишь тогда, когда они взаимно друг друга не исключают.

Французский языковед Люсьен Теньер по принципу местонахождения сирконстанта языков делит на две группы: центробежные и центростремительные. По его классификации к центробежным языкам относятся французский, итальянский, бретонский языки, в которых сирконстанты следуют за глаголом. Центростремительным языкам относятся те языки, в которых сирконстанты предшествуют глаголу;

например: китайский, русский, английский [8, 138]. По утверждению Л.Теньера, «точно так же обстоит дело в украинском, белорусском, польском, литовском, латышском, латинском, румынском, удмуртском, марийском, чувашском, коми-зырянском, баскском и армянском языках» [8, 138]. Интересно тот факт, что автор относит кавказские (значит и грузинского) языки к центростремительным языкам, где сирконстанты предшествуют глаголу, и приводит пример из грузинского языка предложение *Is amaḡad daseirnobda* букв. «Он прогуливается гордо», где сирконстант *daseirnobda* «гордо» следует за глаголом.

В тюркских (в том числе, в азербайджанском) языках сирконстанты предшествуют глаголу. Следует отметить, что сирконстанты, выражающие значение времени не только предшествуют глаголу, но и могут занимать разные позиции в предложении, конечно за исключением позиции после глагола: *Sabah Mətin Bakıya gələcək* «Завтра Метин приезжает в Баку», *Mətin sabah Bakıya gələcək*, *Mətin Bakıya sabah gələcək* - в обоих предложениях значение (перевод то же, что в первом предложении). Как видно из примеров сирконстант *sabah* «завтра» в одном и том же предложении употребляется в трех позициях, но значение предложения не изменяется.

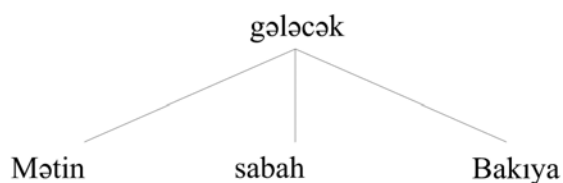

схема 7

Сирконстанты располагаются определенным порядком. Этот порядок в зависимости от типа языка различается. В европейских языках (английском, немецком, французском) этот порядок таков: сирконстанты образа действия предшествуют сирконстантам общего времени, сирконстанты общего времени предшествуют сирконстантам количества, сирконстанты количества предшествуют места, сирконстантам частного времени.

Как утверждают исследователи, в европейских языках (в английском, французском, немецком...) все сирконстанты следуют за первым актантом. При этом сирконстанты образа действия, общего времени и количества следуют за первым актантом, но предшествуют второму и третьему актанту и основной части сложной глагольной формы, а сирконстанты места и частного времени следуют за вторым и третьем актантам, а также основной частью сложной глагольной формы.

Изложенная позиция сирконстантов наиболее обычная для языков, в которых предложение имеет следующую структуру: подлежащее + сказуемое + второстепенные члены предложения. Но не исключено, что сирконстанты могут перемещаться со своего обычного места и употребляться даже в начале предложения, т.е. предшествовать даже подлежащему. Сирконстанты чаще всего следуют за актантами. Поэтому они в схемах всегда помещаются справа, т.е. следом от актантов.

До сих пор мы описали позицию сирконстантов в тех языках, в которых структура предложения таковы: подлежащее + сказуемое + второстепенные члены пред-

ложения. Порядок членов предложения в тюркских языках следующее: (определение) + подлежащее + (определение) + дополнение (или дополнения) + (разные) обстоятельства + сказуемое. Значит, в тюркских языках, в т.ч. в азербайджанском языке обстоятельства, которых мы в данной работе называем, сирконстанты, следуют не только подлежащему, которого мы называем актантом, но и дополнений, которых мы тоже называем актантами. Но тут следует отметить один важный момент. В тюркских (в т.ч. в азербайджанском) языках прямое дополнение имеет два типа: 1) с аффиксом винительного падежа, которое называется определенным прямым дополнением и 2) без аффикса винительного падежа, которое называется неопределенным прямым дополнением. Неопределенное прямое дополнение по причине своей неопределенности (неоформленности) тесно связано со своим сказуемым – переходным глаголом и должно непосредственно предшествовать сказуемому, т.е. должно стоять непосредственно перед глаголом. В таких случаях обстоятельство (сирконстант) предшествует неопределенного прямого дополнения (актанта).

В грамматиках азербайджанского языка указывается, что место употребления обстоятельства в предложении (в азербайджанском языке) свободно, а при актуализации они употребляются в конце предложения [1, 135]. А в другом труде читаем: «Если в предложении имеются несколько одних и тех же обстоятельств (несколько обстоятельства времени, несколько обстоятельства места, несколько обстоятельства образа действия и т.д.), то они употребляются следующим порядком: ближе сказуемому или непосредственно у сказуемого стоят более конкретизирующие, определяющие (или постепенно конкретизирующие) обстоятельства времени, места, образа действия и др., а перед ними обстоятельства общего характера. Другими словами, обстоятельства, выражающие понятия общие время, место и т.д. следующие после них обстоятельствами более определяются, конкретизируются» [2, 154]. Если в предложении участвуют обстоятельство времени, места, образа действия, условия, причины, цели, степени, количества и др., какой порядок придерживается при их перечислении (дислокации), ни в одном труде по синтаксису азербайджанского языка не указывается. Несмотря на разность мнение, один момент установлен твердо: обстоятельства (сирконстанты) общего значения предшествуют сирконстантам, конкретизирующих времени, места и др. Например: *sabah saat 6-da* «завтра в 6 часов», *dünən axşamüstü* «вчера под вечер», *Bakıda Atatürk küçəsində* «в Баку на улице Ататюрка» и т.п. Кроме того, можно отметить, что сирконстанты времени в азербайджанском предложении, сирконстант выражающий времени, употребляет свободно; он может предшествовать даже актанту, который в традиционной грамматике называется подлежащим; например: *Sabah axşam mən Bakıda olmayacağam* «Завтра вечером меня в Баку уже не будет». *Ayın 5-də saat 11-də iclas olacaq* «5-го числа месяца в 11 часов будет заседание».

Для азербайджанского языка характерны предложения следующей структуры: обстоятельства времени общего понятия + обстоятельства времени конкретизирующего значения + определение (или определения) + подлежащее + определение (или определения) + косвенные дополнения + обстоятельства (разных степеней) + неопределенное прямое дополнение + сказуемое. Но это не означает, что в азербай-

джанском литературном языке употребляются только предложения изложенного типа. Это – идеальная модель предложения.

Выводы и перспективы. Выводы научного исследования мы предоставим тезисно:

1. Между традиционной грамматикой и структурной лингвистикой есть сходства и различия.

2. Основываясь на логических принципах, традиционная грамматика стремится раскрыть противопоставление между субъектом и предикатом, а в структурном синтаксисе такое противопоставление вообще не существует.

3. Теория о центральном глагольном узле устраняет неудобства при анализе предложения. Теория актантов является достижением структурного синтаксиса.

4. В глагольных узлах различаются: 1) глагол – который выражает процесс; 2) актанты – которые участвуют в процессе и 3) сирконстанты – которые выражают обстоятельства развертывания процесса.

5. Функции сирконстанта всегда берут на себя наречия или группа слов, эквивалентные наречиям. Позиция сирконстантов в центробежных и центростремительных языках различаются. В центробежных языках сирконстантам всегда предшествуют глагол, а в центростремительных языках – следуют за глаголом.

6. В языках сирконстанты имеют определенный порядок следования друг за другом. Порядок следования сирконстантов зависит от типа языка.

Литература

1. Грамматика Азербайджанского языка. II том. – Баку: 1959 (на азерб. языке)
2. Демирчидаде А. Члены предложения. – Баку, 1948 (на азерб. языке)
3. Кязимов Г. Современный Азербайджанский язык. Синтаксис. – Баку: 2000 (на азерб. языке)
4. Раджабли А. Структурная лингвистика. – Баку: 2005 (на азерб. языке)
5. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1995.
6. В.Г.Гак. Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969;
7. Лакина Н.Ю. К вопросу о соотношении семантических и социальной ролей приглагольных актантов. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 2. с. 127-134.
8. Люсьен Теньер. Основы структурного синтаксиса, М., Прогресс, 1988.
9. Филлмор Ч. Дело о падеже. Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981, вып. X.

Алієва Н. А. Актанти і сирконстанти / Н. А. Алієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 246–252.

Стаття присвячена структурному синтаксису. У структурному синтаксисі існує теорія про вузли зв'язку, яка і знаходиться у центрі цього наукового дослідження. Під терміном актант (аргумент, партиципant, семантична роль, семантичний відмінок, семантико-синтаксична функція) розуміють елемент подієвої пропозиції, обов'язковий учасник ситуації, якому відповідає змінна в словниковому тлумаченні дієслівна лексема. У статті наведено приклади азербайджанською мовою. Наведені приклади проаналізовані, структура речень наведена схематично. У роботі автор вказує на те, що теорія про центральний дієслівний вузол усуває незручності при аналізі речення. Теорія актантів є досягненням структурного синтаксису.

Ключові слова: структурний синтаксис, елементи суб'єкта, ядро, вузол, актант, сирконстанти.

Aliyeva N. A. Actants and sirconstants / N. A. Aliyeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 246–252.

The article is devoted to the structural syntax. In the structural syntax exist the theories of communication nodes, which are the matter of this scientific investigation. The term actant (argument, participant, semantic role, semantic and syntactic function) is understood as an event, element proposition, mandatory party situation, which corresponds to a variable in the interpretation of verbal vocabulary tokens. The initial classification of actants already established in the theory of the sentence where the developed concepts were subject, object, indirect object, the addressee. Differentiated conception of many actants in studies of semantics of case, in particular, by Charles Fillmore. Traditional grammar is considering in the sentences five members. But this division for many reasons does not satisfy the requirements of structural syntax. According to the L. Tenera's ideas, syntactic relations are developing in the hierarchy. Based on logical principles, traditional grammar seeks to uncover the opposition between subject and predicate, and for structural syntax that opposition does not exist. The article gives examples from the Azerbaijani language. These examples are analyzed, sentence structure is shown schematically. In this paper, the author points out that the theory of verbal central node eliminates the inconvenience in the analysis of the proposal. Actants theory is an achievement of the structural syntax. In verbal nodes differ: 1) verb - which expresses the process; 2) actants – are involved in the process and 3) sirkonstanty - which express circumstances of the process development. Sirconstant functions always assume adverbs or group of words that are equivalent to adverbs. Sirconstant position in centrifugal and centripetal languages differ. In the centrifugal languages sirconstant always precedes the verb, as in centripetal languages - follows the verb. In languages sirconstant have a certain order of succession. Sirconstants ranking depends on the type of language.

Keywords: structural syntax, elements of the subject, the core, node, actant, sirconstant.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 811.512.162

ПРОИЗВЕДЕНИЕ «ТИБНАМЕ» МУХАММЕДА ЮСИФА ШИРВАНИ И АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК XVIII ВЕКА

Манафова М.

*Мингечевирский филиал Азербайджанского Института учителей
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В статье рассматриваются некоторые особенности языка и стиля произведения «Тибнаме» Мухаммеда Юсифа Ширвани, относящиеся к XVIII веку. В статье раскрыто значение данного произведения на формирование и развитие прозы, а также научного стиля литературного языка. В тоже время в статье указывается на роль этого произведения на развитие Азербайджанского литературного языка XVIII века. Издание «Тибнаме» современной азбукой имеет огромное значение как для изучения нашей истории, а также с точки зрения проникновения в тайну народной медицины. Произведение дает ценный материал для более обширного исследования исторического процесса развития нашего литературного языка, Азербайджанской исторической диалектологии.

Ключевые слова: произведение по медицине, народная медицина, прозаический язык, литературный язык XVIII века

Постановка проблемы. Известный Азербайджанский учёный, врач и каллиграф Мухаммед Юсиф Ширвани жил и творил в конце XVII в начале XVIII века. Родился он в городе Шемахе, там же получил медицинское образование, в совершенстве овладел фармакологической наукой. В 1711 - 1712 годах он переписал написанное неизвестным автором на древне-тюркском языке произведение, занимающее важное место среди средневековых произведений по медицине. В тоже время он составил предисловие, сделал комментарии и изъяснения к данному произведению. Именно благодаря исключительному труду Мухаммеда Юсифа Ширвани эта ценнейшая книга дошла до сегодняшних дней. «Тибнаме» (Медицинская книга) занимает одно из главных мест среди средневековых произведений по медицине, написанных на древнетюркском языке. Рукопись произведения состоит из 114 листов, написанных каллиграфическим подчерком. Произведение имеет 119 глав. По своему содержанию эти главы отличаются разнообразием. В каждой из этих глав указываются пути и методы лечения всех частей человеческого тела. Произведение «Тибнаме» врача среднего столетия Мухаммеда Юсифа Ширвани было переложено на старую азбуку Арифом Рамазановым. Объяснение сложных слов и выражений, в том числе, словарь произведения был подготовлен Фаридом Алескеровым на основе ряда медицинских правил. В 1990-ом году полный текст произведения «Тибнаме» (народная медицина, книга сведений) в месте с авторским словам подготовлен М.Султановым, А.Фарзалиевым [1: 192].

В аннотации данного издания мы читаем: «Предложенное читателям данное произведение было написано на Азербайджанском языке в 1712-ом году». Здесь даются подробные сведения о более 500 видов лекарственных трав и природных лечебных средств. Прошедшая сотни лет испытаний народная медицина и сегодня не утратила своего научно-практического значения. Издание «Тибнаме» современной азбукой имеет огромное значение как для изучения нашей истории, а также с

точки зрения проникновения в тайну народной медицины. Рукопись произведения недавно была найдена в Республиканском Институте Рукописей и подготовлена к изданию известными учеными. «Тибнаме» играет большую роль как источник для изучения исторического развития нашего прозаического языка в начале XVIII столетия. «Тибнаме» была переведена на русский язык и издана в Санкт-Петербурге.

Произведение дает ценный материал для более обширного исследования исторического процесса развития нашего литературного языка, Азербайджанской исторической диалектологии. Написанная по старому летоисчислению в 1124-ом году (милادي 1712) эта книга обладает силой наглядно отразить медицину своего периода. Ценность произведения обосновывается в авторском предисловии: "В произведении большой интерес вызывает два признака. Во первых, здесь дается краткое сведение в том, как наши прадеды лечили разные заболевания, с другой стороны, эта книга дает нам огромный материал для изучения истории нашего прозаического языка в начале XVIII века. Использование в произведении чисто тюркских слов, а также очень интересная синтаксическая структура текста поднимает его на уровень объекта исследования языковедов, занимающихся изучением истории родного языка". Таким образом, «Тибнаме» дает своим читателям сведения о веках испытанных лекарственных травах и других естественных средствах лечения. Здесь система названий, т.е. формы наименований самые разнообразные. Теперь мы займемся исследованием структурно - семантических, лексико- грамматических особенностей данных названий. «Тибнаме» является одним из важных медицинских источников среднего века. Эта история медицины Азербайджанского народа, который имеет древнюю историю. Данное произведение как медицинский источник содержит в себе методы и средства лечения, состав лекарств и многое другое. С этой точки зрения научная ценность этого произведения очень велика. В этой книге идет речь о таких методах и средствах лечения, которые отличаются своим совершенством, в то же время данные методы привлекают внимание современной медицины. Источник гласит о том, что в средние века при изготовлении лекарств в основном использовались растения.

При наименовании большинства растений был использован греческий, арабский, персидский язык, поэтому вопрос выяснения аналогичных растений под общепринятыми в современной медицине латинскими, русскими и другими наименованиями может послужить темой для особого исследования. Но несмотря на это, очень важно отметить и тот факт, что существуют лекарства, проверенные мудрым народным умом, именно эти лекарства вполне ясно воспринимаются, нет никаких затруднений для их приема и использования.

«Тибнаме» оказывает огромную помощь в деле исследования истории Азербайджанского прозаического языка в начале XVIII века. Тофик Гаджиев пишет, что «XVIII век создал определенный период в истории развития Азербайджанского народа, его культурного роста, в его нравственном обогащении. Именно общественно - исторические факторы создали условия для развития, для обогащения новым содержанием Азербайджанского литературного языка, в этом смысле литературный язык начала XVIII века в отличие от предыдущих периодов характеризуется своими особыми свойствами» [2, 122]. Азербайджанский прозаический язык начала XVIII

века отличается своими классическими традициями. Как отмечает профессор С.Мехтиева «написанные в этом столетии народные эпосы явились не только плодотворной почвой между классическим прозаическим Азербайджанским языком и современным прозаическим Азербайджанским языком, в то же время здесь присутствует и связь, и передача между ними, и наконец, создаются условия для нормализации и стабилизации ныне процветающей на народной основе Азербайджанской художественной прозы» [3,8]. Этот период запоминается «точностью национально - этнографического, бытового колорита, литературным языком и народным стилем» (А.Демирчизаде). «Основная линия развития литературного языка этого периода была направлена в сторону простоты, ясности, здесь редко встречаются трудные, непонятные, слова с арабско - фарсидским составом, наоборот, в словарном составе языка большое место начинают занимать народные слова, бытовые слова, которые не использовались до XVIII века, литературный язык обогащается национальными особенностями, что в свою очередь ограничивает классические формы языка»[2, 124].

Азербайджанский литературный язык XVIII столетия характеризуется еще тем, что в этот период появилось множество книг и пособий по отдельным видам наук. А. Демирчизаде пишет, «что согласно приобретенным за последнее время документам и рукописям можно прийти к выводу, который гласит о созданных в XVIII веке некоторых книг и книжек записей по медицине, исторических книг, словарей, книг по арифметике, астрономии, географии, а также религиозных книг агитационно - обучающего содержания» [4, 250]. Подобно многим образцам изданий, созданных в средние века, произведение «Тибнаме» тоже оказало определенное влияние на развитие литературного языка. Влияние указанной книги хорошо заметно в первую очередь на словарном составе языка, далее на грамматической структуре языка.

Среди медицинских произведений XVIII века специалисты обнаружили еще одну книгу под названием «Китаби - тиббуманафеуль-нас», которая была переведена с тюркского на Азербайджанский язык. Исследование и подробный анализ произведений указанного содержания показывает, что большинство выражений, терминов арабского, некоторые фарсидского и Азербайджанского происхождения. Например: мокрота, пища, кровь, исцеление, здоровье, кашель, чахотка, желтуха, мышца, лечение, масло, желудок, пульс, почка, мозг, кишка, озноб, кровь из жилы и др. [4, 259]. Другая книга называется «Тибнаме от святых имамов». Эта книга была переведена и издана в 2001-ом году Муслимом Имамали оглу. Переведенная на азербайджанский язык эта книга явилась драгоценным вкладом в медицинскую науку. Вместе с предыдущими, отдаленными от нас веками медицинскими советами святого имама Джафара Садика и других святых имамов, указанная выше книга не утратила своего полезного назначения, продолжает использоваться по сегодняшний день.

Этому произведению также присущи интересные языковые особенности. Здесь тоже большинство предложений начинаются с союзом «если», который наблюдается в исследуемом нами «Тибнаме» Мухаммеда Юсифа Ширвани. Наличие в книге большого количества форм обращения свидетельствует о простоте, о ясности языка и стиля произведения: «Эй Муфаззал: - Знай, что есть много полезного в плаче ре-

бенка. Мозг ребенка содержит влагу, которая сохранившись там может повредить ребенку. Поэтому плач ребенка удаляет эту влагу, и в результате организм ребенка выздоравливает (ст.9-10) обрати внимание эй Муфаззал: - Все члены организма человека предназначены для какого-то важного дела. Руки для работы, ноги, чтобы ходить по земле, глаза, чтобы видеть, различать рот, чтобы есть, желудок для пищеварения, половые органы для продолжения рода» (ст.11). В процессе исследования мы, естественно, будем сопоставлять, сравнивать указанную выше «Тибнаме» (Книги по медицине) с точки зрения языка, стиля, а также тематического содержания. Научный стиль находит свое отражение в произведениях по медицине данного периода. Язык этих произведений «характеризуется свойствами, которые присущи периоду формирования демократизма, народности, а также нормативности научного стиля» [6, 327]. В «Тибнаме» очень сильны фольклорные мотивы. Это связано с тем, что в фольклоре одно из основных мест занимает исцеление человеческих недугов с помощью заговоров, молитв и веры человека. Например, в 8-ой главе произведения под заглавием «Лечение кровотечения из носа» есть такой отрывок текста: «Если никаким образом невозможно остановить кровь из носа, нужно написать на клочке бумаги следующие существительные и повесить на лоб человека, из носа которого идет кровь. Эти существительные: гамбар, гамбарей, прошел через испытания, нельзя ошибаться». Автор «Тибнаме» здесь напоминает одну легенду: В древневосточной медицине широко использовалось лечение заговорами и молитвой. Будет неверным связывать заговоры и колдовство с Исламом и Кораном. Это плоды широко распространенных среди простых людей старых религиозных взглядов и поверий. При всестороннем подходе к вопросу, надо отметить, что будет неверным утверждение о вреде и бесполезности колдовства и молитв. Они обладают огромным психологическим воздействием, они вселяют в душе у верующего человека веру, надежду в своем исцелении от недуга.

После завершения произведения «Тибнаме» Мухаммед Юсиф Ширвани к своей рукописи прилагает несколько маленьких статей и медицинских советов, в которых в основном говорится о волшебных способах лечения с помощью колдовства и молитв.

Верующий больной всем своим существом начинает верить исцеляющей силе молитвы и это самовнушение может избавить его от болезни. Религиозные деятели, владельцы якобы святых храмов связывают подобные явления с волшебством, или же с сверхъестественными силами. Но в действительности же, в результате серьезной проникновенной веры организм человека сам по себе исцеляется. С этой точки зрения в некоторых медицинских советах рекомендуется использование более выразительных сур из Корана для вселения крепкой веры в исцеление. В конце «Тибнаме», а также в конце рукописи прилагаются «рисалии» содержащие названия состава лечения. Эти названия с лингвистической точки зрения вызывают т акже большой интерес. В «Тибнаме» привлекает внимание еще одна легенда, связанная с народной медициной: «Есть такой корень (его называют корнем мандрагоры), еще этот корень называют корнем дерева пророка Сулеймана. Есть этот корень на перстне Сулеймана. Этот корень под землей напоминают листья шиповника, а запах напоминает запах меда» (ст.12). В этом повествовании скрыта следующая легенда:

Сын пророка Давуда является одним из мусульманских пророков. По преданию он обладал глубоким умом и знаниями. Сулейман разрешал трудные споры, предотвращал сильный ветер, владел птичьим языком. По широко распространенной легенде камень на перстне Сулеймана обладал таинственной силой, которая могла была подчинить своей воле и джина (черта), и человека.

Прозаический язык «Тибнаме» в некоторых случаях может характеризоваться «индивидуализацией речи». В это время повествователь передает слова другого человека, лекаря: Этот опиум охлаждает жар при заболевании как излагает Шерафеттин Талиб, я видел человека, которого мучает жар, у которого нет никакой надежды на исцеление. Я дал ему шербет из опиума, через час я обратил внимание на его состояние и увидел, как наступило облегчение, он вспотел и избавился от недуга (ст.170). Речь данного лекаря опять же индивидуальна в следующем тексте: Врач Шерафетдин говорит, что однажды одна девушка упала в обморок, у людей не осталось надежды на ее выздоровление, и они занялись подготовкой к похоронам. Меня привели к ней, я дал ей опиум и взял кровь, после чего она поднялась, села и стала разговаривать (ст.170). В произведении индивидуализируется речь и Джабраила, одного из четырех близких Аллаху ангелов: «Джабраил явился и обратился к пророку со словами приветствия и передает слова создателя, который сообщает людям об огромной пользе существующих пряностей, об их исцеляющей силе» (ст.105). Высказывать мнения по поводу болезней, агитировать пути исцеления от недугов-все это может оцениваться как язык агитационной мысли. Например: Если у кого-то три дня не переставая болит голова и нет жара, то надо взять брюкву, снять с нее кожуру и прокипятить в воде, затем снять с огня, тщательно растолочь до состояния смазочного масла, растереть этим составом голову, приложить сверху перца, подержать один день и одну ночь, после чего смыть в ванной, одновременно будет спасен от простуды (ст.10). Язык агитационной мысли «Тибнаме» закрепляется цитатами из других книг. Например:...в некоторых книгах пишут, что ничем нельзя снять боль зуба кроме прижигания, надо прижечь или же приложить к больному зубу мешочек с хорошо разогретой солью, в тоже время надо приложить тесто, чтобы горячая соль не подействовала на другие зубы...(ст.22). Или же как указано в произведении «Медицинские законы» Ибн-Сины изготавливается лекарство путем смешивания их с медом. Текст «Тибнаме» иногда нагромождается словами и выражениями из арабского, фарсидского или национального языков. В таких случаях возникает необходимость обращаться к словарю. Например : *xıyagı-çənbəg, təmiri-hindi, mətbuxi-iftimun, həbbi-ləcivənd, həbbi-iftimun, sənai-məkkii* др. Подобные словосочетания в какой-то мере усложняют язык и стиль произведения. В «Тибнаме» имеется огромное количество слов и терминов, выражающих лечебные средства. Их можно анализировать с лингвистической точки зрения в различных аспектах. Учитывая их применение при соответствующих заболеваниях, считаем вполне возможным осуществить лексико-семантическое распределение данных слов и терминов:

1) Слова, термины и терминологические выражения, связанные лечением боли головы, мозга и висков. В тексте подобного содержания были использованы ниже указанные соответствующие слова: вино, боль, розовая вода, жар, сточная вода, пар,

сирень, мокрота, головные боли, уксус, нос, табак, избыток крови, ревматизм, мед и др.

2) Слова, термины и терминологические выражения, связанные с лечением мелонхолии: куриное масло, тыквенное масло, винный уксус, сахарный шербет, лимонное вино, кровь, кисло-сладкий гранат, чербец и др.

3) Слова, термины и терминологические выражения, связанные с лечением эпилепсии. В III главе произведения говорится о методах лечения данного заболевания. На турецком языке это заболевание называется «учуг». Люди, страдающие этим недугом, теряют сознание, судорожно сжимаются мышцы, искривляются лицо и руки. В большинстве случаев эти больные теряют рассудок и некоторое время остаются в неподвижности. В тексте главы, повествующей об этом заболевании, дается подробное лечение болезни, при этом широко используются и арабо-фарсидские и национальные слова и выражения. Например: заячий жир, уксус, медвежья кровь, волчий глаз, пар, мумия, сельдерей, герпес, судорога, тина, желчь, яичко, пах, желудок, улучшение, мускатный орех и др.

4) Слова, термины и терминологические выражения, связанные с лечением душевно-больных людей. В языке «Тибнаме» название указанного заболевания выражается словом «диване». Четвертая глава произведения под соответствующим названием посвящена лечению данного заболевания. Здесь можно встретить термины, выражающие различные способы лечения этого заболевания: золотой чеснок, здоровье, таблетка, молоко, козье мясо, сахар, сосуд, кровь, оболочка мозга, головная жила, золотой виноград, инжир, уксус, шербет из пряностей, лососина, солодка, отруби, кардамон, фенхель, сок фенхеля и др.

5) Слова, термины и терминологические выражения, связанные с лечением ослабевшей памяти. В произведении «Тибнаме» понятие «ослабевшая память» нашло свое выражение в словах «застенчивость», «растерянность» и т.д. Лекарственные средства, предлагаемые для лечения данного заболевания следующие: мокрота, головная боль, лечение, ревматизм, горячка и др.

6) Слова, термины и терминологические выражения, связанные с лечением чиря: листья шиповника, пар, цветы, фиалка, ячменная мука, миндальное масло и др.

7) Слова, термины и терминологические выражения, связанные с лечением носового кровотечения: голубь, уксус, виноградная лоза, грецкий орех, пшеница, инжирная кожура и др.

8) Термины, связанные с лечением носовой боли народными средствами: масло фиалки, воробьиная кровь, ореховая мука, мед, вольдыр, диета, опиум, чирей, нарыв, гортань и др.

9) Термины народной медицины, связанные с лечением зубной боли: белый мед, листья клена (чинары), уксус, чеснок, тутовый лист, гвоздика, медовый воск, корень шиповника, горчица, деготь, черный тмин, имбирь и др.

10) Термины народной медицины, связанные с лечением десен: соль, уксус, кровь, ротовой запах, сердце, смещение десен, тархун и др.

11) Термины народной медицины, связанные с отбеливанием зубов: белизна, морская пена, гранатовый сок, внутренний жир, дикая лягушка и др.

12) Термины народной медицины, связанные с лечением заболеваний носа и лица: корь, горчица, атрифул и др.

В «Тибнаме» наблюдается огромное количество архаизмов, сохранившие в себе прошлые традиции. Здесь приводится пример из речи ангела Джабраила: О боже, милосердный, тебе послано приветствие... (ст.105); Говорят, что все в Божьих руках, но достигшие совершенства, могут иметь и сына, и дочь (ст.123). Женское молоко намного лучше прочих других (ст.131). В произведении имеется архаическая форма времен глагола: «Если надобно взять кровь, то это надо делать весной, в утреннее время, а если же приходится брать кровь зимой, то для пользы лечения, это надо делать в вечернее время, с возвращением в свои гнезда птиц» (ст.141). В языковой норме наблюдается вариантность. Вообще, надо отметить, что присутствие вариативности в норме азербайджанского литературного языка обусловлено сложными этнолингвистическими процессами данного периода; приход в Азербайджан разных тюркских племен и народов очень часто с присущими им стабильной языковой традицией оказывает более интенсивное влияние на литературный язык, в котором скаывается диалектная инновация давно живущих на этой территории; - в ряде случаев факт местного диалекта совпадает с признаком литературной нормы пришлого языка, следовательно, начинают функционировать одновременно несколько показателей норм языка» [7, 54]. В языке «Тибнаме» имеются антропонимы, которые отражают систему имен, слой врачей средних веков. Часть антропонимов состоит из имен древних врачей Востока: Шерафеддин, врач Ягуб, Султан Мухамед Гази хан, Меджнуни-Сулейман, Меджнуни-Ага Шамседдин и другие. «Врач Шерафеддин говорит, что однажды одна девушка упала в обморок... (ст.170). Шерафеддин Талиб рассказывает, что ...» (ст.170). Имя изготовителя лекарства: Меджнуни - Сулейман (смесь Сулеймана). «Эта смесь очень полезна и ее прозвали именем Сулейман, она очень сильна» (ст.100); Джабраил - один из четырех, близких Аллаху ангелов. В Коране он назван «Ruhāl-qüds» (святой дух). Джабраил по приказу Аллаха передал суры из Корана Пророку Мухаммеду. Согласно религиозному преданию Джабраил был советником не только Адама, но и всех идущих после него пророков (ст.105); Эта смесь очень полезна человеку, она прошла через испытания, потому что создает человеку приподнятое настроение, румяный вид, надолго сохраняет силы, эту смесь придумал врач Ягуб: Султан Мухаммед Гази хан (посвящает Османскому султану Мухаммеду Фатеху (1432-1481) (ст.106); Смесь Султан-Селим хана; Османский султан Селим Явуз (1470-1520).

Выводы и перспективы. Делая вывод, можно отметить одну из главных особенностей языка «Тибнаме» - это индивидуализация речей лекарей, вернее, характерная для них манера речи показана здесь более выпукло, более выразительно. Это речь в основном окутана медицинскими терминами. Речевой акт оказывает прямую влияние на язык произведения. Классический прозаический язык «Тибнаме» взаимопереплетается, взаимосвязывается с прозаическим языком фольклора, в результате формируется национальный прозаический язык. Перспективность языка и стиля подобного рода произведений больше всего бросается в глаза в присущей им народности и драматизме. Демократизм, народность и вместе с тем историческая нормативность может считаться одним из признаков, характеризующих медицин-

ский стиль на данном этапе. Этот стиль отличается простотой, ясностью, массовой доступностью, и благодаря всем этим качествам этот стиль с течением времени довольно быстро проникает в народное массы, присутствует в повседневной жизни, в быту людей.

Литература

1. Мухаммед Юсиф Ширвани. Тибнаме (Народные вести. Составители текста и авторского предисловия: М.Султанов, А.Фарзалиев. Баку, Ишых,1990. (на азерб.языке)
2. История Азербайджанского литературного языка. – Баку: Elm,1991 (на азерб.языке)
3. Мехтиева Севиль. Лингво-поэтическое исследование фольклорных памятников. На основе рукописей дастанов (эпосов), написанных в средние века (на азерб.языке)
4. Демирчизаде А. История Азербайджанского литературного языка. I часть. – Баку: Маариф,1979 (на азерб.языке)
5. От Невинных Имамов ТИДНАМЕ. Перевод Муслима Имамали оглу. Издательство Əz - Zakirə 2001. (на азерб.языке)
6. Худиев Низами. История Азербайджанского языка. – Баку: Маариф, 1995 (на азерб.языке)
7. Ализаде С. Письменная речь в средние века. – Баку, 1987 (на азерб.языке)

Манафова М. Твір «Тібнаме» Мухаммеда Юсифа Ширвані і азербайджанська літературна мова XVIII століття / М. Манафова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 253–261.

У статті розглядаються деякі особливості мови і стилю твору «Тібнаме» Мухаммеда Юсифа Ширвані, що відносяться до XVIII століття. У статті розкрито значення даного твору на формування і розвиток прози, а також наукового стилю літературної мови. У той же час в статті вказується на роль цього твору на розвиток азербайджанської літературної мови XVIII століття. Видання «Тібнаме» сучасною азбукою має величезне значення для вивчення нашої історії, а також з точки зору проникнення в таємницю народної медицини. Твір дає цінний матеріал для більш обширного дослідження історичного процесу розвитку нашої літературної мови, азербайджанської історичної діалектології.

Ключові слова: твір з медицини, народна медицина, прозаїчна мова, літературна мова XVIII століття.

Manafova M. Work "Tibname" by Muhammad Yusif Shirvani and Azerbaijani language of XVIII century / M. Manafova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 253–261.

The article discusses some features of the language and style of work "Tibname" by Muhammad Yusif Shirvani relating to the XVIII century. In the article the importance of the work on the formation and development of prose branches, as well as scientific style language. At the same time, the article points to the role of the work on the development of the Azerbaijani language XVIII century. The last hundred years of testing traditional medicine even today has not lost its scientific and practical importance. Edition "Tibname" modern alphabet is essential for the study of our history as well as in terms of penetration into the mystery of traditional medicine. Product provides valuable material for a more extensive study of historical development of our literature, historical Azerbaijani dialects. Written by the old reckoning in the 1124th year (Milady 1712), this book has the power to clearly reflect their medicine period. This book deals with the methods and means of treatment, which differ by their perfection, at the same time, these methods have attracted the attention of modern medicine. Source says that in the Middle Ages in the manufacture of drugs mainly used plants.

When naming the majority of plants was used Greek, Arabic, Persian, so the question asking similar plants under generally accepted in modern medicine, Latin, Russian and other names may be the subject of a special investigation. The author explores the "Tibname" in terms of language, style and thematic content. Scientific style is reflected in the works on medicine of the period. Also in the scientific article noted that in the book pronounced folk motifs. One of the main features of the language "Tibname" is individualization speeches healers rather characteristic for their manner of speech is shown here more vividly, more impressively. This speech largely shrouded in medical terms. Speech act has direct influence on the language works. Classic prosaic language "Tibname" intertwined, flabby connected with the prosaic language of folklore,

formed as a result of the national language of prose. The prospect of the language and style of this kind of works most striking inherent in nationality and drama. Democracy, nation and at the same historical normativity can be considered one of the features that characterize the medical style at this stage. This style is characterized by simplicity, clarity, media availability, and thanks to all these qualities, this style over time rather quickly penetrates the masses, present in everyday life, in everyday life people.

Keywords: work in medicine, folk medicine, prosaic language, literary language of the XVIII century.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 009

**ПРИЧИНЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ ВЕЩАНИЯ НА МЕСТНЫХ ЧАСТОТАХ
РАДИО «СВОБОДА», «ГОЛОС АМЕРИКИ» И «ББС»
(ОГРАНИЧЕНИЕ СВОБОДЫ СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ
ИЛИ ТРЕБОВАНИЯ МЕСТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА)**

Насибова А. М.

*Бакинский государственный университет
E-mail: almazmahmud@gmail.com*

Возникшие в начале прошлого столетия со стороны ведущих стран мира и рассчитанные на зарубежную аудиторию внешние вещательные службы радиостанций Свобода, Голос Америки и ББС обладали большой ролью, не знающей границ. Однако с 1 января 2009-го года зарубежным радиокомпаниям было отказано в лицензии на вещание передач на частотах местных частных радиокомпаний на основе контракта и отдельных частотах, предусмотренных для международных радио. Начиная с 1-го января 2009-го года радио начали отдавать большее предпочтение деятельности своих интернет сайтов, оперативности и динамичности. Именно после этого для радио начался новый этап.

Ключевые слова: трансляция, FM частота, местное законодательство, международные стандарты, требование частных компаний, требования ББС, передачи радио «Свобода», трансляционная технология радио «Голос Америки».

Постановка проблемы. Возникшие в начале прошлого столетия со стороны ведущих стран мира и рассчитанные на зарубежную аудиторию внешние вещательные службы радиостанций Свобода, Голос Америки и ББС обладали большой ролью, не знающей границ. И сегодня, имеющие достаточную аудиторию передачи Голос Америки, Свобода и ББС на азербайджанском языке, можно разделить на два исторических этапа: первый этап – это период вещания передач для союзной республики Азербайджана, которая находилась в составе Советского Союза, а второй этап – это период, когда Азербайджан приобрел независимость. После приобретения Азербайджаном независимости эти радио беспрепятственно начали вещаться на местных волнах и предпочли более качественную вещательную технологию. С самого начала вещая на средних волнах, Азербайджанская служба ББС наряду со своей частотой ретранслировалась и посредством называющегося в то время Азербайджанское Государственное Радио (нынешнее ЗАО Азербайджанское Телевидение и Радио Передач), а также ANS СМ. А в мае 2002-го года открылся канал 103.3 FM и с того времени передачи на азербайджанском языке начали вещаться качеством FM волн. Радио Свобода, начиная с 2004-го года, наряду со средней волной начала вещаться на частоте ФМ. Однако год тому назад использовала частоту Независимой Телерадио Компании «Space». Даже аннулирование договора со Space некоторые медиа специалисты оценили как политическую причину, как нахождение Space в более приближенной к власти позиции. Вещание на местных частотах и более качественно считалось для радио одним из важных факторов. Так что в очередной раз радио Свобода и Голос Америки, подписав договор с местной Независимой Телерадио Компанией ANS, использовали ее частоту. Через неко-

торое время проблема, связанная с вещанием ANS не прошла мимо и радио. Согласно решению заседания Национального Совета Телевидения и Радио от 24 ноября 2006-го года вещательная лицензия ANS в этот же день с 16:00 была отменена. Так что сразу же прекратилось и вещание радио Голос Америки и Свобода, которые веощались на частоте ANS. Радио, как и раньше, продолжили свое вещание на коротких и средних волнах, то есть на частоте АМ. Ряд местных газет расценили эту проблему как враждебное отношение к радиостанциям. Например, согласно статье под названием «Власть хочет присвоить себе контроль над западными радиостанциями» в газете «Баку Новости» проправительственное руководство из-за отсутствия выхода на западные радиостанции, как лучший выход из ситуации видит в создании проблем в их вещании [3]. Руководитель Национального Совета Телевидения и Радиовещания Нуширеван Магеррамли отметил в своем заявлении медиа, что зарубежные каналы и радио могут действовать на территории страны, заключив договор не с какой-то местной частной компанией, а именно с Азербайджанским правительством. Даже на встрече с посольством США в Азербайджане, в том числе с представителями радиостанций Свобода и Голос Америки, председатель Национального Совета Телевидения и Радиовещания объяснил это как то, что деятельность этих радиостанций на основе договора с какой-то частной компанией незаконна и процесс предоставления им лицензии должен осуществляться на основе международного договора. И в Азербайджане должен использоваться этот договор (www.trend.az).

В результате переговоров представителей Администрации США и посольства этой страны в Азербайджане с правительством в очень короткое время 8-го декабря 2006-го года Национальный Совет Телевидения и Радиовещания предоставил каждому из этих двух радио отдельную частоту. Руководитель структуры еще более активизировал обсуждения с Государственным Департаментом США, с Американским Советом Управления Вещанием (BBG), с Департементом по делам Маркетинга (İBB) и с посольством США по поводу выдачи радиостанциям лицензий и в декабре 2006-го года Департамент по Делах Маркетинга (İBB) и представители радиостанции Голоса Америки, совершив визит в Баку, встретились с помощником Президента Азербайджана по СМИ, руководителем Национального Совета Телерадио, а также с министром связи и Информационных Технологий. После этой встречи с января 2007-го года было разрешено вещание радиостанций Свобода и Голос Америки на отдельных частотах 101.7 FM. После этого начался новый этап для радиостанций. Появились новые формы конкуренции и местных медиа, и этих зарубежных радиостанций на информационном рынке. Это оказало позитивное влияние на аудиторию радиослушателей. В сравнении с прошлыми годами начала расти аудитория слушателей различных слоев.

В отличие от радиостанций Голос Америки и ББС в передачах радио Свобода были сделаны резкие изменения и корпорация, принимая свое стратегическое решение стала готовить программы для изменения фокуса, новизны сети программ, расширения слушательской аудитории и привлечения молодежной аудитории. Координатор Азербайджанского представительства радиостанции Свобода Яхья Мирзаев в интервью газете «Наш век» отметил в связи с деятельностью радио, что

они принимая за основу принцип «Демократическое общество – знающее общество», стараются быть информированными о всех важных отраслях общества и тенденциях в Азербайджане [4]. В этот период все три радиостанции в своих передачах отдавали просторное место знаниям не только в политике и экономике, но и здравоохранении, образовании, прав потребителей, жизни интересных людей. Представители радио, говоря о том, что работают по этому принципу, добились расширения слушательской аудитории, отмечали, что неправильно оглашая в эфире субъективные мысли звать всех соглашаться с ними, и поэтому они отдавали предпочтение политикам.

Но в преддверии президентских выборов 2008-го года на радиостанции Свобода критические материалы снова стали преобладать. А в передачах «Поезд выбора», «После работы», «Панорама» все больше представлялись критические мысли местных и зарубежных экспертов в связи с выборами, давались выступления представителей оппозиционных партий. В местной прессе, в особенности в проправительственных газетах эта позиция радиостанции была встречена резко. В статье газеты «Новый Азербайджан» под названием «Свободна ли радиостанция «Свобода»?», критикуясь, враждебная позиция радиостанции к Азербайджану, так объясняется замена в логотипе голубого цвета на оранжевый: «Между лого, которое находится в центральном офисе, являющемся основным столпом радиостанции и вывеской, вывешенной с Баку, разница очень большая. Итак, центральный офис определил для себя голубой цвет, а цвет Азербайджанского отделения оранжевый. Нет нужды много думать, чтобы определить значение, которое несет в себе оранжевый цвет. Всем известно, что основной источник финансирования цветных революций, поднявших голову несколько лет тому назад в пост-советском пространстве был Фонд Сороса. Сорос определял внешний цвет этих революций. В те времена ни для кого не было секретом существование идеи совершения такой революции и в Азербайджане и ему дали название «оранжевой революции» [5].

Начиная именно с этого времени, основываясь на законодательстве Азербайджана, в прессе то тут, то там стали выражать отношение по поводу неправильности вещания радиостанций на местных частотах с юридической точки зрения. Национальный Совет Телевидения и Радиовещания, а также другие имеющие к нему отношение структуры начали выражать свое мнение по поводу рассмотрения вещающих в Азербайджане всех зарубежных СМИ. Даже председатель Национального Совета Телерадио Нуширеван Магеррамлы выразил свое конкретное мнение о прекращении свободного вещания радиостанций Голос Америки, Свобода и ББС начиная с 2009-го года. По его словам, в последующие годы для вещания радиостанций на местных частотах лицензия выдаваться не будет. Он это обосновал тем, что зарубежные радиостанции, как и в странах Европы, в Азербайджане могут вещать свои передачи посредством спутника, интернета и кабельной сети (www.apa.az). Национальный Совет Телерадио также заявил, что решение о прекращении вещания возможно не будет касаться всех радиостанций. Но одной или двум радиостанциям будет предоставлена возможность на определенное время продолжить свое вещание на местной частоте (www.turaninfocom). В связи с этим вопросом радиостанция Свобода сразу же выразила свое мнение агентству «ANS

PRESS» и руководство радиостанции заявило о том, что находится в курсе событий и серьезно рассмотрело этот вопрос: «Мы все еще оцениваем информацию и находимся в предверии принятия решения об ответе. Мы верим, что радиостанция Свобода играет важную роль в преподнесении Азербайджанскому народу профессиональных и не подверженной цензуре новостей и мы намерены продолжать эту работу и после этого» (www.anspress.com). Уже в кануне этого между двумя сторонами начинается интенсивная полемика и сразу после Свобода служба ББС выходит с заявлением: «»ББС уже более 15 лет имеет хорошие связи с партнерами в Азербайджане. В то время как растет потребность в международных новостях мы намерены обеспечивать слушателей в Азербайджане надежной, бескорыстной, независимой информацией и новостями. ББС продолжает следить за развитием событий» (www.bbc.co.uk.azeri). Решение Национального Совета Телерадио о прекращении вещания зарубежных радиостанций в обществе обосновывалось и политическими мотивами. Руководитель структуры Нуширеван Маггерамли в свою очередь отметил, что это не несет в себе никакой политической мотивации: «Прекращение в стране самостоятельного вещания зарубежных радио и телевидений не несет в себе никакой политической цели и этот шаг не направлен против свободы слова. Если это против свободы слова, то как получается, что мы намерены предпринять такую же меру против канала ТРТ братской Турции» (www.bbc.co.uk.azeri). 31 октября 2008-го года председатель Совета Азербайджанского Телерадио вновь выразив позицию мнению Совету Вещательного Управления США в очередной раз объявила, что зарубежные медиа вещания, которые идут в эфир на частотах, находящихся под контролем правительства, конкретно будут приостановлены в 2009-ом году: «Решение принято в связи с соответствием Европейским и международным стандартам» (www.voanews.azeri). Тогдашний посол США в Азербайджане Энн Дерси отметила в передаче «После работы» радио Свобода, что в последние 15 лет – когда бывший президент Гейдар Алиев дал возможность этому радио вещать в Азербайджане, оно дало развитию страны большой толчок: «Радио Свобода так же важно и для азербайджанцев и для нас» (www.azadliq.org).

В отличие от многих местных экспертов, которые говорили о ситуации как о политическом шаге, зарубежные эксперты, политические лидеры и дипломаты выражали свое отношение лишь о его законных сторонах. Но в это время тогдашний посол Норвегии в Азербайджане Йон Ронберг заявил, что процесс является политическим требованием. На позицию посла Ронберга был выражен протест Министерства Иностранных Дел Азербайджана. В заявлении Министерства говорилось, что Норвежская сторона должна быть в своих заявлениях более внимательной, потому что подобная ситуация может повредить развитию двусторонних отношений. Тогдашний главный секретарь Европейского Совета Терри Девис, Государственный Департамент США, специальный представитель ОБСЕ по свободе медиа и слова Миклош Харашти и другие международные структуры начали выступать с нескончаемыми заявлениями и считали необходимым продолжение вещания радио на местных частотах. А такие международные медиа организации как Фридом Хаус (Freedom House), Репортеры без Границ расценивали это как ограничение свободы слова и выражения. Руководитель Бакинского бюро Свободы Хадиджа Исмаилова

тоже в интервью газете «Нью-Йорк Таймс» оценила запрещение вещания радио на местных частотах как шаг, направленный против плюрализма: «Это радио было единственным местом, где оппозиция могла выражать свои мысли, где могли состояться дебаты». Однако как ответ всему этому председатель Совета Национального Телерадио Азербайджана Нуширеван Магеррамлы счел возможным урегулирование вопроса вещания всех трех радио на местных частотах только лишь межгосударственным соглашением. По его словам, «прекращение вещания зарубежных радиостанций на местных частотах полностью соответствует Азербайджанскому законодательству». Этим он еще раз отметил настойчивую позицию Азербайджанского правительства в этом вопросе и то, что прекращение вещания зарубежных радио на местных частотах не нарушает каких-либо международных норм. Председатель Национального Совета Телерадио в последний раз в США в декабре 2008-го года встречается с представителями Совета Управления Вещания Дуог Бойнтоном, представителем радио Свобода Джулией Регана, директором отдела связей с общественностью посольства США в Азербайджане Терри Девидсоном, а также с советником посольства по политическим вопросам Джоанной Гансоном и раскрывает позицию Азербайджанского правительства. Наконец, 30-го декабря 2008-го года Совет Телерадио выносит решение о вещании зарубежных радио. 1-го января 2009-го года деятельность всех трех радио на местных частотах приостанавливается. Но и после ликвидации у радио частот ФМ переговоры между Азербайджанским правительством и Советом Вещания Америки продолжаются и в феврале 2009-го года Азербайджанскому государству поступают предложения и от Совета Вещания Америки, и от корпорации ББС по поводу зарубежных радиостанций.

Выводы и перспективы. В начале марта 2009-го года, находясь с визитом в Баку, американский сопредседатель Минской Группы ОБСЕ того времени, помощник заместителя государственного секретаря США Метью Брайза отмечает, что восстановление вещания зарубежных радио очень важно для отношений между Азербайджаном и США: «Во время визита в Баку мы с президентом Ильхамом Алиевым обсудили вопрос прекращения вещания зарубежных радио на частотах ФМ в Азербайджане. В данный момент для восстановления вещания радио переговоры между сторонами продолжаются. Последние результаты всех этих переговоров будут известны после принятия решения президентом Ильхамом Алиевым» (www.sia.az).

Начиная с 1-го января 2009-го года радио начали отдавать большее предпочтение деятельности своих интернет сайтов, оперативности и динамичности. Именно после этого для радио начался новый этап.

Литература

1. Свобода выражения в Европе. Баку, «Издательство Европейского Совета», 294 стр.
2. Ахмедли Н. Средства Массовой Информации в политической агитационной системе в зарубеж. Баку, 2004, Издательство Бакинского Университета, 74 стр.
3. Газета «Баку новости», Баку, 2006, декабрь
4. Газета «Наш век», Баку, 2006, октябрь
5. Газета «Новый Азербайджан», Баку, 2008, 8 августа

Насибова А. М. Причины припинення мовлення на місцевих частотах Радіо «Свобода», «Голос Америки» і «ББС» (обмеження свободи слова чи вимоги місцевого законодавства) / А. М. Насибова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 262–267.

Виниклі на початку минулого століття з боку провідних країн світу і розраховані на зарубіжну аудиторію зовнішні мовні служби радіостанцій Свобода, Голос Америки і ББС володіли великою роллю, яка не знає кордонів. Однак з 1 січня 2009-го року закордонним радіокомпаніям було відмовлено у ліцензії на мовлення передач на частотах місцевих приватних радіокомпаній на основі контракту та окремих частот, передбачених для міжнародних радіо. Починаючи з 1-го січня 2009-го року радіо почали віддавати більшу перевагу діяльності своїх інтернет сайтів, оперативності та динамічності. Саме після цього для радіо почався новий етап.

Ключові слова: трансляція, FM- частота, місцеве законодавство, міжнародні стандарти, вимога приватних компаній, вимоги ББС, передачі радіо «Свобода», трансляційна технологія радіо «Голос Америки».

Nasibova A. M. Reasons for stop of the broadcasting on local frequencies Radio “Liberty”, “Voice of America” and “BBC” (restriction of speech and expression freedom or local regulations) / A. M. Nasibova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 262–267.

Emerging at the beginning of the last century by the leading countries of the world and intended for a foreign audience external broadcasting service of Radio Liberty, Voice of America and BBC had a big role without frontiers. And today, having sufficient audience Voice of America, BBC and Freedom in the Azerbaijani language can be divided into two historical phases: the first phase - a period of broadcast transmissions for the Federal Republic of Azerbaijan, which was part of the Soviet Union, and the second phase - a period when Azerbaijan gained independence. After Azerbaijan gained independence, these radio began broadcasting freely on local waves and opted for a more qualitative broadcasting technology. After gaining independence Azerbaijani radio “Freedom”, “Voice of America” and “BBC” take an agreement with the Azerbaijani government to broadcast on local radio frequencies. However, from January 1st of 2009 foreign radio companies was denied a license to broadcast on frequencies of local private radio companies on a contract basis and the individual frequencies provided for international radio. This measure was ambiguous perceived in society. National Committee for Radio and Television said that the legality of this decision based on the Azerbaijan legislation. At the moment, restoring radio broadcasting negotiations between the parties are continuing. Recent results of these negotiations will be known after the decision by President Ilham Aliyev. “Starting from January 1st of 2009 the radio started to give more preference to the activities of their web sites, speed and agility. It was after this the radio began a new phase”.

Keywords: Broadcast, FM frequency, local legislation, international standards and the requirement of private companies, the requirements of the BBC, radio “Freedom”, translational technology, radio “Voice of America”.

Поступила в редакцію 03.03.2014 г.

К ВОПРОСУ О РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Пириева Т. Н.

*Азербайджанский Университет Языков
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В наши дни рекламный текст рассматривается учёными-лингвистами как источник, представляющий интерес с точки зрения изучения современной языковой картины. В изучении языковой картины мира, а также в выявлении специфических черт модели мира того или иного народа нам помогает реклама, со всеми своими особенностями.

На основании проведенного практического анализа рекламных текстов из французских журналов «Elle», « Express», « Le Nouvel Observateur» и «Le français dans le monde», нами были выделены характерные особенности рекламных текстов, которые приведены в научной работе.

Ключевые слова: реклама, рекламный текст, метафора, аллитерация, ассонанс, рифма, ритм, повтор, противопоставление, сравнение, гипербола, синекдоха, риторический вопрос

Постановка проблемы. В наши дни рекламный текст рассматривается учёными-лингвистами как источник, представляющий интерес с точки зрения изучения современной языковой картины. В изучении языковой картины мира, а также в выявлении специфических черт модели мира того или иного народа нам помогает реклама, со всеми своими особенностями.

Слово «**реклама**» происходит от латинского глагола «*reclamare*», что обозначает «утверждать, выкрикивать, протестовать» и является частью маркетинговых коммуникаций, где распространяются информации рекламной индустрии для привлечения внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему. Но, сегодня реклама вызывает большой интерес не только у производителей реклам и их распространителей, но и у лингвистов. О чём свидетельствуют многочисленные лингвистические исследования в странах зарубежья, но и в нашей, стране [17; 18; 19 и др], затрагивающие разные аспекты её изучения: например, Розенталь Д.Э., Кохтев Н.Н. изучают композиционную структуру рекламного сообщения [9]; его синтаксические, семантические или стилистические особенности изучаются Винарской Л.С., Басовой Г. В. [4; 2] Балабановой И.Я. [3]; Бохман К, Жув М. [12; 14]. Адам Ж. М., Воном М. [11].

В рекламе соединились многие ключевые моменты функционирования сознания общества, взаимодействия техники, технологии и языковые и культурные понятия.

Изучение наивной картины мира становится все более актуальным в связи с новыми задачами, встающими перед современной лингвистики по описанию языковых значений, вскрытию фундаментальных принципов их формирования, выявлению универсальных и национально специфических черт. Они помогут вскрыть универсальные черты и национальное своеобразие представлений о внеязыковой действительности, таких фундаментальных ее категориях, как пространство и время. Это становится важным на современном этапе развития лингвистики, когда "реконструкция "наивной модели" мира на основе полного описания лексических и грамма-

тических значений начинает рассматриваться как сверхзадача семантики и лексикографии" [1, 6].

Существуют разнообразные определения рекламы. С.И. Ожегов в своем словаре приводит следующее определение: "Реклама – это оповещение различными способами для создания широкой известности, с целью привлечения потребителей, зрителей и т.п." [8, 587].

На основании проведенного практического анализа рекламных текстов из французских журналов « Elle », « Express », « Le Nouvel Observateur » и « Le français dans le monde », нами были выделены следующие особенности:

– рекламные тексты состоят из 4-10 слов и со временем они становятся все более лаконичными и легко запоминаются: "Avec Carrefour, je positive" (супермаркет *Carrefour*) и становятся стереотипными - "La vie Auchan" (супермаркет *Auchan*); "Ticket chic, ticket choc" (*RATP*) и др.

– убедительность в рекламном тексте преобладает над информативностью: "Tout dire sans un mot" (Ланком, духи "Поэма"), "Avec Crusoé vous êtes sur la bonne piste" (Конвенция Круозе, Народный Банк Запада);

– аттрактивность и заинтригованность рекламного текста, необходимые компоненты для того, чтобы завладеть вниманием потребителя и склонить его к приобретению данного товара:

Toutes les vertus sont dans les fleurs,
Toutes les fleurs sont dans le miel,
Le miel Trubert (мёд Трюбер);

- или же другой пример : "Pour que demain ait toujours du goût" (сливочное масло *Paysan Breton*);

– использование стилистических средств, "мощных механизмов воздействия на покупателя", усиливающих экспрессию и придающих рекламе глубокий смысл:

*метафора - "Venez vitaminer votre français!"

*повтор - "ça fait bien ou ça fait mal" (медикамент Синтоль), "De plus en plus forts, de plus en plus longs" (шампунь Гарнье),

*противопоставление - "Même mouillés ils sont secs", "Plus proche pour aller plus loin" (Трансатлантический Банк), "L'élégance... en toute simplicité" (цифровой фотоаппарат *Kodak Easy Share*),

*сравнение - "Conforama, le pays où la vie est moins chère",

*гипербола - "Une avance qui n'en finit pas",

*синекдоха - "L'ardoise ne se regrette jamais" (Кровельная плитка),

*риторический вопрос - "En panne d'argent cash à Paris?" (денежные переводы *Western Union*), "Et si vous invitiez un Grand Blanc à l'apéritif?" (Эльзасские вина *Les Grands Blancs*), "Tu t'es vu quand t'as bu?", "Le champagne le plus dégusté au monde? Dites un nom au hasard..." (*Les Champagnes de Vignerons*).

Использование фонетических (эвфонических и метрических) средств оформления рекламных текстов:

*аллитерация - "Chic, choc, chouette, dimanche", (Кока Кола);

*ассонанс - “Michigan. Toujours devant” (Садовая мебель), а также “Chambourcy oh oui!”, “On a toujours besoin de petits pois chez soi”;

*рифма и ритм - “Mettez du fruit dans votre vie” (варенье Андорс), “Diffazur pures et dures” (бассейн Диффазюр), “Découvrez l’art du café. Entrez en amateur, dégustez en connaisseur” (кофе “Жак Вабр”), “Carapelli. Tout en elle chante l’Italie” (оливковое масло Карапелли), “Zorro est arrivé. Sans stresser” (RATP).

Во французской рекламе нашли отражение характерные черты французского народа, в том числе чувство юмора и склонность к шутке. Особенно ярко они проявляются в рекламах, построенных на *игре слов* (каламбуре). Рекламный текст “La couleur, c’est l’Avi” (живопись *L’Avi*) следует понимать и читать как “La couleur, c’est la vie”, а рекламу “La forme, je la dors” следует понимать и читать как “La forme, je l’adore”.

Для большей мотивации рекламодатели обращаются к образным фразеологическим единицам, используя при *этом пословицы и поговорки*: “Le tabac du plus fort est toujours le meilleur” (Табак Самсон), “Qui goûtera, sçoîra” (вино Сюзе). А. Г. Маммадова считает, что пословица «İt hürüyər karvan keçər» дала по аналогии «Собака лает, ветер уносит». Что в свою очередь дал во французском рекламном тексте “Les chiens aboient, Lee Cooper passe” и таких как “L’appétit vient avec Vivagel” (замороженные продукты питания, и особенности рыбные изделия Виважель), “Aide-moi, Contrex t’aidera!” (минеральная вода Контрекс), “Ecusson oblige” (сидр Экюссон) [7:155].

Намек на *название произведений или известные высказывания* также притягивает внимание покупателя: “Le rouge et le soir”, по аналогии с романом Стендаля “Le Rouge et Le Noir” (Красное и черное), “A la recherche du teint perdu”, по аналогии с романом Марселя Пруста “A la recherche du temps perdu” (“В поисках утраченного времени”), “En attendant Godiva”, пьеса С. Бекетта “En attendant Godot, Oh! Les beaux jours”.

Рекламисты используют для привлечения внимания потребителя также и *выдержки из произведений*: “La montre de Danglars, chef-d’oeuvre de Breguet, qu’il avait remontée avec soin la veille (...) sonna cinq heures et demie du matin” (Брегет, наручные часы “Grande Complication”), роман Александра Дюма “Le comte de Monte Cristo” (“Граф Монте-Кристо”).

Очень часто название фирмы, которая представляет продукт, является составной частью рекламных формул и стоит в самом начале для того, чтобы привлечь внимание покупателя, ориентируя его на ассоциации с уже известными приобретенными ранее товарами данной фирмы: - “Cool Wool. Pour ne plus choisir entre la laine et l’été”, “Eau de Cologne Hermès. Le plaisir après le plaisir”, “Trussardi Skin. Le nouveau parfum féminin”, “Breguet. La passion laisse des traces” (наручные часы Брегет), “L’air du Temps (Нина Риччи) se porte comme un espoir”, “Blédina s’engage à vous offrir le meilleur de la nature” (Бледино, питание для малышей), “San Pellegrino. Vivre en Italien” (минеральная вода Сан Пеллегрино) или в конце рекламного слогана (“L’appétit vient avec Vivagel” (продукты питания Виважель), “La légèreté d’une mousse, la fraîcheur d’un yaourt, mousse d’yaourt de Danone” (йогурт Данон), “Quand c’est bon, c’est Bonduelle” (консервы Бондюэль) и др.

Одной из важнейших составляющих французского рекламного текста является *заголовок*, главная функция которого – заинтриговать и побудить покупателя к дальнейшему знакомству с рекламной формулой: “La beauté a sa légende. Qui mieux qu’une femme pouvait révéler la beauté des femmes” (нижнее бельё Симон Перель); “Une technologie de légende dans un soin contour des yeux. Toute l’expertise d’Advanced Night Repair adaptée au contour de l’œil” (Эсте Лодер).

Ономастический материал является также объектом исследования в рекламах Имена собственные ярких личностей находят свое отражение во французской рекламе: “Le choix d’Anna Kournikova. L’Omega Speedmaster associe a sa remarquable beauté un exceptionnel patrimoine horloger. A l’image du modèle Speedmaster avec lunette sertie de diamants qu’elle porte, seule la vedette de tennis Anna Kournikova réussit a concilier aussi parfaitement charme et performance” (наручные часы Омега Спидмастер); “Création Hubert, Isabelle d’Ornano pour Sisley” (вечерные духи Сислей).

Французская реклама, как и реклама других западноевропейских государств подвержена влиянию английского языка: “Bye bye monotonie” (посуда Люминарк); “Naf naf, le grand méchant look”; “Home sweet home” - во французском языке говорится про телеканал TV 5”. Вкрапление в рекламный текст английских слов придает рекламе новизну, делает ее более привлекательной и современной, отражая тенденции интенсивного заимствования англицизмов французским языком.

Нельзя не отметить и гендерный фактор в рекламном тексте. Рекламодатели умело используют особенности женской и мужской психологии и речи для привлечения потенциальных покупателей. Для того чтобы привлечь внимание женщины, обольстить и, в конечном счете, убедить её в необходимости приобретения данного товара, рекламодатели делают рекламу более привлекательной, яркой и выразительной. Поскольку женщина ассоциируется в обществе с чувственностью и речь её по сравнению с мужчиной более эмоциональна, то и в рекламном тексте много эпитетов, метафор, сравнений, образных слов, междометий: “C’est nouveau, c’est voluptueux, c’est la première mousse solaire” (Нивеа, крем для лица), “Sentir bon, se sentir bien” (Кларинсовая вода), “Fou d’elle” (духи ТЭД Лапидус). Недосказанность возбуждает воображение женщины и заставляет её мечтать: “Couleur intense, peau sublime...” (солнечный гель Льерак), “Nuit d’organdi...” (Двойные занавески).

Рекламодатели не забывают о том, что женщины в своей речи чаще используют конкретные существительные: “Parce qu’une femme est une femme” (Р. Маржур, одежда), “Plus qu’une mode un mode de vie” (Амур - люкс, одежда), “La mode à fleur de peau” (Ситекс, нижнее бельё), “C’est peut-être un détail, mais c’est un Chantelle” (Шантель, бижутерия). Иногда для большей убедительности и солидности прибегают к использованию инфинитива глагола: “Nourrir et revitaliser les cheveux secs et très secs” (Карите, шампунь). Побудительные предложения и разговорный стиль позволяют рекламодателю заинтересовать и расположить к себе женщину-потребителя: “Bronzage, j’optimise!” (Фито), “Séchez sans déshydrater!” (Видадь Сассон, фен), “Attention! Vaisselle fragile!” (Бош, посудомоечная машина); “Tu es une fleur!” (Эммануэль Унгаро, духи “Fleur de Paris”), “ – Ma beauté? – C’est le teint! – Mon teint? – Célestins!” (Виши Селестэн, минеральная вода) и тд.

Что касается рекламы для мужчин, то рекламодатели стремятся отразить его силу, мужественность. Словесный репертуар рекламных текстов заметно отличается. Реклама для мужчин более сдержанна и менее эмоциональна. В ней наблюдается преобладание рациональной оценки, стремление к точности: «Eau d'orange verte, verte avec un grand éclat d'orange» (Гермес Париж); “Azzaro pour les hommes qui aiment les femmes qui aiment les hommes”, “Très mâle, très bien” (Нижнее бельё).

Выводы и перспективы. Реклама социально направлена и обусловлена избирательностью относительно аудитории – это одна из её отличительных черт, которая является знаком принадлежности человека к определенному слою: “Une femme élégante est cliente du Printemps” (Универмаг Printemps), “Le plus parisien des Grands magasins” (Универмаг Printemps).

Главная стратегия разработчиков рекламы – это добиться практическую цель, убедить клиента в необходимости приобретения товара. Рекламные формулы созданы соответственно классическим нормам риторики, имея поэтический ритм и рифму. Разработчики рекламы проявляют значительную лингвистическую сноровку, употребляя при этом множество стилистических средств выражения чтобы повлиять на публику.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. // Семиотика и информатика. Вып 28. М., 1986, стр. 5-33.
2. Баева Г.В. Семантико-прагматические особенности вербальных и невербальных знаков в рекламном дискурсе (на материале немецкой пресс-рекламы). Автореф. дис. канд. филол. наук. – Тамбов, 2000. -24, стр.
3. Балабанова И.Я. Семантика и прагматика рекламного дискурса (на материале французского и русского языков): Автореф. дис. канд. филол. наук. Казань, 2004. – 24 стр.
4. Винарская Л.С. Информационная структура рекламного текста (на материале фр. печат. текстов). Автореф. дис. канд. филол. наук. -1995. – 23 стр.
5. Захарова Н.Ю. Язык немецкой рекламы // Вопросы исследования и преподавания иностранных языков: Межвузовский тематический сборник. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. –, стр. 316-320.
6. Карамышева Т.В., Иванченко А.И. Реклама как компонент межкультурной коммуникации // Уроки французского языка. – СПб. : КАРО, 2001. –, стр. 105-136.
7. Маммадова А. Г. Лексический аспект рекламного текста. Вопросы филологии. № 7. Баку- 2013, стр. 154-158.
8. Ожегов С.И. Словарь. – М.: Русский язык, 1986. – 797, стр.
9. Розенталь Д.Э., Кохтев Н.Н. Язык рекламных текстов. М.: Высшая школа, 1989. – 180, стр.
10. Толковый словарь иностранных слов в русском языке / Т.В. Новик, В.А. Суханова. – Смоленск.: Русич, 2000. – 592, стр.
11. Adam J. – M., Bonhomme M. L'argumentation publicitaire. Rhétorique de l'éloge et de la persuasion P. : Armand Colin, 2005. – 239 p.
12. Bochmann K. Les fonctions de la langue// Langue française, 1975. – Vol. 28. № 1. p. 29-38.
13. Chantelaue O. Politique et publicité // Le français dans le monde. – 1987. – № 207. Fiches pratiques.
14. Duverger M., May F., Moriot D. Lisez, ça n'a rien à voir // Le français dans le monde. – 1995. – № 275.
15. Jouve M. La Communication publicitaire. P. : Bréal, 1991. 223 p.
16. La communication par l'image / Ch. Cadet, R. Charles, J. – L. Galus. – Paris: Nathan, 1990. – P. 159.
17. Axundov A. Dilin estetikası. Bakı, Yazıcı, 1985, 224 səh.
18. Əliyeva D. Toponimlərin üslubi - linqvistik xüsusiyyətləri. Bakı. Maarif. 2002. 100 səh.
19. Xudiyev N. Radio, televiziya və bədii dil. Bakı. Azərbaycan Dövlət Nəşriyyatı. 2002. 656 səh.

Пірієва Т. Н. Щодо питання про рекламні тексти / Т. Н. Пірієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 268–273.

У наші дні рекламний текст розглядається вченими-лінгвістами як джерело інформації, що представляє інтерес з точки зору вивчення сучасної мовної картини. У вивченні мовної картини світу, а також у виявленні специфічних рис моделі світу того чи іншого народу нам допомагає реклама, з усіма своїми особливостями.

На підставі проведеного практичного аналізу рекламних текстів із французьких журналів «Elle», «Express», «Le Nouvel Observateur» і «Le français dans le monde», нами були виділені характерні особливості рекламних текстів, які наведені в науковій роботі.

Ключові слова: реклама, рекламний текст, метафора, алітерація, асонанс, рима, ритм, повтор, протиставлення, порівняння, гіпербола, синекдоха, риторичне питання

Pirieva T. N. On the question of advertising texts / T. N. Pirieva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 268–273.

Nowadays advertising text is considered by linguists as a source of interest for the modern language picture study. Advertising with all its peculiarities helps us in the study of the linguistic picture of the world, as well as identifying the specific features of the world model or people.

Basing on the practical analysis of advertising texts of the French magazines «Elle», «Express», «Le Nouvel Observateur» and «Le français dans le monde» we have identified the following features: advertising texts consist of 4-10 words and eventually they becoming more concise and easy to remember and become stereotyped; credibility in the advertising text dominates informativeness; attractiveness and intrigue are the necessary components to capture the consumers' attention and to persuade them to buy this product; using of the stylistic means "powerful mechanisms to influence on the buyer", intensifying, giving expression and deeper meaning to advertising: metaphor, repetition, contrast, comparison, hyperbole, synecdoche, a rhetorical question, using phonetic (euphonic and metric) means of promotional texts: alliteration, assonance, rhyme and rhythm.

The French advertising reflected the characteristics of the French people, including a sense of humor and a tendency to joke. Vividly they appear in commercials, built on wordplay. One important component of the French advertising text is the title, which primary function is to intrigue and entice the buyer to further acquaintance with the advertising claims.

Keywords: advertising, promotional text, metaphor, alliteration, assonance, rhyme, rhythm, repetition, contrast, comparison, hyperbole, synecdoche, a rhetorical question.

Поступила в редакцію 03.03.2014 г.

УДК 811.512.62

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ, ИЗДАННЫЕ В 1990 – 2000 гг.

Пасиева С. А.

*Азербайджанский государственный педагогический университет
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В научной работе автором исследованы лингвистические словари, изданные в 1990-2000гг. При составлении словарей какого-либо языка соблюдается принцип алфавитного ряда того языка. Точнее, выбранные для составления слова выстраиваются в алфавитном порядке. Кроме этих общих принципов составления словарей, в зависимости от цели, характера составляемого словаря, по каждому виду словаря существуют особые принципы составления. Отображающие в себе слова того или иного языка словари по своему общему уровню, в первую очередь, делятся на 2 большие группы. В работе автор приводит несколько классификаций словарей. Например, Джафаров в «Лексике», второй части «Современного азербайджанского языка», эту классификацию преподносит следующим образом: во-первых, энциклопедические словари, их в нашем языке называют и *qatius* (словарь), и во-вторых, филологические словари. В 1990-2000 гг. в лексикографии азербайджанского языка было достигнуто издание многих словарей. В начной статье приведен список всех опубликованных словарей за период с 1990-2000 года.

Ключевые слова: лексикография, лингвистические словари.

Постановка проблемы. При составлении словарей какого-либо языка соблюдается принцип алфавитного ряда того языка. Точнее, выбранные для составления слова выстраиваются в алфавитном порядке. Кроме этих общих принципов составления словарей, в зависимости от цели, характера составляемого словаря, по каждому виду словаря существуют особые принципы составления. Отображающие в себе слова того или иного языка словари по своему общему уровню, в первую очередь, делятся на 2 большие группы.

С.Джафаров в «Лексике», второй части «Современного азербайджанского языка», эту классификацию преподносит следующим образом: во-первых, энциклопедические словари, их в нашем языке называют и *qatius* (словарь), и во-вторых, филологические словари.

Г.А.Гасанов же в своей книге «Лексика современного азербайджанского языка» преподнес это деление в несколько отличающемся виде. Он делит словари по содержанию и характеру – по тому, как объясняется слово или понятие – на 5 групп: 1. Филологические словари; 2. Идеографические словари; 3. Энциклопедические словари; 4. Учебные словари; 5. Частотные словари.

С.Джафаров подчеркивал, что основными объектами лингвистических словарей являются слова. По своим особенностям есть много видов и у лингвистических словарей. Они, во-первых, делятся на 2 части – одноязычные и многоязычные словари. В одноязычных словарях слова этого языка объясняются с различных сторон. В качестве примера таких словарей можно назвать этимологический словарь, толковый, диалектологический, орфографический, словари синонимов, омонимов, антонимов, терминологический, заимствованных слов и фразеологических словарей [2, 106-107; 3, 235].

Многоязычные словари называют переводческими. Такие словари, могущие быть двуязычными и более многоязычными, отличаются и по участию в составлении словаря первого языка. Примером им могут быть «русско-азербайджанский», «азербайджано-русский», «русско-английский», «англо-русский», «персидско-русско-азербайджанский» и т.д.

В целом, есть следующие виды лингвистических словарей: переводческие словари, толковые словари, словарь омонимов, словарь синонимов, фразеологические словари, диалектологические словари, терминологические словари, этимологические словари, исторические словари, словари иностранных слов, орфографические словари, орфоэпические словари, ономастические словари и пр. В 1990-2000 гг. в лексикографии азербайджанского языка было достигнуто издание многих словарей. Если упорядоченно систематизировать их, то получается следующее разделение

1. Изданные в 1990 году лингвистические словари азербайджанского языка: «Русско – азербайджанский словарь». I том, «Русско – азербайджанский словарь»⁷. II том, И.Рагимов «Азербайджано – английский словарь», Исмаил Мамедов, Хасрат Гасанов «Словарь синонимов азербайджанского языка»

2. Изданные в 1991 году лингвистические словари азербайджанского языка: «Русско – азербайджанский словарь». III том, «Русско – азербайджанский словарь управленческих терминов», Фархад Алекперов «Словарь родственных слов арабского происхождения», «Словарь паронимии и паронимии азербайджанского языка», «Азербайджано – русский, русско – азербайджанский словарь», «Словарь на азербайджанском, английском и русском языках с картинками».

3. Изданные в 1992 году лингвистические словари азербайджанского языка: «Талышско-азербайджанский словарь школьника», «Тюрко-азербайджанский словарь».

4. Изданные в 1993 году лингвистические словари азербайджанского языка: «Комментарий имен и терминов, используемых в азербайджанской классической литературе», М.М.Сеидов «Русско – азербайджанский толковый словарь военных терминов», «Словарь ударений», Мусарза Мирзоев «Краткий толковый словарь талышских топонимов», «Русско – азербайджанский словарь терминов рыночной экономики», Ж.Г.Халилов, М.И.Джавлалов «Азербайджано – немецкий словарь».

5. Изданные в 1994 году лингвистические словари азербайджанского языка: Имдад Тагиев «Словарь радиотехнических терминов», «Англо-азербайджанский словарь», I часть.

6. Изданный в 1995 году лингвистический словарь азербайджанского языка: Фарида Ляман «Словарь эпитетов азербайджанского художественного языка».

7. Изданные в 1996 году лингвистические словари азербайджанского языка: «Словарь геологических терминов», Азиз Эфендизаде «Орфографическо-орфоэпический словарь».

8. Изданные в 1997 году лингвистические словари азербайджанского языка: М.Ж.Халилов, Ф.Ш.Алиев «Толковый экологический словарь», «Азербайджано-русский словарь», III том, «Толковый словарь азербайджанского языка» I том, Валех Гаджиев, Насиб Насибов «Азербайджано-грузинский и грузино-азербайджанский словарь», «Русско – азербайджанский словарь».

9. Изданные в 1998 году лингвистические словари азербайджанского языка: Б.А.Будагов, Г.А.Гейбуллаев «Толковый словарь топонимов азербайджанского происхождения в Армении», Саялы Садыгова «Толковый словарь физико-математических терминов на азербайджанском языке», «Азербайджано-английский словарь», Айдын Абыев «Толковый словарь азербайджано-тюркских личных имен».

10. Изданные в 1999 году лингвистические словари азербайджанского языка: «Азербайджанский диалектологический словарь», Мамедали Магеррамов «Толковый психологический словарь», «Акиф Аббасов, Хумар Асимкызы «Англо-азербайджанский педагогико-психологический словарь», «Толковый словарь азербайджанского языка», II том, Б.А.Ахмедов «Этимологический словарь азербайджанского языка», «Азербайджано-английский словарь».

11. Изданные в 2000 году лингвистические словари азербайджанского языка: «Толковый словарь азербайджанского языка», III том, Р.М.Караев «Русско-азербайджанский юридический словарь», «Азербайджано-русский словарь», IV том, Фархад Мазамли, Яшар Алхасов «Азербайджано-русский словарь слов арабского происхождения», Низами Джафаров «Словарь азербайджанских мольб».

Академик В.В.Виноградов писал, что основным объектом лексикографии является объяснение и определение значения слова. Это основное условие для составления словарей. Методы объяснения значения слова служат его объяснению и переводу. В филологических словарях объясняется значение слова или же дается его перевод. И поэтому филологические словари можно поделить на 2 группы: 1) одноязычные – толковые словари; 2) двуязычные переводческие словари.

Видами одноязычных словарей являются: 1) толковый словарь литературного языка; 2) диалектологический словарь; 3) терминологический словарь; 4) словарь иностранных слов; 5) словарь синонимов; 6) словарь омонимов; 7) словарь антонимов; 8) физиологический словарь; 9) исторический словарь; 10) этимологический словарь; 11) орфоэпический словарь; 12) орфографический словарь.

Толковые словари занимают важное место среди филологических словарей. Этому есть 2 причины: во-первых, толковые словари раскрывают самые важные признаки слова – их значения, во-вторых, эти словари не ограничиваются только объяснением значения слова.

Первым применившим слово «толковый» в лексикографии был В.И.Даль. Самым значимым из всех словарей является толковый словарь. Толковый словарь выстраивается на основе норм литературного языка. Поскольку толковые словари являются словарями современного языка, в них особое внимание уделяется активно применяемым в современном языке словам. В толковых словарях показывается лексическое значение, грамматические особенности, использование, экспрессивно-стилистические нюансы, создание слов. Слова объясняются и семантически, и стилистически. Профессор А.П.Евгеньева пишет о задаче толкового словаря: «Задача каждого толкового словаря заключается не только в объяснении значения отдельного слова, но также и в раскрытии и демонстрации его позиции в лексической системе языка, лексических грамматических связей. Лексико-грамматическая сторона же находит свое отображение в применении однотипных методов объяснения в системе определений тех или иных групп слов».

В толковых словарях основным является объяснение не вещей и событий, а лексико-грамматического значения слова. В подобных словарях наряду с объяснением значения одного слова рассматриваются и устоявшиеся словосочетания. Можно сказать, что задача каждого толковый словарь заключается не только в объяснении значений отдельного слова, но также и в раскрытии его занимаемой им позиции в лексической системе языка лексико-грамматических связей. В толковом словаре основной задачей является объяснение терминов, семантическое использование близких по смыслу слов, объяснение слов посредством синонимов и пр.

В составлении толковых словарей используются описание, синонимичное описание, лексические, грамматические, комбинаторные методы и т.д.

Материальную базу толковых словарей составляет список, картотека, глоссарий и пр., теоретическую базу же составляют принципы составления словарного глоссария, определение лексико-грамматических значений слов в отношении друг друга, стилистические знаки, выбор и выделение фразеологических единиц, выбор наглядных материалов и др. Объем толковых словарей определяется пониманием терминов современного литературного языка, видами нормативных словарей и степенью усовершенствования норм литературного языка.

Толковые словари выявляют лексический состав языка, не переводя на другой язык, определяют значение слова. Толковые словари, будучи главными и единственными работами, систематизирующими словарный состав языка, считаются основным источником лексического материала языка.

Толковые словари создаются с целью демонстрации нормализации, обогащения языка и насыщения словарного состава того или иного языка. Выбор слов, подача в словаре, фиксация грамматических и стилистических особенностей показывает нормативность толкового словаря. И поэтому толковые словари называют еще и нормативными словарями. Каждый человек для самопроверки и порой даже нахождения нужного ему слова обращается в нормативные словари.

Опыт составления толкового словаря показывает, что для размещения слов разного вида и объема самым выгодным способом является алфавитный способ. Этот способ требует ясного и однотипного построения словаря. Словарная статья в толковом словаре строится следующим образом: сначала объясняется главное значение слова, затем смысловые оттенки. Для донесения основного значения слова и смысловых оттенков приводятся несколько примеров. Значения слов подаются ясно и сжато. Используются сокращения, показывающие к какой части речи относятся и из какого языка происходят слова, перед переносным значением дается сокращение слова. С целью донесения до читателя слов, не используемых по отдельности, они даются в составе слов и фразеологических оборотов, или же приводятся примеры из художественных произведений.

В толковые словари входят, преимущественно, общеупотребительные слова. В них особые термины, используемые в различных отраслях науки, географические названия, собственные имена, прилагательные, диалектные слова и пр. даются только в определенных случаях. Например, диалектные слова, которые могут быть материалом для общенародного языка, собственные названия, используемые как общие слова (слово бостон в значении ткани), прилагательные, применяясь вместе с

существительными, выражающиеся одно понятие (красный уголок) могут быть включены в толковые словари. В целом, в толковых словарях об этимологии слова информация не дается. А подача порой в подобных словарях сведений об этимологии иностранного слова представляет собой исключение. Омонимы в словаре подаются в качестве самостоятельной словарной статьи отдельными цифрами (римскими или арабскими), синонимы отделяются запятыми. Источниками данных в словаре цитат являются известные художественные, научные и политические произведения. Обычно авторы и названия произведений, процитированных в словаре, указываются. В словаре после лексического значения слова показывается его грамматическая форма. В толковых словарях пути толкования слов зависят от объема, вида и строения словаря. В советский период в большей степени составлялись нормативные типы толковых словарей (общего пользования, упрощенные).

Принимавший во внимание то, что толковые словари играют большую роль в жизни народа В.И. Ленин подчеркивал, что «Толковый словарь» Даля является особой энциклопедией жизни русского народа первой половины XIX века. Истинной патриотической самоотверженностью любящего свой народ человека.

Толковые словари составляются двояко: 1) охватывается вся лексика языка – материалы и литературного, и народного языка; 2) охватывается определенная часть языка – или используемые в литературной речи, или в произведении какого-либо писателя слова.

В словаре писателя должен быть охвачен определенный период словарного состава литературного языка. В словаре должен быть продемонстрирован индивидуальный литературный стиль писателя. Некоторые словари бывают справочного типа. Этому примером может быть «Словарь пушкинского языка».

Примером толкового словаря могут послужить «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, напечатанный под редакцией Д.Н. Ушакова «Толковый словарь русского языка», составленный С.И. Ожеговым однотомный «Словарь русского языка» и «Толковый словарь азербайджанского языка» (I том)

Составление и подготовка к печати толковых словарей занимает много времени. В этот период в словарный состав языка входят новые слова или же некоторые слова становятся архаичными. В силу того, что составление толковых словарей занимает много времени, они не охватывают некоторые новые слова в составе языка. А обновить словарь очень трудно. Должен быть составлен такой словарь, который бы зафиксировал новые слова в словарном составе языка, показал богатство словарного состава этого языка, отобразил материальное и духовное развитие народа. Такой словарь можно назвать словарем новых слов. Словарь новых слов нужен и для изучения опыта, и словарного состава и путем словообразования языка. Словарь новых слов должен быть и толковым, и нормативным. Толковый словарь среди филологических словарей занимает основное место. Этому есть 2 причины. Во-первых, толковый словарь раскрывает самые важные признаки слова – значение, смысловые варианты и смысловые оттенки, во-вторых, этот словарь не ограничивается лишь объяснением слова. Это средство, отражающее богатство, красочность языка.

В учебнике под названием «Теоретические основы азербайджанского словароведения» подчеркивалось, что в словароведении слово толковый впервые использовал В.И.Даль. Он так объяснил причину именования своего словаря толковым: «сначала старается, в настоящем смысле слова, принять значение каждого слова, затем указать на подчиненное понятие, родственность слов, показать связь и образование».

Толковые словари произошли от переводных словарей, развились на основе двуязычных словарей. Глоссарий толкового словаря построен на нормах литературного языка. Являясь словарем современного языка, в нем должно отдаваться предпочтение словам, в большей степени используемым в современном языке. В нем находят свое отображение лексическое значение, грамматические особенности, использование, экспрессивно-стилистические нюансы, появление слова. Слова рассматриваются и семантически, и стилистически. Сюда включаются отражающая различные слои литературного языка лексика, некоторые специальные термины и слова с особым значением, устоявшиеся выражения. В толковых словарях основная задача заключается в объяснении не вещей и событий, а лексико-грамматических значений слова. В подобных словарях наряду со значениями слова, рассматриваются и устоявшиеся словосочетания [1, 205].

Следовательно, задача каждого толкового словаря заключается не только в объяснении значения отдельного слова, но также и в раскрытии и демонстрации его позиции в лексической системе языка, лексических грамматических связей. Толковый словарь создается с целью демонстрации нормализации, обогащения и расширения словарного состава того или иного языка. Выбор слов, подача в словаре, фиксация грамматических и стилистических особенностей показывает нормативность словаря. И поэтому, в толковые словари входят, преимущественно, общеупотребительные слова. В них названия, диалектные слова и др. группы слов не должны даваться.

Толковые словари можно разделить на 3 группы по их цели, задаче и характеру составления:

1. Толковый словарь одного языка. Такие толковые словари охватывают лексику всего языка: включается лингвистический весь материал и в литературной, и народной речи.

2. Толковый словарь литературного языка. В словаре писателя охватывается определенный вид словарного состава литературного языка. В словаре показан индивидуальный литературный стиль писателя. Такие словари, как правило, бывают справочного типа. Толковый словарь как средство, обеспечивающее жизнь созданному народу веками культурному богатству, сообщающее о его прошлом, настоящем, определяет лексику национального языка количественно и качественно. А в отличие от других словарей, толковый словарь выделяется с точки зрения лексики языка, раскрытия семантики слова, глоссария, объема, форме и содержанию, научности и практицизму.

Создание толкового словаря требует решения ряда теоретических вопросов. В учебнике «Теоретические основы азербайджанской лингвистики» то, какие вопросы

в первую очередь должны быть приняты во внимание в толковых словарях, подчеркиваются следующим образом:

1. Принципы составления словаря;
2. Отделение омонимов;
3. Устройство статей словаря;
4. Осмысливание;
5. Система стилистического символизации;
6. Выбор и размещение фразеологизмов;
7. Отображение в словаре связанных друг с другом значений слова и пр.

Доктор филологических наук, профессор Б.Э.Халилов в своей книге «Лексикология современного азербайджанского языка» отмечал, что в составление толкового словаря азербайджанского языка начал в 1945-1946 гг. Предполагалось, что толковый словарь будет состоять из 4 томов. К изданию материала толкового словаря приступили в 1949 году.

А.А.Оруджев говорил, что «Задача каждого толкового словаря заключается не только в объяснении значения отдельного слова, но также и в раскрытии и демонстрации его позиции в лексической системе языка, лексических грамматических связей. Лексико-грамматическая сторона же находит свое отображение в применении однотипных методов объяснения в системе определений тех или иных групп слов.

Изданными в 1990 – 2000 гг. толковыми словарями азербайджанского языка являются следующие:

1. Мусарза Мирзоев «Краткий толковый словарь талышских топонимов».
2. «Толковый словарь азербайджанского языка». I том.
3. «Толковый словарь азербайджанского языка». II том.
4. «Толковый словарь азербайджанского языка». III том.
5. Мамедали Магеррамов «Толковый психологический словарь».
6. М.Ж.Халилов, Ф.Ш.Алиев «Толковый экологический словарь».
7. Айдын Абыев «Толковый словарь азербайджано-тюркских личных имен»
8. Б.А.Будагов, Г.А.Гейбуллаев «Толковый словарь топонимов азербайджанского происхождения в Армении»

В 1993 году «Краткий толковый словарь талышских топонимов» был напечатан в издательстве «Азербайджан». Редактором словаря был Мусарза Мирзоев, рецензентами доктор исторических наук С.М.Онуллахи, кандидат географических наук Эльхан Нуриев. Словарь состоит из 64 страниц. «Краткий толковый словарь талышских топонимов» охватывает населенные пункты Ленкораньского, Астаринского, Лерикского, Ярдымлынского и Масаллинского районов. Автор научно исследовал значение более 500 топонимов, постарался обосновать свои предположения.

Топонимика, будучи греческим словом, является отраслью науки, повествующей об изучении названий мест. У изучения и исследования названий мест есть научно-политическое, духовно-нравственное и историческое значение. Являющиеся составной частью азербайджанской топонимики талышские топонимы обладают своеобразными особенностями. Эти топонимы тесно связаны с языком, историей и геополитическим положением являющихся наследниками самых древних и оседлых народов мира талышей [4, 299-301].

М.Мирзоев в этом представленном читателям словаре, попытавшись раскрыть значение топонимов, взял за основу именно их названия, звучащие на талышском языке. Поскольку топонимы талышского происхождения сохранились в памяти местного населения в неизменном виде. В изучении топонимических названий главную роль играет языковой фактор. Не зная язык местных народов изучить его топонимы невозможно. «Краткий толковый словарь талышских топонимов» может сыграть значимую роль в изучении и пропаганде талышских топонимов.

В 1997 году I том «Толкового словаря азербайджанского языка» был издан в типографии «Чыраг». Изданный в 3 томах «Толковый словарь азербайджанского языка» отображает словарный состав азербайджанского языка. В словаре даны значения и оттенки значения слов, особенно нашли себе место вошедшие в последние годы новые слова и выражения. В этот том вошли слова, начинающиеся на буквы «А-З».

Выводы и перспективы. Словарь состоит из 452 страниц. «Толковый словарь азербайджанского языка» (в 3 томах) не является повторением изданного под редакцией выдающегося азербайджанского лексикографа, покойного профессора А.Оруджева знаменитого четырехтомного толкового словаря азербайджанского языка. Между обоими словарями наряду со схожими чертами, есть и серьезные различия.

Литература

1. Теоретические основы азербайджанского словароведения. Учебное пособие. – Баку: Издательство Бакинского университета, 1999, 336 стр.
2. Джафаров С. Современный азербайджанский язык. – Баку: Просвещение, 1970, 235 стр.
3. Гасанов Г.А. Лексика современного азербайджанского языка. – Баку: Просвещение, 1988, 248 стр.
4. Халилов Б. Лексикология современного азербайджанского языка. – Баку: 2008, 442 стр.

Пасієва С. А. Лінгвістичні словники, видані в 1990 - 2000 рр. / С. А. Пасієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 274–282.

У науковій роботі автором досліджено лінгвістичні словники, видані в 1990- 2000рр. При складанні словників будь-якої мови дотримується принцип алфавітного ряду тієї мови. Крім цих загальних принципів складання словників, в залежності від мети, характеру словника, по кожному виду словника існують особливі принципи складання. У роботі автор наводить кілька класифікацій словників. Наприклад, Джафаров в «Лексикі», другій частини «Сучасної азербайджанської мови» цю класифікацію підносить таким чином: по-перше, енциклопедичні словники, їх у нашій мові називають qamus (словник), і по-друге, філологічні словники. У 1990-2000 рр.. в лексикографії азербайджанської мови було видано багато словників. У статті наведено список усіх опублікованих словників за період з 1990-2000 року.

Ключові слова: лексикографія, лінгвістичні словники.

Pasieva S. A. Linguistic dictionaries published in 1990-2000 years / S. A. Pasieva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 274–282.

In a study the authors investigated the linguistic dictionaries published in 1990-2000. In compiling of dictionaries by any language is used the principle of alphabetical series of language. Precisely selected to make up the words are arranged in alphabetical order. In addition to these general principles of compiling dictionaries, depending on the purpose, nature of a compiling dictionary, for each type of dictionaries there are specific principles of drawing. Displaying a word of any language dictionaries in its general level, primar-

ily divided into two large groups. In this paper the author gives several classifications of dictionaries. For example, in S.Dzhafarov's "Vocabulary", the second part of "Contemporary Azerbaijani Language", this classification presents as follows: firstly, encyclopedic dictionaries, they called in Azerbaijani language "qamus" (dictionary), and secondly, philological dictionaries. But G.A.Gasanov in his book "The lexicon of modern Azerbaijani language" presented this division in different form. He divides dictionaries by content and character by the explanation way of the word or concept into 5 groups: 1. Philological dictionaries; 2. Ideographic dictionaries; 3. Encyclopedic dictionary; 4. Educational dictionaries; 5. Frequency dictionaries. In general, there are the following types of language dictionaries: translational dictionaries, dictionary of homonyms, synonyms dictionary, phraseological dictionaries, dialectological dictionaries, terminological dictionaries, etymological dictionaries, historical dictionaries, dictionaries of foreign words, spelling dictionaries, pronouncing dictionaries, onomastic dictionaries, etc. In the 1990-2000s lexicography in the Azerbaijani language was performed publication of many dictionaries. In scientific article is given the lists of all published dictionaries for the period of 1990-2000s years.

Keywords: lexicography, language dictionaries.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 070.41(=512.19):81'246.2

ТУРЕЦКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ТЕРДЖИМАН»

Короглу Л. А.

*РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», Симферополь, Республика Крым
E-mail: lenura@mail.ru*

Статья посвящается изучению турецких лексических и грамматических эквивалентов на страницах газеты «Терджиман». Главная проблема при исследовании эквивалентов в сфере лексики заключается в том, что процесс заимствования охватывает фонетический, грамматический и словообразовательный уровни взаимодействующих языков и, таким образом, лексические образования могут существенно варьироваться. Тот факт, что базовый словарный состав крымскотатарского и турецкого языков восходит к общему корню, с одной стороны, облегчает лексический анализ, а с другой – делает нашу задачу более сложной. Выявление лексических и грамматических эквивалентов отсутствующих в крымскотатарском языке, но присутствующих в турецком языке, позволяют считать, что лексика заимствовалась И. Гаспринским именно из турецкого языка.

Ключевые слова. Крымскотатарский язык, турецкий язык, интерференция, эквиваленты, вариативность, газета «Терджиман», билингвизм.

Постановка проблемы. Отсутствие письменных источников в век тьмы «Каранлык асры» 1783-1883 гг., который предшествовал эпохе издания газеты «Терджиман», не дает нам возможности говорить о языковой норме в крымскотатарском языке. Лишь на основе накопленных источников и общих знаний о крымскотатарском языке можно говорить о языковой норме, функционирующей во времена И. Гаспринского.

В условиях билингвизма, в формате которого издавалась газета «Терджиман» (она печаталась в двух вариантах – на русском и крымскотатарском языках), часто происходит процесс взаимоперехода лексем из одного языка в другой. Как известно, всякое воздействие одного языка билингва на другой, а также результат этого воздействия, называется интерференцией. Обычно под интерференцией понимают только неконтролируемые процессы, а сознательные заимствования к ней не относят [5].

Заимствование И. Гаспринским каких-либо лексем и грамматических форм из турецкого языка, по нашему убеждению, происходило сознательно, а значит интерференцией это явление называть нельзя. Главная цель ученого-просветителя заключалась в создании общетюркского языка, поэтому он намеренно использовал турецкий язык.

Как известно, носитель языка обнаруживает принадлежность билингва к другой языковой общности, прежде всего, по характеру его произношения, то есть особой фонетической окрашенности речи, вызванной интерферирующим влиянием фонетики родного языка говорящего [1]. И. Гаспринский по происхождению был носителем южнобережного диалекта крымскотатарского языка, грамматические формы которого схожи с турецким языком. Можно ли это назвать влиянием родного говора автора или это влияние широко используемого на письме в ту эпоху старо турецко-

го (османского) языка либо это и есть письменный язык того времени – сейчас говорить очень сложно. Следует заметить, что язык прозы И. Гаспринского отличается от языка газеты. Изафетные конструкции, встречающиеся в его произведениях, настолько сложны, что полностью схожи с языком турецких источников той эпохи.

В редких случаях наблюдается применение эквивалентных лексем из других тюркских языков. Например, «*дильмач*» ('переводчик' на татарском языке) – «*терджиман*» ('переводчик' на крымскотатарском языке).

Анализ отобранного языкового материала показал, что использование турецких эквивалентов на страницах газеты «Терджиман» происходит на морфологическом и лексическо-фразеологическом уровнях.

Характерной чертой *морфологического уровня* является широко распространенная вариативность, присущая тюркскому языку. Из нескольких вариантов, возможных в литературном языке, выбирается только тот, который в большинстве случаев совпадает с турецким аналогом. Выбор варианта нередко подкрепляется наличием подобных форм в крымскотатарских диалектах.

Анализ падежных форм продемонстрировал, что система *имени существительного* не устойчива к влиянию со стороны турецкого языка. Это влияние особенно заметно в существительных родительного, винительного и направительного падежей, что отражено на страницах газеты «Терджиман». Например: *падишах-ынъ* вместо *падишах-нынъ* (кого? падишаха), *татарлар-а* вместо *татарлар-гъа* (кому? татарам), *Франса-йы* вместо *Франса-ны* (кого? что? Францию) и т.д.

«Сан жем газет»ин агъзына бакъылур исе Мысырда китдикче *ингиллизлерин* нюфузы кесилуб *франсызларынъ* сѣзи ве иши илерлумекде имиши. (30.08.1895, №31, Ахбар-ы хариджие. Ингильтере). Вадесиз каторожны Сибирья сюрильмеси хакем идильди. (17.09.1895, №35, Ериван). Бу дефа сѣзи узатмауб Казан газетесинде кордигимиз бир *вакъайы* накъиль иле иктифа идеджегиз. (27.08.1895, №32, Бизим халь ве маишет).

Следует отметить *третий тип изафета*, вид именного словосочетания, где определение выражается формой родительного падежа, а определяемое – формой с аффиксом принадлежности 3-го лица. Третий тип изафета, в зависимости от функций родительного падежа, выражает принадлежность, качественное определение, разделительность. На страницах газеты встречается смешанное употребление изафета, соответствующее грамматикам и крымскотатарского, и турецкого языка. Например: *шехр-ин гюрютюсю* «городской шум», *талебелер-ин одасы* «комната учеников», как в турецком языке. Показательны также примеры, соответствующие крымскотатарской грамматике: *гемилернинъ микъдары* «количество кораблей» (7.01.1894, №1, Ресми газетеден), *хукуметлернинъ политикасы* «политика правительств» (7.01.1894, №1, Ахбар-ы хариджие), *арнаутларнынъ теджавузы* «насилие албанцев» (7.01.1894, №1, Ахбар-ы хариджие),

Причастия на *-гъан, -къан*, свойственные крымскотатарскому языку, отсутствуют, а вместо них применяется форма *-ан, -ян*, свойственная турецкому языку или южнобережному диалекту крымскотатарского языка: *олмаян шейлер* «отсутствующие, небывалые вещи» (7.11.1891, №39, Тасхих), *хиджрет иден муслюман* «переселяющийся мусульманин» (31.10.1891, №38, Мухим бир хукюм).

*Бу кунъде бу ада буз къаплы, яздан **хабери олмаян** бир къытадыр. (30.07.1895, №28). Ёлджы иле берабер **гиден** эшыясында яни багаждан дахи наклие пулы аза-лыёр. (7.08.1894, №28 Тимур ёлларынъ яныъ тарифелери). Зираат незаретининъ шубеси олан зираат идаресининъ беян намеси **гечен** хафта джумле газетелеринде дердж олунды. (15.08.1894, №29, Зираат идареси)*

Активно применяются причастия на **-миш, -мыш**, характерные для турецкого языка: *темизленмиш «почищенный» (8.08.1891, №26, Ахб.дах), дефн олунмыш рус аскери «похороненный русский солдат» (30.07.1891, №25, Бахчесарай), къол къоюл-мыш указ (ферман) (25.11.1891, №41), ерлешмиш мухаджир (31.10.1891, №38, Мухим бир хукюм).*

Межджисинъ азалары яни миллет тарафындан **сайлянмыш** мубавесан. (13.08.1895, №30, Ингильтеренинъ яны парламентосы). Хазрет императорынъ тадж киюм салтанатларына Москва шехриндже идиледжек тедарикин мюзакереси ичюн **сайлянмыш** камисья ишбу агъустос 8-де мушаверее башлады. (30.08.1895, №31, Ахбар-ы дахилие, Москва). Юнанлылар эджнеби лисанлардан **гирмиш** лягъытлара «барбаризм» дерлерди ки, «вахшилик» демектир. (30.08.1895, №31, Лисан саделиги).

Имена действия на **-дыгъы, -диги, -дик** также характерны для турецкого языка и южнобережного диалекта крымскотатарского языка. В современном крымскотатарском языке он заменен на **-гъан, -къан**.— Ахалининъ ясадыгъы переговорлары «переговоры проведенные окружением» (7.11.1891, №39, Ахб. Дах.), дишледиги бир локъумы (18.10.1891, №36, Иран шахы), тюшдиклери ерде (18.10.1891, №36, Министр тешрифи), яздыгъы меселени (10.10.1891, №35, Яныъ низам), кордиги тербие (Вефат наме, 15.10.1895, №39), Бердиги бедель (2.10.1894, №35).

Биз де **алдыгъымызы** сатыёруз (хабер акъкъында). (30.11.1894, №43, Хива). Бир авуч топракъ бир авуч алтуна мукабиль **олдыгъыны** бильмиш киби хидмет идиёрлар. (19.02.1895, №7). Буюк акъчелер **сарф итдиги** малюмдир. (18.11.1894, №41). Аврупа газетелерининъ **дедигине** коре Анатоли шаркъыда къарармыш булутлар халя дагъылмыёрлар. (3.09.1895, №33, Ахб. Хардж. Девлет-и Алие)

Наблюдается в материалах газеты и применение наречий **сонъ** и **сонъра** (потом, после), свойственных обоим языкам: **илериледуктен сонъра** (Матбуат-ы Османие, 17.09.1895, №35), **ишледиктен сонъ** (Къаза, 10.04.1894, №14), в крымскотатарском используется наречие **сонъ**.

Ёдебият ве нешприят бир хайли илериледуктен **сонъра** тенкъид баш костеруб ишини кормелидир. (17.09.1895, №35, Матбуат-ы Османие). Бир хайли ишледиктен **сонъ** рахатланмакъ ичюн тимур соба (бочка) янына келюб ятар. (10.04.1894, №14, Къаза). Орта ятеш тушдикден **сонъ** фехим ве фикре мейдан къалмыёр. (20.02.1894, №7, Мектеб ве сагълыкъ). Шимдиден **сонъра** дюньянынъ дикъкъати ве кози акъ денизде калды. (25.06.1895, №24).

Знание человеком другого языка часто выдает подсознательное употребление им наречий, союзов из другого языка. Этот процесс наблюдается и в настоящее время, когда носители крымскотатарского языка, свободно владеющие турецким языком, не задумываясь, используют турецкие наречия и союзы в крымскотатарской речи. Видимо, эта речевая особенность проявлялась и в идиостиле И. Гаспринского.

О турецком влиянии свидетельствуют местоимения, функционирующие как в турецком языке – личные: **бен, сен, о, биз, сиз, онлар** (я, ты, он, мы, вы, они) (вместо крымскотатарских **мен, сен, о, биз, сиз, олар**); указательные: **бу, шу, о, бунлар, шунлар, онлар** (этот, тот, эти, те) (вместо крымскотатарских **бу, шу, о, булар, шулар, олар**) [6, 145].

На морфемном уровне можно выделить аффиксы сказуемости, свойственные турецкой грамматике: **биз борджлы-й-ыз**, вместо **биз борджлы-мыз** (мы в долгу), характерных для крымскотатарского языка. [6, 126].

Шимди даха илерусини **арамалыйыз**. (23.07.1895, №27, Бахче Сарай). Истер дост насихаты истер хабер суретинде олсун хич бир девлетин ишимизе кириштигини кьабул **итмейиз**. (24.11.1894, №42, Кьытай Япон мухаребеси). Биз **русиелийиз**: русие матбуатынын кендине махсус тарз ифадеси, эшья ве ахвале бакьыш вардыр. (9.04.1895, №14, Матбуат-ы исляме).

Аффиксы **-ын, -ин, -ун, -юн** образуют наречия от имен существительных, обозначающих отрезки, сезоны времени: **язын** ве кьышын «летом, зимой» (5.02.1891, №4, Он сенелик турки), что также характерно для турецкого языка. В крымскотатарском языке применяется форма **язда, кьашта** «летом, зимой».

В крымскотатарском языке отсутствует формообразовательный аффикс настоящего времени **-ёр**, а в газете он активно применяется: **языёрлар** (пишут), **ималь идиёрлар** (производят) (8.03.1891, №8 с.1), **тахсиль идиёрлар** (обучаются) (8.03.1891, №8 Ислахат ве терки); ср. в крымскотатарском языке: **яза** (пишит), **ималь эте** (производит), **тасиль ала** (обучается) и т.д.

Коре кьытасы мустакьыль хукумет тасдик **олунуёр**. (16.04.1895, №15, Ахб.хардж. Японья ве Чин сульхи). Бу кунь бу реваджын ибтидасында **булунуёруз**, адаларда сакин магьоллар яни японлар дирильди. (23.04.1895, №16, Магьоллар). Бойледже малюмат **вирилиёр**. (16.07.1895, №26).

Отметим также, что в крымскотатарском языке не применяется прошедшее неопределенное время глаголов на **-мыш, -миш**, вместо них используется вспомогательный глагол **экен**. Однако в газете функционируют только глагольные формы с **-мыш, -миш**, как в турецком языке и южнобережном диалекте крымскотатарского языка, ср: **зухур итмишдир** (8.03.1891, №8 Ислахат ве терки), **чыкьарамыёрлар имиш** (8.03.1891, №8 вся).

Ялтада аз аз **дуюлмыш**. (15.07.1894, №25). Мемурлара айры айры зияфет софралары **хазырланмыш** иди. (23.08.1894, №30, Дженаб-ы Алининь Ялтада икьамети). Шекерлеме шейлер ве емишлер ве конфет пудындан бир рубле **алынмыш**. (2.10.1894, №35, Маллардан алынан ресми тарифеси).

Таким образом, несоответствия литературным нормам в системе крымскотатарского глагола могут быть объяснены не только влиянием турецкого языка, но и влиянием диалектов.

Довольно отчётливо проявляется использование лексических эквивалентов. Этот языковой уровень является трудным для анализа, особенно когда речь идёт о взаимодействии близкородственных языков. Главная проблема при исследовании эквивалентов в сфере лексики заключается в том, что процесс заимствования охватывает фонетический, грамматический и словообразовательный уровни взаимодей-

ствующих языков и, таким образом, лексические образования могут существенно варьироваться. Тот факт, что базовый словарный состав крымскотатарского и турецкого языков восходит к общему корню, с одной стороны, облегчает лексический анализ, а с другой – делает нашу задачу более сложной.

Трудности обусловлены тем, что диалекты крымскотатарского языка допускают использование в разговорной речи общей с турецким языком лексики. Как нам кажется, в первую очередь следует учитывать терминологию, которая отсутствует в разговорной речи, а значит и в диалектах, следовательно применение ее автором свидетельствует о заимствованной лексике, чуждой крымскотатарскому языку: дава векили (тур.) (адвокат, присяжный адвокат). Из контекстов видно, что автор сам поясняет новые термины читателям: валилере яни губернаторлара (губернаторам, т.е. губернаторам), зенджи (къара арап) – негр (черный араб).

Сходство лексем с турецкими аналогами или их полная идентичность являются также определяющим фактором при выборе говорящим конкретной лексемы. Так, к примеру, из приведённых далее синонимических пар в газетной речи употребляется именно общая (или сходная) для крымскотатарского и турецкого языков лексема. В крымскотатарском словаре она часто зафиксирована с пометой «диалектное», например: тенбель – эринчек (лентяй), себеб – керег (причина), джелъ – рузгяр (ветер), чамур – балчыкъ (грязь), исим – ад (имя), хата – яньлыш (ошибка), агъач – дирек (дерево), базар – чаршы (рынок, базар), эшья – мал (вещь, товар), сёз – келиме (слово), къатиль – джинает (убийство) и т.п.

В газете наблюдается постоянное уточнение использованных названий месяцев на турецком языке: февраль яни шубат (шубат – февраль на тур. яз.), хазиран 30 (30-е июня на тур. яз.), ресми яни хукумет джериделери (официальные то есть правительственные газеты, реестры). Приведенные примеры свидетельствуют о том, что автор пояснял непонятные слова не только тюркоязычному населению России, знающему русский язык, но и турецким читателям. Можно предположить, что в зависимости от того, лексема какого языка толковалась, определялась аудитория, которую автор имел в виду в момент написания. Например: Шехир реиси яни голова (городской председатель, т.е. голова), шикъетлер яни донослар (жалобы, то есть доносы).

Необходимо выделить и устойчивые единицы и пословицы, функционирующие на страницах газеты «Терджиман», которые часто используются в турецком языке, а в крымскотатарском либо встречаются редко, лишь в письменных источниках, либо вовсе отсутствуют. Например: *Балык бильмез исе Халик билюр (если не знает рыба, то знает Всевышний), долап чевирмек (строить козни), козюме чарпмакъ (тур.) – козюме чалынмакъ (кр. тат.) (броситься в глаз) и т.д.* Использование этих примеров в современном крымскотатарском языке свидетельствует о том, что газета «Терджиман» стала первоисточником их проникновения в крымскотатарский язык.

Выводы и перспективы. Следует отметить, что в период издания газеты (1883-1918 гг.) не было понятия литературного языка, не были определены границы нормы и не были обозначены диалекты, поэтому сложно доказать существование отклонений от нормы. Использование автором эквивалентов лексики из турецкого языка подтверждается примерами, отсутствующими в крымскотатарском языке и

его диалектах. Постоянное обращение автора к турецким литературным, публицистическим и другим источникам, применение терминов и их аналогов на русском языке позволяют считать, что лексика заимствовалась И. Гаспринским именно из турецкого языка.

Литература

1. Вишневская Г.М. Межкультурная коммуникация, языковая вариативность и современный билингвизм [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://vestnik.yspu.org/releases/novye_Issledovaniy/13_1/
2. Конурат К. Кырымтатар тилинин тарихеси / К. Конурат // Йылдыз. – 2003. – № 4. – С. 106 – 119.
3. Курохтина Т. Н. Межъязыковая интерференция в условиях близкородственного украинско-русского двуязычия : автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук : спец. 10.02.03. «Славянские языки» / Курохтина Татьяна Николаевна. – Москва, 2010. – 25 с.
4. Меметов А.М. Земаневий кырымтатар тили / А.М. Меметов. – Симферополь: Кырым девлет окъув педогогика нешрияты, 2006. – 320 с.
5. Социальная и территориальная дифференциация языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tnu.podelise.ru/docs/index-307211.html?page=2>
6. Сравнительная историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Отв. Ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 2002. – 767 с.
7. Турецко-русский словарь. – Москва: Изд-во «Русский язык», 1977. – 966 с.
8. Усеинов С.М. Русско-крымскотатарский, крымскотатарско-русский словарь / С.М. Усеинов. – Симферополь: ИД «Тезис», 2007.
9. Develioğlu F. Osmanlıca – Türkçe luğat / F.Develioğlu. – Ankara : Aydın kitabevi yayınları, 2009. – 1195 с.

Короглу Л.А. Турецькі лексичні та граматичні еквіваленти на сторінках газети «Терджіман» / Л.А. Короглу // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 283–289.

Стаття присвячується вивченню турецьких лексичних та граматичних еквівалентів на сторінках газети «Терджіман». Головна проблема при дослідженні еквівалентів у сфері лексики полягає в тому, що процес запозичення охоплює фонетичний, граматичний та словотвірний рівні взаємодіючих мов і, таким чином, лексичні утворення можуть істотно варіюватися. Той факт, що базовий словниковий склад кримськотатарської і турецької мов походить від загального кореня, з одного боку, полегшує лексичний аналіз, а з іншого - робить наше завдання більш складним. Виявлення лексичних та граматичних еквівалентів відсутніх у кримськотатарській мові, але присутніх у турецькій мові, дозволяють вважати, що лексика запозичувалася І. Гаспринським саме з турецької мови.

Ключові слова. Кримськотатарська мова, турецька мова, інтерференція, еквіваленти, варіативність, газета «Терджіман», білінгвізм.

Koroglu L.A. Turkish lexical and grammatical equivalents in the “Terdzhiman” newspaper / L.A. Koroglu // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 283–289.

Article is dedicated to the study of Turkish lexical and grammatical equivalents in the “Terdzhiman” newspaper. At the beginning of XXth century was the language variability, which is reflected in literary and journalistic texts during the period of the review. In the study of language edition of “Terdzhiman” recorded by use of a large amount of vocabulary in the Turkish version of the Crimean Tatar newspaper (it was printed in two editions - in Russian and Crimean Tatar languages).

The main problem in the study of lexical equivalents is that the process of borrowing includes phonetic, grammatical and derivational levels of interacting languages and thus lexical formation can vary significantly.

The article analyzes the I. Gasprinsky's aspirations explaining the borrowed Turkish token through the Crimean Tatar or Russian equivalents. It is proved that the using by the scientist and educator loaned grammatical forms of the Turkish language is deliberately, and hence the interference phenomenon can not be called. And the main goal was to investigate I. Gasprinsky's Turkic language, as he used the Turkish language mostly. Since the author was the native speaker of south coastal dialect of Crimean Tatar language, grammatical forms which are similar to the Turkish language, there is a problem: whether it was the influence of the native dialect or influence widely used in writing in that era Ottoman Turkish (Ottoman) language? Either this is the written language of the time? Addressing these issues determine the prospects of the proposed study.

Identification of lexical and grammatical equivalents, are absent in the Crimean Tatar language, but present in the Turkish language, suggest that the vocabulary is borrowed by I. Gasprinsky from the Turkish language.

Keywords. Crimean Tatar language, Turkish, interference, equivalents, variability, the "Terdzhiman" newspaper, bilingualism.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 811.512.161+ 811.512.162

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ОСМАНСКОГО ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА НА АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Шимшек С.

*Кавказский университет
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В статье описываются основные направления влияния турецкого языка на азербайджанский на лексическом уровне в начале XX века, анализируются слова, проникшие в азербайджанский язык из печати и художественной литературы османского турецкого языка. Слова османского турецкого языка, используемые в этот период, оказали положительное влияние на образование и развитие литературного азербайджанского языка. По сравнению с концом XIX века, в тот период в прессе возникла проблема формирования и распространения языка газет и журналов, издающихся на родном языке. В художественных произведениях начала XX века лексическое влияние турецкого языка на азербайджанский было очень сильным. Это влияние сыграло большую роль в обогащении словарного состава азербайджанского языка.

Ключевые слова: влияние, лексический, художественный стиль, печать, язык.

Постановка проблемы. Начало XX века является периодом прохождения политических волнений, существования различных политических взглядов. В этот период некоторые интеллигентные люди с протурецкими взглядами использовали стамбульский акцент на уровне литературного языка. В общем, в начале XX века, в Баку проходили горячие дискуссии и обсуждения вокруг темы об использовании в литературе турецкого или другого языка. Особенно, интеллигентные люди, получившие образование в Турции, хотели поднять турецкий (османский) язык на уровень литературного языка в Азербайджане.

По сравнению с концом XIX века, в тот период в прессе возникла проблема формирования и распространения языка газет и журналов, издающихся на родном языке. То есть, в этот период существовала большая необходимость в создании стиля печати для обогащения, упрощения и обобщения языка прессы. Именно по этой причине, протурецки настроенные интеллигенты считали очень важным использование османского языка в качестве языка прессы. В начале XX века влияние на лексическом уровне начало чувствоваться также, как и другие оказываемые влияния. Это влияние чувствовалось в произведениях почти всех, за исключением некоторых, писателей и поэтов, в языке печатных органов того времени. Можно привести множество примеров слов и выражений, не используемых в азербайджанском тюркском языке, но понятные всем читателям того времени. Такого рода слова и выражения увеличивали выразительность как художественных произведений, так и языка прессы, расширяли влияние художественно-публицистического стиля, обеспечивало его пластичность. В созданных в начале XX века художественных произведениях и стиле языка прессы, активно использовались слова такого типа как: *эксюз (сирота), деф ол (уйди прочь!), уфаг (маленький), чоджуг (ребенок), пек (очень), йа-рын (завтра), пембе (розовый), уйку (сон), эвет (да), насыл (как), затен (и так), нерде (где), иште (вот), ус (осторожность), услу (осторожный), валиде (мать),*

буналмаг (духота), беклемек (ждать), сормаг (спрашивать), йавру (дитя), шашыр-маг (путать, ошибаться), аркадаш (товарищ), хенси (все), джумле (все), чабуг (быстро), йаглаш (подойди), хемишре (мед. сестра), майыс (май) и др.

Такие слова турецкого (османского) языка в начале XX века в Азербайджане использовались повсеместно. Особенно это чувствовалось в печатном стиле и приемах художественного стиля.

Tarixlərdə öksüz (сирота) kimi göründük

İllər boyu qaralara büründük (Дж.Джаббарлы) [1, 75].

(Всю жизнь мы были как сироты

Все годы мы были окутаны в черное)

Лексем *эгсюз* (сирота, человек без матери), образовавшееся от древнетюркского слова «эг» (мать), в османском языке используется и по сей день. Слово *уфак/уфаг* (маленький) очень часто использовалось в литературных произведениях того времени.

Ufaq (маленький) *çocuqlara nəm torpaq işdə bəstədir,*

Olardır, ac, parasız, üç əsiri-mədərdir (Дж.Джаббарлы) [1, 60].

Маленьким детям мокрая земля стала постелью,

Они –голодные, бедные, трое, тоскующих по матери (Дж. Джаббарлы, «Отмечающим праздники», 1, стр. 60)

Əqli kəsmir, hələ bir körpə uşaqdır uşağım

Nə ədəb vaxtıdı, nə söysün, ufaqdır (маленький) uşağım (М.А.Сабир) [5, 144]

Он пока еще не соображает, еще младенец мой малыш

Нет в нем вежливости, стыда, мал еще мой малыш

Слово «йарын» используется в турецком языке в смысле «завтра».

Yarın (завтра) *sənin kibi onlar da hər sənüb bitəcək*

Bu gündən işdə o solğun, vərəmli çöhrələri (Г.Джавид) [3, 111].

Завтра все они, как и ты, тоже погаснут,

С сегодняшнего дня их завялые, больные лица...

Слово «пек» (очень) часто встречается в стихах Г. Джавида:

Pək (очень) *bəxtiyar idim, nazlı dilbərim* (Г.Джавид) [3, 131].

Я был очень счастлив, нежная моя возлюбленная (Слово «уйгу//уйку» (сон) часто встречается в поэтических произведениях того периода.

Uyqu (сон) *çəkilmiş, gönlümü qəm almış,*

Yalnız arar səni vurğun gözlərim (Г.Джавид) [3, 131].

Пропал у меня сон, на душе тоска,

Лишь тебя ищут мои влюбленные глаза

Фоновариант *уйку//уйгу* азербайджанского слова *йуху (сон)* также часто встречается в поэзии сегодняшних дней.

Слово «эвет» (да), используемое вместо слова бели в художественных произведениях начала XX века, должно быть принято как турецкий (османский) элемент:

Əvət *o sərvətü saman içində zənginlər,*

Kədər nə,..bilməyərək istirahət etsinlər (Г.Джавид) [3, 33].

Да, богачи в этом богатстве и довольстве

Отдыхают, не ведая о печали

Турецкое (османское) выражение «**деф ол**» (уйди прочь!) использовалось в азербайджанских литературных произведениях вместо выражения «редд ол»:

Dəf ol, çəkil, get

Bu lahuti təfərrücgahı tərək et (Г.Джавид) (3, 28) //Уйди прочь, отойди, уйди

Оставь этот мир божественных знаний Вопросительное слово «**насыл**» (как) использовалось в письменных произведениях того времени параллельно с азербайджанским словом «недже».

Uzaq, uzaq, pək uzaq yerdə iştə bir orman,

Nasıl (как) da xoş, nə qədər şairanə sərvistan (Г.Джавид) (3, 30)

В далеком, далеком, очень далеком месте леса,

Как же прекрасны, как сказочны

Вопросительное местоимение «**нерде**» (**где**), которое использовалось вместо слова «харада», встречается в произведениях поэтов того периода:

Əmin ol, **nerdə** (**где**) nəfs olmuşa hakim,

Həqiqi eşqi məhv etmiş məzalim (Г.Джавид) [3, 29].

Знай, там где стала господствовать страсть,

истинная любовь будет уничтожена бессердечными тиранами

Мы встречаемся со словом «**затен**» (и так, все равно), используемое вместо слова «онсуз да», в произведениях Г. Джавида.

Zatən (и так, все равно) bu köhnə yurdumuzun köhnə adəti

Hər tanrının qan içməyə var hüsnü rəğbəti (Г.Джавид) [3, 79].

Все равно это старый обычай нашего старого края

Каждый бог имеет сладкую страсть к проливанью крови Ниже приведем другие примеры османских слов, использовавшихся в художественной литературе начала XX века:

Нийе (почему), нечин (для чего), **ханы** (**где**) **видждан** (**совесть**), hanı vicdan, **ханы** (**где**) **эдалет** (**справедливость**) (Дж. Джаббарлы) [1, 46].

O sarıntor **çocuq** (дитя, ребенок) uşaqlarını

Gözlərindən axan yaş isladıyor (Дж.Джаббарлы) [1, 49].

Эти желтоватые детские щеки

Мокнут от слез, текущих из глаз;

Adəmi adət eyləyən **paradır** (**деньги**),

Parasız adəmin üzü qaradır (М.А.Сабир) [5, 193].

Человека человеком делают деньги,

Без денег человек становится униженным;

Arkadaşlar (**друзья, товарищи**), ələman, gəl tez verib də əl-ələ,

Həm bu yolda əhdü peyman etməli bundan sora (М.А.Сабир) [5, 168].

Друзья, давайте все вместе, будем едины,

И после этого дадим слово на этом пути;

Mən məkrini hiss etməyə meyl etmədim əsla,

Kəndin (**сам**) dili-həssasimə təsir eləyirsən (М.А.Сабир) [5, 190].

Я никак не хотел почувствовать твое коварство,

Ты сам воздействуешь на мое чуткое сердце;

Происхождение слова **кенди (свой)** является спорным в тюркологии. Г.Мирзазаде, который является автором «Грамматики азербайджанского языка», пишет, что из исторических материалов становится ясным, что на языке литературно-художественных произведений вместе с корнем возвратного местоимения **оз (свой, себя)** использовались слова **кенди, кенду, канди**, которые являются словами-синонимами. Но в настоящие дни это слово является типичным для турецкого-османского языка. Например,

Kenduyi (себя) bilməyən bu dəm qorqu nədir nə bilsün ol.

Kendusini bilənlərə sur nədir xətdər nədir (İ. Nəsimi).

(Что это время страха, не знающее себя,
Знающим себя нет страха перед рогом).

По проведенным исследованиям материалов народного творчества, разговорной речи и современного диалекта становится ясным, что так как слова кенди, кенду не являются типичными для азербайджанского языка, они не получили большого распространения в нашем языке... Вероятней всего, это местоимение не стало использоваться тем или иным писателем в результате влияния западного турецкого языка. Даже известно, что не смотря на то, что некоторая, подражавшая турецким писателям, группа писателей использовала это местоимение на страницах созданной в начале XX века печатной прессы и литературы, оно не нашло широкого распространения среди народа. В начале XX века фонетические, лексические, морфологически-грамматические особенности османского языка проявлялись также в официальных речах и документах Азербайджанской Народной Республики. Местоимение кенди (свой, себя) используется турецком и гагаузском языках. Существуют разные мнения по поводу возникновения этого местоимения. Элементы османского языка можно также встретить в поэзии и печатной прессе Азербайджана начала XX века. Глагол бекле (жди) считается одним из самых древних глаголов с тюркским происхождением.

Altaylardan, Altun dağdan doğma sellər **bəkləyər (ждет)**,

Yaşıl donlu, mavi gözlü, al duvaqlı sevdiiyim (Дж.Джаббарлы) [1, 63].

С Алтайских Золотых гор родные паводки ждет,

В зеленом платье, голубоглазая, возлюбленная моя в красной вуали;

Хотя в современном азербайджанском языке считается архаическим глаголом.

Bir nəfər uox ki, **sorsun** (спросить) əhvalın

Bir nəfər uox onu bilə insan (Дж.Джаббарлы) [1, 49].

(Нет никого, кто бы спросил о самочувствии

Нет никого, кого бы знал человек)

Глагол сорушмаг в азербайджанском языке является асемантической формой глагола сор, сормаг (спроси, спрашивать) турецкого языка.

Асемантическая форма глагола сорушмаг (спрашивать) современного азербайджанского языка в турецком языке используется как свободная морфема.

Əgər lütfə **sorsan** (спросишь) əhvalımı,

Bu naməm sənə bildirər halımı (М.А.Сабир) [5, 163].

(Если ты согласишься мое состояние с милостью,

Это мое письмо расскажет тебе обо мне)

Слово йавру (дитя) сегодня активно употребляется в турецком языке. В начале XX века азербайджанские поэты использовали это слово как османское.

Quzum, **yavrum** (дитя). Adın nədir (Г.Джавид) [3, 49].

Сладкая моя, дитя мое. Как тебя зовут

Od yurdumun **yavruları** dilindən

Turan ellərinə salam söyləyin

Bir intizari-təhəssürlə gözləri süzülür (Дж.Джаббарлы) [1, 64].

(От детей страны огней

Передайте привет народу Турана

Глаза тоскуют с ожиданием)

Мы встречаемся со словом шашырмаг (путать) в произведениях Дж. Джаббарлы:

Ölür, ölür, **şaşır**ib hər çocuq bahır xatıuş (Дж.Джаббарлы) [1, 56].

Умирает, умирает, запутавшись все смотрит дитя

Arkadaşlar (друзья), varlığın millət istərsə saxlasın

Əlbəəl versin də, etsin ittihadı-ittihad

İştə (вот) belədir haləti-bəyzadə, əkinçi

Bəyzadələrin rəsmi budur, adə, əkinçi (М.А.Сабир) [5, 86].

Друзья, если народ желает сохранить самосуществование,

Пусть возьмутся за руки и воссоединятся,

Вот такова жизнь господ, земледельцев

Это картина господ, земледельцев

Со словом **гыз**, обозначающее сердиться, мы встречаемся в стихах М.А. Сабир.

Deyib bu sözü şəhərdən çıxdılar

Elə **qızdılar**, təhərdən çıxdılar (Дж.Джаббарлы) [1, 63].

Сказав это слово, из города вышли

Так рассердились, что из себя вышли

Турецкое слово арабского происхождения валиде в переводе обозначает мать. Слово валидейн (родители) также происходит отсюда. Слово валиде особенно часто употреблялось в период османской империи вместо слова анне (мать). В настоящее время же оно употребляется сравнительно реже.

Həqiqi **validənin** (мать) ən şərəfli bir bəzəyi.

Doğar insan ata ocağında,

Bəslənər **validə** qucağında. (М.А.Сабир) (5, 387)

Самое достойное украшение настоящей матери.

Рождается человек в отцовском доме,

Растет в объятиях матери.

Османское слово **чочуг**, являющееся специфическим лексиком в турецком языке, наиболее часто встречается в сатирах М.А.Сабира.

Ədəbli, **uslu çocuqdur**, təcəmmülət deyildi (М.А.Сабир) [5, 383].

Вежливый, воспитанный он ребенок, не украшение

В современном турецком также используется двойное слово **чолуг-чоджук**, которое обозначает дети.

В художественных произведениях того периода также часто встречается слово **сокак**, что означает улица:

Sokaklarda (на улицах) adam pək az, səs yok, yalnız külək, ruhları zəhrələyəcək
iyrənc bir vuyultu ilə əsiyordur (Дж.Джаббарлы) [1, 237].

На улицах людей очень мало, тишина, только лишь ветер, дует с воем, отравляющим души.

Günbəgün zaid olurdu qəmimiz, möhnətimiz

Arqadaşlar (друзья) sevinin oldu rəva hacətimiz (М.А.Сабир) [5, 208].

День за днем увеличивалось наше горе, наше страдание

Друзья, радуйтесь, стали мы достойны нужды

Слово **аркадаш (товарищ, друг)**, использовавшееся в двестишьях, образовалось от соединения слов ар(мужчина, муж)+кардаш(брат).

O Albaniyada **arnavut** qeyrəti,

Bu Qəzvindəki mürtəce heyəti. (М.А.Сабир) [5, 234].

То албанское достоинство в Албании,

Это люди в Казвине, ожидающие помощь.

Здесь слово Арнавут по турецки обозначает албанец.

Rəpuç eləyin çubi - fələqqanı, - deyirlər,

Dişrə (наружу) çıxarın həzrəti mollaı, - deyirlər (М.А.Сабир) [5, 72].

Говорят: «Сломайте палку для наказания»,

Говорят: «Выведите наружу господина муллу».

В этом двестишье М.А. Сабира турецкое слово дышары (двор, снаружи) приведено в укороченном варианте дишре. Корень этого слова связан со словом тыш//дыш (наружная сторона, двор).

Слово шимди (сейчас) встречается в стихах М.А. Сабира вместо слова инди:

Şimdi (сейчас) hər millət edir nəfsini irfanə fəda,

Vətən övladı üçün elmə, dəbistanə fəda (М.А.Сабир) [5, 293].

Сейчас каждый народ жертвует собой ради знаний,

Указательное местоимение шу (это, этот) используется в некоторых тюркских языках. Несмотря на то, что местоимение шу встречается в классической азербайджанской литературе, оно не нашло распространения в азербайджанском языке и архаизировалось.

Şu (этот) sevimli üç boyalı, üç mənalı bayrağı (Дж.Джаббарлы) [1, 63].

// Этот любимый трехцветный, трехзначный флаг

Buraxınız, seyr edəyim, düşünəyim, oxşayaım,

Səhneyi-milli səninlə bir təcəlla **bulmada**,

Sən vəli bir xaki - zülmətə şitaban olmada (Дж.Джаббарлы) [1, 62].

Пустите, дайте посмотреть, подумать, поласкать,

Национальная внешность находит тебя

Когда покрывает тебя черная земля

Глагол булмаг (найти) – один из самых древних глаголов тюркских языков. Хотя он и архаизировался в азербайджанском языке, в турецком языке он сохранился до наших дней.

Qoy **qaratsın** (закрывать, покрывать) göyləri bacandan çıxan duman,

Dostların aydın görür: kim yaxşıdır, kim yaman (А.Джавад) [2, 116].

Пусть дым из трубы твоего дома покроет небеса,

Твои друзья ясно видят: кто лучше, а кто хуже

Выводы и перспективы. Таким образом, приведенные выше факты доказывают, что в художественных произведениях начала XX века лексическое влияние турецкого языка на азербайджанский было очень сильным. Это влияние сыграло большую роль в обогащении словарного состава азербайджанского языка.

Литература

1. Джаббарлы Дж. Произведения Том I. – Баку: Восток -Запад, 2005, 327 (на азерб. языке)
2. Джавад А. Ты не плач, я поплачу. – Баку: Язычы, 1991 (на азерб. языке)
3. Джавид Г. Произведения. Том I. Баку: Лидер, 2005, 255 с. (на азерб. языке)
4. Мирзаде Г. Грамматика азербайджанского языка. – Баку: БГУ, 1990, 376 с. (на азерб. языке)
5. Сабир М.А. Гопгопнаме. – Баку: Язычы, 1980, 557 с. (на азерб. языке)

Шимшек С. Лексичний вплив османської турецької мови на азербайджанську мову на початку XX століття / С. Шимшек // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 290–296.

У статті описуються основні напрями впливу турецької мови на азербайджанську мову на лексичному рівні на початку XX століття, аналізуються слова, що проникли в азербайджанську мову з друку та художньої літератури османської турецької мови. Слова османської турецької мови, використовувані в цей період, надали позитивний вплив на освіту і розвиток літературної азербайджанської мови. У порівнянні з кінцем XIX століття, в той період в пресі виникла проблема формування та розповсюдження мови газет і журналів, що видаються рідною мовою. У художніх творах початку XX століття лексичний вплив турецької мови на азербайджанську мову був дуже сильним. Цей вплив зіграв велику роль у збагаченні словникового складу азербайджанської мови.

Ключові слова: вплив, лексичний, художній стиль, друк, мова.

Shimsek S. Ottoman Turkish Lexical Effects on Azerbaijani in the early twentieth century / S. Shimsek // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 290–296.

The article describes the main Turkish influences on Azeri on the lexical level in the early twentieth century. The article analyzes the words loaned into the Azerbaijani language from the press and literature of the Ottoman Turkish language in the early twentieth century. Ottoman Turkish words used in this period had a positive effect on the formation and development of literary Azerbaijani language. In the early twentieth century in Baku were heated debates and discussions around the use of literature in Turkish or another language. Particularly intelligent people, which were educated in Turkey, wanted to raise the Turkish (Ottoman) language to the level of a literary language in Azerbaijan.

Compared with the end of the XIX century, during that period in the press arised the problem with formation and propagation language of the newspapers and magazines published in the native language. That is, during this period there was a great need to create a print style, to enrich, simplify and generalize language press. It is for this reason, pro-Turkish intellectuals considered very important to use the Ottoman language as the language of the press. In the early twentieth century the influence on the lexical level began to feel as well as other influences. This influence was felt in the works of almost all writers and poets, but some writers and poets were an exeption. There are many examples of words and expressions that are not used in the Azerbaijani Turkic language, but it is clear to all the readers of that time. This kind of words and expressions enriched works of art, language and media, expanded the influence of artistic and journalistic style. In the works of art of the early twentieth century Turkish lexical influence on Azerbaijani language was very strong. This influence played a major role in enriching the vocabulary of the Azerbaijani language.

Keywords: impact, lexical, artistic style, printing and language.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 811.111-26

ИЗУЧЕНИЕ ГРАММАТИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Сафарова Л. А.

*Нахичеванское отделение Национальной академии наук Азербайджана
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В научной статье автор анализирует историю изучения иностранных языков в Азербайджане. История преподавания иностранных языков начинается с 50-х годов XIX века. В 1848 году для девочек была открыта четырехклассная школа-заведение «Св. Нины». Интересен тот факт, что, начиная с того периода до 40-50-х годов, в качестве иностранного языка преподавались только французский и немецкий. Начало становление грамматики современного Английского языка в Азербайджане относится к 1957. В этом следует отметить большие заслуги Р.А.Гаибовой и О.И.Мусаева. Английский и азербайджанский языки отличаются друг от друга и грамматически, и по семействам, к которым они принадлежат.

В статье автор отмечает, что становление грамматики английского языка в Азербайджане приходится на 1957-1960 годы. В этой сфере особо нужно отметить деятельность Р.А.Гаибовой и О.Мусаева.

Ключевые слова: иностранный язык, грамматика, сравнительный метод.

Постановка проблемы. Для того чтобы рассмотреть распространение грамматики английского языка, первым делом нужно исследовать историю обучения иностранных языков в Азербайджане. Надо отметить, что впервые английский язык начал преподаваться в 1914-1916-ых гг. в коммерческих училищах. После революции наряду с другими предметами было уделено место и преподаванию иностранных языков. Имеются те или иные постановления государства на счет преподавания иностранных языков, относящиеся к тому периоду [2, 22].

Переломным моментом в этой области можно считать открытие в 1936-ом году в Баку шестимесячных курсов. В тех курсах наряду с французским и немецким впервые в республике начали преподавать и английский язык [1, 7]. Это означает, что в Азербайджане английский язык начал преподаваться с 1936-го года.

Первые выпускники шестимесячных курсов направляются в разные школы Баку. Таким образом, с 1937 года английский начал преподаваться как самостоятельный язык.

Хотим особо отметить имена первых преподавателей английского языка: Р.А.Гаибовой, Д.С.Аббасовой, В.Шварцберг, и др. [1, 8]. Первой азербайджанской женщиной, которая занималась преподаванием и пропагандой английского языка, а также написала труды по английскому языку была Р.Гаибова. После шестимесячных курсов были открыты также девятимесячные и двухгодичные курсы. Впоследствии эти курсы получили статус института учителей. Наконец, в 1937 году в составе Азербайджанского Педагогического Института был открыт отдельный факультет иностранных языков. В факультете преподавались английский, французский и немецкий языки. В 1941 году первые национальные кадры по иностранным языкам (400 человек) были отправлены в разные районы республики (2, 24). В составе этого факультета действовала только одна кафедра. В 1939 году учительский состав был пополнен за счет московских и ленинградских выпускников. Было бы уместным

отметить деятельность некоторых из них: Н.Г.Ага-заде, Е.Г. Речицкой, К.К. Соколовой.

В 1940 году И.Велиханова, Ш.Гусейнова, Л.Мусабекова, Г.Алиев, Р.Барсук и др. студенты IV курса начали педагогическую деятельность в разных школах республики. Учителя эти, несомненно, сыграли важную роль в улучшении качества преподавания иностранных языков [2, 24].

В сентябре 1948 года на базе существовавшего в составе Азербайджанского Педагогического Института факультета иностранных языков открывается Институт Иностранных Языков. В его составе начали действовать очные и заочные отделы английского, французского и немецкого языков [1, 9].

Существование отдельного независимого института сыграло важную роль в изучении и преподавании иностранных языков в республике. В 1949 году в составе института был открыт отдел аспирантуры. Несмотря на нехватку в республике научных руководителей и недостаток научной литературы, за короткий срок пять аспирантов, защитили кандидатские диссертации. В целом, институт сыграл важную роль в пропаганде иностранных языков не только в нашей республике, но и в соседних республиках.

В 1958 году Институт Иностранных Языков был объединен с Институтом Русского Языка [2, 27]. Действующий совместно институт, наконец, в 1973 году обрел независимость. В данное время оба института действуют независимо: Азербайджанский Университет Языков и Бакинский Славянский Университет.

А теперь вкратце рассмотрим историю преподавания иностранных языков в Азербайджане. История преподавания иностранных языков начинается с 50-х годов XIX века. В 1848 году для девочек была открыта четырехклассная школа-заведение «Св. Нины» [1, 4]. Интересен тот факт, что, начиная с того периода до 40-50-х годов, в качестве иностранного языка преподавались только французский и немецкий. Видимо эта ситуация объясняется популярностью в мире на тот период французского языка. В школе «Св. Нины» французский, музыка и танцы не входили в обязательную программу, а преподавалась по желанию родителей. Таким образом, история преподавания иностранных языков начинается с 1848 года [1, 4]. Впервые в 1849 году иностранный язык был включен в учебную программу в городе Шемаха. С 1870 года наряду с французским начал преподаваться и немецкий [1, 4]. Как и отмечалось ранее английский преподавался всего два года (1914-1916) в коммерческой школе.

Целью этого краткого экскурса было создать представление у читателей об истории преподавания в Азербайджане иностранных языков, в том числе и английского языка. А сейчас коснемся лингвистических вопросов, встречающихся в процессе преподавания иностранных языков. В 90-х годах XIX века учитель французского языка в одной из Бакинских школ Мильчевский отметил, что для того, чтобы достичь успеха, нужно знать отличительные черты грамматики преподаваемого языка от грамматики родного языка. Он последовательно провел сравнение произношения и грамматических форм [1, 5]. Эта методика преподавания иностранных языков до сих пор не потеряла актуальность. Он отметил, что нельзя объяснять грамматический материал на иностранном языке. Даже произношение грамматического прави-

ла на иностранном языке отрицательно сказывается на понимании его сущности. Каждый грамматический материал должен преподноситься на основе грамматического строения родного языка [13, 33]. С такими идеями преподавания грамматики мы встречаемся и в материалах созданной в 1904 году комиссии под руководством К.П.Янковского [1, 6]. До начала преподавания английского языка в Азербайджане (1936 г.), несомненно, было сказано много интересных мыслей. Естественно, что Азербайджан как другие республики бывшего Советского Союза в основном пользовался научно-методической литературой, изданной в Москве или в других больших городах. В этом плане надо особо отметить журнал «Иностранный язык в школе», издаваемый с 1934-го года.

Период формирования преподавания иностранных языков в Азербайджане, как и во всем бывшем Советском Союзе пришелся на вторую мировую войну. В 1941-1942 и 1942-1943 годах в составе Азербайджанского Государственного Университета действовал факультет иностранных языков. А с 1942 по 1943 годы он продолжил свою деятельность в составе Педагогического Института им. В.И.Ленина [2, 27].

Несомненно, в первые годы преподавания иностранных языков встречалось немало трудностей. Надо отметить, что в республике на то время была нехватка в национальных кадрах. Большинство учебников для средних школ писались неазербайджанцами (см. Годлинник Ю.И., Кузнец М.Д. English – для 5, 6, 7 классов. С 1937 по 1957 год [3, 14-15]). При таком положении дел, обучающиеся сталкивались с двумя языками, то есть азербайджанцы изучали английский посредством русского языка. Инструктор МО Азербайджанской ССР А.Фарзалиев, оценивая послевоенный период, показывал, что самым большим недостатком было отсутствие кадров. Отрицательно на процесс обучения влияла также нехватка учебников. Кроме того, в азербайджанских школах учеников обучали учителя, не знающие родного языка, и они обучали иностранному языку посредством третьего языка. Тогда как в изучении иностранного языка очень важна роль родного языка [12, 26]. Такое состояние преподавания иностранных языков в республике отмечал в 1946 году человек, непосредственно связанный с организацией обучения.

Наряду с этим, мы встречаемся с прогрессивными идеями улучшения преподавания иностранных языков. В этом плане хотим отметить статью к.филол.н. Е.Е.Речицкой «Методы обучения иностранным языкам», напечатанную в журнале «Азербайджанская школа». Отмеченные в этой статье вопросы до сих пор не потеряли свою актуальность. Она отмечает важность нижеперечисленных факторов в изучении иностранного языка.

1. Систематическая работа. Для изучения иностранного языка требуется строгий и жесткий план. Лучше заниматься немного времени, но регулярно, чем длительное время с большими перерывами [9, 6].

2. Показывается роль в изучения иностранных языков учебных пособий, правила пользования ими, эффективное пользование словарями. Она отмечала, что все главные грамматические правила иностранных языков нужно многократно подкреплять примерами. Это способствует более легкому запоминанию слов на иностранном языке благодаря зрительной памяти [9, 77]. Как видно, автор здесь вывел на первый план золотое правило дидактики – наглядность.

3. Говоря о способе занятий, Е.Е.Речицкая, выводит на передний план комплексное изучение всех трех аспектов языка.

4. Говоря о словарном запасе, она отмечает, что каждый человек, изучающий иностранный язык, должен составить личный словарь по алфавиту. Также отмечает важность систематизации новых слов по частям речи. В целом, в изучении иностранного языка на передний план выводится важная роль одного из аспектов языка – лексики.

5. Высказанные Е.Е.Речицкой идеи об изучении грамматики иностранного языка до сих пор не потеряли актуальность. Она отмечает, что без знания грамматики иностранного языка нельзя понять его структуру. Механическое запоминание грамматики тоже не дает эффекта. Поэтому, изучая грамматику нужно систематически пользоваться текстом. Е.Е.Речицкая также отмечает важную роль родного языка в изучении иностранного. По этому поводу она писала, что знание грамматики родного языка является главным условием в успешном изучении иностранного языка [9, 78].

Перечисленные выше вопросы могут показаться сегодняшнему читателю простыми и известными науке. Но в 1947 году они были очень важны и актуальны. В целом, надо отметить, что на тот период у Е.Е.Речицкой имеется много полезных трудов о преподавании иностранных языков [10, 12].

В результате самостоятельного действия Азербайджанского Государственного Педагогического Института Иностранных Языков в республике возросло количество национальных кадров. В этом плане хотим особо отметить имена двух людей: Р.А.Гаибовой и О.И.Мусаева. Исследования имеющихся материалов доказали, что Р.А.Гаибова и О.И.Мусаев имеют незаменимые заслуги в распространении английского языка в Азербайджане, подготовке национальных кадров в этой сфере и передаче читателям грамматики английского языка на родном языке. В 1957 году эти авторы выдвинули ценные идеи относительно преподавания иностранных языков. (Р.А.Гаибова. Принцип сознательности в обучении языку и роль самостоятельной работы – Сб.; Из опыта учителей иностранных языков. Баку, 1957 (6); О.И.Мусаев. О вопросах сравнения с родным языком при преподавании иностранных языков. – Из опыта работы учителей иностранных языков. Баку, 1957 [7]). Вкратце хотим коснуться основных моментов статьи О.И.Мусаева. О. Мусаев на передний план выводит два момента: а) нехватка учебных пособий, составленных с учетом специфики родного языка; б) полное отсутствие в процессе преподавания сравнения с родным языком.

Насчет первого вопроса, О.Мусаев отметил полное отсутствие необходимых средств обучения английскому языку, как и желания для их подготовки и издания. Самым досадным является то, что в школах нет учебников по иностранным языкам, составленных из учета специфики родного языка [7, 29]. Надо отметить, что в то время учебники все еще составлялись под влиянием русского языка. Именно поэтому можно полностью поддержать мнение О.Мусаева. Впервые в Азербайджане вышел в свет учебник для средних школ, написанный с учетом специфики родного языка, в 1958/59 учебном году [7, 26]. Касательно второго вопроса, О.Мусаев считает, что главным вопросом в обучении языку является преподавание его в сравнении

с родным языком [7, 30]. Постановка вопроса таким образом полностью отражает реальность. Потому, что английский и азербайджанский языки отличается друг от друга и грамматически, и по семействам, к которым они принадлежат.

О.Мусаев, подходя к языку как к системе, считал нужно провести сравнение по всем трем аспектам:

1) сравнение между фонетическим составом родного языка и иностранного языка.

2) сравнение между грамматическим строением родного языка и иностранного языка.

3) сравнение между лексическим составом родного языка и иностранного языка.

Выводы и перспективы. Проводимые в республике исследования словно основываются на выдвинутые О.Мусаевым положения. Так, проведено достаточно исследований различных аспектов языка. В статье О.Мусаев касается некоторых вопросов. Очень интересна его мысль о порядке слов, свойственных обоим языкам. Таким образом, впервые в Азербайджане на уровне предложений заложены основы синтаксической типологии. 3 года спустя, в 1960 году выходит в свет монография О.Мусаева «Порядок слов в английском и Азербайджанском языках» [8]. Чувствовалось, что в республике национальные кадры начали заполнять пробелы. В этом плане важную роль сыграла книга Р.А.Гаибовой «Грамматика английского языка (краткая информация)» [4]. Впервые на родном языке дается информация о грамматическом строении английского языка. Надо также отметить статью Р.А.Гаибовой «О классификации частей речи в современном английском языке» [6]. Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что становление грамматики английского языка в Азербайджане приходится на 1957-1960 годы. В этой сфере особо нужно отметить деятельность Р.А.Гаибовой и О.Мусаева.

Литература

1. Барсук Р.Ю., Шахмурадова Н.Н. Из истории преподавания западноевропейских языков в Азербайджане – УЗ АПИ им. М.Ф.Ахундова. Вып. XIII – 1962
2. Барсук Р.Ю., Шахмурадова Н.Н. Изучение иностранных языков в Азербайджане - УЗ АПИ им. М.Ф.Ахундова. Серия XII, №4, 1968
3. Библиография научной литературы по сравнительному обучению романо-германским и азербайджанским языкам (1809-1980 годы). Баку – 1989
4. Гаибова Р.А. Грамматика английского языка (краткая информация). Баку – 1958
5. Гаибова Р.А. Принцип сознательности в обучении языку и роль самостоятельной работы – Из опыта учителей иностранных языков. Баку – 1957
6. Гаибова Р.А. К вопросу о классификации простых речи в современном Английском языке – УЗ АПИИЯ вып. 1, Баку - 1957
7. Мусаев О.И. О вопросах сравнения с родным языком при преподавании иностранных языков. Баку – 1957
8. Мусаев О.И. Порядок слов в английском и Азербайджанском языках. Баку – 1960.
9. Речицкая Е.Е. Методы обучения иностранным языкам. Азербайджанская школа. 1947, №5-6
10. Речицкая Е.Е. Исторические ссылки на уроках английского языка – Иностранные языки в школе. 1948, №5
11. Речицкая Е.Е. Методика работы с фразеологическими оборотами на уроках английского языка - Иностранные языки в школе. 1953, №5
12. Фаталиев А. Иностранный язык в азербайджанских школах – Азербайджанская школа. 1946, №4

13. Шахмурадова Н.Н. Из истории преподавания иностранных языков в Баку. Баку – 1961

Сафарова Л. А. Вивчення граматики англійської мови в Азербайджані / Л. А. Сафарова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 297–302.

У науковій статті автор аналізує історію вивчення іноземних мов в Азербайджані. Історія викладання іноземних мов починається з 50 -х років XIX століття. У 1848 році для дівчаток була відкрита чотирикласна школа-заклад «Св. Ніни». Цікавим є той факт, що, починаючи з того періоду до 40-50-х років, в якості іноземної мови викладалися тільки французька і німецька. Початок становлення граматики сучасної Англійської мови в Азербайджані відноситься до 1957. В цьому слід відзначити великі заслуги Р.А.Гаїбової і О.І.Мусаєва. Англійська та азербайджанська мови відрізняються одина від одної і граматично, і за мовними сім'ями, до яких вони належать.

У статті автор зазначає, що становлення граматики англійської мови в Азербайджані припадає на 1957-1960 роки. У цій сфері особливо потрібно відзначити діяльність Р.А.Гаїбової і О.Мусаєва.

Ключові слова: іноземна мова, граматика, порівняльний метод

Safarova L. A. The study of English grammar in Azerbaijan / L. A. Safarova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 297–302.

In a scientific article, the author examines the history of the foreign languages study in Azerbaijan. The history of foreign language teaching begins in the 50s of the XIXth century. In 1848, for girls was opened four-year school institution “St. Nina”. An interesting fact is that since that period up to 40-50s as a taught foreign language were only French and German. The beginning of the modern English grammar establishing in Azerbaijan relates to 1957. It should be mentioned that great merits in this belong to R.A.Gaibova and O.I.Musaev. English and Azeri languages differ from each other grammatically and due to families to which they belong. O.Musaev approaching to language as a system considered that it was necessary to make a comparison by all three aspects:

- 1) a comparison between the phonetic structure of the native language and a foreign language.
- 2) a comparison between the grammatical structure of their native language and a foreign language.
- 3) a comparison between the lexical composition of the native language and a foreign language.

Studies that are performing in the republic are based on advanced O.Musaev's position. So, it was performed a lot of investigation of various language aspects. The article deals with some O.Musaev's works. Very interesting is his idea of the words order peculiar in both languages. Thus, for the first time in Azerbaijan at the proposals laid the foundations of syntactic typology. 3 years later, in 1960 he published a monograph O.Musaev “Word order in English and Azerbaijani languages”. It was felt that the country national staff began to fill the gaps. In this regard, the important role played by R.A.Gaibova's book “English Grammar (Summary)”. At first time in native language provides the information about the English grammatical structure. It should be mentioned about R.A.Gaibova's article “About the classification of parts of speech in modern English language”. Summarizing, we can conclude that the formation of English grammar in Azerbaijan falls within 1957-1960 years. In this regard it should be noted particularly R.A.Gaibova and O.Musaev's activities and.

Keywords: foreign language, grammar, comparative method

Поступила в редакцію 03.03.2014 г.

УДК 811.512.162

ПОЛОЖЕНИЕ АРАБО-ПЕРСИДСКИХ СЛОВ В ЛЕКСИКЕ ГУСЕЙНА ДЖАВИДА

Рзаева Ч. В.

*Нахичеванское отделение Национальной академии наук Азербайджана
E-mail: cinarerzayeva@yahoo.com.tr*

В научной статье автор анализирует положение арабо-персидских слов в лексике Гусейна Джавида. Азербайджанский язык, принадлежит к языкам юго-западной ветви тюркских языков, с древнейших времен при контакте с представителями некоторых народов Кавказа он перенял лексику арабского, персидского и русского языков. В результате этого в словарном составе азербайджанского языка произошли определенные изменения. Автором отмечено, что основным источником заимствования – это тюркские языки, однако и арабский и персидский языки оказали свое влияние.

Ключевые слова: азербайджанский язык, арабские заимствования, персидские заимствования, Гусейн Джавид.

Постановка проблемы. Азербайджанский язык, принадлежит к языкам семейств турецкой системы и с древнейших времен при контакте с некоторыми Кавказскими народами некоторые слова с персидского, арабского и русского языка перешли в наш язык и буквальный языковой процесс влиял на показанные языки. И в результате этого в словарном составе азербайджанского языка произошли некоторые изменения. Здесь основное место принадлежит словам новых тюркских языков, и конечно же было влияние и от других языков.

Богатой своей древней историей азербайджанский народ имеет такую жемчужину письменной литературы, которую дает нам возможность выслеживать пути эволюции проходящее через историю нашего языка. Поэтому литературный язык выдающегося мыслителя, поэта и драматурга Гусейна Джавида с точки зрения языкознания имеет особенное значение. Словарный состав творческого языка Гусейна Джавида составляет больше десяти тысячи слов, которая некоторая часть из них состоит из заимствованных слов (араба, персидско-европейских происхождений). Как известно, в творческом языке Гусейна Джавида часто встречается слова тюркского, национального, персидского и арабского происхождения, а слова европейского происхождения встречается изредка. Можно сказать что, словарный состав языка Гусейна Джавида состоит из тюркских слов называющий главным словарным фондом Азербайджанского языка. Одна часть слов является общеупотребляемыми словами, которые сохранили свою стабильность вдоль исторического развития, другая часть слов являются архаизмами, которые по разным причинам потеряли свое положение в литературном языке.

Основная часть заимствованных слов словарного состава творчества Гусейна Джавида являются арабского происхождения. Большое число арабских слов имеет религиозное содержание и по этой причине их архаизация очень слаба. В общности, часть арабо-персидских слов в новой окружающей среде потеряли свою особенность и подчинялись законам грамматики Азербайджанского языка. Все слова заим-

ствованные из двух языков в определенной степени сохранили свою фонетическую особенность. Именно по этим фонетическим особенностям можно определить происхождения этих слов. Гласные играют основную роль в различении заимствованных слов из арабо-персидских языков; как правило эти слова подчинялись по законам созвучия. Можно группировать арабские слова из произведения «Иблис» следующим образом:

а) Скорость использования арабских слов религиозного содержания в произведении выше. Эти слова активные в языке Гусейна Джавида. Для выслеживания этих слов можно обратиться к произведению «Иблис».

«О Великий Бог! Ты создал этот мир» [3, 9]

«Если у меня есть враг, то это враг Бога. И это кровь тоже –кровь истины.» [3, 251] «Нет ни у кого совести, всё ли человечество верит в демона?» [3, 8]; «Нет у меня терпения, промолви мне, нет ли веления от Бога ради сражения» [3, 251]; «О, Боже! Не знаю когда закончиться это преступление, бедствие. Нет нужды для такого терпения?» [3, 12]; «Поверил я пророкам, законам, книгам» [3, 10]; «Возноси меня, хочу наблюдать, красивы ли в раю ангелы?» [3, 10].

По этим примерам, большое количество арабских слов религиозного содержания письменно и устно используется в литературном языке.

б) Слова связанные с наукой и искусством являются арабского происхождения и эти слова придерживали активное место в развитии стилей литературного языка. Например: «Доктор должен быть доктором, или же невежда должен быть или ангелом или дьяволом» [3, 96];

в) Слова бытового содержания являются самой богатой частью арабского происхождения. Скорость и количество использования этих слов предметным, обстоятельством и приметным содержанием более высоко.

Например: счастье «Какое счастье, какой благоприятное совпадение» [3, 22], владеец- кто же владеец отеля?», семья –«когда вспоминаю свою семью, родину» [3, 57], «Вы являетесь победителем войны и страха, а мы побежденной любви» [3, 310]. «Больше любви образует отвращение» [3, 312].

Некоторые слова арабского происхождения используемые поэтом со временем потеряли свою активность и покинули литературный язык. Например «Игва – о возлюбленная!....что такое игва?» [3, 29]; Истигна – «Покажет нам немного жеманства» [3, 34], Инаят – «Господи покажи свое благодеяние!» [3, 9], Иллат – «чувствуя и думая в душе у меня недуг» [3, 9]. «Нет, самое пронзительное лекарство это смерть – лучше обитания....» [3, 106];

Кроме этого надо обратиться к некоторым словам вышедшие из словарного состава нашего языка.

Игва-совратительство, введение в заблуждение

Истигна – 1) удовлетворение чем-то что находится на руках; 2) пренебрежительность, 3)материальное обеспечение, 4) жеманство; 5) не обращение внимание

Инаят – 1) забота, помощь; 2) внимание 3) благодеяние

Иллет – недуг, болезнь;2) недостаток, нехватка, прореха; 3) аргумент, доказательство; 4) причина; 5) цель, намерение

Изан – 1) повиновение; 2) узнавание.

Надо отметить, что некоторая часть этих архаизмов употреблялись параллельно со словами азербайджано-турецкого происхождения и благодаря языковым возможностям эти слова заменились нашими словами.

Как видно, большинство арабских слов употребляемых поэтом получили право на гражданство

г) Слова обозначающие особенные персональные названия в произведение: Рена, Ибн Ямин, Васиф, Ариф и другие

«Смотри на меня, если бы не шёл по следам мгновенья, не был захвачен Ибн Ямин» [3, 106]; «Посмотрим, что скажет нам возлюбленный» [3, 109]. «Ах если бы я увидел Арифа. Увы!» [3, 110]; «Васиф! Думаешь, думаешь что за состояние? Меджнуном будешь наконец» [3, 29]; «Если бы ты как Ариф размыслил, то тогда узнал что хотел делать Ибн Ямин» [3, 27].

Слова персидского происхождения в произведении. Небольшое количество заимствованных слов в словарном составе творчества мыслителя, поэта являются персидского происхождения. Они охватывают слова эмоционально – экспрессивным значением и бытовым содержанием используемые в художественном стиле. Эти иноязычные слова входившие в наш словарный состав от персидского языка являются активными единицами Азербайджанского литературного языка.

Особенно можно группировать слова персидского происхождения следующим образом.

а) персидские слова сохранявшие свое употребляемость. в примерах такие слова довольно больше. Например грех, бутон, уголок, юность, огонь, объятие, мелодичность, простой, безумец, соловей, беспомощный, больной, скорбь, верблюд и т.д

«Есть у тебя другой грех» [3, 35]. «В одном уголке старейшина показывается в форме богомольца» [3, 66]. «Юность, красота, любовь и счастье» [3, 51]. «огонь пал как дождь!...» [3, 9] «В одной стороне чердак покрывшийся зеленью, а внутри подстилающийся рогожами простое домишко» [3, 8] «У этой старой больной женщины есть сын» [3, 104]. «найдётся вашей скорби средства» [3, 105]. «Что за обращение?» [3, 52] «Один уполномоченный с Ибн Яминам, возлюбленный, негритянский сержант и один солдат на руках маленькая сумка вошли» [3, 16] «Для сражения храбrecу нужен смелость, а почему твоей победой является раздражение?» [3, 31] «Этот человек быть может моим другом, и одним обликом все разрешиться» [3, 37];

Словам из этого рода встречается во всех письменных и устных источниках после арабской оккупации.

В меня вместиться два мира, но в этот мир я не вмещусь (Насими). [6, 131]

Не давай жизнь горе-любви, любовь душевное несчастье (Физули).

Этот подавленный любовью, несчастный может ли придти к тебе или нет (Набати) [13, 147].

Если бы Родина назвала меня сыном своим,

Я бы рос как мох в его скалах (М.Араз) [12, 133].

В статье в основном просматривалось уровень архаизации, скорость его употребления и источник слов используемый Гусейн Джавидом. Исследования показы-

вают что, несмотря на прибавочное соединения, предлоги, положение гласных тюрко-азербайджанская грамматика образует превосходства.

По итогам можно сказать, что возможность использования арабо-персидских слов, качественное соотношение и соприкосновение слов тюркского происхождения оберегается в современном языке. По нашему мнению, время изменения этих слов азербайджано-тюркскими словами дошло на счет возможностей нашего языка.

Литература

1. АНАН, история литературного языка Азербайджана. IV том. – Баку: Шарг-Гарб, 2007, 424 с. (на азерб. языке)
2. Джафаров С. Современный Азербайджанский язык, II часть. – Баку: Шарг-Гарб, 2007, 192 с. (на азерб. языке)
3. Сочинения Гусейна Джавида. Драматические произведения, III том. – Баку: Элм, 2007, 368 с. (на азерб. языке)
4. Словарь арабо-персидских слов использованные в классической азербайджанской литературе, в двух тт. I том. – Баку: Шарг-Гарб, 2005, 416 с. (на азерб. языке)
5. Словарь арабо-персидских слов использованные в классической азербайджанской литературе, в двух тт. II том. – Баку: Шарг-Гарб, 2005, 416 с. (на азерб. языке)
6. Джафарлы А. Имамеддин Насими. Собранные труды. – Баку: Маариф, 1985, 440 с. (школьная библиотека) (на азерб. языке)
7. Мехмет Доган. Большой турецкий словарь, Ени Шафак, 1996, 1170 с. (на турецком языке)
8. Толковый словарь азербайджанского языка. В трёх тт. I том. – Баку: Чыраг, 1997, 452 с. (на азерб. языке)
9. Толковый словарь азербайджанского языка. В трёх тт. II том. – Баку: Чыраг, 1999, 452 с. (на азерб. языке)
10. Толковый словарь азербайджанского языка. В трёх тт. III том, Баку, «Чыраг», 2000, 416 с. (на азерб. языке)
11. Худиев Н. История литературного языка Азербайджана. – Баку: Маариф, 1995, 496 с. (на азерб. языке)
12. Араз М. Собрание сочинений, в двух тт. I том. – Баку: Лидер, 2004, 224 с. (на азерб. языке)
13. Набати Сеид Абулгасим. Собрание сочинений. – Баку: Шарг Гарб, 2004, 216 с. (на азерб. языке)

Рзаева Ч. В. Положення арабо-перських слів у лексиці Гусейна Джавіда / Ч. В. Рзаева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 303–307.

У науковій статті автор аналізує становище арабських та перських слів у лексиці Гусейна Джавіда. Азербайджанська мова, належить до мов південно-західної гілки тюркських мов, з найдавніших часів при контакті з представниками деяких народів Кавказу він перейняв лексику арабської, персидської та російської мов. У результаті цього в словниковому складі азербайджанської мови відбулися певні зміни. Автором зазначено, що основне джерело запозичення – це тюркські мови, однак і арабська, і перська мови залишили свій вплив.

Ключові слова: азербайджанська мова, арабські запозичення, перські запозичення, Гусейн Джавід.

Rzayeva Ch. V. Place of the Arab-Persian words in the Husein Javid's lexicon / Ch. V. Rzayeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 303–307.

In a scientific article, the author analyzes the place of the Arab-Persian words in the Husein Javid's lexicon. Azerbaijani language belongs to the languages of the southwestern branch of the Turkic languages, from ancient times it is in contact with some of the Caucasian peoples languages, Persian and Russian lan-

guages. As a result, in the vocabulary of the Azerbaijani language have been some changes. The author notes that the main source of borrowing were Turkic languages, but Arabic and Persian languages also had an impact. The main part of borrowed words in the vocabulary of Javid's creativity are of Arabic origin. A large number of Arabic words has religious content and for this reason their archaism very weak. In the community, part of the Arab-Persian words in a new environment lost their singularity and obeyed the laws of Azerbaijani language grammar. All words borrowed from two languages to some extent retained their phonetic feature. It is for these phonetic features can determine the origin of these words. The article mainly analyzes sight level of archaism, the speed of its use and the source of the words used Huseyn Javid. Studies show that, despite the surplus compound, prepositions, position vowels, Turkic-Azerbaijani grammar forms superiority.

According to the results we can say that the use of the Arab- Persian words, quality and value for contact Turkic words guarded in modern language. In our opinion, the time variation of these words Azerbaijani-Turkic words came at the expense of our language capabilities

Keywords: Azerbaijani language, Arabic borrowing Persian borrowings, Huseyn Javid

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 811.512.62 + 811.133.1

РОЛИ ИНВЕКТИВНЫХ ЗООНИМОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Сейидова В.

*Азербайджанский университет языков, Азербайджанский славянский университет
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В научной работе автор исследует роли инвективных зоонимов во французском и азербайджанском языках. В статье указывается на тот факт, что инвективные зоонимы обладают, в первую очередь, национальными качествами. Автор выражает свое согласие с мнением некоторых ученых, что «неприличная лексика не является функциональным эквивалентом оскорбительной лексики». Он считает, что она лишь предупреждает осторожное употребление этих слов.

Данное исследование не является исчерпывающим и состоит из нескольких частей. В статье приводится сравнительный словарь (с комментариями) зоонимов французского и азербайджанского языков, обладающих наибольшей степенью инвективности.

Ключевые слова: зоонимы, инвективы, коннотация, семантика, оскорбление.

Постановка проблемы. Одним из достижений нашей цивилизации в течение долгих лет является сохранение чувства уважения к личности и достоинству человека. Но есть случаи, когда недовольства, возникающие между людьми, приводят к употреблению ими по отношению друг к другу оскорбительных выражений, и именно среди этих оскорблений очень часто встречаются названия животных. В силу того, что некоторые названия животных считаются оскорбительными, будет целесообразно исследовать инвективную функцию тех или иных зоонимов, семантика которых оценивается отрицательно.

Как известно, интеллектуально-объективное значение слова, характеризующего общечеловеческие свойства, в различных культурно-исторических и географических условиях обладает национальной специфичностью. Человек, не представляющий полного коннотативного описания иностранного слова и не живущий в стране, язык которой изучает, не знает семантику этого слова либо понимает неполностью. В анализируемых языках множество зоонимов употребляется в качестве достаточно грубого оскорбления. С целью идентификации и анализа описательных проблем зоонимов, обладающих семантикой с элементами оскорбления, целесообразно использовать синоним «инвектив, инвективная лексика» (лат. “*invectiva oratis*” – неприличная / ругательная лексика). Инвективная лексика состоит из слов и выражений, обладающих оценкой личности адресата в виде оскорбления и семантикой с экспрессивной окраской с целью унижения и оскорбления объекта речи говорящего (пишущего).

Для выражения инвективов, в том числе употребляются такие термины как *непристойный (неприличный), грубый, обесцenenный*. Отметим, что если зоолексика, не входящая в непристойную и грубую лексику, носит характер оскорбления и унижения по отношению к человеку, то эти выражения (в силу этических норм) традиционно превращаются в инвективные слова.

В рамках этого исследования вследствие ограничений его объема и невозможности освещения в полной мере рассуждений о проблемах инвективности в современной лингвистике, мы вынуждены удовлетвориться только выделением некоторых случаев.

По Н. Д. Голеву, «инвективная функция языка является одной из его естественных функций, которая неразрывно связана с возможностью (и жизненной необходимостью) творческого использования слова» [1, 45]. Инвективное слово – это единица речи, которая претворяет в жизнь определенные экспрессивные и коммуникативные замыслы автора. Инвективное слово является одним из оценочных, императивных, этических и информативных жанров речи, обладающих признаками образования коммуникативных целей либо других жанров. В последнее время инвективный жанр очень широко используется и в быту, и в других областях общения. Отрицательная оценка адресата составляет основное содержание как инвективного жанра речи, так и оценки.

Несмотря на некоторые различия в национальных особенностях, базовая оценка (необходимость охраны прав человека, рассмотрение личности как независимого нравственного субъекта) в сравниваемых культурах отличается низким и высоким уровнем. По мнению ученых, проводивших исследования в области межкультурных коммуникаций, большинство Европейских стран обладают индивидуальным типом культуры, и в этой культуре общество имеет высокую степень правового сознания и исполнения этических норм.

В этом коллективе в рамках норм, учрежденных согласно национально-культурным порядкам, учитывается система разрешения и запрета использования той или иной лексики по отношению к человеку, и, таким образом, эта проблема тесно связана с законом о чести и достоинстве личности человека.

В последнее время в Азербайджане часто встречаются случаи оскорбления чести и достоинства человека, в то время как в Западных странах эта проблема контролируется уже много лет и учреждены специальные законы об оскорблениях, направленные на защиту прав слушателей (читателей). К примеру, на одном из немецких сайтов изображается случай, происходящий с Г. Фрау, едущей по направлению движения: Вследствие нарушения ею правил дорожного движения один из водителей оскорбляет её: “Du, Schwein!” / «Эй, ты, свинья!». Г. Фрау подает в суд на оскорбителя. Оскорбитель привлекается к ответственности и выплачивает штраф суммой 500 ДМ (www.jura-uni.sb.de).

Закон о защите чести и достоинства граждан Германии приводится в статье 185 Уголовного Кодекса Германии: «Оскорбление наказывается в виде лишения свободы сроком в 1 год либо денежным штрафом. Под понятием оскорбления имеется ввиду проявление намеренной незаконной грубости по отношению к чести другой личности. Оскорбитель унижительно оценивает личностные качества и поведение потерпевшего» (§185. Strafgesetzbuch. [http // www.gesetzbuch.com /](http://www.gesetzbuch.com/)). Таким образом, речь идет об устном оскорблении (с использованием именно зоонимов) и французские и азербайджанские законы стоят на защите чести и достоинства личности каждого гражданина Франции и Азербайджана. К примеру, пункт 5 статьи 433 (433.5) Уголовного Кодекса Республики Франция гласит: унижение или оскорбление чести

и достоинства другого человека словами, жестами либо угрозами наказывается штрафом суммой до 7500 Евро либо приговором к 6 месяцам лишения свободы. (6, 717). Эта статья толкуется следующим образом: под понятием оскорбительного слова имеется ввиду любое выражение, оскорбляющее честь и достоинство человека, к которому оно адресовано. Инвективы служат для выражения именно этих отрицательных значений – унижение, проявление неуважения и т.д.

А в статье 148 Уголовного Кодекса Азербайджанской Республики в связи с этим говорится: «Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме в публичном выступлении, публично демонстрирующемся в произведении или средствах массовой информации, - наказывается штрафом в размере от трехсот до одной тысячи минимальных размеров оплаты труда, либо общественными работами на срок до 240 часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до шести месяцев» [3, 138].

В статье 130 Уголовного Кодекса Российской Федерации читаем: «Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Оскорбитель отрицательно оценивает другое лицо, посрамляет его имя и вводит его в жалкое положение. ... Во время оскорбления не указывается какой-либо конкретный факт, но пострадавшему дается отрицательная оценка, например, оскорбления словами, используемыми даже в литературе, но не приемлемыми по отношению к человеку, такими как «осел, гнида» [5, 74-75].

По этим статьям мы видим, что во Франции, Германии, России и Азербайджане оскорбление словом наказывается законом. Таким образом, сегодня законы запрещают использование и зоолексики как оскорбления.

Инвективные зоонимы обладают и национальными качествами. К примеру, слово, которое в культуре одного народа считается крайне оскорбительным и может даже привести к судебным разбирательствам, у других народов может вызывать восхищение. Например, слово «кобыла», адресованное русской женщине считается оскорблением, но его образные элементы не вызывают у французской или азербайджанской женщины тех эмоций, которые возникают у русской женщины. Определение инвективных зоонимов, далеких от денотации (реального отношения), в языке «производится с целью проявления не только отрицательного отношения к объекту, но и отсутствия уважения к нему» [2, 32].

По В. Славкиной, названия животных, употребляемые для оскорбления чести, не всегда являются оскорбительными («Независимая газета», 2000, №36).

Местные и иностранные лингвисты показывают, что на самом деле определить значение оскорбления очень сложно (фр. “injure” - оскорбление, “insulte” - оскорбление, “expression outrageante” – оскорбительное выражение и др.). По мнению французского лингвиста Д. Лагорже, «сказать оскорбительное слово еще не значит оскорбить, а оскорбить – не значит сказать оскорбительное слово». (“Express”, 27.03.2003). Любое слово в определенном контексте может прозвучать как оскорбление. На самом деле оскорбление занимает свое место только тогда, когда жертва вербального нападения чувствует себя оскорбленной. По этой причине нужно всегда учитывать условия общения. Например, с точки зрения языковых

норм, очень грубое слово может не считаться таковым в кругу друзей. То есть в этом случае это слово используется не для оскорбления или унижения, а для выражения степени близости с человеком, которому оно адресовано. Например, во Франции гомосексуалисты обращаются друг к другу словом «rhoque» - тюлень, которое в переносном смысле означает «гомосексуалист». Но на языке гетеросексуалов это слово считается самым тяжелым оскорблением.

Выводы и перспективы. Таким образом, каждое инвективное слово может употребляться как неинвективное (напр., А. П. Чехов называл свою жену «собакой», во французском «ma chouette» - моя сова, «ma puce» - моя блоха и тп.), с другой же стороны нейтральное слово в определенных контекстах может быть оскорбительным.

Мы полностью согласны с мнением некоторых ученых, что «неприличная лексика не является функциональным эквивалентом оскорбительной лексики». Мы считаем, что она лишь предупреждает осторожное употребление этих слов.

Наше прежнее исследование по изучению зооморфизмов с отрицательной коннотацией показывает возможность перспективности подобных исследований. До тех пор, пока не будут составлены специализированные юридические лингвистические словари с наиболее оскорбительными словами, мы будем только интуитивно определять степень инвективности того или иного зооморфизма, либо выяснением его значения по примечаниям в энциклопедических, толковых и др. словарях. В рамках этого исследования мы не претендуем на составление юридического законного словаря инвективной лексики, но основываясь на проведенных исследованиях мы постарались составить *список* не только нежелательных, но и опасных и неприемлемых *зоонимов*. Ниже представлен сравнительный словарь (с комментариями) зоонимов французского и азербайджанского языков, обладающих наибольшей степенью инвективности.

Таблица 1

Французский язык	Азербайджанский язык
âne	осел – высокая степень инвективности
animal	животное – высокая степень инвективности
bourrique	ослица – не используется как зоохарактеристика в азербайджанском языке
buse	выпь – не используется как зоохарактеристика
chacal	шакал – высокая степень инвективности
chameau	верблюд – высокая степень инвективности
chien	собака – высокая степень инвективности
chienne	сука – высокая степень инвективности
cochon	свинья – высокая степень инвективности
cochonne	поросенок – не используется как зоохарактеристика в азербайджанском языке
hyène	гиена – низкая степень инвективности
morue	треска – не используется как зоохарактеристика
rhoque	тюлень – не считается оскорбительным
porc	свинья – высокая степень инвективности

poulet	цыпленок – не используется как зоохарактеристика
poule	курица – средняя степень инвективности
rapace	хищная птица – средняя степень инвективности
rat	крыса – высокая степень инвективности
truie	самка свиньи – не используется как зоохарактеристика
vache	корова – высокая степень инвективности
vautour	гриф – не используется как зоохарактеристика
vipère	гадюка – высокая степень инвективности

Таблица 2

Азербайджанский язык	Французский язык
лошадь	cheval – очень низкая степень инвективности
овца	brébis – не используется как оскорбление
верблюд	chameau – высокая степень инвективности (при обращении к женщине)
свинья	cochon – высокая степень инвективности
шакал	chacal – средняя степень инвективности
гадюка	vipère – высокая степень инвективности
сука	chienne – высокая степень инвективности
жеребенок	ânon – не является оскорблением
лягушка	crapaud – средняя степень инвективности
пес	chenapan – не является оскорблением
стервятник	vautour – не используется в качестве зоохарактеристики
осел	âne – высокая степень инвективности
собака	chien – высокая степень инвективности
змея	serpent – средняя степень инвективности
корова	vache – высокая степень инвективности
животное	animal – высокая степень инвективности
бык	boeuf – средняя степень инвективности
крыса	rat – высокая степень инвективности

Литература

1. Голев. Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юристингвистика – 1: Проблемы и перспективы. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. Ун-та, 1999. – С. 44-47.
2. Голев Н. Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юристингвистика – 2: Проблемы и перспективы. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2000. – 55 с.
3. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. – Баку: Изд-во Юрид. Литер, 2007. – 420 с.
4. Джафаров И. Изложение Конституции Азерб. Республики. – Баку: Изд-во Юрид. Литер, 2001. – 487 с.
5. РФР. Уголовный кодекс. -М., 1996. -510 с.
6. Nouveau Code Pénal. P.: Edition du Juris-Classeur-8, 1999. – 885p.
7. Азербайджанско-русский словарь. – Баку, 1985. – 417 с.
8. Новый Французско-русский словарь, Москва: Русский Язык Медиа, 2006.
9. Русско-азербайджанский словарь. – Баку, 1990. – том 1-3.

10. Русско-французский словарь. – Москва: Русский язык, 1983

Сейідова В. Ролі інвективних зоонімів у французькій та азербайджанській мовах / В. Сейідова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 308–313.

У науковій роботі автор досліджує ролі інвективних зоонімів у французькій та азербайджанській мовах. У статті вказується на той факт, що інвективні зооніми володіють, в першу чергу, національними якостями. Автор висловлює свою згоду з думкою деяких вчених, що «непристойна лексика не є функціональним еквівалентом образливої лексики». Він вважає, що вона лише попереджає обережне вживання цих слів.

Дане дослідження не є вичерпним і складається з кількох частин. У статті наводиться порівняльний словник (з коментарями) зоонімів, що володіють найбільшим ступенем інвективності у французькій та азербайджанській мовах.

Ключові слова: зооніми, інвективи, конотація, семантика, образа.

Seyidova W. Roles of invective zoonyms in French and Azerbaijani languages / W. Seyidova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 308–313.

In a scientific paper, the author explores the role of invective zoonyms in French and Azerbaijani languages. The article points to the fact that the names of animals have invective, primarily national qualities. Word that one culture is considered extremely offensive and may even lead to litigation can be admired other peoples. For example, the word “mare”, addressed to the Russian woman is considered an insult, but it shaped elements do not cause the French or Azerbaijani women the emotions that arise in the Russian women.

The author agrees with the opinion of some scholars that “vulgar vocabulary is not the functional equivalent of abusive lexica”. He believes that it only warns the cautious use of these words.

This study is not exhaustive and consists of several parts. Previous study on the negative zoomorphism’s connotation shows the possibility of such research perspectives. The author notes the fact that as long as there will be developed specialized legal linguistic dictionaries with the most offensive words, we will only intuitively determine the degree of invective of a zoomorphism or clarify its meaning to the notes in encyclopedias, dictionaries and other explanatory. In this study the author does not claim to legal drafting legal dictionary invective lexicon, but basing on the studies undertaken creates the list of not only undesirable, but also dangerous and unacceptable zoonyms.

The article provides a comparative dictionary (with comments) of zoonyms in French and Azerbaijani languages with the greatest degree of invective.

Keywords: zoonyms, invective, connotation, semantics, insult.

Поступила в редакцію 03.03.2014 з.

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ МИРА

УДК 820/89 (100-87)

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХИ МЕМЕДЕМИНА ЯШАРА*

Усеинов Т. Б.

*ТНУ имени В. И. Вернадского, Республика Крым
E-mail: useinovtb@mail.ru.*

Лирика занимает важное место в творчестве Мемедмина Яшара. Данное тематическое направление “сопровождает” поэта на протяжении всего творческого пути, в той или иной степени, отражаясь в его стихотворных сборниках. Мы имеем дело с платоническим, в большинстве своём, безответным любовным чувством.

Целью работы является изучение лирико-романтических стихов крымскотатарского поэта. Некоторая наивность, искренность и открытость, в тоже время, доступность, в языковом плане, привлекают, завораживают, делают эту поэзию столь близкой рядовому читателю.

Ключевые слова: Мемедмин Яшар, крымскотатарская поэзия, лирические стихи, тематический спектр.

*...Давай, останемся вместе,
Будем есть из одного казана,
Насытимся нашим миром,
Будем жить до старости...
(М. Яшар. “Будем жить до старости...”)*

Постановка проблемы. Лирические стихи являются важной составляющей творчества Мемедмина Яшара и потому требуют более глубокого и всестороннего исследования.

Актуальность темы. Лирические стихи Мемедмина Яшара до сегодняшнего дня не исследовались, что не способствует целостному изучению крымскотатарского литературного процесса.

Цель работы – изучение лирико-романтических стихов крымскотатарского поэта, как неотъемлемой составной его поэзии.

Вступление. Лирика и восточная народная письменная силлабическая поэзия неразрывные понятия. На протяжении многих веков крымскотатарская силлабика, в теоретическом плане, не претерпела существенных изменений: используется тот же силлабический стихотворный метр (везин, везн), рифма (кьяфие), разновидности строф (бент), образные системы, средства выражения, предметное и цветное сопоставление (противопоставление) и т. д.

Семантика так же носит традиционный характер. Говоря о лирике Мемедмина Яшара отметим, что данное тематическое направление занимает важное место в его

* Мемедмин Яшар – крымскотатарский поэт румынской диаспоры (1936-2007)

творчестве. Она “сопровождает” поэта на протяжении всего творческого пути, в той или иной степени, отражаясь в стихотворных сборниках.

Мы имеем дело с платоническим, в большинстве своём, безответным любовным чувством. В стихотворении “Без толку” влюблённый бескорыстен, он с “головой” уходит в свои чувства, хотя они не всегда взаимны:

*...Так полюбил тебя,
Разбилось сердце моё на четверо,
Улыбающееся лицо твоё лишило чувств,
Без толку мне душевная боль, укор... [1, 137].*

В одном из самых удачных лирических стихотворений “Почему ты не сказала: “Не уходи?” влюблённый недоумевает. Его беспокоит один вопрос: “Почему?...”

Его чувство любви было так просто для понимания – она же... почему?...

Вмиг, в его глазах потух свет – она же... почему?...

Пропала надежда – она же... почему?...:

Почему ты не сказала: “Не уходи?”

Когда мои глаза “покрылись чёрным”.

Почему, прикоснувшись (лаская), не полюбила,

Когда во мне закончилась надежда... [1, 136].

Главный герой оставляет вину, в данной ситуации, на объект своего вожделения. Он озвучивает свои версии причин, в силу которых красавица ведёт себя “холодно”, жестоко и т. п.:

*...Может постыдилась народа,
Отдать мне сердце.*

*Не поняла ты моего сердца,
Объявила всем, что это шутка.
Не взглянула ты “прямым” взглядом,
Притушить моё “пламя”... [1, 136].*

Влюблённый “вычислил” причину “двойной игры” возлюбленной – это любовный треугольник: влюблённый-красавица-соперник, в котором предпочтение отдано не в пользу главного героя:

*...Одно сердце “тесно” для двух влюблённых.
Ты не поняла этого.
Есть другой кроме меня,
Ты не дала мне надежды!... [1, 136].*

В стихотворении “Без толку” обнаруживаем предельную откровенность молодого человека, которая не находит понимания у красавицы. В ответ она лукавит и истинное положение дел, рано или поздно, становится явным. Неожиданное разрешение ввергает влюблённого в растерянность:

*...Живые твои слова,
Принял (посчитал) за гарантию, поверил.
Когда же понял действительность,
Обескуражил, остался без мнения... [1, 137].*

Молодой человек в любовном порыве выносит различные невзгоды, часто и неоправданные. В стихотворении “Прохлада” он задаётся вопросом: “Не дорогую ли цену платит за происходящее?”:

...Думаю, стоя в тени:

“Для того, чтобы понять жестокость твоей красоты

Обязательно ли нужно испытать боль от колючек розы?” [1, 136].

Молодой человек обессилен. Перспектива не утешительна. Увы! Его участь предрешена – страдать в любовном порыве и ничего, в его Судьбе, не изменить. В стихотворении “Когда сердце становится давулом” влюблённый изображён безумцем, охваченным красотой возлюбленной, затмившей в нём все зачатки разума:

Природа не пожалела от тебя,

Отдала тебе всё своё естество... [1, 137].

В лирике Мемедмина Яшара можно обнаружить ещё одну трёхсоставную образную систему. Помимо соперника, задействован образ сторонника влюблённых, в роли которого выступает Луна (Месяц).

По традиции жанра, страдающий влюблённый нуждается в посреднических услугах третьего лица.

В средневековой крымскотатарской квантитативной поэзии, впрочем, так же, как и в письменной силлабической, в этой роли использовался образ ветра – сторонника-посредника влюблённых, доносящего слова любви от молодого человека к девушке.

Мемедмин Яшар же, в стихотворении “Любимая сестра”, предлагает свою интерпретацию данного мотива. Изображаемая Луна (Месяц) – это образ сторонника-свидетеля происходящих событий, который долгими вечерами выслушивал разговоры влюблённых и, конечно же, никому не разгласил тайну. Луна вежливо называется “старшей сестрой”, она, по праву, заслужила это звание:

...Слушала мои слова...

Знаю, никому нас не предала,

Сохранила нашу тайну... [1, 137].

Влюблённый желает отблагодарить Луну за её сочувствие и понимание, однако, небесное светило не намерено получать вознаграждений – “оно создано для влюблённых”:

“...Я создана для этого дела,

И потому всю свою силу (природу, естество)

Посвящаю влюблённым!...” [1, 137].

Интересен опыт описания образа “светлолицей” блондинки, в роли возлюбленной. Отметим, что в крымскотатарской поэзии таковые примеры являются скорее исключением, чем правилом.

Рассмотрим стихотворение “Когда сердце превращается в давул”:

...Ровный нос, “вырезанный” рот,

Завершает её белое (светлое) лицо.

Сверкающий цвет рыжих волос,

Ослепляет мои глаза... [1, 137].

Мемедемин Яшар, в этом же произведении, при описании красоты девушки, применяет редкое, присущее для поэзии данной диаспоры, метафорическое сравнение: “две звезды вместо глаз”:

*...Вместо глаз две звезды,
“Поставила” под твои брови... [1, 137].*

Использование образа небесных светил, для усиления эффекта красоты объекта поклонения, – неоднократно используемый приём в творчестве поэта.

Так, в стихотворении “Когда ты смеёшься...”, “Месяц” и “Звезда” не в состоянии “конкурировать” с красотой возлюбленной и вынуждены “скрываться”:

*Когда ты смеёшься прячется Месяц,
Когда ты смеёшься страдает Звезда... [1, 139].*

Кроме того, вся природа реагирует на её поведение, улыбку:

*...Когда ты смеёшься останавливаются реки,
Когда ты смеёшься раскачиваются леса... [1, 139].*

Влюблённый не остаётся в стороне от происходящего. Он ощущает прилив сил и эмоций:

*...Когда ты смеёшься переполняется моё сердце,
Когда ты смеёшься возбуждаются мои чувства... [1, 139].*

Она подобна огню – небезопасна, коварна и недоступна. При самом большом желании, она “не по зубам” влюблённому и это, в стихотворении “Не могу удержать пера...”, очевидно даже ему самому:

*...Ты огонь (пламя), поток (течение),
Обнять тебя не могут руки... [1, 138].*

В творчестве Мемедемина Яшара (стихотворение “Почему я тебя полюбил...”) можно встретить и другой тип возлюбленной – скромной и, в то же время, самодостаточной.

Эти качества привлекают, “покупают” поэта, они, пожалуй, для него предпочтительнее остальных. Именно простота заставляет часто биться сердцу, подкупая и изумляя влюблённого:

*Почему я тебя полюбил...
Присмотрелся,
Изучил,
Не обнаружил ничего отличного [имеющего отличие – Т. У],
Поразила меня твоя простота...
“Завоевала”... [1, 139].*

Эти стихотворения “светлы”, настроены на позитив. Влюблённый “поглощён” своим чувством, он готов ждать и переносить временные трудности, главное, что они не искусственны. Чувства переполняют и он, в тревоге, боится даже подумать о другом разворачивании событий:

*...На околице деревни тебя ожидая,
Когда стоял в тревоге,
Боюсь, что не придёшь ты,
Когда сердце превращается в даву... [1, 137].*

Его мечта не нова – быть с любимой на протяжении всей жизни... Вопрос обращён к ней: “Когда же два сердца будут вместе?”:

*...Когда же наступят те дни,
Когда будем кушать из одного котла.
Пусть наполнятся светом и лево, и право,
Пусть взглянем мы глаза в глаза... [1, 138].*

Необходимы кардинальные действия. Влюблённый признаётся в чувствах и призывает красавицу последовать за ним – “протянуть руку навстречу”, делить радости и невзгоды пополам.

Озвученная формула несколько “примитивна” и “приземлена”, но максимально ёмка: Быть вместе, “есть из одного котла”, вкусить все радости мира, жить долго и счастливо, как полагается истинным влюблённым – открытым, искренним, простым, бескорыстным, светлым, чувственным, пылким, безумным...:

*Давай, останемся вместе,
Будем есть из одного казана,
Насытимся нашим миром,
Будем жить до старости... [1, 138].*

Выводы и перспективы. Лирика Мемедемина Яшара – это, бесспорно, явление уникальное в крымскотатарской литературе современного периода. Специфическое видение происходящего в отношениях между полами, некоторая наивность, искренность и открытость, в тоже время, доступность, в языковом плане, привлекают, завораживают, делают эту поэзию столь близкой рядовому читателю.

Литература

1. Усеинов Т. Б. Народный стих Мемедемина Яшара. – Монография. Книга 2. / Тимур Бекирович Усеинов. – Симферополь: КРП “Издательство “Крымучпедгиз”, 2009. – 160 с.
2. Yaşar M. Anka: Şiirler / Мемедемин Яшар. – Bukreş: Kriterion, 1997.
3. Yaşar M. Dostlarıma: Şiirler / Мемедемин Яшар. – Constanta: Editura Europolis, 2001.
4. Yaşar M. Kalem oyunları: Şiirler / Мемедемин Яшар. – Bukreş: Kriterion, 1996.
5. Yaşar M. Yıldızlarğa asılğan emel / Мемедемин Яшар. – Constanta: Editura Europolis, 1999.

Усеїнов Т. Б. Ліричні вірші Мемедеміна Яшара / Т. Б. Усеїнов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 314–319.

Лірика займає важливе місце в творчості Мемедеміна Яшара. Даний тематичний напрям “супроводжує” поета впродовж всієї творчої дороги, в тій або іншій мірі, відбиваючись в його віршованих збірках. Ми маємо справу з платонічним, в більшості своїй, нерозділеним любовним почуттям.

Метою роботи є вивчення лірико-романтичних віршів кримськотатарського поета. Деяка наївність, щирість і відвертість, в теж час, доступність, в мовному плані, залучають, зачаровують, роблять цю поезію настільки близькою рядовому читачеві.

Ключові слова: Мемедемин Яшар, кримськотатарська поезія, ліричні вірші, тематичний спектр.

Useinov T. B. Memedemin Yashar's Lyric Verses / T. B. Useinov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 314–319.

The lyric verses of Memedemin Yashar to today were not probed, that was not instrumental in the integral study of tatars literary process.

Liric-romantic verses, declaring identity and the internal world of author, are probed in the article. A lyric poetry occupies an important place in creation of Memedemin Yashar. It “accompanies” a poet during all crea-

tive way, in one or another degree, reflected in his written in verse collections. We deal with platonic, in most, by unreciprocated love sense.

A purpose of work is study of lyric-romantic verses of tatars poet, as to his component inalienable poetry.

Specific vision what be going on as between floors, some naivety, sincerity and openness, in also time, availability, in a linguistic plan, attract, charm, do this poetry of so near an ordinary reader.

Keywords: Memedemin Yashar, tatars poetry, lyric verses, thematic spectrum.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 811.512.1

ЭПОСНЫЙ РЕПЕРТУАР АГБАБА-ЧЫЛДЫРСКОЙ АШУГСКОЙ СРЕДЫ (ЭПОСЫ-ПРЕДАНИЯ АШУГА НАСИБА)

Агбаба А.

Сумгаитский государственный университет
E-mail: azfolklor@yahoo.com

В научной статье автор изучает эпосный репертуар Агбаба-Чалдырской Ашугской среды на примере эпоса-предания Ашуга Насиба.

Автором исследуется словесное противостояние Ашуга Алескера и Ашуга Насиба. В «Противостоянии Ашуга Алескера с Ашугом Насибом» явно видно проявление и Ашугом Алескером и Ашугом Насибом находчивости, высокого мастерства на торжестве. Это словесное состязание, в отличие от традиционных состязаний, состоит из трех этапов. Анализ текста был проведен на основе ашугского предания, данного в книге «Огузский край Гюллюбулаг». Ашугские предания представляют собой художественно преподносимые неофициальные биографии мастеров слова и саза.

Ключевые слова: фольклор, эпос, предания, загадки, Ашуг Насиб, Ашуг Алескер.

Постановка проблемы. Говоря об Ашуге Насибе, в первую очередь надо вспомнить такие предания, как «Встреча Ашуга Насиба с Ибрагимом из Гётели и его поездка в Гётели», «Противостояние Ашуга Алескера с Ашугом Насибом» (*были напечатаны различные варианты этого предания под разными названиями - «Поездка в Агбабу Ашуга Алескера» [1, 179-184], «Перепалка Ашуга Алескера с Кор (слепым) Насибом» [8, 93-95], «Поездка в Гуланис Ашуга Насиба», «Поездка в Гюллюбулаг Ашуга Вейси из Чылдырлы», «Поездка в Гуджен Ашуга Насиба» и т.д.*) поскольку в этих преданиях описывается ведение Ашугом Насибом с различными ашугами торжеств, словесное состязание с ними.

Одним из таких преданий является «Противостояние Ашуга Алескера с Ашугом Насибом». Прежде всего, отметим, что среди ученых-фольклористов есть и сомневающиеся во встрече и словесном состязании Ашуга Алескера и Ашуга Насиба. На самом деле же Ашуг Алескер встречался и дискутировал с Ашугом Насибом в Гюллюбулаге и эта перепалка широко распространена в уезде Агбаба. К.филол.н. Гашам Велиев в 8-ом номере журнала «Азербайджан» от 1989 года напечатал интересное предание о встрече Ашуга Шенлика из Чылдыра и Ашуга Алескера. В этом предании говорится, что в 1910 году Ашуг Шенлик вел свадьбу Сафара, племянника Алы-аги, в селе Гаранамаз Агбабы. Должна была быть и свадьба в Гёлли (в журнале ошибочно было названо Гёйе) у родственника Яхья-бека из Сагамоиских беков. Поэтому за месяц до того посылают весточку Ашугу Алескеру о том, что свадьба будет в такое-то время, пусть приезжает. И Ашуг Алескер решает переночевать в Гаранамазе из-за задержки в дороге. Хотя хозяин свадьбы Алы-ага и пригласил его принять участие в свадьбе, сказав «мастер не пойдет на мастера с сазом в руках», не взял свой саз в руки. На торжестве по этичности поведения, внешнему виду Ашуг Шенлик понимает, что это Ашуг Алескер. И поэтому почтительно приветствует его словами «великий мастер». Мастера вместе ведут торжество. Даже когда Ашугу Алескеру предложили играть и петь на сазе Ашуга Шенлика, большой мастер, ска-

зав «тот саз не захочет со мной говорить», вежливо отказался от предложения и попросил принести свой саз. Когда отправляющийся на следующий день в Гёллю Ашуг Алескер прощался, каждый сказал две строки. Первую часть строфы дополняет Ашуг Шенлик, вторую же – Ашуг Алескер. Эти строфы таковы:

- Ашуг Шенлик: Eşitmişəm bu dünyanın,
Əzəl-axır yaxşılıqdı.
*(Слышал я, что у этого мира
Начало и конец – добро)*
- Ашуг Алескер: Könül sevən hər insanın,
Əzəl-axır yaxşılıqdı.
*(У того кто влюблен,
Вся жизнь – добро)*
- Ашуг Шенлик: Aşıq Şenlik Suxaralı,
Ələsgər Göyçə mahalı,
*(Ашуг Шенлик из Сурахала
Алескер из Гейчинского уезда)*
- Ашуг Алескер: Nəyə lazım qalmaqalı,
Əzəl-axır yaxşılıqdı [8, 94]
*(Зачем нужен скандал,
Начало и конец – добро)*

После этого мастера попрощавшись, расстаются.

Причиной столь подробного повествования о встрече мастеров является внесение ясности во встречу и перепалку Ашуга Алескера и Ашуга Насиб. Известно, что когда ашуг выезжал в поездку, или же получал приглашение на свадьбу, никогда не проводил торжества лишь в одном селе, обходил весь этот край, исполнял и пел во многих местах. И Ашуг Алескер после проведения в Гёллю свадьбы родственника Яхья-бека пришел в Гюллубулаг. Он поддерживал дружеские отношения с родом сеидов (людей из рода пророка). Проводя там торжество повстречался с Ашугом Насибом и произошла известное состязание - дейишме. С другой стороны, Ашуг Насиб в своей гошме с рефреном «Алескер» прямо указывает на встречу и перепалку с мастером. Называя Алескера в гошме «отцом отцов», выражает ему высочайшее уважение:

Dədələr dədəsi, dədələr xası,
Aşıqlar içində pirdi Ələsgər.
Nəsib şagird misal ona qabaqda,
Dünyaya gələndən birdi Ələsgər [2, 91].
*(Отцов отец, отцов отец,
Объект поклонения среди ашугов - Алескер.
Насиб ученик пример тому наглядный,
Един со времени появления на свет Алескер)*

Как становится понятно из содержания, гошма была сказана после встречи с Ашугом Алескером. В одном месте предания говорится: «Ашуг Насиб услышал, что в Сейидлер (село - прим.пер) пришел в качестве гостя некий ашуг, и зовут его Але-

скер. Подумал про себя: «Да, его называют сильным ашугом. И говорит от души, экспромтом». Из этих слов становится ясно, что Ашуг Насиб написал эту гошму после того, как услышанное об Ашуге Алескере проясняет и уточняет на основе личного наблюдения. Обращает на себя внимание с этой точки зрения и гошма Ашуга Насиба под названием «Принес». Из гошмы и сведений информаторов становится понятно, что на Ашуга Насиба подействовало то, что его «забыли, не вспомнили», и он не желая того, устроил перепалку с Ашугом Алескером. И в этой гошме, в искренней форме выражая свое уважение к мастеру, Ашуг Насиб называет его «отцом»:

Sən bir dədə aşiq, mən bir saz çalan,
 Haqqa qul bəndəyəm, söyləməm yalan.
 Saldı sayılmamaq könlümə talan,
 Yaramın üstünə yara gətirdi [2, 32].
*(Ты отец-ашуг, я же исполнитель на сазе,
 Правде я раб, лжи не скажу.
 Неуважение разрушило душу мою,
 К ране очередной привело оно)*

В «Противостоянии Ашуга Алескера с Ашугом Насибом» явно видно проявление и Ашугом Алескером и Ашугом Насибом находчивости, высокого мастерства на торжестве. Это словесное состязание, в отличие от традиционных состязаний, состоит из трех этапов. На первом этапе Ашуг Насиб угрожает Ашугу Алескеру. Известно, что основная цель угрожающего ашуга заключается в том, чтобы напугать противную сторону, продемонстрировать ему свое превосходство. «Этот этап выглядит как демонстрация уверенности в поражении своих партнеров на арене путем психологического воздействия. Обе стороны, угрожая друг другу, советовали избавиться себя от позора, сразу покинуть арену. Однако, не слыша другого, оба продолжали торжество» [7, 250].

Хотя в этом состязании Ашуг Насиб и угрожает Ашугу Алескеру, признает наличие у него «тяжелого дыхания», т.е. святости и преклонения. Это признание показывает наличие у него высокой этики, ашугской культуры:

Ашуг Насиб:	Bir aşiq gəlibdir Güllübulaga, Xoşa gəlmir nə avazı, nə səsi. Nayıf ki, görmürəm toy-büsatını, Deyirlər, seyiddi, ağır nəfəsi. <i>(Пришел один ашуг в Гюллубулаг, Не нравится ни тон его, ни голос его. Жаль, что не вижу свадьбы его, Говорят, что сеид, дыхание тяжело)</i>
Ашуг Алескер:	Fəhmi kora verib, zehni üstəlik, Xalıqın zəlilə budur müjdəsi. Mərd mərdi öldürsə intizar qalmaz, Kişiyə dəyməsin namərd gülləsi [4, 28]. <i>(Это и есть послание людям от создателя, Если убьет храбрец храбреца,</i>

*не останется ожидания,
Да не попадет в мужчину пуля подлеца)*

Если обратить внимание, Ашуг Алескер, отвечая на угрозы Ашуга Насиба в том же духе, в то же время с широтой души признает его своеобразное преимущество в первой строке. Одним из обращающих на себя моментов является обращение Ашуга Насиба к Ашугу Алескеру с более резкими выражениями, и ответы Ашуга Алескера с присущими ему выдержкой и терпением. На самом деле есть необходимость раскрытия этого момента, иными словами, личность Ашуга Насиба, некоторые черты в его характере проявляют себя в угрозах. Известно, что и Ашуг Алескер, и Ашуг Насиб были отзывчивыми и доверчивыми людьми. Вместе с тем, известно и то, что Ашуг Насиб был вспыльчивым и нервным человеком. В связи с этим в ряде воспоминаний, ашугских преданий ясно проглядывается одна черта. И здесь Ашуг Насиб для демонстрации своего превосходства над Ашугом Алескером ведет себя вызывающе, доводит до его сведения, что он слаб в ашугском искусстве, «не умеет ни играть, ни петь»:

Ашуг Насиб:	Nə saz çala bilir, nə də oxuya, Yun tök qabağına kilim toxuya. Qonaq edin pendir, çörək, yuxaya, Dolsun dağarcığı, həm də kisəsi. <i>(Не может ни играть на сазе, ни петь, чтобы ковры ткал, навалите перед ним шерсть. Угостите его сыром, хлебом, лавашиом, Пусть наполнится и хурджун его, и мешок)</i>
Ашуг Алескер:	Toxunmaram sənin kimi zəlilə, Hədələmə məni xalqın əlilə. Bir qulaq as, nəsihətə, dəlilə, Eşidənin səndən gəlsin həvəsi [4, 281]. <i>(Не трону такого страдальца, как ты, Не грози мне руками народа. Послушай аргумент, назидание Чтобы услышавшего тебя появилось желание)</i>

Как можно заметить, даже в этот момент схватки, как бы ни был резок Ашуг Насиб, столь же кроток и терпелив Ашуг Алескер. Первая причина этого, как уже отмечали выше, заключается в том, что Ашуг Насиб был нервным и вспыльчивым. С другой стороны, при этой встрече Ашугу Насибу было сорок лет, а Ашугу Алескеру веосемьдесят четыре года. Несомненно, сороколетний возраст – период «буйства» ашугов, что и проявляется в Ашуге Насибе.

Сорвершенство сказанной Ашугом Насибом Ашугу Алескеру загадки о сазе в упомянутом нами ашугском предании сообщает о его высоком мастерстве. Известно, что «загадки чаще всего встречаются в эпосах, ашугских пререканиях. Одно из основных требований подобных перепалок заключается в ответе на каждую загадку сообразно её форме, системе рифмования» [5, 17]. Гыфылбенд (поэтическая форма ашугского творчества) Ашуга Насиба о слове обращает на себя внимание и своей поэтической структурой, и глубоким содержанием, и в качестве выражения широ-

кого философского мышления. Затруднения такого мастера как Ашуг Алескер в раскрытии этой загадки еще раз подтверждает Ашуг Насиб как сильного мастера слова и сазы: «Как бы ни думал Ашуг Алескер, ничего не вышло. Подумал про себя, что значит эта девятка? То ли год, то ли месяц, то ли день? Поигрывая на сазе, он пошел в сторону свадебной палатки» [4, 283].

Любопытно, что Ашуг Насиб, девять раз используя цифру девять в трех-строфном гыфылбенде, создает ряд художественных вопросов, полных метафор, осмысленных эпитетов. Известно и то, что цифра девять часто используется и в религиозной, и в классической литературе, и в народной поэзии. Цифра девять как сакральное число занимает важное место в мифологическом сознании многих народов мира, в том числе и в мифологическом сознании азербайджанского народа. Наши древние предки тайну происходящих в природе различных явлений связывали с сакрально священными числами. Весьма богатые мифические сюжеты, образы, первичные представления первобытных людей отражались в цифре девять. И в «Книге Деде Коркута» сфера применения цифры девять велика.

Хотя Ашуг Насиб и не учился, как мы уже отмечали в предыдущих главах, он приобрел устным путем богатые знания. Благодаря приобретенным знаниям он сумел, используя сакральность цифры девять, в поэтической форме реализовать содержательно-смысловую полноту созданного им гыфылбенда, мастерски соединил традиционные мотивы с образными выражениями своего художественного воображения. Если обратим внимание на гыфылбенд, наглядно увидим это:

Ашуг Насиб:	Səndən xəbər alım, Aşıq Ələsgər, Doqquz nədi, sənətindən xəbər ver?! Neçə doqquz bir-birinə bağlıdı, O doqquzun qüdrətindən xəbər ver?! <i>(Спрошу я у тебя, Ашуг Алескер, Что такое девять, сообщи об искусстве своем?! Как девять друг с другом связано, Сообщи о могуществе той девятки?!)</i>
Ашуг Алескер:	Al cavabı deyim, ay Aşıq Nəsim, Doqquz dedikləri sazdı qabaqda. Dörd doqquzdu bir-birinə bağlıdı, Bir oxunur, xoş avazdı qabaqda. <i>(Получай ответ, скажу я, эй Ашуг Насиб, Девять что имеется в виду – то саз Четыре девятки связаны друг с другом, Поэты вместе, с приятным ладом)</i>
Ашуг Насиб:	Doqquzu nə dildə edir söhbəti? Doqquzu doqquzdan buraxmır qəti. O doqquzda nə görübsən xilqəti? O doqquzun xilqətindən xəbər ver! <i>(На каком языке говорят девятеро? Девять девятерых не отпускает совсем: Что увидел в этой девятке)</i>

- Ашуг Алескер: *Расскажи о сущности этой девятки!)*
Doqquzu danışır desən nə dildə,
Doqquzu, doqquzu saxlayıb əldə.
Doqquz qabırğadı birləşib beldə,
Doqquz aşiq, sim tarazdı qabaqda.
*(Если скажешь на каком языке девятеро говорят,
Девятеро девятерых держат в руках.
Девять ребер соединились на спине,
Девять Doqquz aşiq, sim tarazdı qabaqda)*
- Ашуг Насиб: Doqquzu birləşib tapıb necə yol,
Kim idi onları elədi qəbul?
Necə şah, vəzirdi qarşısında qul,
Nəsib deyər, hikmətindən xəbər ver!
*(Как девятеро объединившись дорогу нашли,
Кто был тем, их принял их?
Сколько из них шахи, визири со слугами
Насиб скажет, раскрой мне тайну свою!)*
- Ашуг Алескер: Doqquzu birləşib tapıb üçcə yol,
On barmaq onları eyləyib qəbul.
Yetmiş iki hava şah pərdəyə qul,
Ələsgər gözləyir yazdı qabaqda [4, 282-284].
*(Девятеро объединившись нашли три пути,
Десять пальцем принимают их.
Семьдесят две мелодии – шахскому ладу слуги
Алескер ждет наступающую весну)*

Полагаем необходимым повторить здесь одно замечание известного фольклориста М.Гасымлы об Ашуге Насиб: «Его знаменитое словесное состязание с Ашугом Алескером признается одним из сложнейших испытаний ашугского искусства» [3, 200]. И действительно, провести торжество и устраивать словесное состязание с таким большим мастером, как Ашуг Алескер, не каждого ашуга дело, это считалось труднейшим экзаменом Ашугу Алескеру. С другой стороны, в этом противостоянии вызывает интерес искреннее признание обоих ашугов. Сказанные Ашугом Алескером об Ашуге Насиб слова «запарил меня слепой, да пропади его пропадом» показывают, что Ашуг Алескер считал его мастером:

Ələsgərə verdin çətin sualı,
Söyləyəcəm bilsin Göyçə mahalı.
İnan ki, daha da dəyişdi halı,
Təntitmişdi məni kor başı batmış [4, 285].
*(Задал Алескеру сложный ты вопрос,
Скажу, пусть знает весь уезд Гейчи,
Поверь, еще большее изменилось состояние его
Запарил меня слепец, пропади его пропадом).*

При этом полагаем необходимым раскрыть еще один момент в характере Ашуга Насиб. Признание «Насиб считает тебя мастером-ашугом» является выражением

его уважения к Ашугу Алескеру. Вместе с тем, его именование Ашугом Алескером «слепец» хотя и задевает Насиба, соблюдая этические нормы, он ограничивается выражением своего возражения в легкой форме. Хотя в начале противостояния Насиб более резок и надменен. После же он еще раз подтверждает, что Ашуг Алескер действительно могучий мастер:

Şikəstə lağ etmək, mənə ayıbdı,
 Ustadın Alı da mən tək mayıfdı.
 Nəşib səni ustad aşiq sayıbdı,
 İstəyirsən eldən sor, başı batmış [4, 286].
*(Насмехаться над калекой, по мне, стыдно
 Твой наставник Алы, как и я, слабец
 Насиб считает тебя мастером-ашугом,
 Если хочешь, спроси у народа, пропади ты пропадом)*

Обращение каждого из мастеров к другому выражением «пропади ты пропадом» в конце четырехстиший не является грубостью. Используя первым это выражение, Ашуг Алескер, на наш взгляд, преследовал цель ослабить напряжение на торжестве. На самом деле такие выражение, как «başı batmış», «ölmüş», «ciyəgi uanmış» и т.д. часто используются в народе, к тому же часто в качестве речевого этикета имеют смысл не только проклятия, но и любви и искренности. Завершение торжества веселым настроением, возникновение веселого и доброго юмористического настроения связано именно с этим выражением. «Противостояние Ашуга Алескера с Ашугом Насибом» широко распространено и в иных средах азербайджанской ашугской творчестве. Это предание занимало особое место и в репертуаре ашуга Борчалы, особенно Ашуга Гусейна Сараджлы [1, 179-184]. Из краткого представления, напечатанного в журнале «Улдуз» предания («Противостояние Ашуга Алескера с Ашугом Насибом»), становится ясно, что «Противостояние Ашуга Алескера с Ашугом Насибом» очень распространено и среди Товуз-Гедабекских ашыгов [8].

Однако и в книге Гусейна Сараджлы, и в напечатанные в журнале «Улдуз» те самые предания неполные. Выражение Ашуга Алескера Ашугу Насибу «был бы ты хорошим ашугом, да наставника не видал» в варианте Гусейна Сараджлы совершенно не верно. Как неоднократно мы отмечали, он изучил секреты ашугского мастерства у Ашуга Шенлика из Чылдыра и всю жизнь не забывал своего наставника. А в ашугском предании, изданном в журнале «Улдуз», название села Гюльбулаг было дано как Гюльюр, хотя в региона Агбаба такого села не было. И наконец, в обоих вариантах отсутствует сказанное Ашугом Насибом Ашугу Алескеру в конце торжества гошма с рефреном «Başı batmış». Анализ текста был проведен на основе ашугского предания, данного в книге «Огузский край Гюллюбулаг» автора этих строк.

Выводы и перспективы. Ашугские предания представляют собой художественно преподносимые неофициальные биографии мастеров слова и саза. Нельзя забывать, что в этих преданиях, как отражены пройденный ашугами жизненный путь, определенные эпизоды их жизни, морально-этические ценности нашего народа и пр., так же широко описаны общественно-политическая картина социального уст-

ройства, существующего общества, локальные виды географического ареала, в котором происходили события. Именно в этом контексте изучение, сбор и издание ашугских преданий об Ашуге Насибе имеет важное значение.

Литература

1. Ашуг Гусейн Сараджлы. Стихи. Высказывания / составитель С.Эфенди. – Баку: Язычы, 1992 (на азерб. языке)
2. Ашуг Насиб (собрали и составили: Г.Исмаилов, Т.Курбанов). – Баку: Сяда, 2004 (на азерб. языке)
3. Гасымлы М. Озан-ашугское искусство. – Баку: Угур, 2007 (на азерб. языке)
4. Автандил А. Огузский край Гюллюбулаг. – Баку: Адильоглу, 2002 (на азерб. языке)
5. Эльчин, Кулиев В. Мы сами и наши слова. – Баку: Азернешр, 1993 (на азерб. языке)
6. Книга Деде Коркута / составитель Г.Араслы. – Баку: Гянджлик, 1978 (на азерб. языке)
7. Набиев А. Азербайджанская народная литература. II часть. – Баку: Эльм, 2006 (на азерб. языке)
8. Журнал «Улдуз». 1998, № 5-6, стр.93-95

Агбаба А. Епосний репертуар Агбаба - Чилдырского ашугского середовища (епоси - перекази ашуга Насиба) / А. Агбаба // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 320–328.

У науковій статті автор вивчає епосний репертуар Агбаба - Чилдырского ашугського середовища на прикладі епосу - переказу ашуга Насиба.

Автором досліджується словесне протистояння ашуга Алескера і ашуга Насиба. У «Протистоянні ашуга Алескера з ашугом Насибом» явно видно прояв і ашугом Алескером, і ашугом Насибом винахідливості, високої майстерності на святі. Це словесне змагання, на відміну від традиційних змагань, складається з трьох етапів. Аналіз тексту був проведений на основі ашугського переказу, наданого в книзі «Огузський край Гюллюбулаг». Ашугські перекази являють собою художньо піднесені неофіційні біографії майстрів слова і саза.

Ключові слова: фольклор, епос, перекази, загадки, Ашуг Насіб, Ашуг Алескер.

Agbaba A. Epos repertoire of Agbaba - Chyldyr ashug ambience (Ashyg Nasib's epic story) / A. Agbaba // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 320–328.

In a scientific article, the author examines epos repertoire of Agbaba - Chyldyr ashug ambience on the example of the Ashyg Nasib epic story. The author explores the verbal confrontation between Ashyg Alaskar and Ashyg Nasib. In “Confrontation of Ashyg Alaskar and Ashug Nasib” is clearly seen the manifestation of inventiveness and high skills during the feast both by Ashyg Alaskar and Ashug Nasib. This verbal contest, unlike traditional events, consists of three stages. At the first stage Ashyg Nasib threatens Ashyg Alaskar. It is known that the main purpose of threatening ashug is to scare the opposing side, by demonstrating them your superiority. “This stage looks like a demonstration of confidence in the defeat of its partners on the arena by the psychological impact. Both sides, threatening each other, advised to rid themselves of shame, immediately leaving the arena. However, without hearing the other, both have continued feasting”. It is known that Ashyg Alaskar and Ashug Nasib were responsive and trusting people. However, it is known that Ashyg Nasib was irascible and nervous man. Due to this in a number of memories, ashug traditions is clearly discerned one feature. And here is shown that Ashiq Nasib for demonstrating of his superiority over Ashyg Alaskar behaves provocatively, informs him that he was weak in ashug art and “can neither play nor sing”. It is known that “puzzles are often found in epics and ashug riddles. One of the main requirements for such transshipments is the answering of each puzzle according to its form and rhyming system”. Ashyg Nasib 's gyfylbend (poetic form of ashugs) about the word draws attention by its poetic structure, deep content and as an expression of a broad philosophical thinking. Although Ashyg Nasib did not studied, as we have mentioned in previous chapters, he has gained a wealth of knowledge through oral form. Thanks to the acquired knowledge, he was able using the sacredness of nine figures in poetic form to implement meaningful and semantic completeness of created gyfylbend, masterfully joined traditional motifs with figurative expressions of his artistic imagination.

Text analysis was conducted on the basis of ashug epos in this book, "Oguz region Gyullyubulag" of these lines' author. Ashug epics are artistically presented unofficial biographies of word- and saz masters. It cannot be forgotten that in these eposes is reflected ashug's life track, certain episodes of their lives, moral and ethical values of our people and also widely described socio- political picture of social order, the existing society, local views on the geographic area in which the events occurred. It is in this context of the study, collection and publication of ashug's legends about Ashug Nasib is essential.

Keywords: folklore, epics, legends, riddles, Ashug Nasib, Ashyg Alaskar.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 811.512.1

СУФИЙСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПОЭТИКИ ХАТАИ

Бадалов Ш.

*Институт литературы имени Низами Национальной академии наук Азербайджана
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

Азербайджанская классическая литература по своему мистическому и религиозно-философскому содержанию, будучи системой художественно-поэтического сознания, обращает на себя внимание историческими традиционными чертами в контексте общевосточной литературы. Прежде всего, после воздействия религиозно-исламских ценностей на литературу синтезированными отображениями этот художественный нравственный принцип смог превратиться в главный лейтмотив идейно-эстетического содержания литературы диванов. Необходимо принять во внимание, что суфизм и суфийские взгляды, распространяясь, конкретно с середины восьмого века обрели свое поэтическое содержание. Автор отмечает, что суфийские принципы в поэтике Хатаи распространяясь не только из отображений художественного сознания поэта, вместе с тем, его мистико-философского мировоззрения, должны подчиняться возникшей из мудрой духовности суфийского содержания в нашей классической литературе одной из самых уникальных поэтических художественных систем.

Ключевые слова: суфизм, суфийская литература

Постановка проблемы. Азербайджанская классическая литература по своему мистическому и религиозно-философскому содержанию, будучи системой художественно-поэтического сознания, обращает на себя внимание историческими традиционными чертами в контексте общевосточной литературы. Прежде всего, после воздействия религиозно-исламских ценностей на литературу синтезированными отображениями этот художественный нравственный принцип смог превратиться в главный лейтмотив идейно-эстетического содержания литературы диванов. Необходимо отметить, что дающие толчок более обширному распространению и стимулирующей динамике этого процесса сектантские идеи стало обретение общественного содержания. Необходимо принять во внимание, что суфизм и суфийские взгляды, распространяясь, конкретно с середины восьмого века обрели свое поэтическое содержание. Будучи первым исследователем конкретно этого исторического периода Абуль Аттахия, в своей работе «аз- Зухдия» («*az – Zühidiyyə*»), в одном из стихотворения дивана, удовлетворившись куском хлеба с водой, предпочитал уединению в уголке жизни в роскошном дворце. Если обратить внимание, то не только в стихотворениях Хатаи суфийского содержания, но и в творческих образцах жизненного и дидактического содержания равнодушие именно к мирским благам проявляет себя в этом логическом контексте.

В азербайджанской классической литературе в этом контексте более всего внимания привлекает к себе художественное наследие Шаха Исмаила Хатаи. Можно сказать, что распространение и динамика и общественного, и также суфизм поэтического мышления образа насиминской эпохи художественно-поэтическим своим содержанием обрела широкую арену в эпоху Хатаи. Необходимо принять во внимание, беспощадность против сектанства в период Темуридов уже в эпоху Сефевидов приобрела указанные льготные обрядовые права и традиции. В этом смыс-

ле, в газелях Хатаи привлекает внимание и настоящие подробности перехода к суфизму :

*Açarım dini – Məhəmməd, məzhəbi – Cəfər yəqin,
La fəta illa Əli, bu sirri – pünhan məndədir.
... Çün Xətəyiyəm şahın vəsfini daim söyləyəm,
Eşqilə bel bağlaram, dəftərlə divan məndədir* [1, 88-89].

Так, во времена Имама Джафара Садига первые суфисты, подняв положения, дающие основание суфийскому мировоззрению, сумели продемонстрировать настойчивость в представлении новой для своего времени науки. В этом контексте выделяющийся в азербайджанском суфизмоведении своеобразной манерой исследования ученый-исследователь Ф.Баят пишет: «Постепенно аскетизм превратился в образ жизни, в философское течение. Постепенно под руководством Имама Джафара Садига группа мусульман поставили перед собой цель подготовить философскую основу Ислама. Они создали теоретическую базу своих инструкций, терминологический аппарат. Однако это еще не суфизм в истинном смысле этого слова, начало пути, ведущего к суфизму, или же первая стадия перехода от бытия к суфизму... Первые суфии готовили философскую базу со знанием, практической деятельностью. Эта подготовка уже в IX веке дала таких классиков-суфиев как Баязид Бистами, Джунейд Багдади, Халладж Мансур» [2, 24-25].

В творчестве Хатаи суфийские ценности этого мировоззрения - мудрость, составляя главный лейтмотив поэтического распространения, могут превратиться в объект воспеания элитарного философского образа мышления эпохи, что является чертой, встречающейся лишь у малой части поэтов. В этом смысле в приведенном нами делении образная характеристика в гошма Хатаи представления Баязида Бистами как классического суфия сообщает о силе Хатаи как суфийского поэта:

*Sil – süpür qəlbini, süddən bəyaz et,
Öldür nəfsini, şeytandan arıt,
Dxsan doqquz yerə çıxdı Bəyazid,
Halına münasib yeri bulunca* [3, 18].
(Мети душу свою, сделай чище молока,
Убей искушение, от дьявола очисти,
В девяносто девять мест вышел Баязид,
Пока не нашел места, достойного себя)

В этом смысле предполагать отображение характеристики основного лейтмотива поэзии Хатаи не случайно или же из литературы диванов своего времени, а именно, будучи сектантским поэтом, из содержания суфийских взглядов может получить аналитическое подтверждение более оптимальной научной гипотезы. Суфийские оттенки поэтики Хатаи секты, к которой принадлежал поэт, вытекают из историко-эпохального окружения элитарного религиозно-философского содержания. Необходимо принять во внимание, кызылбашество будучи сектой, несмотря связь с сектой имамства, сформировалась на базе шиитской этики и обладало широкой географией масштаба охвата:

*Şahi həq deyübən girdik bu yola,
Hüseyniyüz, bu gün dövrümüzür.*

*Biz imam qullarıyüz sadıqana,
Şəhidlik, qazilik nişanımızdır.
Yolumuz incədir, incədən incə,
Bu yolda baş vermək ərkanımızdır [1, 83].
Сказав истина вступили на путь этот,
Мы Гусейны, сегодня наш день.
Мы имама рабы верные,
Шехидство наше призвание.
Дорога наша нежна, нежнее нежного,
Сложить головы на этом пути цель наша)*

Художественная логика в образце, прежде всего, опирается на шехидство, а это в большей степени обращает на себя внимание порождением шехидского познания от традиций Кербелы, образа мудрого сознания по свойствам от суфийский слоев. Суфийские мотивы творчества Хатаи характеризуются логикой убеждения и осознания степени мудрости.

Необходимо отметить, что система эпитетов и символов суфийской литературы проявляется из внутренней динамики суфийской семантики. В этом смысле газели Хатаи могут отобразить с большим мастерством поэтизм мистико-философских доктрин суфийской поэзии, а также литературы дивана:

*Bu Xətayi şeirinə eyb etmə, ey nakəs həsud,
Cümlə üşşaq əhlinə həmdəm, onun divanıdır [1, 123].*

*(Эй никчемный, не ищи изъяна в стихах Хатаи,
Всем поэтам его диван стал собеседником)*

*Ey Xətayi, özünü hak edə gör, pak olasan,
Mənlik etmə ki, cahan əhlinə ürfən doludur [1, 151].*

*(Эй Хатаи, став землей, ты очистишься,
Не будь самовлюбленным, в мире много познавших истину)*

Являясь одним из первых исследователей, привлечших суфийское содержание творчества Хатаи к научному анализу, Ф.Кёрпюлю повествуя о характерных особенностях суфийской сущности в произведениях поэта, пишет: «Шах Исмаил, как и Насими и Хабиби, был хуруфи; создал для тюрков многие стихотворения суфийского и любовного содержания, составляющие один маленький диван..... то есть продолжил традиции древних тюркских суфиев начиная с хаджи Ахмеда Ясави. Он написал воспевания в форме гошмы подражая Юнусу, известному в Азербайджане и у туркменских племен. Сохраняя суфизм от Насими до Хабиби, азербайджанская литература с хатаи опять вошла под влияние Насими» [4, 27-28].

Как можно заметить из отношения выдающегося ученого, Хатаи относится к числу суфийских поэтов, особо упоминаемых в ряду суфийских поэтов не только азербайджанской литературы, но и в контексте общевосточной литературы. Необходимо отметить, что в суфийской поэзии после стадии Насими поэзия Хатаи, будучи системным явлением художественного сознания и хуруфизма, и сектантских

традиций и суфийского образа мышления, составила новый этап. В качестве известной литературной стадии суфийское содержание творчества Хатаи по своим характерным качествам с точки зрения выражения принципов момента и состояния суфизма в истории суфийской литературы относится к проблемам, нуждающихся в специальном научном исследовании системы национальной памяти. Так, как и в творчестве Насими, и в поэзии Хатаи научная концептуальность суфизма составляет основу художественно-поэтического сознания. Разумеется, в это время в более оригинальном стиле охватывая идейно-суфийские взгляды суфийских мыслителей до себя, Хатаи обращает на себя внимание способностью воплотить суфийскую модель художественных средств выражения:

*Gər mənə nifrin edər düşmə, mən ondan qəm yemən,
Kim münafiqdən gələn qarğış, dua nisbətlidir.
Eşq ilə laf etmə, ey miskin Xatayi, əbsəm ol,
Ki bu mənzildə səlatinlər gəda nisbətlidir [1,102].
(Если меня прокликает враг, я не огорчусь,
Потому что, проклятье врага подобно молитве.
Не насмехайся над любовью, эй жалкий Хатаи, замолчи.
Потому что, на этой стадии султаны подобны холопам)*

Эта завершенность составляя материнскую линию суфийской поэзии, является символикой воспевания божественной связи, что может отобразиться в любовном чуде души и сердца. Обобщая выводы, к которым пришел охватом характерного обобщения представления научной аналитики этих принципов, Ради Фиш, являющийся одним из известных плодovitых исследователей суфийской поэзии, пишет: «Сердечное познание интуитивно. Известно, что его результаты будут паралогическими, будет стремиться к символу, метафоре. Метафоризм же представляет собой объект искусства ... суфизм, будучи идеологическим течением с первого дня своего создания не отделилась от поэзии. Как философская мысль создает общепринятые абстрактные логические категории, в процессе развития суфийская поэзия тоже создала свои образы и метафоры» [5, 247].

Ссылаясь на выводы этого научного анализа, можно отметить, что важную часть творчества составляет Хатаи именно суфийская поэзия завершенного характера. А аскетизм и завершенность вышеотмеченной благовоспитанности в суфийской литературе может считаться более широким метафоризмом. В этом смысле в стихотворениях Хатаи, несмотря на аскетизм, обращает на себя внимание характеристикой внутренней чистоты, могущей обеспечить очистку всего запрещенного.

Как можно заметить, суфийский характер цитат из Корана своими внутренними смысловыми оттенками найдя свое отражение еще задолго до эпохи Хатаи в научных изысканиях суфийских ученых привлекли внимание определенными историческими исследованиями. Так, Фаридаддин Аттар и Шибли, будучи великими учеными в истории суфизма, воспринимались как авторы-философы трактатов о процессе развития от мистицизма до системному суфийскому мировоззрению. Привлекающие внимание в газелях Хатаи основные суфийские архетипы представляют собой также суфийскую ассоциативность первичных смысловых оттенков в научном понимании с художественно-поэтический синтезом. Именно поэтому большинство

ученых, способных проникнуть в изучение суфийских достоинств в творчестве Хатаи, отдавали предпочтение большему сохранению в центре внимания отображений художественно-поэтической суфийской системы в творчестве поэта. Необходимо подчеркнуть и то, что в истории азербайджанской литературы сектантскими традициям и суфийской художественности секты, а также то, что творчество Хатаи является источником, на который чаще всего ссылаются востоковеды при воспеванию суфийских нравственных норм. В отличие от азербайджанского хатаиведения, исследования турецких ученых в этом направлении резко отличаются как первичными историческими источниками, так и с точки зрения обширного изучения наследия Хатаи. Так, до нашей диссертации названия таких мемуаров, самых надежных источников хатаиведения, как «Менакибул-есрар» («*Mənakibül – Əsrar*») и «Бехджатул-ахрар» («*Behcätül – Əhrar*»), не упоминаются абсолютно. Так, еще во второе десятилетие двадцатого столетия Фуад Кёрпюлю, повествуя об этом в знаменитой своей работе «Первые суфии в тюркской литературе», пишет: «...единственный экземпляр произведений «Менакибул-есрар» («*Mənakibül – Əsrar*») и «Бехджатул-ахрар» («*Behcätül – Əhrar*») Шаха Исмаила, пишущего под псевдонимом Хатаи, написанного с целью распространения сектантских правил..... это произведение Шах Исмаила, совершенный диван та тюркском которого был найден в Британском музее, до настоящего времени (до 1919-го года – Ш.Б.) не было известно: Это произведение ценно потому что охватывает братство Кызылбашей и историю нашей религии, также является ценным источником для истории литературы, потому что охватывает силлабические стихотворения Кызылбашских поэтов» [6, 282].

Выводы и перспективы. Как можно заметить, суфийские принципы в поэтике Хатаи распространяясь не только из отображений художественного сознания поэта, вместе с тем, его мистико-философского мировоззрения, должна полагаться возникшей из мудрой духовности суфийского содержания в нашей классической литературе одним из самых уникальных поэтических художественных систем.

Литература

1. Хатаи Ш.И. Произведения. I т. – Баку, 1975 (на азерб. языке)
2. Баят Ф. Тюркская суфийская литература. – Баку, 2011 (на азерб. языке)
3. Хатаи Ш.И. Мой саз. – Баку, 1973 (на азерб. языке)
4. Подарок хатаиведению. – Баку, 1998 (на азерб. языке)
5. Фиш Р. Джалаладдин Руми. – Москва, 1972
6. Кёрпюлю Ф. Первые суфии в тюркской литературе. – Анкара, 2001 (на турецком языке)

Бадалов Ш. Суфійські принципи поетики Хатаї / Ш. Бадалов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 329–334.

Азербайджанська класична література по своєму містичному і релігійно - філософському змісту, будучи системою художньо - поетичної свідомості, звертає на себе увагу історичними традиційними рисами в контексті загальносхідної літератури. Насамперед, після впливу релігійно-ісламських цінностей на літературу синтезованими відображеннями цей художній моральний принцип зміг перетворитися на головний лейтмотив ідейно-естетичного змісту літератури диванів. Необхідно взяти до уваги, що суфізм і суфійські погляди, поширюючись, з середини восьмого століття знайшли свій поетичний зміст. Автор зазначає, що суфійські принципи в поезії Хатаї поширюючись не лише з відображень художньої свідомості поета, разом з тим, його містико-філософського світогляду, повинні

покладатися виниклій з мудрої духовності суфійського змісту в нашій класичній літературі одній з найбільш унікальних поетичних художніх систем.

Ключові слова: суфізм, суфійська література

Badalov Sh. Sufi principles of Khatai's poetics / Sh. Badalov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 329–334.

Azerbaijani classical literature in its mystical and religious- philosophical content, being artistic and poetic system of consciousness, draws attention to the historical context of traditional features in oriental literature. First of all, after the impact of religious and Islamic values to the literature, synthesized maps of this artistic moral principle could become a keynote of the ideological and aesthetic content of Diwan literature. Also should be take into account that Sufism and Sufi views, which began spreading particularly since the middle of the eighth century found their poetic content. Sufism, or Tasawwuf as it is known in the Muslim world, is Islamic mysticism. Non-Muslims often mistake Sufism as a sect of Islam. Sufism is more accurately described as an aspect or dimension of Islam. Being the first researcher of this particular historical period Abul Attah, in his “ al- Zuhdi” («əz - Zühidiyyə»), in one of the diwan poems satisfied with a piece of bread with water in an intimate corner of life in the imperial palace. If you pay attention, not only in the Khatai's Sufi poems content, but also in the life of creative samples and didactic content is indifference to worldly goods manifests itself in the logical context.

The author notes that in the Sufi principles of Khatai's poetics spreading not only maps of the artistic mind of the poet, however, his mystical and philosophical outlook, must rely arising from the wise Sufi spirituality content in our classical literature, one of the most unique poetic art systems. Readers of Sufi poetry for the first time are liable to be amazed, perhaps even repelled, by the extravagant language, by the familiarity with the Deity, by the apparent disregard of all human and Divine laws. But on further examination the wonder of the Sufi's' love for their Beloved shines out with a clear intensity, a beautiful luminous brightness.

Keywords: Sufism, Sufi Literature

Поступила в редакцію 03.03.2014 г.

УДК 811.512.162

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XV ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ ВОСТОЧНОЙ ПОЭЗИИ

Гаджиева К. Г.

*Институт литературы имени Низами НАН Азербайджана
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

Азербайджанская литература, сохраняя свои традиции, уходящие корнями вглубь веков, развивалась на различных нравственных, политических, идеологических и др. плоскостях (к примеру, в генетической плоскости азербайджанская культура составляет часть общетюркской культуры, а в религиозной – часть исламской цивилизации). Тематикой произведений тех годов была тема обращения к Богу, тема любви. Все вышеуказанное составляло основную тематику произведений многих восточных поэтов. Азербайджанские поэты, жившие и творившие в этих временных рамках, с одной стороны благотворно использовали литературное наследие родственных и соседних народов, с другой стороны, сами создавали произведения, способные повлиять на поэзию этих народов.

Ключевые слова: азербайджанская литература XV века, классическая восточная поэзия.

Постановка проблемы. При глубоком исследовании образцов богатого литературного наследия XIV-XV веков для выявления общих тенденций и характерных особенностей литературного процесса проступает необходимость сравнительного анализа литературных памятников, их сопоставления. Эта необходимость наиболее отчетливо ощущается при изучении творчества поэтов - авторов Диванов. Так, в процессе исследования творчества авторов Диванов встает потребность привлечения их к анализу в определенном общем контексте. Наиболее точные и значительные результаты можно получить при изучении их в контексте исследования классической восточной поэзии.

Существенное влияние творчества поэта X века Фирдоуси, мастера газелей и касыд XI века Катрана, наконец, творца великолепного «Хамсе» Низами, жившего в XII веке, на последующую общевосточную литературу ощущалось на протяжении нескольких столетий, и это влияние обусловило появление на Востоке многочисленных талантливых поэтов и бесчисленное множество произведений, среди которых было немало литературных шедевров. Видный ученый А. Дадашзаде по поводу классической литературы пишет: «Во-первых, восточная поэзия, несмотря на идеологическую общность и общность средств изображения, создается мастерами слова со своеобразным оригинальным мышлением и стилем письма. Во-вторых, черты, которые некоторыми представляются за недостатки, свойственны лишь произведениям недостаточно одаренных поэтов, подражателей рифмоплетов, а это наблюдается в любой литературе» [5, 87]. Безусловно, восточное литературное мышление было более глубоким и широким по охвату, и ему была свойственна большая сила воздействия, это - непреложный факт, признаваемый мировым литературоведением. По верному замечанию А. Дадашзаде, «восточная поэзия... литература, сохраняющая свою поэтическую ценность и сегодня, литература глубокого смысла, высокого

мышления, обладающая утонченными образами, многообразием и разноцветьем средств выражения, благодаря чему она заняла достойное место в общемировой культуре» [5, 87]. В целом, восточный мир в мировой культуре занимает значимое место не только своей оригинальной литературой, но и в целом древней и богатой культурой. Несомненно, мусульманская восточная культура включала различные этнические культуры. Профессор Н.Джафаров, говоря о культурном развитии общевосточной культуры, выражаясь точнее, мусульманского Востока, отмечает: «Европоцентристские тенденции по отношению к восточной культуре часто представлялись именно как борьба с европоцентризмом - самая простая форма этого - превращение Востока, который воспринимался в недифференцированном виде, в предмет тех или иных споров... Контакты, как бы сильны они не были, несомненно, не лишают ту или иную культуру этнических основ» [4, 72]. Стоит отметить, что распространившиеся на Востоке в средние века религиозные ордены (тарикаты) хуруфизм и суфизм обусловили появление многочисленных хуруфитских поэтов и суфийской поэзии. Имеющиеся «источники, факты и исследования свидетельствуют, что суфизм в истории азербайджанской общественно-художественной мысли именно в этот период начинает играть важную роль, получив наибольшее распространение. Философско-теософская поэзия, получившее свое широкое по охвату утверждение в творчестве поэтов XII века – Хагани и Низами - в поэзии XIII-XIV веков продолжал свое существование в единстве и наряду с суфийскими идеями» [2, 3]. Суфийская литература – литература тасаввуфа – сформировалась и развивалась на широкой географии, на пути своего развития она оставляла глубокие следы, которые прослеживаются на общей литературной картине эпохи и поэтической среде [17]. Даже в творчестве поэтов далеких от суфийской поэзии в той или иной степени прослеживаются приметы суфизма. Видный азербайджанский ученый Чингиз Сасани, исследовавший натуралистическую литературно-философскую мысль в азербайджанской средневековой поэзии, пишет: «натуралистические воззрения в произведениях поэтов-мыслителей средневекового Востока и Азербайджана представляют собой уже исламизированное философско-литературное течение, своеобразное нравственно-философское направление» [14, 270]. Большинство образцов творчества многих средневековых поэтов, начиная с Катрана Таебризи, писавших как на персидском, так и на азербайджанском тюркском языках, являются образцами истинного мастерства, далекими от всяких сектантских наклонностей и философских мыслей, охватывающими общественные мысли и светскую тематику. Обращение в данной статье к творчеству азербайджанских поэтов XV века Хагиги, Бадре Ширвани и Кишвари в контексте восточной поэзии вызвано стремлением исследовать вопросы, связанные с новшествами и изменениями в отношении форм и содержания в литературном процессе, проявляющиеся в творчестве каждого из поэтов в отдельности. Данный подход представляет значимость и для выявления почвы, на которой появились творения поэтов того времени, какие важные факторы обусловили их появление и наследие каких поэтов повлияло на них. Сравнительное изучение творчества поэтов XV века дает возможность выявить и указать неизменные качества азербайджанской литературной мысли, ее своеобразные черты и характерные особенности многовековой отечественной литературы. Отголоски мыслей и суждений, пустивших

глубокие корни в поэзии предыдущих столетий, слышатся и в произведениях, созданных мастерами слова в последующие века. Так, гуманистические идеи, проследживаемые в произведениях Катрана – поэта XI века, поэзии мастеров XII века - Низами и Хагани, мы видим и в стихотворениях поэта XV века Бадра Ширвани, которые наполнены тоской по миру, беззаботной жизни, печалью по родным краям. Таким образом, связь с традициями никогда не прерывалась, поэты более поздних поколений углубляли идеи и продолжали традиции своих великих предшественников.

Множество произведений Хагиги и Кишвари, давших сильный толчок развитию поэзии на родном языке и сыгравших решающую роль в его совершенствовании, написано на персидском языке. Известно, что они являются авторами Диванов на персидском языке. Использование персидского языка было неременным условием того, чтобы произведения поэтов наряду с родным и другими тюркоязычными народами были понятны всей восточной литературной среде, это способствовало распространению и прославлению произведений мастеров на всем Востоке. Этим же фактором объясняется и тот факт, что великий азербайджанский поэт Низами писал свои произведения на персидском языке. Необходимо отметить также, что указанное было характерным не только для азербайджанской литературы, подобное можно проследить на всем Востоке. Более того, подобное явление – творить на другом языке - наблюдается в истории всей мировой литературы, как западной, так и восточной. Таким образом, можно заключить, что выдающиеся представители азербайджанской литературы, как и литературы других народов мира, вследствие общественно-исторических причин писали свои произведения не на родном, а на других языках. «Необходимо учитывать также существование в эпоху народностей международных литературных языков. Такими языками для разных ареалов были: санскрит, греческий, латинский, книжный древнеславянский, классический литературный китайский, персидский, арабский. Знание соответствующего языка или даже нескольких было в то время необходимой принадлежностью образования, почему такой язык становился языком многих произведений литератур разных народностей» [16, 17], - эти слова видного востоковеда Н.Конрада довольно четко раскрывают суть вопроса. Наша классическая литература, созданная веками в различных литературно-эстетических и религиозно-философских ареалах и системах, временами переживала острые исторические моменты, когда оказывалась на различных духовных, социальных и политических перепутьях.

Азербайджанская литература, сохраняя свои традиции, уходящие корнями вглубь веков, развивалась на различных нравственных, политических, идеологических и др. плоскостях (к примеру, в генетической плоскости азербайджанская культура составляет часть общетюркской культуры, а в религиозной – часть исламской цивилизации). Выражаясь словами ученого Т.Кулиева, «азербайджанская литература, являющаяся одной из неразрывных составных частей общевосточной литературно-эстетической мысли в целом, оказывала серьезное влияние на литературу восточных народов, в тоже время сама развивалась на почве взаимных связей и творчески использовала поэтические традиции этих народов» [12, 37]. Ученый совершенно прав в своих заключениях. Не будет преувеличением сказать, что азербайджанская литературная мысль в значительной степени повлияла на общевосточную литера-

турную и культурную среду, в определенной степени даже направила ее в определенном направлении. Процесс развития культуры и литературы на Востоке относительно сегодняшнего дня был более открыт и доступен для различных народов этой географии. Так, носители общей культуры делились своими достижениями с близкими и дальними соседями, непосредственно участвовали в процессе развития общевосточной культуры. Средневековая азербайджанская литература развивалась как литература, связанная с общемусульманской восточной культурой, языком которой был в определенное время персидский.

Великий Низами Гянджеви создавал свои произведения на языке фарси, однако продолжая традиции персидской литературы, он сам оказал на неё огромное воздействие. Гениальный азербайджанский поэт своим богатым наследием, воспевающим общечеловеческие ценности, такие как гуманизм, общественная справедливость, свобода и др., привнес в персидскую литературу с многовековыми традициями новые идеи и воззрения, связанные с взглядом на мир, жизнь и человека. Вслед за Низами многие восточные поэты стали создавать «Хамсе», его поэмы вызвали множество подражаний и поэтических ответов. Поэты писали произведения, перекликающиеся по тематике и мотивам с творениями великого мастера. Следовать по пути великого Низами, продолжать заложенные им традиции, не было случайным явлением и имело закономерные причины. Наследие великого Низами было литературным творчеством, «основывающимся на древнюю культуру Востока и Запада, на бросающий вызов небесам науку и искусство нового мусульманского Востока» [3, 134]. Хотя Бадр Ширвани не создал подобно Низами «Хамсе», он желает быть подобен великому предшественнику, он использует слова "نظم را هستم نظامی گنجه گنج سخن", "چون نظامی منم گنجه نظم را", упоминает поэму Низами «Махзануль-Асрар» («Сокровищница тайн») и неоднократно в своих стихах утверждает, что он - Низами своего времени, называет себя сокровищницей поэзии. Глубокая любовь великих мастеров Востока к ярчайшей звезде азербайджанской литературы Низами, обращение к его творчеству, желание подражать ему в создании поэтических образцов обусловлено глубокой философией, гуманистическим мировоззрением Низами, его отношением к человеку, подходом к изображению человека как святого существа, желанием видеть его совершенным существом. Вследствие того, что литература вызвана служить высшему созданию - человеку, она не могла не отнестись к поэзии поэта, так высоко оценивающего человека и пропагандирующего гуманизм, равнодушно, отсюда глубокое благоговение и почтение последующих поэтов к творчеству великого гуманиста. Выражаясь словами из книги «История азербайджанской литературы», «в поэзии Низами есть одна ось, одно святилище - человек» [3, 139-140]. Творчество Низами продолжало освещать путь многих поэтов и в XV веке. Гуманизм Низами побудил великого мастера Востока, выдающегося узбекского поэта Алишера Навои следовать по пути великого Низами. Творчество Навои, в свою очередь, вдохновило талантливого поэта XV века Нематуллаха Кишвари на создание прекрасных стихов на азербайджанском тюркском языке [9]. Как мы видим, развитие средневековой восточной литературы шло по пути восприятия и передачи традиций, поэты более поздних поколений продолжали традиции своих предшественников и передавали, еще более углубив и расширив их, следующим поколениям, обогащая таким обра-

зом общевосточную литературу в целом. В результате подобных взаимодействий литератур, влияний появились тахмисы (пятистишие, в котором к каждому бейту чужой газели добавляли три оригинальные строки) и назира (подражание). «Традиционные ответы-подражания - главная особенность, характеризующая классическую восточную поэзию. В истории художественно-общественной мысли критерий традиционности как своего рода единица поэтического мерил в течение долгих веков являлся ведущим фактором в развитии вкусов, передаче духовных богатств от предков к потомкам. Это своеобразная закономерность не только лишь азербайджанской или же восточной поэзии, а всей древней и средневековой литературы народов мира в целом – здесь живучесть произведения искусства, его мысленная и художественная содержательность определяются тем, каким образом автор использует традиции. Азербайджанские поэты и XIII-XVIII в.в. по мере необходимости использовали традиции ответов назира, в результате в зависимости от степени гениальности автора появлялись образцы искусства порой даже более высокого уровня, чем даже оригинал (вспомним ответы-назира Физули на лирику Шахи, Хабиби)» [2, 2]. Подражания Кишвари, написанные на произведения Навои, его тахмисы по своей поэтической ценности и художественному весу представляют собой бесценные образцы поэтического искусства. Касаясь вопроса тахмисов, стоит отметить, что тахмисы получались успешными в том случае, когда поэт, создающий тахмис, был хорошо знаком с творчеством, художественным стилем поэта, на чью газель он писал тахмис. «Обращая внимание на то, с какого периода нашей литературы начинается распространение тахмиса и историю его развития, выясняется, что начальный этап приходится на XIV-XV века, а в XVI веке написание тахмисов на стихи прославленных поэтов уже само становится традицией, что можно считать кульминационной точкой его распространения» [6]. Тахмисы Кишвари на стихи Навои привлекают особое внимание [10, 152]. Кишвари, как мы уже указывали в прежних исследованиях, говоря о своем творчестве, с гордостью отмечал, что оно не слабее, чем поэзия Навои. Богатое творчество поэта подтверждает справедливость его слов. И в самом деле, его слова не были преувеличенным бахвальством, поэт создал произведения, которые трудно переоценить. Тахмисы Кишвари свидетельствуют о большом поэтическом мастерстве автора, он обладает большой воздействующей силой, а назира, написанный на него великим Физули, стал стихом во всех языках. Как видно, обращение внимания на созданные мастерами слова тахмисы и назира при исследовании творчества азербайджанских поэтов в контексте восточной литературы представляет немалую важность для решения проблемы взаимных связей и влияний. «Азербайджанская литература развивалась во взаимных связях с литературами Ближнего и Среднего Востока. Азербайджанские поэты, жившие и творившие в этих временных рамках, с одной стороны благотворно использовали литературное наследие родственных и соседних народов, с другой стороны, сами создавали произведения, способные повлиять на поэзию этих народов. В эти столетия круг литературных связей еще более расширяется и получает размах за счет писем, ответов-подражаний и даже посредством истикбал (продолжений), писавшихся к какому-либо стихотворению» [3, 5].

Неопровержимый факт, что город Тебриз в средние века, особенно в XV столетии, как центр культуры играл важную роль в развитии общевосточной культуры. Безусловно, в этом немала заслуга прогрессивных правителей, поддерживающих и поощряющих развитие литературной и культурной среды, создающих благоприятные условия для развития литературы, более того, сами участвующие в этом процессе. Как известно из истории, ширванские города также являлись центрами формирования высокоразвитой и богатой литературной среды. Среди них особенно выделяется город Шемаха, который в XV веке был местом, где собирались поэты и проводили литературные меджлисы. Стоящий во главе этих поэтических меджлисов Бадр Ширвани являлся автором Дивана на персидском языке, и говоря его собственными словами, обладал талантом, «сокровищницей слов», способной сравниться с знаменитыми поэтами Востока. А. Бакиханов в своем труде «Гюлистан-Ирем» упоминает Бадра Ширвани как ширванского поэта, отмечает, что он был талантливым мастером слова с тонким вкусом [15, 304]. По его сведениям, один из известных поэтов Ирана Катиби Тебризи прибыл в Ширван специально для встречи с Бадром Ширвани, для более близкого знакомства с поэтом. Он провел долгие поэтические разговоры и литературные обсуждения с Бадром Ширвани. Именно в таких условиях азербайджанская литература, влившись в восточную культуру, внесла в нее свой ценный вклад. Как было отмечено выше, правители поэты непосредственно участвовали в развитии литературы. Непререкаема роль государственных правителей, тюрок по происхождению, в совершенствовании и распространении поэзии XV века на родном языке. Джаханшах Хагиги был главой государства Каракоюнлу [20], в тоже время он был достойным воспитанником литературной среды, о которой шла речь. Влияние движения хуруфизма, распространенного на средневековом Востоке, на поэзию, явно прослеживается и в творчестве Хагиги. Его творчество, как и творчество Навои и других восточных поэтов, испытало на себе влияние творческого наследия Насими [8]. Создавая стихи на родном языке, Хагиги брал за образец творческую деятельность великого Насими в области тюркоязычной поэзии, вместе с тем стихи Хагиги на персидском языке также написаны под влиянием хуруфизма Насими [19].

ای شاهد احوال ما بالله کجایی و کجا
وی غیب دان حال ما بالله کجایی و کجا
ما بنده و سلطان ما عشقت ازل در جان ما
[11, 119] ای چشمه حیوان ما بالله کجایی و کجا

(Ведающий о состоянии нашем, во имя Бога, где ты, где? Извещающий о нашем положении из неизвестности, во имя Бога, где ты, где? Мы – смертные, изначально любовь – правитель нашей души. Источник жизни нашей, во имя Бога, где ты, где?)

Как видно, герой поэта, считающий любовь своим султаном - правителем, в поисках божественной любви. Здесь, как и в других произведениях Хагиги на персидском языке, нашли свое отражение суфийские взгляды поэта на жизнь и человека, идеи тасаввуфа [13].

Об этом поэте, правителе и полководце, в третьем томе книги «История азербайджанской литературы» представлено следующее сведение: «Джаханшах Хагиги

был одним из выдающихся мастеров своего времени. Он был прекрасным наследником поэзии Хагани и Низами, продолжателем традиций Фазилуллага Наими и Насими. Шах Исмаил Хатаи и ряд других поэтов XV-XVI веков творчески использовали наследие Хагиги» [2, 94]. Хагиги, отразивший в своем творчестве литературно-общественную среду, философский мир, религиозные воззрения Востока XV века, своими творениями представил культурную картину своего времени. «В стихах поэта на любовную тему можно встретить романтическое воспевание человеческих чувств, земные чувства в смысле любви и тонкие художественные выражения в отражении пути, ведущей от метафоры к истине. Он – один из поэтов, испытавший внутренние переживания любви» [там же]. В одном из стихотворений на персидском языке поэт говорит:

خیمهٔ آفاق بزدانست عشق
سایبان عرش رحمانست عشق
عشق هم نورست و هم ظلمات ران
از زمین و تا به هفتم آسمان
ما ز خلقت عشق را دریافتیم
[11, 49].

(Любовь – оберегающий шатер, возведенный создателем мира. Любовь – страж небес милосердия. Любовь – есть свет, прогоняющий тьму с земли на седьмое небо. Мы нашли любовь с сотворения. Воспламенили свечу души его пламенем).

В этом отрывке месневи, написанном на суфийскую тему, воспеваются божественная любовь, любовь к Создателю. Видный философ З.Кулизаде по этому поводу пишет: «Любовь как философская категория находится в центре внимания гуманистического мировосприятия средневекового Ренессанса, частью которого выступает Ренессанс в Азербайджане. Подобная трактовка любви принципиально роднит культуру Востока и Азербайджана с учениями западноевропейского Ренессанса, ибо она аналогична трактовке данной категории в творениях многих пантеистов, представляющих западноевропейскую гуманистическую идеологию» [18, 152]. Хагиги считает, что любовь стоит превыше всего, великодушные, милосердие питаются из нее. Согласно поэту любовь ненавистник тьмы. Поэты, творившие в этот период, определяя любовь, подчеркивали, что все положительные черты берут истоки из любви, что человеческое сердце способно очиститься лишь любовью. Академик Г.Араслы по этому поводу пишет: «Любовь – это то, что возвышает человека, дает силы его духовности, оттачивает его мысли, очищает нравственность, укрепляет веру, становится причиной становления его верным, преданным, самоотверженным... В литературе тариката в целях воспевания божественной любви широко использовали понятие любви. Любовь к Богу, религии и религиозным вождям, особенно в касыдах поэтов, пропагандирующих шиитские воззрения, любовь к Али воспевалась как истинная любовь, божественная любовь» [1, 335-336].

Выводы и перспективы. Все вышеуказанное составляло основную тематику произведений многих восточных поэтов. Поэтому поэты-мыслители Востока, наравне с литературным наследием своих предшественников, знакомились и с произведениями своих современников и пытались выразить свое отношение к проблеме. Вобрав в себя накопленный предшествующий опыт, традиции, эстетические и эти-

ческие воззрения эпохи, прекрасно синтезировав достижения предшественников и современности, восприняв лучшие традиции восточной классической поэзии, азербайджанские поэты XV века продолжили дальнейшее развитие литературы.

Литература

1. Араслы Г. Азербайджанская Литература история и проблемы. – Баку, 1998. – 290 с. (на азерб. языке)
2. История Азербайджанской литературы. – Том III. – Баку, 1960 (на азерб. языке)
3. История Азербайджанской литературы. – Баку, 2002 (на азерб. языке)
4. Джафаров Н. Основы азербайджановедения. – Баку, 2005 // elibrary.bsu.az
5. Дадашзаде А. Азербайджанская лирика XVIII века. – Баку, 1980 (на азерб. языке)
6. Алиева С. Лирический жанр в классической Азербайджанской литературе – тахмис // Язык и литература. 3(74). – Баку, 2010 (на азерб. языке)
7. Сокровищница мудрости. – Баку, 1992 (на азерб. языке)
8. Гусейнзаде Л. Драгоценный памятник азербайджанской литературы XV века (о диване Джашаншаха Хагиги) // Литературная Армения, 1963 (на азерб. языке)
9. Кишвари. Тюркский диван. – Баку, 2010 (на азерб. языке)
10. Кишвари. Призведения. – Баку, 2004 // www.anl.az/el/k/k_e.pdf
11. Хагиги М. Дж. Персидско-тюркский диван. Тегеран, 2006 (на азерб. языке)
12. Кулиев Т. Древний период Азербайджанского стиха. – Баку, 2001 (на азерб. языке)
13. Рагимов А., Эфендиев М. Джашаншах Хагиги // Голоса из нашего прошлого. – Баку, 1982 (на азерб. языке)
14. Сасани Ч. Натуралистическое литературно-теоретическое воззрение в средневековой Азербайджанской литературе. – Баку, 2007. – 270 с. (на азерб. языке)
15. Бакиханов А. Гюлистан-Ирам. – Баку, 1991. – 304 с.
16. Конрад Н. И. Избранные труды. – Москва: 1978. – 496 с.
17. Крымский А. История Персии, ее литературы и дервишской теософии. – 1 т. – IV книга, 1914. – 455 с.
18. Кули-заде З. А. Из истории Азербайджанской философии VII-XVI вв. – Баку: Азернешр, 1992. – 237 с.
19. cahanshah.blogspot.com
20. Faruk Sümer. Kara Koyunlular. Başlangıçtan Cihan - Şah'a kadar 1. cilt; Türk Tarih Kurumu; Beylikler Tarihi; Ankara, 1984.

Гаджиева К. Г. Порівняльно-історичне вивчення азербайджанської літератури XV століття в контексті дослідження класичної східної поезії / К. Г. Гаджиева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 335–343.

Азербайджанська література, зберігаючи свої традиції, що йдуть корінням углиб століть, розвивалася на різних моральних, політичних, ідеологічних та інших площинах (наприклад, в генетичній площині азербайджанська культура складає частину общетюркської культури, а в релігійній - частину ісламської цивілізації). Тематикою творів тих років була тема звернення до Бога, тема кохання. Усе це становило основну тематику творів багатьох східних поетів. Азербайджанські поети, що жили і творили в цих історичних рамках, з одного боку сприятливо використовували літературну спадщину родинних і сусідніх народів, з іншого боку - самі створювали твори, здатні вплинути на поезію цих народів.

Ключові слова: азербайджанська література XV століття, класична східна поезія.

Hajiyeva K. H. Comparative-historical study of Azerbaijani literature of the XVth century in the context of classical oriental poetry study / K. H. Hajiyeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 335–343.

Azerbaijani literature, saving its traditions rooted deep into centuries, evolved different moral, political, ideological and other planes (for example, genetic plane: Azerbaijani culture is part of Turkic culture, and religious – a part of Islamic civilization). In the words of the scientist T. Guliyev “Azerbaijani literature is one

of the inseparable parts of oriental literary and aesthetic thought in general, have a major influence on the literature of the Eastern peoples, at the same time it developed on the basis of mutual relations and creatively used the poetic traditions of these people". The topics of those year's works were the theme of oration to God, the theme of love. All of the above were the main themes of many Eastern poets' works. Azerbaijani poets, who lived and worked in these time frames, on the one hand beneficially used literary heritage of relative and neighboring nations, on the other hand, themselves created works that could affect on the these peoples poetry. In these centuries circle of literary ties spreads widely because of letters, responses, and even imitations by Istikbal (extensions) which were written as the continuing of the poems. That's why eastern philosophic poets on equal terms with the ancestor's literary heritage became acquainted with the works of their contemporaries and tried to express their attitude to the problem. Accumulating obtained previous experience, traditions, aesthetic and ethical views of the era perfectly synthesized the ancestor's and modern times achievements, adopted the best traditions of Eastern classical poetry, XVth century Azerbaijani poets continued further development of literature.

Keywords: Azerbaijani literature of the XVth century, classical oriental poetry.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК: 821.512.145 – 32.09

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПОЗИЦИОННОГО ПРИЁМА ГЕРОЯ-РАССКАЗЧИКА В НАРРАТИВЕ РАССКАЗОВ ЭРВИНА УМЕРОВА

Джемилева А. А.

ТНУ им. В.И. Вернадского
E-mail: Ayshe66-2008@mail.ru

Писателя Эрвина Умерова отличает глубокий интерес к характерам детей и подростков, который находит своё художественное выражение в рассказах *«Третье имя»*, *«Тайна высоты»*, *«Ложь»* и др. Писатель обращается к нарративной ситуации от первого лица, чаще всего это автодигетический нарратив, нарратор является героем истории. В каждом произведении писателя свой нарратор, переживающий события, о которых рассказывает. Такая «форма авторства» («речевая маска» – В. Тюпа) является креативной компетенцией рассказов Э. Умерова. В произведениях автора чётко прослеживается тенденция персонализации повествования.

Ключевые слова: крымскотатарский рассказ, автодигетический нарратив, герой-рассказчик, автор-повествователь.

Постановка проблемы. Писателя Эрвина Умерова отличает глубокий интерес к характерам детей и подростков, который находит своё художественное выражение в рассказах *«Третье имя»*, *«Тайна высоты»*, *«Ложь»* и др. Писатель обращается к нарративной ситуации от первого лица, чаще всего это автодигетический нарратив, нарратор является героем истории.

Анализ последних исследований по проблематике работы. Одной из основных форм повествования в нарративе рассказов крымскотатарских писателей является гомодигетический тип повествования. При этом типе повествования персонаж является нарратором, он организует повествование и действует в истории. Точка зрения героя-нарратора организует повествование – Э. Умеров *«Тайна высоты»*; Т. Халилов *«Анамны арзлап»*.

Цели и задачи: Изучить и выявить особенности нарративной организации формы гомодигетического повествования с фокализацией на героя в рассказах Э. Умерова; показать возможности использования композиционного приёма героя-рассказчика в нарративе рассказов писателя; выявить особенности автодигетического нарратива в рассказах.

Методы исследования: метод сравнительно-исторического исследования; метод литературоведческого анализа; описательный метод.

Довольно часто в крымскотатарском рассказе встречается композиционный приём – рассказ «повествующего героя». В тех случаях, когда повествование ведётся от лица героя, посредством его речи, герой-рассказчик, как правило, помещает в центр повествования какой-либо эпизод из своей жизни. Такой автодигетический нарратив, по терминологии Ж. Женетта, сводится к точке зрения одного персонажа-нарратора. Весь материал пропускается через его восприятие, внутренне фокусируется [1, 254]. Одновременно к другим персонажам наррация рассказчика имеет внешнюю фокализацию.

В каждом произведении писателя свой нарратор, переживающий события, о которых рассказывает. Такая «форма авторства» («речевая маска» – В. Тюпа) является креативной компетенцией рассказов Э. Умерова. В произведениях автора чётко прослеживается тенденция персонализации повествования, передача восприятия событий сквозь призму сознания одного из персонажей. Для Э. Умерова в роли рассказчика выгодным оказался мальчик. Применяя эту форму, писатель должен вести повествование в соответствии с лексикой, интеллектуальным уровнем и характером героя, а иногда ограничивать себя в применении метафор, сравнений, описаний, пейзажа, то есть всё время следить за тем, чтобы герой не заговорил языком автора [2, 83].

Рассказ «*Тайна высоты*» привлекает оригинальной организацией повествования и своеобразной структурой. Перед нами **автодигетический нарратив**: один и тот же персонаж выполняет двойную функцию. Повествователь – герой, непосредственно действующий в произведении. Литературоведы отмечают, что в произведениях, написанных с точки зрения героя, герой играет после автора важную оценочную роль. Единственная призма для восприятия основного события рассказа – сознание героя, которое является «главным сознанием» – фокализатором, рефлексатором, носителем, творцом точки зрения – это сознание, сквозь которое воспринимаются ситуации и события» [3, 30].

Рассказ «Тайна высоты» построен в форме диалога мальчика с плодами абрикоса. Необычный участник диалога – неодушевлённый предмет, выступающий в качестве действующего лица. Герой спорит с абрикосом, словно с живым существом. Завязка событий начинается с того, что мальчик видит высоко на дереве несколько плодов. В плодах, высоко висящих на дереве, мальчик почувствовал вызов: *«чего уставился, проходи!» – как будто сказали мне сочные оранжевые плоды»* – пишет от лица героя автор. Именно этот вызов вынуждает подростка поставить цель – любой ценой сорвать плоды. Вначале мальчик решает сбить плоды камнем: *Голыш полетел точно к цели, но на полпути неожиданно сбавил скорость, через секунду почти остановился, затем коршуном ринулся вниз, прямо на меня <...> угодил мне прямо по макушке*. Плоды урюка не замедлили отреагировать: *- Ха-ха-ха, – радостно засмеялась гроздь. – Получил по заслугам? Так тебе и надо. Иди лучше своей дорогой, пока не поздно* [4, 13]. Писатель словно насмехается над героем, вместе с тем испытывает его характер: *<...> если бы с самого начала прошёл мимо, будто не заметил этих плодов, – всё было бы нормально. А теперь назад пути нет: урюк нужно достать* [4, 13]. Фраза «**Урюк нужно достать**» – ключевая. Известно, что для того, чтобы читатель переживал за героя, нужно, чтобы он боролся за объективно важную цель. Или хотя бы такую цель, которую считает для себя важной герой рассказа. Автор должен убедительно показать читателю, что для героя от достижения цели зависит вся его дальнейшая жизнь.

Подросток уже приблизился к заветной цели, но неожиданно треснула ветка под ногами. Помощь неожиданно пришла с земли. О внутреннем и внешнем напряжении мальчика, о драматизме ситуации свидетельствует следующий эпизод: *Всё, что велел отец, мне показалось, я проделал за целую вечность <...> К тому же я никогда не плакал перед отцом, и он всегда гордился этим* [4, 15]. Интересно про-

следить, как меняется поведение грозди урюка: она словно подбивает героя сделать до цели последний шаг, испытывая на прочность: *А вот посмотрим, не забойтся ли? - пробормотала гроздь без прежней уверенности. И издевательских нот нет* [4, 16].

О нравственной победе мальчика, о взятии им, казалось бы, недоступной высоты говорит следующий кульминационный эпизод: *Я стоял, прижавшись щекой к стволу, чувствуя его тепло, запах смолы и листьев. Лёгкий ветерок гладил лицо. Гроздь урюка лежала за пазухой. Она уже ничего не говорила <...>* [4, 16]. Многозначителен внутренний монолог героя, свидетельствующий о перенесённых страхах и волнениях: *Нет, никому из ребят не скажу, что забрался на эту верхотуру. И никто не узнает, что я сорвал эту несчастную гроздь плодов. Кому они нужны? Будто урюка никогда не едал. Надо взять себя в руки, не бахвалиться, не трусить. Потихоньку спускаться вниз, к спасительной земле. И в другой раз не делать глупостей, браться только за то, что под силу <...>* [4, 17].

Таким образом, мальчик выдержал жизненный экзамен, преодолел страх высоты и одержал победу, важную в своей жизни. Мальчик доказал себе и окружающим, что в жизни можно добиться успеха лишь в том случае, если ты не боишься опасностей. Подслушанный автором разговор матери с отцом логично завершает рассказ: *- Запрети ему! Чтоб больше никогда не приближался к деревьям! – Такое не запретишь, мать. Да теперь и сам будет умнее. А полезет – не так будет бояться. Ведь он уже познал тайну высоты* [4, 17].

Выводы и перспективы. Таким образом, следует отметить, что автодиегетический нарратив – распространённая форма гомодиегетического нарратива, используемая прозаиками в крымскотатарских рассказах. В автодиегетическом нарративе главная роль отводится точке зрения персонажа-нарратора, которая определяет всю повествовательную композицию произведения. Изучение и выявление особенностей нарративной организации формы гомодиегетического повествования с фокализацией на герое в рассказах представляет огромный неизученный пласт в крымскотатарском литературоведении.

Литература

1. Женетт Ж. Работы по поэтике: В 2 т. – Т. 2./Ж.Женетт – М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1988. – 350 с.
2. Нагибин Ю. Размышления о рассказе / Ю.Нагибин – М., Сов. Россия, 1964. – 109 с.
3. Ткачук О. М. Наратологічний словник / О. М. Ткачук /Тернопільський державний педагогічний ун-т ім. Володимира Гнатюка. – Т.: Асток, 2002. – 173 с.
4. Умеров Э. Вторая невеста: [Рассказы и повесть]. Пер. с крымскотат. /Эрвин Умеров. – М.: Сов. писатель, 1984. – 368 с.

Джемилева А. А. Використання композиційного прийому героя-розповідача в наративі оповідань Ервіна Умерова / А. А. Джемилева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 344–347.

Письменника Ервіна Умерова відрізняє глибокий інтерес до характерів дітей і підлітків, який знаходить своє художнє вираження в оповіданнях «Третє ім'я», «Таємниця висоти», «Брехня» та ін. Письменник звертається до наративної ситуації від першої особи, найчастіше це автодіегетичний наратив, наратор є героєм історії. У кожному творі письменника свій наратор, що переживає події, про які

розповідає. Така «форма авторства» («мовна маска» – В. Тюпа) є креативною компетенцією оповідань Е. Умерова. У творах автора чітко простежується тенденція персоналізації оповідання, передача сприйняття подій крізь призму свідомості однієї з персонажів.

Ключові слова: кримськотатарське оповідання, автодієгетичний наратив, герой-оповідач, автор-оповідач.

Cemileva A. A. Use of composition reception of hero-teller in narrativ stories of Ervin Umerov / A. A. Cemileva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 344–347.

A writer Ervina Umerova is distinguished by deep interest to characters of children and teenagers, which finds the artistic expression in stories the «Third name», «Secret of height», «Lie» and other. A writer speaks to the narrative situation from the first person, more frequent than all it autodiegetic narration, narrator is the hero of history. In every work of writer the narrator, experiencing events about which tells. Such «form of authorship» (a «vocal mask» is V. of Tyupa) is creative jurisdiction of stories of Ý. Umerova. The tendency of personalisation of narration is expressly traced in works of author, transmission of perception of events through the prism of one consciousness of characters. E. Umerov as an author comes forward in appearances of different narrators, each time acquiring certain characterologic lines, which show up in the method of narration, vocal registration.

Keywords: crimean tatar story, autodiegetic narration, hero-teller, author-narrator.

Поступила в редакцію 03.03.2014 г.

УДК 811.512.162

**ДАСТАНЫ «КНИГА МОЕГО ДЕДА КОРКУТА»
КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКО-СОВЕТСКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ (В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ДОСТИЖЕНИЙ
КОРКУДОВЕДЕНИЯ)**

Алиева С.

Институт языкознания им. Насими НАНА

В статье дается обзор и анализ научных трудов таких выдающихся советских востоковедов, как В.В.Бартольд, А.В.Жирмунский, А.В. Якубовский; отмечаются их заслуги и роль в деле всестороннего исследования и изучения общетюркского памятника «Книга моего деда Коркута». Научные труды этих ученых явились весомым вкладом в коркутоведение. Следует отметить, что исследования турецких, немецких, итальянских и других ученых шли по тем путям, которые в свое время проложил В.В.Бартольд. Общее содержание и история эволюции эпоса «Книга моего деда Коркута», а также исследования В.В.Бартольда и В.М.Жирмунского убедительно доказывают, что речь может идти о двух историях, связанных с эпосом.

Ключевые слова: «Книга моего деда Коркута», огузские языки, В.В.Бартольд, В.М.Жирмунский, А.Ю.Якубовский.

Постановка проблемы. 1300-летний юбилей «Книги моего деда Коркута» - выдающегося средневекового письменного памятника огузского героического эпоса – не только дал оценку памятнику как этнокультурологическому фольклору и его роли в формировании национального тюркского менталитета, но и придал новый импульс исследованию особенностей языка эпоса в различных аспектах. Но еще большее значение имеет эта книга как замечательный художественный памятник, воплотивший в своих героических сюжетах и монументальных образах, высокое мастерство народных сказителей, творцов и хранителей древней эпической традиции. «Книга моего деда Коркута» переведена на многие языки мира, в том числе и русский, и на тех же языках, в особенности на русском, о ней существует многочисленная литература. Начало всестороннему научному изучению эпоса было положено выдающимся русским историком Востока, академиком Василием Владимировичем Бартольдом (1869-1930 гг.). Работы В.В.Бартольда (в частности, статья «Турецкий эпос и Кавказ») и его учеников создали прочное научное основание для исторического и фольклорного истолкования эпоса.

Следует отметить, что исследования турецких, немецких, итальянских и других ученых шли по тем путям, которые в свое время проложил В.В.Бартольд.

Интерес к эпосу «Книга моего деда Коркута», возникший у В.В.Бартольда еще в начале 1890-х гг., не покидал ученого на протяжении почти всей его жизни. Это отмечает и А.Айдосов в своем исследовании «Бессмертное наследие Коркут – Аты [1, 68-70]. Полный перевод эпоса был закончен в мае 1922 г. (до этого В.В.Бартольд опубликовал – в оригинале и переводе – только четыре из двенадцати песен) и предназначался для издательства «Всемирная литература», но не увидел света при

жизни автора. Известные азербайджанские ученые Г. Араслы и М. Тахмасиб опубликовали в Баку перевод В.В. Бартольда с уточнениями и поправками, но это издание не получило широкого распространения. Следует отметить, что перевод В.В. Бартольда выполнен на высоком филологическом уровне, присущем всем его трудам, и обладает большими литературными достоинствами. «Филологическую точность перевода В.В. Бартольд соединяет с истинным мастерством в передаче художественных особенностей подлинника. Сам В.В. Бартольд отмечал, что «настоящий перевод ... не может считаться окончательным; прогресс тюркологии, как в смысле открытия нового материала, так и в смысле более полного и тщательного изучения старого, несомненно, даст повод ученым еще не раз возвращаться к памятнику такого исключительного значения, как Коркут» [2].

Мысль об издании «Книги моего деда Коркута» (в переводе В.В. Бартольда) в серии «Литературные памятники» принадлежит ныне покойному члену – корреспонденту АН СССР профессору А.Ю. Якубовскому, ближайшему ученику В.В. Бартольда. Перевод В.В. Бартольда был сверен с Дрезденским и Ватиканским списками, а также с транскрибированным латинскими буквами текстом, изданным О.Ш. Гекаям и со сводным латинизированным текстом, опубликованным М.Эргином. Большой вклад в изучение эпоса внесли ученые В.М. Жирмунский, А.Н. Кононов, Ю. Якубовский. Статья В.М. Жирмунского «Огузский героический эпос и «Книга Коркута» содержит анализ этого памятника, его состава и происхождения как произведения огузского героического эпоса [3]. В.М. Жирмунский и А.Н. Кононов особо отметили заслугу немецкого востоковеда Теодора Нилкена, предоставившего В.В. Бартольду Дрезденский вариант эпоса. Как указывает историк-востоковед И.П. Петрушевский, для продолжения образования В.В. Бартольд приехал в Страсбург и прослушал курс лекций Теодора Нилкена в Страсбургском Университете [7]. Несомненно, указанный труд в определенной степени восполнил пробелы в исследовании дастана в тот период. Вместе с тем, в статье некоторые моменты остаются неясными на фоне сведений и фактов современного коркудоведения. В.В. Бартольд называет Дрезденский экземпляр «Книги моего деда Коркута» «Средневековым туркменским эпосом» и подчеркивает, что эпос *«написан на языке огузских племен»* (курсив наш – С.А.). Разъясняя значение слова *огуз*, автор пишет: *«огузы – прежнее название туркменского народа»* (курсив наш – С.А.). Следует отметить, что с этой же позиции выступает и Е.М. Мелетинский в своей статье «Огузский эпос «Китаб-и дэдэм Коркут», называющий азербайджанцев и турок, принявших ислам, этнонимом «туркмен» [6]. Для сравнения вспомним, что выдающийся туркменский ученый – востоковед (родом из Южного Азербайджана) Х. Короглы в своих исследованиях, посвященных особенностям языка дастана, употребляет в современном понимании этноним «огуз», точнее, топоним «Тюркистан», означающий «родина огузов» [5, 56]. В.В. Бартольд отмечает параллельное употребление в дастане двух времен: «огузский век» и современный период. «Огузский век» - время, в котором живут герои дастана, относящееся к далекому прошлому, к первому веку ислама. Сказочные богатыри же – это современники озанов, которые жили на летних пастбищах и вели кочевой или полукочевой образ жизни [3]. Здесь привлекает внимание следующий момент: огузские богатыри выбирали для военных походов

места, далекие от мест их проживания, но при этом не трогали армян, живших поблизости. С другой стороны, следует отметить, что в идеи В.В.Бартольда, связанные с историей написания дастана, были внесены определенные корректировки. В 1962 г. вышел в свет русский перевод дастана «Книга моего деда Коркута», сделанный В.В.Бартольдом. В «Предисловии» составители (В.М.Жирмунский и А.Н.Кононов), анализируя идеи В.В.Бартольда, связанные с дастаном, указали, что со временем подход ученого к проблеме менялся. Как указывалось, В. В. Бартольд еще раз повторил это положение в своих стамбульских лекциях по истории среднеазиатских тюрок: «С берегов Сыр-Дарьи огузами были принесены на запад предания о народном патриархе и певце Коркуте, выразителе и хранителе народной мудрости....Все это заставляет полагать, что *предания о Коркуте были унаследованы принявшими ислам огузами от домусульманских времен и принесены* (курсив наш. – С.А.) ими на запад» [3].

Данное суждение не адекватно прежнему мнению ученого о том, что сказания дастана сформировались на территории Кавказа. Напомним, что известные азербайджанские ученые – коркудоведы Ф.Зейналов и С.Ализаде, высоко оценившие роль В.В.Бартольда в исследовании дастанов «Книга моего деда Коркута», также отметили, что В.В.Бартольд считал, что события дастана разворачиваются на Кавказе и дастан принадлежит кавказским туркменам [8; 6]. В контексте стамбульских лекций выясняется, что В.В.Бартольд, несколько расширяя географию событий, приходит к заключению о важности и значимости проблемы приемственности Востока – Запада. Безусловно, проблема взаимосвязи Востока – Запада требует более широкого исследования, и поскольку рассмотрение данной проблемы не входит в задачи нашего исследования, мы не будем вдаваться в подробности. Добавим лишь, что, как отмечает исследователь казахской мифологии Д.Я.Басилов, среди верований и мифов тюркских народов представления о Коркуте или Хорхите занимают особое место. Д.Я.Басилов указывает, что: «Хорхут, в мифологии казахов первый шаман, покровитель шаманов и певцов, изобретатель струнного инструмента кобыз (то есть гопуз – С.А.). До принятия ислама Коркут – Божество (на что указывает его связь с шаманством), близкое образу *Буркут-баба*, представлявшееся бессмертным» [9]. В другой статье Д.Я.Басилова, посвященной Борбут-бабе, отмечается, что данный персонаж, будучи бессмертным, обладал также даром предсказывать будущее и, вступая в диалог с Всевышним, молил Его о даровании ребенка бесплодным женщинам и здоровья больным и немощным [10]. Ж.Д.Жукенова также отмечает, что мифы о Коркуте, занимающие особое место в казахской мифологии, – проявление в реликтовой форме древних мифологических представлений [11]. Б.А.Ибраев, Г.Р.Исходжанова считают «несправедливым» рассмотрение образа Хорхита – Коркута лишь в контексте дастанов «Книга моего деда Коркута» и полагают, что «...традиционные в науке, ссылки только на этот источник, связывают Коркута с X-XI веками, с периодом господства огузского еля со столицей в низовьях Сыр-Дарьи» и они не вполне правомочны» [4; 1]. Иными словами, исследователи на основе неопровержимых фактов доказывают, что представления о Горгуд или Коркит-Ата относятся к более ранним периодам и имеют разную географию распространения. Все это не оставляет сомнения в том, что дастаны «Книга моего деда Коркута»,

воспринимаемые как огузский эпос, в широком понимании являются результатом общетюркского эпического творчества. С точки зрения изучения дастанов «Книга моего деда Коркута» особый интерес представляет статья А.Ю.Якубовского «Китаб-и Коркут» и его значение для изучения туркменского общества в эпоху раннего Средневековья». А.Ю.Якубовский считает, что эти два вывода дают основание для обращения к дастану «Книга моего деда Коркута» для изучения не только XV-XVI в.в., но и более ранних периодов. Ученый, в частности, пишет: «Было бы слишком смелым пытаться отнести данные «Китаб-и Коркуд» к определенному столетию в прошлом. Однако мы имеем полное право использовать эти данные при уяснении и построении картины общественной жизни домонгольских и даже домусульманских огузов (туркмен). Можно быть вполне уверенным, что в «Китаб-и Коркуд» отражено в идеализованном плане то, что тогда бытовало в жизни, причем эта реальная жизнь недалеко ушла в смысле своей социальной структуры от X в.» [12, 135]. Труд В.М.Жирмунского «Огузский героический эпос и «Книга Коркута» является важнейшим этапом в исследовании и популяризации эпоса. Ученый прежде всего указывает, что эпос «Книга Коркута» был создан в XV-XVI в.в. Еще одно примечание относится к толкованию слова *Огузнаме* : слово *Огузнаме* употреблялось в XV-XVI в.в. среди тюркских народов для обозначения памятника как письменной, так и устной поэтической истории огузского народа. В.М.Жирмунский, говоря о Ватиканской рукописи эпоса, дает следующее название «Рассказ Огуз-намэ о Казан-беке и других». Исследователь считает это название более ранним. В.М.Жирмунский подробно говорил и об истории Дрезденской и Ватиканской рукописей эпоса. Он, в частности указывает: «Дрезденская рукопись «Книги Коркута», как указал В. В. Бартольд, 18 помечена на одной из последних страниц «годом смерти Османа-паши — 993» (1585 г. н. э.). Ватиканская рукопись, согласно пометкам владельцев, находилась с конца XVI в. в Каире (1591 г.), потом в Иерусалиме (1615 — 1616 гг.); что, по мнению Э. Росси, позволяет отнести рукопись к середине XVI в. Эти даты не определяют, однако, того, когда была написана сама книга. В. В. Бартольд относит «время сочинения поэмы» к XV в., скорее к его началу, но оговаривается, что «сюжеты некоторых легенд, конечно, могут быть гораздо древнее» [3, 144]. Как указывает В.В.Бартольд, огузские эпические сказания, зафиксированные в форме дастанов «Книга моего деда Коркута», тесно связаны с историей и географией Закавказья. По мнению В.М.Жирмунского, именно здесь с XI в. огузы нашли свою новую родину. Ученый полагает, что частичные факты позволяют уточнить последнюю историю устного поэтического употребления огузских сказаний [3, 147]. В.М.Жирмунский добавляет, что это – самый поздний период огузского эпоса. До ближневосточного периода был более ранний среднеазиатский период. Как верно указывает В.В.Бартольд, сказания об огузах, Коркуте и Газан беке были принесены на запад в период Сельджукской империи (XI-XII в.в.). Тюркизация Азербайджана, Закавказья и Малой Азии также приходится на этот период.

Как известно, в конце прошлого века (1999 г.) в Баку было торжественно отмечено 1300-летие эпоса. В связи с этим знаменательным событием было написано значительное количество научных, популярных и любительских трудов. Однако

проблема возраста «Книги моего деда Коркута» не является новой. В свое время она была рассмотрена В.В.Бартольд, В.М.Жирмунским и нашла свое научное решение. Многие воспринимают эту проблему однозначно, однако она вовсе не так проста, как полагают любители.

Выводы и перспективы. Общее содержание и история эволюции эпоса «Книга моего деда Коркута», а также исследования В.В.Бартольда и В.М.Жирмунского убедительно доказывают, что речь может идти о двух историях, связанных с эпосом. Первая история связана с периодом формирования эпоса в Средней Азии. Вторая – с приходом огузских племен в Азербайджан, Закавказье и Малую Азию, их жизнью и борьбой в новых географических и исторических условиях (XIV-XVI в.в.). Именно в этой среде был устно создан и записан в виде «Книги» эпос о деде Коркуде. Для тех, кто занимается изучением эпоса, это не является неопределенной проблемой. Именно этот последний период, последняя история и делают эпос языковым и литературным фактом, и его язык можно изучать в сравнении с более ранними или поздними литературными памятниками. Этот период конкретно охватывает XIV-XVI в.в. «Книга моего деда Коркута» и «Рассказ Огуз-намэ о Казан-беке и других» (Ватиканская рукопись) не могут оставаться вне историко-культурных событий, происходивших в Азербайджане, Закавказье и Малой Азии.

Литература

1. Айдозов А. Бессмертное наследие Коркут-Аты (к 1300-летию "Книги моего деда Коркута") // Мысль. – 2000. – № 2. – С. 68-70. – Режим доступа: <http://lib.kaznu.kz/Vestnik/TEXT/KORKUT.TXT>
2. Бартольд В.В. Турецкий эпос и Кавказ // Книга моего деда Коркута. М.-Л. АН СССР. 1962. – Режим доступа: <http://turkolog.narod.ru/info/I341.htm>
3. Жирмунский В. М. Огузский героический эпос и «Книга Коркута» // Книга моего деда Коркута: Огузский героический эпос / Сост. В. М. Жирмунский и А. Н. Кононов. — М.; Л., 1962. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Korkut/framepril31.htm>
4. Ибраев Б.А., Исходжанова Г.Р. Возрождение мифологии : Коркыт Ата - Заратуштра. - Режим доступа: http://portal.kazntu.kz/files/publicate/KORKUT%D0%B7%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%88%D1%82%D1%80%D0%B0_%D0%9A%D0%98%D0%A0%D0%93%D0%98%D0%97.pdf
5. Короглы Х.Г. Стилистические особенности «Книги моего деда Коркута» // Советская тюркология, 1975. - №2. - С. 55-68.
6. Мелетинский Е. М. Огузский эпос «Китаб-и дэдэм Коркут» // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1983—1994. -Т. 3. — 1985. — С. 588—590. - Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ivl/vl3/vl3-5882.htm>
7. Петрушевский И.П. Академик Василий Владимирович Бартольд.- Режим доступа: <http://static.bsu.az/w8/Folklorwunasliq/2012%20-%2010/77-83.pdf>
8. Зейналов Ф., Ализаде С. Неисчерпаемая сокровищница (с,5-28) // «Книга моего деда Коркута».- Баку: Язычы, 1988.- 265 с. (на азербайджанском языке)
9. Басилов Д. Я. Коркут // Мифы народов мира, http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_myphology/2816/
10. Басилов В. Н. Борбут - баба // Басилов В.Н. Культ святых в исламе.- М., 1970.- С. 10-40. - Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_myphology/1893/
11. Жукенова Ж. Д. Горизонтальный план в структуре традиционного казахского жилища - юрты / Ж. Д. Жукенова // Молодой ученый, 2011. — №3.- Т.2. — С. 180-183. - Режим доступа: <http://www.moluch.ru/archive/26/2820/>
12. Якубовский А. Ю., "Китаб - и Коркут" и его значение для изучения туркменского общества в эпоху раннего средневековья // Книга моего деда Коркута. -М. – Л., 1962

Алієва С. Дастаны «Книга моего дѣда Коркута» як об'єкт дослідження російсько-радянського сходознавства (з точки зору сучасних досягнень коркудознавства) / С. Алієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 348–353.

У статті дається огляд та аналіз наукових праць таких видатних радянських сходознавців, як В. В. Бартольд, А. В. Жирмунський, А. В. Якубовський; відзначаються їхні заслуги і роль у справі всебічного дослідження та вивчення общетюркского пам'ятника «Книга моего дѣда Коркута». Наукові праці цих учених стали вагомим внеском у коркутознавстві. Слід зазначити, що дослідження турецьких, німецьких, італійських та інших вчених йшли по тих шляхах, які свого часу проклав В. В. Бартольд. Загальний зміст і історія еволюції епосу «Книга моего дѣда Коркута», а також дослідження В. В. Бартольда і В. М. Жирмунського переконливо доводять, що мова може йти про дві історії, пов'язані з епосом.

Ключові слова: «Книга моего дѣда Коркута», огузські мови, В. В. Бартольд, В. М. Жирмунський, А. Ю. Якубовський.

Aliyeva S. Dastans “Book my grandfather Korkut” as an object of Russian-Soviet Oriental study (in the light of the modern achievements of Korkud studies) / S. Aliyeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 348–353.

The article provides an overview and analysis of scientific works of such prominent Soviet Orientalists as V. V. Bartold, A. V. Zhirmunsky, A. V. Jakubowski; notes their achievements and role in the comprehensive research and study of Turkic monument “Book my grandfather Korkut”. Scientific works of these scholars were a significant contribution to Korkud studies. These outstanding scientists who were the leading representatives of the Russian-Soviet Oriental Studies made a valuable contribution to the research of the epos. Their achievements caused today's high level of the Korkud studies.

It should be noted that the study of Turkish, German, Italian and other scientists went on those paths, which once paved V. V. Bartold. The total content and the evolution of the epos story of “The Book of my grandfather Korkut”, as well as V. V. Bartold and V. M. Zhirmunsky's research prove conclusively that we can talk about two stories connected with the epic. The first story is related to the period of formation of the epos in Central Asia. The second – with the advent of Oguz tribes in Azerbaijan, the Caucasus and Asia Minor, their life and struggle in new geographical and historical conditions (XIV-XVIth centuries). In this environment and conditions was created orally and after that was written the “Book of Dede Korkut”. For those who study the epos, it is not indefinite problem. It is this final period last story makes epic linguistic and literary fact, and its language can be studied in comparison with earlier or later literary records. This period is specifically covers XIV-XVIth centuries, “The book my grandfather Korkut” and “The Story of the Oguz-name about Kazan-bey and others” (Vatican manuscript) can not stay out of the historical and cultural events taking place in Azerbaijan, the Caucasus and Asia Minor.

Keywords: “The book of my grandfather Korkut”, Oguz languages, V. V. Bartold, V. M. Zhirmunsky, A. Yu. Yakubovsky.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

UDK 821 (479. 24)

ERIVAN FOLKLORUNDA TARİHSEL VE ETNOREGİONAL ÖZELLİKLER

Elekberli A.

Azərbaycan Milli Bilimler Akademisi, Folklor İnstitutu

Folklor ve tarihsel, folklorda tarihsel folklorşünaslığın temel sorunlarından olmuştur ve olmaya devam etmektedir. Bu sorunun çeşitli yönlerine görkemli folklorşünaslar V.Y.Propp, B.N.Putilov, V.M.Jirmunski (1, 2, 3) ve b. done-döne başvurmuş, mesele bir takım tartışmaların konusuna dönüşmüş, fakat güncelliğini yine de kaybetmemiştir. Neden? Çünkü tarihin belli zamanında folklorla tarihin sınırları bu sınırların tespit edilememesi derecesinde şeffaflaşıyor. Bazen tarihin folklorlaştığını, bazen ise folklorun tarihselleştiğini görüyoruz. Uzak geçmişte insanlar sadece tarih yaratmayıblar, hem de bu tarihi hafızadan-hafızaya, nesilden-nesile iletmek kaygısına kalmışlardır, olmuş olayları miflərə, rivayetlere, efsanelere, masallara, destanlara çevirmişiz. Fakat hem de öyle oluyor ki, insanlar bu mifləri, rivayetleri, efsaneleri, masalları, destanları tekrar tarihselleştirirler, onları sistemleştirerek tarih kitapları yazırlar. Böylece, iki bin-üç bin yıl sonra onların hangisinin tarihten folklöre, hangisinin ise folklordan tarihe geçtiğini belirlemek ciddi bilimsel soruna dönüşmüştür.

Erivan folklorunda tarihsel sorununun incelenmesi ise özellikle güncel ve zor bir konudur. Çünkü son iki yüz yıl içinde bu arazinin sadece etnik manzarası tamam değiştirilmiş, yüzyıllardan beri burada yaşayan yerli Türk ahali yabancı bir etnosla yenilenmiş, ayrıca bölgenin tarihine dair tüm yazılı kaynaklar, maddi kültür örnekleri bilerek saxtalaşdırılmış, ya da imha edilmiştir.

Bu nedenle bu bölgenin folklorundaki epik tarihle yazılı kaynaklardaki (ne kadar saxtalaşdırılmış olsa bile!) ampirik tarih karşılaştırmalı şekilde tahlile çekilmeli, ortak ve farklı yönler ortaya konmalı, tarihin bilerek bozulmuş beyaz sayfaları yeniden sağlanmalıdır.

İnsanlığın sonraki hayat yolu Nuh'un gemisinden başladığı gibi, Erivan folkloru ve Erivan tarihi de işte Nuh'un tufanından başlar. Tesadüfi değil ki, Nuh ile ilgili mitolojik metinler, rivayetler Nahçıvanla bir sırada, en çok işte Erivan'da kaydedildi. Bu da doğaldır, çünkü Nuh'un gemisi ile ilgili rivayetlerde bahsedilen Ağrı dağları işte Erivan çukurunun doğu sınırını oluşturuyor. Dolayısıyla, Erivan çukuru Büyük ve Küçük Ağrı Dağları ile Küçük Kafkas sıra dağlarının arasındaki büyük bir çukur - ovada, vadide bulunmaktadır.

1885-1895 yıllarında Erivan gimnaziyasının hocaı olmuş Firidun bey Köçerlinin ünlü "Azərbaycan Edebiyatı" eserinde hatırlattığı rivayetlerden birinde de öyle sohbet Nuh'un ve kurtulmak yaptıklarının Erivan çukurunda yerleşmesinden gidiyor : "Bazı rivayete göre, Nuh Nebi'nin gemisi tufandan sonra Ağrı Dağı'nın kulesinde durup ve "ya arz ü-lai maeki" ("ey yer, kendi sularını ud") hükmü sadır olduktan sonra yeryüzünden yakında sular çekilip, ətrafı-əknaf səbzəzar olmuştur ve Nuh gemiden çıkıp, Kadiri-

Zülcelâlê secde edip, şükürü sənaları yerine getirdikten sonra haman yeri xoşlayıb, orada mesken aldı" (4, 201).

Erivan çukurunun hem yazılı, hem de sözlü örneklerde geniş yer almasının bir nedeni de şu ki, Güney Kafkasya'nın Arğıştixinili (Arquztu - han-eli), İrpuni (Erebuni) gibi eski (er.ev. VIII yüzyıl) şehir kaleleri, Armeniyanın Artaşad, Vağarşabad ve Dvin gibi başkent kentleri, ortaçağ Qafqazının en büyük kültür merkezlerinden olan Erivan kale-kenti işte bu Erivan çukurunda yerleşmiştir. Bu yüzden de bu araziler bir yandan yerel makamların kaygı ve dikkati ile çevrili varılamazsa, burada muhteşem yapılar dikildi, ekonomi gelişme etdirilmişse, diğer yandan aynı stratejik konumuna göre bu araziler sık-sık komşu devletlerin saldırılarına maruz kalmış, yıkılmış, yakılmış, talan edilmiştir.

Tüm bunlar ise tarihin ve bölgede yaşamış etnosun (çeşitli Türk boylarının) yazılı ve sözlü hafızasında derin izlerini bırakmıştır. XV yüzyıldan tek-tek, XIX yüzyılın başlarından ise toplu şekilde bölgeye axışan yabancılar hem yazılı, hem de sözlü kaynaklardaki hafızası çarpıtarak özlerinininkileştirmeye çalışsalar da, tarihi gerçekler kendisinin net açıklamasını, yozum ve yazımını halen bekliyor.

Böylece, Erivan çukuru Azerbaycan'ın tarihi folklor bölgesi gibi, kaybedilmekte olan, bin yıllık Türk etnik-kültürel mekanından zorla koparılıp ayrılan, fakat kendi varlığını çağdaş Azerbaycan Cumhuriyeti'nin çeşitli bölgelerine dağılmış evlatlarının hafızasında, geleneklerinde, dilinde, davranışında, gündelik yaşamında henüz tam halinde sürdüren zengin folklor mirası paylaşan ortamdır. Erivan çukurunun göğünü-yerini, dağımı-dərsini, köyünü-şehrini, hatta taşını-toprağını, gülünü-çiçeğini Türk'ün vatan anlayışı çerçevesinde sunan, bu toprağa iddiamıza hak veren de onun etnoqrafiyası, toponimiyası, folklorudur.

İlginçtir ki, Erivan mitler, efsane ve masallarında dağ çok halde ejderha karakteri ile assosasiya ediliyor. Erivan Türklerinin kendi tarihi faciasında dağları suçlamasıyla, bilinçdışı akan mitolojik arxetipin tezahürüne dönüşür :

Ben aşık, aştı dağlar,
Çakıllı, taştı dağlar.
Düşmanı neden koydun
Sınırı aştı, dağlar?

Vedinin yanı dağlar,
Kalbi, canı, dağlar.
Burda bir el varıdı,
Siz deyin, hani, dağlar ?

Atasözleri, inançlar, alkış ve qarğışlar, bilmeceler, yeminler ve b. paremler halkımızın eski güven ve inançları, hayata, dünyaya bakışı, değerleri, zihniyeti hakkındaki en doğru bilgi taşıyor. Erivan ili Türklerinin iletişimde paremilere aktif başvuru henüz XIX yüzyılda bu bölge aydınlarının bu folklor örneklerinin toplanması ve çapında ilgi göstermesine neden olmuştur. Tesadüfi değil ki, Erivanlı öğretmen Mehmetveli Qamerlinin toplayıp yayınladığı "Atasözü" kitabı (1899) Azerbaycan'da bu türün ilk basımı girişimi gibi folklorşünaslıq tarihimize düştü.

Erivan çukuru lâtifelerini tipine göre üç yere bölmek mümkündür:

- 1) Behlül Danende lâtifeleri;
- 2) Molla Nasreddin lâtifeleri;

3) Lokal seciyyeli lâtifeler.

Behlül Danende ve Molla Nasreddinle ilgili Erivan çukurunda yer alan lâtifeler kendi Genel Azerbaycan karakterine rağmen, Erivanlının zevki, duyumu, entelektüel ve psikolojik özelliklerini yansıtan yerel çalarlara sahiptir. Lokal Erivan latifelerinin tipik kahramanı ise, genellikle, esprili köylüler, "baxçacılı Kerim", "Goravanla Mustafa kişi", Erivan çukurunun basit insanlarıdır. Lokal lâtifeiçi "sorun" da çok halde Erivanlının günlük karşılaştığı, esasen, emek, aile, ev düzey konulardır.

Erivan ili Batı Azerbaycan'da masalların en çok tescil edildiği ortamlardan. Burada masalların her üç tipi - sihirli, maişet ve hayvanlar hakkında masallar yeterince popülerlik kazanmıştır.

Erivan folklorundaki narrativ türler içerisinde masalların popülaritesi, ihtimal ki, Erivan ili nüfusunun oturak (çiftçi) yaşamı ve şehir kültürünün etkisi ile ilgilidir. Erivan masallarının semantik yapısında sosyal düzeyde temel oppozisiya taraflarını da şehir (veya çiftçi-köylü) zümrelerinin teşkil etmesi bununla ilgilidir. Bu masallarda çoban, bey tipi Terekeme ortamına bağlı karakterlere rastlansa da, temel kahramanların çoğu padişah, tüccar, helvacı oğlu, şehzade, kınkan, çiftçi, benna gibi yerleşik (şehir, köy) kültürünü temsil ediyorlar.

Diğer fantastik masallarda olduğu gibi, hayırla şerrin mücadelesi, iki karşıduran taraf arasında keskin çelişki, sihirli güçlerin katılımı Erivan çukurundan toplanan sihirli masalların temel motifini oluşturuyor.

Erivan çukurunda yer alan sihirli nağıllarda mifdæn kaynaklanan imgeler ve motifler - "Avcının masalı"nda bilge yılan, "Halvaçının masalı"nda devler, "Sultan Melih"de periler ve div kızları, "Siyah dağın sırrı"nde Siyah dağ ve b. Azerbaycan sihirli masalları için tipik mahiyette.

Erivan çukuru hem de efsane ve rivayetlerin yaygın olduğu bir bölge olmuştur. Bu rivayet ve efsanelerin içerisinde yer-yurt isimleri, tarihi olaylar ve kimliklerle ilgili olanlar tercih teşkil etmektedir: "Yedi kardeş dağı", "Muhannet tepesi", "Hatın arkı", "Erivanda hal kalmadı" ve b.

Dini rivayetlerin de popüler olması belirtilmelidir: "Pirel-Mürsel ocağı", "Seyyid ocağı", "Ağadede piri", "Kadir gecesi" v.b.

"Düşmanlık", "İki düşman", "Biraz sabredin" gibi rivayetlerde gerçek tarihi şahsiyetler eski Türk epik kahraman tipinin hafızalarda yaşayan çizgileri ile "süslenerek" folklor olgusuna dönüşmüştür. Real tarihi kahramanların hareketinin tekrarı (ve ya benzeri) olması ile değer kazanmıştır. Real öykünün epiklik kazanması, folklorlaşması, folklorun mertlik ve kahpelik, iyilik ve kötülük, hak ve haksızlık, akıl ve akılsızlık gibi motifleri üzerine kaydıyla didaktik ve şiirsel-estetik anlam ifade etmiştir.

Sovyet hakimiyetine direnişi qırıldıqdan sonra acil el-obasını terk etmek zorunda kalan Kerbelayı İsmail'in hamile yengesini kan düşmanı olan, fakat namusuna herkesin güvendiği Usuboğlunun kendi evinde gizletmesinden bahseden "İki düşman" tarihi rivayeti, içeriğinin küçük olmasına rağmen, bir folklor incisi. Burada güven ve itibarın, hatta düşmanlığın ideal şekilde takdimi, mertlik, namus, insaniyet ve misafirperverlik gibi halkımızın değer verdiği etik normlara, durumdan bağımsız olarak büyük saygı, bu dramatik ortamda halk mizahın bile "yer bulunması" Erivan çukuru Türklerinin yaratıcı tefekkürünün gücü ile bediileşen manevi kalitelerini ortaya koymaktadır.

Çalışma nağmeleri (holavarlar, sayacı sözleri, harman şarkıları ve b.), tören-bayram türküleri, haxıştalar, bahisler, değişimler, ninniler, bayatı ve ağıtlar Erivan çukuru folklorunun temel lirik türler sırasını oluşturuyor. Azerbaycan'ın diğer folklor ortamlarında olduğu gibi, Erivan çukurunda da halk lirik kreasyonlar popüler janrı bayatı ve ağıtlar. Erivan ilinde öyle ağbırçək bulmak olmazdı ki, bayatı (ağıt) koşulmasını bacarmamış olsun. Bayatı (ve ağıtların) yapısal basitliği, konusunun somut duruma uygun değişkenliği, lakonikliyi, ani hisleri yansıtmak için uyarlığı söyleyicinin kendi iç hissi - psikolojik izlenimini "zamanında" şiirsel tasvir yeteneği seviyesinde, etkili dille ifade sağlar. Aşk, ayrılık, zamaneden şikayet, yurt-vatan niskili, dostluk, söz vefa ve b. Erivan bayatılarının baş motifleri.

Erivan bayatısı bin yılın bilgisini taşıyıp bugüne ulaştırdığı gibi, bu günün de tarihi ve hayati gerçekliğini folklor kodunda geleceğe aktarır:

Ağrıdan esen yeller,
Sabrımı kesen yeller,
Bana cevap gönder,
Yerindəmi o yerrər?

O yerde sabrım kalıp,
Kendi sebrim, cezam kalıp.
Bin yıllık ayak izim,
Bin yıllık qabrim kalıp.

Erivan çukuru aşıkalarının yaratıcılığında toplumsal-siyasi motiflerin ön planda olması ilk bakışta dikkat çekiyor. Bölgenin Azerbaycanlı-Ermeni sorununun tarihsel aktif merkezlerinden biri olması nedeniyle oluşan sorunlar, tabii ki, halkının tarihi kaderine sıkı bağlı olan sanatçıların-aşıklarının aktif başvurdıkları konular dairesinden öte kalamazdı. Çarlık Rusyası'nın Erivan hanlığını işgal etmesinden sonra yerli Türk halkının başına getirilen meşakkatlerin, göçmenlik hayatının ağır-acılarının şiirsel dille açıklama, el-obanın, Vatanın gayretini çeken, onun savunmasına kalkan evlatların vasfı XX yüzyılın başlarında yaşayıp-yaratmış Erivançevresi aşıkların ve el şairlerinin (Aşık Xudayar, Şahablı Aşık Celil, Yakup Mustafaoğlu, Aşık Muhammed Kotuzlu ve b.) yaratıcılığı için yaygındır.

Erivan aşıklarının tarihsel Nahçıvan, Garnibasar bölgeleri ile yoğun ilişkisi yadsınmaz olsa da, burada aşık sanatının gelişmesine Azerbaycan aşık sanatının beşiği ve merkezi sayılan Gökçe ortamının büyük etkisi hissedilir. Göyçenin Aşık Alı, Aşık Alesger gibi büyük saz-söz korifeylerinin üstad statüsünün Erivan ilçesi aşıkları tarafından dolaylı kabulü da bunun göstergesidir. Hiç rahat değil ki, Ələsgər, Aşık Alı, Memmedhüseyn ve diğer Göyçə aşıklarının (ve el şairlerinin) adı ile ilgili destan-rivayetlerin yer alan bir çok seçenekleri de Erivançevrəsi bölgeden toplanmıştır.

Erivan çukuru bölgesi eski milli adet-geleneklerinin uzun süre konservatif şekilde korunduğu, öte etkilere az uğramış olması ile de tercih ediliyor. Nevruz Bayramı günlerinde yapılan kel kavgaları, pəhləvanların yarışı və b. gibi adetler bu bölgenin kendine has geleneklerinden sayılabilir.

Erivan folkloru örneklerinin bilimsel analizi gösteriyor ki, bu bölge Türkleri folklor ve etnografik düzeyde (arsa, motif, imge, tür, düğün adetleri ve b.) komşu halklara çok şey vermiş olsa da, aksi yönde herhangi bir etkilenme kendini göstermemiştir.

Kaynaklar

1. Propp V.Y. Russkiy qeroičeskiy epos. Leningrad, izd-vo Leningradskoqo universiteta, 1958.
2. Putilov B.N. Qeroičeskiy epos i deystvitelnost. Leningrad, Nauka, 1988.
3. Jirmunskiĭ V.M. Tyurkskiy qeroičeskiy epos. Leningrad, Nauka, 1974.
4. Firidun Bey Köçerli. Azərbaycan Edebiyatı, II cilt, Bakü, 1981.
5. Budag Budagov, Gıyaseddin Qeybullayev. Ermenistan'da Azərbaycan kökenli toponimlerin açıqlayıcı sözlüğü, Bakü, 1998.
6. Aziz Elekberli. Batı Azərbaycan, 1 cilt, 2003.
7. Moisey Kalankatuklu. Arnavutluk tarihi, Bakü, 1993.
8. Memmedveli Gamerli. Atasözü, Bakü, Seda, 2003.

Исторические и этнорегиональные особенности Эриванского фольклора // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 354–358.

В статье рассмотрен актуальный проблем фольклористики как фольклор и историчность. Ряд важных актуальных аспектов проблем рассмотрен на материале Эриванского фольклора и также определено его этнорегиональный характер. Результатом исследования является то, что Эриванский фольклор является частью азербайджанского фольклора и древние обитатели этих мест всегда были азербайджанские турки.

Ключевые слова: Эриван, Гамарли, Карбалаи Исмаил, Путилов, Ашук Али, Ашук Аласкер

Історичні та етнорегіональні особливості Еріванського фольклору // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 354–358.

У статті розглянуто актуальні проблеми фольклористики на матеріалі Еріванського фольклору, а також визначено його етнорегіональний характер. Результатом дослідження є те, що Еріванський фольклор є частиною азербайджанського фольклору і стародавні мешканці цих місць завжди були азербайджанськими тюрками.

Ключові слова: Еріван, Гамарлі, Карбалаі Ісмаїл, Путилов, Ашук Али, Ашук Аласкер

Historical and ethnical features of the region in Erivan folklore // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 354–358.

The article describes the topical problems of folklore, in particular folklore and historicity. A number of important issues relevant aspects considered at Erivan folklore material and determine its ethnical character in this region. The result of the study is that Erivan folklore is part of Azerbaijan folklore and ancient inhabitants of these places have always been the Azerbaijani Turks. Folklore of this region is very complex topic in terms of current historical questions. Due to the fact that ethnic landscape here has not changed for centuries the indigenous population were Turks, written sources and material culture were all destroyed.

This region is considered the cradle of Azerbaijan media here traditions are preserved for a long period

In a scientific paper, the author analyzes the Turkish folklore on an ethnographic level (narrows motifs, images and wedding customs).

Key words: Yerevan, Gamerli, Kerbelayi Ismail, Putilov, Ashuk Ali, Ashuk Alesger

Поступила в редакцію 03.03.2014 г.

УДК. 821 (479. 24)

НОГАЙСКИЙ ЛЮБОВНО-РОМАНТИЧЕСКИЙ ДАСТАН «АРИЗ И ХАНБЕР»: ИССЛЕДОВАНИЯ И ТЕКСТЫ

Рамазанова А. Х.

*Институт Фольклора Национальной Академии Наук Азербайджана
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

Дастанное творчество тюркских народов является наглядным образцом, опирающимся на устную традицию. Дастаны отображают историю, образ жизни, эпическое сознание тюркских племен и народов. Дастан «Арзу и Камбер», распространенный среди многих тюркских народов и племен (*тюрков, азербайджанцев, гагаузов, караимов, туркменов, ногайцев и т.д.*), живет также в эпической памяти ногайцев. «Ариз и Ханбер» появился на свет как продукт средних веков и немного отличается от классических эпосов поэтической структурой. Автор приводит полный текст дастана, собранный М.К.Милых, в виду его ценности, как первоисточник.

Ключевые слова: любовно-романтический дастан, анализ, лирика.

Постановка проблемы. Дастанное творчество тюркских народов является наглядным образцом, опирающимся на устную традицию, по сущности своей синкретической, лирико-эпической формой. Дастаны отображают историю, образ жизни, эпическое сознание тюркских племен и народов. Если в созданных ранее героических эпосах отображаются боевой дух, вера в победу, исторические события, реальные и не реальные исторические личности, в любовно-романтических дастанах, создание которых приходится на средние века, восхваляются лирические чувства влюбленных, чувства и тревоги героев, чужбинная тоска, желание встречи. Об одном из таких любовно-романтических дастанов мы поговорим. Это дастан «Арзу и Камбер», распространенный среди многих тюркских народов и племен (*тюрков, азербайджанцев, гагаузов, караимов, туркменов, ногайцев и т.д.*), живет также в эпической памяти ногайцев. «Ариз и Ханбер» появился на свет как продукт средних веков и немного отличается от классических эпосов поэтической структурой. Во первых, отличие проявляет себя в построении эпоса. Известно, что общетюркское эпическое творчество состоит, преимущественно, из текстов, построенных на синтезе поэзии с прозой. То есть среди ведущих показателей этого жанра стоят сказание его некоторых частей прозой, а основных текстов – поэзией. Обычно поэтическая часть эпоса охватывает такие формы ашугской поэзии, как гошма, герайлы, дивани, уstadнаме и пр. а в эпосе «Арзу и Камбер» все поэтические части выражены баяты (мани). Как у азербайджанского варианта, так и у ногайского прозаическая часть дастана выражена семисловным силлабическим стихом – баяты (мани). Вторая отличительная черта – сказание этого дастана, в основном, сказителями-женщинами. Хотя порой в Турции встречаются сказители-мужчины, среди азербайджанских и иракских туркман сказителями этого эпоса являются лишь женщины.

Исследование ногайского варианта «Ариз и Ханбер». История издания и исследования ногайского варианта «Ариз И Ханбер» не так богата, как у других тюркских народов. Первый раз этот ногайский дастан был напечатан М.К.Милых-ом в

1949 году. В статье «Ногайские тексты» автор напечатал два ногойских текста «Ариз и Ханбер» и «Анькылдакь и Доьнкуьлдек». Из вводной части статьи выясняется что этот ценный текст «Ариз и Ханбер» был записан автором от жительницы аула Канглы, Минводского района, Сабанчиевой Татув 57 лет. Текст был зафиксирован в 1940 году. Примечательно что, автор смог записать два варианта ногойского «Ариз и Ханбер». Но к сожалению, в статье был дан только один вариант дастана. По мнению автора, дастан «относится к лирическим произведениям, составляющим особый цикл сказаний и поэм тюркского эпоса. В ней с глубоким чувством рассказывается о любви Ариз и Ханбер, которые еще до рождения были наречены женихом и невестой» [1, 252].

Позже «Ариз и Ханбер» был напечатан в книге «Ногайские народные сказки» в 1993 году. Этот вариант немного отличается от зафиксированного текста М.К.Милых.

Исследование этого дастана у ногойцев связано с именем д.ф.н. Кусегеновой Ф. В своей диссертации на тему «Ногайские дастаны: национальная специфика, межэтнические и фольклорно-литературные взаимосвязи» и монографии, напечатанной на основе диссертации, Ф.Кусегенова не раз обращается к «Ариз и Ханбер», сопоставляет мотивы дастана с другим любовно-романическим дастаном «Тахир и Зухра» [2].

Ф.Кусегенова также является автором статьи «Ариз и Ханбер», напечатанный на кумыкском языке в журнале «Тангчолпан» [3].

Еще один вариант ногойского дастана «Ариз и Ханбер» был предоставлен нам д.ф.н.Ш.Курмангуловой.

Текст ногойского варианта «Ариз и Ханбер». Предлагаем полный текст дастана, собранный М.К.Милых, в виду его ценности, как первоисточник:

«Бурун-бурун заманда бир хан больган. Шонун ханын вазири больган. Олар анышлап кеткенлер хан айткьан: «Хатыным куьмеде кьалгьан».

«Хан, афендим, меним де хатыным куьмени кьалгьан», – деп вазир айтады. Олар суьерде соьйлеседилер биринин кьзын биринин улына берейек болуп. Олар келгенше алардын пишелери тапкьанлар. Ханын пишеси кыз тапхан, вазирдин пишеси ул тапхан. Вазир келгенде айтхан: «Хатын, мен бу балады ханнын азбарына таслайман. Хан кьзын бизге бермес. Ханнын пишеси балады алыр. Биревуьн ул эткен, биревуьн кьыз эткен. Атларын да атагьа: улуна Ханбер, кьзына Ариз деп атагьан. Олар икоьн болгьанлар, окьымагьа баргьанлар. Окььп кьайтып келеяткьанда бир яс кеншек сув алып келеяткьан болгьан. Сув алып келеяткьанда, Ханбер айтады: «Шелегине согьайым»; деп. Ол заманда Ариз айтады: «Алды шелегине сокьпа, шалкьасынан туьсер, - дийде, - арт шелегине сокь, элбетинен туьссин», – дийде. Ол заманда кеншек этбетинин туьсти, йьгылып тургьан заманда кеншек айткьан: «Дуньяда ашыкь болуп, ахырытты кьаушыныз», – деп. Оннан сонь олар Ханбер эм Ариз суьйисип баслагьаннар.

Экеви школагьа барады. Школагьа баргьанда устазы Ханберди сувгьа йибере-ди. Ханбер бир куьрешке сувды бервар тастын арасыннан былгьандырып алып келди. Ол сувды устаз яратпады да Аризди йиберди. Ариз сувды аруьв этип алып, билезигин бервар тастын уьстине салып келди. Устаз сувды ишти де, тагьыды Хан-

берди йиберди: «бар сен де алып кел», - деп. Ханбер барды да бир куьрешке сувды алды эм билезикти бервар тастын уьстиннен алып, кисесине салды да келди. Школдан балалар тагдадылар. Ханбер мен Ариз кетейтырлар йолда булар бир-бирине йырлап басладылар. Ариз йырлайды:

– *Эртенъ минен турдынъма?*
Бетинъди къолынъды ювдынъма?
Бервар тастын уьстинде
Билезигимди коьрдинъме?
Ханбер йырлайды:
– *Эртенъ минен турмадым,*
Бетимди къолымды юлмадым.
Бервар тастын уьстинде
Билезигинъди къормедим.

Деген сонъ Ариз къоркъады,, сыпаты шырайы туьрленеди. Онынъ къоркъанын къорип Ханбер бир аз заманнак сонъ булай айтып йырлайды:

– *Ай тувар ари ясанънан,*
Куьн тувар бери ясанънан.
Билезигинъдин уьстинде
Нелер барды нешаннан?
Ариз йырлайды:
– *Къарала къойым къозылы,*
Къозылы яным адувли.
Билезигимнин уьстинде
Ариз атым язувлы.
Ханбер йырлайды:
– *Сувлар агъар олыкъ-олыкъ,*
Шеммелер агъар дыныкъ-дыныкъ,
Билезигинъди тапкъангъа
Не бересинъ дос тенъим.
Ариз йырлайды:
Сувлар агъар олыкъ-олыкъ,
Шеммелер агъар дыныкъ- дыныкъ,
Билезигимди тапкъангъа,
Кенди басым бос, тыныкъ.

Соннан сонъ хан эм пишеси биледи олардын бири бирисин суьйгенин. Билген сонъ къызды школагъа йибермей, ясты йибередилер. Ол заманда хан заманда хан эм пишеси къыдырады сорадылар эмшилерден яракъшылардан олардын суьйгенин къойдыраякъ болып. Ол заманда бир эмши айтады: «Булай эт, - деп ол школдан къайткъынша эмшек суьтинъди савып ол суьтке къалакъай этип писирип егизтсенъ суьйгенлерин къояр», - деп. Ханнын пишеси ол затты этип азирлеген, Ханбер школадан келгенде, алдына къалакъайды салгъан. Оны къыз эситкен эди. Къыз яскъа билдиреек уьшин шарлакъта турып булай деп йырлайды:

– *Къабагъынъ, къасынъ къатмуштыр,*
Къайгъы быннан япмуштыр,

*Алдынгдагъы ытпекке
Меме суьтин къатмуштыр.
Ханбер йырлай:
– Къабагъым, къасым къатмуштыр,
Къайгъы быннан ятмуштыр,
Алдымдагъы ытпекке
Меме суьтин къатмуштыр*

- деп йырлайды да Ханбер турып кетедюьтпекти емей. Оннан сонъ булар бес-
петер бек бир бирин суьйдилер. Ол заманда хангъа билдиредилер. Хан уйкен адем-
лерден сорайды: «Булар суьйискенлнр, не етейим» - деп. Ол заманда адемлер хангъа
айтады: «Ясты авылдан коьшир», - деп. Сонъ хан яскъа къыркъ туьле алтыннан ал-
тын, куьмисиннен куьмис, малыннан мал берип, ясты Эдил деген ерге коьширип
йибереги. Яс онда туькен салып яшайды. Ол заманда къыз мунда авырып, ас ишпей,
азып-тозып къалады. Къыз азып-тозып терезеден къарап тургъанда Эдилден ханын
туьйирменине бир арба келеди. Ол заманда шарлакъта терезеден къарап къыз йыр-
лайды:

*– Эдил йолы ав мекен?
Айланасы тав мекен?
Ол Эдилде Ханберим
Аман мекен сав мекен.*

Ол заманда туьйирменге келген яс эситип онын ашыкъ экенин биледи де ол яс
йырлайды:

*– Эдил йолы ав туры,
Айланасы тав туры.
Ол Эдилде Ханберинъ
Аман туры, сав туры.*

Оны къыз эситип, ол яскъа бир кишкей записке язып таслайды. Ол запискедин
алып, ол яс Эдилге барады эм Ханберге запискеди береги. Ханбер къагъытты альан
сонъ болгъан затын тускенин къагъытты акеткен яскъа береги. Ханбер темиршиге
темирден ыдырыкъ эттирип эм темирден таякъ эттирип, ыдырыкъты кийип, такъты
къолына алып йолгъа шыеьыты. Ханбер бир неше куьн йол юрип, бир ханнын
уьйине келген. Ол ханнын уьйинде ол яслрага тилейди: «Мен бу кеше къаравыл
шыгъайым», – деп. Сол ханнын къаравылшыларынынъ биревги ызын берген Хан-
берге сол кеше сонда къаравыл шыкъпагъа. Ханбер танъ аткъышек йырлап шыкъ-
къан:

*Атасынынъ аты Дагъыбастан,
Анасынынъ аты Куьлизистан.
Бизди айыргъан Ариз достан
Я бас коьтермес бек солтан.*

Тан аткъангъа дери яс сонны, йырлап шыкъты. Сол заманда хан ашувланып
уьйкъламай шыкъкъан. Эртенгиси куьн халкъын йыйгъан. Халкъы айткъан:

«Ол адамды аипакъ керек», - деп. Сонъ атып ытirmeге хоьким эткен. Ол за-
манда Ханбер айткъан, «Мен бир абдез алайым, - деп, эки реках ат намаз къылайам,

соьзимди де бир айтайым» деп. Сол заман хан «яхшы» - деген. Тагъыда Ханбер сол йырды аспагъа тургъанда халкътын ишинде йырлагъан

*Атасынынъ аты Дагъыбастан,
Анасынынъ аты Куьлизистан.
Бизди айыргъан Ариз достан
Я бас коьтермес бек солтан.*

Сол йырдан хан Ханберди аттырмай огъа кьыркъ атлы кьыркъ сакълав берип Ханберди йибереги, - «сол кьызды алыныз», - деп. Сол заманда барая-тыргъан йолда бир кьурткъа ырасып буларды шакъырады, - «Ас ишинъиз, мен бисемби этемен», - деп. Сол заманда ханбер сорайгъан: «Не бисемби?» - деп. Кьурткъа айтады: «Ханнын кьызы Ариз оылген, сонын бисембиси», - деп.

Соны эситкенде, Ханбер она ханнын берген затлары манн атлыларды ызына кери кьайтарады. Оьзи баягъы темир ыдыкыкыты эм темир такъты алып кетеди. Бир неше куьн йолда юрип бир кьарт пан кьурткъагъа келеди. Сонда йолда кьонып эртенги бир той болгъан. Кьурткъа тойгъа бараяк болады. Сол заманда Ханбер де, «бараман», - диди. Кьуртка акеткиси келген йокъ. Сон Ханбер сорайды: «Не той?» - деп. Ол кьурткъа айтады:

«Ханнын кьызы Аризди кьалмыкъ давына берген, сонын тойы», - деп. Ол заманда Ханбер «Бараман мен де», - деп барады. Барып эреке турады. Ханнын кьызы Ариз йылайды, халкътын коьзиннен яс акъса, Ариздин коьзиннен кьан агъып, уьш куьн, уьш келе йылап тургъан. Атлар да йылап. Атларды егейек болса тислеп ман согъып адемлерге ектирген йок. Атлар силтир-силтир этип йылап тургъан. Булар не этейигин билмей тургъан. Ханбер тилеген «Мен егейим», - деп. Ханбер атлардан кьасына баргъан, атлар суйинип, шоршып, Ханберге ектирген. Сол заманда ханнын кьызы Ариз Ханберди коьргенде, атлардын арасыннан оьзине куьлеген. Куьлгенде адемлер ювырып ханнан шуьйинши тилеген, - «коьптеннен бери йылагъан кьызынъ куьледи» деп. Ол заман хан биревине бие биревине туье, биревине сыйыр берген шуьйиншиге. Сонъ кьызды фыйтонгъа олтыртып акетеек больганда, атлар йылап юрмейди. Анавыда айдайды, мынавы да айдайды, атлар юрмейди. Сол заманда Ханбер, - «акел мен етип шыгырайым», - деп. Атларды Ханбер еткеде, атлар суйинип шоршып силтир-силтир этип юреди, этип азбардан шыгъараятыргъанда Ханбер йырлайды:

*– Ай коьрип, акылынъ оьстиме?
Куьн коьрип, коьнъилинъ оьстиме?
Атынънынъ басын тарта кел,
Оькшенъди бастырма.
Ариз йырайды:
– Ай коьрип акълым оьспеди,
Куьн коьрип коьнъ илим оьспеди,
Атымнынъ басын тартарман,
Оькшенъди бастырман.*

Ол заманда дав бир зат сезедиде, атты шапкъылап-шапкъылап Аризди алып кетеди. Сонъ Ханбер ерден кьыл тисин алып, силкен заманда Ханберге иери-ювени мен ат кийим болады. Саларды кийип Ханбер артыннан шавып кетеди. Бара турып

бир неше куьннен сонъ булардын артыннан ювыкълайды. Ювыкълагъанда Ариз Ханберди коьрип куьлемсиреген. Сол заман тагъыда адамлар. Давдан шуьйинши тилеген, - кельяткъан келуьвши куьлеген, - деп. Ол дав да уьшевине уьш туьрли айван берген. Ханбер де артта коьрине-коьрине бир шоьлликте келеди. Сол заманда Ариз бараятыргъан ясына киевине айтады: «Энди мен йыладым сени суьймей ту-выл, бир адетти этип йыладым. Энди мен не сувъга ювынайым, баскъа кийим кийейим, сен баскъа арбагъа мин», – деп. Сол заман кийеви баскъа арбагъа барып минеди. Соннан сонъ арба айдавышкъа айтады: «Сув ягъаа айда», – деп. Сув ягъагъа баргъанда Ханбер келеди ат пан Аризди аттын алдына салып, алып кетеди. Сол заман арба айдавышы давдан коьркъып талып йыгылады. Ханбердин артыннан тавкешелер шабадылар. Бара турып Ханбер мен Ариз бир денъизге етеди. Сол денъизден къайтып оьтейегин билмейдилер. Ханбер айтты: «Бирге ат пан туьсейик», – деп. Ол заман Ариз унамагъан, сонъ Ханбер айткъан: «Мен ат пан туьсейим, сен сонъ шыгъарсын», – деп. Ариз сув ягъада туры. Ханбер ат пан сувъга туьседди. Туьскенлей Ханбер ат пан батады. Сол заман Ариз йылай сув бойын шавып эм бир телек тилеп йырлайды:

*Ай, мирас, мирас!
Ханберим кетип барады.
Къол берес, къадырлы яс,
Сосы йырды йырлангъан.*

Оннан сонъ къадырлы яс къол берди, Ханберди денъизден алды эм шалкъасыннан салды. Ариз келип къылжанды алды юрегинин басына къылжандын уьшин салды, сабын Ханбердин юрегине салды, къылжандын уьстине йыгъылып, экеви де бирге оьлдилер. Сол ерди Аризди бермей давдан алып къалды. Дав оьди болса да акетиек эди. Сол ерди эки хабыр къазып Ханбер мен Аризди салдылар. Ханберди бир оьмир мен екеви сакъ этип къавышкъан эситилип. Адемлер экевин къазып алып денъиздин бир ягъына биревин, экинши бир ягъына биревин корьмеген. Денъиздин ортасын анна йолда «Аш ишинъыз» дийтагъан обыр къурткъадын хабыры болгъан. Денъиздин эки ягъында хабырыгъа хурма терек биткен. Ортасында обыр къурткъадын хабырына шошкъа тегенек терек биткен. Къалгъанлар онъып оськенде къалгъан.

Литература

1. «Ариз и Ханбер» // Ногайские народные сказки / сост. Д. Шихмурзаев. - Махачкала, 1993, 86–93 (на ног. яз.)
2. Кусегенова Ф.А. Ногайские дастаны. -Махачкала, 2007
3. Кусегенова Ф. «Ариз и Ханбер» // Тангчолпан. - Махачкала: 2002, №1., 80-81 (на кумык.яз.)
4. Милых М.К. Ногайские тексты. Сказки «Ариз и Ханбер», «Анькъылдакъ и Доьнкуьлдек» // Языки Северного Кавказа и Дагестана. Сборник лингвистических исследований. 2. -М. – Л., 1949. – С. 248-295

Рамазанова А. Х. Ногайський Любовно-романтичний дастан «Аріза і Ханбер»: дослідження та тексти / А. Х. Рамазанова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 359–365.

Дастанська творчість тюркських народів спирається на усну традицію. Дастані відображають історію, спосіб життя, свідомість тюркських племен і народів. Дастан «Арзу і Камбер», поширений серед багатьох тюркських народів і племен (тюрків, азербайджанців, гагаузів, караїмів, туркменів, ногайців і т.д.), живе також в епічній пам'яті ногайців. «Аріза і Ханбер» з'явився на світ як продукт

середніх віків і трохи відрізняється від класичних епосів своєю поетичною структурою. Автор наводить повний текст дастана, зібраний М.К.Міліх, підкреслюючи його цінність як першоджерела.

Ключові слова: любовно-романтичний дастан, аналіз, лірика

Ramazanov A. K. Amatorial Nogai Romantic Dastan “Ariz and Hanbury”: Research and Texts / A. K. Ramazanov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 359–365.

Dastan Turkic peoples creativity is a good model, relying on oral tradition by its very nature syncretic and lyrical epic form. Dastans reflect history, lifestyle, Turkic tribes and peoples' epic consciousness. If created earlier heroic epics displayed morale, confidence in victory, historical events, real and not real historical figures, in a amatorial novelistic dastans, which were written in the Middle Ages, praised lyrical feelings, heroes' feelings and anxiety, exile longing, a desire to meet. Dastan “Arzu and Kamber” which is well-known among many Turkic peoples and tribes (Turks, Azeris, Gagauz, Karaites, Turkmen, Nogai, etc.), also lives in the Nogai epic memory. “Ariz and Hanbury” was written in the Middle Ages and is a little different from the classical epics poetic structure. History of publication and research of the Nogai variant “Ariz and Hanbury” is not such examined field of knowledge. The first time Nogai Dastan was printed M.K.Milyh in 1949. In the article “Nogai texts” author published two texts – “Ariz and Hanbury” and “Ankyldak and Donkuldek”. The distinguish feature of the Dastan narration is its narrator. Mostly in these dastans are female narrators. Although sometimes in Turkey men can be narrators, but in Azerbaijan and Iraq among the Turkman the narrators are only women. The author gives full Dastan text collected by M.K.Milyh, because of its original value.

Keywords: romantic love Dastan, analysis, poetry

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» И ЕГО СЛОВЕСНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В ИНДИВИДУАЛЬНЫХ СТИЛЯХ И. А. БУНИНА И Я. К. БЕЯТЛЫ

Айдын А. А.

Международная школа «Меридиан», Украина

Одной из основных проблем современной лингвокультурологии и концептологии является исследование тех или иных концептов в разных картинах мира, в частности, - концепта «любовь» в русском и турецком языках. Решению данной проблемы способствует анализ словесного воплощения упомянутого концепта в произведениях И. А. Бунина и Я. К. Бятылы. В статье автор приходит к выводу, что понимания «любви» И. А. Буниным и Я. К. Бятылы во многом сходны, но всё же демонстрируют тонкие различия в восприятии и трактовании данного концепта представителями русской и турецкой языковых картин мира.

Ключевые слова: любовь, концепт, концептуальный анализ, эмоциональный концепт, рациональный концепт, художественный концепт, эмоциональное поле, лики любви.

Постановка проблемы. Концепт «любовь», представляющий на сегодняшний день особый интерес для специалистов в области концептологии и концептуального анализа, как справедливо отмечает Т. В. Соловьёва, является объектом ряда исследований: как культурологический концепт, «достояние русской духовной жизни» он представлен в словаре Ю. С. Степанова; в работе В. Н. Топорова он проанализирован на основе «форм его проявления [...] в жизни писателя» и т. д.

В процессе исследования репрезентаций слова «любовь» в словарях русского языка можно выделить совокупность трёх его основных значений, а именно:

1. Это чувство привязанности, основанное на общности интересов, идеалов, на готовности отдать свои силы общему делу [9, 108].

— Чувство склонности, привязанности к кому-либо, вытекающее из отношений близкого родства, дружбы, товарищества и т. п. [9, 108].

— Внутреннее влечение, внутренняя склонность, тяготение к чему-либо [2, 509].

— Чувство глубокой привязанности к чему-, кому-либо [2, 209].

2. Такое же чувство, основанное на половом влечении, отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством [9, 108]. Тематически близкие слова: страсть, влечение, пристрастие, желание.

Как видим, во всех словарях на первое место выводится духовная связь, возникающая между субъектами чувства. Отдельные толкования «любви» пополнены за счёт включения в них семантических компонентов «влечение», «тяготение», «пристрастие»:

3. — Склонность, расположение или влечение к чему-нибудь [9, 108].

— Внутреннее влечение, внутренняя склонность, тяготение к чему-либо [8, 209].

В новых словарях чувственной стороне любви придаётся большее значение: «*Любовь* – чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола» [1, 509].

И. А. Широкова характеризует «любовь» как эмоциональный концепт, который относится к числу универсальных, отражающих общую для всех этносов эмоциональную тему [11, 162]. Однако мы считаем необходимым подчеркнуть, что это не предполагает совпадения по форме, объёму и качеству эмотивных смыслов. По мнению В. И. Шаховского, в языке есть множество примеров, указывающих на неоспоримое существование психологических различий между национальными культурами, в особенности по шкале эмоционально-оценочной маркированности. Таким образом, точку зрения А. Вежбицкой, касающуюся тождественности способов мышления и восприятия у разных этносов и духовного единства человечества, можно подвергнуть сомнению. В данном контексте необычайно важным представляется тот факт, что культурные концепты разных этносов вербализуются не только и не столько в языковых кодах, сколько в памяти об исторической протяжённости их существования. А эта память, полагает В. И. Шаховский, фундаментально различна у разных обществ [10, 288, 294]. На этом основании можно утверждать, что сопоставительное изучение концепта «любовь» может выявить его национальные специфические характеристики, которые будут подробно рассмотрены в данной статье.

Исследователи Валерий и Владимир Луковы определяют «*любовь*» как форму духовной культуры, представленную в тезаурусе* человека как индивидуальное переживание чувства преданности людям, предметам и явлениям окружающего мира, идеям, мечтам, самому себе, когда объект этого чувства становится выше и ценнее личного «Я» и без слияния с избранным объектом, овладения им, единения человек не мыслит своего существования или, по крайней мере, ощущает глубокую неудовлетворенность, свою неполноценность, неполноту индивидуально-го бытия. Такое понимание любви, по убеждению учёных, включает в себя все её виды (любовь к жизни, женщине или мужчине, к детям и родителям, к себе, к деньгам, славе, власти, искусству, науке, Родине, Богу и т. д.), объединяет все три значения слова в русском языке (чувство глубокой привязанности к кому-, чему-либо; чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола; внутреннее стремление, склонность, тяготение к чему-либо) и шире, чем обыденное представление о любви как сильном влечении к лицу противоположного пола, несмотря на то, что фрейдизм с его учением о сексуальной природе всех культурных явлений и сублимации либидо возвращает термину «любовь» именно это обыденное значение как основное.

Рассматривая «любовь» в рамках турецкой картины мира, следует отметить, что упомянутый концепт репрезентуется в турецком языке посредством четырёх основных лексем и их производных; среди них особого внимания заслуживают такие как *aşk*, *sevda*, *sevgi* и *sevi*, имеющие тонкие семантические различия:

1. «*Aşk* – чувство сильной любви и привязанности, чрезмерная любовь» [13, 138].
2. «*Sevda* – 1) сильная любовь, любовное чувство; 2) чрезмерная и сильная страсть, желание» [13, 1742].

* Тезаурус (гр. *thēsauros* – сокровищница) – словарь с понятийной дифференциацией лексикона на определённые тематические группы с разной степенью обобщённости и количества [7: 598].

3. «*Sevgi* – чувство, которое побуждает человека испытывать в к чему- или кому-либо неподдельный интерес и привязанность» [13, 1742].

4. «*Sevgi* – чувство чрезмерной любви и привязанности» [13, 1742].

Примеры, приведённые выше, свидетельствуют о богатстве турецкой лексической системы, на что указывает наличие разных лексем для обозначения концепта «любовь». Заметим, что в русском языке подобного разнообразия не наблюдается, а характеристики любви передаются с помощью прилагательных, предшествующих выражающим её существительным (*чрезмерная любовь, болезненная любовь, сильная любовь* и т. п.).

Анализируя концепт «любовь», не следует забывать о том, что сложность изучения любого эмоционального концепта заключается в его абстрактности, текучести, неуловимости в языке. Такие свойства не случайны. Известно, что описать свои эмоции словами часто бывает трудно. С другой стороны, способность эмоционально реагировать на объекты окружающей действительности является природным свойством человека, не зависящим от его культуры и языковой принадлежности. Таким образом, эмоции универсальны и выявить их специфику непросто. В остальных свойствах концепта эмоционального и рационального совпадают.

Будучи элементом творчества какого-либо поэта или писателя, концепт как таковой приобретает оттенок художественности, порождая так называемый **художественный концепт**, определяемый Т. Н. Даньковой как «*определённая мыслительная сущность, формирующаяся в сознании писателя на основе его опыта, представлений о действительности, пережитых чувств, художественных образов, которые репрезентированы различными языковыми средствами*» [3, 10].

Следует отметить, что, как полагает Е. С. Кубрякова, художественный текст вовлечён в концептуальные исследования, т. к. целью концептуального анализа является установление смыслов, «*которые подведены под один знак и предопределяют бытие знака как известной когнитивной структуры*» [4, 85].

И. А. Широкова акцентирует на том, что национальная специфика концепта наиболее ярко реализуется в его периферийных слоях, наполняемых индивидуальными реализациями, признаками с низкой или единичной частотностью. Именно периферийные слои концепта «любовь» наиболее ярко реализуются в прозе и поэзии известных авторов. Анализируя концепт «любовь» в творчестве И. А. Бунина и Я. К. Беляева, мы исходили из того, что он представляет собой часть концептосферы чувств и неизбежно взаимодействует с другими концептами на основе ассоциативной связи. Однако во внимание был принят и тот факт, что это взаимодействие может быть направлено либо по вектору положительных эмоций, когда любовь приносит субъекту ощущение счастья, либо чувство может быть отрицательно окрашено и взаимодействовать с отрицательными эмоциями. Именно поэтому, как замечает, в частности, В. И. Шаховский, целесообразно исследовать концепт в этих двух аспектах. Это не разделение концепта, это лишь две стороны одного и того же явления, поэтому предполагаемые результаты должны гармонично друг друга дополнить. Необходимость такого разделения доказывает и тот факт, что до сих пор в биологии и в психологии отсутствует глобальная библиотека эмоций (их инвентарий) и учёные всё ещё не единодушны в своих классификациях эмоций по признаку положи-

тельности и отрицательности. Линейная градуальная бивекторная шкала эмоций не выстраивается потому, что концептуальная система эмоций оппозитивна: любовь и ненависть в смысловом содержании смыкаются друг с другом [10, 312].

Переходя непосредственно к анализу репрезентации концепта «любовь» в творчестве И. А. Бунина, необходимо подчеркнуть, что сама тема любви объединяет все наиболее значительные работы автора. В. А. Мескин констатирует, что поэт и прозаик видит любовь силой, предопределяющей поведение, важные поступки людей, – то есть силой прихотливой, созидающей и разрушающей. Бунинские лики любви удивляют своей неоднозначностью, амбивалентностью: здесь перемежаются святость и греховность, красота и безобразие, жизнь и смерть. В освещении интимных вопросов русская классика была стеснительна и немногословна, – резюмирует В. А. Мескин, но именно И. А. Бунин, осознавая, что для искусства нет запретных тем, что истинно художественное слово не может быть пошлостью, нарушил эту традицию. В данном контексте совершенно логичным представляется тот факт, что, говоря о чувственных отношениях в творчестве И. А. Бунина, буниноведы, обязательно соотносят свои суждения с циклом рассказов «Тёмные аллеи».

Примечательно, что впервые в русской прозе И. А. Бунин рисует всё бытие человека в мистическом освещении и в зависимости от «солнца любви» (В. Соловьев). Здесь, по выражению Ф. Сологуба, «интимное стало всемирным». Автор-повествователь предельно откровенен, увлекает и убеждает читателя. Сословность, карьера, долг и даже разум – всё пасует перед чувством страсти. Бунинские персонажи, пораженные высокой болезнью, случается, ставят знак равенства между любовью и жизнью. Очень яркий пример подобной зависимости можно наблюдать в коротком, но весьма показательном рассказе «Часовня», входящем в цикл «Тёмные аллеи»: «Он был очень **влюблён**, а когда очень **влюблён**, всегда стреляют себя...» [22]. Как видим из приведённого примера, концепт «любовь» обретает здесь полную автономность, подчиняет себе все остальные, выходя на первый план за счёт своей всеисильности, «всепоглощающей» и ключевого места в жизни героя.

Художественное мастерство тонкого описания И. А. Буниным философско-психологических граней вечной темы общепризнано, – полагает В. А. Мескин. Характеризуя место «любви» в произведениях И. А. Бунина, учёный называет её не иначе как «жизнью жизни». Многие персонажи, перебирая в памяти прошлое, признают не напрасно прожитым только то время, когда они любили и были любимы [6, 20].

Стоит заметить, что, по мнению В. А. Мескина, в упомянутом нами цикле рассказов «Тёмные аллеи» есть произведения, которые, на первый взгляд, не очень уместны в разговоре о концепте «любовь»: несмотря на это, сам автор, рассуждая об их истинной и глубинной тематике, посвятил их *«прекрасной, но мимолётной гостье на нашей земле»* [6, 21]. Несложно предположить, что поэт и прозаик имел в виду под этим метафоричным определением. Среди подобных рассказов следует отметить «Стёпу» (1938), «Красавицу» (1940), «Дурочку» (1940) и некоторые другие. Например, последнее из названных произведений, думается, уместнее бы смотрелось в ряду более ранних рассказов, рядом со, скажем, «Игнатом» (1912). Однако, – полагает В. А. Мескин, автор неспроста включил их именно в «Тёмные аллеи»,

где они образуют своё эмоциональное поле. Популярный в те годы прозаик и друг, Л. Андреев, обращаясь к таким сюжетам, говорил о «чёрных безднах» не любви, а человеческого естества [6, 21]. И. А. Бунин подталкивает читателя к размышлениям на эту спорную, не укладывающуюся в рамки словесности тему. По нашему мнению, автор, вероятно, вводит эти немногие произведения в свой изящный цикл «энциклопедии любви», чтобы оттенить то главное, что он хотел сказать.

«Любовь» у И. А. Бунина амбивалентна: вкладывая её в уста своих героев, автор, с одной стороны, указывает на отсутствие значимости оной в жизни человека, её временном характере: «**Любовь, молодость – всё, всё. История пошлая, обыкновенная. С годами всё проходит**» [21], а, с другой, – подчёркивает, что именно она оказывает мощное влияние на человека, навсегда оставаясь в его памяти: «**Молодость у всякого проходит, а любовь – другое дело**» [21].

Очень тонко и изящно, но в то же время откровенно проявляется в творчестве И. А. Бунина универсальность, «всемирность» и безграничность любви: «**Про любовь, сударь, недаром поётся: Жар любви во всяком царстве, любитесь земной весь круг...**» [15].

Концепт «любовь» нередко приобретает в произведениях И. А. Бунина форму дьявольского искушения, наваждения, горько-сладкого плода познания: «**И что можно отдать за любовь такой женщины!... И в голову или нелепые мысли: вот взять и остаться тут на месяц, на два, втайне ото всех войти с ней в дружбу, в близость, вызвать её любовь, потом сказать: будьте моей женой, я весь и навеки ваши**» [14].

«Любовь» у И. А. Бунина незабываема, глубока и порой трагична: «**Он поцеловал ее холодную ручку с той любовью, что остается где-то в сердце на всю жизнь, и она, не оглядываясь, побежала вниз по сходням в грубую толпу на пристани**» [16].

Очень иронично И. А. Бунин говорит о всеподчиняющем свойстве любви в рассказе «В Париже», цитируя французскую поговорку: «**Любовь заставляет даже ослов танцевать**» [17].

Неспособность человека противостоять чувству также отражается в прозе писателя: «**Я сказал бы ей, что никогда в жизни, никого на свете так не любил, как ее, что Бог многое простит мне за такую любовь, простит даже Надю...**» [18].

В рассказе «Натали» И. А. Бунин акцентирует на вечности и бессмертности любви: «**Вспомнил Натали – и подумал: да, та любовь «до гроба», которую насмешливо предрекала мне Соня, существует; только я уже привык к ней, как привыкает кто-нибудь с годами к тому, что у него отрезали, например, руку или ногу...**» [20].

Любовь предстаёт у прозаика и в негативном свете, приобретая минорное звучание: «**Хотя разве бывает несчастная любовь?** – сказала она, поднимая лицо и спрашивая всем черным раскрытием глаз и ресниц»; «**Это не любовь,** – сказал я. – **Страшная жалость, нежность, но и только**» [20].

Примечательно, что порой И. А. Бунин говорит и об отсутствии настоящей ценности любви, не ставя её выше простых и обыденных вещей: «**Рубль за любовь, рубль на булавки**» [19].

Как видим из примером, приведённых выше, «любовь» у И. А. Бунина многолика и разнообразна: порой несчастна и безответна, порой, наоборот, счастлива и всепоглощающая.

Современник И. А. Бунина Я. К. Баятлы является одним из известнейших и почитаемых турецких поэтов. Так же, как и для И. А. Бунина, «любовь» является для него одним из центральных, ключевых и основополагающих концептов, проходя красной нитью через всё его творчество.

Как справедливо отмечает турецкий исследователь О. Байрак, концепт «любовь» занимает особое место в произведениях Я. К. Баятлы, проявляясь, в частности, в любви к Стамбулу. Особо любимыми поэтом выступают два района упомянутого города, а именно – Чамлыджа и Ускудар. Чамлыджа, согласно мнению О. Байрака, явилась тем местом, которое, гостеприимно встретив Я. К. Баятлы после возвращения из-за границы, послужило средством воплощения важных для него ценностей, равно как и предвестником самого счастливого возвращения на родину. Автор посвящает любви к Стамбулу такие слова:

*Ben yolcuym bugün, yolun ufkunda Çamlıca
Hâlâ görünmüyor;
Hâlâ görünmüyor diyerek sabırsızım.
Yıllarca **sevdiğim** Adalar, deniz
Artık görünsünler [12, 1533].*

*Сегодня я путешественник, на горизонте –Чамлыджа
Её до сих пор не видно;
Не видно, вот мне и не терпится.
Пусть покажутся, наконец, Адалар и море,
Которые я **любил** все эти годы.*

Любовь Я. К. Баятлы к Стамбулу не случайна, так как поэт усматривал в нём олицетворение всего того, что отличает турецкий народ от других. Именно Стамбул, любовью к которому преисполнен поэт, является оплотом не только турецкой, но и общемусульманской культуры, объединившей в себе разные, порой несовместимые на первый взгляд, но такие близкие Я. К. Баятлы элементы. О любви автора к Стамбулу, граничащей с обожанием, свидетельствуют, в частности, строки из поэзии «Bir başka tepeden», в названии которой заложена некая неоднозначность, так как данная фраза имеет как прямое значение – «С другого холма», так и переносное – «Свысока»:

*Sana dün bir tepeden baktım **aziz** İstanbul!
Görmediğim gezmediğim, **sevmediğim** hiçbir yer yok.
[..]
Sade bir semtini **sevmek** bile bir ömre değer [23].*

Я вчера посмотрел на тебя свысока, **милый** Стамбул!

Нет места в тебе, которого я не видел, где я не был, и которое не **любил** бы.

[..]

Жить стоит хотя бы ради того, чтобы **любить** даже самый неприглядный из твоих районов.

Так же, как и у И. А. Бунина, любовь в поэзиях Я. К. Бятылы часто выступает как чувство, омрачённое грустью и печалью:

Gönlümle oturdum da hüznlendim o yerde,
Sen nerdesin, ey **sevgili**, yaz günleri nerde! [25]

Я сидел там, и **сердце** моё пребывало в печали,
Где же ты, **любимая**, где же летние дни!

Любовь у Я. К. Бятылы предстаёт несчастной из-за разлуки и причиняемой ею душевной боли, но при этом одновременно воспринимается как благо:

[..]

Hicran gün ortasında neden böyle seslenir,
Birden hatırlatır unutan kalbe **sevgiyi**?

[..]

Ey **sevgi** anladım bu uzakta seda ile,
Ömrün yegâne lezzetidir hatıran bile [24].

Почему же [петух] так поёт в день **разлуки**,
Не уж-то напоминает забывшему **сердцу о любви**?

[..]

Эх, **любовь**, пребывая вдалеке, я понял,
Что даже напоминание – единственная радость в жизни.

Kalbim yine **üzgün** seni andım da derinden;
Geçtim yine dün eski hazan bahçelerinden!
Üzgün ve kırılmış gibi en ince yerinden,
Geçtim yine dün eski hazan bahçelerinden! [26]

Моё **сердце** снова в **печали** – я опять вспомнил всё о тебе;
Вчера я снова прошёл по прежним осенним садам!
Вчера я прошёл по самому «тонкому» и будто надломленному месту
Прежних осенних садов!

Очень интересным, с нашей точки зрения, является тот факт, что в творчестве Я. К. Бятылы концепт «любовь» зачастую является элементом поэзий, оформленных

в виде песни-колыбельной, как бы убаюкивающей и тем самым незримо ласкающей объект любви:

[..]
Başka aşıklardan almışsan nefes
Başka yerden, başka vadilerden es
Doğmasın ruhunda ani bir heves
Esme gülşenden ki **canan** uykuda [27].

Если тебя вдохновили иные влюблённые,
Повея из других широт, с других полей.
Пусть в душе твоей не родится новый порыв,
Не гони ветра из розария, ибо возлюбленная спит.

Выводы и перспективы. Резюмируя изложенное выше, приходим к выводу о том, что концепт «любовь» имеет множество различных воплощений и смысловых граней в творчестве обоих авторов. Следует отметить, что, несмотря на то, что большинство текстов И. А. Бунина написано прозой, по степени своей образности и многомерности выражения концепта «любовь» они ничуть не уступают поэтическим, крайне метафоричным и, в основном, печальным строкам Я. К. Бятылы.

В произведениях И. А. Бунина и его турецкого современника Я. К. Бятылы «любовь» предстаёт необычайно сложным и многогранным явлением: говоря о творчестве И. А. Бунина, невозможно не отметить, что сама тема любви занимает в нём ключевое, можно даже сказать основополагающее место. Бунинская «любовь» отличается силой предопределения человеческого поведения и поступков, амбивалентностью и неоднозначностью, мистичностью в зависимости от так называемого «солнца любви», универсальностью, «всемирностью» и безграничностью. В произведениях русского классика «любовь» нередко предстаёт в виде дьявольского искушения, наваждения, горько-сладкого плода познания; она глубока, порой трагична и несчастна, но при этом – всеподчиняющая и бессмертна.

Поэтические произведения Я. К. Бятылы пронизаны свойственной автору любовью к Стамбулу, которая, по мнению турецкого исследователя О. Байрака, является неслучайной. Лики кемалевской «любви» зачастую грустны и печальны, изъедаемы болью и несчастьем от разлуки с возлюбленной. Примечательно, что Я. К. Бятылы временами применяет приём песни-колыбельной о любви, как бы лаская и убаюкивая взволнованную и опечаленную любимую.

Таким образом, из описанного выше можно заключить, что понимания «любви» И. А. Буниным и Я. К. Бятылы во многом сходны, но всё же демонстрируют тонкие различия в восприятии и трактовании данного концепта представителями русской и турецкой языковых картин мира.

Литература

1. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – С. 188.

2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 1998. – С. 509.
3. Данькова Т. Н. Концепт «любовь» и его словесное воплощение в индивидуальном стиле А. Ахматовой: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Н. Данькова. – Воронеж. гос. пед. ун-т, 2000. – С. 10.
4. Кубрякова Е. С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова Память / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М., 1991. – С. 85.
5. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Концепт любви в мировой культуре // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» / 2008. – №4 2008 – Культурология [электронный ресурс]: - Режим доступа к источнику: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Lukovs_love/.
6. Мескин В. А. Любовь в прозе И. Бунина: диалог с предшественниками и современниками [электронный ресурс]:- Режим доступа к источнику: http://literary.ru/literary.ru/show_archives.php?subaction=showfull&id=1207131730&archive=1207225892&start_from=&ucat=&.
7. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. – Полтава: Довкілля-К, 2006. – 716 с.
8. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3 изд. – М.: Рус. яз., 1985 – 1988. – С. 209.
9. Толковый словарь русского языка. Т. 2 / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1934 – 1940. – С. 108.
10. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. – М: Гнозис, 2008. – 416 с.
11. Широкова И. А. Особенности структуры эмоционального концепта и его изучение в аспекте перевода [Текст] / И. А. Широкова // Актуальные вопросы филологических наук: материалы междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). – Чита: Издательство Молодой ученый, 2011. – С. 162 – 165.
12. Bayrak Ç. Yahya Kemal'in şiirinin kaynakları [электронный ресурс]: - Режим доступа к источнику: http://turkoloji.cu.edu.tr/YENI%20TURK%20EDEBIYATI/ozcan_bayrak_yayha_kemal_siirinin_kaynaklari.pdf.
13. Türkçe Sözlük. Prof. Dr. Recep Toparlı tar. denetlenmiştir. – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2009. – 2244 s.

Художественная литература

1. Бунин И. А. Антигона [электронный ресурс]:-Режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2622.shtml.
2. Бунин И. А. Баллада [электронный ресурс]:-Режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2622.shtml.
3. Бунин И. А. Визитные карточки [электронный ресурс]:-Режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2622.shtml.
4. Бунин И. А. В Париже [электронный ресурс]:-Режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2622.shtml.
5. Бунин И. А. Генрих [электронный ресурс]:-Режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2622.shtml.
6. Бунин И. А. Мадрид [электронный ресурс]:-Режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2622.shtml.
7. Бунин И. А. Натали [электронный ресурс]:-Режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2622.shtml.
8. Бунин И. А. Тёмные аллеи [электронный ресурс]:-Режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2622.shtml.
9. Бунин И. А. Часовня [электронный ресурс]:-Режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2622.shtml.

10. Beyatlı Y. K. Bir başka tepeden [электронный ресурс]:-Режим доступа к источнику: <http://www.e-sehir.com/siirler/siir437.html#.UpGRk1fxvIU>.
11. Beyatlı Y. K. Natırlatan [электронный ресурс]:-Режим доступа к источнику: <http://www.e-sehir.com/siirler/siir437.html#.UpGRk1fxvIU>.
12. Beyatlı Y. K. Özleyen [электронный ресурс]:-Режим доступа к источнику: <http://www.e-sehir.com/siirler/siir437.html#.UpGRk1fxvIU>.
13. Beyatlı Y. K. Şarkı [электронный ресурс]:-Режим доступа к источнику: <http://www.e-sehir.com/siirler/siir437.html#.UpGRk1fxvIU>.
14. Beyatlı Y. K. Şarkı [электронный ресурс]:-Режим доступа к источнику: <http://www.e-sehir.com/siirler/siir437.html#.UpGRk1fxvIU>.

Айдин А. А. Концепт «любовь» і його словесне втілення в індивідуальних стилях І. А. Буніна і Я. К. Беятлі / А. А. Айдин // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 366–376.

Однією з основних проблем сучасної лінгвокультурології і концептології є дослідження тих чи інших концептів в різних картинах світу, зокрема, концепту «любовь» у російській і турецькій мовах. Вирішенню даної проблеми сприяє аналіз словесного втілення згаданого концепту у творах І. А. Буніна і Я. К. Беятлі. У статті автор приходить до висновку, що розуміння «любові» І. А. Буніним і Я. К. Беятлі в чомусь подібні, але все ж демонструють тонкі відмінності в сприйнятті і трактуванні даного концепту представниками російської і турецької мовних картин світу.

Ключові слова: любов, концепт, концептуальний аналіз, емоційний концепт, раціональний концепт, художній концепт, емоційне поле, лице любові.

Aydin A. A. The concept of "love" and its verbal expression in individual styles I.A. Bunin and J. K. Beyatly / A. A. Aydin // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 366–376.

One of the main problems of modern linguistic culturology and conceptology is studying of various concepts in different pictures of the world, the concept of "love" in Russian and Turkish in particular. The analysis of verbal embodiment of those concepts in the works of Ivan Bunin and J. K. Beyatly contributes the solution of this problem.

During the study of representations of the word "love" in Russian dictionaries in can be selected a combination of three of its main values, namely:

1. This is the sense of attachment based on common interests, ideals, the willingness to give up their power to the common cause.
2. Same feeling, based on sexual attraction, relations between the two parties, this feeling of interconnection by each other. Thematically similar words: passion, desire, predilection, will.

As we see, in all the dictionaries in the first place the spiritual bond that occurs between subjects feelings is shown. Individual interpretation of "love" fare augmented by including semantic components "desire", "attraction", "addiction".

However, we believe it is necessary to emphasize that this is not intended to match the shape, volume and quality of emotive meanings. According to V.I. Shakhovskiy opinion language has many examples pointing to the undeniable existence of psychological differences between national cultures, especially on the scale of emotional evaluation marking. Thus, A. Wierzbicki view point, regarding the identity of ways of thinking and perception in different ethnic groups and spiritual unity of mankind, can be questioned. In this context, the fact that cultural concepts of different ethnic groups verbalized not only and not so much in the language codes, but in the memory of the historical extent of their existence is extremely important. V.I. Shahovsky believes that this memory is fundamentally different in different societies.

Summarizing said above, we conclude that the concept of "love" has many different incarnations and semantic facets in the works of both authors. It should be noted that, despite the fact that most of the texts I.A. Bunin written prose, the degree of its imagery and MDX concept of "love" they did not concede a poetic, highly metaphorical and mostly sad lines Y.K. Beyatly.

In the works of Ivan Bunin and his Turkish contemporary Y.K. Beyatly "love" appears extremely complex and multifaceted phenomenon: speaking about the works of Ivan Bunin is impossible not to note that the theme of love itself occupies a key, even the fundamental place. Bunin's "love" differs force

predestination of human behavior and actions, ambivalence and ambiguity, mysticism, depending on the so-called "sun of love" universality "of the World" and limitlessness. In the works of Russian classics "love" often appears in the form of diabolic temptation, obsession, bittersweet fruit of knowledge; it is deep, sometimes tragic and unhappy, but at the same time submissive and immortal.

Y.K. Beyatly's poetry are permeated with peculiar author's love to Istanbul, which, according to Turkish researchers O. Bayrak, is accidental. Faces of Kemal's "love" are often very sad, eaten by pain and unhappiness by being separated from his beloved. It is noteworthy that Y.K. Beyatly sometimes applies reception - lullaby songs about love, as if caressing and lulling agitated and grieving loved ones.

Thus, from the above we can conclude that an understanding of "love" by I.A. Bunin and J. K. Beyatly are similar in many points, but still exhibit subtle differences in the perception and interpretation of this concept representatives of Russian and Turkish language picture of the world.

Keywords: love, concept, conceptual analysis, emotional concept, rational concept, concept art, the emotional field, the faces of love.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК. 821 (479. 24)

СЮЖЕТНЫЙ СОСТАВ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ СКАЗОК

Илькин Р.

**Институт фольклора Национальной академии наук Азербайджана
E-mail: azfolklor@yahoo.com**

В научной статье автор анализирует сюжетный состав азербайджанских сказок.

Идея систематизации азербайджанских сказок возникла в начале XXI века. Возникновение некоторого оживления в сфере сбора устного наследия после обретения Азербайджаном независимости, увеличение числа собранных сказок создало необходимость их систематизации. Хотя отдельными исследователями были выдвинуты различные принципы классификации по поводу систематизации сказок, они не смогли широко распространиться. Приняв это во внимание, и мы подготовили «Сюжетный указатель азербайджанских сказок» на основе системы Аарне-Томпсона. Систематизация азербайджанских сказок соответственно международной системе классификации имеет большое значение и в изучении сюжетного состава наших сказок, выяснении соотношения международных и национальных сюжетов, и в признании азербайджанских сказок в мире.

Ключевые слова: фольклор, сказки, сюжет.

Постановка проблемы. Идея систематизации азербайджанских сказок возникла в начале XXI века. Возникновение некоторого оживления в сфере сбора устного наследия после обретения Азербайджаном независимости, увеличение числа собранных сказок создало необходимость их систематизации.

Хотя отдельными исследователями были выдвинуты различные принципы классификации по поводу систематизации сказок, они не смогли широко распространиться в силу либо не нахождения практического применения, либо недостаточного охвата всего материала [4; 6; 8]. В данный момент многие народы систематизируют сказочные образцы на основе классификационных принципов, определенных видным представителем финской школы Антти Ааматусом Аарне. Аарне, используя, преимущественно, финские сказки, а также сказки, частично собранные братьями Гримм в Германии, Грюндвигом в Дании, подготавливает каталог сказочных сюжетов и издает его в 1910 году на немецком языке в печатном органе Федерации, III номере журнала FFC (Folklore Fellow Communications). Этот указатель, преимущественно, охватывал сказочные сюжеты стран Северной Европы. Позднее американский фольклорист Стис Томпсон, вводя сказочные сюжеты других народов, расширил зону охвата указателя до Индии [11]. Если вариант А.Аарне состоял из 66 страниц, то вариант С.Томпсона за счет добавленных вариантов доходит до 588 страниц. С.Томпсон, наряду с расширением этой системы, делает изменения в описании сказок, преподнося кумулятивные и не соответствующие классификации сказки в виде отдельной группы. После таких изменений этот каталог в международном мире стал известен как указатель Аарне-Томпсона (далее АТ).

Возможность систематизировать весь сказочный материал и легкость пользования им приносит в международном мире большое влияние указателю АТ. В течение краткого промежутка времени на основе этой системы подготавливаются финский, немецкий, испанский, исландский, русский, латышский, литовский, шведский,

итальянский и др. национальные сказочные указатели. Однако необходимо принять во внимание, что систему Аарне-Томпсона невозможно применить к сказочному материалу всех народов. В написанном к «Motif Index» предисловии С.Томпсон пишет, что эта система дает возможность каталогизировать сказочные сюжеты живущих в Европе, Северной Африке и Индии народов, и не дает возможности его применения к сказкам народов Центральной Африки, Океании и Америки, остающихся за пределами этого ареала [10, 3]. Не попадание сказок других народов в этот каталог В.М.Жирмунский связывает с наличием культурно-экономических связей среди народов. По его мнению, в результате культурно-экономических связей среди народов Европы, Азии и Северной Африки имеющий общие свойства сформировался культурный ареал. Организация сказочного репертуара расположенных внутри этого ареала народов из одинаковых сюжетов делает возможным применение к ним системы Аарне-Томпсона. Выдающийся исследователь, пытающийся определить границы этого ареала, приходит к выводу о том, что на Востоке он тянется до района Сулавеси в Индонезии, с юга же до Судана. По его мнению, по мере направления в сторону границы культурного ареала различия растут, а при выходе за пределы границы эта система становится совершенно бесполезной [3, 289]. В силу географического расположения Азербайджана в этом самом ареале, принципы международной классификации можно применить и к азербайджанским сказкам.

Приняв это во внимание, и мы подготовили «Сюжетный указатель азербайджанских сказок» на основе системы Аарне-Томпсона [2]. Систематизация азербайджанских сказок соответственно международной системе классификации имеет большое значение и в изучении сюжетного состава наших сказок, выяснении соотношения международных и национальных сюжетов, и в признании азербайджанских сказок в международном мире. Многие народы даже при систематизации анекдотичных сюжетов пользуются системой АТ. Что касается азербайджанских анекдотов, здесь положение меняется. Как мы отмечали чуть ранее, применение АТ на сказочный материал того или иного народа зависит от сюжетного сходства. Наличие удельного веса интернациональных сюжетов в азербайджанских анекдотах на крайне низком уровне по сравнению со сказками не позволяет применению этой системы в отношении их. И у других тюркских народов наблюдается аналогичная ситуация. М.Х.Мингажетдинов, рассказывая о систематизации башкирских сказок, пишет об отсутствии в международном каталоге аналогов большей части башкирских анекдотов, примерно девяти десятых (9/10) [7, 26]. Принимая это во внимание, при составлении «указателя» мы ограничили предмет систематизации сказками.

При систематизации было выявлено присущие азербайджанским сказкам 692 сюжета. Из них 119 являются сюжетами, принадлежащими к сказкам о животных, 133 – к волшебным, 105 – к религиозным, 150 – к новеллистическим, 132 – к анекдотичным, 12 – к кумулятивным, 20 – к богатырским сказкам, а 21 относятся к сказкам о глупом черте. Количество сюжетов по группам отображено в следующей таблице:

Соотношение сюжетов по группам

Сказочные группы	Соотношение сюжетов по группам	Сюжеты с аналогами	Сюжеты без аналога
I. Сказки о животных	119	81	38
II. Настоящие сказки			
а) Волшебные сказки	133	95	38
б) Религиозные сказки	105	45	60
с) Новеллистические сказки	150	63	87
д) Сказки о глупом черте	21	17	4
III. Анекдотичные сказки	132	80	52
IV. Кумулятивные сказки	12	9	3
V. Богатырские сказки	20	–	20
Итого	692	390	302

В азербайджанских сказках удельный вес международных сюжетов составляет больше половины сказочного репертуара. Так, 56% выявленных нами сюжетов относятся к имеющим в указателе АТ аналог, 44% же – сюжеты новые. Самое большое различие встречается в группе новеллистических и религиозных сказок. Можно сказать, половина не имеющих аналогов сюжетов относится к этой группе. 58% новеллистических сказок, 60% религиозных сказок, 28% волшебных сказок, 32% сказок о животных, 19% сказок о глупом черте, 39% анекдотичных сказок составляют сюжеты, не имеющие аналогов в международном каталоге. Более половины религиозных и новеллистических сказок, основанных на национальном сюжете, наблюдается не только у нас, но и у других народов. Например, в указателе, составленном Н.П.Андреевым на основе русских сказок из данных 56 сказок на религиозный сюжет лишь у 35 нашлись аналоги в указателе Аарне. Преобладание в этих группах национальных сюжетов В.Я.Пропп связывает со специфическими национально-духовными ценностями каждого народа [9, 273].

Международные сюжеты чаще всего встречаем в группе сказок о глупом черте. Международные сюжеты составляют 81% сюжетного состава этой группы, 72% - волшебных сказок, 68% - сказок о животных, 61% - анекдотичных сказок, 40% - религиозных сказок, 42% - новеллистических сказок.

Как видно из таблицы, соотношение сюжетов по группам неодинаковое. Самым большим числом сюжетов представлены новеллистические, анекдотичные и волшебные сказки, самым малым числом же - группа сказок о глупом черте и кумулятивные сказки. Эта разница между группами на самом деле вытекает из-за организации работ по сбору не на должном уровне, не уделения ко всем группам внимания на одинаковом уровне занимающимися сбором лиц. Например, сказки о животных являются по своему сюжетному богатству одним из выделяющихся групп, у нас в этой группе зафиксировано примерно 150 текстов. В случае с религиозными сказками встречаемся со схожей ситуацией. Религиозное содержание, религиозные личности в роли основных участников в советский период стало причиной сбора

этой группы не на должном уровне. Большую часть относящихся к этой группе сказок встречаем в напечатанных только в последние годы сборниках.

Думать, что «указатель» полностью отображает сюжетный состав азербайджанских сказок, было бы неверно. Это можно увидеть и из сравнения азербайджанских и русских сказок. Например, у русских сюжетов волшебных сказок 226, а в азербайджанских сказках есть 133 сюжета. Только в новеллистических сказках это соотношение меняется в нашу пользу. В составленном нами указателе новеллистических сказки представлены 150-тью, а у русских 137 сюжетами. Что касается общего числа сюжетов, то здесь положение еще более удручающее. Против 1226 сюжетов у нас существует всего 692 сюжета. Эта разница между числом сюжетов, в первую очередь, вызвана слабым ведением работ по сбору. На количество зарегистрированных образцов повлияли не проведение до сих пор во многих районах фольклорных экспедиций, а в привлеченных к сбору районах - недостаточная собираемость. Если принять во внимание сбор фольклора в многократно большем, чем Север, с точки зрения и населения, и территории, Южном Азербайджане, тогда не сложно представить, сколь большое богатство не зафиксировано в устной традиции. С другой стороны, вхождение в образ жизни радио, телевидения и пр. подобных информационных средств значительно сузило аудиторию сказок. В результате многие сюжеты, не передаваясь от старшего поколения младшему, или затерялись, или же будучи забыты, вышли из обращения. Подобные факторы не позволяют нам отображать сюжетный состав азербайджанских сказок в полной мере.

Не нахождение аналога у нас сюжетам в каталоге АТ не означает отсутствия у нас этих сюжетов. Рассказывая о сюжетном составе азербайджанских сказок, мы выступали по поводу зафиксированных до сих пор сказок. В устной же традиции существуют достаточное количество еще не собранных сюжетов. Отметим только один факт, что в рамках проекта «Сбор, систематизация и исследование Карабахского фольклора», осуществленного Институтом фольклора в 2012 году, было зарегистрировано около 20 новых сюжетов. Один этот факт лишний раз показывает, что по мере сбора текстов устной традиции станет возможным найти аналоги многих сюжетов в каталоге АТ.

Обратив внимание в сюжетный состав азербайджанских сказок, можно увидеть, наряду с сюжетами, идущими из устной традиции, наличие удельного веса заимствований из письменных источников, особенно же «1000 и одной ночи» и «Калилы и Димны». На примере сказок книжного происхождения мы становимся свидетелями возвращения фольклорного текста из устной традиции в книгу, а из книги в устную традицию. Естественно, что вернувшийся в устную традицию текст развивается согласно закономерностям устного текста: обретает новые варианты, теряет многие свои мотивы, привлекаются новые вместо них. В целом, во всех сказках книжного происхождения, при сравнении с оригиналом, в большей или меньшей степени, наблюдается вариантность. Для примера, обратим внимание на «Сказку о Махаре», напечатанную в двухтомном сборнике А.Ахундова «Азербайджанские сказки» [1, 82]. Книжный вариант этих сказок был дан в VIII томе «1000 и одной ночи» под названием «Сказка о сапожнике Маруфе». Краткое содержание сказки таково: жена поручает мужу купить сотового меда с прожаренной на масле черной хурмой; из-за

того, что вместо сотового меда был куплен процеженный мед, изгоняет мужа из дома; зашедший в одно разрушенное строение для спасения от дождя, мужчина встречается там ведьму; ведьма, усадив его на плечи, доносит его до города Йемена; встретившийся со своим земляком мужчина по его совету выдает себя за купца и женится на дочери падишаха; находит сокровищницу с волшебным перстнем; визирь, завладев перстнем, приказывает выбросить его и падишаха в пустыню: дочь падишаха спасает их.

В обоих сказках наблюдаются следующие вариантные различия:

1. В отличие от книжного варианта, вариант А.Ахундова начинается с текерлеме (*təkərlemə* - традиционная вводная часть азербайджанских сказок – прим.пер.).

2. В книжном варианте жена поручает мужу купить приготовленный из пчелиного меда сладость - кете, в варианте А.Ахундова же - сотовый мед с прожаренной на масле черной хурмой.

3. В книжном варианте сапожник встречается ведьму в строении, где хотел укрыться от дождя, а в варианте А.Ахундова - в лесу, под деревом, где хотел переночевать.

4. Если в варианте А.Ахундова сказка завершается наказанием визиря, в книжном варианте развитие событий продолжается тем, что прежняя жена сапожника находит его и хочет украсть у него кольцо.

Мы становимся свидетелями того, что в книжном варианте по сравнению с устным вариантом события более масштабны и подробны. Это можно увидеть и на примере сказки, сравниваемой нами выше. Книжный вариант этой сказки насчитывает 53, а вариант А.Ахундова 11 страниц. Несомненно, такие вариантные различия являются свойствами, приобретенными в процессе исполнения. Какому бы вариантному изменению не подвергались сказки книжного происхождения при устном исполнении, не полностью утрачивают присущие оригиналу черты. Большинство мотивов созвучны друг с другом, даже данные персонажам имена отличаются от оригинала лишь фонетическими различиями. Сравнение имен персонажей в «Сказке о Махаре» с оригиналом демонстрирует это наглядно: Фатма – Фатима, Али – Хадже Али. Подобная схожесть в именах персонажей наблюдается и в сказке «Сейфальмюльк»: Сейф-аль-мюльк – Сейфальмюльк, Бади-аль-Джамал – Бадиальджамал, Асим ибн Шавфан – Шафган, Фариз ибн Салих – Салех, падишах Шахъял – падишах Шахбал.

Опираясь и на типологическое сходство сюжетов, и на подобность и близость имен персонажей, речи и выражений образов предполагаем происхождение следующих сказок из «1000 и одной ночи». «Имам» (863*), «Хаджи Фаттах» (900*), «Шамс-Гамар» (993*+567*), «Сейфальмюльк» (516Е*), «Сказка о Мехер» (864*+560*А), «Честность» (839**), «Честная жизнь» (759**), «Два брата» (1426), «Ведьма» (410*) и др.

В обогащении сюжетного состава азербайджанских сказок велика роль и памятника «Калила и Димна» («Панчатантра»). Слабый сбор сказок о животных в Азербайджане крайне усложняет определение масштаба влияния этого памятника на устную традицию. Вместе с тем, и среди собранных образцов есть немало заимствованных из этого памятника сюжетов. Одним из них является данный нами в

указателе под номером 248А сюжет «Месть фазана». В сюжете говорится, что фазан вьет гнездо на пути верблюда. Верблюд, идя на водопой, наступив на гнездо фазана, раздавливает его яйца. Фазан жалуется на него вороне. Ворона выклеывает верблюду глаза, а лягушки, воспользовавшись его слепотой, заводят его в яму. В варианте «Калилы и Димны» главными персонажами являются слон и жаворонок, остальные персонажи же и действия в обоих вариантах совпадают (5, 21).

Выводы и перспективы. Таким образом, выступая с вышеуказанных позиций, мы предполагаем, что следующие сюжеты взяты из «Калилы и Димны»: «Лев и заяц» (92), «Злом на добро» (155), «Добрые звери» (160), «Золотая птица и петух» (223D*), «Месть фазана» (248А), «Рыбак рыбака» (278), «Невинная золотая птица» (178D*).

Заемствованные сюжеты очень часто в устной традиции широко распространяться не могут, они бывают либо характерными для репертуара какого-либо сказителя, или же бывают распространены в каком-то узком ареале. Это можно видеть и на примере сказок, происходящих от «1000 и одной ночи». Так, среди 19 сюжетов, которые, как мы определили, относятся к этому памятнику, 13 встречаются в одном или двух экземплярах. Единственное, зафиксировано 12 вариантов сюжета «Золотая гора» (936), в 7 из которых, в соответствии с оригиналом, совершена контаминация с сюжетами «Продавец драгоценностей Салим» (485А) и «Муж ищет потерявшуюся жену» (400)

Таким образом, изучая сюжетный состав азербайджанских сказок, нельзя упустить из внимания географическое расположение этой страны. Месторасположение Азербайджана на слиянии Запада с Востоком и обладание им характеризующих обе стороны ценностей оказало своё влияние и на формирование сказочного репертуара.

Литература

1. Азербайджанские сказки / Собрал и составил А.Ахундов.- Баку, 1970.- II т.- 82 с. (на азерб. языке)
2. Сюжетный указатель азербайджанских сказок (на основе системы Аарне-Томпсона). – Баку: Наука и просвещение, 2013.- 368 с. (на азерб. языке)
3. Жирмунский В.М. К вопросу международных сказочных сюжетов / Историко-филологические исследования. Сб. статей к 70-летию академика Н.И. Конрада. -Москва: Наука, 1967.- С. 283-289
4. Кербелите Б.П. Методика описания структур и смысла сказок и некоторое ее возможности / Типология и взаимосвязи фольклора народов ССР. Поэтика и стилистика.- Москва: Наука, 1980.- С. 48-100
5. Калила и Димна / Переводчик с фарси, автор комментариев проф. Рагим Султанов IV издание, Баку, Главная редакция Азербайджанской Советской Энциклопедии, 1989.- 328 с. (на азерб. языке)
6. Мелетинский Е.М. Семантическая организация мифологического повествования и проблема семиотического указателя мотивов и сюжетов // Труды по знаковым системам. - Т. 16.- Тарту: ТГУ, 1983.- С. 115-126
7. Мингажетдинов М.Х. Систематизация сюжетов башкирских сказок по международным каталогам // Проблемы фольклористики, истории литературы и методики ее преподавания. Материалы XI научной конференции литературоведов Поволжья. -Куйбышев, 1972.- С.25-27
8. Пропп В.Я. Морфология сказки. Изд. 2-е.- Москва: Наука, 1969.- 168 с.
9. Пропп В.Я. Легенда / Поэтика фольклора. Собрание трудов.- Москва: Лабиринт, 1998.- С. 269-300
10. Thompson S. Motiv-index of folk literature. -Vol. I.- Copenhagen, 1955.
11. Thompson S. The types of the folktale. A classification and bibliography. Second revision, 1973.- 588 p.

Ількін Р. Сюжетний склад азербайджанських казок / Р. Ількін // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 377–383.

У науковій статті автор аналізує сюжетний склад азербайджанських казок.

Ідея систематизації азербайджанських казок виникла на початку ХХІ століття. Виникнення деякого поживлення у сфері збору усної спадщини після здобуття Азербайджаном незалежності, збільшення числа зібраних казок створило необхідність їх систематизації. Хоча окремими дослідниками були висунуті різні принципи класифікації з приводу систематизації казок, вони не змогли широко поширитися. Приймаючи це до уваги ми підготували «Сюжетний покажчик азербайджанських казок» на основі системи Аарне-Томпсона. Систематизація азербайджанських казок відповідно міжнародній системі класифікації має велике значення і у вивченні сюжетного складу наших казок, з'ясуванні співвідношення міжнародних і національних сюжетів, і у визнанні азербайджанських казок у світі.

Ключові слова: фольклор, казки, сюжет

Ilkin R. Scene composition of Azerbaijani tales / R. Ilkin // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 377–383.

In a scientific article, the author analyzes the scene composition Azerbaijani tales.

The idea of ordering Azerbaijani tales emerged at the beginning of the XXI century. The emergence of some revival in collecting oral heritage after Azerbaijan gained independence, increasing the number of collected fairy tales created the need to systematize them. Although some researchers have made all sorts of classification principles about ordering tales, they could not spread widely in force or does not find a practical use, or lack of coverage of all the material. Currently many people systematize fabulous samples based on the classification principles defined by prominent representative of Finnish school Antti Aarne Amathus. Taking this into account and we have prepared “Scene Index of Azerbaijani tales” based on the Aarne-Thompson system. Due to the geographical location of Azerbaijan in this same habitat, the principles of international classification can be applied to Azerbaijani tales.

Taking this into account, and we have prepared “Scene Index Azerbaijani tales” based on the Aarne-Thompson system. Systematization of Azerbaijani tales respectively international classification system is of great importance in the study of a subject of our stories, asking international and national relations plots, and in the recognition of Azerbaijan in the international world of fairy tales. Many people even ordering anecdotal stories using the system AT. Regarding Azerbaijani jokes her, the situation changes. As we mentioned a little earlier, the use of AT for a fabulous material of a people depends on plot similarities. Availability share of international stories in Azerbaijani jokes at a very low level compared with fairy tales does not allow application of the system against them. And other Turkic peoples is similar. When ordering was revealed inherent Azerbaijani tales 692 plot. 119 of them are the subjects belonging to the tales about animals, 133 - to the magical 105 - religious, 150 - to the short story, 132 - to the anecdotal, 12 - a cumulative 20 - to heroic tales, and 21 relate to the tales of stupid line. In Azerbaijani tales proportion of international subjects is more than half a fabulous repertoire. So, we have identified 56% of subjects are available in the index AT analogue, 44 % the same - new stories. The biggest difference is found in the group of novelistic and religious tales. The author notes that the plot structure of fairy tales influenced tale “1001 Nights” and “Kalila and Dimna” but they are only characteristic of the repertoire of a storyteller or are distributed in a narrow range.

Keywords: folklore, fairy tales, the story.

Поступила в редакцію 03.03.2014 г.

УДК 82=512.145-94.

АХМЕД ЕССЕВИЙНИНЪ «ДИВАН-И ХИКМЕТ» ЭСЕРИНИНЪ ЭМИЕТИ

Куртумеров Э.Э.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского
E-mail: enverkurtumer@mail.ru*

Меселе. Умумтюрк эдебиятынынъ тасаввуф эдебияты адыны ташыгъан къысмы акъкъында сёз юрсетмек ичюн башта бир тасаввуфнынъ не олгъаныны, онынъ пейда олув тарихыны, макъсадыны ве гъаесини огренмек лязим. Тасаввуфнынъ эсас гъаеси – инсан къальбине Аллах севгисини ерлештирмек ёлунен кямиль инсан тербиелемектир. Тасаввуф эдебияты исе кямиль инсаннынъ къальбинде догъгъан маневий дуйгъуларны беян эте. Бу себептен бу эдебиятнынъ джемиет аятындаки эмиети гъает буюктир.

Ишнинъ актуаллиги. Тасаввуф эдебияты озь менбасыны Къурандан ве хадислерден алгъаны себебинден, Советлер девринде огренильмеди. Бу ал табиий оларакъ, эдебиятымызнынъ, медениетимизнинъ илерилемесине белли дереджеде менфий тесир косътерди. Хазрети Мевляна, Юнус Эмре, Ахмед Ессеви киби дюньяджа белли шаирлернинъ эсерлерини огренмеге имкянымыз олмады. Албуки, оларнынъ эсерлери Авропа ве Американынъ алий окъув юртларында огренильди ве огренильмекте.

Ишнинъ макъсады. Умумтюрк тасаввуф эдебиятынынъ эсасчыларындан бири Ходжа Ахмед Ессевиининъ аятынен ве онынъ «Диван-и хикмет» эсеринен таныш этмектен ибареттир.

Ходжа Ахмед Ессеви (Есси янындаки Сейрем шеэринде къарарнен 11 асырыннъ экинджи ярысында догъды) тасаввуфнынъ белли векиллеринден бири, шаирдир. Бабасы Шейх Ибрахим джеванмердлик тарикъатына менсюп нуфузлы затлардан эди. Анасы – Муса Шейхнинъ къызы Айше хатун эрте вефат эте. 7 яшында олгъанда бабасы да вефат эте. Ессевиини абласы Гевхер Шахназ озь тербиесине ала.

Олар Ессиге кочелер ве бу ерде Арслан Баба адлы шейхден илим огрене («Еди яшта Арслан бабам арап таптым...»). Бу ерде о, батыний илимининъ сырларыны огрене. О девирде Бухара Тюркистаннынъ илим меркезлеринден бири эди. Арслан Бабанынъ тевсиесинен Ессеви Бухарагъа келе. Бу ерде о деврининъ энъ буюк алими ве суфийси Шейх Юсуф Хамеданийнен таныша ве оны озюне муршид къабул эте.

Бухарада Ессеви арап тилинен берабер фарс тилини де терен огрене. Фарс тилинде яратылгъан тасаввуфий эдебиятнен таныш ола. Ходжа Абдулхаликъ Гъыдждуваний, Абдуллах Баркый, Ходжа Хасан Эндакыйлернен субетлеше ве оларнен берабер Юсуф Хамеданийнинъ муридлери сырасындан ер ала.

Буюк шаир Алишер Невайи Ессеви акъкъында «Макъаматы алий ве мешхур, керамети метавалий ве намешхур эрмиш» деп язгъан эди. Бу фикир Ессевиининъ Ессиге къайтып келип, янъы бир тарикъаткъа эсас къойып муршид сыфатында шух-

рет къазангъан девирге аиттир. Есеевий Ессиге ерлешкен сонъ Тюркистаннынъ эр еринден кельген ве тасилини тамамлагъан сонъ бутюн тюрк юртларында Ислямны теблигъ этмек ичюн вазифелендирильген муридлерине Ислямнынъ захирий ве батыний илимлерини огрете.

Есеевийнинъ не къадар омюр корьгени, не вакъыт вефат эткени акъкъында фаркълы фикирлер бар. О, икметлеринден биринде «Юз йигирми бешке кирдим, билемедим...» дей. Бир риваетке коре о, 63 яшына кельгенде дергяхынынъ азбарында ер алты джамиси яптыра ве вефатына къадар бу ералты джамисинде ибадет ве риязетнен мешгъуль ола. Ахмед Есеевийнинъ ер алтында узун муддет яшагъан худжресининъ къалынтылары шимдиге къадар сакълангъан. Ахмед Есеевий икметлерининъ бир чокъусында ер алты аятына чекильмесининъ себеби оларакъ Хазрети Мухаммед (с.а.в.) нинъ 63 яшында вефат эткенини ве ер устюнде Аллахнынъ Ресулинден даа чокъ юрюмекни озюне лйыкъ корьмегенини бильдире. Онынъ ер алты аятынъ къач сене девам эткени белли дегиль. Базы малюматларгъа коре о, 73 яшында вефат этти. Ойле олгъаны такъдирде Есеевий аятынынъ 10 сенесини ер алтындаки джамисинде кечирди деп айтмакъ мумкюн.

Есеевий «Диван-и хикмет» адындыки икметлер эсери белли. Бу эсер шаирнинъ ер алтында яшагъан девирдеки маневий алларыны анълата. «Диван-и икмет» тюркий тильде яратылгъан ильк бедий эсер олгъан «Къутадгъу билигъ»ден сонъ язылгъан эсердир. Тюркий тасаввуфий эдебятнынъ исе ильк нумюнеси сайыла.

«Диван-и икмет»нинъ 20 ден зияде нухалары Узбекистан ФА Шаркъшынасылыкъ институты джамгъармасында сакълана. Эсернинъ эльязмаларындан энъ къадимийси 17 асыргъа аиттир. «Диван-и икмет» тюрк, узбек, уйгъур, тюркмен, къазакъ, уйгъур, къазан татар тиллерине терджиме этильгендир. Есеевийнинъ аяты ве иджады Л. Массигнон, А. Арберри, М. Смит, Х. Кислинъ, Ф. Маер, А. Шиммел, Р. Хартман, Дж. Тримингем, К. Эраслан, Идрис Шох, А. Крымский, И. Петрушевский, Э. Бертелс, Фитрет, А.Садий, Э. Рустамов, Б.Къасимов, И.Хакъкъулов, Н. Хасанов киби алимлер тарафындан оргенильди.

«Диван-и икмет»те иляхий ашкъ ве ашыкълыкъ, марифет ве арифлик саадети, фенадан бекъагъа етишюв тюшюнджелери гъает самимий ве тесирли аэнклерде айдынлатып берильген. Икметлер мана ве маиети итибарынен Къуран-ы Керим ве хадислернен сыкъы багълы. Есеевий озь икметлеринде инсанларгъа нисбет япылгъан адалетсизлик, мерхаметсизлик киби арекетлерни тенкъит эте.

*Эхл-и дюнья халкъымызда сехавет ёкъ,
Падишаларда, везирлерде адалет ёкъ,
Дервишлернинъ дуасында иджабет ёкъ,
Тюрлю беля халкъ устюне ягъды, достлар.*

Икметлерде джаиллик, резалет, наданлыкъ, досткъа нисбетен хиянетлик, кебирлик киби ислетлер де тенкъит этиле.

*Эй достлар, надан бирле ульфет олып,
Багърым янып, джандан тойып, ольдим мена.
Догъру айтсам эгри ёлгъа боюн толгъар,
Къанлар ютып, гъам зезрине тойдым мена.*

*Къайда корьсенъ гонъю къырыкъ мельхем олгъыл,
Ондай мазлюм ёлда къалса хамхам олгъыл,
Уммет олсанъ гъариплерге таби олгъыл,
Ает, хадис хер ким айтса, саме олгъыл.*

Шаир бир сыра икметлеринде инсанларны иманлы-итикъадлы, мерхаметли олмагъа, атта динсизлерге, гъайрыдин векиллерине биле эйи мунасебетте олмагъа давет эте.

*Суннет эрмиш кафир олса, берме азар,
Гонъю къатты дильазардан худа безар.*

Нефсини озюне бойсундыргъан, сабырлы-къанааткяр олгъан, тапкъанына шукур эткен, яхшыларгъа хызмет этип дуа алгъан кимселер ахыретте пешман олмай-джакълары бильдириле: энъ итибарлысы шундаки, шааир бу мевзуны гъает саде, анълайышлы шекильде беян эте, айны вакъытта мундеридже нефис, ондан козетильген гъаевий макъсат, умумбешерий маиетке маликтир.

*Нефистен кечип, къанаатны пеше къылгъан
Хер ким тапса, разы олып, боюн сунгъан.
Яхшыларгъа хызмет этип, дуа алгъан,
Бундай ашыкъ махшер куню арманы ёкъ.*

«Диван-ы хикмет»те беян этильген ашагъыдаки мысраларда мухтадж инсанларгъа, етимлерге ярдым эткен кимселер дженнетте чахариярларнен берабер кевсер хавузы башында оладжакълары, инсанларны алдаткъан, хакъсызлыкъ япкъан кимселерининъ исе вазияти гъает къоркъунчлы оладжакъы ифаде этиле.

*Хайр-ы сена къылгъанлар, етим гонъюн алгъанлар,
Чахариярлар хемрахын кевсер боюнда корьдим
Бойле алим ерини дар ус-селямда корьдим,
Муфтий олгъан алимлер, хакъсыз фетва бергенлер,
Бойле муфтий ерини сырат копрюнде корьдим.*

Нетидже. Ахмед Есеевий иджадынынъ эмиети чокъ буюктир. Шаир, эдебиятшынас алим Абдурауф Фитрет Есеевийнинъ иджадына буюк къыймет кесген ве шойле деген эди: «Есеевийнинъ «эдебиятта туткъан ёлу авам халкъ шаирлеримизнинъ туткъан ёлудыр. Онынъ икметлери везинде, къафиеде, услубде халкъ эдебияты дейильген шиирлернен берабердир».

Инсанлар маневий дегерлерден эп узакълашайткъан бир девирде яшамакътамыз. Бойле девирде тасаввуф эдебиятына сыкъ-сыкъ мураджат этмелимиз. Есеевийнинъ «Диван-и икмет» эсери джемиетимизде пейда олгъан маневий бошлукънынъ ерини толдурмасына озь иссесини къошар деген уюттемиз.

Эдебият

1. İmam-ı Rabbani. Mektubat: çeviren Huseyn Hilmi Işık.- İstanbul: Hakikat Kitabevi Yayınları, 2005. – 512 s.
2. Huseyn Hilmi Işık. Seadet-i Ebediyye.- İstanbul: Hakikat Kitabevi Yayınları, 2007. – 1248 s.
3. Ömer Çelik. Üsve-i Hasene: eserler toplamı.- İstanbul: Erkam Yayınları, 2004. – 520 s.
4. Ömer Dagistanlı. Tasavvuf ve Tarikatlarla İlgili Fetvalar: eserler serisi, çevirenler İrfan Gündüz, Yakup Çiçek, İstanbul: Seha Neşriyatı, 1990.–192 s.
5. Coşkun Yılmaz. Tanımı, Kaynakları ve Tesirleriyle Tasavvuf: sempozyum maruzaları.- İstanbul: Seha Neşriyatı, 1991. – 238 s.

6. Osman Topbaş. İmandan İhsana Tasavvuf: eserler toplamı.- İstanbul: Erkam Yayınları, 2002. – 532 s.

7. Mehmet Zeki Pakalın. Tarih Deyimleri ve Terimleri Sözlüğü: 1-2-3 ciltlar.- İstanbul: Milliy Eğitim Basımevi, 1971. – 682 s.

Куртумеров Э.Э. Значение произведения «Диван-и хикмет» Ахмеда Яссави / Э.Э. Куртумеров // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 384–388.

Среди тюркоязычных народов "Диван-и хикмет" (Собрание стихов о Мудрости, или «О сокровенном») называли "Корани тюрки", так как именно они восприняли Коран через "Хикметы" Ходжа Ахмеда Яссави, поэтому тюрки стали называть его "Хазрет Султан" - "Святой Султан", а Туркестан второй Меккой. Хикметы Ходжа Ахмеда Яссави не только проповедовали ислам, но и призывали тюркоязычные народы к духовному единению, суверенитету, здесь были оговорены все необходимые условия для их создания.

Эти стихи, написанные в стиле задушевной беседы на простом тюркском языке, в короткий срок распространились с востока от Великой Китайской Стены до запада вплоть до берегов Средиземного и Мраморного морей. На самом деле, «Диван-и Хикмет» - это религиозно-нравственная книга, подающая уроки Ислама и исламской морали. Большая часть стихов «Диван-и Хикмета» была передана этим большим учёным во время беседы со своими дервишами в прихожей своей кельи под землёй, которая и была записана ими.

Ключевые слова: религия, нравственность, мораль, суфизм, воспитание, дервиш.

Куртумеров Е.Е. Значення твору «Диван-і Хікмет» Ахмеда Яссаві / Е.Е. Куртумеров // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 384–388.

Серед тюркомовних народів "Диван-і Хікмет" (Збори віршів про Мудрість, або «Про сокровенне») називали "Корани тюрки", так як саме вони сприйняли Коран через "Хікмет" Ходжа Ахмеда Яссаві, тому тюрки стали називати його "Хазрет Султан" - "Святий Султан", а Туркестан другим Меккою. Хікмет Ходжа Ахмеда Яссаві не тільки проповідували іслам, а й закликали тюркомовні народи до духовного єднання, суверенітету, тут були обумовлені всі необхідні умови для їх створення.

Ці вірші, написані в стилі задушевної бесіди на простому тюркською мовою, в короткий термін поширилися зі сходу від Великої Китайської Стіни до заходу аж до берегів Середземного і Мармурового морів. Насправді, «Диван-і Хікмет» - це релігійно-моральна книга, що подає уроки Ісламу та ісламської моралі. Більша частина віршів «Диван-і Хікмета» була передана цим великим вченим під час бесіди зі своїми дервишами в передпокої своєї келії під землею, яка і була записана ними.

Ключові слова: релігія, моральність, мораль, суфізм, виховання, дервіш.

Kurtumerov E.E. Value of Ahmed Essevi's work "Divan-i Hikmet" / E.E. Kurtumerov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 384–388.

Among Turkic nations "Sofa and Hikmet" (Collection of poems about Wisdom, or "On the unseen") called "Korányi Turks" because they perceived the Qur'an through "Hikmat" Khoja Ahmed Yassavi, so the Turks began to call him "Hazrat Sultan" - "Holy Sultan" and Turkestan second Mecca. Khoja Ahmed Hikmat Yassavi not only preached Islam, but also called Turkic peoples to spiritual unity, sovereignty, there were specified all the necessary conditions for their creation.

Khoja Ahmed Hikmat Yassavi not only preached Islam, but also called Turkic peoples to spiritual unity, sovereignty, there were specified all the necessary conditions for their creation.

"Divan-i Hikmet" centuries passed down by word of mouth, in the 15th century acquired a written form and passed from hand, both hands, especially with a book. Ahmed Yassavi despite excellent knowledge of Arabic and Persian literature, rather Turkic dialect that is understood by his fellow Turk, recently got acquainted with Islam and very earnestly attracted to this religion.

The main reason for this preference was that the native language of his entourage would have made a greater contribution to the education of Muslim newcomers. These poems, written in the style of intimate conversation on a simple Turkish language in a short time spread from east of the Great Wall of China to the west to the shores of the Mediterranean and the Sea of Marmara. In fact, "Divan-Hikmat" - a religious-moral book

lessons serving Islam and Islamic morality. Most of the poems, "Diwan-i Hikmet" was assigned to this great scholar during a conversation with his dervishes in the hallway of his cell under the ground, which was recorded by them. Initially, "sofas" copied by hand, but later with the help of printing technology has increased the number of copies.

Keywords: religion, morality, ethics, Sufism, education, dervish.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 82.512.145."19":[17+111.852]

ГЕНЕЗИС И ФУНКЦИИ МОТИВОВ «АЛГЪЫШ» («БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ») И «КЪАРГЪЫШ» («ПРОКЛЯТИЙ») В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Сеферова Ф. А.

РВУЗ «КИПУ»

В крымскотатарской фольклористике ещё недостаточно внимания уделяется проблеме систематизации и классификации жанров фольклора. До настоящего времени исследователи не приступили к обсуждению принципов классификации, к выработке научной терминологии для архаических форм устного народного творчества. Статья посвящена исследованию древних жанровых форм крымскотатарского фольклора, таких как «алгъыш» и «къаргъыш».

Ключевые слова: анимистические представления, традиция, аксиологические аспекты, фольклор.

Постановка проблемы. Крымскотатарский фольклор отличается жанровым синкретизмом и наличием в ней, вместе с высокохудожественными жанрами, более архаических форм, связанных с древнейшими представлениями и верованиями. Автором статьи рассмотрен широчайший круг источников, среди которых работы А.Н.Бернштама, З. Фрейда, Эвлия Челеби, Дортелли д'Асколи, Эшрефа Шемьизаде, М.Велиджанова, Дж.Бекирова, Ш.Энвера и др. Собранные воедино, систематизированные и проанализированные сведения о древних жанровых формах крымскотатарского фольклора из столь обильного материала позволили автору статьи осветить такие виды фольклора, которые до настоящего времени не были предметом специального научного исследования. К ним, в частности, относятся такие формы народно-поэтического творчества, как «алгъыш» («благопожелания») и «къаргъыш» («проклятия»). Считаю **целесообразным**, прежде всего, сосредоточить наше внимание на этимологии, формировании слов «алгъыш» и «къаргъыш».

Общеизвестно, что анимистические представления и верования сыграли важную роль в появлении и использовании такого понятия, как «силы», делившиеся на светлые и тёмные или же «духи», делившиеся на «добрых» и «злых». Возникновение этих понятий обусловлено сознанием древнего человека, верой в магическую силу слова, заговора, заклинания. Существовало мнение, что именно они, эти силы, эти духи, способствуют осуществлению желаний людей, управляют жизнью человека и определяют его поступки и дела. Возможно, что «ал-» и «къар-» в словах «алгъыш» и «къаргъыш» в действительности являются названиями духов, сил. Существенно, первое относится к духу – покровителю добра, а второе – к покровителю зла. Эти слова полисемичны. Например, «ал», кроме других значений, может выступать в значениях «положение», «состояние», «самочувствие», «обстоятельство», «румяный». Перечислять все слова, в словообразованиях которых участвует «ал-», нет надобности. С древних времён с помощью соответствующих слов и аффиксов люди создавали из «ал» и «къар-(-а)» всевозможные пожелания добра, удачи и проклятия. К ним относятся такие по сей день бытующие выражения «къара язы» («злая участь»), «къара кунь» («чёрный день»), «бахты къара» («чёрное счастье», т.е. «несчастье»), «къара су» («чёрная вода»), «къарсанба» («беда, напасть»), «къара

яндыкъ» («чертополох»), «къаратикен («дурман») и др» [2]. Особого внимания заслуживает, по-нашему мнению, слово «къаарь». Как известно, в активной лексике современного крымскотатарского языка и в настоящее время употребляются такие выражения, как «мен къаарьлендим», «мени къаарь басты», «къара язылы» и т.д. В таких выражениях «къара», связанное с понятием страха, ужаса, наваждения, холода является названием тёмной силы, злого духа. Приведём пример из эпического произведения «Эдиге бий», где Эдиге обращается к своему противнику: «*Кемал улу, кок Джанбай! Кери сёзли ит Джанбай! Сен къаранынь улусынъ, Пул бергеннинъ къулусынъ*» [4, 40].

В древние времена считалось, что именно духи дают благословение или насылают проклятия, оберегают от опасностей, руководят поступками людей, «защищают людей от могущества и гнева богов и демонов, от опасностей, охраняют важные жизненные акты (инициация, брак, роды и т.д.)» [1, 37]. Страшным воздействием на человеческую психику обладает, по свидетельству доминиканца Дортелли Д.Асколи, «къаргыш» – проклятие. 1634 году, будучи в Кафе (Татарии) он отмечает: «На улицах главных городов стоят «фалджи» и «бакъыджи», как их называют, которые видят и предсказывают вопрошающим будущее, хорошее или дурное, гадая на книгах, на бардаках или крытых сосудах с водой, на костях, на стрелах. Но больше всего они прибегают к сглазу, называемому у них «назарлыкъ». Я был свидетелем изумительного действия одного особенно на женщин. Так, например, достаточно сказать женщине: «О какие чудные глаза! – и тотчас глаза у нея начинают слезиться и болеть, а затем она слепнет или же, намекая на работу девушки произвести: «Как хорошо она работает! – и немедленно руки девушки начинают дрожать, или же ея палец повреждается и т.п.» [3].

К словесной магии в её чистом виде можно отнести многочисленные «алгышлар» – традиционные благопожелания. Приведём один из алгышей, которое произносится в дни Къурбан байрам (Праздника жертвоприношения):

«Сойганынь къабул олсун, Эджелинь сабыр олсун, Дюньянь мамюр олсун. Бу эвден алгыш кетмесин, Бу эвге къаргыш етмесин, Аман адам айткъандже Тангры этмесин, Тангрымыз алгыш этсин [6].

К словесной магии можно отнести и «юкью алгышы» – заговор сна. Мать напевает его ребёнку, когда тот капризничает, долго не засыпает:

«Юкля, балам, юкля айя-ай, Юкью ананъ, санъа бал кетирди айя-ай.

Узакълардан санъа сют кетирди айя-ай

Юкью анасы юкля деди айя-ай» [5].

Существовало также и «йылан алгыш» – «заклинание змей»:

«Сары йылан, юрт йылан, Секиргенинь – эр йылан, Йылышкъанынь – чабик йылан, Юванъа кир йылан, Эткениньни биль йылан. Мени, йылан, агълатма, Зеэринъи ал йылан, Зеэринъи алмасанъ, Къартана бетинъе тюркюр, йылан» [5].

Отметим, что алгыш начинается с восхваления змеи, от неё переходят к просьбе и заканчивается угрозой. Следует отметить, что этот алгыш считается действенным только в устах немногих людей, обладающих особыми способностями.

В крымскотатарском фольклоре существуют фольклорные жанры, показывающие роль птиц в проклятиях – «къаргыше». Общеизвестно почитание лебедя не

только крымскими татарами, а также всеми тюркскими народами. Лебедь считался священной птицей: разорять гнездо, убивать лебедя запрещалось. Тем не менее, в эпосе «Эдиге бий» хан Тахтамыш проклинает священных птиц: *«Акъкъу къушлар, къаз къушлар, Сизни сунгъур, боз къушлар Къанатынъыз толдырып Башынъызны къайырсын! Эдигенинъ улы Нураддин – Алла бермесин мурадын Мени юрттан айыргъач Сизни де гольден айырсын!»* [4,45].

Мотив проклятия звучит и в эпосе «Таир и Зоре». Зоре, провожая, Таира в город Мердим, поёт: *«Гидер исенъ огърунъ олсун, Мердим шеэр ёлунъ олсун. Менден гъайры яр севсенъ, Джеллятлар бойнунъ урсун! Гидер исенъ огърунъ олсун, Дерья-денъиз ёлунъ олсун. Менден гъайры яр севсенъ, Эки де козюнъ кёр олсун»* [4,95].

Таким образом, «алгъыш» и «къаргъыш» являются плодами определённых представлений и взглядов народа. Вместе с тем некоторые выражения, образованные в связи с древними обычаями, традициями и обрядами, в ходе общественно-исторического развития утрачивали первоначальное содержание. В словарном составе крымскотатарского языка довольно много таких выражений, как «озь башыны ашады» («съел свою голову»), къурбанынъ олайым («стану твоей жертвой»), «аягъынынъ алтында олейим» («да умру я у твоих ног») и т.д. Эти выражения употребляются обычно в положительном смысле, но могут приобрести и значения проклятия. Они относятся к тому периоду, когда в людях была сильна вера в возможность повлиять на ход событий или болезни путём выполнения определённой процедуры, обряда. Например, в эпосе «Эдиге бий» Эдиге говорит: *«Шу кетиште кетермен Темирхан магъа къол берсе, Худайым магъа ёл берсе, Шу Токътамыш ханынъны Аякъ асты хор этермен!»* [4,44].

Известно, что материнское слово, клятва, молоко всегда считались священными. В сказках и дестанах даже дивы, пери не нарушали материнской клятвы и благославляли мужественного героя на подвиг словами: «ананъы сютю санъа элял олсун» («да будет тебе впрок материнское молоко»). Материнское молоко считалось целебным средством. Считалось, что отцовское проклятие действеннее материнского, потому что материнское молоко будто бы ослабляет силу её проклятия. Мать могла проклясть неблагодарное дитя словами: *«Сютюм бурнунъдан кельсин»* (досл. «да выльется моё молоко у тебя из носа») – да не будет впрок тебе моё молоко [5].

Выводы и перспективі. Формирование духовности общества невозможно без изучения культурных явлений и традиций прошлого. В устном творчестве крымских татар, как и в фольклоре других народов, отразились миропонимание, ментальность, представления и верования крымскотатарского этноса. На основе тщательного анализа указанных фольклорных произведений, мы приходим к выводу, что происхождение «алгъыш» (благопожелания) и «къаргъыш» (проклятия) связано с древними представлениями и верованиями людей, с периодом неформившегося человеческого сознания.

Литература

- 1.Фрейд З.Тотем и табу / Зигмунд Фрейд. – СПб. «Азбука-классика», 2006. –256с.

2. Крымскотатарско-русский словарь (Сост. С. М. Усеинов – СМНПП–Диалог, 1994 – 395 с. – На кр. тат. яз.)
3. Дортелли д'Асколи Э. Описание Чёрного моря и Татарии / Эмидио Дортелли д'Асколи // ЗИООИД.– Одесса, 1902.–Т. 24.
4. Бекиров Д. Кырымтатар халкъ агъыз яратыджылыгы / Джафер Бекиров; Хрестоматия.– Т.: «Укитувчи», 1991.–241б.
5. Наша беседа с информатором Эльмирой Кокиевой (Коки). (Род. в 1936 г. с. Корбек Алуштинского р-на). Записи на фольклорной практике. 24.07. 2011 г.
6. Наша беседа с информатором Эскендером Мустафаевым (Род. в 1928 г. с. Темирчи Алуштинского р-на). Записи на фольклорной практике 12.07.2011 г.

Сеферова Ф. А. Генезис і функції мотивів «алгыш» («благопожеланий») і «кьаргыш» («проклять») у кримськотатарському фольклорі / Ф. А. Сеферова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 389–392.

Стаття присвячена дослідженню древніх жанрових форм кримськотатарського фольклору, таких як «алгыш» і «кьаргыш». Виникнення цих понять обумовлено свідомістю первісної людини, вірою в магічну силу слова, змови, заклинання. У стародавні часи вважалося, що саме парфуми керують вчинками людей, дають благословення або насилають прокльони.

Ключові слова: аксіологічні аспекти, традиція, фольклор.

Seferova F. A. Genesis and function of motives “algysh” (“good wishes”) and “kargysh” (“curses”) in Crimean Tatar folklore / F. A. Seferova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 389–392.

Crimean Tatar folklore. As well as a verbal creation of other people. Reflects becoming of world view, mentality of Crimean Tatar ethnos. In Crimean Tatar ceremonies, especially in wedding, we find the displays of a different sort of taboos and procedures of initiation. Crimean Tatars, continuing ancient traditions, with acceptance of Islam, naturally, accepted all norms of Muslim religion which ordered the limitations and prohibitions. These expressions are typically used in a positive sense, but they can acquire the values and the curse. They belong to the period when people were strong belief in the ability to influence the course of events or illness by performing certain procedures ceremony. "algysh" and "kargysh" are the fruit of certain ideas and attitudes of the people. However, some expressions formed in connection with the ancient customs, traditions and customs in the course of social history lost their original content. In the vocabulary of the Crimean Tatar language is quite a lot of expressions such as "oz bashyny Ashad" ("eat your head"), "kurbanyn Olaya" ("I'll be your victim"), "ayagynyn altynda Oley" ("yes, I'm going to die at your feet") and etc. These expressions are typically used in a positive sense, but they can acquire the values and the curse. They belong to the period when people were strong belief in the ability to influence the course of events or illness by performing certain procedures ceremony. The origin of "algysh" (good wishes) and "kargysh" (curse) is associated with ancient ideas and beliefs of people with a period Unarticulated human consciousness. The study of these ancient forms of genre, will greatly assist linguists, historians, ethnographers, orientologists, and everyone who is interested in the folklore and history of the Crimean Tatars.

Key words: traditions, axiological aspects, folklore.

Поступила в редакцію 03.03.2014 г.

УДК 821.512.162

ПЕРЕВОД И ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

Абдуллаева Э. К.

Гянджинский государственный университет
E-mail: azfolklor@yahoo.com

Поэмы Низами Гянджеви переводятся на английский, немецкий, французский и на русский с начала XIX века. Труды Низами оказали громадное влияние на дальнейшее развитие восточной и мировой литературы вплоть до XX века. Известны десятки назидательных (поэтических «ответов») и подражаний поэмам Низами, создававшихся начиная с XIII века, принадлежащие в том числе Алишеру Навои, индоперсидскому поэту Амиру Хосрову Дехлеви и др.. Автор отмечает, что существуют и прозаические переводы.

Ключевые слова: перевод, публикации, Низами Гянджеви.

Постановка проблемы. Поэмы Низами Гянджеви переводятся на английский, немецкий, французский и на русский с начала XIX века.

Первым европейским переводчиком Низами был барон Йозеф фон Хаммер-Пургшталь. В разделе его книги «История прекрасной риторики Персии» («Geschichte der schönen Redekünste Persiens»), посвященной поэтам XII века, приводятся стихотворные переводы из произведений Низами на немецкий язык, сопровождаемые прозаическими пересказами. Хотя эти переводы были далеки от совершенства, но они впервые ознакомили европейцев с творчеством Низами. Именно книга фон Хаммера была главным источником вдохновения И. В. Гете творчеством восточных поэтов включая Низами.

Следующий перевод осуществлён во второй половине 1820-х годов Франсуа Бернаром Шармуа, он (при участии своего ученика Л. Ф. Шпицнагеля) перевёл на французский язык отрывок из «Искандер-наме» о походе Александра на Русь, который несколько раз перепечатывался, в том числе на русском. В 1829-м году много занимавшийся Низами российский ориенталист немецкого происхождения Франц Эрдман перевёл отрывок из «Семи красавиц» на немецкий, а англичанин Джеймс Аткинсон — «Лейли и Меджнун» на английский. Первый из этих переводов считается очень слабым, второй — хотя и не без изъянов, но лучше. Э. Г. Браун во втором томе своей «Истории персидской литературы» (1906), для того, чтобы проанализировать творчество Низами, сам переводит на английский определенные места пяти поэм.

Поэма «Семь красавиц» сохранилась до наших дней как часть «Хамсы» — посмертного сборника поэм Низами. Критическое издание поэмы было осуществлено Хельмутом Риттером и Яном Рыпкой в 1934 г. (Prague, printed Istanbul, 1934) на основании пятнадцати рукописей с текстами поэмы и изданной в Бомбее в 1265 г. литографии. Это одно из немногих изданий классического персидского текста, в котором применена строгая текстово-критическая методология: издатели разделили основные рукописи на две группы — «а» и «б». Только те стихи, которые находились в текстах рукописей обеих групп, считались подлинными. В группу «б» были отобраны те рукописи, которые считались основой для издания, при том, что в фраг-

менты из группы «а» были опубликованы в квадратных скобках. Стихи, характерные для группы «а» были напечатаны в критическом блоке.

Существует три полных перевода поэмы «Семь красавиц» на западноевропейские языки. Впервые поэма была переведена Чарлзом Эдуардом Уилсоном и издана в Лондоне в 1924 г. Этот перевод был выполнен белым стихом, был издан в двух томах и с некоторыми исключениями правильно отражал оригинал. Первый том содержал перевод, а второй — комментарии к тексту. Этот перевод впоследствии несколько раз переиздавался. В 1967 г. поэма была переведена на итальянский язык Алессандро Баузани. Этот перевод в прозе основывался на издании Риттера-Рыпки. На английский язык поэму перевела профессор Оксфордского университета Джули Скотт Мейсами, перевод был опубликован в Великобритании и США в 1967 г. и повторно в 1995 г. Этот перевод был выполнен свободным стихом (частично рифмованным, частично без рифмы) и также основывался на издании Риттера-Рыпки.

Переводы поэм Низами на английский продолжаются вплоть до наших дней. Помимо вышеприведенных, в частности, появились переводы «Искандарнаме» Генри Уилберфорса Кларка (H.W. Clarke, 1881, только первая часть), «Махзан ул-асрар» Голама Хосейна Дараба (G.H. Darab, 1945), «Семь красавиц» Элси и Джорджа Хиллов (Elsie and George Hill).

На немецкий переведены — «Хосров и Ширин» (Иоганн Кристоф Бюргель, J.C. Bürgel, 1980), «Лейли и Меджнун» (часть, Рудольф Гельпке, R. Gelpke, 1963), «Искандарнаме» (первая часть, Бюргель, 1991), «Семь красавиц» (Гельпке, 1959) (Die sieben Geschichten der sieben Prinzessinnen, Zurich, 1959) и та же поэма — на английский; переводчики — Элси и Джордж Хилл (Elsie and George Hill) (The Story of the Seven Princesses, Oxford, 1976).

На французский язык переведена поэма «Хосров и Ширин» (Анри Массе, Henri Massé, 1970). В 1831 и 1833 гг. отрывки из поэм Низами были опубликованы в московском журнале "Телескоп" в переводе Д. П. Ознобишина (под псевдонимом Делибюрадер): "Прибытие Александра Великого в степь Кефчака" (отрывок из Искендер-наме") и "Красавица замка или повесть о Русской царевне" (отрывок из "Семь красавиц").

В 1920-30-х годах русские переводчики и исследователи дали русским читателям определенное представление о творчестве Низами; они перевели новеллу из поэмы «Семь красавиц» (А. Е. Грузинский), небольшие прозаические переводы из той же поэмы и из «Лейли и Меджнун» (Е. Бертельс), полустихотворный перевод из «Лейли и Меджнун» (А. Глоба), сцена из «Хосров и Ширин» (Е. Дунаевский). Из этих четырех переводов, по мнению А. Е. Крымского, первый «красивый по-русски, да не по Низами», третий — «неуклюжий и незвучный», последний — «удобочитаемый». Отрывки из поэм перевели Е. Э. Бертельс (Семь красавиц), Г. В. Птицын (Сокровищница тайн, Хосров и Ширин), А. Корсун (Хосров и Ширин), И. Оратовский и С. Иванов (Хосров и Ширин, Искендер-наме), Т.Форш (Лейли и Меджнун). Отрывки были опубликованы в журналах "Литературный Азербайджан", "Октябрь", "Дружба народов", "Звезда". Прозаический пересказ для детей поэмы "Искендер-наме" выполнил С. Мстиславский (опубликован Детгизом в 1942 году).

С 1947 года появляются первые полные издания. Поэтические переводы поэм Низами (полностью) на русский язык осуществили К. Липскеров и С. Шервинский (Сокровищница тайн), К. Липскеров (Хосров и Ширин, Искендер-наме), П. Антокольский (Лейли и Меджнун), В. Державин (Семь красавиц), Рюрик Ивнев (Семь красавиц), Т. Стрешнева (Лейли и Меджнун), А. Старостин (Лейли и Меджнун).

Полные филологические прозаические переводы произведений Низами с фарси на русский язык осуществили Е. Э. Бертельс и А. К. Арендс в 1939-1940 гг. (Искендер-наме), Г. Ю. Алиев и М. Н. Османов (Хосров и Ширин), а также Р. Алиев (Лирика, Лейли и Меджнун, Сокровищница тайн, Семь красавиц).

В средние века поэмы Низами переводились на тюркские языки Гутб Харезми (1341), Фахреддином Якубом по произвищу «Фахри» (1366) и Синанеддином Юсуфом по произвищу «Шейхи» (1371). Существует ряд других поэтических переводов месневи Низами. Но прозаические переводы поэм Низами на тюркские языки в средневековье были не меньше. Такие рукописи содержатся в библиотеках Германии, в музее Топкапы (Стамбул) и др. Наиболее полный перевод сочинений Низами осуществлен в Азербайджане. Все его произведения переведены с оригинала на азербайджанский такими поэтами, как Самед Вургун, Мамед Рагим Абдулла Шаиг, Сулейман Рустам, Расул Рза, Микаил Рзакулизаде, Аббасали Саровлу. В одном из лучших переводов в исполнении Самеда Вургуна, который в 1939 году сделал перевод поэмы «Лейли и Меджнун», озвучив «„Лейли и Меджнун“ с тонкостью и изяществом Низами» и последующем русском переводе, по мнению А. Е. Крымского и других, и в их числе азербайджанских исследователей, в одном месте допущена вольность, где «в оригинале нет той категорической доказательности...». По словам А. Е. Крымского, в оригинале поэмы Низами не говорится о том, что ширваншах Ахситан запретил Низами писать поэму на тюркском языке, так как «в оригинале сказано не „язык“, а „тюркские образы“»

Диван Низами тоже переведен полностью разными поэтами и переводчиками. Существуют и прозаические переводы. Наконец, в 1981—1983 гг. осуществлены филологические переводы всех поэм и лирики поэта (М. Ализаде, Р. Алиев, Г. Мамедзаде, Г. Алиев, В. Асланов). Также осуществлены многие издания разного назначения и в их числе подарочные издания «Низами. Афоризмы» (1982) на азербайджанском, русском, английском и персидском, «Низами. Хамсе. Миниатюры» (1983) на тех же языках.

Выводы и перспективы. Труды Низами оказали громадное влияние на дальнейшее развитие восточной и мировой литературы вплоть до XX века. Известны десятки назиданий (поэтических «ответов») и подражаний поэмам Низами, создававшихся начиная с XIII века, принадлежащие в том числе Алишеру Навои, индоперсидскому поэту Амиру Хосрову Дехлеви и др. Многие поэты в последующие века имитировали творчество Низами, даже если они не могли сравняться с ним и конечно не смогли превзойти его, персы, турки, индусы, если назвать только наиболее важных. Персидский ученый Хекмет перечислил не менее сорока персидских и тридцати турецких версий поэмы «Лейли и Меджнун». Г. Спасский -Автономов пишет, что Низами «был суфа — то есть мистик». Свой особый интерес к творчеству Низа-

ми он объясняет тем, что в Персии поэтов Саади, Фирдоуси и Анвари называют пророками, а Низами — богом среди поэтов.

Литература

1. Крымский А.Е. Низами и его современники. - Баку, 1981
2. Исаханлы Г. Поэтический перевод. Поиск гармонии и красоты в пределах ограниченных рамок. - Баку: Университет Хазар, 2005

Абдуллаева Е. К. Переклад та видання творів Нізамі Гянджеві / Е. К. Абдуллаева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 393–396.

Поєми Нізамі Гянджеві перекладаються на англійську, німецьку, французьку та на російську мови з початку XIX століття. Праці Нізамі надали величезний вплив на подальший розвиток східної та світової літератури аж до XX століття. Відомі десятки назіре (поетичних «відповідей») і наслідувань поемам Нізамі, що створювалися починаючи з XIII століття, належать у тому числі Алішеру Навої, індоперсидському поетові Аміру Хосрову Дехльві та ін. Автор зазначає, що існують і прозові переклади.

Ключові слова: переклад, публікації, Нізамі Гянджеві

Abdullayeva E. K. Translation and publication of Nizami Ganjavi's works / E. K. Abdullayeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 393–396.

Nizami's poem are translating into English, German, French and Russian from the beginning of the XIX century. Nizami's literary works had a tremendous impact on the further development of the Eastern and the World literature up to the XXth century. Identified dozens of Nazira (poetic "answers") and imitations to the poems of Nizami, which were created from the XIIIth century and belonged to Alisher Navoi, indian pershian poet Amir Khusraw Dehlavi, etc. Many poets in the next century imitated Nizami, even if they could not be compared with him, and certainly could not beat him, among them Persians, Turks, Indians if to name only the most important. Persian scholar Hekmet listed no less than forty Persian and thirty Turkish versions of the poem "Leyli and Majnun". G.Spasky - Avtonomov writes that Nizami " was sufa - that is mystic". He has special interest in the work of Nizami, he explains that in Persia poets Saadi, Ferdowsi and Anvari called prophets and Nizami is named as the God of poets. Works of "Sufa" Nizami also were translated by completely different poets and translators. The author notes that there are prose translations. Finally, in 1981-1983 implemented philological translations of all the poems and lyrics of the poet (M. Alizadeh, R. Aliev, Mammadzade Aliev, B. Aslan). Also made many publications for different purposes and among them gift-books including "Nizami. Aphorisms"(1982) in Azerbaijani, Russian, English and Persian languages, "Nizami. Hamsa. Thumbnails" (1983) in the same languages.

Keywords: Translation, publication, Nizami Ganjavi.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК. 821 (479. 24)

**АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР:
СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ
(НА ОСНОВЕ КЕЛЬБАДЖАРСКИХ ОБРАЗЦОВ)**

Аббасова А.

*Институт фольклора Национальной академии наук Азербайджана
E-mail: folklorgirl@mail.ru*

Автор статьи исследует особенности свадебных обычаев и традиций на основе кельбаджарских образцов. У каждого региона есть отличный от других, самобытный обрядовый фольклор. Автор отмечает, что ряд обычаев и традиций, присущих азербайджанскому народу был забыт и утерян, поэтому их восстановление и сохранение с дальнейшей передачей следующим поколениям является первоочередной задачей исследователя. В научной статье исследован и записан свадебный обряд Кельбаджарского района, определены наиболее характерные черты данного обряда, а также приведено сравнение с этим же обрядом, но в других районах.

Ключевые слова: обряд, свадьба, фольклор, народ, Кельбаджар.

Постановка проблемы. В Азербайджане существуют любопытные свадебные обычаи и традиции. Даже у каждого национального меньшинства, каждого села, общества имеются свои самобытные обычаи. Свадебная подготовка и обряды выявляют бесчисленные обычаи и обряды, сохраненные нашим народом в течение долгого периода истории, доносят богатое культурное наследие Азербайджана до нас самих и других народов. «Свадьба означает новую семейную жизнь, счастье. Народ проводит этот обряд настолько это возможно весело и ради этого прибегает к любому средству» [4, 97]. Известно, что считающаяся символом соединения двух молодых людей свадьба не начинается вдруг. До начала свадебного торжества осуществляются определенные подготовительные этапы. Эти стадии не оставались во все периоды устойчивыми, подвергались изменениям в зависимости от временного, религиозного воздействия. «По мере развития общества меняются, обновляются, развиваются обычаи и традиции, привычки, характеры. Проводимые до начала свадебной церемонии в азербайджанском фольклоре подготовительные этапы в очередной раз доказывают, что наш народ старался укрепить фундамент только заложенной семьи. При этом у национальных обычаев и традиций народа есть такая обязанность смотреть на только созданную семью как на священное явление, почетная обязанность по сохранению его чистоты» [9, 106].

Свадебные обычаи и традиции оккупированного Кельбаджарского региона постараемся охватить на основе материалов, собранных у жителей, поселившиеся в различных регионах Азербайджана. Правда, как говорят жители, хотя они оставили сердце на родной земле, их фольклор, культура, обычаи и традиции вместе с ними оказались вдали от родных мест. Статью мы написали на основе собранных у жителей села Зивел, Кештак, Ашагы Айрым, Милли, Сарыдаш, Демирчидам, Сейидлер, Камышлы, Яншаг, Наджафалы образцов в заложенных для вынужденных переселенцев в различных районах Азербайджана лагерях.

В Кельбаджаре свадебная традиция как в горных районах, осуществлялась преимущественно по совету родителей. Тех, кто встретившись, договорившись, влюбившись, женился, можно сказать, было очень мало. «Раньше был такой обычай. Девушка не видела парня, а парень девушку. Женились по совету родителей. Это означало признание родителей. Однако впоследствии это правило изменилось, родители указывали девушку своему сыну и говорили, иди и смотри, если понравится, пойдем засватаем ее тебе. Если увидевшись, они одобряли друг друга, то сватали, если нет, то брак расстраивался» (Алыева Ганира Мохсун кызы, село Демирджидам)

Первый этап кельбаджарских свадеб начинался следующим образом. Обычно после того, как парень, увидевшись и договорившись с девушкой, которую видел у родника, на каком-либо торжестве или же выбранную по совету семьи, выполнялся обычай «Смотрины девушки». «Смотринами девушки» называется мера перед сватовством, которую мать парня или его старшая сестра предпринимают в случае отсутствия достаточной информации о семье девушки после того, как парень выражает родителям желание жениться. В отдельных регионах нашей страны это мероприятие до сватовства называлось «смотринами девушки», «просмотром девушки» и т.д. [2, 132].

Отметим и то, что существовали некоторые обряды и верования, которые исполняли жители Кельбаджара после обычая «смотрины девушки». «Из дома девушки, которую облюбовали, никому не говоря, приносили камень либо ветку. Парень клал принесенный матерью камень на землю. Ветку же сажал в землю. Если нога у девушки была легкая, земля под камнем зеленела, и ветка пускала корни. Это указывало на то, что девушка принесет благосостояние. Полагая так, с удовольствием засылали сватов к девушке. Но если было наоборот, говоря, что девушка испытана, передумывали» (Алышанова Севил Ибрагим кызы, село Камышлы). Другая сказительница же говорила: «Мать парня наряжала половник, и, назвав ее именем примеченной девушки, держала в доме как куклу. Говорила, посмотрю, увеличится или уменьшится достаток нашего дома, случится хорошее или плохое, пока эта девушка у нас в доме. Если этот опыт был удачным, к девушке шли сваты, если нет - то не шли» (Исмаилова Садагат Годжа кызы, село Асрик).

Сватовство состояло из двух этапов. Первое сватовство называлось женским сватовством. При этом сватовстве, собравшись, из дома парня в дом девушки приходили родственницы парня. Были помеченные дни недели, в которые никто не шел на сватовство. К этим дням относились все дни, кроме понедельника и пятницы. Женщины, поговорив с матерью девушки и получив согласие, звали и девушку, спрашивали ее мнение. Кроме того, смотрели на девушку и выясняли наличие или отсутствие какого-либо недостатка. Потом договаривались о конкретном дне для большого сватовства. На большое сватовство шли избранные старейшины со стороны парня и девушки. На большое сватовство в дом девушки несли две хончи. В одном из них был шаль или платок красного цвета, и конфеты, сладости. В другую хончу клали золотое кольцо или же золотые часы тому, кто даст «добро» - согласие девушки (этим человеком был обычно её брат или же дядя с материнской стороны). Получив согласие девушки, назначали день для обручения.

Обручение происходило в доме невесты. Но все затраты нес жених. Девушке покупали обручальное кольцо, одежду, приносили хончи со сладостью. Для посещения парнем дома девушки после обручения существовал обычай, называемый «*ayaraqdı*» (первый приход парня в дом к девушке). Парня звали в гости. Таким образом, парень посещал дом девушки. На праздниках «праздничный подарок» обрученной девушки родня парня приносила на украшенных хончах. На хончу клали всякую сладость и одежду, исключая лук, чеснок, носков.

«Свадьба жениха проходила с большим размахом и помпой. Собиралась вся родня, каждый помогал в меру сил. Для свадьбы устраивались две палатки. Женщины сидели отдельно от мужчин, после застолья собирались в одну палатку для танцев. Основными ведущими были ашуги. Участвовали избранные ашуги села. Ашуги играли на сазе и пели. Танцевать, рассказывать дастаны-эпосы на свадьбах было в моде. Существовали специальные игровые песни, это такие мелодии как «Узундере», «Ренг», «Иннабы», «Терекеме», приносили хорошее настроение» (Джафаров Магеррам Ширин оглы, село Шаплар).

Были также присущие кельбаджарским свадьбам известный танец «Танец марала», «Килимарасы». Этот танец, называемый «Танец марала» представляет собой известный танец исполняемый в наряде марала - оленя. Рассказывают такое предание о танце, будто «олень является символом неудовлетворенной любви. Жило-было двое влюбленных, парень был пастухом. Однажды он находит детеныша марала-оленя и дарит его любимой девушке. Девушка вырастила марала и научила его танцевать. Идя на свадьбы, брала его с собой и позволяла ему танцевать. Отец выдает девушку за другого парня. В день свадьбы девушка умирает в красном свадебном платье. Парень, услышав об этом, совершает самоубийство. Спустя какое-то время умирает и марал. И люди, для того, чтобы жила эта неудовлетворенная любовь влюбленных, создали «Танец марала»» (Аббасова Гюнеш Шамшир кызы, село Наджафалы). Обращает на себя внимание связь с маралом. Весьма интересно и посещение могилы мертвого охотника оленями в танце марала. Марал у всех тюрков является тотемом с одинаковым символическим смыслом. Имеющий золотистые рога, пролетевший по полям всей Сибири и Евразии с Востока до Запада марал считался символом священного Солнца. Марал был символом возвышения и знаком большой силы. Его периодически обновляющиеся древоподобные рога считались символом омоложения, постоянного освежения и обновления хода времени. Марал также был символом и света, доброты, правдивости. Древние тюрки, для сосредоточения у себя вышеупомянутых качеств, вылитый из бронзы тотем марала носили с собой. И в азербайджанском фольклоре были связанные с маралом интересные легенды и предания.

Поскольку Кельбаджар состоял из горных местностей, горных плато, равнин, а также знаменитых «карабахских скакунов» было очень много. «На свадьбах играли в интересные игры. Собиралось население села, молодежь организовывала скачки. Выходящие на скачки кони особо наряжались. Отправляющиеся из дома девушки в путь молодые люди соревновались до дома парня. Победителю в доме парня вручали награду» (Байрамова Инсаф Гусейн кызы, село Гылычлы).

Как известно, «скачки» не является развлечением, ограниченным только соревнованием, просто наездничеством, в нем есть и следы почитания, веры, волшебства и колдовства. Даже ворожба под названием «Чыдыр фалы» проводится в дни последней в году среды и праздника Новруза. С этой целью молодые люди выходили на скачки, проводили конные соревнования. Кто-то, приметив одного из коней на скачке, загадывал желание. Если в соревновании побеждал этот конь, и загадавший на неё верил в достижении своих целей. Народная игра «скачки» более всего известна нам по частям «Книги отца моего Коркута», поэме Н.Гянджеви «Хосров и Ширин», эпосу «Гачаг Керем» и другим образцам нашей классической литературы.

Переезд невесты представляет собой самую интересную сцену свадебного обряда. «Невесту обычно увозили на коне с завязанными глазами. Голову накрывали красным платком. Повод коня держал брат жениха, или же самый близкий его человек. Было такое убеждение, будто если завистливые люди бросили бы через стремяна этого коня камешек, девушка осталось бы бесплодной. А по другому верованию, если вслед за невестой бросали тухлое яйцо, девушка не была бы счастливой» (Наджафов Насир Джамиль оглу, село Дерегышлаг)

Отметим и то, что в Кельбаджаре в определенные периоды был обычай под названием запись приданого. «Как известно, обычай приданного тоже очень древний, к тому же в старину это был обычай, призванный продемонстрировать исключительно способности в рукоделии, мастерство, аккуратность, искусность девушки. Близкие девушки показывали людям жениха сшитые, связанные, нарисованные, наряженные годами вещи, и во время свадьбы в качестве приданого отдавали только их. Впоследствии, это приняло вид помощи родителей только созданной семье» [8, 102]. Обычно на наших древних и современных свадьбах родители, выдающие дочь, давали девушке приданое. Количество этого приданого зависело от материального положения семьи. Слово «приданое» (на азербайджанском языке звучит как «джехиз» - прим пер.) происходит от слова прибор (на азербайджанском языке звучит как «джихаз» - прим пер.). Представляет собой совокупность считающихся самыми необходимыми для повседневной жизни, дома вещей, которые родители давали выдаваемой замуж девушке. «Приданое после девичьей свадьбы увозилось в дом жениха. На машине с занесенным в доме невесты в список приданым в дом жениха ехал брат девушки. Дойдя до дома жениха, брал из дома жениха подарок. Для размещения приданого в доме жениха ехал кто-то из теток, сестер» (Наджафов Насир Джамиль оглу, село Дерегышлаг). Этот обычай, исполняемый с древних пор, оставался в силе до определенного времени нашего периода. Даже сейчас в некоторых южных районах исполняется этот обычай, список приданого. В списке приданого записывается количество приданного и определенная стоимость.

Когда невеста покидала отчий дом, родня и соседи собирались вокруг неё и благословив, исполняли обряд «*bəxtin açılması*» - открытие судьбы. Этот обряд нашел свое отражение в кельбаджарских свадебных церемониях. «Невеста проводила по голове незамужних девушек правой рукой, надкусывая конфету, отдавала им. Смысл этого заключался в том, чтоб эти сладкие дни были и у тебя» (Байрамова Инсаф Гусейн кызы, село Гылычлы). А другая сказительница говорила, что «Невеста брала в руки горсть риса. Выходя из дома, упоминая имена

незамужних девушек, по одному выбрасывала рис позади себя. Это означало, что и они последовали бы за мной, то есть вышли замуж» (Исмаилова Садагат Годжа кызы, село Асрик). В противовес этому, другая пожилая сказительница говорит, что «Сыпать рис на голову является грехом. Говорят, что однажды из рук матери Фатимы на землю упало рисовое зернышко. Сколько бы она его не искала, не смогла найти. Потом разлила воду дома, чтобы рис вышел на поверхность воды, может тогда она его найдет. Сказав так, нашла рисовое зернышко. Рис священен. Нельзя на него наступать» (Алыева Ганира Мохсун кызы, село Демирчидам)

Одной из основных черт, выделяющих кельбаджарские свадьбы, было заметное присутствие на ней (как в Баку и Ширване) мугама, ашуга. Гости свадьбы больше танцев, веселья любили слушать мугам.

Кража предмета из дома невесты также относится к распространенным в Кельбаджарском регионе обычаям. Как только свадебный отряд направляется в сторону дома жениха, выкраденные из дома девушки вещи показываются окружающим. Другие названия этого самобытного обычая «*şeyoğurluğu*» (кража чего-либо), «*xəspuşluq*» (воровство), «*xəkrizdəmə*» (Агдам, Физули, Шуша, Тертер), «*çipitma*» (Лачин, Джебраил), «*xırsızlıq*», «*sirqət*».

Еще один из обрядов покидания невестой отчего дома описывают следующим образом. «Невеста прощается с родителями, родственниками, людьми, которых любит. К невесте с опущенной вуалью подходил брат жениха и исполнял обряд «подвязывание талии невесты».

Пояс осмысливался как *qurşaq*. Свадьба в доме невесты – девичья свадьба представляет собой древний обряд, выполняемый у невесты. После того, как в комнате на девушку накидывается вуаль, из пришедших людей жениха родной младший брат жениха, если его нет, то шафер (*sağdış*) или кто-то из мальчиков-подростков входил в комнату, старался завязать красную шаль (в других местах пояс, платок, красную ленту), что держал в руке. Согласно старинным обычаям и традициям предков, завязывая, он громко произносит «*anam-bacım (yaхуд qızım-qızım) qız gəlin, əl-ayağı düz gəlin (qaş gözünü düz istəram), yeddi oğul (başqa yerdə “on iki” oğul) istəram, bircə dənə qız gəlin*» или «*пусть здоровствует наша невестка, да родит мальчика, а последышем будет девочка*». А порой эти слова вместо него говорила енге - уенгə (брата жена) жениха. Брат жениха повторял этот обряд 3 раза. Подвязывание пояса девушки «семейной повязкой» будучи олицетворением неприкосновенности, в переносном смысле преследует цель привязать женщину к одному мужчине на всю жизнь. А снятие и надевание папахи обеспечивает постоянное послушание жены мужу.

Выводы и перспективы. Еще одним обычаем, выполняемым нашим народом, было прохождение отца невесты вокруг очага. Три раза обернувшись вокруг очага (то есть лампы) прощался с дочерью и благословлял её. Обычай хождения вокруг очага было обрядом, связанным с древними верованиями.

Обрядовый фольклор считается неотъемлемой частью культуры каждого народа. Обрядовые обычаи всех народов мира формировались веками и превратились в представителя этого народа. И поэтому у изучения свадебных обычаев и традиций

есть важное научное значение. Донесение их до следующих поколений стало одним из важнейших вопросов.

Литература

1. Абдуллаев Б. Азербайджанский обрядовый фольклор. – Баку: Предопределение, 2005. – 207 с. (на азерб. языке)
2. Асланов Э. Азербайджанская свадьба. – Баку: Издательство Туту, 2003. – 239 с. (на азерб. языке)
3. Азербайджанский фольклор. – Баку: Издательство «Восток-Запад», 2005. – 360 с. (на азерб. языке)
4. Эфендиев П. Азербайджанская устная народная литература. – Баку: Издательство «Просвещение», 1981. – 400 с. (на азерб. языке)
5. Карабах: фольклор тоже история, I книга (собранные в Агдамском, Физулинском, Агджабединском, Джебраильском, Зангеланском, Кубатлинском, Лачинском и Кельбаджарском районах фольклорные образцы). – Баку: «Наука и образование», 2012. – 464 с. (на азерб. языке)
6. Карабах: фольклор тоже история, III книга (собранные в Агдамском, Физулинском, Джебраильском, Тертерском, Кубатлинском, Зангеланском, Кельбаджарском, Лачинском и Шушинском районах фольклорные образцы). – Баку: Издательство «Наука и образование», 2012. – 468 с. (на азерб. языке)
7. Сулейманова Л. Шекинская фольклорная среда. – Баку : Институт фольклора, 2012. – 248 с. (на азерб. языке)
8. Тахмасиб М.Г. Избранные произведения. В 2-х томах, I том. – Баку: Издательство «Драгоман», 2010. – 488 с. (на азерб. языке)
9. Велиев В. Азербайджанский фольклор. – Баку: Издательство «Просвещение», 1985. – 414 с. (на азерб. языке)
10. www.anl.az

Аббасова А. Азербайджанський обрядовий фольклор: весільні звичаї і традиції (на основі кельбаджарських зразків) / А. Аббасова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 397–403.

Автор статті досліджує особливості весільних звичаїв і традицій на основі кельбаджарських зразків. У кожного регіону є відмінний від інших, самобутній обрядовий фольклор. Автор зазначає, що ряд звичаїв і традицій, притаманних азербайджанському народові був забутий і загублений, тому їх відновлення та збереження з подальшою передачею наступним поколінням є першочерговим завданням дослідника. У науковій статті досліджено і записано весільний обряд Кельбаджарського району, визначено найбільш характерні риси даного обряду, а також наведено порівняння з цим же обрядом, але в інших районах.

Ключові слова: обряд, весілля, фольклор, народ, Кельбаджар

Abbasova A. Azerbaijani ceremonial folklore: wedding customs and traditions (based on kelbadjar samples) / A. Abbasova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 397–403.

The author explores the features of wedding customs and traditions based on kelbadjar samples. Each region has distinctive ceremonial folklore which is different from each other. The author notes that a number of customs and traditions inherent in the people of Azerbaijan have been forgotten and lost, so their restoration and preservation with subsequent transfer to the next generation is a priority for researchers. In the scientific article written wedding ceremony of Kelbadjar region, the most typical features of this ritual are researched and compared with the same ritual, but in other areas.

Wedding customs and traditions of the occupied Kelbajar region are described basing on materials collected from residents who have settled in different regions of Azerbaijan. Article is based on collected materials and memories from Zivel, Keshtak, Ashagy, Ayrim, Millie, Sarydash, Demirchidam, Seyidler, Qamishli, Yanshag, Nadzhafaly villagers.

Wedding tradition in Kelbajar, as in the mountainous areas, is carried out mainly on the advice of their parents. There were very little persons who met, contracted, felled in love and got married. “Earlier such a custom existed. The girl did not see the youngster, and he hasn’t seen the girl. They got married on the advice

of their parents. This meant the recognition by their parents. Subsequently, however, this rule has changed, the parents pointed on the girl to their son, saying to see if he likes her and suggesting marriage proposal. When they have seen and welcomed each other the marriage proposal was performed, in other case marriage was upset” (Alyeva Ganira Mohsen kizi, Demirdzhidam village).

The author notes that one of the main features that distinguish Kalbadjar wedding was the presence (both in Baku and Shirvan) of mugham and ashug (folk singer in Azerbaijan) on the wedding.

Ceremonial folklore is considered as the integral part of the every nation culture. Ritual practices of all folks of the world formed over centuries and became a representative of the people. Bringing them to the next generation is the main task of cultural studies researchers.

Keywords: ceremony, wedding, folklore, people, Kelbajar.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 811.512.162

СОВРЕМЕННОКИ МУХАММЕДА ТАГИ СИДГИ

Алиева Н.

*Нахичеванский государственный университет
E-mail: nur.aliyeva77@mail.ru*

Статья посвящена описанию жизни и творчества современников Мухаммеда Таги Сидги. Автор акцентирует внимание читателей на том факте, что Нахчыванская Автономная Республика (неотъемлемая часть Азербайджанской Республики) является одним из древнейших очагов мировой цивилизации. Поэт, публицист, педагог М.Т.Сидги (1854-1903) был инициатором многих культурно-просветительских начинаний. Мухаммед Таги Сафаров (Сидги) является одним из ярких представителей нахчыванской литературной среды конца XIX века, оставившего значительный след в азербайджанской литературе и народном просвещении.

Ключевые слова: история, культура, М.Т.Сидги, Нахчыванская Автономная Республика

Постановка проблемы. Нахчыванская Автономная Республика неотъемлемая часть Азербайджанской Республики является одним из древнейших очагов мировой цивилизации. Благоприятный климат и удобное географическое положение, наличие природных богатств явились причинами обитания человека с самых древних времен на этой территории.

Находясь на пересечении Европы и Азии, Нахчыван на протяжении всей своей богатой истории дарил великих деятелей науки, литературы, искусства, творчество которых внесло большой вклад в развитие мировой цивилизации. Нахчыван является родиной легендарного пророка Нуха (Ноя), великого зодчего Аджеми Абубекир оглы Нахчывани, великого астронома Востока Насреддина Туси, основателя хурруфизма Фейзуллулаха Наими, известного поэта и драматурга Гусейна Джавида, основателя азербайджанского исторического романа Мамеда Саида Ордубади, основоположника критического реализма в азербайджанской литературе, редактора популярного журнала «Молла Насреддин» Джалила Мамедкулузаде и, наконец, общенационального лидера азербайджанского народа Гейдара Алиева, чья деятельность на посту Председателя Али Меджлиса Нахчыванской АР в 1990-1993 гг. является одной из ярких страниц в новой истории Нахчывана. До Октябрьской революции в Нахчыване действовали общества музыкантов, ученых (Меджлис-ул-улема), поэтические школы (Меджлис-уш-шуара), вокруг которых объединялись талантливые люди не только из Нахчывана, но и соседних Ирана и Турции. Руководителем Ордубадской поэтической школы Анджумани-шуара был Мухаммед Таги Сафаров (Сидги). Поэт, публицист, педагог М.Т.Сидги (1854-1903) был инициатором многих культурно-просветительских начинаний. Здесь можно назвать и открытую им в Ордубаде школу нового типа «Ахтар» («Звезда»), и основанную в Нахчыване светскую школу «Тербие» («Воспитание»). М.Т.Сидги выступал неутомимым пропагандистом русского языка и русской демократической культуры. В 1899 г. по его инициативе в Нахчыване было отмечено 100-летие со дня рождения великого русского поэта А.С.Пушкина. На юбилейных торжествах М.Т.Сидги выступил с докладом о жизни и творчестве великого поэта, который имел большой общественный резонанс

и был, пожалуй, первым монографическим трудом о великом русском поэте на азербайджанском языке. Мухаммед Таги Сафаров (Сидги) является одним из ярких представителей нахчыванской литературной среды конца XIX века, оставившего значительный след в азербайджанской литературе и народном просвещении. Изящные, выразительные стихотворения М.Т.Сидги, написанные с большим патриотическим пафосом, звучали весьма злободневно и современно на фоне консерватизма, религиозного фанатизма, враждебности ко всему новому. В 90-е годы XIX столетия в Нахчыване успешно действовала группа передовых, демократически настроенных интеллигентов: учителей, врачей, юристов, поставивших перед собой просветительские цели. Просветительство в Азербайджане было связано с русской, европейской культурой, т.к. многие интеллигенты получали образование в России, Европе.

Творчество М.Т.Сидги невозможно понять и достойным образом оценить в отрыве от нахчыванской среды того времени, вне связи со временем. Написанные на азербайджанском (на арабской графике) и фарсидском языках стихотворения и собранные автором в сборниках под названием «Месневийяти – меденийе» («Стихи о культуре») и «Мензуме» («Стихи») воспевают идеи пробуждения, патриотизма и демократического просветительства. Что же представляет собой общество, которому принадлежал и и служил М.Т.Сидги, окружающая его среда, современники, какова была их сила влияния? Без правильного и всестороннего выяснения этих вопросов нельзя представить себе облик М.Т.Сидги и его место в азербайджанской литературе и педагогике.

Самыми близкими друзьями и сподвижниками М.Т.Сидги были следующие личности. Поэт Гаджи-ага Фагир Ордубади (1836-1885) был близким другом М.Т.Сидги. При написании дивана (сборник поэтических сочинений) «Гюльшани-ирфан» («Цветник знатоков») поэт ослеп и рукопись была переписана собственной рукой М.Т.Сидги [1, 10].

Одним из передовых людей того времени был Асад-ага Кенгерли юрист по образованию, хорошо владеющий персидским языком, написавший ряд общественно-философских сочинений. Опубликованная им в газете «Хайят» («Жизнь») статья об азербайджанском языке вызвала сенсацию и была раскритикована проповедником пантюристских идей, основоположником литературной школы «Фюйузат» («Благо»), автором современного трехцветного флага Азербайджана Али-беком Гусейнзаде, 150-летний юбилей которого по распоряжению Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева будет отмечаться в феврале этого года. Асад-ага Кенгерли опубликовал статью об М.Т.Сидги в редактируемой М.А.Шахтахтинским газете «Шаркы-Рус» («Русский Восток») [2, 144]. Другим современником, оказавшим влияние на М.Т.Сидги, был театральный деятель, пишущий стихи под псевдонимом «Маддах» («Хвалебщик») Насруллах Шейхов (1863-1921). Впоследствии принимал активное участие в Иранской революции 1905-1907 гг., за что был назван Джамшидом (по имени фанатичного иранского шаха). Одним из близких друзей М.Т.Сидги был Джумшуд-бек (Паша-ага) Султанов (1845-1902), окончивший Киевский университет по специальности «юриспруденция», владел русским, фарсидским, немецким, французским языками. По одной из версий, являлся прототипом Искандера в трагикомедии Дж.Мамедкулузаде «Мертвецы». Вместе с М.Т.Сидги составил азер-

байджанско-русско-фарсидско-арабский словарь, который не дошел до нашего времени. Об этом упоминается в «Энциклопедии Дж.Мамедкулузаде» [2, 270-271].

М.Т.Сидги поддерживал дружеские отношения и переписывался с редактором газеты тюркоязычного населения Российской империи «Тарджуман» («Переводчик»), издававшейся в Бахчисарае (Крым), известным публицистом и просветителем Исмаил-беком Гаспринским, которого М.Т.Сидги критиковал за восхваление пантюркистских идей.

В 80-е годы XIX столетия нарастающий кризис Российской империи ведет к пробуждению национального самосознания у подвластных империи народов. Причиной этому являлась порочная колониальная политика царского правительства, которое проводило в Азербайджане политику угнетения народа, попирало его национальную культуру. Так, делопроизводство в правительственных учреждениях, а также судопроизводство велось только на русском языке, искоренялось преподавание на азербайджанском языке. В созданных царским правительством «русско-татарских школах» азербайджанский язык именовался «туземным языком», ему отводилось незначительное количество часов, к преподаванию его относились с пренебрежением и азербайджанскому языку, обычно, обучали «по совместительству» муллы, преподающие священное писание Коран. В созданной М.Т.Сидги в городе Нахчыване светской школе «Тербие» (1894) изучению азербайджанского языка уделялось большое внимание, он являлся одним из основных предметов. Ученикам прививалась любовь к родному языку, его богатству. Хотя М.Т.Сидги отлично владел арабским и фарсидским языками, он решительно выступал за чистоту азербайджанского языка, за освобождение его от чужеродных арабских, фарсидских наслоений. М.Т.Сидги ратовал за то, чтобы азербайджанский язык занял подобающее ему место во всех отраслях общественной жизни Азербайджана. В 1882 году в Нахчыване в захолустном городе на границе Российской империи с Ираном и Турцией создается «общество интеллигентов», ставившее целью пробуждение национального самосознания азербайджанского народа. Одним из активных членов «общества интеллигентов» был Гаджи Гусейн Нахчывани (1848-1934) – ученый-книголюб, общественный деятель. Занимался торговлей и, путешествуя по странам Европы, Азии, Африки, привозил на родину редкие рукописи и книги. В его коллекции было около четырех тысяч раритетных книг на азербайджанском, арабском, фарсидском языках. Впоследствии его младший брат подарил эту библиотеку Табризской национальной библиотеке. Гаджи Гусейн Нахчывани в 1909 г. издал книгу «Чехел мегале» («Сорок статей»), посвященную истории города Табриза, творчеству преданных забвению поэтов, а также редким рукописям [3, 176].

Гаджи Мухаммед Нахчывани (1881-1963) младший брат Гаджи Гусейна Нахчывани, ученый-книголюб, общественный деятель. В 1956 г. При создании Табризской национальной библиотеки подарил ей свою библиотеку, состоящую из редких книг. Бойук-хан Нахчывани (1871-?) был актером и режиссером Нахчыванского театра, являлся создателем Табризского театра. Во время пребывания Дж.Мамедкулузаде в Табризе участвовал в издании журнала «Молла Насреддин» [3, 176].

Одним из сподвижников Дж.Мамедкулузаде был Эйналы-бек Султанов (1866-1935). Э.Султанов окончил Нахчыванское уездное училище и Иреванскую (Ереванскую) мужскую гимназию (1880-1886). В 1892 г. Э.Султанов вместе с А.Кенгерли создали в Нахчыване тайную типографию с целью «протянуть руку помощи родному народу, вывести его к свету и свободе» [4, 29-33]. В 1908 г. Э.Султанов переезжает в Тифлис, здесь он сотрудничает с редакциями выходящих на русском языке газет «Новое образование», «Кавказ», «Закавказская речь», «Каспий» под псевдонимами «Эйналы», «Айин-Син» («Э.С.»), «Известный», «Жало», «Сумасшедший», «Неизвестный». В своих публицистических статьях Э.Султанов выступал с критикой отсталости и невежества, феодальных устоев жизни, призывал к просвещению и прогрессу [3, 278]. Большое влияние оказал на М.Т.Сидги Мухаммед-ага Шахтахтинский (1846-1931), известный азербайджанский публицист, просветитель, востоковед.

Видный журналист, ученый и педагог М.Шахтахтинский оставил заметный след в истории азербайджанской культуры. Научно-публицистическая деятельность М.Шахтахтинского, принесшая ему широкую известность, отразилась на страницах русской, кавказской и зарубежной периодики [4, 59].

М.Шахтахтинский был первым азербайджанским редактором издаваемых в Баку русскоязычных газет «Каспий» (1891-1903) и «Шаркы-Рус» («Русский Восток») (1903-1907). В опубликованных статьях нашли отражение самые различные стороны деятельности М.Шахтахтинского – просветителя, филолога, историка. М.Шахтахтинский выступал против официозных кругов, называвших азербайджанцев «закавказскими магометанами», «татарами», и искусственного смешения азербайджанского языка с татарским и фарсидским языками. В публицистике М.Шахтахтинского значительное место занимает вопрос раскрепощения женщин Востока. Он подвергает критике отсталость, бескультурье, предрассудки, дедовские порядки, основанные на деньгах. Иранский ученый Сеид Гасан Тагизаде назвал М.Шахтахтинского «выдающимся политическим деятелем Востока». В октябрьском номере за 1903 г. журнала, издаваемого в Париже «Журнал Азиятик», французский ученый Люсьен Бюва писал, что М.Шахтахтинский, как никто другой, дал ясное и точное понятие об азербайджанском языке и культуре азербайджанского народа [5, 65].

Выдающийся писатель-демократ Джалил Мамедкулузаде (1869-1932), издатель известного сатирического журнала «Молла Насреддин» (1906-1931), ценя М.Шахтахтинского как яркого публициста, критиковал его за либеризм и поддержку великодержавной русификаторской политики царизма. Современником М.Т.Сидги и одним из создателей Нахчыванского театра был окончивший Горькую учительскую семинарию учитель русского языка, а в дальнейшем инспектор школ Мирза Алекбер Сулейманов (1862-1921), принимавший активное участие в любительских спектаклях, происходящих в частных домах города Нахчывана. Современником М.Т.Сидги был близкий друг Дж.Мамедкулузаде Гурбанали Шарифзаде (1854-1917) отец профессора Московского государственного университета Азиза Шарифа, он являлся также активным участником созданного во второй половине XIX в. в Нахчыване кружка интеллигентов «Формация». Здесь молодые люди обсуждали, спорили, делились новыми знаниями, приобщались к последним европейским достижениям. Кружок во многом способствовал созданию нахчыванской интеллектуальной среды,

формированию азербайджанской интеллигенции [6, 81-82]. Во второй половине XIX и начале XX века происходят крупные сдвиги в экономическом развитии Азербайджана, в частности, зарождается и быстро растет Бакинская нефтяная промышленность. Не случайно, что в этот период в культурной жизни азербайджанского народа имели место такие важные события, значение которых трудно переоценить. Происходит оформление нового направления демократического реализма в литературе, усиливается распространение демократических идей и просветительства, идет борьба за чистоту азербайджанского языка. Веками созданная самобытная культура азербайджанского народа находит свое дальнейшее развитие. Этому развитию содействовала передовая азербайджанская интеллигенция. Сторонники критического реализма в азербайджанской литературе своей критикой порочного общества подтачивали и расшатывали устои антинародного царского строя. Часто в их произведениях не было положительного героя, но это не умаляло значения их произведений. Аналогичные упреки пришлось услышать В.Маяковскому, когда его упрекали в том, что в «Клопе» нет положительных типов. Он отвечал, что в «Ревизоре» Гоголя тоже нет ни одного положительного типа. Комедия не «универсальный клей-порошок, клеит и Венеру и ночной горшок» [7, 509]. М.Т.Сидги и его современники, просветители Азербайджана второй половины XIX века, являвшиеся выразителями духовных стремлений азербайджанского народа, оказали благотворное влияние на развитие общественно-политической мысли Азербайджана.

Выводы и перспективы. Именно этот кристально чистый родник взрастил целую плеяду писателей, поэтов, ученых, государственных деятелей – гордость азербайджанского народа. Нам известны имена выпускников, в разные годы окончивших основанную М.Т.Сидги светскую школу «Тербие». Это основоположник азербайджанского исторического романа Мамед Саид Ордубади (1872-1950), писатель, публицист, сотрудник журнала «Молла Насреддин» Алигулу Гямкусар (1880-1919), выдающийся поэт и драматург Гусейн Джавид (1882-1941), профессор Московского государственного университета Азиз Шариф (1895-1988), известный актер, режиссер Рза Тахмасиб (1894-1980), педагог, журналист Рзагулу Наджафов (1885-1937), писатель журналист Али Сабри Гасымов (1892-1983), основоположник реалистической живописи Бехруз Кенгерли (1892-1922), первый посол Азербайджана в Турции Ибрагим Абилов (1882-1923), Мухаммедали Сидги Сафаров (1887-1956) и др., которые представляли собой цвет азербайджанской нации, были одними из прогрессивных представителей своего времени.

Литература

1. Ахундов Ю.И. Мамед Саид Ордубади. – Баку: Сабах, 1977.- С. 10.
2. Энциклопедия Джагила Мамедкулузаде. – Баку: Шарг-Гарб, 2008
3. Энциклопедия Нахчывана.- в 2-х томах, 2005.- 2 т.- 176с.
4. Джагил Мамедкулузаде / «Нахчыван» (общественно-политический, литературно-художественный, научно-публицистический журнал). Нахчыван: Аджери, 2004.-№ 12.- С. 29-33
5. Мамедов И. Алигулу Гямкусар. Нахчыванские современники Джагила Мамедкулузаде. – Баку: Азернешр, 1967.- С. 43-55
6. Мамедов С.С. Первые женские школы в Азербайджане // Азербайджан мектеби. – Баку, 1988.- № 8.- С. 65
7. Заманов А. Гурбанали Шарифзаде. Нахчыванские современники Джагила Мамедкулузаде. – Баку: Азернешр, 1967.- С. 81-82

8. Маяковский В.В. Полн.собр.соч. в 13-ти т. М.: 1959, т. 12, 509

Алієва Н. Сучасники Мухаммеда Таги Сідгі / Н. Алієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 404–409.

Стаття присвячена опису життя і творчості сучасників Мухаммеда Таги Сідгі. Автор акцентує увагу читачів на тому факті, що Нахчіванська Автономна Республіка (невід'ємна частина Азербайджанської Республіки) є одним з найдавніших осередків світової цивілізації. Поет, публіцист, педагог М.Т.Сідгі (1854-1903) був ініціатором багатьох культурно-просвітницьких починань. Мухаммед Таги Сафаров (Сідгі) є одним з яскравих представників Нахчіванського літературного середовища кінця XIX століття, який залишив значний слід в азербайджанській літературі і народній освіті.

Ключові слова: історія, культура, М.Т.Сідгі, Нахчіванської Автономна Республіка

Alieva N. Muhammad Taga Sidgi's contemporaries / N. Alieva // Scientific Notes of Taurida V. I. Ver-nadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 404–409.

The article describes the life and work of Muhammad Taga Sidgi contemporaries. The author focuses the reader's attention on the fact that the Nakhichevan Autonomous Republic (an integral part of Azerbaijanjan Republic) is one of the oldest centers of world civilization. Suitable climate and convenient geographical location, natural resources availability were the causes of human inhabitation since ancient times on this site. Being at the crossroads of Europe and Asia, Nakhichevan throughout its rich history gave the great figures of science, literature, art, whose works made contribution to the development of world civilization. Nakhichevan is the birthplace of the legendary Prophet Nuh (Noah), the great architect Ajami Abubekir oglu of Nakhichevan, the great astronomer East Nasreddin Tusi, Feyzulullaha Naimi, founder of hurrufizm, the famous poet and playwright Huseyn Javid, founder of Azerbaijani historical novel Mamed Said Ordubadi, founder of critical realism in Azerbaijani literature, editor of the popular magazine "Molla Nasreddin" Jalil Mam-madguluzadeh and, finally, the national leader of Azerbaijan Heydar Aliyev, whose activity as Chairman of the Supreme Majlis of Nakhichevan Autonomous Republic in 1990-1993 is one of the brightest pages in the new history of Nakhichevan. Until October revolution in Nakhichevan acted society musicians, scientists (Ma-jlis-ul-ulema), poetic schools (Majlis-ush- shuara), which were united around talented people, not only from Nakhichevan, but also from neighboring Iran and Turkey. The head of Andzhumani - Shuar Ordubad poetic school was Mohammad Tags Safarov (Sidgi). Poet, essayist, teacher M.T. Sidgi (1854-1903) was the initiator of many cultural and educational undertakings. We can also say about new type of school "Akhtar" ("Star"), opened by him in Ordubad and "Terbie" ("Education") secular school based in Nakhichevan. M.T. Sidgi played as the tireless advocate for the Russian language and culture of democracy In 1899, on his initiative in Nakhichevan the 100th anniversary of the birth of the great Russian poet Alexander Pushkin was celebrated. Mohammed Tagi Safarov (Sidgi) is one of the brightest representatives of Nakhichevan literary environment of the end of the XIX century, he left a significant mark in Azerbaijani literature and public education. Ele-gant, expressive M.T. Sidgi's poems are written with great patriotic fervor, sounded very topical and modernly against the conservatism background, religious bigotry and hostility to everything new.

Closest friends and associates of M.T. Sidgi were the following personalities: poet Haji Agha Fagir, Asad Agha Kengerli (a lawyer by profession), Jumshud Bek (Pasha-aga) Sultanov (lawyer).

Keywords: history, culture, M.T. Sidgi, the Nakhichevan Autonomous Republic.

Поступила в редакцію 03.03.2014 з.

УДК 811.512.145+398+ 341.43+070.41.

ОПЫТ ГАЗЕТЫ «ЯНЪЫ ДЮНЬЯ» ПО СБОРУ И СИТЕМАТИЗАЦИИ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ФОЛЬКЛОРА В УСЛОВИЯХ ДЕПОРТАЦИИ

Бекирова З. Б.

*Крымский инженерно-педагогический университет
E-mail: zerabekir@rambler.ru; zera.bekirova@gmail.com*

Крымские татары, на протяжении многих веков сформировавшиеся как народ в Крыму, одновременно создавали и свой фольклор. Интерес к фольклору коренного народа Крымского полуострова стал проявляться в конце XVIII и начале XIX века, когда посещавшие Крым этнографы и исследователи записывали тексты устного народного творчества крымских татар. В начале XX века уже сами крымскотатарские учёные развернули деятельность по сбору и систематизации фольклора. Были организованы первые этнографические экспедиции по всем регионам Крыма. Результаты экспедиций были опубликованы на страницах газеты «Енъи дунья». После 18 мая 1944 года, когда носители фольклора были поголовно выселены из Крыма, работа в этой области была прекращена. Затем уже в условиях депортации сбором, систематизацией и публикацией фольклора занималась общенациональная газета крымских татар «Янъы дунья» (с 1957 по 1991 гг. – издавалась под названием «Ленин байрагы»)..

Ключевые слова: крымскотатарский фольклор, депортация, национальная газета

Постановка проблемы. Анализ литературы по сбору, публикации и исследованию устного народного творчества крымских татар показал, что фольклор крымских татар стал предметом пристального внимания различных исследователей в конце XVIII начале XVIII вв. Народ из поколения в поколение передавал легенды, сказки, эпосы и былины, кедайлар (сказители) были самыми почитаемыми в обществе людьми. Но исполняемые ими тексты никем из крымских татар не были записаны. И поэтому первым собирателем крымскотатарского фольклора по праву считается В. Х. Кондараки, прекрасно владевший крымскотатарским языком, и гордившийся сим знанием. В своём труде «Универсальное описание Крыма» он приводит тексты из сказок и легенд [15]. И хотя Х. Кондараки записывал оригиналы фольклорных текстов, опубликовал он их в переводе на русский язык. Затем в 1883 году он издаёт отдельной книгой «Легенды Крыма» [14].

Бурный интерес к крымскотатарскому фольклору, особенно к сказкам и легендам наблюдается в начале XX века. Так генерал, профессор, историк, археолог, палеограф Н.Маркс входит в контакт с местными жителями и записывает фольклорные тексты. В 1913, 1914 и 1917 гг. увидели свет три сборника «Легенды Крыма», куда вошли 36 легенд с комментариями составителя [19] В 1915 году в 52-ом номере Известий Таврической Ученой Архивной Комиссии были опубликованы «Пословицы, поговорки и приметы Крымскихъ татаръ, собранныя г.г. А.А.Боданинскимъ, мартино и О.Мурасовымъ. Под ред. А.Н.Самойловича и П.А. Фалева [21].

А в 1925 году в Париже издаётся книга ещё одного собирателя крымских легенд С.С. Крыма «Крымские легенды». Через год здесь же в Париже княжна Марина Романова издаёт тиражом всего 126 экземпляров с собственными иллюстрациями легенду о дочери хана Тохтамышша Ненкеджан «Татарская крымская легенда» [28]. В 1930 году увидел свет сборник известного исследователя фольклора А. Кончевского

«Сказки, легенды и предания Крыма», который, как считают, был издан прежде всего с целью привлечения туристов в Крым [16].

Впервые попытку научного собирания и издания легенд и сказок крымских татар предпринимают сотрудники Алушкинского музея под руководством его директора Я.П.Бирзгала в 1934 году. В течение года научная экспедиция записала свыше ста текстов, но в сборник вошли не все. В сборнике даны краткие сведения о сказителях, с чьих уст были записаны эти сказки и легенды. В 1936 году издан составленный профессором Н.Л. Эрнстом, сборник «Сказки и легенды татар Крыма», в который вошли 23 сказки и три легенды [23]. В 1941 году вышла книга М. О Кустовой «О сказках крымских татар, о рассказчиках и рассказчицах./Сказки крымских татар. В передаче М.Кустовой» [18].

Все вышеперечисленные сборники объединяет то обстоятельство, что авторы, несмотря на то, что записывали тексты на крымскотатарском языке, издали их в переводе на русский язык. При этом существенно терялись самобытность, красочность языка. Об этом справедливо написал С. Д. Коцюбинский «Крымский фольклор возник на страницах печати, препарированный и обинтеллигеченный до неузнаваемости» [17].

Впервые фольклорные тексты на языке оригинала, то есть на крымскотатарском языке, опубликовал тюрколог В.В. Радлов. Посетив Крым в 1886 году с целью изучения местных диалектов, он по результатам исследований издаёт книгу «Образцы народной литературы северных тюркских племён» VII том. Народы крымского полуострова» [20]. Так была заложена традиция публикации произведений устного народного творчества на крымскотатарском языке.

После 1917 года первым директором Бахчисарайского музея-дворца Усеина Боданинского была организована этнографическая экспедиция по Крыму для сбора фольклора. Затем эту работу на научном уровне продолжают учёные Научно-исследовательского института крымскотатарского языка и литературы им. А. С. Пушкина Керим Джаманаклы и Амет Усеин. Об этом свидетельствуют публикации Керима Джаманаклы на страницах газеты «Ени дунья» и других печатных органов того периода - «Фольклорымыз»(Наш фольклор) [7], «Фольклорны огренемиз» (Изучаем фольклор) [8], «Къырымтатар фольклорыны топлама хакъкъында» (О собирании крымскотатарского фольклора) [9], «Тиль экспедициясы районларгъа чыкъув арфесинде. (Фольклор бригадасы К. Джаманакълы реислигинде чалышаджакълары акъкъында хабер)» (Языковая экспедиция накануне выезда в районы. Информация о работе фольклорной бригады под руководством К. Джаманаклы) [10], «Халкъ яратыджылыгыны огренюв мухим бир иш. (Фольклор экспедициясы мунасебетинен.)» (Изучение устного народного творчества – важное дело. (В связи с фольклорной экспедицией) [11].

Результаты фольклорных экспедиций нашли отражение в сборниках сказок, песен и легенд крымских татар, изданных до 1941 года. В годы Великой Отечественной войны, затем депортации крымских татар был вынужденный перерыв длиною в шестнадцать лет в собирании, изучении и публикации фольклора. С 1957 года эту работу возобновила единственная газета на крымских татар «Ленин байрагы». В научных работах последних двадцати лет таких, как труды И. Керимова [12], Н. Яб-

лоновской [24], Г. Юксель [25], Л. Селимовой [22] даётся общая характеристика газеты как таковой. Тогда как исследования зарубежных исследователей Н. Девлета [26], К. Чапраза [27] (Турция), Э. Боева [3, 4, 5] (Болгария) рассматривают историю именно газеты «Янъы дюнъя». В данной статье сделана попытка анализа работы редакции газеты по собиранию и публикации фольклорных текстов за пятнадцать лет издания то есть в период с 1957 по 1972 гг.

Коллектив редакции, состоявший в основном из писателей и поэтов, журналистов довоенных газет, чётко понимает значение фольклора для развития литературы и языка. Не имея возможности организации научных экспедиций с целью сбора фольклора, газета обращается к читателям с просьбой присылать в редакцию записанные со слов пожилых людей тексты. И вскоре уже в первых номерах газеты публикуются тексты сказок, легенд, пословиц и поговорок [Ленин байрагы, 1957. №18. – С.4].

При этом вначале совершенно отсутствует научный подход к публикации фольклорных произведений. Нет паспорта текста. Не сообщается, кем, от кого, где записано, кто подготовил к печати. Редакция ограничивается лишь тем, что указывает, кто обработал произведение [Ленин байрагы, 1958 №51.- С.4]. Также, нет системности в публикации фольклора. Сказки, пословицы и поговорки, песни и частушки, загадки размещаются без рубрик, между официальными отчётами и материалами.

К концу 1957 года на страницах газеты впервые появилась рубрика «Халкъ яратыджылыгы» (Народное творчество). В 1958 году эта рубрика появилась в газете всего два раза, во всех других случаях фольклорные произведения размещаются на цельных полосах «Эдебият саифеси» (Литературная страница)

В 1960 году редакция газеты более активизирует работу по сбору и публикации фольклора. Наблюдаются качественные изменения в подготовке текстов к печати. Только через десять лет после выхода в свет газеты, то есть в 1968 году редакция не ограничивается лишь публикацией произведений фольклора, но и делает попытку их научного анализа [Ленин байрагы, 1968.- №51- С.4]. В этом же году первый раз редакция готовит целевую полосу «Халкъ яратыджылыгы хазинесинден» (Из сокровищницы народного творчества). Во вступлении к полосе редакция даёт определение устного народного творчества, его важность для развития языка и литературы, его роль и место в культурном наследии. Редакция выражает благодарность активным читателям, приславшим фольклорные произведения, тем самым поощряя и вдохновляя их на дальнейшее сотрудничество [1]. С некоторыми из них редакция поддерживает тесную связь, корреспонденты газеты Р. Фазыл, А. Велиев, У. Эдемова выезжают к ним.

Также газета практикует выпуск целевых страниц, составленных из текстов, собранных или же сочинённых одним автором. Впервые полосу в №2 газеты от 1970 г «Халкъ яратыджылыгы хазинесинден» занимают песни, сказки, поговорки и частушки, собранные активным фольклористом – родившейся в 1909 году в селе Болек Аджи Евпаторийского уезда Аджи-Султан Мустафаевой [1].

На призыв газеты присылать фольклорные тексты читатель газеты из Москвы Абдулла Оразлы пишет статью о научной инициативе молодёжи по сбору фольклора. Результаты экспедиции по причине войны не были опубликованы.

Настоящим открытием для исследователей фольклора стала публикация вариантов народного эпоса об Эдиге батыре, присланные уроженцем Керченского полуострова, бывшим сельским учителем в довоенном Крыму Абдураман Бари, которые, по мнению экспертов из Института востоковедения Москвы, являются наиболее полными из всех ранее известных. А варианты народной песни «Акътабан» (Кличка лошади, буквально Белоножка) присланные Абдураманом Бари нигде прежде не встречались и не публиковались.

Если, начиная с 1957 года, в газете ограничивались лишь публикацией фольклорных текстов, то в номере от 26 августа 1971 г. печатается научная статья известного собирателя и исследователя фольклора Зия Аксакова «Агъыз ве язма эдебият-ымыздан базы нумюнелер» (Некоторые образцы из нашей устной и письменной литературы) о проблемах в области собирания и издания фольклорных сборников. [Ленин байрагъы, 1971.- №101 (1806).- С.3]. На протяжении долгих лет сотрудничества с газетой Зия Аксаков опубликовал множество сказок, частушек, поговорок и загадок. Так, текст крымского варианта общетюркского дестана «Арзынен Къамбер», записанный Зия Аксаковым доселе ни в одном из изданных ранее сборников не встречается (Ленин байрагъы, 1975.- №110 (2433)). Хотя сюжетная линия данного варианта схожа с вариантом «Арзы и Гамберъ», которую В. Кондараки отнёс к сказкам и опубликовал в сборнике «Крымско-татарские сказки».

Надо отметить, что годом ранее в газете был опубликован ещё один вариант этой легенды, записанный другим, не менее активным собирателем фольклора Умером Меджитовым, совершенно отличающийся уже от варианта Зия Аксакова (Ленин байрагъы, 1974.- №118 (2316)). Фольклорные тексты от Умера Меджитова размещены под рубрикой «Умер агъанынь дефтеринден» (из тетради Умер агъа), где редакция сообщает, что в тетради У. Меджитова есть записи более 60 сказок. Но публикует газета именно легенду «Арзы и Къамбер» с некоторыми сокращениями.

И это не все варианты легенды, в каждом регионе Крыма был свой вариант, отражающий присущие именно этой местности особенности диалекта, обычаев.

Легенда об Арзы и Камбере встречается также в азербайджанском фольклоре. В крымскотатарском варианте парень с девушкой выражают чувства не прямо, а через эпитеты, в стихотворной форме. Так молодёжь во время народных гуляний, праздников и свадеб устраивала традиционные соревнования в остро словии и умении немедленно сочинить ответ. Только посредством куплетов (бейитов) возможно было выяснить отношение к себе, ответ на чувства. Излюбленным занятием было загадывание и отгадывание загадок. Арзы и Камбер загадывают друг другу загадки в стихотворной форме, поют куплеты. Все эти песенные и стихотворные вставки придают дестану особую поэтику, музыкальность свойственную восточным сказкам и преданиям. При переводе, переложении на русский язык и ещё хуже, при обработке сказки, естественно, теряют красочность языка, метафор, сравнений.

Детальное изучение всех вариантов дестана, опубликованного в газете «Ленин байрагы», ждёт своих исследователей и, несомненно, явится ценным вкладом в крымскотатарское сказковедение.

В 1972 году на целевой странице с пометкой «Специально для детей» публикуется сказка «Хан ве йылан» (Хан и змея) (Ленин байрагы, 1972.- №7 (1864) - С.3).

В дальнейшем газета начнёт широко практиковать публикации текстов для читателей младшего возраста. Следует отметить и обширную географию авторов целевых страниц. Письма с текстами идут не только из различных уголков Узбекистана, но и со всего Союза. Одним из побуждающих читателя к собиранию, записыванию текстов методов работы газеты является публикация переписки редакции с авторами. Так, Зодие Алиева пишет, что ей интересна эта рубрика, и она будет и впредь записывать песни, сказки, поговорки от знатоков фольклора и присылать их в редакцию (Ленин байрагы, 1972.- №127(1984).- С.3).

Выводы и перспективы. Анализ деятельности редакции по сбору и публикации фольклорных текстов на страницах газет лишь за восемнадцать лет (с 1957 по 1975 гг), в частности выпуск целевых страниц, наметил новые перспективы для современных национальных газет в то время, когда достаточно большая часть носителей фольклора крымских татар находится за пределами Крыма. И пока существует угроза исчезновения фольклора, как материнского ядра нации, так и ее диаспоры, необходимо детально изучить методы работы редакции газеты по сохранению национального культурного наследия на научном уровне. Думается, что выводы исследования войдут в учебные пособия по фольклору, этнической журналистике Украины и Крыма.

Литература

1. Агъыз яратыджылыгы хазинесинден // Ленин байрагы, 1970. -№2 - С.3
2. Аксаков Зия. Агъыз ве язма эдебиятымыздан базы нумюнелер /Аксаков Зия //Ленин байрагы 1971.- №101. – С.3
3. Алтанълы А. Фольклор ве поэзиямызда солдатлык ве арбий хызметке халкъ бакъышы /Абдуреим Алтанълы //Ленин байрагы, 1968.-№32. – С.2-3.
4. Боев Э. Крымские татары и их язык/ Эмил Боев; [сост. Руска Симеонова, Андрей Данчев – Sprachkontakt, Transfer, Spracherverd. Wissenschaftliche Bertrage (1986 -1991). Sofia, 2000. Universitatsverlag. St. Kliment Ohridski. – С. 285
5. Боев Э. Крымские татары и их язык. / Эмил Боев; [сост. Руска Симеонова, Андрей Данчев – Sprachkontakt, Transfer, Spracherverd. Wissenschaftliche Bertrage (1986 -1991). Sofia, 2000. Universitatsverlag. St. Kliment Ohridski. – С. 247
6. Боев Э. Крымские татары и их язык. / Эмил Боев; [сост. Руска Симеонова, Андрей Данчев – Sprachkontakt, Transfer, Spracherverd. Wissenschaftliche Bertrage (1986 -1991). Sofia, 2000. Universitatsverlag. St. Kliment Ohridski. – С. 256-266
7. Джаманаклы Керим. Фольклорымыз // Енъи донъя, 1934. – сентябрь 18.
8. Джаманаклы Керим. 3-джи Бутюнкърым тиль ве имля конференциясындаки марузасы // Енъи донъя, 1934. – октябрь 22.
9. Джаманаклы К. Фольклорны огренемиз // Енъи донъя, 1934.- ноябрь 12.
10. Джаманаклы Керим. Къырымтатар фольклорыны топлама хакъкъында. // Эмель, 1935-№ 6, - С.31-36.
11. Джаманаклы Керим. Къырымтатар фольклорыны топлам хакъкъында. // Енъи донъя, 1935.- март 11

12. Керимов И.А. Матбуатымызынъ кыскыдан тарихы: Кырымтатар эдебияты. Кыуланма дерслик. /Исмаил Асан огълу Керим. – Акъмесджит: Кырымдевокъуwpеднешир, 1995. – 352 с.
13. Керимов И. Бизлер артыкъ кене эски «Янъы дюнъя»мыз/ Керим Исмаил Асан огълу// «Янъы дюнъя», 1991. - №1. -С.2
14. Кондараки В.Х. Крымско-татарския сказки. -М.,1883.-С. 1-3
15. Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. –С. –Пб.:Типография Велинга, 1875. - т У111. -127 с.
16. Кончевский А. Н. Сказки, легенды и предания Крыма. -М.Л.: Физкультура и спорт, 1930. – 91 с.
17. Коцюбинский С.Д О сказках крымских татар./ Сказки и легенды татар Крыма. Госиздат Крым. АССР, 1936 – М.: Новости, 1992 – С.11– 40
18. Кустова М. О сказках крымских татар, о рассказчиках и рассказчицах./Сказки крымских татар. В передаче М.Кустовой. – Симферополь, 1941– С.3-11.
19. Маркс Н. Легенды Крыма. Вып.1. – М. 1913 – 40с.; вып 2.М.–1915 – 48с; вып 3 – Одесса, 1912. – 40с.
20. Радлов В.В.Образцы народной литературы северных тюркских племён. Часть VII. Народы крымского полуострова.– Спб., 1896.- С.1–237
21. Самойлович А. «Пословицы, поговорки и приметы Крымскихъ татаръ, собранныя г.г. А.А.Боданинскимъ, мартиню и О.Мурасовымъ, Под ред. А.Н.Самойловича и П.А. Фалева. Известия ТУАК. Симферополь, 1915. – №52. – С.1-67.
22. Селимова Л. Кырымтатар миллий матбуаты тарихына бир назар/ Ленияра Селимова. – Акъмесджит, 2008. – 124 с.
23. Эрнст Н.Л. Сказки и легенды татар Крыма. Госиздат КрАССР, 1936 г.
24. Яблоновска Н.В. Етнічна преса Криму: Історія та сучасність / Н.В. Яблоновская– Сімферополь. Кримнавчпеддержидан, 2006. – 312 с.
25. Юксель Г.З. Периодизация крымскотатарской журналистики 1905-194гг / Гаяна Заировна Юксель // Культура народов Причерноморья, 2004. – №43 –С.249-253.
26. Devlet Nadir Lenin bayragi Gazetesinin 25 yili ve Kırım Türk Kültürünün Bugünkü Durumu // Emel, 1982.-sayı 135. -231 s.
27. Çapraz Kemal. Kırım Tatar Türklerinde Basın.(1881-1990) İstanbul, Üniversitesi Gazetecilik ve Halkla İlişkiler Bölümü. Yüksek Lisans Tezi, 1990. – 28 s.
28. Romanoff M/ Legende tartare de Crimée / par. Marina Romanoff. – Paris: Honore Champion, 1926 – Tatar qırım efsanesi. Татарская крымская легенда

Бекірова З. Б. Досвід газети «Янъы Дюнъя» по збору та сітематизації кримськотатарського фольклору в умовах депортації / З. Б. Бекірова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 410–416.

Кримські татари, що протягом багатьох століть сформувалися як народ у Криму, одночасно створювали і свій фольклор. Інтерес до фольклору корінного народу Кримського півострова став проявлятися в кінці ХУІІІ і на початку ХІХ століття, коли відвідували Крим етнографи і дослідники, записували тексти усної народної творчості кримських татар. На початку ХХ століття вже самі кримськотатарські вчені розгорнули діяльність зі збору та систематизації фольклору. Були проведені перші етнографічні експедиції по всіх регіонах Криму. Результати експедицій були опубліковані на сторінках газети «Енъи дунъя». Після 18 травня 1944 носії фольклору були поголовно виселені з Криму і робота в цій області була припинена. Потім уже в умовах депортації збором, систематизацією та публікацією фольклору займалася загальнонаціональна газета кримських татар «Янъы дюнъя» (з 1957 по 1991 рр. – видавалася під назвою «Ленин байрагы»).

Ключові слова: кримськотатарський фольклор, депортація, національна газета.

Zera B. B. «Yany Dyunya» Newspaper's Experience in the Collection and Systematization of the Crimean Tatar Folklore in Deportation / B. B. Zera // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 410–416.

The Crimean Tatars have being formed for centuries as a nation in Crimea, and at the same time they have been creating their folklore. The interest in the folklore of the indigenous people of the Crimean peninsula became apparent at the end of XVIII and the beginning of XIX century when visiting Crimea ethnographers and researchers recorded texts of folklore of the Crimean Tatars. In the early twentieth century, the Crimean Tatar scientists have themselves launched efforts to collect and organize folklore. The first ethnographic expeditions were organized in all regions of Crimea. The results of the expeditions were published in the newspaper "Yeni dünya". After May 18, 1944, when the records of folklore were completely deported from Crimea, the work in this area was discontinued. Then in terms of deportation the work on collecting, collating and publishing folklore was done by the national newspaper of the Crimean Tatars "Yañı dünya" (from 1957 to 1991 - Published under the title "Lenin bayrağı").

The editorial team consisted mainly of writers and poets, journalists of prewar newspapers, clearly understands the importance of folklore for the development of literature and language. But having no possibility of organizing scientific expeditions to collect folklore the newspaper refers readers to make records of the words of elderly and send them to the editor. And soon afterwards in the first issues of the newspaper they published the texts of fairy tales, legends, proverbs and sayings. Thus, in the beginning there was absolutely no scientific approach to the publication of folklore. There are no text passports. There are records neither about interviewer, interviewee, publishing editor nor about place and time of interview. The editor mentions only the person who processed the texts.

If the first issues of folklore texts had been placed without columns, between official records and materials, then by the end of 1957, the heading "Halq yaraticılığı" (Folk Arts) first appeared in the newspaper.

In 1960, the newspaper activates the work on collection and publication of folklore. Qualitative changes are observed in the preparation of texts for publication. Only ten years after the first publication of the newspaper, that is in 1968 the editorial team was not just publishing the works of folklore, but also makes an attempt on their scientific analysis. In the same year, the first time the editors prepare special column "Halq yaraticılığı hazinesinden" (From the treasury of folk arts). In the introduction to the special column they define folklore, its importance for the development of language and literature, its role and place in the cultural heritage. The editors express their gratitude to the active readers who sent folklore works, thereby encouraging and inspiring them to further cooperation.

Analysis of the activity of the editors on collection and publication of folklore texts in the newspapers for only eighteen years (from 1957 to 1975), in the issue of special pages particularly, charted new perspectives for modern national newspapers at that time, when a sufficiently large part of the folklore of the Crimean Tatars is outside Crimea. And while there is a threat of extinction of the folklore as the parent nucleus of the nation and its diaspora, it is necessary to study in detail at the scientific level the methods of work of the newspaper for the preservation of national cultural heritage. It seems that the results of the research will be included in textbooks on folklore, ethnic journalism in Ukraine and Crimea.

Keywords: Crimean Tatar folklore, a national newspaper, the deportation

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 821.512.161

НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЮНУСА ЭМРЕ

Сонэр Й. М.

*Бакинский славянский университет
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

Моральные, философские и религиозные взгляды энциклопедически одаренного поэта и философа тюркского мира Юнуса Эмре, жившего в тринадцатом веке, занимали важное место в истории религиозно-этической мысли Турции и на Ближнем Востоке. Суфийская поэзия создавалась на самых различных языках. На первоначальном этапе суфийская поэзия создавалась преимущественно на арабском языке. Впоследствии арабский язык был заменен персидским языком. На турецком языке суфийские стихотворения начали создаваться с XIII века. В целом, тюркская поэзия «тасаввуф» делится на две группы – текке и диван. Рассматривая творчество Юнуса Эмре нетрудно заметить приверженность этого поэта идеям суфизма.

Ключевые слова: Юнус Эмре, поэт-философ, мораль, мораль в Исламе, справедливость, честность, суфизм.

Постановка проблемы. Нравственность, мораль, считается одной из форм общественного сознания. Понятие морали объединяет в себе нормы, определяющие отношение человека к окружающим и ко всему обществу, его нравственные качества, правила поведения. Целенаправленное нравственное воспитание имеет особое значение в моральном самосовершенствовании человека, в осознании им сути нравственных норм, формировавшихся на протяжении столетий, наконец, такое воспитание необходимо для того, чтобы человек мог занять достойное место в обществе [1, 20].

На каждом этапе социально-исторического развития мораль выполняла и выполняет самые различные функции. Мораль играет роль своеобразного «компас», который помогает человеку адаптироваться в общественной жизни, в мире социальных ценностей, которые являются частью культуры человечества. Кроме того, мораль регулирует поведение человека в обществе посредством адаптации, норм, правил, запретов, оценок, идеалов и т.д. Каждый народ имеет свои нормы и правила морали. Тюркские народы имеющие богатейшую историю, также обладают собственными нравственными нормами и преимуществами. В целом, историю тюркских народов можно назвать историей нравственного превосходства. Суфийская поэзия создавалась на самых различных языках. На первоначальном этапе суфийская поэзия создавалась преимущественно на арабском языке. Впоследствии арабский язык был заменен персидским языком. На турецком языке суфийские стихотворения начали создаваться с XIII века. В целом, тюркская поэзия «тасаввуф» делится на две группы – текке и диван. В литературе к «текке» обращались в основном поэты, отдававшие предпочтение поэтическому размеру «хеджа». В числе таких поэтов можно назвать Юнуса Эмре, Хаджи Байрама Вели, Ибрагима Хаки Эрзрумлу и других. Рассматривая творчество Юнуса Эмре нетрудно заметить приверженность этого поэта идеям суфизма. В целом суфизм начал формироваться на фоне сложнейших исторических событий. Как форма убеждений и философских взглядов, суфизм был

безусловно связан с предшествовавшими религиозными и философскими воззрениями. Вместе с тем, истоки суфизма коренятся именно в религии Ислама, и по сути своей суфизм чисто исламское явление. Действительно, именно исламские атрибуты являются основным источником поэзии суфизма. Сунны и хадисы, связанные с Кораном, Пророком Мухаммедом, образ жизни сподвижников Пророка, самоотречение, богобоязненность, упование на Творца, искренность, точное соблюдение правил шариата, желание жить с Аллахом в душе, воздержание, борьба со страстями – все эти заповеди являются первыми и важнейшими источниками поэзии «та-саввуф». Именно эти идеи нашли свое отражение и поэзии Юнуса Эмре [8]. Обладавший энциклопедическими знаниями, поэт-философ Юнус Имре, жил в XIII в. Идеи Юнуса Эмре занимают видное место в истории философско-религиозной и этической мысли. Что касается исламской нравственности, то в произведениях Юнуса Эмре эта мораль выражалась особым неповторимым образом. Юнус Эмре высоко ценил в человеке именно нравственную цельность, придавал огромное значение морали и утверждал, что только человек, чистый телесно и духовно, может предстать перед Аллахом. Размышления поэта об этике, моральной чистоте основывались на священной Книге мусульман – Коране и распространялись посредством его стихотворений. Аяты, записанные на страницах священной Книги поэт считал жизненным идеалом. «Всемогущий Аллах и наш Пророк Мухаммед (а.с.) придавали огромное значение телесной и духовной чистоте. Уже в первом аяте, сразу после повеления «Читай» следуют повеления, связанные с чистотой одежды. «Аллах повелел - О Пророк, облаченный в одежду! Поднимись, и возвести людям! Вспомни о величии Аллаха! Очистись от телесной и духовной скверны! Отдались от всяких порочных деяний! (Мусаддир, 74/1-5) [6]

Слаб человек, подвержен он страстям
Подчас живет как зверь, не мысля ни о смерти
Ни о преходящем
Во тьме невежества лишь пребывая [4].

Для Юнуса Эмре человеческая душа была целом миром, а сердце переполнено страстями. По мнению поэта, первая из этих сил была праведна, тогда как вторая могла совратить его. Темы страстей человеческих, поэт касался как правило высказывая сугубо суфийские взгляды по этому вопросу:

Где тот дворец
Что не был бы разрушен
Где то богатство, что не
Рассыпалось в прах? [5,177]

Согласно исламским ценностям, главной целью жизни является воспитание в людях высоких моральных качеств, таких как правдивость, честность, стремление вырастить человека личностью, полезной как для себя так и для всего общества [3, 223]. В нравственной философии Юнуса Эмре правдивость и честность занимают видное место. Людям, окружавшим его, внимавшим ему с любовью, поэт внушал, что ложь, являющаяся противоположностью правде, худшее из деяний. Ложь ненавистна даже самим лжецам. Правдивость же является прекрасным качеством. Лжецы, не признавая вслух свою никчемность, всегда мысленно одобряют людей, прав-

дивых и честных, людей, у которых слово не расходится с делом. Правдивость есть благочестие, тогда как ложь всегда безбожна.

..... Кто знает правду
Не скажет никогда ни слова лжи.
Не может быть у правды двух путей [4, 180]

Основанием, ядром воспитания человека Юнус Эмре считал совесть, которая по его мнению является самым высоким человеческим качеством. Поэтому в загробной жизни каждый находит себе то место, которое он заслужил себе своими земными деяниями. Человек – высшее творение Аллаха, и живя в этом мире с любовью к Аллаху в душе, и распространяя Его имя обеспечивает себе вечную жизнь в мире ином. В своих диванах поэт касается также вопросов Добра и Зла. По его мнению, и Добро и Зло созданы Аллахом. Однако, человек часто предпочитает Зло Добру, и в результате сам же несет ответственность за свой выбор. Добро также создано Аллахом и любимо Им, и Он, обладатель бесконечного великодушия и милосердия, вознаграждает людей по их желаниям и поступкам.

Я полюбил и стал мудрее
Стал отличать добро от зла.....
Стал праведным путем для храбрых
Опорой стал для мудрецов... [5, 90]

Патриотизм всегда считался одним из ведущих компонентов нравственности. Суть патриотизма заключена в эмоциональной привязанности к Родине, и умении человека пожертвовать своими личными интересами во имя родной земли. Эта привязанность может также трактоваться как национальное чувство и как национальная гордость, опирающаяся на этнические, культурные, политические и исторические особенности своего народа. Таким образом, умение ценить и хранить Родину, шедевры ее культуры, воплощать в себе лучшие черты своего народа – все эти качества также входят в понятие «патриотизм». Страна, не имеющая нравственной силы, не может отстоять ни своей независимости, ни своей свободы, ни своей территориальной целостности. Именно поэтому преданность Родине, патриотизм всегда считались превыше других нравственных норм [2, 131].

В стихах Юнуса Эмре любовь к Родине приобретает особое звучание. Каждая строка его стихотворений подтверждает величие Сына Тюрков. Этот поэт в высшей степени привязан к своей земле, к своему народу.

Сказал Юнус- а я слуга народа
И если жив народ, то жив и я!
Я верный путь всех верных сыновей
Народ возвысит лучших сыновей! [5, 121].

Народность, присутствующая в стихотворениях Эмре вызывает к нему бесконечную любовь, а его произведения продолжают оставаться современными даже спустя столетия. «И если жив народ, то жив и я!» - в этих строках явно звучит гордость поэта за все те лишения, которые он переносит во имя собственного народа. Он истинный «слуга» своего народа, т.к. именно родной народ и родная земля дает ему силы жить и творить для вечности. Народ возвышает тех, кто своим творчест-

вом делит с ним его радости и горести, мечты и желания, народ ценит творчество таких людей, питает к ним самое глубокое уважение.

Как истинный сказитель-ашуг Юнус Эмре дает ценнейшие наставления своему народу, молодому поколению, учит относиться с заботой к больным и неимущим, отдаляться от неблагоприятных поступков. И вместе с тем поэт чувствует огромную ответственность за свои поступки перед собственным народом:

Рука не дрогнет; не скажу ни слова
Когда свершится воздаянье мне
Спрошу лишь- может сделал что-то
За что Он послал наказание мне [5, 123].

Будучи одним из выдающихся поэтов-суфиев, Юнус Эмре всегда воспевал идеи дружбы и солидарности, и это конечно же основывалось на его привязанности религии Ислама, и на его глубоком понимании сути исламских ценностей. Ведь Ислам признает дружбу и солидарность правоверных одним из высших человеческих достоинств. Юнус Эмре считал Творца и всех людей своими лучшими друзьями, и призывал всех людей черпать силы в дружбе с Великим Творцом. Поэт призывал относиться к окружающим с тем же милосердием, с каким Творец относится к своим созданиям. Только такое отношение может быть основой для установления мира и согласия между людьми.

За друга я жизнь отдать готов
Ведь для мужчины слово дружба свято [4, 158].

По представлениям Ислама нравственность порождается именно верой. Вера же подразумевает веру в единственного Аллаха, и служение Ему. И допустимость, приемлемость для Аллаха человеческих деяний есть результат именно такого служения [1]. Юнус Эмре призывал людей помнить о Боге совершая все поступки, так как Аллах видит их. Именно мысль о Боге заставляет человека отдаляться от дурных поступков, побуждает делать лишь добро.

Выводы и перспективы. Мысли Юнуса Эмре о нравственности и морали, его оценки были связаны также и его приверженностью идеям тюркского мира. Это совершенно естественно, т.к. для тюркских народов такие понятия как Родина, убеждения, семья всегда являлись высокими критериями морали. Поэт прекрасно осознавал смысл тюркского менталитета, и старался привить людям мысль о величии Тюрков. Тюркская нравственность была нравственностью его народа, и Эмре, родившийся и ушедший из жизни как истинный Тюркок, возносит мораль на самый высокий пьедестал, и призывает всех людей сплотиться вокруг этого идеала. Чувство единства и согласия, любовь к Родине и своему народу, призыв к миру и процветанию- все эти высокие идеи были продолжены впоследствии многими великими сынами турецкого народа, в том числе Кемалом Ататюрком.

Литература

1. Мамедов К. Педагогические идеи Востока. – Баку, 2011 (на азерб. языке)
2. Гекалп З. Принципы тюркизма. – Баку, 2010 (на азерб. языке)
3. Алиев Р. Основы религии. – Баку, 2006 (на азерб. языке).
4. Гасанов А., Агаев А. Педагогика. – Баку, 2007 (на азерб. языке)
4. Гумматова Х. Юнус Эмре. – Баку, 2006 (на азерб. языке)

4. Эмре Ю. Произведения. – Баку, 2004 (на азерб. языке)
5. Эмре Ю. Гулдесте. – Баку, 1992 (на азерб. языке)
6. www.meneviyat.az
7. www.anl.az
8. www.yeninefes.net

Сонер І. М. Моральні цінності у творчості Юнуса Емре / І. М. Сонер // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 417–421.

Моральні, філософські та релігійні погляди енциклопедично обдарованого поета і філософа тюркського світу Юнуса Емре, який жив у тринадцятому столітті, займали важливе місце в історії релігійно-етичної думки Туреччини і на Близькому Сході. Суфійська поезія створювалася на самих різних мовах. На первинному етапі суфійської поезії була написана переважно арабською мовою. Згодом арабська мова був замінена перською мовою. Турецькою мовою суфійські вірші почали створюватися з XIII століття. В цілому, тюркська поезія «тасаввуф» ділиться на дві групи - текке і диван. Розглядаючи творчість Юнуса Емре неважко помітити прихильність цього поета ідеям суфізму.

Ключові слова: Юнус Емре, поет-філософ, мораль, мораль в Ісламі, справедливість, чесність, суфізм

Soner Y. M. Moral values in the work of Yunus Emre / Y. M. Soner // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 417–421.

Moral, philosophical and religious views encyclopedic of gifted poet and philosopher of the Turkic world, Yunus Emre, who lived in the thirteenth century, occupied an important place in the history of religious and ethical thought in Turkey and the Middle East. He as a singer, as an artist of the people advised people to love their people, their country, care for the sick and the poor, to be away from evil and bad intentions. Sufi poetry created on a variety of languages. At the initial stage was largely Sufi poetry in Arabic. Subsequently, the Arabic language has been replaced by the Persian language. In Turkish Sufi poem began to form from the XIII century. In general, Turkic poetry “tasawwuf” is divided into two groups - Tekke and sofa. In the literature to “Tekke” appealed mostly poets favored the poetic size “hedge”. Among these poets can be called Yunus Emre, Haji Bayram Veli, Khaki Erzurumlu Ibrahim and others. Considering creativity Yunus Emre is easy to see this poet's commitment to the ideas of Sufism. The author notes that in Turkish literature, Sufism began to form on the background of complex historical events. As a form of belief and philosophical views, Sufism was definitely associated with the previous religious and philosophical views. However, the origins of Sufism are rooted in the religion of Islam and Sufism in essence - this is a purely Islamic phenomenon. In the works of the author topic of ethics and morality is the main theme. Base core education rights Yunus Emre believed conscientiousness which in his opinion is the highest human quality. Therefore, in the afterlife one finds himself the place which he earned himself his earthly deeds. Patriotism has always been considered one of the leading components of morality. The essence of patriotism lies in the emotional attachment to the motherland, and the ability of man to sacrifice their personal interests for the sake of his native land. In verses Yunus Emre love for the country acquires a special significance. Each line stresses the greatness of Son of Turks in his poems. This poet essentially tied to their land, to their people. Being one of the greatest Sufi poets Yunus Emre always extolled the idea of friendship and solidarity, and it is of course based on his affection religion of Islam, and his deep understanding of Islamic values. After all, Islam recognizes the friendship and solidarity of the faithful one of the highest humanity merits.

Keywords: Yunus Emre, the poet - philosopher, morality, morality in Islam, justice, honesty, Sufism.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК. 821 (479. 24)

РОМАНТИКА КАК ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ КАЧЕСТВО В РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Гадирова М. С.

*Институт литературы им. Низами НАНА
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

Автор в научной статье исследует романтику как художественно-эстетическое качество в реалистической поэзии. В работе проясняются значения терминов «романтизм», «романтический метод» и «романтика». Вершиной романтической поэзии Азербайджана средних веков может считаться творчество великого «поэта души» М. Физули. Автор считает, что романтика в художественной литературе, особенно, в поэзии, связана с пафосом. Автор рассматривает работы Эвера Мамедханлы, Ильяса Эфендиева, Мехти Гусейна, Мирзы Ибрагимова и приходит к следующему заключению: в стилях Эвера Мамедханлы, Ильяса Эфендиева романтический пафос присутствует в более сильной форме, нежели у Мехти Гусейна, Мирзы Ибрагимова. Однако в сравнении с С. Рустамом, М. Мушфиг является поэтом исключительно романтического стиля.

Ключевые слова: романтизм, пафос, патетика, эстетика.

Постановка проблемы. Чтобы выявить эстетическое качество романтики в художественной литературе необходимо сначала прояснить содержание трёх терминов: романтический метод, романтизм как течение, и романтика в художественной литературе. В романтическом методе романтика – это фактор, определяющий тип отношения к жизни у мастера. В романтизме как в литературном течении, романтика – это основная и ведущая особенность, определяющая мировоззрение, эстетический идеал и художественный стиль мастера. Так что же такое романтика, в целом? В одном из авторитетных справочников сообщается: «Романтика – понятие, употребляемое в разных смыслах; как мечтательно-возвышенное уmonoстроение, как характеристика ярких строн жизни (р. труда, р. подвига, р. научных открытий, р. человеческих чувств) и соответственно, как черта или особенность литературного произведения, в котором отражены возвышенные и героические грани жизни. В этом смысле можно говорить о Р. в произведениях, созданных разными художественными методами. Т., о., Р. не обязательно соотносится с романтизмом как конкретно историческим методом и наравлением» (Словарь литературоведческих терминов.- М.: «Просвещение», 1974.- С.337).

Видный литературовед, член-корреспондент НАНА А.Мирахмедов дополняет ту же мысль: «Романтика – термин, употребляемый в различных смыслах: возвышенно-мечтательное настроение, характеристика ярких сторон жизни (романтика труда, романтика героизма, романтика научных открытий и пр.), или же качества, свойственные художественным произведениям, отражающим героические сцены. В этом смысле, можно говорить о романтике в произведениях, написанных различными художественными методами. Связь романтики с романтизмом вовсе не обязательна» (Литературоведение. Энциклопедический словарь. Б., «Азербайджанская Энциклопедия: NPB, 1998. - 186 с.»). Для нас важным представляется то, что: 1)

романтика используется в различных случаях; 2) романтика связана с характером темы; 3) романтика – свойство, присущее художественным произведениям.

Как видно, в словаре под авторством Л.И. Тимофеева и С.В. Тураева, а также в словаре А. Мирахмедова романтика разъясняется в качестве термина. Интересно то, что романтика способна существовать не только как метод и направление в романтизме, но и как художественно-эстетическое качество всех произведений. К примеру, произведения А. Шаига «Араз», «Кочевье», рассказы Дж. Джаббарлы «Октай Эльюглы», Э. Мамедханлы «Караван остановился», М. Ибрагимова «Сердце Медины», романы И. Эфендиева «Ивы над арыком», Эльчина «Шестой этаж пятиэтажного дома», а также поэзия М. Мушфига, Вургуна, Н.Гасанзаде обладают мощными романтическими особенностями.

Так, откуда же, из каких потребностей рождается романтика в художественной литературе, и особенно, в поэзии?

Романтика – свойство присущее мировой литературе, в целом. К примеру, «Евгений Онегин» Пушкина, рассказы Бунина, «Рудин» Тургенева, «Герой нашего времени» Лермонтова – романтические произведения. В художественном произведении романтика рождается из характера отношения художника к жизни, его способности постигать и отражать мир. Мастер относится к жизни с высоким чувством сопереживания и отражает её посредством самых высоких ощущений. Например, в художественно-философском направлении, занимающем важное место в литературе Востока – суфизме поэзия служила средством для достижения экстаза, в целях слияния с Аллахом (Бертельс Е. Суфизм и суфийская литература. -М., 1965).

Вершиной романтической поэзии Азербайджана средних веков может считаться творчество великого «поэта души» М. Физули. Вот уже пять веков, как романтика Физули оказывает влияние на нашу поэзию, обогащает её кипучими идеями и высокими человеческими переживаниями (Алиева Г. «Современная поэзия и классическое наследие». - Баку, 2000).

Мы считаем, что романтика в художественной литературе, особенно, в поэзии, связана с пафосом. Великий критик В. Белинский писал: «Если поэт решится на труд и подвиг творчества, значит, что-то его к этому движет, стремится какая-то могучая сила, какая-то непобедимая страсть. Эта сила, эта страсть – пафос. Но отчего же, скажут, называть это пафосом, а не страстью? Оттого, что слово "страсть" включает в себе понятие более чувственное, тогда как слово "пафос" включает в себе понятие более нравственное,.. Пафос всегда есть страсть, выжигаемая в душе человека идеею и всегда стремящаяся к идее, - следовательно, страсть чисто духовная, нравственная, небесная. Пафос простое умственное постижение идеи превращает в любовь к идее, полную энергии и страстного стремления,.. через пафос она превращается в дело, в действительный факт, в живое создание» (Белинский В., Избранные сочинения : Гянджлик, 1979.- С. 142-143).

Пафос в произведении, в частности, лирической поэзии усиливает патетику, а это является главным условием, можно сказать, поэтическим признаком романтической литературы. Рассмотрим два поэтических примера:

Yenə qılıncını çəkdi üstümə / Вновь по мне полоснули мечом
Qurbanı olduğum o ala gözlər / Те глаза, жертвой которых я стал

Yenə cəllad olub durdu qəsdimə / Вновь обратились в палача моего,
Qələm qaş altından piyalə gözlər. / Глаза огромные из под тонких бровей.
Это страстный голос С.Вургун («Ала гёзляр»). А вот отрывок из стихотворения М. Мушфига («Оху»):

Oxu, sevdiciyim, öz həvəsinlə! / Пой милая, пой, как пожелаешь!
İlham qanadlanır sənin səsinlə, / Вдохновение окрылится голосом твоим!
Nəğməndə oynasın sellərin səsi. / Пусть в песне твоей играют звуки водопадов.
Dan yerindən əsən yellərin səsi, / Как голос ветров утренней зари
Gülləri qoxlayan bir rüzgar kimi, / Как ветер, дышащий ароматом цветов
Qumları oxşayan dalğalar kimi / Пески, подобные волнам морским
Titrəyən, çağlayan nəğməni olaydım, / Мне б, дрожащей, струящейся стать
песней твоей,

Ürəyindən qopan səs mən olaydım. / Мне бы, голосом сердца стать твоего.
Oxu! Qüvvət gəlsin şərə, sənətə, / Пой! Пусть сила войдёт в стих, в искусство,
Könlümün quşunu gətir heyətə! / И душа моя придёт в восхищенье!
Ürək kəvrəkləşir sən oxuyanda / Когда поёшь ты, трепещет сердце моё,
Sən də dinləsəydin mən oxuyanda. / Если бы, слушала и ты, когда пою я.

Великий мастер слова XX века С. Вургун в своём докладе «О Советской поэзии», с которым он выступил на II съезде советских писателей, выделяет три основные особенности романтического произведения. Существуют и общие особенности, отличающие романтическое произведение от произведений, написанных в другом стиле. Во-первых, поэт помещает в основу своего произведения реальные события, реальные человеческие характеры и образы и воспевают их на самой высокой ноте, расцвечивая самыми яркими красками. Во-вторых, романтический поэт сознательно заостряет позитивные свойства жизни, часто выбирая порою «необычные», иногда даже исключительные характеры, события и факты; он пытается поскорее увидеть будущее, и приобщиться к завтрашнему дню. В-третьих, романтический поэт активно вмешивается в мир мыслей и чувств своего положительного, или идеального героя, в его духовное пространство. Он воспекает посредством этого героя свои особые идеалы, свою историю и взгляды на будущее (Вургун С. Произведения в 6 т. - Т. 6. - Баку: Эльм, 1972. - С. 355-356). В 50-ые годы XX века отстаивать романтику было нелёгким делом. В этот период обсуждалась не только романтика, но также и лирика, которую критики считали ненужной. Поэтесса Ольга Берггольц ответила на дискуссии вокруг лирики своей статьёй «Против ликвидации лирики», и именно в знаменитом докладе С. Вургун лирика нашла защиту. Великий поэт показывает «общие особенности, отличающие романтические произведения от произведений, написанных в другом стиле». Здесь выдвигаются на передний план два вопроса: 1. Является ли романтика стилем? 2. Какие отличительные качества присущи романтике?

Конечно же, о романтическом стиле можно рассуждать. Например, в стилях Энвера Мамедханлы, Ильяса Эфендиева романтический пафос присутствует в более сильной форме, нежели у Мехти Гусейна, Мирзы Ибрагимова. Однако в сравнении с С. Рустамом, М. Мушфиг является поэтом исключительно романтического стиля. Стиль – это литературно-историческое явление, составляющее художественную

форму, отражающее творчество поэтов, принадлежащих определённой литературной тенденции. Романтика может считаться художественно-эстетическим качеством, присущим определённому стилю. Жорж Луи Бюффон в своей речи, произнесённой 25 августа 1763 года во время его принятия в члены Французской Академии, сказал: «Стиль – это человек». В этом смысле, в мире существует столько стилей, сколько существует людей. Однако Бюффон высказал эту мысль в символической форме. У литераторов, приверженных романтической тенденции может существовать единый стиль. Единый стиль же, рождается из собирательной общности стилей отдельных частных стилей.

Мы считаем, что источником романтики, также как и всех, присущих художественной литературе художественно-эстетических (философских) особенностей, является жизнь. Поэт, черпая из жизни, силой своего вдохновения, бурным образом выражает мысль, идею.

Основными поэтическими и эстетическими особенностями романтической литературы являются способность выразить субъективные ощущения от лица всех, и поэтическое единство чувств посредством мысли, высокий поиск возвышенных истин, извлечь из души человека чувства и переживания без ведома его самого, и провозгласить их литературному миру.

В романтической литературе герой описывается настолько сильными ощущениями, что он даже, почти, мифологизируется, в таких произведениях границы между реальностью и мифом стираются. К примеру, для героя М. Горького – Данко существует некое безграничное художественное пространство. Здесь уместно отметить, что между романтической литературой и мифом, фольклором, устным народным творчеством существует некое родство, близость. В фольклоре народ создаёт своего героя таким, каким хочет его видеть: разве Караджа-чобан (Чёрный пастух) в «Китаби Деде Коргут», или Кёроглы, съедающий несколько казанов плова в эпосе «Кёроглы» не являются романтическими героями?! В художественной литературе романтика является продуктом художественных грёз. В центре субстанции художественных мечтаний находится вдохновение поэта. Великий тюркский учёный Исмаил Хикмет писал: «На хрустальную шею музы вдохновения нельзя надеть диктаторскую цепь, в её шёлковые волосы нужно вплести гирлянды независимости». Романтика проистекает от вдохновения поэта. В основе романтической поэзии лежит бушующая, мощная и искренняя страсть. Белинский писал: «Источник творческой деятельности поэта есть его дух, выражающийся в его личности, и первого объяснения духа и характера его произведений должно искать в его личности» (Белинский В., Избранные сочинения : Гянджлик, 1979.- С.137). Таким образом, реалистичность, или же, романтичность искусства, прозы или поэзии, больше зависит от личности автора. Не только тип таланта поэта, но и характер его конкретной человеческой и творческой личности воздействуют на дух его произведений, и не только воздействуют, но и определяют его. Поэмы Пушкина, Лермонтова, Вургуна, Н. Тихонова, М. Мушфига и других были романтическими. Однако следует признать, что несмотря на присутствие в мировой литературе и романтической прозы, и романтических трагедий, романтика является свойством, более присущим лирическому стихотворению. Мы называем романтику в художественной литературе дыханием

юности. Да, романтика – это дыхание юности литературы, так как «Разум, это – дух жизни, душа ее; поэзия, это – улыбка жизни, ее светлый взгляд, играющий переливами быстро сменяющихся ощущений» (В. Белинский). Это утверждение вполне можно отнести и к романтике: ведь, светлой улыбкой жизни в поэзии является именно романтика!

Рассказы М. Горького, поэзия Н. Тихонова, поэма А. Твардовского «Василий Тёркин», лирика С. Вургун, повесть Ч. Айтматова «Джамиля» – самые яркие образцы романтической литературы советского периода. Главные эстетические особенности романтической литературы определяют оптимистический взгляд в будущее, желание жить чаяниями прекрасного будущего. До 60-ых годов XX века в советской литературе основным романтическим героем являлся образ советского человека, ведущего решительную борьбу за светлое коммунистическое будущее, побеждающего все трудности, подчиняющего себе природу, творящего чудеса. Он получил название уже не просто положительного героя, но также и идеального героя. В своём ценном выступлении С. Вургун привносит ясность и в эту спорную проблему: «Идеальный герой – это герой, именно в себе воплощающий самые высокие реальные и жизненные качества. Идеальный герой может быть самым противоречивым и самым сложным из всех противоречивых и сложных людей. У идеального героя также могут быть и свои слабые стороны, однако его сила в том, что мы видим в его лице истинного человека с большой буквы. Сила идеального героя – это сила целого рода, или же, целого народа. Поэтому, на образ идеального героя нужно смотреть, как на мировой типаж.

...Образ идеального героя можно создать, не идеализируя, а возвышая человека и его достоинство посредством великой силы...

...Хотя я и являюсь сторонником идеального героя, я всё же, не хочу превращать его в основную проблему нашей поэзии. Литература может существовать и без идеального героя, но представить литературу без идеала невозможно» (Вургун С. Произведения. - VI т. - С.360).

Выводы и перспективы. На деле, романтика была художественно-эстетическим показателем идеального героя, в частности, его (якобы!) усовершенствованной формы – положительного героя поэзии советского периода, на протяжении 70 лет подвергавшейся давлению коммунистической идеологии. Романтика – это качество, более присущее лирической поэзии. Азербайджанскую лирику XX века можно разделить на два направления: 1) лирико-романтический уклон; 2) философско-интеллектуальный уклон (7). К первому направлению можно отнести С. Вургун, М. Мушфига, Н. Гасанзаде, М. Ягуба, Н. Хазри, Дж. Новруза и других. Ко второму направлению, во главе которого можно поставить Р. Рза, относятся Б. Вагабзаде, Ф. Годжа, М. Араз, А. Салахзаде, Р. Ровшан, и другие. В данной классификации основным условием является превосходство качества. Творчество Мушфига – является романтикой от начала до конца. Академик М. Ариф в своей статье «Мои три романтики» пишет: «Романтика в крови самой поэзии Мушфига и я даже, сказал бы, что сила его поэзии заключена в этой светлой, радостной романтике. Романтика Мушфига не находится отдельно от реализма, а может – она его составляющая. Эта романтика проистекает от избытка романтических чувств и отражает их в

сжатой форме. Порою, кажется, что романтическим мечтаниям поэта нет конца-края, однако Мушфиг способен управлять своим вдохновением, он чувствует границы своего полёта» [8, 210-211].

Романтика спасает азербайджанскую поэзию от социологического застоя, дарит ей очаровательную поэтическую красоту.

Сегодня, в эпоху независимости, смены теоретико-методологических взглядов, эстетических критериев в литературной критике, существует насущная необходимость в исследовании романтики, не как прославленной светлого будущего коммунизма, а как истинной выразительницы национальных чувств, ещё больше увеличивающей диапазон поэзии. Романтика – это свободная от идеологических притеснений, любимица свободного творческого вдохновения, это национальное и общечеловеческое ощущение, уважительно относящееся к своему историческому прошлому, национально-духовному самосознанию, опирающееся на идею национальной независимости. Романтика это не только художественно-поэтическое выражение чувств, колыбелью которых является душа одного отдельно взятого поэта. Это высокие чаяния целого народа, древней нации, облечённые в прекрасное словесное облачение. Это творческая отвага – превратить её в поэтическую субстанцию, в форме художественно-эстетического качества.

Литература

1. Самед Вургун Произведения. В 6 томах, Том 6. – Баку: Эльм, 1972 (на азерб. языке)
2. Белинский В. Избранные статьи. – Баку: Гянджлик, 1979 (на азерб. языке)
3. Кулиева С. Творческий мир Мушфига. – Баку: Язычы, 1988 (на азерб. языке)
4. Залесская Л. О романтическом течении в советской литературе. – М.: Наука, 1973
5. Словарь литературоведческих терминов. – М.: Просвещение, 1974
6. Литературоведение. Энциклопедический словарь. – Баку: Азербайджан Энциклопедиясы, 1998 (на азерб. языке)
7. Абдурахманова Ф. Психологизм в современной поэзии Азербайджана. – Баку, 2012 (автореферат). (на азерб. языке)
8. Проблемы литературы Азербайджана XX века. Книга третья. – Баку: Эльм, 2010 (на азерб. языке)

Гадірова М. С. Романтика як художньо-естетична характеристика реалістичної поезії / М. С. Гадірова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 422–428.

Автор у науковій статті досліджує романтику як художньо-естетичну якість в реалістичній поезії. У роботі прояснюються значення термінів «романтизм», «романтичний метод» і «романтика». Вершиною романтичної поезії Азербайджану середніх віків може вважатися творчість великого «поета душі» М. Фізулі. Автор вважає, що романтика в художній літературі, особливо, в поезії, пов'язана з пафосом. Автор розглядає роботи Евера Мамедханли, Ільєса Ефендієва, Мехті Гусейна, Мірзи Ібрагімова і приходиться до наступного висновку: в стилях Енвера Мамедханли, Ільєса Ефендієва романтичний пафос присутній в більш сильній формі, ніж у Мехті Гусейна, Мірзи Ібрагімова. Проте порівняно з С. Рустамом, М. Мушфіг є поетом виключно романтичного стилю.

Ключові слова: романтизм, пафос, патетика, естетика.

Gadyrova M. S. Romantic as artistic and aesthetic quality in a realistic poetry / M. S. Gadyrova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 422–428.

The author in a scientific paper explores romance as artistic and aesthetic quality in a realistic poetry. The paper clarifies the meaning of “romanticism”, “romantic method” and “romance”. The pinnacle of romantic

poetry of the Middle Ages Azerbaijan can be considered works of the great “poet of the soul” M. Fizuli. For five centuries, as a romantic Fizuli affects our poetry enriches its innovative ideas and high human experiences. The author believes that the romance in literature, especially poetry, is associated with emotion. The author considers the work Mammadkhanli Eber, Ilyas Efendiyev, Mehdi Huseyn, Mirza Ibragimov and comes to the following conclusion: in styles Enver Mammadkhanli, Ilyas Efendiyev romantic pathos present in a stronger form than that of Mehdi Huseyn, Mirza Ibragimov. However, in comparison with S. Rustam M. Mushfig’s poetical style is extremely romantic style. After analyzing the romantic works, the author notes the following, the most inherent characteristics: the ability to express subjective feelings on behalf of all, and feelings through poetic unity of thought, high search sublime truths of the human soul to extract feelings and experiences without the knowledge of him, and declare their literary world. In the romantic literature hero is described with very strong feelings, almost mythologized; in such works the boundaries between reality and myth are blurred. Azerbaijani lyrics XX century can be divided into two areas: 1) lyrical romantic slant; 2) philosophical- intellectual bias. For the first direction it can be said about S.Vurgun, M. Mushfig, N. Hassan-zadeh, M. Yaqub, N. Xazri, Novruz G. and others. Second area, in which R. Rza can be put as the head are Vahabzadeh B., F. Goja, M. Araz Salahzade A., R. Rovshan and others. This classification is the main condition for quality excellence. Creativity of Mushvig is a romance from beginning to end. Academician M. Arif in his article “My three romances” writes: “Romance is in the blood of poetry itself Mushvig and I even would say that the power of his poetry lies in this bright, cheery romance. Romantic Mushvig not be separated from the realism, but can - she make it up. This stems from an excess of romance romantic feelings and reflects them in a concise manner. Sometimes, it seems that the romantic dreams of the poet is no end - edge, but Mushvig able to manage their inspiration, he feels the boundaries of their flight”.

Keywords: romance, pathos, pathetic, aesthetics.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 811.512.162

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Сафаралиева А. Б.

*Бакинский государственный университет, Азербайджан
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

Художественное воплощение духовно-нравственных проблем в современной азербайджанской поэзии занимает особое место. Основу активного отношения к духовно-нравственным ценностям обуславливает исторически сильное обращение к проблеме в азербайджанской литературе. Необходимо отметить, что воплощение духовно-нравственных проблем в классической поэзии очень часто реализуется на фоне художественных образцов дидактического характера.

В современный же период поэтическое воплощение духовно-нравственных ценностей требует своеобразного подхода, что не должно быть упущено из виду в отношении к литературному наследию.

Ключевые слова: духовно-нравственные проблемы, современная азербайджанская поэзия

Постановка проблемы. Художественное воплощение духовно-нравственных проблем в современной азербайджанской поэзии занимает особое место. Основу активного отношения к духовно-нравственным ценностям обуславливает исторически сильное обращение к проблеме в азербайджанской литературе. Необходимо отметить, что воплощение духовно-нравственных проблем в классической поэзии очень часто реализуется на фоне художественных образцов дидактического характера.

В современный же период поэтическое воплощение духовно-нравственных ценностей требует своеобразного подхода, что не должно быть упущено из виду в отношении к литературному наследию.

В современной азербайджанской поэзии духовно-нравственным проблемам наибольшее внимание уделялось в творчестве Бахтияра Вахабзаде, Наби Хазри, Халила Рзы Улутюрка, Габилы, Мамеда Араза, Фикрета Садыга, Фикрета Годжа, Мусы Ягуба, Мамеда Исмаила, Чингиза Алиоглу, Нусрета Кесеменли, Сабира Рустамханлы, Аббаса Абдуллы, Вагифа Самедоглу, Алекпера Салахзаде, Рустама Бехруди, Вагифа Баятлы Онера и многих других поэтов. Конечно, исследование творческого наследия всех упомянутых поэтов в контексте воплощения духовно-нравственных ценностей в поэзии невозможно. Поэтому здесь будет выказано отношение к самым характерным моментам.

К.филол.н. Шириндил Алышанлы в своей книге «Эстетическая память слова», представляющей собой сборник статей, пишет: «В лирике последних лет в выражении современных духовно-нравственных проблем важное место занимает поэтическое изложение историко-культурного прошлого. Современное лирическое прочтение истории получает различный стилистический оттенок в связи с индивидуальностью художественного сознания, отношения к реальности. В части стихотворений история, прошлое народа непосредственно воспеваются с высоким гражданским чувством. Другими словами, в настоящее время развивается очень хорошая традиция нашей поэзии. При нынешней поэтической трактовке историко-культурного

прошлого обновляется общественно-социальное содержание лирики, эта новизна привносит в поэзию еще и стилистическое богатство» [1, 105]. Несомненно, не согласиться с этими соображениями сложно. Поскольку здесь точно были определены самобытные, специфичные черты разработки духовно-нравственных проблем в азербайджанской поэзии нового периода.

Стихотворения Бахтияра Вахабзаде «Перебранка», «Надежда осталась на Аллаха», «Как пройти мимо», «Сегодня», «На базаре», «Подхалим», «Время не обманулось», «Науступило время хитрецов», «Обиделся», «Невольничий рынок», «Раз дорога так идет» и многие другие стихотворения написаны на духовно-нравственную тематику. Поэт «... как и творчестве прошлых лет, вновь устраивает суд в диване слова безнравственности, являющейся самой большой социальной бедой и, как рак, разъедающий внутренний мир общества метастазами».

В стихотворении Бахтияра Вахабзаде «Я хочу быть обманутым» поэт говорит о потере веры в восстановление справедливости. В стихотворении, выражающем пессимистическое настроение, автор свое «желание быть обманутым» расценивает в своем роде как протест против не исправления мирового порядка, не восстановления справедливости:

Цветок кустом оказался, правое – левым,
Справедливость – отрицание реальности.
Счастье обманом вышло.
Хочу обманутым быть я [2, 214].

Написанное Бахтияром Вахабзаде в жанре газели стихотворение с рефреном «Боже» представляет собой один из ценных поэтических образцов, посвященных духовно-нравственным проблемам. В этом произведении, написанном в виде подражания одноименной газели Мирзы Алекпера Сабира, автор сумел с сердечной болью отобразить деградацию нравственных ценностей общества, в котором мы живем:

Конца гнету нет, забыта ль справедливость, боже,
Запретна ли стала в мире справедливость, боже?
Ложь на устах, но в душах истина,
Достались ли справедливость жестокому, а правда – неправому,
боже? [3, 59]

В обширном виде духовно-нравственные проблемы нашли свое воплощение в творчестве Наби Хазри. Как и в прежних периодах творчества поэта, в написанных и в последние годы стихотворениях это свойство проявляет себя. «Признания», «Размышления на горе Хире», «Звездными ступенями сошла на Землю Луна», «Хазрати Хадиджа первая мусульманка», «Услышь, человек», «Родственные враги», «При крушении идолов», «Обращение» и другие поэтические образцы были написаны в духовно-нравственном ключе. Наби Хазри в своем стихотворении «Услышь, человек», акцентируя внимание на том, что честная жизнь представляет собой самую счастливую жизнь, таким образом обобщает свои выводы:

Человек! Знаешь ли ты, что такое богатство?
Богатство что самородок из рук в руки преходящий!
Скупец золото копит,

Не говоря, что пресыщен
Змея, даже спящая на золоте, не ест
С открытой душой возвысся
На вершину жизни.

Не достается золото копящему его [4, 26-27].

По мнению поэта, никогда в мире люди, копившие богатства, не были счастливы благодаря накопленному богатству. Если человек не будет алчным, сумеет обуздать свои желания, будет стараться вести простой образ жизни, то сумеет обрести истинное счастье.

Несколько большое по объему стихотворение Наби Хазри «Признания» представляет собой одно из наиболее ценных образцов современной азербайджанской поэзии, посвященных духовно-нравственным проблемам. Стихотворения, написанные поэтом на эту тему, характерны и с точки зрения отображения живой картины нашего современного времени. По соображениям Наби Хазри, духовное совершенство и нравственная чистота должны относиться к качествам, достаточно ценным каждым человеком. Человек, у которого духовность и нравственность совершенны, в то же время, должен уметь прививать эти качества и другим. Ответственность человека за свои действия должна находиться в основе его совершенствования.

Не обсуждай никого за спиной,
Обсуждение за спиной врагов порождает.
Сказал слово правое – сплетней будет,
Если произнес ты ложь – то клеветой!
Если позавидовал – значит в нужде ты,
Слаб ты и сегодня, и на свете том [4, 38].

Необходимо подчеркнуть и то, что, как и в просветительской поэзии, и в стихотворениях Наби Хазри, посвященных духовно-нравственным проблемам, была выражена мысль о важности науки, культуры, преимуществе получения знаний, порождения большинства бед, с которыми сталкиваются люди, именно невежеством:

Наука разрушает скалы, ломает камни,
Богатство каменным сердце делает.
У науки нет страха перед ворами,
По следам богатства следует вор [4, 31].

Духовно-нравственные ценности нашли широкое воплощение и в поэзии Халила Рзы Улутюрка. В стихотворении поэта «Национальный предатель» должностные лица, обеспечивающие личную выгоду за счет народа, нации, воспевающие к месту или нет вышестоящих, лишённые общественного сознания, в резкой форме превращаются в мишень для критики:

Кого изменником кличут?
Поднявшего руку на народ лишь на фронте? [5, 94]

Стихотворения постоянного уделявшего внимание в своем творчестве отображению духовно-нравственных проблем Мусы Ягуба «Сжигает меня», «Заново», «Эти подхалимы», «Душа моя», «Снова мы увидим», «Мне следовало», «Ведет меня», «Одна вина твоя, другая – моя» и другие вызывают интерес самобытностью, оригинальностью, современностью. В стихотворении поэта «Сжигает меня» в ми-

шень для критики превратились различные недостатки, заразившие духовность отдельных прослоек народа. В стихотворении «Эти подхалимы» нашло свое воплощение примерно схожее поэтическое настроение. Согласно выраженному в стихотворении соображению, подвержение духовной деградации общества, в котором мы живем, представляет собой результат бездуховности подхалимничающих существ, воспевающих должностных лиц.

Под похвалой расплываемся мы как тесто,
Если таких воспевателей выдержать можно было,
Клянусь, мы камнями были, железом были.
Похвала проходит над нами.
Душа наша хмельно млеет
Волосы уходят от поглаживаний,
Лицо наше тает от поглаживаний [6, 226].

В стихотворении Мусы Ягуба «Одна вина твоя, другая – моя» признается, что в нарушении стабильности в обществе, в котором мы живем, утере нравственных ценностей, подвержении износу духовности все люди несут ответственность в одинаковой степени. Согласно выводу поэта, в обществе, где духовно-нравственные ценности подвергаются деградации, никто не должен отстраняться, вину должен искать не в других, а в себе. Однако поэт не потерял надежды, он верит в излечение от этого впитавшегося в духовность общества недуга в результате совместных усилий. Поэтому дополняет свое стихотворение оптимистическими строками:

Там замутненная вода впитывается в землю,
Здесь выйдя на поверхность, превращается в родник.
Пока есть время отстояться нам,
Одно завтра твое, другое – мое [6, 278].

В современной поэзии воплощение духовно-нравственных проблем можно последовательно встретить и в творчестве Фикрета Годжа. Написание большинства написанных в последние годы поэтом стихотворений именно в этом ключе носит не случайный характер. Поскольку Фикрета Годжа как мастера всегда заставляли задуматься, волновали эти проблемы. Стихотворения автора «Жалкий человек», «Бесцветные люди», «Все, что есть у меня», «Эй, бедняк» и многие другие представляют собой отображающие различные аспекты повествуемой проблемы ценные поэтические образцы. Фикрет Годжа в стихотворении «Жалкий человек», акцентируя внимание на важное значение целостности личности, духовного совершенства, чистоты в каждом человеке, пишет:

Одному узелки на ботиинках завязывает,
Другому усы маслом смазывает,
Одному подол целует, плачет.
Перед высоким мал,
Перед коротышкой низок.
...Как дошли руки до власти
Свою Киблу в деньги превратил [7, 111].

В стихотворении Фикрета Годжа «Все, что есть у меня» внушаются выводы о важности придания цены человеку такими положительными духовными качествами

как прямота, чистота, правдивость. Лирический герой стихотворения и потому непримирим с ложью, коварством, кривдой, что все эти недостатки лишают человека человеческого облика, не позволяют его видеть таким, какой он есть.

Я как курица
Голову под крылом
Не прятал.
Чтобы сказать слово свое
Не ждал я чьего-то ухода
Что знаю, то говорю.
Что есть - то и ем [7, 26].

В несколько сжатом по объему стихотворении Фикрета Годжа «Эй, бедняк» в центр внимания ставится несправедливость мира, роскошный образ жизни пресыщенных, нищий образ жизни трудящихся. Поэт, выражая свой протест против общественной несправедливости, длящейся с момента сотворения мира, пишет:

Куда ты смотришь, мир
Подлецы победили одного благородного.
Смешав, вместо соли
Посыпали этим горем мне рану.
Везения нет, денег нет,
Доброго соседа нет,
Умри, бедняк [7, 91].

Значительная часть стихотворений, включенных в книги талантливого поэта Рамиза Ровшана «Крылья бабочки» и «Дыхание», можно сказать, посвящены духовно-нравственным проблемам. «Падает», «Полпервого ночи», «Что есть выше Аллаха?», «Последнее дыхание», «Проходящим по дороге женщинам», «Уйдет», «Свеча», «Не посмотрит», «Горе». «Слово», «Выходит», «Разорвал и выбросил и это стихотворение», «Стена», «Камня не хватило для этой стены», «Остров я, чуждый остров», «Лодка», «Дорога», «Выбейте из меня» и другие стихотворения Рамиза Ровшана могут быть охарактеризованы в качестве посвященных духовно-нравственным проблемам самых ценных художественных образцов. Стихотворения Рамиза Ровшана, посвященные духовно-нравственным проблемам, отличаются самобытными жанровыми оттенками. Эти стихотворения, хотя и питаются стилистикой народной поэзии, с точки зрения написания обладают рядом оригинальных особенностей. Отличающееся необычным методом подхода Рамиза Ровшана к предмету стихотворения «Выбейте из меня» вызывает интерес с точки зрения акцентирования внимания на другой стороне духовно-нравственной проблемы:

Шелковую рубашку хочу я,
Золотые очки хочу я,
Девушку любить хочу я,
Выбейте этих девушек из меня [8, 217].

Характерные для других произведений Рамиза Ровшана особенности наглядно проявляют себя и в стихотворении «Выбейте из меня»:

Бодрствующим быть не хочу я,
Быстро состариться не хочу я,

Поэтом быть не хочу я,
Выбейте эти слова из меня [8, 217].

Выводы и перспективы. Критик-литературовед Шамиль Салманов, акцентируя на проблеме традиций и новаторства в поэзии, пишет: «Вообще, в обсуждениях по проблеме художественного новаторства очень часто отдается предпочтение либо радикальным поискам, либо всякий поиск, не принимая во внимание его идейно-эстетическое направление, расценивается как отображения безразличия к традициям, и обе эти ситуации ошибочны. Таким образом, если в первом случае творческий поиск остается в стороне от национального художественного источника, прогрессивных традиций, во втором случае сталкиваемся с безразличием к такого рода поиску. Получается, что мастер может и не проявлять инициативу в поиске единства новой формы, выражения для нового содержания, если он выразил новое содержание, следовательно, добился и новизны выражения. Это ошибочная точка зрения и нет необходимости доказывать, что изыскания являются главнейшим фактором для художественного видения жизни, художественного восприятия. Новизна жизненного материала представляет собой основу идейно-художественного новаторства, однако не является его единственным признаком. Кроме новизны жизненного материала этому материалу необходима новизна творческого отношения, новизна его восприятия. Мастер этого новшества может добиться изысканиями – последовательными, серьезными, многосторонними, обширными». Как можно заметить, метод подхода критика к поднятой проблеме отличается своеобразием и в отношении к творческим образцам Рамиза Ровшана еще раз чувствуется, что эти выводы вызваны точными наблюдениями.

Литература

1. Алышанлы Ш. Эстетическая память слова. – Баку: Элм, 1994 (на азерб. языке)
2. Вагабзаде Б. Независимость. – Баку: Гянджлик, 1999, 496 с. (на азерб. языке)
3. Вагабзаде Б. Ум одно, сердце другое. – Баку, 2000, 288 с. (на азерб. языке)
4. Хазри Н. Пророк. – Баку, 1992, 48 с. (на азерб. языке)
5. Улутюрк Х. Продолжается 37... Баку, 1992, 528 с. (на азерб. языке)
6. Якуб М. Разговор с душой. – Баку: Азернешр, 2004 (на азерб. языке)
7. Годжа Ф. Обычные истины. – Баку, 2000.- 219 с. (на азерб. языке)
8. Ровшан Р. Дыхание. Книга книг. – Баку, 2000 (на азерб. языке)

Сафаралієва А. Б. Духовно-моральні проблеми в сучасній азербайджанській поезії / А. Б. Сафаралієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 429–435.

Художнє втілення духовно-моральних проблем у сучасній азербайджанській поезії займає особливе місце. Основу активного відношення до духовно-моральних цінностей обумовлює історично сильне звернення до цієї проблеми в азербайджанській літературі. Необхідно відзначити, що втілення духовно-моральних проблем в класичній поезії дуже часто реалізується на тлі художніх зразків дидактичного характеру. У сучасний же період поетичне втілення духовно-моральних цінностей вимагає своєрідного підходу, що не повинно бути упущено з уваги відносно до літературної спадщини.

Ключові слова: духовно-моральні проблеми, сучасна азербайджанська поезія

Safaraliev A. B. Spiritual and moral problems in modern Azerbaijani poetry / A. B. Safaraliev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 429–435.

Artistic expression of spiritual and moral problems in modern Azerbaijani poetry occupies a special place. The basis of active attitude to the spiritual and moral values causes historically due to their strong reference to this problem in Azerbaijani literature. It should be noted that the embodiment of spiritual and moral problems in classical poetry is often represented on the artistic and didactic samples background.

But nowadays, the modern incarnation of poetic spiritual and moral values requires a kind of unique approach which should not be lost sight of in relation to the literary heritage.

In modern Azerbaijani poetry the most attention to spiritual and moral issues was paid in the works by Bakhtiyar Vahabzadeh Nabi Xazri, Khalil Rza Uluturk, Habil, Mamed Araz, Fikret Sadig, Fikret Goja, Musa Yagub Mamedov Ismail, Chingiz Alioglu, Nusret Kesemenli, Sabir Rustamkhanly, Abbas Abdullah, Vagif Samadoghlu, Alekper Salahzade, Rustam Behrudi, Vagif Bayatli Oner and many other poets. The author states that the study of the creative heritage of all these poets in the context of implementation of spiritual and moral values in poetry is impossible. In a scientific paper he analyzes the most characteristic points.

The novelty of the raw material of life is the basis of ideological and artistic innovation, but it is not the only sign. Besides the novelty of vivid material this material requires creative attitude and novelty of its perception. Master of this innovation can achieve its consistent, serious, multilateral extensive aims. As we can see, the critic's method of approach to the raised problem is peculiar with respect to the creative works by Ramiz Rovshan. The results of the scientific work are reached after precise observations and careful scientific work.

Keywords: spiritual and moral problems, modern Azerbaijani poetry.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 811.512.162

АНАЛИЗ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА В РОМАНЕ «СУДОВЕРФЬ»

Казымова С.

Азербайджанский университет языков

В научной статье автор проводит анализ взаимоотношений личности и общества в романе «Судоверфь». В статье приводится библиография произведений писателя, анализируется его биография и фильмография. По словам автора, Гасан Сеидбейли ушел, оставив азербайджанскому народу за 30-тилетнее литературное творчество богатое наследие. В его формировании как мастера важную роль сыграла бакинская атмосфера. Произведение привлекает наше внимание больше жизнью наших современников, отношениями между людьми, чем внутренним миром работы судопроизводства, подробностями производственного процесса. Автора больше интересует сложность человеческих отношений, разнообразие судеб.

Ключевые слова: литературный анализ, критика, личность, общество, роман «Судоверфь».

Постановка проблемы. Имеющий определенные заслуги в развитии азербайджанской литературы и культуры XX века писатель, драматург, сценарист и режиссер Гасан Сеидбейли является одним из наших мастеров, обладающих богатым и разносторонним творчеством. Он в своем 30-тилетнем литературно-художественном творчестве в качестве талантливого мастера подарил нашей литературе ценные произведения. Написанные Г. Сеидбейли на различные темы прозаические произведения и сегодня читаются читателями. В его творчестве особое место занимают образы людей с разными характерами и судьбой, отображающие отдельные слои нашего общества. В разностороннем творчестве писателя важное место занимают идущие в нашем обществе важные общественно-политические проблемы, изображение творящих и созидających людей, интересный рабочий процесс трудящихся в нефтяной промышленности людей, критика негативных моментов, отражающих теневые моменты нашей жизни и борьба с ними, художественное решение нравственно-моральных проблем, раскрывающих переживания во внутреннем мире человека. Гасан Мехди оглы Сеидбейли родился 22 декабря 1920 года в Баку. В 1938 году он закончил среднюю школу № 132 с успешными оценками. В 1938-1939 году он учился в Ленинградской школе киноинженеров, в 1943-1950 годах же получал образование на кинорежиссерском факультете Всесоюзного Государственного института кинематографии в Москве. Вернувшийся в родной Баку после завершения обучения, Гасан Сеидбейли с того же года приступил к деятельности в качестве режиссера на киностудии «Азербайджанфильм» и, кроме того, серьезно занимался литературной деятельностью.

Гасан Сеидбейли ушел, оставив нашему народу за 30-тилетнее литературное творчество богатое наследие. В его формировании как мастера важную роль сыграла бакинская атмосфера. Так, читал, с интересом изучал произведения классической азербайджанской, европейской, восточной и русской литературы. Его походы на театральные представления, участие в творческих кружках, серьезное изучение ли-

тературных вопросов еще больше увеличил его интерес к театру, расширил творческие горизонты. Писатель, говоривший - «Творчество, прежде всего, - это труд. Это глубокие интересные наблюдения, бессонные ночи, частые сожаления, небольшие радости... Затем снова поиски, напряженные, мучительные поиски – это творчество» - осознавая ответственность, тяжесть творческого процесса, очень серьезно относился к своей литературной деятельности. Повести Г.Сеидбейли «На берегах Кумы» (1953), «Сельский врач» (1956), «Телефонистка» (1960), романы «Из фронта на фронт» (1961), «Годы проходят» (1973) (вместе с И.Касумовым), «Верфь» (1975), «Цветок» (1978) привлекли внимание литературной общественности и читателей. Пьесы «Море любит храбрых» (1954), «Зачем ты живешь» (1959) (оба вместе с И.Касумовым) повествуют о труде, морально-нравственной чистоте наших современников. Роман «На дальних берегах» (1974) посвящено Герою Советского Союза Мехти Гусейнзаде. Драматические произведения «Экзамен», «Золотоискатели», «Закрытые двери» были поставлены на сцене в Азербайджане и за рубежом, и принесли автору славу. Книги Г.Сеидбейли «Ценные капли» (1952), «На дальних берегах» (1954, вместе с И.Касумовым), «Годы проходят» (1969), «Верфь» (1975), «Из фронта на фронт» (1979), «Цветок» (1978) «Виденные мной места» (1980, путевые заметки о поездках в Америку, Югославию и Японию) были изданы на эстонском и венгерском языках. Гасан Сеидбейли, как мастер с широкими творческими поисками, наряду с тем, что многосторонне и плодотворно работал, и относился ответственно и обращал особое внимание на художественное качество написанных им произведений. Важная часть творчества Г.Сеидбейли связана с его режиссерской деятельностью. Он впервые в истории азербайджанского кино снял цветной документальный фильм «От Баку до Гейгеля» (1947). Увековечивший историю родного края, художественную летопись в памяти лент мастер впоследствии дал экранную жизнь короткометражным фильмам «Большой путь» (1948), «Сады Губы» (1948), «В долине реки Тертер» (1949), работал над полнометражным фильмом «Золотое кольцо» (1949). Г.Сеидбейли с детских лет был влюблен в литературу и искусство. Вспоминая те годы, писатель говорил: «Я был ребенком. Мир искусства в самые крылатые, создающие чудеса периоды мне казался недостижимым. Дж.Джаббарлы, Г.Джавид, М.Мушфиг, Вургун, А.М.Шарифзаде, У.Раджаб.... Мне казалось, что они более велики, более разумны, более дальновидны, чем простые люди. В моем представлении каждый из них был гигантом. Прошли годы, недостижимые мечты стали превращаться в реальность... И я написал... И мои книги вышли... Но они... упомянутые корифеи не стали обычными... Не уменьшились, в моем представлении еще больше возвысились».

Рассматривая фильмографию Гасана Сеидбейли как мастера, видим, что сценарий большинства снятых им фильмов написал он сам. В этом контексте можно упомянуть на долгое время снискавшие уважение зрителей фильмы «Телефонистка» (1962), «Кого больше любим» (1964), «Остров чудес» (1965), «Почему ты молчишь?» (1966), «Найдите ту девушку» (1970), «Заботы счастья» (1976). Хотим отметить и то, что последний фильм на X Всесоюзном кинофестивале удостоился диплома. У Гасана Сеидбейли были и фильмы, в которых он участвовал исключительно как режиссер. Фильмы «Наш учитель Джабиш» (1969), «Насими» (1974) зрители

и по сей день встречаются с интересом. Посвященный классическому азербайджанскому поэту и философу Имамеддину Насими фильм «Насими» на 7 Всесоюзном кинофестивале удостоился награды «Самый лучший исторический фильм». Гасан Сеидбейли написал сценарии фильмов «Нашему родному народу» (1954), «Под палящим солнцем» (1956), «На дальних берегах» (1958).

Имеющий большие заслуги в формировании азербайджанского духовного мира Гасан Сеидбейли удостоился таких почетных званий как заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР (1960), народный артист Азербайджанской ССР (1976), таких наград, как ордена «Трудового Красного Знамени», «Знак почета». Эти годы прошлого столетия в литературном процессе запомнились рядом свойственных особенностей. С одной стороны, эти годы в советской державе, в том числе и в Азербайджане, происходившие коренные изменения в литературно-эстетическом отношении глубоко влияли на новые литературные образцы, а с другой стороны, государственная партийная машина, связанная с попыткой восстановления сталинистической тоталитарной системы, характеризуется сильным контролем цензуры к новым произведениям.

Но в эту эпоху существовала и другая форма контроля литературного процесса: Это направление покорение новых вершин искусного мастера литературы, в тоже время прививающий к ним чувство большой ответственности, активный интерес читателя и требующий доброжелательное отношение литературной критики. Именно за счет этого отношения в 70-ые годы Азербайджанская литература достигла больших успехов. Можно сказать, что в эту эпоху все видные образцы нашей литературы были переведены на русский язык и широко распространены как в общесоюзном, так и в международном масштабе. Оценка Азербайджанской литературы 70-х годов русским писателем Юрий Лебедевым, о занимавшем положении его в советской литературе рождает четкие представления. Передо мной роман в двух частях: Первая часть напечатанная в Азербайджанской Государственной Типографии под названием «Тарсана». А другая, имеющая много исправлений, состоявшая из 226 печатных пожелтевших страниц, пролежавшая папка. Вторую часть романа представила нам семья Гасана Сеидбейли. Пока нет никаких точных сведений о том, когда автором было напечатано II часть романа. Но нужно отметить один нюанс, что в любом случае, не увидевшую свет эту часть романа автор редактировал еще при жизни и по каким-то объективным или субъективным причинам не представил изданию. Вначале 70-х годов в журнале «Азербайджан» о романе писателя-режиссера «Судоверфь» литературная критика высказала свое мнение. В процессе издания I части произведения в журнале «Литературный Азербайджан» на русском языке, автор пересмотрев его еще раз, сделал множество изменений. В зависимости от степени одаренности каждый писатель перед изданием может обрабатывать произведение. Но после издания произведение отдается в распоряжение читателя, которое уже пропитывается в душах читателей, то это произведение не так-то легко нерационально и не выгодно переобрабатывать. Г.Сеидбейли был писателем, умеющим работать над уже опубликованным произведением. Его роман «Судоверфь» было успешным произведением в целом. Оно устраивает читателя, создает приятное впечатление об авторе, дает право на рассуждение. И даже если в основном сохра-

нены основная черта, направление и общедушевность, новый взгляд, современное мышление по неволе оказывает свое влияние. Работу писателя над «Судоверфью» можно оценивать так: чрезмерное требование, общественное, художественно-мыслительное достоинство, серьезная ответственность – автор направлял трудную творческую работу. Одним из положительных качеств Г.Сеидбейли как писателя, заключается в том, что он выбранную тему великолепно изучает, проводит поиски, как творческий и исследовательский человек, занимается выяснениями, находится в центре событий, проводит исследования, всесторонне изучает прототипы, чувствует, мыслит, обобществляя, восприняв через себя в целом, и только после принимается за перо.

Примером могут служить такие произведения как: «Годы проходят», «Чичек» и «Судоверфь». Жизнь в произведениях Г.Сеидбейли, как воды бушующего Каспия, пылает всюю разноцветностью. Герои этих художественных образцов в основном – молодежь. В настоящем смысле слова – строящие, творящие, любящие, любимые, бесконечно мечтающие в грезах девушки и парни. В успехи I части романа «Судоверфь» приобретены за счет честных самоотверженных людей. Просмотрев фильмы Г.Сеидбейли, прочитав его повести и романы, дыхание становится ровным, с легкостью веришь в события, приятная теплота распространяется по телу. Четко чувствуется возвышенность, сотворяешь молитву за упокой души автора, мысленно вспоминаешь, любишь. Упрощенность, образность, ясность мысли и цели, богатый художественный язык с разнообразностью словарного запаса, с сюжетом, картина пейзажа – настоящая творческая школа. Именно по этой причине Г.Сеидбейли наш современник.

С I страниц II части романа писатель от имени рассказчика произносит монолог о тяжелом положении, проблемах Каспия. Эти строки схожи с тревожными звуками барабана. Этот монолог-зов, помощь, восстание, призывает человека к ответственности. Оказывается борьба за очищение Каспия началось с 70-х годов такими образованными писателями, как Г.Сеидбейли. В Судоверфь назначается новый директор Эйюб Карибли. С первых дней его дела плохи. В каждом цехе не хватает по 2-3 специалиста. События происходившие в судоверфи-описывают реальную действительность. Случайно ли или неизбежно происходившие события, отношения, диалоги, встречи многих заботливых, хрупких людей, чувствительных людей к судьбам, может иронией судьбы выпавшие на долю разными приметами автор доводит до сведения. Читатель верит в скорое освобождение от смуты своего любимого героя. Г.Сеидбейли пытается разуверить читателя в литературно-художественную силу логики и достигает этого. Выходит так, что в этом суетном мире ни плохое, ни хорошие не забываются. Пусть даже самому не суждено будет достичь, когда-то дети встретятся с этим. Но в романе некоторые моменты не удовлетворяют читателя, события выходят из естественного течения. В кабинете Эйюба на маленьком, что-то вроде собрания, выслушивая жесткие слова Туту, будто-бы из-за будущего родства не отвечая ей, безшумно наблюдавшая за всем этим из-за двери его жена Лятифа (Лятифа приходила в контору мужа за деньгами для детской коляски), спускаясь по лестнице, не внимательность Эйюба к ее вопросам и другое-эпизоды выглядят неправдоподобными. Но несмотря на эти мелкие недостатки, герой произведения Эй-

люб-уверенный и надежный. Из-за проведения всей своей жизни на судовой верфи, здесь нет ничего непонятного ему. Со всеми работниками он в искренне дружеских отношениях. Даже пытается, чтобы его заместители и начальники цехов тоже обращались с работниками по его методу. Директор серьезно пытается, чтобы на Судоремонтном заводе – в нарушенном ритме работы по всей судовой верфи навести порядок. Этот оптимизм, его душевная мобилизация-все это проявляется и в семье. Даже «играя» с маленьким сыном Газанфаром, мыслит его на работе. Эйюб Карибли в главном управлении, возле руководства соседней верфи прославился честным, знающим свою работу руководителем. Но обязательства-соблюдать принципы социологической идеологии-для него становится щекотливым. Как и всюду, на Судостроительном заводе тоже проводится соцсоревнование, «осуществляется» план. Это одна из задач, ставивших директора в трудное положение. Одна из причин ухода с завода 2-х лучших и честных инженеров слитного цеха связана с непригодностью устаревших станков, с забракованностью продукции. В действительности рабочие и инженеры материально и духовно плохо обеспечены. Просто любовь, вера, надежда в коммунистическую идеологию «вынуждает» охотно работать этих людей. Высшее руководство, т.е. министерство ставит Эйюба Карибли перед рабочими завода в безвыходное положение. Для улучшения положения, обращаясь за помощью в министерство, получает такой ответ: «мол середина года, ничего не сможем сделать, придется подождать конца года». Работающий в управлении председателем заводского Шабанов, внешне хоть и близок, внутренне он очень далек от Эйюба Карибли. Внешне страх перед партией, фанатичный, отзывчивый в поступках, показывающий себя усердным к работе, наяву во внутреннем мире у него склонность к алчности, взяточничеству. В конце I главы диалог с Эйюбом Карибли – 1 из моментов, подтверждающих эту мысль. Бюрократизм Шабанова виден из этого диалога. В истории Азербайджана произошли такие случаи (правда на разных этапах), после которых писатели, поэты и даже историки в дальнейшем неоднократно обращались к этим событиям, из-под разных концов, выясняя, анализировали эти события. Конечно же, учитывая новизну эпох общественного строя. Роман «Судовой верфь» - один из таких публицистических произведений. Но в этом произведении привлекает внимание и читателя и исследователя не основным качеством позиции, а связанным с ней собственным характером. Иногда некоторые художественные образцы некоторым образом «покидают» творчество мастера и переходят на размышление народа о себе, времени. Такие произведения «Настроение народа, прекрасность языка, призыв народа к старшим детям, здороваясь друг с другом через тысячелетие, как с главной ветви литературного дерева звучат вместе с бытием времени и переходят из уст в уста от мало до велика». Все это «колыбельные» литературы, припевы, азбука, пробные камни, в прямом смысле слова, избранные Господом жемчужины. И.Г.Сеидбейли посчастливилось быть автором, вернее соавтором такого «Избрания Господа». Это «избрание» совместно созданный с И.Касумовым роман «На дальних берегах». Нужно отметить и то, что мастер какого-бы великого творческого потенциала не достигал бы, приложенный путь к «избранному» после покорения вершины, его дополнение, доказывать достигнутый успех – не случайность. И первая изданная часть «Судовой верфи», и еще не увидевшая свет II часть романа – подтвержде-

ние достойно занявшего места Г. Сеидбейли в современном литературном мышлении. II глава произведения начинается со случайной встречи Лалы с Алескером. Лала вместе с однокурсниками пишут картины памятников прошлого столетия в «Ичери-Шехер». Алескер вместе с двумя товарищами, случайно проходя мимо, видит Лалу. Уже больше года они не встречались. В последнем телефонном разговоре Лала в речи Алескера уловила какое-то безразличие, холодность. Это безразличие, видно, сильно потрясло Лалу. Поэтому эта случайная встреча возбудило Лалу, бросило ее в дрожь. А для Алескера это была обычная встреча со знакомой. Увидев дрожание рук Лалы, покраснение ее лица, Алескер быстро убирает руку; произнесение некоторых слов по поводу картины, уход Алескера тревожит Лалу. Эту встречу Лала считает логичной с безразличным телефонным разговором и от этого она еще больше колеблется. Эти эпизоды – способность писателя анализировать тонкости человеческой психологии, а главное, воплощение глубокого ощущения чувств влюбленных. Чем связано это безразличие Алескера к Лале? Естественно, что читатель ища ответ на этот вопрос, представляет перед собой соперницу Лалы Туту. Но это предположение отношения Алескера к ней тоже опровергается. Обратим внимание на 1 эпизод. «... Ленинградцы должны были завтра утром отправиться в путь. И по этому поводу этим вечером у них должен был состояться что-то вроде прощального ужина. Туту тоже была здесь. Ее пригласил Андрей. У Андрея после вечеринки не было надежды на то, что Туту проведет время с ним. Просто, зная отношение Туту к Алескеру, Андрей пригласил ее сюда. Присутствие Туту на этой вечеринке не понравилось Алескеру. Туту, как всегда была в форме. Начиная с темно-изумрудного платья вплоть до украшений - во всем чувствовался тонкость вкуса и нежность. Алескер, обратив внимание на ее украшения, подумал, что девушка по-настоящему потратилась на себя. Во внешнем виде – все тоже было подробно обдуманно. Не к чему было придираться. Одним словом, она продемонстрировала себя во всем своем величии. И в представлении Лалы писатель не скупился тоже. Автор, объединив в Лале все особенности красоты, в окружении Алескера выделил ее необыкновенной. Преображаясь целомудренностью, нежностью, свежестью, чистой, хрупкостью, Лала очаровывает окружающих. Она ни с кем не сравнима. Лала, сделав первый шаг, хочет приблизиться к Алескеру. Но Алескер отдаляется. И наоборот, когда Алескер пытается приблизиться к Лале, какая-то неведомая сила отдаляет ее от него. Влюбленные, живя в одном и том же веке, году, месяце, в одном времени года, в то же время который живет в своей эпохе, в разных мирах. Лала живет в молодых годах своей жизни, а Алескер живет в самую ответственную эпоху своей жизни. Произведение имеет и свои недостатки. В конце II главы романа описание подробностей путешествия Зии с голубоглазым Сейфуллой в Шемаху создает уютную атмосферу. В этом эпизоде привлекающее внимание эпизоды составляют минимальность» есть необходимость в сильном редактировании. Это, в первую очередь, связано с тем, что разница между сегодняшним читателем и читателем 70-х годов прошлого столетия слишком большая. Недавно один русский критик в Российской прессе отмечал, что чтение в современной эпохе составляет всего 22%. Если мы проведем опрос среди азербайджанских читателей, то естественно этот показатель будет еще ниже. Стремящиеся проницательные подробности описываемых

событий, «никуда не спешивший, немного отличающийся от медлительности читателя, сегодняшний читатель, привыкший к краткости, привык к современно новому типу художественного произведения. Вот подступаясь от этой призмы, по-нашему, нужно еще раз отметить потребность профессионального редактирования II части «Судоверфи». В III части один из моментов удовлетворения читателя – это сравнение прошлого с сегодняшним Каспием. Усердно отмечается предотвращение загрязнения Каспия и неизбежная серьезная борьба против неблагодарных. Герои Г.Сеидбейли – граждане по-настоящему любящие, любимые. Пафос гражданства, его пыл характерен творчеству писателя. Известный писатель Юсиф Азимзаде пишет: «Все произведение Г.Сеидбейли, не зависящие от жанра и формы, связаны с самыми трудными и актуальными задачами нашего дня, времени. Военный патриотизм, творческая работа, чистая любовь, воспитание молодежи, городская и деревенская жизнь, борьба за мир, самоотверженность нефтяников, образы охраняющих нас органов милиции – все эти темы, интересующие Г.Сеидбейли, мастерски отображающиеся в творчестве писателя». О прошлом Каспия Хабибулла рассказывает дочери Лале интересные истории. Эти знания, возможно, интересны молодым читателем, но для сообразительных – это напоминает обыкновенное, произошедшее событие. II часть «Судоверфи» производит впечатление незаконченных моментов. Смерть Наджафа ожидаемая. А как заканчиваются любовные приключения Лалы, Туту и Алескера? Автор мог бы достичь законченности с художественной стороны концовки любви Алескера к Лале или к Туту после большой разлуки сливаются друг с другом. На Судо-Ремонтном заводе Эйюба Карибли удачи, неудачи руководства в перспективе ясные зори остаются затуманенными. Хорошее знание жизненных материалов автора «Судоверфи» становится одним из важнейших факторов успеха.

Выводы и перспективы. Упорные творческие искания дали хорошие результаты. Несмотря на некоторые отмеченные недостатки, для создания произведения шла большая подготовка, Г.Сеидбейли, словно не раз бывал на Судо-Ремонтном Заводе, глубоко и всесторонне изучил все материалы. Еще со временем академик Мамед Ариф, прочитав I часть «Судоверфи», писал: «Судоверфь» - это не только производственный роман. Произведение привлекает наше внимание больше жизнью наших современников, отношениями между людьми, чем внутренним миром работы судопроизводства, подробностями производственного процесса. Автора больше интересует сложность человеческих отношений, разнообразие судеб».

Вообще, II часть романа – произведение, читающееся с интересом, вынуждающая думать, в некоторых случаях готовящая людей к жизни, прививая оптимистический дух.

Литература

1. Алибекова Г. Судоверфь / Газ. «Бакинский рабочий».- Баку, 1974, 22 января (на азерб. языке)
2. Рустамханлы С. Одно из Божественных избраний / «Литературная газета».- Баку, 2006, 11 августа (на азерб. языке)
3. Сеидбейли Г / «Каспи».- Баку, 2010 (на азерб. языке)
4. Сеидбейли Г. Газ. «Кино».- Баку, 1994.- №10 (на азерб. языке)
5. Журнал «Азербайджан».- Баку, 1974.- №1 (на азерб. языке)

Казимова С. Аналіз взаємовідносин особистості та суспільства у романі «Судноверф» / С. Казимова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 436–443.

У науковій статті автор проводить аналіз взаємовідносин особи та суспільства в романі «Судноверф». У статті наводиться бібліографія творів письменника, аналізується його біографія і фільмографія. За словами автора, Гасан Сеїдбейлі пішов, залишивши азербайджанському народові за 30 -річну літературну творчість багату спадщину. У його формуванні як майстра важливу роль зіграла бакинська атмосфера. Твір привертає нашу увагу більше життям наших сучасників, відносинами між людьми, ніж внутрішнім світом роботи судочинства, подробицями виробничого процесу. Автора більше цікавить складність людських відносин, різноманітність долі.

Ключові слова: літературний аналіз, критика, особистість, суспільство, роман «Судноверф».

Kazymova S. Analysis of the relations between the individual and society in the novel “Shipyard” / S. Kazymova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 436–443.

In a scientific article, the author analyzes the relationships between the individual and society in the novel “The shipyard”. The article provides a bibliography of the writer, analyzes his biography and filmography. Hasan Seyidbeyli gone, leaving the people of Azerbaijan for 30-year-old literary creativity rich heritage. In its formation as a master of the important role played Baku atmosphere.

Patient and hard creative search yielded good results. Despite some shortcomings noted, was made a lot of preparation work in order to write this novel, G.Seyidbeyli repeatedly visited the Ship-Repair Plant, deeply and comprehensively studied all materials. Over the years academician Arif Mamed after he read 1st part of the novel “Shipyard” wrote: “The shipyard” – is not only the novel about the plant work. Artwork draws our attention more on the life of our contemporaries, the relationships between people than the inner world of the proceedings, the details of the production process. The author is more interested in the complexity of human relationships, a variety of fates. II part of the novel - is read with interest, force to think in some cases and prepare people for life, instill an optimistic spirit and hope.

Keywords: literary analysis, criticism, identity, society, the novel “The shipyard”.

Поступила в редакцію 03.03.2014 г.

УДК 801.82:821(=512.19):821.161.1

**АЛИМ АЗАМАТ ОГЛУ В РОМАНЕ Ю. БОЛАТА «АЛИМ»
И В РОМАНЕ Н.А. ПОПОВА «АЛИМ – КРЫМСКИЙ РАЗБОЙНИК»**

Сеитязьева Т. Р.

РВУЗ КИПУ

E-mail: tamila_b36@mail.ru

В статье на материале художественной литературы об Алиме Азамат оглу делается попытка сопоставить один и тот же образ, получивший воплощение в двух произведениях, написанных в разное время различными авторами, а также сравнить две точки зрения на мотивацию поступков литературного героя. Основными источниками исследования, посвященными данному вопросу, являются роман Ю. Болата «Алим» (1940), его вторая часть – «Алим аткъя минди» (1980) и роман Н. А. Попова «Алим – крымский разбойник» (1895).

Работа структурно состоит из постановки проблемы, изложения основного материала, заключения, списка использованных источников. Путем исследования жизненного пути литературного героя, описанного в двух произведениях, автором статьи определены отношение романистов к своему герою, а также различные взгляды на мотивацию поступков и на эпоху в целом. Работа представляет собой самостоятельное завершённое исследование, которое имеет теоретическое и практическое значение для развития крымскотатарской литературы.

Ключевые слова: образ, роман, Алим Айдамак, крымскотатарская литература, русская литература

Постановка проблемы. Предания об Алиме Азамат оглу, широко распространенные в крымскотатарском фольклоре, послужили источником для создания романов в крымскотатарской и русской литературе. Так в 1940 г. свет увидел роман Ю. Болата «Алим», а уже в 1980 г. вышла вторая часть романа «Алим аткъя минди». В его основу легла жизнь легендарного Алима Айдамака. Вторая часть охватила предания об Алиме, поражавшие некогда весь Крым. Также в 1895 г. издался роман Н. А. Попова «Алим – крымский разбойник». Источником романа послужили те же предания об удалом разбойнике, державшем в страхе весь полуостров.

Анализ литературы. Несмотря на популярность Алима Азамат оглу в фольклоре и литературе, в литературоведении его образ не являлся предметом специального исследования и требует всестороннего изучения.

Цель статьи – в данной статье делается попытка сопоставить два романа – «Алим» Ю. Болата и «Алим – крымский разбойник» Н. А. Попова.

Изложение основного материала. Объединяет оба романа то, что источником для их написания явились предания об Алиме, популярные в Крыму во второй половине 19 века.

Оба автора изображают в своих романах мурз как угнетателей простого народа. Собственно, с несправедливого отношения мурзаков и начинаются мытарства Алима и его семьи.

«Мурзаки – великая язва страны во все времена и века... Мурзаки никогда не признавали никакого закона, они преклонялись только перед силой и на простых татар, поселённых на их землях, смотрели буквально, как на домашний скот... До какой степени велик произвол мурзаков, трудно себе представить. Личность просто-

го татарина находится в постоянной зависимости от мурзаков. Он порет его нагайкой и имеет право всегда, когда ему вздумается, прогнать из своей деревни. Поборы, которые берут мурзаки с татар, поселённых на их землях, чрезвычайно велики, а именно: татарин обязан десятый сноп отдать мурзаку, обмолотить его и свезти в город; с каждого вола, верблюда и лошади он обязан платить по рублю серебром с головы, за мелкий скот: овцу, барана, козу – тридцать копеек. И при всех этих поборах мурзак имеет право по своему капризу прогнать поселянина во всякое время дня и ночи» [1, 16].

Как видно из романа, Алим вместе с отцом работал на мурзу. Но однажды разразилась беда, когда Азамат отказался выполнить приказ Ибрагима загнать чужой скот на его земли. Мурза рассвирепел и выгнал семью Азамата со своей земли, не смотря на мольбы последнего.

«Во время этой сцены сын старого Азамата Алим – красивый молодой человек лет двадцати двух стоял несколько поодаль и с глубокой ненавистью смотрел на рассвирепевшего самодура, рука Алима судорожно сжимала чёрную рукоятку ножа, заткнутого за его пояс» [1, 31].

Родители и сестра Алима горько плакали. «Только глаза одного Алима были сухи, они не выражали горя, по временам метали искры, искры недобрые. Видно было, что дикий произвол мурзака самодура поднял со дна души Алима злые инстинкты. Если бы знаменитый владелец Копека видел в это время выражение лица сына Азамата, он бы испугался. Подобное душевное состояние всегда ведёт к роковым последствиям» [1, 32].

В ту же ночь Азамат отправился в Карасубазар, где на другой же день распродал своё хозяйство за бесценок, затем ушёл с женой и дочерью в Симферополь искать работу. Алим остался в Карасубазаре, его нанял в работники караим Бабаджан.

Ю. Болат в своем романе повествует об изгнании мурзой Алима с матерью из деревни. Все это произошло после того, как сестра Алима покончила с собой, бросившись в колодец, не смирившись с надругательством над ней мурзы, как умер от горя и побоев Азамат.

С ранней юности Алима характеризует любовь к справедливости, открытое сердце, нежелание мириться с угнетениями. Интересен образ учителя Ресульфенди, его призывы учиться и просвещаться оказывали влияние на молодого Алима. Несговорчивость учителя с местным духовенством и мурзами, сделала его их врагом, за что он оказался в доме для умалишенных. Любовь к Саре последняя капля в завершенности выбора Алима. Молодые люди полюбили друг друга, но богатый купец Бабаджан ни за что не желал признавать их любовь.

Сара, так звали возлюбленную Алима в романе Болата, полюбив Алима, уговорила его на совместный побег, чем заслужила гнев отца, беглянку вернули домой, а Алима, обвинив в краже, заключили в тюрьму. Сара, не оправившись от горя, чахла и угасала, Алим же, несправедливо оклеветанный стал на путь разбоя.

«...Татары всего Крыма были на стороне Алима, разбойник повсюду находил себе кров и пищу; да кроме того татары сообщали ему о каждом шаге всех исправников, станowych и мурзаков» [1, 80].

«Иногда Алиму приходилось ночевать в деревнях, где жили мурзаки, но последние об этом никогда не знали. Крымские татары в 40-х годах были верны традициям прошлого, в Алимe они видели не преступника, а джигита и зорко его охраняли. ...Алим помогал бедным, был необыкновенно храбр, всегда действовал в одиночку, останавливал с нагайкой в руках десятки вооружённых людей, грабил их, но ограбленное отдавал бедным. Таким образом, все простые татары были на стороне Алима, а помещики и купцы употребляли все зависящие от них средства, дабы поймать разбойника» [1, 80]. Свои разбойничьи подвиги Алим совершал всегда ночью. Весь его день был посвящён Рахиль. Она каждый день приезжала к нему в горы и проводила с ним всё время до заката солнца. Часто Рахиль порывалась ехать со своим другом на почтовую дорогу и помогать в ночных приключениях, но Алим решительно был против этого.

« – Довольно и того, что ты из-за меня решилась на убийство мурзака, – говорил Алим, – я не позволю тебе рисковать собою. Мало ли что ночью может случиться? Кто-нибудь из остановленных может выстрелить, пуля попадёт в тебя, ранит, или, сохрани Аллах, совсем убьёт, что тогда будет со мною?»

« – А ты думаешь, моя душа не полна тревоги каждую ночь? – возражала Рахиль – если тебя заденет пуля, ты полагаешь, я перенесу это горе?»

« – Я исполняю в точности твоё приказание, моя джанечка», и берегу себя», – отвечал, всегда улыбаясь Алим.

« – То-то же смотри! Если я узнаю, что грозит тебе опасность, меня ничто не удержит; я буду с тобою», – говорила Рахиль, нежно обнимая молодого татарина» [1, 81].

Частые прогулки Рахиль по горам не оставались без протеста со стороны отца. Сначала Бабаджан пробовал удерживать дочь словами, потом употребил отеческую власть, запретил давать ей лошадей, но всё оказалось бесполезным. Бабаджан выражал беспокойство по поводу того, что Алим беглый разбойник, живущий вне закона, и что всякие отношения с ним ведут к ответственности. На что Рахиль упрямо отвечала, что не считает Алима разбойником, а джигитом и что не боится попасть в острог, ведь Алим там сидел, когда она его оклеветала. Она настойчиво убеждала отца в том, что если не будет видеть Алима, то умрёт непременно. Рахиль стала уходить в горы пешком. Наконец Бабаджан решился на последнее средство, он велел запира́ть комнату дочери на ночь. В одно утро домашние обнаружили, что комната Рахили пуста, она выпрыгнула ночью в окно и ушла. На третий день явилась Рахиль домой, и бедный отец вынужден был сообщить своей любимице, что с этих пор он предоставляет ей полную свободу и любого скакуна из конюшни, но молит её именем Всевышнего, чтобы она пощадила его седины. С тех пор Рахиль беспрепятственно уезжала в горы.

В романе Попова образ Рахили отличен от образа Сары. Рахиль погибла, решив спасти Алима из тюрьмы, она подкупила стражу, проникла внутрь острога и упала с крыши, застреленная конвоем.

В романе «Алим аткья минди» Алиму помогает бежать из тюрьмы некий солдат Михаил Петров.

Так дело и кончилось одним шумом. Власти ограничились строжайшим предписанием исправникам доставить разбойника Алима живым или мёртвым. Последнее распоряжение повело лишь к тому, что татары ещё более стали охранять Алима, им был хорошо известен каждый шаг земской полиции. И захватить Алима врасплох в какой-нибудь деревне не было никакой возможности. «...Этот легендарный разбойник наводил панический страх на всех, он с нагайкой в руках останавливал десятки вооружённых людей. «Как на такого человека сунешься?» – говорили лакомые до награды. – «Нет уж лучше Бог с ним и с премией» – решали они. Впоследствии губернатор приказал исправникам объявить татарам, что если в такой-то деревне Алим будет иметь пристанище и об том узнают власти, то вся деревня поголовно поедет в Сибирь на поселение, но и это не помогало, татары не выдавали своего любимца; до такой степени Алим был популярен» [1, 95].

Отскакав десятка полтора вёрст от Симферополя, Алим осадил лошадь и поехал ходом. Миновав Зую, он остановился возле бузни. Был канун базара, и в бузне собралось большое общество татар. Войдя смело в бузню, Алим попросил молока и хлеба. Никто из присутствующих не обратил на него внимания, продолжая занимательный разговор о судьбе Алима. Собравшиеся выказывали сожаление, о том, что Алим пойман и будет казнён и что таких джигитов не было в Крыму со времён ханства. Они выражали непонимание, за что будут судить Алима, ведь он никому худого не делал, а лишь награждал бедных. Алим слушал все эти толки и улыбался. Покончив с завтраком, он бросил на стол серебряный рубль и обратился к аджи:

– «А тебе очень жаль, что Алим попал в руки гяуров?»

– «Ещё бы! Всякому правоверному жаль. Разве мало Алим наградил бедных людей. Этот джигит – наша гордость».

Алим успокоил земляков, объявив им, что сегодня ночью Алим бежал из тюрьмы. Радостная весть была приятна им, но ей мало верили. Алим предупредил присутствующих, что теперь начнутся преследования татар, на что последние вскричали, что готовы костями лечь за своего Алима. Тогда Алим сознался в том, что это он и есть. Татары не издали звука, а только с благоговейным ужасом смотрели на знаменитого джигита. Первым очнулся старый аджи, приложив руку ко лбу и сердцу, он поздравил Алима с приездом. Примеру старика последовали остальные. Алим ответив на приветствие, обратился к собранию:

– «Братцы! Если я бедный татарин иногда протягивал руку неимущему, то Аллаху и великому пророку Магомету угодно было сегодня вознаградить меня за всё сторицею. Я слышал такие похвалы, которые не заслужил. Я глубоко тронут, братья, благодарю вас за вашу любовь ко мне и прошу как милости: если кто-нибудь из вас будет нуждаться в деньгах или в защите от мурзаков, вспомните Алима, передайте вашу просьбу Менесеит Челеби, каждый из вас его знает, и верьте, Алим сделает для вас всё, что в состоянии» [1, 106]. С этими словами отправился он восвояси. Радостно было у него на сердце. Овация, устроенная татарами в бузне в его честь, их искреннее расположение к нему, произвели на него глубокое впечатление. Алим, подъезжая к горам, не заметил, что его выследил один болгарин. Последний сообщил об этом становому. Расспросив подробно, на какую гору взбирался Алим, пристав тотчас распорядился собрать из болгарской колонии Кишлава двадцать че-

ловец и, вооружившись пистолетом и кавалерийской саблей, отправился со всей этой командой делать облаву на Алима. Поймать беглеца на этот раз было совсем нетрудно.

«Алим, забравшись на самый верх горы, стреножил лошадь и заснул мёртвым сном. Именно в это время болгары, под командой станового на полгоре образовали цепь, так, что разбойнику некуда было уйти. Но жеребец Алима точно хотел спасти своего хозяина. В то время, когда внизу закопошился народ, он громко заржал. Алим мигом проснулся и понял в чём дело. Не спеша, он распутал коня, сел в седло и стал спускаться вниз. В это время цепь была уже расставлена и карабкалась в гору. Алим выехал на полянку и громко крикнул: дорогу! Первый ретировался становой пристав, а за ним и вся его команда. Алим, миновав цепь, спустился вниз и исчез.

Спешу заметить, что этот эпизод из жизни крымского разбойника Алима не есть вымысел романиста, а факт совершившийся, хорошо известный всем старым крымчакам и впоследствии, когда Алима судили, записанный в обвинительный акт» [1, 108].

Романы отличаются также сюжетной линией. Если у Попова Алим, убитый горем из-за гибели Рахили, покинул Крым и уплыл в Турцию, став глубоко верующим человеком. То Болат закончил роман тем, что Алим бежал по дороге в ссылку в Сибирь с помощью Елизаветы Бетлинг.

По приезде в Стамбул, Алим решил отправиться в Мекку на поклонение гробу Магомета. Картины восточного характера действовали на воображение пламенного татарина, и Алим мало-помалу превратился из разбойника в аджи. Намерение посетить Мекку в нём утвердилось всё более и более. Из Стамбула в Крым были посланы эмиссары, в числе которых был и Алим. Побывав два раза в Мекке и прожив двадцать лет среди турок, Алим сделался приверженцем веры. Из Крыма он бежал ещё молодым человеком, теперь же возвращался туда стариком. Седая длинная борода, белая чалма и турецкий халат совсем преобразили бывшего разбойника, его не могли узнать не только начальники, но даже самые близкие ему люди. Получив паспорт на имя турецкого подданного Сулеймана Аджи, он смело предъявил его в севастопольской таможне и открыто повёл пропаганду. Всех больше в ту эпоху волновался Бахчисарай, Алим туда и отправился.

Алиму было достаточно побывать в нескольких деревнях, чтобы они поднялись все разом. После проповеди Алима в евпаторийской мечети, буквально вся городская слободка, населённая татарами, бросилась в Турцию. Алим действовал энергично, он объехал весь Крым, и всюду его проповедь имела своим последствием поголовное переселение татар в Турцию. Он вернулся в Стамбул, приобрёл хан и знаменитую «Зелёную кофейню». – «Мне хотелось бы положить мои кости в Мекке», – говорил задумчиво Алим. Так заканчивается роман Попова.

Выводы и перспективы. Оба романа охватывают одну эпоху, повествуют об одном человеке, выражают одну точку зрения, что Алим – национальный герой крымских татар. Но образ главного героя романа Н. А. Попова можно назвать романтическим, тогда как образ Алима у Юсуфа Болати более реалистичен. В пер-

спективе необходимо исследовать «романтизирующую» интерпретацию предания об Алиме на примере произведений авторов русской литературы.

Литература

1. Попов Н. А. Алим – крымский разбойник. Роман. / Н.А. Попов – Типография В. В. Комарова. – С.-Петербург, 1895. – 208 с.

Сеітягьяева Т.Р. Алім Азамат оглу у романі Ю. Болата «Алім» і в романі Н.А. Попова «Алім – кримський розбійник» / Т.Р. Сеітягьяева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 444–449.

У статті на матеріалі художньої літератури про Аліма Азамат оглу робиться спроба зіставити один і той же образ, що одержав втілення у двох творах, написаних у різний час різними авторами, а також порівняти дві точки зору на мотивацію вчинків літературного героя. Основними джерелами дослідження, присвяченими даного питання, є роман Ю. Болата «Алім» (1940) та його друга частина «Алім атк'а мінді» (1980) і роман Н. А. Попова «Алім – кримський розбійник» (1895). Робота структурно складається з постановки проблеми, викладу основного матеріалу, висновків, списку використаних джерел. Шляхом дослідження життєвого шляху літературного героя, описаного в двох творах, автором статті визначені відношення романістів до свого героя, а також різні погляди на мотивацію вчинків і на епоху в цілому. Робота являє собою самостійне завершене дослідження, яке має теоретичне і практичне значення для розвитку кримськотатарської літератури.

Ключові слова: образ, роман, Алім Айдамак, кримськотатарська література, російська література

Seityagyaeva T.R. Alim Azamat oglu in the Yu. Bolat's novel «Alim» in the N.A. Popov's novel «Alim – crimean robber» / T.R. Seityagyaeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 444–449.

In the article on the material of literature about Alim Azamat oglu was made an attempt to match the same image what described in two works written at different times by different authors, and also to compare two perspectives on literary hero acts motivation. The main sources of research are novel written by Yu. Bolat «Alim» (1940) and the second part of «Alim atka mindy» (1980) and the novel written by N.A. Popov «Alim – Crimean robber» (1895). The work structure is next: statement of the problem, the main material, conclusions, list of used sources. By examining the literary hero life path, described in two works, the author of the article identified novelists attitude to his hero, as well as different views on behavior and motivation on the era as a whole. Work is an independent completed study, which has theoretical and practical significance for the development of the Crimean Tatar literature.

Both novels describe the same epoch, tell about one person, but one of them describes Alim as a national hero of the Crimean Tatars. And other image by N.A. Popov can be called romantic, while the image of Alim by Yusuf Bolat is more realistic. In the future, it is necessary to explore the “romanticized” interpretation of the legends about Alim with the works of authors of Russian literature.

Key words: image, novel, Alim Aydamak, Crimean Tatar literature, Russian literature

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

УДК 82.01/09

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА КАК СРЕДСТВО ПРОДВИЖЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Талыбова А. Н.

*Гянджинский государственный университет
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

Литературной критике принадлежит ведущая роль в рекомендации художественной литературы через выдвижение, оценку и рекомендацию наиболее ценных произведений. Реализации принципа объективности не способствует негативная тенденция - коммерциализация критической деятельности.

Современной критике никак не удастся сочетать это требование времени с традициями русской критики.

Ключевые слова: критика, литературный анализ, литературоведение.

Постановка проблемы. «Критика» (от фр. critique) дословно трактуется как «искусство разбирать, суждение». В самом широком смысле данный термин означает выявление противоречий, разбор (анализ), обсуждение чего-либо с целью дать оценку. Таким образом, критике как культурному явлению присущи две основные функции: 1) аналитическая - анализ, исследование объекта для проникновения в его сущность; 2) оценочная - формулировка квалифицированного заключения о состоянии объекта на основании проведенного анализа.

Литературная критика относится к художественному виду критики, которая рассматривает особенности содержания и воздействия сообщений, зафиксированных в художественных коммуникационных каналах (музыка, танец, поэзия, литературная проза, живопись, скульптура, архитектура). Предметом литературной критики является современный литературно-художественный текст или классическое литературное наследие, трактуемые в контексте литературных и общественных событий современности, текущего культурного процесса.

В компетенцию литературной критики входит рассмотрение произведений текущего литературного процесса и ранее созданных произведений в свете проблем современности. Литературная критика призвана быть связующим звеном между художественным миром автора и читателем; в ней ярко проявляется еще одна функция - коммуникативная, непосредственно связанная с поддержкой и продвижением чтения.

Общеизвестно, что критика оказывает влияние не только на современный литературный процесс, но и на формирование общественного сознания потенциальных и реальных читателей. Критические суждения о литературе возникли почти одновременно с самим ее рождением, первоначально как мнение наиболее уважаемых, умудренных читателей. Выделившись уже в эпоху Античности в Греции и Риме, а также в Древней Индии и Китае как особое профессиональное занятие, литературная критика до сих пор сохраняет в ряду иных видов творчества «прикладное» значение общей оценки произведения, поощрения или осуждения автора, рекомендации книги другим читателям.

История Азербайджанской литературы показала, что авторитетность литературных критиков может как приподнять литератора в общественном сознании, так и надолго вычеркнуть его имя из активного читательского восприятия.

Для продвижения и оценки литературного творчества современная критика использует многообразие жанров: рецензию, критическую статью об отдельном произведении, обзор, эссе, проблемную статью, литературный портрет, литературный обзор, литературное письмо, пародию, памфлет, литературную параллель, критический диалог, полемическую заметку, библиографическую заметку, монографию о современном литературном процессе и др.

При анализе любого художественного произведения важен метод критики, определяющий основной принцип критического анализа. В зависимости от его содержания различают публицистическую, филологическую и философскую критику. Публицистическая критика в оценке литературных явлений выявляет их общественное звучание, творчество писателя становится при этом поводом для исследования действительности. Филологическая критика считает своей задачей прежде всего художественную и историко-литературную интерпретацию произведения, творчества писателя; в системе «литература - действительность» первую она рассматривает как исходную категорию. Философская критика рассматривает каждое литературное явление в свете общефилософских и обще эстетических проблем. В реальном критическом произведении разные жанры и виды литературно-художественной критики чаще всего переплетаются; в конкретных работах наблюдается преобладание того или иного метода анализа.

По уровню ориентации на круг читателей различают критические тексты, ориентированные на читателей с различным уровнем подготовки: профессионалов (литературоведов), квалифицированных и неквалифицированных читателей. Кроме того, критику нужно ориентироваться на степень знакомства читателя с художественным произведением.

Критик в своей работе обращается к читателю, стремится формировать его литературный вкус, оказать определенное нравственное воздействие, влиять на его общественную позицию, побуждать к чтению и сопереживанию эмоциям автора и критика; причем необходимо представлять читательскую аудиторию, для которой пишется материал, использовать понятный для данного контингента язык. Однако для литературоведческого развития личности читателя необходимо включать отдельные фрагменты выводов, превышающие сложившийся уровень данных читателей.

При ориентации на читателей, не знакомых с литературно-художественным произведением, считается ошибкой критика подача материала так, словно читателю хорошо известен творческий продукт исследуемого автора. Это связано с тем, что критика нацелена преимущественно на отбор и оценку новинок литературного мира, а большинство читателей имеют весьма смутное представление об объекте анализа. В этом случае основная задача критика - заинтересовать читателя книгой. Вместе с тем можно выделить материалы, глубокий критический анализ которых адресуется в основном тем, кто уже освоил в меру своего разумения содержание художественных новинок.

Писатель выступает косвенным участником диалога читателя и критика, однако этот диалог, безусловно, является востребованным писателем: он позволяет получить представление об экспертной оценке своего творения, помогает осознать значимость написанного текста, увидеть включенность литературного текста в актуальный социокультурный контекст и характер информационных потребностей общества. Таким образом, литературная критика для автора является профессиональным заключением об отчужденном произведении.

Характер оценки предопределяется ценностными критериями, внутренне сформировавшимися в сознании критика или обусловленными внешними условиями и требованиями (политическими и идеологическими приоритетами, мировоззрением критика, экономическими факторами и др.). Именно поэтому критики далеки от единодушного мнения о литературном процессе, авторе или конкретном произведении. Каждый критик одобряет то, что делает сам, и судит о чужих проявлениях по тому, насколько близки они его практике, и оценочным критериям, и вкусовым предпочтениям.

Профессионализм дает возможность приблизиться к объективности в оценке произведения, преодолеть барьеры субъективного восприятия художественного текста. Истинно талантливый критик обладает способностью углубляться в суть мира вещей (и особенно в его часть - мир литературных текстов), желанием анализировать, умением отбирать и отслеживать главное. Человек, постигающий новое во всем его многообразии и динамике, сам постоянно изменяется, совершенствуется, формируя собственный стиль изложения, узнаваемый читателями.

Наиболее полным определением литературной критики можно считать определение Ельчин Эфендиев, который характеризует литературно-художественную критику как «вид интеллектуальной деятельности, выраженный через организованный текст, в основе которого лежит анализ художественного произведения или произведений, выполненный человеком с литературным образованием в определенном духовном состоянии без учета личных и политических пристрастий».

Для выявления роли коммуникативной функции критики в современном литературном процессе и читательской активности социума необходимо осмыслить ее современное состояние и формирование особенности развития на современном этапе.

«Иностранная литература» («Среди книг») и др. Отделы критики формируются в основном из проблемных статей, творческих портретов, рецензий. Оригинальные материалы, публикуемые в них, являются эксклюзивными, охватывают широкий круг явлений литературной жизни: это дискуссии и споры по актуальным проблемам, обсуждения новых произведений, различного рода обзоры, выявляющие тенденции современного литературного движения. В критических статьях и рецензиях анализируются опыт отечественной и зарубежной литературы, творчество писателей и отдельные произведения. В целом отделы критики содержат материал, позволяющий читателю быть в курсе литературной жизни, понять структуру современного литературного процесса.

Отдельных проектов литературной критики не так много, поскольку критика требует усиленной работы и профессиональных знаний. Их общность проявляется в единстве объекта (художественные произведения) и жанре изложения материала.

Однако основные функции, задачи, непосредственные цели литературной критики и рекомендательной библиографии различаются. Весьма убедительным представляется мнение Б.Я. Бухштаба в вопросе об установлении различий между критикой и библиографией. Автор предлагал относить к библиографическим формам лишь те публикации критико-библиографического типа, в которых информационная функция преобладает над критикой.

Связь критики и библиографической информации в литературной периодике порождает взаимопереходящие критико-библиографические формы, к которым прежде всего относятся рецензии библиографического характера и аннотации. «Рецензия» (от лат. *recensio*) - критическое сочинение, в котором содержатся разбор и оценка произведения. Среди функций рецензии есть функция информирования о конкретных произведениях печати; она и позволяет считать рецензию способом библиографической характеристики. Двойственный характер рецензии наиболее четко попытался показать литературный критик Л.А. Аннинский, утверждающий, что рецензия выполняет «информаторские обязанности» и в то же время является продуктом «личного творчества».

Представления о единстве литературной критики и рекомендательной библиографии делают возможным размещение критических и библиографических материалов в одном отделе (например, «Критика и библиография»). Однако в объединенных отделах уязвимыми оказываются как критические, так и библиографические материалы. Критика, в частности, рецензии грешат «библиографизмом» - информационностью, в них велик удельный вес пересказа. И наоборот: библиографические материалы недостаточно информативны, зачастую многословны, отличаются субъективно-вкусовым подходом, неравномерно знакомят с разными сторонами содержания произведений. Кроме того, журналы помещают рецензии далеко не на все новые книги, представляющие интерес для их читателей; они запаздывают, качество их не всегда достаточно высоко.

Вопросы о сущности критики и ее месте в современном литературном процессе в последние годы разносторонне обсуждаются на страницах традиционной и сетевой прессы. В критической литературе существует определенное противостояние так называемых «бумажных» и «сетевых» критиков; в дискуссиях предпринимаются попытки выявить особенности, преимущества и ограничения видов критики, перспективы ее развития как сферы профессиональной деятельности. Социальные функции литературной критики, их модернизация в связи с появлением и активным развитием сетевой литературы, особенность личности критика, взаимосвязь писательского труда и деятельности критика - вот далеко не полный перечень проблем, в которых стараются разобраться исследователи.

Излюбленными темами современных критиков являются гибель (кризис) литературы, споры о положении писателей и критиков, особенности присуждения литературных премий, возможности и состояние литературных жанров и др. Следует отметить преобладание пессимистических настроений критиков. Профессиональное уныние в этой среде во многом объясняется ситуацией «кризиса критики», сложившейся в послеперестроечное время. Однако, несмотря на деструктивные тенденции, у критики имеется большой потенциал для развития, связанный с коммуникативной

функцией. Необозримость книжного рынка формирует острую потребность социума в экспертной оценке литературно-художественных текстов. У читателей существует реальная и неоспоримая потребность в анализе и аргументированной оценке произведений печати, в обоснованном определении их места и значения среди других произведений. Эта потребность формирует особый характер ценностного отношения к произведениям печати, который не может быть присущ ни научно-вспомогательной, ни рекомендательной библиографии.

В качестве ориентиров чтения современные читатели полагаются на авторитет издательств. Структура издательского рынка уже сложилась. Помимо общей специализации почти каждое издательство имеет концепцию, стратегическое видение своей ниши и роли в книжном процессе, для реализации которых использует определенные средства, адресованные конкретной читательской аудитории (имена публикуемых авторов, серии, жанр художественной литературы, особенности полиграфического оформления книг и др.).

Опираясь на эстетику, развивая ее, она являлась, с одной стороны, составной частью литературоведения, а с другой - самостоятельной формой познания действительности, своеобразной формой литературного творчества. Критика ставит произведение в связь с жизнью, со всем социальным и художественным опытом читателя, помогает ему осознать, чем именно обогатило его то или иное произведение или почему вызвало чувство протеста.

Выводы и перспективы. Литературной критике принадлежит ведущая роль в рекомендации художественной литературы через выдвижение, оценку и рекомендацию наиболее ценных произведений. Реализации принципа объективности не способствует негативная тенденция - коммерциализация критической деятельности.

Современной критике никак не удастся сочетать это требование времени с традициями русской критики. Большинство исследователей отмечает малую информативность критических публикаций: «Слишком мало анализа и слишком много никак не обоснованных оценок. Что чаще всего бросается в глаза, так это недостаток конкретного анализа и описания, наглядно и убедительно изложенного материала, способного обосновать оценку литературного произведения, независимо от того, выступает ли критика в качестве защитника литературы, общества или же читателя». Современная критика призвана помочь читателю в поиске, отборе и восприятии художественного текста, в понимании современного литературного процесса и развитии культуры.

Литература

2. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 6.
3. Белинский В. Г. Эстетика и литературная критика. - Т. 1. - М., 1952.
4. Боров Ю. Б. Роль литературной критики в художественном процессе. - Москва: Знание, 1979
5. Набиев А. Критика и литературный процесс. - Баку, 1976 (на азерб. языке)
6. Талыбаде К. История Азербайджанской литературной критики. - Баку, 1984 (на азерб. языке)

Талибова А. Н. Літературна критика як засіб просування художньої культури / А. Н. Талибова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 450–455.

Літературній критиці належить провідна роль в рекомендації художньої літератури через висунення, оцінку і ререкомендацію найбільш цінних творів. Реалізації принципу об'єктивності не сприяє негативна тенденція – комерціалізація критичної діяльності.

Сучасній критиці ніяк не вдається поєднувати цю вимога часу з традиціями російської критики.

Ключові слова: критика, літературний аналіз, літературознавство.

Talybova A. N. Literary criticism as a means of promoting art culture / A. N. Talybova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 450–455.

Literary criticism plays a leading role in the recommendations through the advancement of literature, evaluation and recommendation of the most valuable works. Implementation of the principle of objectivity is not conducive to a negative trend – the commercialization of critical activities.

Contemporary criticism did not manage to combine a requirement of time with the traditions of Russian criticism.

The competence of literary criticism include consideration of the current literary process works and works created earlier in the light of contemporary problems. Literary criticism is designed to be a link between the art world of the author and the reader; it pronounced another function - communicative, directly related to the support and promotion of reading.

Most researchers noted a small informativeness of the critical publications: “There are too little analysis and too much baseless estimations. What most strikes the eye is a lack of specific analysis and description, clear and convincing contained material capable justify evaluation of literary works, regardless of whether the critic stands as a protector of literature, society, or the reader”.

Modern criticism is intended to help the reader in finding, selecting and perception of the literary text in understanding the contemporary literary process and the development of culture.

Keywords: criticism, literary analysis, literary criticism.

Поступила в редакцію 03.03.2014 г.

УДК 811.512.162

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ ФИКРЕТА ГОДЖИ (НА ОСНОВЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ПОЭТА)

Теймурова Т. М.

Азербайджанский государственный педагогический университет

Известный с 60-ых годов XX века своим творчеством, стилем сложения стихов в Азербайджанской поэзии, Фикрет Годжа отличается своей индивидуальностью. Еще одним отличием поэта является, исключительное и своевременное в контексте поэзии употребление элементов национального фольклора, таких как баяты, пословицы и изречения. Язык стихотворений Ф.Годжи богат мудрыми высказываниями, афоризмами, словами и выражениями, дающими возможность раскрыть внутренний мир человека.

Ф.Годжа – связанный со своим языком, Родиной, народом и его традициями обладатель национального и в то же время общечеловеческого сознания. Из характеризующих его стиль особенностей в певую очередь выделяется использование живого народного языка, баяты, пословиц, фраз, иносказательных и поэтических фигур и «приведение в действие, активизация их в соответствии с художественной целью, стилевой манерой одного из потенциальных значений слова».

Ключевое слово: литература, язык, стиль, Фикрет Годжа.

Постановка проблемы. Творчество Фикрета Годжи, завоевавшего известность, в азербайджанской поэзии начиная с 60-х гг. XX века, отличается своей индивидуальностью. Эта индивидуальность отражается в своеобразном выражении поэтом своего отличного от других взгляда на мир, события, людей, предметы.

«В определении стиля творца, в своеобразии этого стиля важным фактором является вопрос языка. Наряду с этим, говорить о писателе, не обладающем индивидуальным и богатым языком, как о настоящем мастере, бессмысленно. А говорить о богатом и индивидуальном языке писателя является важным условием выявления мастерства. Как известно, язык рождается также из сознания. Поэтому богатство языка зависит в том числе и от глубины мыслей писателя. Фикрет Годжа отличается не только манерой речи, но и образом мыслей. Точнее, манера речи рождается из образа мыслей. Из чего состоит образ мыслей поэта? В первую очередь, из способности увидеть ход событий или предмет не снаружи, а изнутри, разобраться не во внешнем лоске, а в сути!» В то же время это вопрос, связанный с его личностью. Как было отмечено, «источник творческой деятельности поэта напрямую зависит от поэтического духа, отражающегося в его личности. Поэтому объяснение сути его произведений и созданных им характеров в первую очередь следует искать в личности поэта» [1, 137].

Ф.Годжа – связанный со своим языком, Родиной, народом и его традициями обладатель национального и в то же время общечеловеческого сознания. Из характеризующих его стиль особенностей в певую очередь выделяется использование живого народного языка, баяты, пословиц, фраз, иносказательных и поэтических фигур и «приведение в действие, активизация их в соответствии с художественной целью, стилевой манерой одного из потенциальных значений слова» [2, 5].

Поэт, используя пословицы, сохранившиеся в многовековой памяти народа и дошедшие до нас, относится к ним в своеобразной манере, в соответствии со своей мыслью иногда преподносит их в оригинальном виде, а иногда видоизменяет:

*Я – то лето, то зима,
Мозг – лед, а сердце – свеча,
Прожил одну жизнь
Между летом и зимой.
О, мир, дорогой,
Ты – то ангел, то мучитель,
Захотел остаться целым
Между двумя камнями.
Я – больной зуб,
Надоевший миру.
Пронес одну жизнь
Между глазом и бровью (т. III, с.90).*

Выражая свою мысль таким образом, поэт сравнивает человека в соответствии с его настроением, расположением духа то с летом, то с зимой. Несмотря на то, что иногда мозг человека бывает холодным, как лед, его сердце светится как свеча. Жизнь человека, как эти элементы, схожа с летом и зимой. Сравнение страданий человека, объединяющего в себе то ангельское, то дьявольское (мучитель) лица и их борьбу, с больным зубом, и замена пословицы «Смерть находится между глазом и бровью» (то есть молниеносна) на «Пронес одну жизнь между глазом и бровью» как с философско-поэтического аспекта, так и с эстетической точки зрения очень своевременна.

Или в стихотворении «Смотря, заплачет»:

*...Кто что посеял, то и пожнет,
Я что посею, вырастет горе...
Мои глаза увидят тоску (т. III, 247).*

Пословица «Что посеешь, то и пожнешь» в поэтическом выражении нашла новое применение. Поэт с болью в сердце отмечает исторические беды, перенесенные нашим народом, подчеркивает, что судьба народа – делать добро и сталкиваться с неблагодарностью. Одной из характерных особенностей стиля Ф.Годжи является выражение мысли через ее философские стороны.

*Вы говорите:
- Эта жизнь имеет четыре черты.
Я говорю:
- Черт у жизни не четыре, а пять!
Четыре – руки, ноги, а пятая – голова,
Эта вселенная имеет мыслящий мозг (с. 136).*

Наличие у этого мира пятой черты располагает на размышления.

Автор обращается к невидимым сторонам каждого предмета, о котором пишет. Одна из стилизованных особенностей, привлекающих внимание в творчестве поэта, является в поэтическом выражении параллелей между психологией, характером человека и природными явлениями. Как было отмечено, «умение выразить облака, капли, листья, воду, окружающий человека мир и его самые сокровенные, тайные

мысли в стихотворении, песне, слове является и Божьим даром, и земной обязанностью, и литературным утешением».

*...Море тоже вода,
Сколько горит,
Сколько испаряется.
Наконец, море улетело.
Теперь ты понял, что такое море?
Посмотри, сколько места опустело.
Место моря не заполнит ни поток, ни дождь.*

В стихотворении достойный человек сравнивается с морем. Человек так же велик, как море. Великий человек, страдания которого сжигают его изнутри, а внешне он сжигает других (обсуждающие его боль), сталкивается с несправедливостью (съедающие его с возможных сторон). Море также сталкивается с несправедливостью, нарушается экологическое равновесие моря (горит), испаряется. И так же, как человек, море сердится, огорчается. Человек покидает этот мир, море высыхает. Ассоциативно в широте моря чувствуется значимость великих личностей, в значимости великих личностей чувствуется могущество моря. Когда они оба исчезают, их место ничто не может заполнить. В стихотворениях Фикрета Годжи события и качества, стороны, противоречащие друг другу, в конце развиваются в общем направлении:

*Мужество – это невежество,
Верность – это отсталость,
Стыд, честь – отсталость.
Ты понял?
- Да!
- Я пошел.
- Куда?
- Вперед в прошлое.*

Автор, говоря «назад, то есть вперед в прошлое», обращает внимание на то, что в современном мире много людей, считающих, что мужество, верность, честь являются признаком отсталости. Он подчеркивает, что очень важно вернуться в прошлое, обратиться к своим корням, традициям, прошлому.

В творчестве поэта и человек, и мир, вообще все имеет две стороны. То есть неважно, из чего состоит материя, это соединение положительного и отрицательного. В этом мире будет лучше, если человек научится воспитывать в себе положительные, полезные для общества качества. *Два слова есть у мира, Одно правдивое, другое лживое. Два глаза есть у мира, Одно – ночь, другое – день. Две дороги есть у мира, Одна кривая, другая прямая. Все в мире создано вместе, Эти весы, эти разделы. Два дня есть у мира, Один плачет, другой смеется. Одно утешенье есть в мире, кто-то придет, кто-то уйдет (то есть ничто не вечно)...* (с. 82, «Утешение»).

Или: В начале каждого путешествия разлука, в конце – встреча. Слезы, смех – как игра в прятки, невозможно в одной руке держать радость и боль. Глаза тоже два, две руки, две ноги. Несправедливость и правда – близнецы. Две стрелки часов, показывающих время. И время двояко – до меня и после. И человек рождается из двойственности, Каждого сопровождают два человека. Все в

мире двояко, Паденье, подъем, бывает пропасть, бывает гора. В конце путешествия есть разлука, после него есть встреча, не говорю, что светлая.(т. II, 234)

В своем творчестве Ф.Годжа использовал также приобретенные из других языков слова, однако эти случаи единичны. И эти слова использовались для выражения социально-общественной картины: модерн, клей "момент", артезиан, похмелье, "мальборо". Поэт использовал эти слова, чтобы выразить устаревшее в новом, в то же время, чтобы раскрыть сущность людей с плохим характером. То есть остающийся в неведении на границе между старым и новым, сомневающийся – это опять-таки человек. И идущий к созданному им, и боящийся этого созданного тоже человек:

*...Кричат современные машины (модерн),
Улица, посмотри сюда,
Эй, улица мужицкая (моталпапаг).
Улица задыхается от стыда.
...Жалкий вид старой улицы
Огорчает старых мужчин* (т. III, 163).

Как видно из примера, слово «модерн» стало постоянным в лексическом составе нашего языка. А «моталпапаг» как головной убор превратилось в архаизм. Автор, используя слово «моталпапаг» как художественное определение по отношению к улице, смог удачно отразить противоречивые отношения между новыми веяниями и старыми традициями и выразить социально-общественную картину изменений в обществе.

Язык стихотворений Ф.Годжи богат мудрыми высказываниями, афоризмами, словами и выражениями, дающими возможность раскрыть внутренний мир человека. *Самая древняя религия – любовь, Пусть этот мир придет к религии; Будучи сильным, береги совесть, В конце совесть будет беречь тебя; Мое сердце Ашик Гариба посадило цветок, сорвало боль. Влюбленные все гарибы (одиноким), Так что не расстраивайся, душа* (т. III, 198).

Индивидуальные возможности создавать в нашем языке новые слова велики. В творчестве поэта встречаются неологизмы, созданные посредством словообразования (демякпервер, оймекпервер, емекпервер, джирмагист, дуньягир). Основной целью поэта в использовании этих стилевых неологизмов является оказание на читателя эмоционально-экспрессивного воздействия и изображение реальной картины наших дней:

*Увеличилось число газет,
Пришло время
Сярчи Шярабаны –
Все стали джирмагистами (хищниками)...
...Хорошее пишет плохим,
Пишет солону как время (саман – заман – игра слов).
Прячет правду –
Пишет выгодную ложь...*

Назвать профессию забывшего о ее величии не журналистом, а «джирмагистом» (когистым, хищником) – очень удачная находка для нашего

лексикона. Слово «джирмагист», использованное в модели «журналист», применено очень своевременно для изображения характера объекта.

Или:

...Говорим, что смерть лучше

Жизни в разлуке.

Говорим, говорим, говорить горазды (демякпервер).

Кушать горазды (емекпервер).

А после насыщения

Хвалить себя горазды... (оймекпервер) (т. III, 151).

Как известно, суффикс «первер» пришел в наш язык извне; он образует из существительного прилагательное. Поэт, создав новые слова с помощью этого суффикса (демекпервер – гораздый только говорить, емекпервер – считающий смыслом жизни лишь пищу, оймекпервер – занимающийся самовосхвалением), показывает характер, натуру некоторых людей, толпы.

Манера выражения Фикрета Годжи своеобразна:

Посмотри на мир, посмотри,

Совсем маленький шар.

Весь окутан голубизной,

Испачкался весь.

Икупаю его в дожде,

Развешу на ярком солнце.

Самым далеким звездам

Буду показывать в ладони,

Словно золотой медальон (т. I, 74).

В творчестве поэта встречается и присущий только ему способ выражения:

От вечерней разлуки

К утренней встрече

Тянусь, словно мост (т. III, 292.).

Это картина страдания.

От причиненных тобою страданий

Светлеют глаза ночи (т. III, 276).

Это картина смерти.

Накрылось звездным небом,

Забыло все свои желанья.

Положило голову на песчаный берег,

Свернулось в маленький комочек.

Спит море (т. I, 298).

Это сон моря.

Выводы и перспективы. О чем бы и как бы ни писал Фикрет Годжа, его язык прост, понятен всеми. В то же время, глубоко вникая в его творчество, каждый раз между строк сталкиваешься с новым смыслом. «Каждое слово, каждая строка, каждый столб, каждое стихотворение поэта обладает законченным содержанием, ассоциативной многослойностью, коммуникативной полнотой» [3, 154].

Литература

1. Танриверди Э. Поэтический язык романа «Кура неукротимая» // «Наука и образование», Баку – 2012 (на азерб. языке)
2. Белинский В. Избранные статьи. – Баку, 1979
3. Гаджиев Е. Язык и стиль Моллы Насреддина. – Баку: Язычи, 1983 (на азерб. языке)
4. Годжа Ф. Избранные произведения. – Баку: Азернешр, 2005, т. I-III (на азерб. языке)
5. Годжа Ф. Простые истины. – Баку: Азернешр, 2000 (на азерб. языке)
6. Мамедли М. Ларец нашей поэзии Фикрет Годжа // Журнал «Азербайджан», № 7, 2004 (на азерб. языке)

Теймурова Т. М. Деякі замітки про мову і стиль Фікрета Годжі (на основі віршів поета) / Т. М. Теймурова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 456–461.

Відомий з 60-их років ХХ століття своєю творчістю, стилем складання віршів в азербайджанській поезії, Фікрет Годжа відрізняється своєю індивідуальністю. Ще однією відмінністю поета є виняткове і своєчасне в контексті поезії вживання елементів національного фольклору, таких як баяти, прислів'я та вислови. Мова віршів Ф.Годжі багата мудрими висловлюваннями, афоризмами, словами і висловами, що дають можливість розкрити внутрішній світ людини.

Ф.Годжа - пов'язаний зі своєю мовою, Батьківщиною, народом і його традиціями, володар національної і в той же час загальнолюдської свідомості. З характеризуючих його стиль особливостей у першу чергу виділяється використання живої народної мови, баяти, прислів'їв, фраз, алегоричних і поетичних фігур і «приведення в дію, активізація їх відповідно до художньої мети, стильовою манерою одного з потенційних значень слова».

Ключові слова: література, мова, стиль, Фікрет Годжа.

Teymurova T. M. Some notes on the language and style of Fikret Goji (based on poet's poems) / T. M. Teymurova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 456–461.

Known since the 60s of the twentieth century with his creativity, adding style poems in Azerbaijan poetry, Fikret Goja is distinguished by his individuality. Another difference is an exceptional use in the poetry the elements of national folklore, such as Bayati, proverbs and sayings by author, the poet's ability to present them in a poetic unique form. Language of the poems by F.Godzhi is enriched by wise sayings, aphorisms, words and expressions that are making it possible to reveal the inner world of man. "In determining the style of the creator, in the distinctive style of this important factor is the question of language. Along with this, talk about the writer, not possessing individual and rich language as a real wizard meaningless. And talking about the rich and the individual writer's language is essential for identifying skills. As you know, language is also born of consciousness. Therefore richness of language depends on the depth of writer's thought. Fikret Goja's language has not only a distinctive manner of speaking, but also the way of thinking. More precisely, the manner of speech is born of mindset. What is the mindset of the poet? In the first place, from the ability to see events or subject matter is not outside, but from within, not outside to understand gloss, and in fact!" At the same time it is a matter related to his personality. As noted, the "source of creative activity of the poet depends on the poetic spirit which is reflected in his personality. Therefore his explanation of the works and the characters he created primarily to be found in the poet's personality".

F.Godzha is associated with its own language, homeland, the people and their traditions and national winner at the same time universal consciousness. Characterizing his style features it should be noted that he used live folk language, Bayati, proverbs, phrases, allegorical and poetic figures and "actuation, activate them in accordance with the purpose of art, stylistic manner of one of the potential meanings of the word".

Keyword: literature, language, style, Fikret Goja.

Поступила в редакцію 03.03.2014 з.

УДК 811.512.162

ОБРАЗ ГЕРОЯ-МУЧЕНИКА В СОВРЕМЕННОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПРОЗЕ

Джабиева Ш.

*Институт литературы имени Низами Национальной академии наук Азербайджана
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В статье повествуется о характерных особенностях героев нового типа в современном азербайджанском прозаическом творчестве. Автор приходит к выводу о том, что главные образы обычно создаются сообразно характеру эпохи, времени, а их общественная, духовно-эстетическая ценность определяется не тем, какого сословия люди они представляют, а привлекательностью самобытности осознания и представления воедино внешнего и внутреннего мира. Должны отметить, что если созданный в азербайджанской литературе XIX века тип героя-просветителя появился как духовно-социальный тип эпохи и призывал к борьбе с отсталостью, невежеством, герои в начале XX века в большей степени будучи выразителями общественного настроения, старались внести ясность в сущность явлений и процессов, связанных с судьбой народа, Отчизны.

Ключевые слова: герой, мученик, Азербайджанская проза, писатель

Постановка проблемы. Создание героя нового типа в художественной литературе связано с воздействием времени и мировоззрением, творческим кредо, жизненной позицией мастера. Говоря иными словами, как каждая эпоха, среда формирует своего человека, так и литература каждого периода создает героя, являющегося его идейным носителем. Говоря словами М.Бахтина, жизненный интерес к событиям, связанным с героями, впитывается художественным интересом автора..., центр оценки для эстетической объективности составляют целостность героя и относящиеся к нему явления... [1, 14-15].

Должны отметить, что если созданный в азербайджанской литературе XIX века тип героя-просветителя появился как духовно-социальный тип эпохи и призывал к борьбе с отсталостью, невежеством, герои в начале XX века в большей степени будучи выразителями общественного настроения, старались внести ясность в сущность явлений и процессов, связанных с судьбой народа, Отчизны. А в советский период в литературе тип героя формировался преимущественно в одном направлении – в соответствии с требованиями и принципами коммунистической коллективной идеологии, «представитель трудового класса» представлялся в качестве носителя ведущей идеи. Вместе с тем, поскольку у литературы есть свои законы, не связанные исключительно с идеологией, должны признать, что ряд созданных в тот период литературных героев являются продуктом не исключительно идеологии, а действительной жизни (можем вспомнить Боюк-бека в «Песне осталась в горах» Ильяса Эфендиева, Джахандар-агу в романе Исмаила Шыхлы «Кура неукротимая», Кербелаи Исмаила из «Последнего перевала» Фармана Керимзаде). Эстетическая ценность этих образов обуславливается искусством мастера проникнуть в глубины человеческой души, продемонстрировать индивидуальные переживания, эмоции, не идя ни на какую идеологическую конъюнктуру.

А большинство героев азербайджанской прозы периода независимости, являются образами, хотя и желающими счастливо жить в свободном обществе, но в силу армянской агрессии и социальных трудностей сталкивающимися с многочисленными преградами, даже осужденными на горькую судьбу. Они представляют, преимущественно, большинство, состоят из обычных людей, отражающих своими действиями и борьбой желания и волю широких слоев, в основе этой концепции находится идея-рассуждение о политизированном обществе, социальной несправедливости и внутреннем мире, неповторимости, соблюдении прав и свобод индивидуума, личности. То есть, личные качества, отражающиеся в образе, характеризуют внутреннее чувства и размышления человека, приносят ясность и в характер эпохи. В этом контексте, современная азербайджанская проза требует и социологический, и духовно-психологический анализ, только в этом случае могут быть получены верные выводы о соответствии или несоответствии общей атмосфере времени, среде поднимающих голову во внутреннем мире героя размышлений, отражающихся в духовности положительных или же отрицательных изменений.

Во-вторых, новые герои демонстрируются и оживают в единстве с радующими или огорчающими их причинами и факторами среды и условий. Чувствуешь, что авторы, повествуя о реальной жизни, будучи также и гражданами, выступают со своего духовно-психологического состояния, выдвигают свои художественно-философские суждения. В этом контексте, описываемые в произведениях отдельные мгновения, моменты жизни производят впечатление логического продолжения друг друга, и в целом служат цели нахождения выхода из образовавшейся ситуации. Желание превратить реальную жизнь со всеми её контрастами в художественный предмет, показать причины и пути решения трудностей, чутко отразить изменения в психологии, сознании людей волей-неволей определяет не только содержание и идею, но и документально-художественную стилистическую особенность произведений. В этот момент реалистичность взгляда писателя соединяется с творческой целью, событийность с духовно-психологическим анализом, публицистика с художественно-философским мышлением, и это единство, перейдя «документальность» описания, обеспечивает силу художественного обобщения.

В-третьих, конфликт, участником которого является герой, исходит из сущности действительных событий, и он состоит из непримиримого противоборства нового мышления со старым сознанием, добра и зла, агрессора с пытающимся уберечься от агрессии. Это конфликт, будучи традиционным в азербайджанской национальной литературе, вместе с тем и современен – представляет собой диктовку самой жизни и воплощение его со своеобразными свойствами претворяется в жизнь посредством художественных характеров.

Необходимо отметить, что с точки зрения литературного внимания к событиям, разработка тем и проблем о трагических событиях, происходящих в Карабахе и вокруг него, обращает на себя внимание в качестве основной специфической черты не только современной азербайджанской прозы, но и азербайджанской литературы в целом. Говоря точнее, армянские дашнаки и пропагандисты вытащили на свет «забытый» «армянский вопрос» в середине 80-х годов XX века под другим названием – «карабахской проблемы», что серьезно повлияло на национальное сознание, в том

числе и литературное сознание азербайджанского народа. Среди многочисленных образцов прозы можно отметить «Потусторонняя любовь» Сабира Ахмедлы, «Мечь матери» Видади Бабанлы, «Знаменосец», «Карабахская шикесте» Эльчина, «Трель» Нушабы Маммедли, «Буквы в армянском имени...» Мовлуда Сулейманлы, «90-ые годы» Эльчина Мехралиева, «Горящий снег» Гусейнбалы Мираламова, «Град» Агиля Аббаса, «Каменный забор» Нигар, «Чистая кровь» Алаббаса, «Запах» Расета, «Ошибка», «Проклятие» Айгюн Гасаоглы и произведения других мастеров.

В подобного рода произведениях проклинаяется война, описываются беды, с которыми столкнулись подвергшиеся агрессии мирные люди, самоотверженность шехидов, тоска по краю, истязания пленных. Например, герой произведения народного писателя Анара «Комната отеля» Карим Аскероглы является обобщенным образом азербайджанского гражданина, подпавшего под воздействие происходящих противоречивых ситуаций. А самой нетерпимой из всех его бед был ходжалинский геноцид. Такая трагедия в XX веке произошла в Хиросиме. По своему масштабу она была более ужасной, чем сотворенные в 1905-1906 гг. в Шуше, в 1918 году в Баку, Шемахе, Кубе бойни. Анар в те дни, когда произошла эта трагедия, обращаясь ко всем писателям бывшего СССР, писал: «На территории Карабаха был уничтожен целый город – город Ходжалы, где жили азербайджанцы, с населением в 10 тысяч, слышите 10 тысяч человек» [2, 14]. Это было не простое обращение – это был крик и призыв. А герой писателя – бьющийся в сотрясении и мучениях Карим Аскероглу – кричит в самом себе. Перед его глазами стоит «памятник страдания» матери, по одному вытаскивающей колючки из рук своего мертвого ребенка в заснеженном лесу, в воображении чередуются палатки беженцев, ком в горле душил его, горькие воспоминания сопровождаются сердечными коликами.

В романе «Буквы в армянском имени...» тематически-проблемная сфера расширяется еще больше, и народная судьба составляет главную заботу художественного сознания. Во время событий, приведших к конфликту в этом произведении, мы встречаемся с двумя группами вереницы образов, сталкивающихся в напряженной психологической ситуации лицом к лицу, своей сущностью и взглядами испытывающих друг друга. На одной стороне находятся каракеллеоглинцы, угурлинцы, гараджа-муэллимлы, увенчанные медалями гёюши, ашуги айвазы..., на другой стороне сирануши, сумикяны, улубабяны, апреды, арамы... Вместе с тем, характер времени, историко-общественной среды раскрывается преимущественно с помощью образа главного героя произведения Имирханлы. Безосновательные земельные претензии к Азербайджану армянских националистов, попытки армянизировать земли этого исторического края составляют главный фактор гражданской тревоги, заботы и мук героя. В идейно-художественной концепции писателя причины, вовлекающие в войну, завершаются трагедией не только подвергшегося агрессии, но и обуславливает противоречивое и трагичное проживание агрессора.

Или в повести «Мечь матери» убийство армянскими палачами сына Гарахана подстрекает на мечь основную героиню произведения учительницу Гумру. Однако чувства мести к врагу у Гумру не ограничивается только мечью за сына, она, увидела, почувствовала, осознала враждебное отношение армян к тюркам. Просто не обратила внимания на это в силу свойственного нашему народу благородства, дру-

желюбия к соседу и общественно-политической среды того времени. Сейчас нож уперся в кость (дословный перевод идиомы азербайджанского языка, означающего дойти до крайности – прим. пер.). Учительница Гумру вступает в часть, где служил ее сын. Присоединяется к бойцам, идущим на выполнение разведздания. Выжидает момента мести. Даже берет врага на прицел, а в самый последний момент жалеет идущего в её направлении юного армянского бойца, не стреляет, материнское чувство превосходит все остальное. Армянский солдат же, пользуясь возможностью, проливает кровь матери. Главная героиня романа «90-ые годы», пожилая Гамза Аббас кызы тоже является матерью, и её жизнь завершается трагической смертью. Однако в этом произведении события происходят в такое время, когда армянские вооруженные силы уже нападают на города и села, где живут азербайджанцы, устраивают боины. В этот момент народ видится беспомощным, местные отряды самообороны, Национальная армия не могут преградить им путь. Поскольку армяне не одиноки, им помогают приведенные из иностранных государств силы, в то же время, борьба за власть, паралич государственной деятельности ослабили дело национальной обороны, в результате армяне угрожают и преследуют азербайджанцев, изгоняют их из родных краев. Гамза Аббас кызы относится к жертвам того времени, она, чтобы не стать обузой для родных во время преследования, бросается в реку. Или же, герой романа «Потусторонняя любовь» Магомет тоже представляет собой жертву войны, и его отцом является сам писатель. Мастер художественно-философскими суждениями свою личную трагедию может возвысить до момента национальной трагедии.

Герои произведений, созданных в малых жанрах прозы (герои рассказов Шалалы Гасанлы «Сторож», Али Самедли «Невестка идет», Эльчина Гусейнбейли «Старик», Оруджа Иззетоглу «Танец со смертью», Камрана Назирли «Старый ребенок» - сторож Салим, беженка Салима, пленный старик, мать, растящая 5 сирот, невестка, родившая аномального ребенка и пр.) являются людьми, переживающими горести эпохи. Эти рассказы, хотя и отличаются друг от друга темой, художественным материалом, языковыми и стилистическими особенностями, идейно-художественная сущностью и целью очень похожи – авторы, выступая с фактов унижения достоинства человека, являющегося жемчужиной мира, касаются очень важной человеческой проблемы, отображают порождение очень глубоких чувственно-психологических потрясений агрессией и социальным притеснением.

Однако в современной азербайджанской прозе образ мученика связан не только с описаниями войны. Герои современного прозаического творчества таких писателей, как Сейран Сахават, Ильгар Фахми, Эльчин Гусейнбейли, Аслан Кулиев, Нариман Абдурахманлы и т.д. в большей степени представляют собой образы, разработанные на фоне отношений человека и общества, в духовно-психологическом аспекте. Например, в романе «Огонь» Али Рзы Халафли строится «мост» между каменной эпохой и настоящим днем великого края, оба периода осмысливаются как этап испытания человека и человечности, а также освещается связь нынешних социально-психологических переживаний с национально-духовными корнями. Автор проблеме того, как проживет человек, являющийся гостем вечного мира, свой жизненный удел, решает на почве духовной среды времени. Показывает, что ладно

непонимание своей духовной трагедии такими как Басар Кечерли, Эсма и Озюнден Мюштебехли, но и любящие друг друга от всей глубины души Малик и Мелек стараются ради своих страстей испортить свою судьбу. Поскольку такие еще при жизни духовно мертвы. Их деяния и мысли настраиваются ненавистью, они не выносят безопасности других, стараются разграбить достойно заработанное, пожертвовать даже свою свободную любовь, семейное счастье своей страсти, в конечном итоге, и сами становятся жертвой собственного упрямства, гнева. Или, как видно из идеи и содержания романа «Проводник» Эйваза Зейналова [3], автор обратился к теме, мало разработанной в литературе. Главный герой произведения Рустам родился и вырос в селе. Хотя и учился хорошо, поступить в желанный институт не смог. И именно поэтому стесняется выйти на люди, избегает всех. Неожиданно от работающего проводником товарного вагона родственника Нуруша поступает предложение присоединиться к нему. Таким образом, Рустам, желая стать юристом, становится проводником товарного вагона. Ради получения выгоды возит в Россию вино, коньяк. Сталкивается на дорогах и в России с приключениями. В 90-е годы присоединяется к борьбе за независимость. Однако писатель не создает его как образ, пристрастие к приключенческому повествованию не дает возможности возвысить до уровня выделяющегося индивидуальностью характера героя.

Выводы и перспективы. Из наших заметок можно прийти к выводу о том, что главные образы современной азербайджанской прозы соответственно характеру эпохи, времени, демонстрируются в облике мученика. Как подчеркивается в литературной критике, «трагические реальности усиливают аналитический взгляд на события, дают основание направить хodgeжественную мысль на реалии времени» [4] и мастер это свое желание-цель может осуществить посредством созданных им образов. А общественное, духовно-эстетическое значение образов определяется не типажом, то есть не тем, какие сословия людей они представляют, а привлекательностью самобытности осознания и представления воедино внешнего и внутреннего мира.

Литература

1. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – Баку, 2005
2. Анар. Гора шехидов. – Баку: Молодость, 1995
3. Зейналов Э. Проводник. – Баку: Закон, 2013
4. Акимова Э. Тема войны в литературной критике 90-х годов // журнал Азербайджан. - № 5, 2004

Джабієва Ш. Образ героя-мученика в сучасній азербайджанській прозі / Ш. Джабієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 462–467.

У статті розповідається про характерні особливості героїв нового типу в сучасній азербайджанській прозовій творчості. Автор приходить до висновку про те, що головні образи зазвичай створюються по характеру епохи, часу, а їх суспільна, духовно-естетична цінність визначається не тим, якого стану людей вони представляють, а привабливістю самобутності усвідомлення і представлення воедино зовнішнього і внутрішнього світу. Мусимо зазначити, що якщо створений в азербайджанській літературі XIX століття тип героя-просвітителя з'явився як духовно-соціальний тип епохи і закликав до боротьби з відсталістю, герої на початку XX століття більшою мірою будучи ви-

разниками суспільного настрою, намагалися внести ясність в суть явищ і процесів, пов'язаних з долею народу, Вітчизни.

Ключові слова: герой, мученик, Азербайджанська проза, письменник.

Dzhabieva Sh. Image of the hero-martyr in the modern Azerbaijani prose / Sh. Dzhabieva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 462–467.

The article provides an information about the characteristics of a new type of heroes in modern Azerbaijani prose works. The author concludes that the main images are usually created according to the nature of the era, time, and their social, spiritual and aesthetic values are not determined by what class of people they represent, but to the attractiveness of identity awareness and representation of both external and internal world. Should be mentioned that created in Azerbaijani literature of the XIXth century type of hero-educator appeared as a spiritual and social type era and called for a struggle against backwardness, ignorance, the heroes of the early twentieth century, largely as a mouthpiece of the public mood, tried to clarify the nature of the phenomena and processes associated with people's and Motherland fate In the Soviet period, type of literary hero was formed mainly in one direction - in accordance to the requirements and principles of collective communist ideology, "a representative of the labor class" presented as a leading ideas vehicle. However, as the literature has its own laws, not strictly related to ideology, must recognize that a number of heroes created in this period are not only the product of ideology, but a real life (we can remember Boyuk Bey in "Song remained in the mountains" by Ilyas Efendiyev, Jahandar-aga in Ishmael Shikhli's novel "Indomitable Kura", Karbilai Ismail from "Last Pass" by Farman Kerimzade). The aesthetic value of these images is due to masters' art to penetrate into the human soul depths, to demonstrate individual experiences, emotions, without going to any ideological conjuncture.

And most of the Azerbaijani prose characters in the period of independence are images that want to live happily in a free society, but because of Armenian aggression and social difficulties faced numerous obstacles, even condemned to bitter fate.

Keywords: hero, martyr, Azerbaijan prose writer.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Aziz Elekberli	Doç. Doktor, Azərbaycan Milli Bilimler Akademisi, Folklor Institutu
Абдужемилев Рефат	Республиканское высшее учебное заведение «Крымский инженерно-педагогический университет» (РВУЗ «КИПУ»)
Абдуллаева Эльнара Камандар кызы	диссертант Гянджинского государственного университета
Автандил Агбаба	к.филол.н., доцент Сумгаигского государственного университета
Адиширинов Камил Фикирет оглы	диссертант Института литературы им. Низами Национальной академии наук Азербайджана, научный сотрудник Шекинского регионального научного центра
Айтадж Аббасова	диссертант Института фольклора Национальной академии наук Азербайджана, folklogirl@mail.ru
Акиева Ленара Рустемовна	преподаватель кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического на- ционального университета им. Вернадского
Алиева Васфие Николаевна	доцент факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В.И. Вернадского
Алиева Нармин Абульфаз кызы	к.филол.н., доцент Старший сотрудник Национальной академии наук Азербайджана (отдел теоретического языкознания)
Алиева Нурлана	Нахчыванский государственный университет
Афаг Хуррам кызы Рамазанова	к.филол.н., доцент, Институт фольклора Национальной ака- демии наук Азербайджана
Ахмет Али Айдын	к.филол.н., преподаватель, учредитель Международной школы «Меридиан» (Украина)
Бадалов Шохрат	к.филол.н., докторант Института литературы имени Низами Национальной академии наук Азербайджана

Бейтуллаева Музине Юсуфовна	аспирант факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета им. В.И.Вернадского
Бекиров Рустем Александрович	старший преподаватель кафедры восточной филологии, факультета крымскотатарской и восточной филологии, Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Бекирова Зера Бавадиновна	аспирант кафедры крымскотатарской и турецкой литературы Крымского инженерно-педагогического университета, главный редактор крымскотатарской газеты «Янъы дюнъя»
Бекирова Левиза Исмаиловна	к.филол.н., доцент кафедры восточной филологии, факультета крымскотатарской и восточной филологии, ТНУ им. В. И. Вернадского
Вафа Сейидова	старший преподаватель Азербайджанского университета языков, диссертант Азербайджанского славянского университета
Велиева Зарема Казимовна	факультет крымскотатарской и восточной филологии, Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского
Гаджиева Кёнюль Гамид кызы	к.филол.н., Институт литературы имени Низами НАН Азербайджана
Гванцеладзе Анна Николаевна	соискатель кафедры крымскотатарского языкознания, ф-та крымскотатарской и восточной филологии ТНУ им. В.И. Вернадского
Джемилева Айше Аблямитовна	к. филол. н. доцент кафедры крымскотатарской литературы ТНУ им. В.И. Вернадского
Дурсун Али Оздемир	аспирант, ТНУ им. В.И. Вернадского им. В.И.Вернадского
Егяна Гурбет кызы Эргин	Доцент Азербайджанский государственный педагогический университет
Илькин Рустамзаде	к.филол.н., зав.отделения Института фольклора Национальной академии наук Азербайджана
Исхаков Рафаиль Лутфулович	доцент Института гуманитарных наук и искусств, к.филол.н., член-корреспондент Академии энциклопедических наук
Йылдыз Мехмет Сонэр	диссертант Бакинского славянского университета

Казакова Елена Владимировна	аспирантка кафедры восточной филологии, Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского
Карими Алиреза	доцент, факультет истории, Университет Тебриз, Иран
Короглу Л. А.	РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», Симферополь, Республика Крым
Куртсентов Алим Мидатович	к.филол.н., доцент кафедры крымскотатарского языкознания, Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
Куртумеров Э.Э.	старший преподаватель кафедры крымскотатарской литературы, Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
Кшановский Олег Чеславович	профессор кафедры восточной филологии Киевского национального лингвистического университета, Украина
Лапина Алина Николаевна	бакалавр, факультет крымскотатарской и восточной филологии, Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
Маарифа Манафова	Старший преподаватель Мингечевирского филиала Азербайджанского института учителей
Малахат Солтан кызы Гадирова	диссертант отдела «Теории литературы» Института литературы им. Низами НАНА, лауреат премии «Золотое перо», поэтесса
Меметов А.М.	профессор, Таврический национальный университет им.В.И.Вернадского, г.Симферополь, Республика Крым
Метанет Машаллах кызы Аббасова	к.филол.н., Институт Фольклора НАНА
Мирзазаде Чимназ Хади кызы	к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой «Языка» Факультета Теологии Бакинского Государственного Университета
Мусаев К. М.	казахский и российский учёный -филолог, специалист по тюркским языкам и языкам народов СССР (позже СНГ), доктор филологических наук, профессор, академик Национальной академии наук Республики Казахстан, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Россия
Насибова Алмаз Махмуд кызы	диссертант кафедры журналистики телевидения и радио Бакинского государственного университета

Насири Махди	магистр, факультет истории, Университет Тебриз
Насирова Айнур Али кызы	Бакинский государственный университет, диссертант кафедры теле- и радиожурналистики, Азербайджан
Нуриева Фануза Шакуровна	профессор, доктор филологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт филологии и межкультурной коммуникации, отделение татарской филологии и межкультурной коммуникации, кафедра татарского языка и методики преподавания
Онищенко Юлия Александровна	аспирант, Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского
Пасиева Самира Агиль кызы	докторант кафедры «Современный азербайджанский язык» факультета филологии Азербайджанского государственного педагогического университета
Пириева Тюкез Надир кызы	Преподаватель, Азербайджанский университет языков
Сеитягьяева Т. Р.	аспирант кафедры крымскотатарской и турецкой литерату- ры РВУЗ КИПУ
Ресутова Эльвира Илимдаровна	аспирант факультета крымскотатарской и турецкой филологии РВУЗ «Крымского инженерно – педагогического университета»
Рустемов О. Д.	канд. филологических наук, доцент кафедры русской филологии РВУЗ «КИПУ», Симферополь
Ряпов Руслан Игоревич	факультет крымскотатарской и восточной филологии, Тав- рический национальный университет им. В.И.Вернадского
Садраддин Гусейн	диссертант Института литературы имени Низами НАНА, преподаватель университета «Кавказ»
Саит Шимшек	докторант Кавказского университета
Самедова Кёнуль Ибрагим кызы	к.филол.н., доцент Азербайджанского государственного пе- дагогического университета
Сафаралиева Айна Бахтияр кызы	диссертант Бакинского государственного университета, Азербайджан
Сафарова Лейла Аббас кызы	Нахичеванское отделение Национальной академии наук Азербайджана

Севиндж Алиева	ведущий научный сотрудник Института языкознания имени Насими НАНА, к.филол.н., доцент
Севиндж Казымова	диссертант Азербайджанского университета языков
Сейтумерова Эльмаз Сейрановна	факультет крымскотатарской и восточной филологии, Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского
Сухоруков Алексей Николаевич	старший преподаватель кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии, Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского
Талыбова Айгюнь Нофер кызы	диссертант Гянджинского государственного университета
Теймурова Товуз Мовлуд кызы	диссертант Азербайджанского государственного педагогического университета
Усеинов Тимур Бекирович	зав. кафедрой крымскотатарской литературы ТНУ имени В. И. Вернадского, доктор филологических наук, профессор, Республика Крым
Чанталова Г.Ш.	старший преподаватель кафедры крымскотатарской литературы факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ имени В.И.Вернадского
Чинара Вагиф кызы Рзаева	диссертант Нахичеванского отделения Национальной академии наук Азербайджана
Шафа Джабиева	диссертант Института литературы имени Низами Национальной академии наук Азербайджана
Швед Евгений Васильевич	магистр филологии, магистр гуманитарных наук, Институт перевода библии, Москва - Россия
Швигель Виктория Викторовна	специалист, факультет крымскотатарской и восточной филологии, Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского
Шеремет Виталий Владимирович	аспирант кафедры крымскотатарского языкознания, Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского
Эмирсале Эльвира Якубовна	преподаватель кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии, Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского

СОДЕРЖАНИЕ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИЯ, ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ МИРА

Меметов А. М.	
Участие киммерийцев и скифов в этногенезе крымских татар	3
Мусаев К. М.	
Об отношении шорского языка к кыпчакским тюркским языкам	14
Исхаков Р. Л.	
Итоги и перспективы изучения межэтнических коммуникаций на среднем Урале	21
Alireza Karimi, Mahdi Nasiri	
The political relations between Iran & Europe during the Mongols period.....	25
Кшановський О. Ч.	
Ізафет та узгоджувальний клас у сучасній перській мові.....	34
Бекиров Р. А.	
Паремические выражения как объект фразеологии современного арабского языка	43
Сухоруков А. Н.	
«Небесный Дасатир» как попытка вернуть чистоту персидскому языку	49
Эргин Е. Г.	
Направления исторического развития и падежные категории тюркских языков	57
Аккиева Л. Р.	
Развитие речи на занятиях по турецкому языку в ВУЗе	63
Адиширинов К. Ф.	
История исследования творчества Исмаила бека Накама	68
Гванцеладзе А. Н.	
Смысловые отношения частей сложносочиненного союзного предложения закрытой структуры и переводная коммуникация (на материале русских и турецких параллельных текстов романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»).....	75
Садраддин Г.	
Жизненная дилемма быть или не быть и искусство	82
Эмирсале Э. Я.	
Использование специфической терминологии в лексике иранских СМИ	89

Бейтуллаева М. Ю.	
Влияние ислама на язык ашикской поэзии	94
Шеремет В. В.	
Теоретические принципы программно-ориентированного описания грамматической категории падежа	100
Dursun Ali Ozdemir	
Fransızca Alıntıların, Türkçe Yapım Ekleri Açısından Morfolojik Durumları:.....	106
Казакова Е. В.	
Основные лексические особенности звукоподражательных слов арабского языка	115
Насирова А. А.	
Пути эффектизации процесса телевидения	124
Оніщенко Ю. О.	
Роль заголовка-фразеологізму в газетно-публіцистичному дискурсі (на матеріалі турецьких і українських видань)	131
Швигель В. В.	
Анализ романа Нагиба Махфуза «Вор и собаки» в рамках арабоязычной картины мира	136
Seytumerova E. S.	
IX-XX Asırlar Arasındaki Türk Şiirinin Özellikleri	142
Lapina A. M.	
THE INFLUENCE OF EUROPEAN LANGUAGES ON MODERN LINGUISTIC ENVIRONMENT OF ARABIC COUNTRIES	153
Velieva Z. K.	
RUSÇA'DA TÜRKİZMLERİN SEMANTİK ANALİZİ	159
Ряпов Р. И.	
Языковые средства и особенности в манипуляционной системе рекламного маркетинга	166

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Куртсеитов А. М.	
Идиомы в крымскотатарском языке	172
Бекирова Л. И.	
Прошедшее время глагола на -а экен в современном крымскотатарском языке	177
Рустемов О. Д.	
Вопросы стилистических соответствий при переводе текстов судебных решений бахчисарайского сакка на русский язык	181

Чанталова Г. Ш.

Специфика семантики определительных местоимений в крымскотатарском языке.....	187

Швед Е. В.

Структурно-семантический анализ крымскотатарского глагола прошедшего неочевидного времени на -гъан/ -ген/ -къан/ -кен в сопоставлении с соответствующими английскими формами глагола.....	192

Алиева В. Н., Ресутова Э. И.

Особенности словообразовательного калькирования в крымскотатарском языке.....	206

Абдужемилев Р.

Предпосылки становления языка переписки Крымского ханства в золотоордынских ярлыках	212

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Нуриева Ф. Ш.

Поволжские рунические памятники: варианты прочтения	221

Аббасова М. М.

Стилистические особенности народной лирики	229

Самедова К. И.

Северная группа азербайджанских диалектов и наречий	236

Мирзазаде Ч. Х.

Поэтические фрагменты в словаре Хубейш Тифлиси «Гагнун Ал-‘Адаб»	241

Алиева Н. А.

Актанты и сирконстанты.....	246

Манафова М.

Произведение «Тибнаме» Мухаммеда Юсифа Ширвани и Азербайджанский литературный язык XVIII века	253

Насибова А. М.

Причины прекращения вещания на местных частотах Радио «Свобода», «Голос Америки» и «ББС» (ограничение свободы слова и выражения или требования местного законодательства).....	262

Пириева Т. Н.

К вопросу о рекламных текстах.....	268

Пасиева С. А.

Лингвистические словари, изданные в 1990 – 2000 гг.	274

Короглу Л. А.	
Турецкие лексические и грамматические эквиваленты на страницах газеты «Терджиман»	283
Шимшек С.	
Лексическое воздействие османского турецкого языка на азербайджанский в начале XX века	290
Сафарова Л. А.	
Изучение грамматики английского языка в Азербайджане	297
Рзаева Ч. В.	
Положение арабо-персидских слов в лексике Гусейна Джавида	303
Сейидова В.	
Роли инвективных зоонимов во французском и азербайджанском языках	308

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ МИРА

Усеинов Т. Б.	
Лирические стихи Мемедмина Яшара	314
Агбаба А.	
Эпосный репертуар Агбаба-Чылдырской ашугской среды (эпосы-предания Ашуга Насиба)	320
Бадалов Ш.	
Суфийские принципы поэтики Хатаи	329
Гаджиева К. Г.	
Сравнительно-историческое изучение азербайджанской литературы XV века в контексте исследования классической восточной поэзии	335
Джемилева А. А.	
Использование композиционного приёма героя-рассказчика в нарративе рассказов Эрвина Умерова	344
Алиева С.	
Дастаны «Книга моего деда Коркута» как объект исследования русско-советского востоковедения (в свете современных достижений коркудоведения)	348
Elekberli A.	
ERIVAN FOLKLORUNDA TARİHSEL VE ETNOREGİONAL ÖZELLİKLER	354
Рамазанова А. Х.	
Ногайский Любовно-романтический дастан «Ариз и Ханбер»: исследования и тексты	359

Айдын А. А.	
Концепт «любовь» и его словесное воплощение в индивидуальных стилях И. А. Бунина и Я. К. Бятылы	366
Илькин Р.	
Сюжетный состав азербайджанских сказок	377
Куртумеров Э.Э.	
Ахмед Есеевичинь «Диван-и хикмет» эсеринь эмиети	384
Сеферова Ф. А.	
Генезис и функции мотивов «алгыш» («благопожеланий») и «кьаргыш» («проклятий») в крымскотатарском фольклоре	389
Абдуллаева Э. К.	
Перевод и издания произведений Низами Гянджеви	393
Аббасова А.	
Азербайджанский обрядовый фольклор: свадебные обычаи и традиции (на основе кельбаджарских образцов)	397
Алиева Н.	
Современники Мухаммеда Таги Сидги	404
Бекирова З. Б.	
Опыт газеты «Янъы Дюнъя» по сбору и ситематизации крымскотатарского фольклора в условиях депортации	410
Сонэр Й. М.	
Нравственные ценности в творчестве Юнуса Эмре	417
Гадирова М. С.	
Романтика как художественно-эстетическое качество в реалистической поэзии	422
Сафаралиева А. Б.	
Духовно-нравственные проблемы в современной азербайджанской поэзии	429
Казымова С.	
Анализ взаимоотношений личности и общества в романе «Судоверфь»	436
Сеитягъева Т. Р.	
Алим Азамат Оглу в романе Ю. Болата «Алим» и в романе Н.А. Попова «Алим – крымский разбойник»	444
Талыбова А. Н.	
Литературная критика как средство продвижения художественной культуры	450
Теймурова Т. М.	
Некоторые заметки о языке и стиле Фикрета Годжи (на основе стихотворений поэта)	456

Джабиева Ш.

Образ героя-мученика в современной азербайджанской прозе 462

Сведения об авторах 468